

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**Nº 11–12 2014
November–December**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2014**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

Nº 11–12 2014 (November–December)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Inshin Nikolay, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology

*Romashko Aleksandra Vladimirovna,
Dnipropetrovsk National University by O. Gonchar,
Post-graduate student, the Faculty of History,
E-mail: romashko.a.v@gmail.com*

Metal cauldrons' sizes in relation to social status of Scythians buried with them

Abstract: Scythian society is a complex structure, which combines elements of disintegration of late tribal community and early class society and can be divided into six hierarchically arranged social strata within which the groups of «cauldrons' keepers» were distinguished. In addition to found cauldrons these complexes have a number of socially remarkable signs such as the mound size, the presence of dependent persons, horses' burials and so on. The significance of these signs is heterogeneous for determining the social attribution of the complex. Our study focuses on establishing the relationship between the size of Scythian metal cauldrons and social status of the persons buried with them.

Keywords: Scythian culture; Northern Black Sea Coast; cauldron; barrow; VII–III centuries B. C.

The issue of possible relationship between the size (capacity) of metal cauldrons and social lifetime status of Scythians buried with them has already been raised in the literature. For example, T. M. Kuznetsova includes metal cauldrons into supplementary indicators of social stratification of the Scythian society, considering them as a value symbol (marker) of the Scythian society. According to her opinion cauldrons, found in the mounds, had belonged to the owners of this symbol who were buried there, notably to the heads of society united by communion of sacrificial meal «from one pot». There is declared the direct dependence of cauldrons' sizes on the number of mounds in the burial ground. This allows us to estimate the society size, to which the cemetery belonged. According to T. M. Kuznetsova's opinion, such a methodical approach has proved Herodotus' illustration of existence in the Scythian society of two forms or government levels — «Basilevs» and «Nomarch.» In the «small» cemeteries with smaller cauldrons there were buried district rulers — «Nomarchs»; in the «big» cemeteries with bigger cauldrons there were «kings» — «Basilevses».

Quantitative characteristics of the Scythian society are directly linked to the size of the cauldron that united the society. This helps us to determine the social status of the person who was buried with it [1–3]. Conceptual and methodological limitations of this approach have already been noted by Y. V. Boltrik and E. E. Fialko who

emphasize that such a comparison is unlikely to give objective results, since the steppe burials had not always been composed by died representatives of one society and even ethnos [4, 253]. To calculate the real burials and societies' dimensions which were grouped around the «cauldrons' keepers» is extremely difficult. Even with the «continuous excavation» of individual mound burials we cannot be sure that each part of the burials is studied properly. This assumption is actually confirmed by the materials of the burial Mamay-Gora which was not entirely examined. As a result, only from 1988 to 1999 there were opened 335 of Scythian burials from 161 so-called «spots» that were not fixed on the surface [5, 110–119] by any other way. Some mounds with cauldrons, such as, for example, Bliznets –2, were single, that means they didn't belong to the burial grounds [6]. Thereafter, this makes impossible to formulate the problem itself on determining the sizes of societies, led by «cauldrons' keepers» buried in the mounds based on the principle of T. M. Kuznetsova. Likewise T. M. Kuznetsova tried to trace the relationship between the cauldrons' sizes and the sizes of burial mounds from which they originate. Based on the materials of 31 burials there was not identified direct relationship between the mounds' and cauldrons' sizes [7, 181].

We have also tried to check this hypothesis. We compared the cauldrons, selected by us in terms of cauldrons types' capacity and social strata, to which the burial be-

longed, and where these cauldrons were found.

The examination procedure included determination of the methodology in calculation of cauldrons' capacity, development of the typological schemes of their differentiation in terms of their volume, a comparison of the marked out cauldron types with funerary monuments of «cauldrons' keepers» of different social Scythian strata.

Typological schemes of Scythian metal cauldrons differentiation according to their metric characteristics belong to B. N. Mozolevskiy and S. V. Polin and these schemes are based on a comparison of cauldron's height and diameter [8, 193; 9, 350]. In recent years, more and more researchers have been focusing on the fact, that to differentiate tableware categories within the general range we can use only one reliable quantitative characteristic such as vessel volume. To obtain this value, we used the program Autodesk 3ds Max 2011, and created a three-dimensional model of the cauldron recording a maximum number of its individual characteristics that are directly related to the correlation of the volume value. Thus, we have built three-dimensional models of 72 cauldrons and obtained the data of their volumes. Procedure of cauldrons types' differentiation was carried out according to the method of G. A. Fedorov-Davydov [10, 26–70], as a result there were obtained five cauldrons' types: type I, miniature cauldrons — up to 7,7 L, from 7,8 to 29,3 L — type II, small cauldrons; from 29,3 to 50,9 L — type III, medium cauldrons; from 50,9 to 72,5 L — type IV, large cauldrons; 72,5 L — type V, cauldrons — giants [11, 200–202].

While determining the main strata of the Scythian society, including the «cauldrons' keepers», we adopted a technique by B. N. Mozolevsky and E. P. Bunyatyan [12, 193; 22, 100–101, 127, 130]. There was taken into account such indication as mound volume which, according to the equitable remark of Y. V. Boltrik [14, 85–91], is more objective than the height of the mound, it reflects the difference between the metric characteristics of the Scythian burials of different social levels. As a result, we have identified six strata of «cauldrons' holders». Stratum 6 — The Supreme Scythian kings; stratum 5 — kings of basifs' kingdoms; stratum 4 — heads of tribal alliances; stratum 3 — heads of tribes/nomes; stratum 2 — heads of lower aristocratic clans' layers; stratum 1 — clans' heads of ordinary Scythian population.

While comparing the data on the cauldrons' volumes and funerary monuments characteristics, from which they are originated, we used data of 55 examples from clearly dated complexes of Scythian culture with determined social status.

Archaic period: cauldrons of type 3 dominate, all come from burials of the aristocracy (Kelermesskiye mounds, v. Gladkovshchina). The total number of cauldrons is seven (12.7% of sampling).

Middle Scythian period: from clearly dated monuments there are originated 13 cauldrons (23.6% of sampling). Large cauldrons (type 5) come from the monuments of 6–4 strata (Bliznetsi-2, Solokha). Cauldrons from the mounds of strata 3–2 belong to types 1–5.

On **Late Scythian period** we have a sampling of 35 boilers, which are originated from 30 burials (63.7% of sampling), which represent almost all the local groups of the Scythian culture. Four of the seven burials of strata 5–4 and 6 were accompanied by a few cauldrons, including cauldrons-giants, what corresponds to the royal status of the buried. Most often, one cauldron was a giant (type 5), and the rest were smaller sizes. Cauldrons of 1–3 types are mainly presented in mounds of strata 3–1. The exception is the mound of stratum 3 of Elizabethan burial where a giant cauldron of type 5 was found. The burial accompanied by a cauldron may be attributed to a higher stratum than we have estimated.

Thus, we can say that our comparative analysis based on the sampling materials has quite clearly traced the pattern which demonstrates a certain relationship between the cauldron size and the social status of a buried person.

In the early Scythian time the largest cauldrons were cauldrons of type 4, their volume did not exceed 62–63 L. And they were really connected with the royal and high social status of aristocratic burials. It is worth to note that in the burials of those times there was an absence of miniature boilers of type 1, which were widely spread later. Perhaps the early Scythian casting masters did not produce them, or small cauldrons were excluded from the funeral rites because of extreme prestige of this aristocratic symbol, which in turn was the reason of selecting large and medium-sized cauldrons to identify the social status of a buried person.

The indicated regularity is observed most impressively in Middle Scythian period. Cauldrons-giants are predominantly presented in the royal burial mounds. With one exception, aristocratic burials of strata 3–2 are characterized by a small cauldron of type 2. Ordinary burials, again with one exception, are characterized by small and miniature cauldrons of type 2 and 1.

Appropriate signs of the identified patterns can be discerned on the materials of the late «cauldrons' keepers» burials. Almost all the royal burial mounds of the Main steppe group of strata 6–4 contain cauldrons-giants, and there are only a few smaller volume cauldrons.

It does not only apply to the mounds of the identified strata of forest-steppe zone as well as the Lower Don region, where small cauldrons of type 2 were found. In the burials of strata 3–2 one cannot observe the relationship between the cauldron capacity and the social status of a buried person. They contain almost equal proportions of cauldrons of type 4, 3, 2, 1, and even a cauldron-giant of type 5. This expressive dependence appears only in the burials materials of stratum 1, and 80% of them were accompanied by small and miniature cauldrons of type 2 and 1. Presence of the cauldron-giant of type 5 in one of the mounds strata underlines the above mentioned

dominant of small-capacity cauldrons in burials of ordinary community members.

In conclusion, we note that in contrast to the T. M. Kuznetsova's ideas, that there is no direct relationship between the sizes of mounds and cauldrons, and such dependence is seen in our materials. However, it has been defined not by the ratio of mounds' and cauldrons' sizes, but by such dimensional feature as "cauldrons' volume" and "social stratum of the cauldron's keeper". We emphasize once again that we deal with the law, which is blurred by a significant number of exceptions.

Reference:

1. Кузнецова Т. М. Скифские котлы (сакральный маркер социума) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: матер. междунар. науч. конф. Часть II. – СПб: Из-во Гос. Эрмитажа, 2007.
2. Кузнецова Т. М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии: сб. науч. тр., посвященный памяти В. А. Башилова. – М.: ТАУС. 2008.
3. Кузнецова Т. М. Археологические маркеры погребения «номарха» // Старожитності Північного Причорномор'я і археології Північного Причорномор'я (до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова). – Т. XV.
4. Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е. Посуда из скифских погребальных комплексов Рогачинского курганного поля // Stratum Plus. – 2010. – № 3.
5. Андрух С. И. Могили Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье // Скифы и сарматы в VII–I вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология: сб. науч. ст. – М.: Институт археологии РАН, 2000.
6. Ромашко В. А., Скорый С. А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. – Д.: Пороги, 2009.
7. Кузнецова Т. М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии: сб. науч. тр., посвященный памяти В. А. Башилова. – М.: ТАУС. 2008.
8. Мозолевський Б. М. Товста Могила. – К.: Наук. думка, 1979.
9. Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. – К.: Издательский дом «Скиф», 2012.
10. Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 26–70.
11. Ромашко О. В. Типологія скіфських металевих казанів Півдня Східної Європи за об'ємом // Історичні етюди: зб. наук. праць: Вип. 4. – Д., Пороги, 2014.
12. Мозолевський Б. М. Товста Могила. – К.: Наук. думка, 1979.
13. Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV–III вв. до н. э. – К.: Наук. думка, 1985.
14. Болтрик Ю. В. Социальная организация Скифии 4 в. до Р. Х., отраженная в погребальных памятниках // Kimmerowie Scytowie Sarmacy. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego / Uniwersytet Jagielloński, Instytut archeologii / [pod red. Jana Chochorowskiego]. – Krakow, 2004.

Section 2. Demography and ethnography

Sorokin Sergey Anatolievich,
University of Nizhni Novgorod,
Ph. D., Institute of Economics and Business
E-mail: Sorokin-unn@rambler.ru

The history of urbanization in Japan

Abstract: Analysis of the history of urbanization in Japan allowed to identify two periods of historical dynamics. Periods of urbanization formalized.

Keywords: urbanization, population dynamics, mathematical modeling.

Сорокин Сергей Анатольевич,
Нижегородский государственный университет,
кандидат технических наук, Институт экономики и предпринимательства
E-mail: Sorokin-unn@rambler.ru

История урбанизации Японии

Аннотация: Анализ истории урбанизации Японии позволил выделить два периода исторической динамики. Периоды урбанизации формализованы.

Ключевые слова: урбанизация, демографическая динамика, математическое моделирование.

Эволюция городов Японии

История урбанизации Японии отличается от аналогичной истории других стран Азии, возникших в форме речных цивилизаций (Китай, Индия, Пакистан). Эволюция японских городов сопровождалась эволюцией терминологии [1, 151–152]: *мияко* — столица, расположение императорской резиденции, *мати* — город с населением до 30000 человек, *тоси* — город в современном представлении.

Города древней Японии. Города древности можно классифицировать следующим образом: политико-административные центры, города-рынки (*итибамати*), «храмовые» города (*модзэнмати*), портовые города (возможно эта классификация не является полной).

Представителем политико-административного центра была столица Фудзивара, построенная в 694 году. Месторасположение Фудзивара находилось чуть севернее Асука, где размещались резиденции предыдущих императоров. «Фудзивара ... было бы правильнее назвать дворцовым комплексом, поскольку за время своего 16-летнего существования — с 694 по 710 г. — он не успел развиться в полномасштабный город ... Фудзивара представляет собой прекрасный пример города, возникшего не в результате естественной эволюции, но вследствие волевого реше-

ния властных структур» [2, 174–175]. Численность жителей Фудзивара оценивается от 30 до 50 тысяч человек (чиновники, их слуги, персонал дворца). Город Фудзивара следует считать столицей государства Ямато, поскольку, начиная с 702 года, когда посольство Ямато в Китае объявило о переименовании страны, можно употреблять термин «Япония».

К числу первых японских городов принято относить города Нара (710 год основания) и Киото (792 год), которые возникли на удалении от побережья — в месте зарождения древнего племенного союза Ямато.

Города периода Муромати: 1338–1573. Городами этого периода являются:

- портовые города (портовые гавани), развивавшиеся на основе внешней торговли (Хаката, Сакаи, Хёго),
- города, находящиеся в их непосредственной близости (торговые центры).

Города второй половины XVI века. К городам этой категории относятся:

- ремесленные города,
- торговые центры.

Города периода Кинсэй: конец XVI века — 1867 год. Городами этого периода являются:

- «призамковые» города (дзёкамати) — города Кофу, Ямагути, Одавара, Касугаяма, Нагоя,
- «почтовые» города, обслуживавшие почтовые тракты (сюкубамати и ходзинмати),
- города, возникшие на месте деревни (дзаймати).

С возникновения *дзёкамати* истории связывают начало процесса урбанизации в Японии. Замковые города возникли в условиях политической раздробленности и междоусобных войн (не в результате экономических преобразований, а в силу политических причин): феодалы возводили замки, у стен которых располагались поселения. Владельцы поместий (*рёсю*), в построенные ими города переселяли самураев (вместе с семьями и прислугой), сельских ремесленников и торговцев. Источником дохода *даймё* и их вассалов, проживающих в *дзёкамати*, являлся земельный налог в виде риса (*нэнгу*).

Первоначально *дзёкамати* имели оборонительное назначение, но в ходе социально-экономического развития страны их назначение и социальный состав населения менялись: в конце XVI и начале XVII веков *дзёкамати* превратились в центры ремесла и торговли.

Процесс урбанизации в различных районах Японии обладал особенностями: он зависел от степени развития экономики (в том числе и от развития путей сообщения), от специализации, от политического статуса. История различных городов была различной: одни города зарождались, но потом исчезали, а другие продолжали динамически развиваться.

Численность жителей Фудзивара (694–710 годы) оценивается от 30000 до 50000 человек. Нара в VIII веке насчитывал 100000–200000 человек. Осака в XVII веке насчитывал 200000 жителей, а в 1835 году — 367272 человека. Численность жителей Киото в 1681 году составляла 580000 человек. Город Эдо в 1609 году насчитывал более 150000 жителей, а в XVIII веке в Эдо проживало уже более миллиона человек.

Особенно быстрые темпы урбанизации наблюдались в период капиталистического развития. Ссылаясь на работу Кито 2010 года, А. Прасол приводит численность городского населения Японии в 1600, 1700 и 1800 годах [3, 23], отмечая, при этом, что *стремительное увеличение числа горожан эпохи Токугава проходило на фоне почти неизменной общей численности населения*. Следует отметить, что это — не так: с начала периода Токугава наблюдается рост общей численности населения (правда этот рост имел тенденцию к замедлению) до примерно 1800 года.

В работе В. П. Максаковского представлена динамика городского и сельского населения Японии с 1920 года по 2000 год, выраженная в процентах [4, 275–277].

Объединяя эти данные, используя информацию по общей численности населения Японии, можем построить динамику распределения населения на сельское и городское, со времени появления первого города до начала XXI века (Таблица 1).

Таблица 1. – Городское и сельское население Японии.

Год	Население Японии, миллионы человек	Сельское население, миллионы человек	Городское население, миллионы человек	Сельское население, %	Городское население, %
750	5.320	5.171	0.149	97.2	2.8
1600	15.568	15.018	0.550	96.5	3.5
1700	28.429	25.209	3.220	88.7	11.3
1800	30.273	25.568	4.704	84.5	15.5
1920	55.718	45.689	10.029	82	18
1925	59.737	47.790	11.947	80	20
1930	64.450	50.271	14.179	78	22
1931	65.457	49.747	15.710	76	24
1935	69.254	48.478	20.776	70	30
1940	71.933	44.598	27.335	62	38
1945	72.147	51.224	20.923	71	29
1950	84.115	50.890	33.225	60.5	39.5
1955	90.077	41.435	48.642	46	54
1956	90.172	38.774	51.398	43	57
1957	90.928	36.371	54.557	40	60
1960	94.302	34.420	59.882	36.5	63.5
1965	99.209	31.747	67.462	32	68
1970	104.665	30.353	74.312	29	71
1975	111.940	29.104	82.836	26	74

Год	Население Японии, миллионы человек	Сельское население, миллионы человек	Городское население, миллионы человек	Сельское население, %	Городское население, %
1980	117.060	28.094	88.966	24	76
1985	121.049	27.841	93.208	23	77
1990	123.611	27.194	96.417	22	78
1995	125.570	26.998	98.572	21.5	78.5
2000	126.926	26.654	100.272	21	79

Источники: Мещеряков А. Н., Грачев М. В. (2010) История древней Японии. — М.: Наталис; Максакowski В. П. (2009) Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира. — М.: Дрофа; Прасол А. (2012) От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. — М.: Астрель: CORPUS.

Относительно статистических данных, представленных В. П. Максакowskiм, следует привести следующую цитату: «В некоторых источниках приводятся еще более высокие показатели уровня урбанизированности в Японии: почти 83% в 1990 г. и 86% в 2000 г. Видимо, это связано с различиями в трактовке самого понятия «город», в определении его людности. В соответствии с законом, принятым в 1953 г., к категории города в Японии были отнесены населенные пункты с численностью жителей свыше 50 тыс. Это значительно более высокий критерий, чем в большинстве других высокоразвитых стран мира» [4, 568].

Этапы урбанизации

Используя информацию по общей численности

населения Японии, начиная с VIII века, можно уточнить распределение населения на городское и сельское. В истории урбанизации Японии можно выделить два больших этапа.

Первый этап урбанизации. Первый этап урбанизации начинается с основания первого японского города Нара в 710 году новой эры и завершается приблизительно в середине XIX века. Завершение этапа можно связать с двумя датами:

- первая дата — 1854 год — год официального «открытия» Японии;
- вторая дата — 1867 или 1868 год — завершение эпохи сёгуната Токугава и, соответственно, начало реставрации Мэйдзи.

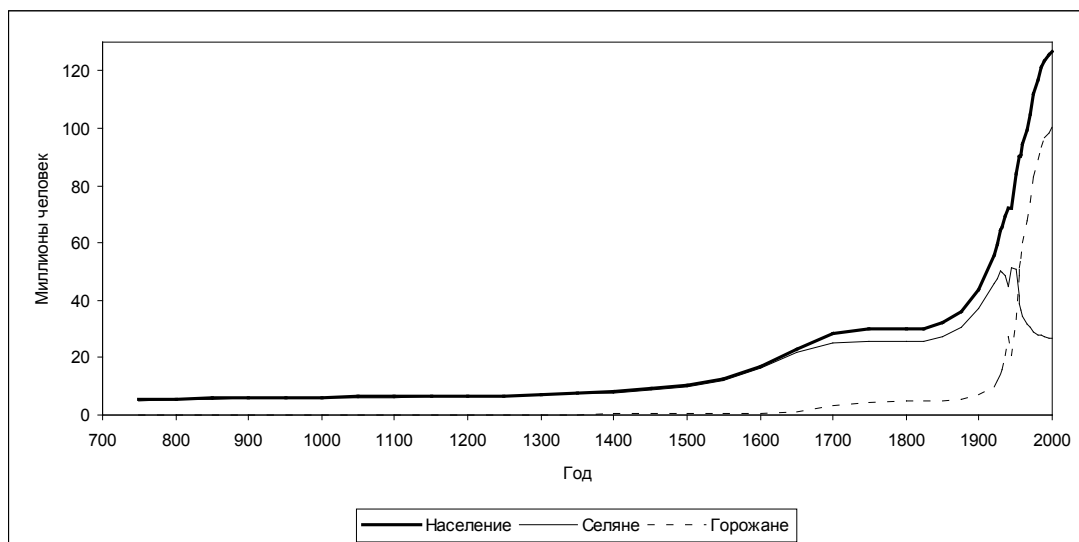

Рис. 1. Динамика распределения общей численности населения Японии на городское и сельское.

В целях выполнения вычислительного анализа в качестве правой границы переходного процесса первого этапа удобно выбрать 1850-й год, что позволяет адекватно математически описать смежные этапы и соединить их.

Итак, первый этап урбанизации охватывает периоды: Нара, Хэйан, Камакура, Муромати, Эдо (сёгунат Токугава) до 1854–1868 года.

Второй этап урбанизации. Второй этап урбани-

зации завершается приблизительно в 2004–2006 годах, когда население Японии достигает максимума (127.787 миллиона человек), после чего — снижается.

Для выполнения вычислений в качестве левой границы переходного процесса второго этапа удобно выбрать 1750-й год.

Второй этап урбанизации охватывает следующие исторические периоды: Мэйдзи, Тайсё, Сёва и Хэйсэй до 2004–2006 годов.

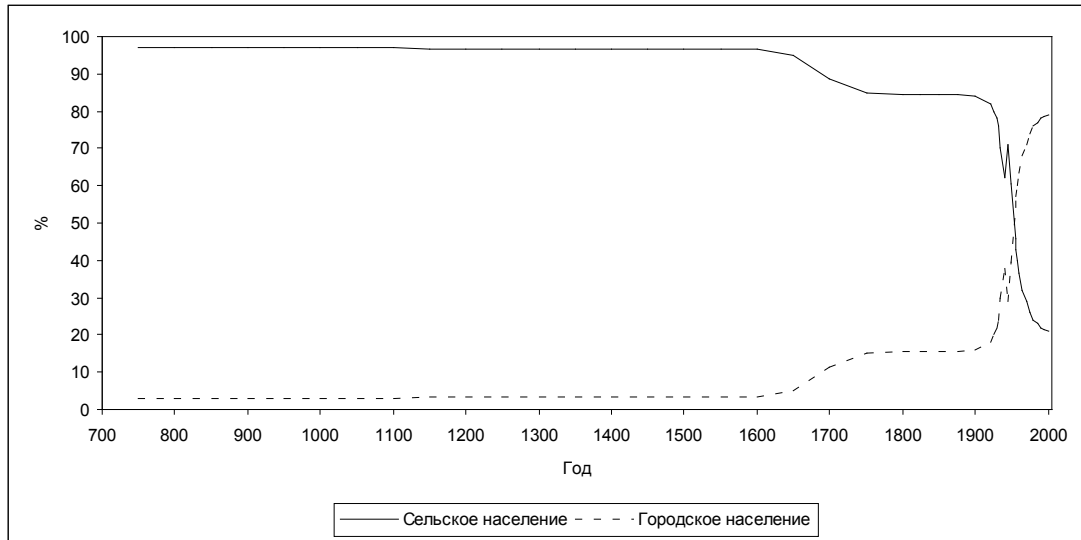

Рис. 2. Динамика процентного распределения общей численности населения Японии на городское и сельское.

Урбанизация и демографическая динамика

Сопоставим этапы урбанизации с общей демографической динамикой, анализируя отношение численности

сельского населения N_1 к численности городского населения N_2 (Рис. 3).

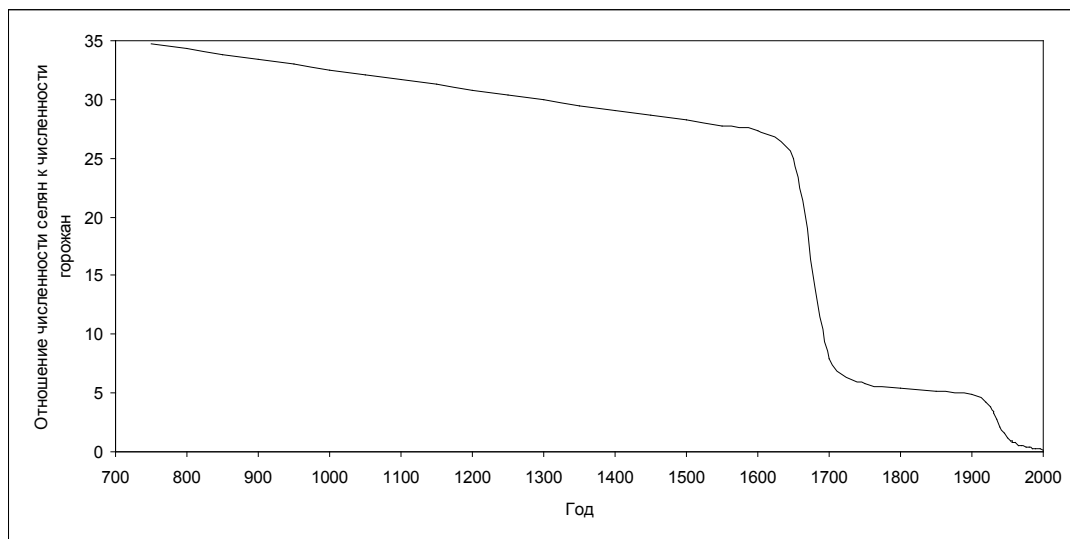

Рис. 3. Динамика отношения численности сельского населения к численности городского населения.

На первом этапе урбанизации (710–1850 годы) названное отношение сначала линейно снижается, затем, преодолев переходный период, опять начинает линейно снижаться (но уже со следующего уровня) до второго переходного периода. Каждый из двух переходных периодов может быть формализован уравнением:

$$\frac{d\left(\frac{N_1}{N_2}\right)}{dt} = -\frac{C_1}{(t^* - t)^2 + \tau^2}, \quad (1)$$

или

$$\frac{N_1}{N_2} = C_0 + \frac{C_1}{\tau} \arctg\left(\frac{t^* - t}{\tau}\right). \quad (2)$$

Для переходного периода первого этапа урбанизации параметры уравнения следующие:

$$C_0 = 16.806, C_1 = 98.27, \tau = 12.65, t^* = 1672.$$

Для переходного периода второго этапа урбанизации получены следующие параметры уравнения:

$$C_0 = 2.672, C_1 = 24.46, \tau = 13.441, t^* = 1936.$$

Каждый из переходных периодов образует локальный экстремум (минимум):

- на первом этапе минимум соответствует 1672 году,
- на втором этапе — 1936 году.

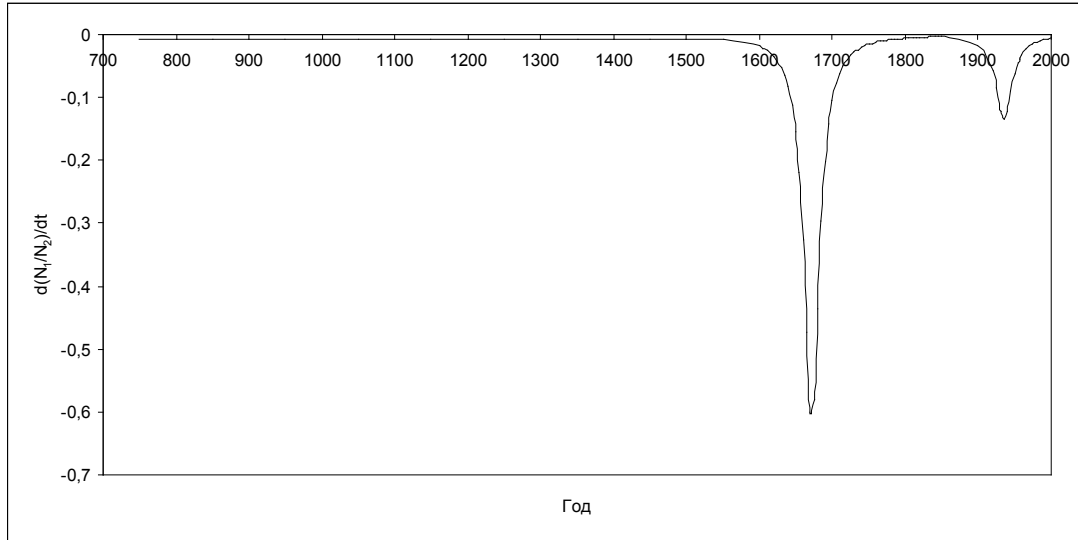

Рис. 4. Переходные периоды в истории урбанизации Японии.

Для первого этапа урбанизации:

- минимум $d(N_1/N_2)/dt$ достигнут в 1672 году,
- максимум $(dP/dt)/P$ третьего периода демографической истории достигнут в 1519 году.

Минимум переходного процесса второго этапа урбанизации наступает почти одновременно с максимумом относительного прироста населения четвертого периода демографической истории:

- минимум $d(N_1/N_2)/dt$, соответствующий переходному процессу второго этапа урбанизации, достигнут в 1936 году,
- максимум $(dP/dt)/P$ четвертого периода демографической истории достигнут в 1933 году.

Примерно к 1945 году численность сельского населения достигает максимума и затем стремительно снижается. Уже к 1953 году численности обеих категорий сравниваются, после чего численность селян продолжает снижаться, а численность горожан продолжает стремительно расти. Этот переход может быть описан следующим образом:

$$n_1 = C_{01} + \frac{C_{11}}{\tau} \operatorname{arctg} \left(\frac{t^* - t}{\tau} \right), \quad (3)$$

Для первого этапа урбанизации:

- минимум $d(N_1/N_2)/dt$ достигнут в 1672 году,
- максимум $(dP/dt)/P$ третьего периода демографической истории достигнут в 1519 году.
- Минимум переходного процесса второго этапа урбанизации наступает почти одновремен-

но с максимумом относительного прироста населения четвертого периода демографической истории:

- минимум $d(N_1/N_2)/dt$, соответствующий переходному процессу второго этапа урбанизации, достигнут в 1936 году,
- максимум $(dP/dt)/P$ четвертого периода демографической истории достигнут в 1933 году.

Примерно к 1945 году численность сельского населения достигает максимума и затем стремительно снижается. Уже к 1953 году численности обеих категорий сравниваются, после чего численность селян продолжает снижаться, а численность горожан продолжает стремительно расти. Этот переход может быть описан следующим образом:

$$n_1 = C_{01} + \frac{C_{11}}{\tau} \operatorname{arctg} \left(\frac{t^* - t}{\tau} \right), \quad (4)$$

$$n_2 = 100 - n_1, \quad (5)$$

или

$$n_2 = C_{02} - \frac{C_{12}}{\tau} \operatorname{arctg} \left(\frac{t^* - t}{\tau} \right), \quad (6)$$

$$n_1 = 100 - n_2, \quad (7)$$

где

n_1 — численность сельского населения, выраженная в% от общей численности населения Японии,
 n_2 — численность городского населения, выраженная в% от общей численности населения Японии,
 t^* — время достижения экстремума функции $\frac{dn_i}{dt}$ (минимум — для n_1 , максимум — для n_2) и одновременно — момент времени, когда функции n_1 и n_2 пересекаются.

$$C_{01} = 51.268, \quad C_{11} = 238.159, \quad \tau = 10.557, \quad t^* = 1953.$$

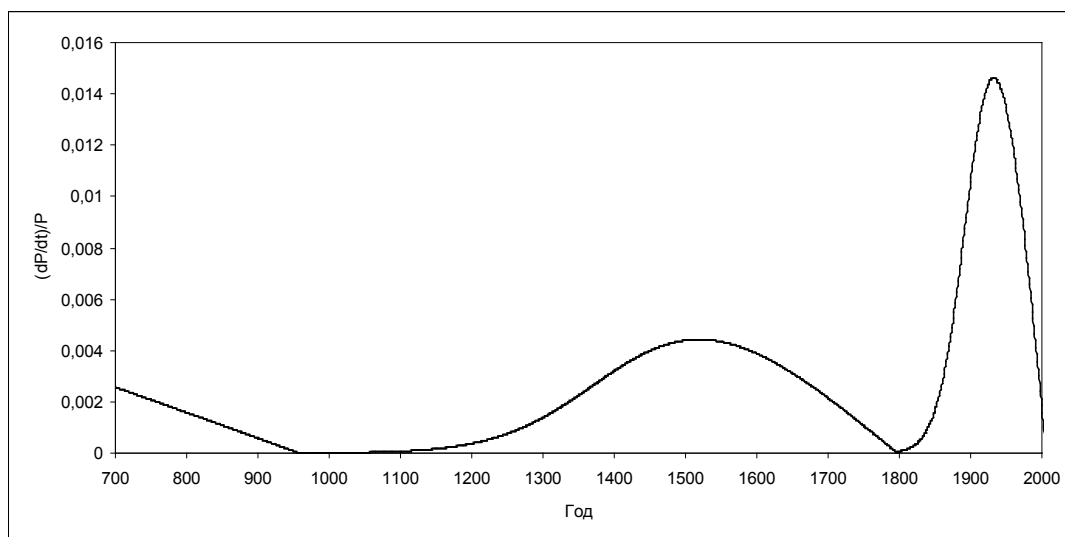

Рис. 5. Динамика относительного прироста общей численности населения Японии.

Заметим, что максимум абсолютного прироста населения (dP/dt) четвертого периода демографической истории достигнут в 1955 году.

Стремительный рост общей численности населения Японии в XX веке связан с ростом городского населения, который, в свою очередь, связан с капиталистическим развитием.

Стабилизация численности населения в 1721–1846 годах. В период 1721–1846 годов население Японии увеличилось незначительно. Причин медленного роста населения несколько [4, 17]: низкая производительность сельского хозяйства, стихийные бедствия, неурожаи и голод, рост городского населения, демографический дисбаланс.

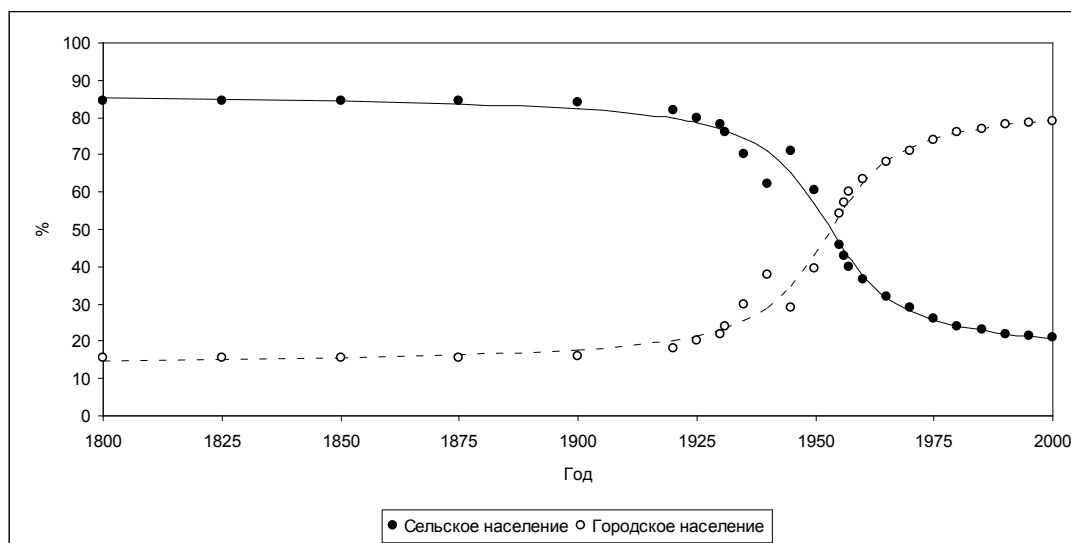

Рис. 6. Переходный процесс распределения населения Японии на городское и сельское.

Список литературы:

1. Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. – М.: Крафт+, 2010.
2. Мещеряков А. Н., Грачев М. В. История древней Японии. – М.: Наталис, 2010.
3. Максаковский В. П. Географическая картина мира. Кн. II: Региональная характеристика мира. – М.: Дрофа, 2009.
4. Прасол А. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. – Москва: Астрель: CORPUS, 2012.

Section 3. Study of art

*Allamuratova Xurliman Nurullaevna,
Academic lyceum near Nukus State Pedagogical Institute 2nd course
student, the department foreign languages.
E-mail: xurliman.allamuratova.97@list.ru*

Karakalpak national clothes differences

Abstract: In this article said about karakalpak national clothes which is worn in the past centuries and difference between karakalpak woman's and men's clothes which is worn in the weddings and daily life.

Keywords: Kiymehsek, kokkoylek, saukele, tobelik, shapan, a'rebek, shekpen, jegde, haykel.

Karakalpak people are distinctive with their ancient history, unique customs and traditions, language and culture that constantly attract the attention of the world community thanks to the depth of content, vivid images, national spirit and philosophy.

Kiymeshek

Nowadays, exhibited samples of national clothings are considered to be the model for the revival of the material culture and traditions. In the past karakalpak men and women wore national clothes. It is connected with their tradition. We tell some of them as example.

Kok-koylek

Such elements of an ancient clothing as “**kiymeshek**”, which is a unique type of women's headdress, with embroidered chest part, attract an attention of an audience a great deal. **Kyzyl-kiymeshek** was worn by young women, and **ak-kiymeshek** by older ones. “**Kok-koylek**”, which is unique with its peculiar system of ornament

“**sauyty nagys**”, was regarded as a traditional wedding and festive dress. [1, 92–93]

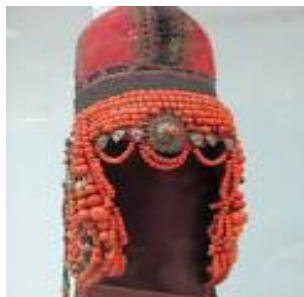
The Karakalpak **ko'k ko'ylek** was an ankle-length, long-sleeved, unlined woman's tunic-style dress. The entire front of the dress was intensively decorated with geometric cross-stitch embroidery, as was the bottom part of the sleeves. The back remained undecorated.

Jegde

The dress was hand-tailored from narrow strips of indigo-dyed home woven cotton **bo'z**, called by the Uzbeks **matar**. These were sewn together side by side to make the body of the dress and the sleeves. The body had a single central front panel and no shoulder seams. The collar was round and had a narrow and deep vertical opening at the front, a style normally reserved for women of childbearing age to facilitate breast-feeding. There were lower side vents for ease of movement and sometimes a pocket. In some cases the edges of the collar, lower hem, side vents, and cuffs were finished with a narrow strip of red textile. Furth more Karakalpak “**jegde**” was an unlined mantle, which was worn draped like a cloak but was placed over the head rather than the shoulders. It had very long false sleeves, which were folded so that they hung down behind the back where they were fastened together at the cuffs by a short cord.

A Karakalpak woman dressed in a qızıl kiymeshek and a jipek jegde. The jegde was normally only worn outside of the home. It permitted a woman to go about unveiled, but to retain some modesty by being able to use the side of the cloak to shield her face from male onlookers. There were three main types of Karakalpak jegde: the jipek jegde worn by young married women or by girls of marriageable age; the aq jegde worn by mothers and middle aged women; and the kempir jegde worn by elderly women.

Saukele

Women's hats called "**saukele**" and "**tobelik**" were mystiques findings for historians and according to ethnographers, resemble the helmets of ancient amazon-massagets whose echo is believed to be the epic "Kyryk-kiz". Saukele is covered with red cloth and richly decorated with pattern metal buckles and pendants, colored stones and beads. Tobelik was worn over saukele. Jewellery, especially silver jewellery, formed an essential part of a Karakalpak woman's costume [2,105–106].

Tobelik

It was worn by all levels of society. Traditional costume of a Karakalpak bride, with a'rebek nose-ring, soyaw sirg'a earrings and a dramatic hay'kel breast decoration. Moreover the Karakalpak term for a nose-ring is "**a'rebek**". A'rebek were one of the few items of Karakalpak jewellery that were usually made of gold. A'rebek were very common in the northern regions of Karakalpakstan at the end of the 19th century. However by the end of the 1930s women had stopped wearing them even in the rural areas. They were often decorated with a spiral shaped curl of gold wire and sometimes incorporated stones such as coral or turquoise. They were worn in the right nostril and were described by the type

of stone they contained — thus a piruza qaslı a'rebek was a turquoise stone nose-ring while a marjanlı qaslı a'rebek was a coral stone nose-ring. Besides that Karakalpak term for earrings is "**sirg'a**". At the turn of the 19th century there were many different types of sirg'a, the most impressive and ancient of which was probably the halqaplı sirg'a. This decoration consisted of a pair of earrings connected to each other by a chain or necklace from which were suspended numerous pendants. The description halqaplı seems to mean circular and refers to the necklace component.

Ha'ykel

There are various spellings of this including halqalı, qalqalı, and halqanlı. Apart from the sa'wkele, the "**ha'ykel**" is probably the most impressive single item of Karakalpak jewellery. It is a breast decoration, generally of silver and sometimes gilded, with carnelian or coloured glass inserts. A Karakalpak woman wore a dramatic ha'ykel along with an oramal and a jipek jegde [2, 107].

It should be noted that Karakalpak embroidery on red, black and white backgrounds is done with looped-chain-stitch on the cross.

Shekpen

Karakalpak men's traditional headdress is a "**shogirme**"-a hat made of sheepskin. Also Karakalpak man's "**postın**" is a heavy and bulky sheepskin overcoat, worn with the skin facing outwards and the fleece facing inwards. The outer sheepskin facing of the coat is dyed a light yellow colour and the outer edges — consisting of the collar and front panels and the coat bottom and the cuffs — are decorated with narrow strips of black or brown astrakhan pelt. These strips are bordered on the outside face of the coat with a band of striped, usually red, cloth which is often made of silk. A large triangular

amulet, made from the same striped cloth and known as a jawirlnsha decorates the back of the coat, just below the collar. The long woollen fleece is often exposed along the front and bottom edges of the coat and around the collar and cuffs. Obviously the inner fleece means that the coat requires no lining. The Karakalpak “**shekpen**” is a long-sleeved overcoat or khalat made from homewoven camel wool cloth, or shal, which is normally light beige to mid brown in colour. It has a fairly straight cut, is nearly always unlined, and has no pockets.

Shapan

The front of the coat is overlapping and unfastened, while the collar is narrow, standing up behind the neck but lying flat on the chest at the front. There are low-

er vents in each side seam for ease of movement. The top underside of each sleeve usually has an opening rather than a gusset, the edges of which are sometimes finished with piping. As regards to decoration the outer edges of the collar, front openings, lower hem, side vents, and cuffs are finished with raspberry red silk jiyek. Often the inside edges of the front and bottom are lined with a narrow strip of Khivan or Bukharan adras or other brightly coloured cloth. Some shekpen are decorated with modest amounts of embroidery around the lower side vents and the collar. The Karakalpak man’s “**shapan**” is a lined, long-sleeved coat or khalat, which is normally quilted with cotton interlining. It is most commonly made from local alasha, a narrowly striped cotton textile with a polished finish, usually lilac, blue, or purple in colour. The front is overlapping with no means of fastening and there are two lower side vents for ease of movement. There is a narrow collar, which is raised at the back but lies flat on the chest at the front. There is sometimes a single pocket. The edges of the coat, including the cuffs, are finished with a braid of raspberry red jiyek, which is woven directly onto the coat by hand [1,90–91].

Reference:

1. Tlewmuratov M, Berdiev J, Tlewmuratova Qaraqalpaqstan tariyxi. – N.: Bilim, 2014.
2. Kamalov S, Saribaev Q Qaraqalpaqstan tariyxi. – N.: Qaraqalpaqstan, 2004.

*Lupovskaya Khristina Pavlovna,
Moscow, Tretyakov Gallery, Senior Researcher
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

“Lead us to the truth, the good, and the tea table” (the unknown collage of artist Varvara Bubnova)

Abstract: This paper describes the unknown work of artist Varvara Bubnova related to the short period of her life in Moscow, which depicts her colleagues in the Department of Ancient Manuscripts and Early Printed Books of the State Historical Museum.

Keywords: Varvara Bubnova, Vyacheslav N. Shchepkin, Martha V. Shchepkina, Mikhail N. Speransky, State Historical Museum, Shchepkin family collection

*Луповская Христина Павловна,
Государственная Третьяковская галерея, старший научный сотрудник
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

«Веди нас к истине, к добру, а также к чайному столу» (неизвестная страничка творчества художницы В. Д. Бубновой)

Аннотация: В статье описывается неизвестная работа художницы Варвары Дмитриевны Бубновой, относящаяся к короткому московскому периоду её жизни. На коллаже изображены её коллеги по Отделу древних рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея.

Ключевые слова: Варвара Бубнова, собрание семьи Щепкиных, Государственный исторический музей, В. Н. Щепкин, М. Н. Сперанский

В семейном архиве Щепкиных-Станкевичей находится интересная работа русской художницы Варвары Дмитриевны Бубновой (1886–1983), неизвестная исследователям её творчества. На цветном коллаже (рисунок с аппликацией) изображены сотрудники Отдела древних рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (1922).

Варвара Бубнова — яркий представитель искусства русского авангарда времён его расцвета. Одновременно многие исследователи называют ее русско-японской художницей. В силу жизненных обстоятельств более 30 творческих лет она провела в Японии, работая преимущественно в технике автолитографии. Там же состоялось шесть ее персональных выставок, которые вызвали огромный ин-

терес у лучших японских графиков. По возвращении в Россию в 1958 году она поселилась в Сухуме, где продолжала творческую, педагогическую и литературную деятельность. Несколько лет назад в этом городе открылся мемориальный музей сестер Бубновых. Её персональные выставки прошли в Москве, Петербурге, Тбилиси, Сухуме, Архангельске и других городах. В собрании Государственной Третьяковской галереи хранится более 30 графических работ художницы 1960-х годов. Работы этого периода, а также японского, есть в собраниях и других музеев России и Абхазии. Однако, более ранние работы (созданные до отъезда в Японию) в российских музеях встречаются довольно редко. В 2011 году, к 125-летию со дня ее рождения, в залах Третьяковской галереи проходила выставка ее произведений.

В имении Тимонино Московской губ. Богородского уезда. Фотография. 1916 год. Слева-направо: В. Д. Бубнова, В. Н. Щепкин, племянница В. Н. Щепкина Любовь Фрейман (?). Из собрания семьи Щепкиных.

В своих автобиографических воспоминаниях «Разрозненные страницы» В. Д. Бубнова писала, что в Москву она приехала в июле 1915 года для посещения отдела рукописей Исторического музея. Ее привел сюда интерес к древнерусской миниатюре. И в мае 1917 года она начала работать в этом отделе в качестве научного сотрудника, палеографа и художника. «Я встретила самый радушный прием со стороны заведующего этим отделом Вячеслава Николаевича Щепкина... Щепкин сам вынимал рукописи из шкафов и раскладывал их по столам в таком количестве, что я сразу будто захлебнулась в море красок и образов... Главной целью моей жизни я стала считать работу над древней русской миниатюрой... В отделе царила творческая мысль, которую всегда пробуждал, общаясь с нами, В. Н. Щепкин» [1]. Художнице было поручено составление каталога «лицевых» рукопи-

сей. В 1918 году, в голодной и холодной послереволюционной Москве, ей удалось организовать выставку древнерусской миниатюры. Она писала, что «незабвенный заведующий отделом, профессор Вячеслав Николаевич Щепкин установил среди сотрудников атмосферу научного труда и любви к древнерусской культуре и к искусству, которое он сам так любил и глубоко чувствовал...». Художница часто бывала в квартире Щепкиных на Новинском бульваре. Здесь же, в 1918 году, ею был написан замечательный живописный портрет младшей дочери В. Н. Щепкина, Елизаветы. В декабре 1920 года В. Н. Щепкин скоропостижно скончался от крупозного воспаления легких. После его смерти заведующим отделом становится академик Михаил Несторович Сперанский (1863–1938) [2]. В отделе рукописей Варвара Бубнова работала до своего отъезда в Японию в 1922 году.

Рис. 1. Коллаж. Худ. В. Д. Бубнова. 1922. Рисунок на бумаге. Тушь, кисть, перо, акв., цв. бум. 30,0 x 22,5. Из собрания семьи Щепкиных. Публикуется впервые.

Художница создаёт свой коллаж в последний год работы в Историческом музее. Возможно, он был ее прощальным подарком дочери В. Н. Щепкина, сотруднице отдела Марфе Вячеславне Щепкиной (1894–1984) [3]. На переднем плане мы видим шесть, шагающих друг за другом, фигур. Это обитатели рукописного отдела. Шествие возглавляет сам

М. Н. Сперанский. За его величественной фигурой в мантии семят в валенках три маленькие фигурки: М. В. Щепкина, с 1954 года заведующая Отделом рукописей и старопечатных книг, научный сотрудник отдела Валентина Ивановна Попова и сама художница. Как вспоминала М. В. Щепкина, в эти годы музей плохо отапливался. В отделе было хо-

лодно. И некоторые сотрудницы ходили в валенках, что с тонким юмором было подмечено В. Д. Бубновой. Высокий силуэт женщины, шагающей лёгкой поступью, — это искусствовед отдела Елена Владимировна Зацепина. Процессию замыкает фигура сотрудника отдела Кирилла Михайловича Асафьева. Эту пеструю группу приветствует женщина с кипящим чайником в руке, стоящая на балконе. Это Екатерина Николаевна Осипова, которая была бессменной «хозяйкой» в этом маленьком коллективе. Помимо служебных обязанностей, связанных

с техническими организационными вопросами, она создавала уют своим сослуживцам. Стоит отметить, что на коллаже символически изображён интерьер отдела рукописей. В нижней части коллажа надпись, стилизованная под древнерусский шрифт: «Веди нас к истине, к добру, а также к чайному столу». Эта фраза передает теплую семейную атмосферу, царившую в отделе.

В. Д. Бубнова писала: «Я была счастлива, когда поднималась... в закрытое для публики светлое помещение рукописного отдела...» [1].

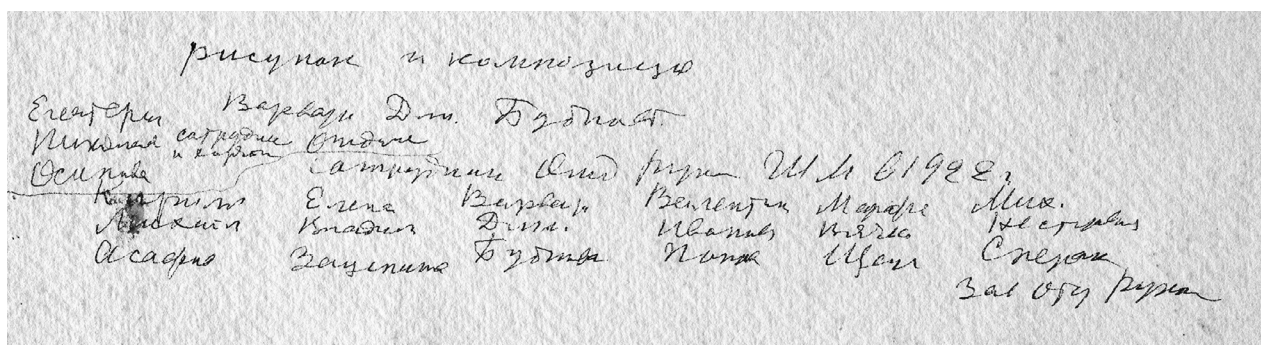

Рис. 2. На об. листа надписи синими чернилами и карандашом, рукой М. В. Щепкиной.

Список литературы:

1. Уроки постижения. Художник Варвара Бубнова. Воспоминания, статьи, письма. Сост. И. П. Кожевникова. М.: Наука, 1994, сс. 86–87.
2. Лёвочкин И. В. Михаил Несторович Сперанский как археограф. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (12), июнь 2003, сс. 112–116.
3. Луповская Х. П. Марфа Вячеславна Щепкина. К 110-летию со дня рождения. // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 11–12, 2014.

Mdivani Tatsiana Gerassimovna,
Dr. Ph. Prof. Tatsiana G. Mdivani on der Nationalen Akademie
der Wissenschaften von Belarus (Weißrussland)
E-mail: t_mdivani@mail.ru; 333mt777@gmail.com

Spätromantische harmonische Techniken, oder Besondere Tonalitätszustände im Schaffen von R. Strauss und G. Mahler

Abstrakt: Das System der Atonikalität der späten Romantiker beinhaltet 4 Arte der tonalen Struktur, oder der Tonalitätszustände, die das System der Zwölftonmusik von XX. Jahrhundert einführten: „schwebende“, wechselnde (schwankende), mehrdeutige und „aufgehobene“.

Keywords: Spätromantische harmonische, Atonikalität, Tonalitätszustände, Terzakkordika.

Um die Wende der XIX.-XX. Jahrhunderte wurde es im Schaffen der österreichisch- deutschen Komponisten ein neues harmonisches System, verschieden von der klassischen, gebildet. Wovon und wie die klassische Harmonie in der zweiten Hälfte des XX. Jahrhunderts

abgelöst wurde, ist in vielen Arbeiten behandelt. Und es wurde von den Autoren verschiedene Bezeichnungen der neuen tonal-harmonischen Systems vorgeschlagen: „schwebende Tonalität“ [2, 488], „neue Tonalität“ [1, 179], „Außertonalität“ und „Polytonalität“ [6, 153–166],

„tonal-aufgelockerte 12-stufiges System“ [5, 17–32], „tonale Strukturen, oder Tonalitätszustände: schwebende, schwankende, mehrdeutige und aufgehobene“ [4, 12–16], „Wechselsystem“ und „dissonantes System“ [3, 28], „Tonalitätszustände: funktionale, lockere, dissonante, schwebende, inverse, wechselnde, schwankende, mehrdeutige, aufgehobene, Polytonalität“ [7, 383]. Einerseits haben hier Terzakkordika und Quintenprinzip der Elementenbindung ihre Bedeutung beibehalten, andererseits wurden die Akkorde der Quartenstruktur und Einführungstonbeziehungen immer selbständiger. Das funktionale System wurde vielfältiger, was sich in der Verstärkung der Rolle der „funktionalen Gegenstücke“, „funktionalen Anzeiger“ und in der Minderung des Tonzentrums ausdrückte, das entweder verhüllt wurde oder fehlte. Die neue Eigenschaft des harmonischen Systems kam vor allem im Schaffen der österreichisch-deutschen Komponisten ans Licht, die die Chromatik als selbständige harmonische Gattung, der Diatonik gleichend, bezeichneten. Somit wurde der Weg für das neue nichtklassische System der Harmonie bereitet. Zugrunde lag die Zwölftonheit. Betrachten wir die Beispiele der Neugestaltung herkömmlichen harmonischen Systems. Z. B., in der Tondichtung „Also sprach Zarathustra!“ Op.30 von R. Strauss ist bei der Erhaltung des Terzakkordika nicht nur eine, sondern zwei tragende Tonarten — Es und E vorhanden (Fragment: Bewegter +7t.), in der Zweiten Sinfonie von G. Mahler hat die Tonalität keinen konkreten Kennwert der Tonart, denn die Quinte dient als Zentrum. Anderenfalls bei der harmonischen Entfaltung verliert Quintenprinzip der Bindung seine ansetzende Bedeutung, das herkömmlich (und zwar seit Jean-Philippe Rameau) als ein einzelner Garant der harmonischen Ganzheit betrachtet wurde. Z. B. in „Also sprach Zarathustra!“ Op.30 von R. Strauss herrschen Ellipse und enharmonische „Verwechslung“ (Num. 48), die uns von der Tonika f moll fortbringen (laut der Zeichen beim Notenschlüssel und dem Schlussdreiklang). Noch gibt es eine die kleinsekundschrittliche Verbindung der dissonanten Terzakkorde dauerhaft geht die Harmoniereihenfolge gar nicht in das klassische funktionale System hinein (Num. 30). Die Einheit wurde in allen Fällen nicht durch ein universelles Verfahren, sondern durch verschiedene erreicht, was von der Kristallisation neuer nichtklassischen harmonischen Logik und erweiterten Dur-Moll zeugte. Die Erweiterung des Dur-Moll-Systems im Schaffen der späten Romantiker stammte aus 1) der Einschließung der oberen und unteren chromatischen Medianten ins tonal-harmonische System (Cc- Akkorde, auf As, as, Es, es, A, a, E, e aufbau-

end) und 2) den Untersystemelementen: Nebendominanten und Subdominanten zu Sp und Dp, funktionalen Gegenstücken und Tonanzeigern. Funktionale Gegenstücke („funktionale Substituenten“ nach A. Schönberg) sind die Akkorde, die der Bedeutung nach TDS gleichen, haben aber andere Zusammensetzung. Die Tonanzeiger sind beliebige harmonische Elemente, die die Tonika antönen. Sie gewährleisten damit die Beiordnung von fern. Funktionale Voraussetzungen (Antizipationen) sind die Zusammenklänge, mit dem Zentrum von fern korrespondierend und somit die Tonika vorwegnehmend („Alpensinfonie“ op. 64 von R. Strauss. Num. 103). Untersystemelemente wirkten sowohl selbständig, als auch miteinander zusammen. Bei der unmittelbaren Berührung der Tonika entstand die chromatische — Tritonus (Dreiton)-, Kleinsekundschrittbindung, was auf die durchgreifende Neugestaltung des europäischen tonal-harmonischen Systems deutete. Als Beispiel kann der Schluss der Zweiten Sinfonie von G. Mahler dienen.

Strukturtype der Akkorde von der Tonika sind bei dem erweiterten tonal-harmonischen System verschiedenartig: konsonierende und dissonante Zusammenklänge, darunter die der symmetrischen und Quartenstruktur (nach den Quarten, Quarten mit der Sekunde, mit dem Dreiklang u. ä.) sowie Tonstufe, Tonintervall usw.). Ihre Beständigkeit wurde von einer Reihe der nichtharmonischen Faktoren — Dauerbetonung, Rückfälligkeit, metrische Betonung hervorgehoben. Dissonante Akkorde der Tonika haben immer mit dem Umfeld zusammengewirkt, sei es direkt, sei es mittelbar. Obschon diese Tonika nicht das Werk schloss, deutete deren Gebrauch auf die Verstärkung der Rolle der nicht dauerhaften Elemente, und somit auf die Erweiterung der Grenzen von klassischer Tonalität und Veränderung ihrer Struktur. Als Neues und Nichtklassisches erwies sich die Wirkung der Tonika selbst: sie konnte verborgen (latent), nicht bezeichnet, eliminiert und schwankend sein. Dadurch ging die Universalität des klassischen Dur-Moll- Grundes verloren, und es wurden die Voraussetzungen für die nichtklassische „neue Tonalität“ geschaffen (Termin von J. Rufer). Eine große Rolle darin spielt die Umbesinnung des Phänomens der Funktionalität, wo statt der gewöhnlichen T-D-S abstraktere Begriffe aktuell wurden: „starke“-, „schwache“ Funktionalität der Akkorde, „beständig“-, „unbeständig“, „hart“-, „locker“ über die Teile der Form. Bei der Gestaltung neuer Fähigkeit der Funktionalität (unter der Schwächung der Quintenverbindungen, funktionalem Kontrast und zentraler Abhängigkeit) ist die expressive Urkraft, die linearen und koloristischen

Faktoren von großer Bedeutung. Dabei wurden aktualisiert: 1) funktionale Ambivalenz — wechsel-zwielichtige Bedeutung der Akkorde (chromatische Elemente) in den Variantenstufen des ganzen 12-stufigen chromatischen Tonleiters; enharmonisch; 2) funktionale Mehrdeutigkeit und Unbestimmtheit, d. h. die Akkorde gehören mehreren Tonarten gleichzeitig (z. B. die Quartenaakkorde und symmetrische Dreiklänge), wo es an der Ausrichtung auf ein Zentrum fehlt (R. Strauss, Oper „Salomeya“: 337–347tt.); 3) funktionale Mehrdeutigkeit — dissonante Akkorde ohne einseitige An-

ziehungskraft; dazu kommt es unter Tonikalisierung der Nebentufen, was die gegenseitige Anziehungskraft auslöst, und 4) partielle Gleichberechtigung der Lagenstufen der Tonart. Um die Jahrhundertwende wurde also im Schaffen der späten Romantiker ein besonderes nichtklassisches tonal-harmonisches System gebildet — erweiterte Tonalität (einschl. funktionale Mehrdeutigkeit, latente Tonika, oder nicht abgebildete Tonika unter den mehr oder weniger deutlichen tonalen Tonbeziehungen, Tonikalisierung der Nebentufen und dissonanter Kontext).

Г. МАЛЕР. СИМФОНИЯ №2, ФИНАЛ. Г. Т.

Langsam 4/3

The score is handwritten and includes various musical notations such as triplets, slurs, and dynamic markings. The key signature is G major (one sharp). The time signature is 4/3. The tempo is marked 'Langsam'.

So ein tonal-harmonisches Phänomen ist im System des Denkwesens der europäischen Komponisten neu und heißt Atonikalität (Termin von P. Renchizkij), d. h. Tonalität ohne Repräsentation der Tonika als Akkord, Ton, Intervall. Die Atonikalität erschien als Mittelstel-

le zwischen klassischer Tonalität und neuer „Tonalität“, oder Harmoniesystem der Zwölftonmusik. In der geschichtlichen Entwicklung der europäischen Harmonie trat die Atonikalität als besondere Zustände der Tonalität, oder besondere tonale Strukturen mit konkreten

Kenndaten auf. Die Kriterien der Atonikalität sind 1) Maß der Zentrumeinheit, 2) Maß der abgebildeten Tonika (verborgen; daher ist der Termin *A-tonikalität*, d. h. Maß der harmonischen Systems ohne der Tonikaakkord, aber im tonalen Tonhöhenystems); 3) Maß der funktionalen Verbindung (starke, schwache); 4) Maß der Sonatensatzform der Akkordika; 5) Tonleiter-Grund (chromatische, besondere Tonartstruktur). Das System der Atonikalität der späten Romantiker beinhaltet 4 Arte der tonalen Struktur, oder der *Tonalitätszustände*, die das System der Zwölftonmusik von XX. Jahrhundert einführten: „schwebende“ (nach A. Schönberg, präzisiert gebraucht [2, 488], wechselnde (schwankende), mehrdeutige und „aufgehobene“ (nach A. Schönberg, präzisiert gebraucht [2, 488]). Gehen wir auf jede Art ein. *„Schwebende Tonalität“* ist eine Art der Tonhöhenstruktur, oder ein Tonalitätszustand, wo 1) es ein angenommenes Zentrum gibt, aber 2) die Tonika ist nicht abgebildet, 3) die starke Funktionalität mit einseitiger Anziehungskraft, d. h. die funktional eindeutigen Akkorde dominieren. Die deuten auf ein konkretes tonales Zentrum, 4) kons-dissonanter Kontext, von der Alteration geschaffen, 5) Dur-Moll-Tonleitern. Der schwebenden Tonalität gehören u. a. die Fälle, wo die tonische Funktion als dissonanter Gleichklang oder als aufgelockerte Linie dargestellt ist, wo die Medianten, Subdominanten und Dominanten als tonale (funktionale) Anzeiger auftreten. Zu denen sind die Akkorde der Subsysteme mit der Aufrichtung auf ein (verborgenes) Zentrum zugeordnet. Als Beispiele können „Also sprach Zarathustra!“ von R. Strauss (N.10+5t. und N.11 –5t.) dienen. *Wechselnde (Schwankende) Tonalität* ist eine Art der Tonhöhenstruktur, oder ein Zustand der Tonalität, wo es vorausgesetzt ist: 1) zwei und mehr Zentren, es gibt keine Zentrumeinheit, 2) die Tonika ist nicht abgebildet, 3) die starke Funktionalität mit einseitiger Anziehungskraft, aber funktional eindeutige Akkorde sind verschiedenen tonalen Zentren zugeordnet. Diese Zentren sind entweder erwartet, oder treten so auf, dass keiner zum Hauptzentrum wird, 4) kons-dissonanter Kontext, von der Alteration geschaffen, 5) Dur-Moll-Tonleiter. Regelmäßige Akzenttransformation der Anziehungskräfte, eine Fülle der funktionalen Gegenstücke und funktionalen Anzeiger zeugt von der durchgreifenden Neugestaltung der wichtigsten Prinzipien klassischer Tonalität. Dadurch ging das atonikale System in das der Zwölftonmusik von A. Schönberg schließlich über. Die wichtigsten Kriterien der schwankenden Tonalität sind also unabgebildete Tonika, wechselnde Funktionen der Akkorde und funktionale Ambivalenz. Als Beispiele der *wechselnde* (schwankenden) Tonalität kann „Also sprach

Zarathustra!“ von R. Strauss (N.7+10t. und N.N.14 –16; „Der Genesende“) dienen. *Mehrdeutige Tonalität* ist eine Art der Tonhöhenstruktur, oder ein Zustand der Tonalität, wo es vorausgesetzt ist: 1) einige Zentren gleichzeitig, es gibt keine Zentrumeinheit, 2) die Tonika ist nicht abgebildet, 3) schwache Funktionalität mit gegenseitiger Anziehungskraft der harmonischen Elementen, und funktional mehrdeutige Akkorde sind einigen tonalen Sphären gleichzeitig zugeordnet, 4) dissonanter Kontext (die Akkorde eines symmetrischen Baues vorwiegend), 5) chromatischer Tonleiter. Die Haupttonika wird durch freie Dissonanz und Linienformen der Akkordendarlegung verborgen, und erscheint erst am Ende der Komposition. Eigene Zentren werden nicht durch direkte Verbindungen, sondern durch mittelbare anhand der tonalen Anzeiger (daher Erhalten des Phänomens der Tonalität) nachgewiesen. Unter diesen Bedingungen erwies sich die Gestaltung des Ganzen durch einen Dreiklang (oder Tonart, Intervall) als unmöglich, deswegen wurden außerharmonische Mittel für die Versorgung der Ganzheit aktuell: rhythmischer Kontrast, Wechsel des Fakturbildes, der Dynamik und der Bewegungsformen. Inzwischen bleibt die Zentralisierung erhalten, hauptsächlich in der allgemeinen Ausrichtung der Akkordenschwerkraft. Demzufolge erschien die mehrdeutige Tonalität als chromatische, wo die Verbindung mit dem Zentrum an einigen Strecken aussetzt. Darin ähnelt der Tonalitätszustand der Zwölftonmusik, und gleichzeitig unterscheidet sich von dem klassischen Dur-Moll-tonalen Systems. Die Hauptkriterien der mehrdeutigen Tonalität sind also unabgebildete Tonika, mehrdeutige Interpretation der tonalen Elemente und gegenseitige Anziehungskraft. Als Beispiel können „Also sprach Zarathustra“ (N.3+12t.), Oper „Salomeya“ (341–343tt.) von R. Strauss dienen. *„Aufgehobene Tonalität“* ist eine Art der Tonhöhenstruktur, oder ein Zustand der Tonalität, wo es vorausgesetzt ist: 1) es gibt keine Zentrumeinheit, 2) die Tonika ist nicht abgebildet und nicht angenommen, 3) schwache Funktionalität, wo die funktional unbestimmten Akkorde auf kein tonales Zentrum deuten, 4) dissonanter Kontext (mögliche „Wanderakkorde“) und 5) chromatischer Tonleiter. *„Aufgehobene Tonalität“* ist Endform der Atonikalität, die zur Gleichberechtigung der Tonarten unter der Zwölftonstufigkeit führte. Ansetzende Faktoren sind hier den der Zwölftonmusik ähnlich: Ordnung, der Intervallbeziehungen, Grundlage ist stabiler Tonleiter (nicht unbedingt ganz chromatisch) und die Funktionen der höheren Ordnung, Arkadenfunktionalität seiner Art, durch die funktionalen Gegenstücke und tonale Anzeiger geschaffen.

Konstruktive Funktion erfüllen hier durchgehende Melodie -, Intonationskomplex — oder Tonwirkung. In der ganzen Darlegung der Musikmaterie malt sich Logik des chromatischen Systems ab. Ein leuchtendes Beispiel der „aufgehobenen Tonalität“ ist „Also sprach Zarathustra“ von R. Strauss (N.18–7t.: Ziemlich langsam). Vier Zustände der Tonalität, die das System der Atonikalität (wie ein besonderes System) nun enthält, befinden sich zwischen spätromantischer erweiterter Tonalität und freier Zwölftonmusik, „neuer Tonalität“ des XX. Jahrhunderts. Spätromantische Zustände der Tonalität brachten eine der wichtigsten Richtungen der Entwicklungsgeschichte der europäischen Harmonie

zum Ausdruck, die mit der Schaffung einer neuen Tradition des harmonischen Denkens zu tun hat. Zum Ergebnis wurde nicht nur Zwölftonmusik, sondern auch Individualisierung der harmonischen Strukturen, insbesondere im Schaffen von S. Prokofjew. Im Ganzen hatte das Phänomen der spätromantischen erweiterten Tonalität als Atonikalität (einbezogen nicht nur behandelte Tonhöhen-systeme, sondern auch andere atonikale Zustände (Polytonalität, Bitonalität im Schaffen von G. Mahler) einen beträchtlichen Spielraum für weitere Entwicklung sowohl der spätromantischen harmonischen Techniken, als auch des ganzen europäischen harmonischen Systems.

Reference:

1. Rufer J. Die Zwölftonreihe: Träger einer neuen Tonalität//Österreichische Musik Zeitschrift, 1951, № 7.
2. Schönberg A. Harmonielehre. 3 Aufl., – Wien: UE, 1922.
3. Катунян М. К изучению новых тональных систем в современной музыке//Проблемы музыкальной науки. Вып. 5. – Москва: Советский композитор, 1983.
4. Мдивани Т. Проблемы поздне-романтической гармонии в творчестве австро-немецких композиторов конца XIX- начала XX вв. (А. Брукнер, Х. Вольф, Г. Малер, М. Рeger). – Автореф. канд. искусств., Вильнюс, 1983
5. Тараканов М. Новая тональность в музыке XX века//Проблемы музыкальной науки. Вып. 1. – Москва: Советский композитор, 1972.
6. Тюлин Ю. Современная музыка и ее историческое происхождение//Теоретические проблемы музыки XX века. Вып. 1 – Москва: Музыка, 1967.
7. Холопов Ю. Гармония. Теоретический курс –Москва: Музыка, 1988.

Chai Hong, Teaching Assistant,
Luoyang Normal University, Academy Of Information
Technology, Luoyang.
E-mail: yinxiang_nq@hotmail.com

Questions about studying the specifics of chinese traditional painting

Abstract: The author of the article analyzes the specifics of Chinese traditional painting in the context of dialogue with the Western culture.

Keywords: Chinese traditional painting, European painting.

Чай Хун, ассистент,
ЛоЯн педагогический университет
Академии информационный технологи, ЛоЯн.
E-mail: yinxiang_nq@hotmail.com

К вопросу изучения специфики китайской традиционной живописи

Аннотация: автором статьи проанализирована специфика развития традиционной живописи Китая в контексте диалога с западной культурой.

Ключевые слова: китайская традиционная живопись, европейская живопись.

Традиционное искусство с древнейших времен является основой культуры каждого народа и обу-

словлено укладом его жизни, устоями мировоззрения, исторически сложившимися и передаваемыми из по-

коления в поколение обычаями, навыками, художественными принципами, нормами.

Китайская культура является одной из древнейших среди тех, которые существуют в современном мире. Зародилась она за несколько тысячелетий до нашей эры и непрерывно развивается до сих пор. Многочисленные набеги кочевников, кровопролитные и жестокие междоусобные войны, завоевания иноземцев неоднократно опустошали и разоряли страну. Тем не менее, величие культуры Китая состоит в том, что, не смотря ни на что, она продолжала существовать и противодействовать всем потрясениям как целостный и крепкий массив. Города восстанавливались по имеющимся чертежам и в рамках тех же традиций, и, как только наступала пауза, страна с той же интенсивностью начинала жить наполненной духовной и хозяйственной жизнью.

Возникновение изобразительного искусства Китая восходит к эпохе неолита и насчитывает около 6 тысяч лет, о чем свидетельствуют археологические раскопки около города Сиань (административный центр провинции Шэньси), где были найдены изделия с изображением человека, растений и животных, выполненные с помощью минеральных красок. Что касается наиболее ранних из известных сегодня живописных произведений на бумаге и шелке, то они были найдены при раскопках древних могил и насчитывают более 2 тысяч лет.

Китайская традиционная живопись (гохуа) — это яркое и самобытное явление мирового искусства, которое по тематике, форме и изобразительным средствам принципиально отличается от западной живописи. Основные ее формы выделились уже в IV — V вв. н.э. Для этого вида изобразительного искусства характерно использование шелковых или бумажных свитков, туши и красок, разведенных в воде. Специфика китайской традиционной живописи заключается в высокой технике письма кистью, тонкости цветовых оттенков, пластичности и выразительности линий, особом построении пространства в картине и отсутствии линейной перспективы.

Китайская традиционная живопись является феноменом восточной школы изобразительного искусства, а европейская — феноменом западной. В живописи эти художественные школы отражают эстетические ценности Востока и Запада. В искусствоведении принято сравнивать и анализировать эти художественные школы, что позволяет наилучшим образом выявлять их характерные особенности. Восточная и западная художественные школы имеют свой

исторический путь развития, и, естественно, способы выражения идей. Но общей их чертой является стремление к достоверному отражению внутреннего мира человека.

На первый взгляд картины китайских художников, выполненные в традиционной манере, во многом похожи. Однако это не так. По меньшей мере, следует различать два стиля китайской живописи — гунби и сеи. Картины в стиле гунби («тщательная кисть») отличаются скрупулезной выписанностью контурных линий, подчеркивающих детали предметов. Такая техника придает картинам декоративность. Картины, написанные в стиле сеи («передача идеи»), не имеют четких контурных линий. Здесь художник заботится больше о передаче эмоционального, душевного состояния, чем об изображении конкретных предметов.

Китайская традиционная живопись является одной из немногих существующих в современной культуре неевропейских традиций живописи. Зародилась она в древнем Китае и активно развивается по сегодняшний день. Китайскую традиционную живопись принято классифицировать по следующим жанрам: хуаняо («цветы и птицы»), шаньшуй («горы и вода») и жэньу (портрет). Для жанра хуаняо характерно отражение красоты и гармонии природы, а также ее взаимодействия с человеком. Наполненные глубоким философским смыслом пейзажи в жанре шаньшуй, символизируют единство и борьбу противоположностей инь и ян (темное женское и светлое мужское начало), сюжеты которых представлены изображениями крутых горных склонов, домов, башен и деревьев. Жанр жэньу включает портретный рисунок, исторические, дворцовые, бытовые, городские сюжеты, а также иллюстрации преданий и легенд.

Истоки китайской традиционной живописи восходят к доисторической эпохе. В период палеолита посредством производительного труда люди овладели способами обработки камня и производства каменных орудий, для которых характерны симметрия, сбалансированность, подбор цветовой гаммы и другие способы отображения эстетического мировоззрения человека того периода. Позже на керамических изделиях проявились некоторые черты неолита — живопись этого периода представляет собой роспись керамических изделий. В последующие годы постепенно появлялись образцы пещерной живописи, что обогатило содержание живописи доисторического периода. Первобытная живопись, содержащая в себе мудрость и творческий потенциал, отразила простые мечты людей той эпохи, их верования и образ жизни.

В начале XX в., вслед за постепенным проникновением в Китай западной индустриальной культуры, в стране произошли кардинальные изменения: крах феодального строя, ожесточенные вторжения иностранцев, военные столкновения, Синьхайская революция, революционные перевороты, основание Китайской Народной Республики. Значительные политические перемены существенно повлияли на развитие искусства и культуры. Так, с момента основания Китайской Народной Республики в истории живописи усилилась тенденция влияния западной школы изобразительного искусства на школу китайской традиционной живописи. В результате в изобразительном искусстве страны отчетливо выделились два стилистических направления: традиционная китайская живопись (гохуа) и китайская живопись с западной спецификой (сянхуа). В современном мире, вследствие стремительного развития новых технологий, культурный обмен между Востоком и Западом приобрел всеобъемлющий характер. В результате, под влиянием процессов глобализации усилилось неизбежное столкновение и взаимопроникновение культур различных стран мира, в том числе европейской и китайской художественных школ.

В настоящее время между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой устанавливаются все более тесные и многосторонние связи, в том числе и в области культуры. В связи с этим в белорусском искусствоведении возникает необходимость бо-

лее глубокого изучения культурного наследия Китая, в частности — китайской традиционной живописи. Данная работа представляет собой исследование, которое существенно расширяет область изученности поставленной проблемы. Изобразительное искусство Китая представляет собой оригинальное, самобытное явление. Анализ феномена живописи Китая в условиях интенсивного развития взаимоотношений между культурными традициями Запада и Востока приобретает сегодня особую научную и духовно-практическую значимость. Осмыслив специфику китайской традиционной живописи, которая обладает уникальным эстетическим содержанием, можно раскрыть основные смыслообразующие ценности культуры страны.

Многие ученые Китая, Беларуси и России обращались к изучению отдельных вопросов развития китайской традиционной живописи XX — начала XXI в., но, несмотря на это, проблема остается открытой. До сих пор нет обобщающего исследования, посвященного данной проблематике. Необходимость всестороннего рассмотрения вопросов взаимодействия западной и китайской традиционной живописи определяет актуальность данного исследования. Таким образом, тема данной статьи вскрывает одну из важнейших проблем в изучении изобразительного искусства Китая, а именно выявляет специфику традиционной живописи Китая в контексте развития национального и европейского искусства XX — начала XXI в.

Section 4. History and archaeology

*Babenko Lyudmila Leonidovna,
Poltava National Pedagogical University, Ukraine,
Candidate of historical sciences, docent
E-mail: babenko_clio@ukr.net*

Participation of Soviet sekret services in closing down the churches and religious structures in Ukraine (1920–1940ies)

Abstract: interaction algorithm of the Soviet party bodies and the state security apparatus in the sphere of anti-religious policy, and technologies of the Soviet KGB-servicemen to liquidate material and technical basis of the religious communities and the influence of orthodox clergy are analyzed in the article.

Key words: State Political Directorate, People's Commissariat for Internal Affairs, orthodox church, religious structures, clergy

*Бабенко Людмила Леонидовна,
Полтавский национальный педагогический университет,
Украина, кандидат исторических наук, доцент
E-mail: babenko_clio@ukr.net*

Участие советских спецслужб в закрытии церквей и культовых сооружений в Украине (1920–1940-е гг.)

Аннотация: В статье анализируются алгоритм взаимодействия партийно-советских органов и органов госбезопасности в сфере антирелигиозной политики, а также технологии советских чекистов, позволяющие ликвидировать материально-техническую базу религиозных общин и влияние православного духовенства.

Ключевые слова: Государственное политическое управление, Народный комиссариат внутренних дел, православная церковь, культовые сооружения, духовенство

Предлагаемая к рассмотрению проблема представляет интерес, по нашему мнению, не только для исследователей постсоветского пространства. Вопросы нарушения права свободы совести в условиях тоталитаризма и его уроков, теоретическое и фактологическое обоснование особенностей взаимоотношений советского государства и православной церкви сохраняют свою актуальность. Особенно ярко последнее проявилось на примере Русской православной церкви, доминирующей по своей численности и влиянию на общественное сознание и мировоззрение. Это обуславливало её рассмотрение правящей большевистской партией как одного из главных идеологических противников, представителей «старого» монархического мира. Поскольку антирелигиозная пропаганда не обеспечила быстрого внедрения идей атеизма, большевистское руководство советской России и Украины обратилось к использованию спецслужб (органы государственной безопасности

на территории УССР имели название Всеукраинская чрезвычайная комиссия (ВУЧК)–Государственное политическое управление (ГПУ)–Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) для проведения антирелигиозной борьбы в исследуемый период. Причём, своеобразным сигналом к интенсивной интеграции спецслужб в антирелигиозную стратегию государства стало мнение создателя и первого руководителя ВЧК Ф. Дзержинского, о том, что «... церковь разваливается, этому нам нужно помочь, но ни в коем случае не возрождать её в обычной форме. Поэтому церковную политику развала должна проводить ВЧК и никто другой» [1, 9].

Исследователи обращались к теме результатов оперативно-агентурной и репрессивной деятельности спецслужб в отношении различных конфессий, в том числе и автор статьи [2]. Предметом её исследования является участие спецслужб совместно с партийными и административными органами в лик-

видации материальной базы православной церкви и религиозных общин через изъятие культовых сооружений, их разрушение и разграбление. В процессе реализации антирелигиозной политики спецслужбы руководствовались постановлениями, директивами и циркулярами Центрального комитета ВКП (б) и КП (б)У, Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК), руководства НКВД и подразделений спецслужб, координируя свои действия с местными органами власти.

Важной задачей партийно-государственного аппарата и органов госбезопасности была выработка механизма закрытия культовых сооружений. Этот процесс внешне должен был выглядеть как закономерное явление и формировать общественное мнение об отсутствии потребности в культовом сооружении вследствие снижения религиозности населения. Циркулярные письма ВУЦВК от 14 августа 1924 г. и НКВД УССР от 26 августа 1924 г. требовали придерживаться установленного порядка закрытия храмов только после согласования с ВУЦИК и с соблюдением следующих формальных условий: 1) острая потребность в использовании культового сооружения для государственных нужд, при этом верующим должно предоставляться другое помещение для проведения богослужений; 2) отсутствие достаточного количества верующих; 3) аварийное состояние культового сооружения. Примечательно, что руководство НКВД фактически санкционировало доведение церквей до аварийного состояния. Декабрьский циркуляр 1924 г. запрещал окружным исполкомам побуждать религиозные общины производить текущие или капитальные ремонты культовых сооружений, поскольку это приводит «... к усилению религиозного дурмана среди крестьянства». Поэтому НКВД УССР предлагал «... наоборот, стараться всеми методами и способами (но вполне конспиративно!), не используя административных ресурсов, тормозить проведение ремонта молитвенных домов в сёлах» [3, 9].

Руководство НКВД УССР акцентировало внимание местных органов власти на том, что процесс закрытия храмов, изъятие церковной атрибутики не должны оскорблять чувств верующих. Однако члены ликвидационных комиссий, сельские руководители, партийные и комсомольские активисты, входя в храм, не снимали головных уборов, ругались, курили, насмехались над верующими и т. д. [4, 4–4 об.]. Такие случаи постоянно фиксировались в информационных сводках ГПУ УССР и расценивались как провоцирующие антисоветские настроения. По-

этому административный отдел НКВД напоминал местному антирелигиозному активу о соблюдении осторожности и тактичности при закрытии храмов. Так, на основании постановления Малого президиума ВУЦИК от 5 августа 1924 г. НКВД 27 августа этого же года издал циркуляр, в котором не рекомендовал использовать культовые сооружения для военных нужд, сборных пунктов военных призывников, клубов, складских помещений, чтобы не провоцировать народных бунтов.

С целью избежания острых конфликтов руководство НКВД Украины предлагало размещать в них культурно-просветительские (избы-читальни) или социальные учреждения (детские колонии, интернаты, больницы, санатории и др.). Например, помещение церкви в с. Олышевка на Черниговщине было передано под школу [5, 26]. Полтавским губернским ликвидкомом в присутствии представителя губотдела ГПУ УССР А. Журбы и представителя прокуратуры И. Дайсберга было принято решение в домовую церковь при мужской гимназии г. Краснограда открыть детское воспитательное учреждение. Имущество, не имеющее отношение к религиозным обрядам, передавалось местной школе [6, 30–31].

Следует отметить, что чаще всего, вопреки изложенным рекомендациям, местные руководители приспособливали культовые сооружения для хозяйственных нужд, разбирали на стройматериалы или же они длительное время пустовали [7, 2–3]. Подобные факты вызывали возмущение крестьян, что выражалось в активных и пассивных формах протеста, которые в информационно-аналитических документах спецслужб именовались «волынками».

Механизм антирелигиозных акций, связанных с закрытием культовых сооружений, на самом деле был чрезвычайно сложным и требовал многочисленных документально оформленных согласований, чёткой системы тайного информирования с целью прогнозирования и упреждения нежелательного поведения духовенства и верующих, дублирования решений и функций различных органов и т. д. При этом органы центральной власти проводили политику двойных стандартов: с одной стороны, требовали не сворачивать с пути борьбы с религией и церковью, с другой — не создавать напряжения среди верующих, избегать конфликтов на религиозной почве. Нарком НКВД УССР В. Балицкий, владея многочисленными фактами противостояния верующих и местных партийно-государственных аппаратов, в 1928 г. нацеливал органы ГПУ УССР и отдел культов НКВД

применять гибкую тактику регулирования религиозной жизни, особенно в деревне, где религиозные общины «... в основном состояли из незажиточных крестьян и середняков», а отношения с ними «... в нынешних сложных условиях приобретают также важное политическое значение» [8, 102]. Так, в августе 1929 г. имел место случай в Киевском округе, когда начальник окружного отдела ГПУ Г. Иванов настаивал на возвращении церкви общине в с. Стретовцы. В результате её закрытия резко увеличилось количество антисоветских высказываний, саботажа, протестные настроения распространились на соседние сёла [9, 1–3].

Сплошная коллективизация не только ускорила процесс закрытия культовых сооружений, но и усовершенствовала взаимодействие партийно-советских органов и ГПУ УССР. Например, в апреле 1930 г. Черниговский окружной админотдел вернул ряд дел председателям сельсоветов с предложением связаться с ГПУ для проведения «дополнительной работы» по мотивированию закрытия церквей компрометирующими материалами [10, 125]. Вероятно такая ситуация сложилась из-за поспешной процедуры закрытия. В процессе закрытия храмов и церквей органы ГПУ УССР руководствовались директивой ОГПУ СССР от 22 марта 1930 г за подписью начальника секретно-оперативного управления Ю. Евдокимова, его заместителя Е. Тучкова и начальника 6-го (антирелигиозного) отделения И. Полянского, которая нацеливала на «серьёзную и большую чекистскую подготовку», чтобы упредить «эксцесы и затягивание». Оперативными методами спецслужбы должны были выявлять всех неблагонадёжных, которые могли бы инициировать протестные акции, и нейтрализовать их. В который раз государство демонстрировало дифференцированное отношение к существующим православным течениям: «Во время закрытия церквей следует исходить из того, что в первую очередь должны быть закрыты иосифлянские и сергиевские церкви, ВВЦСовские и только в последнюю очередь — обновленческие» [11, 6 об.]. Духовенство, которое оставалось без приходов, подлежало высе-

лению из районов сплошной коллективизации. При этом акцентировалось внимание на необходимости сохранить «ценную агентуру» из числа духовенства. «Менее ценные осведомители, которые могут быть выселены, не должны терять связь с органами ОГПУ» — их планировали и дальше использовать на новом месте проживания.

Практика закрытия культовых сооружений и использования их с другой целью продолжалась и в 1940-х гг. Ведь количество действующих храмов во время нацистской оккупации Украины резко увеличилось, а значит, как утверждало высшее партийно-советское руководство, возросла и религиозность населения республики. В конце 1945 г. на её территории действительно было зарегистрировано 6232 действующих храма [12, 123], количество верующих, по утверждению Уполномоченного Совета по делам РПЦ по УССР П. Ходченка, составляло больше 1 237 тыс. [12, 126]. За данными управления МГБ в Полтавской области в период оккупации открылось 345 православных церквей и 2 женских монастыря. Только в Полтаве действовало 8 церквей и 1 монастырь, тогда как до войны в области насчитывалось всего 12 церквей, из них 1 — в областном центре [13, 24]. Естественно, встал вопрос о возвращении государству вновь занятых верующими зданий. Только до конца 1945 г. у религиозных общин республики было изъято 587 из них. В течении последующих нескольких лет было закрыто ещё 208 храмов, снято с регистрации 394 вроде бы самоликвидировавшихся общин [12, 128].

Однако, как свидетельствуют документы и отдельные исследования на примере Полтавской области оптимизм партийных чиновников и спецслужб в повоенный период оказался преждевременным. Информационно-аналитические сводки стабильно свидетельствовали о тенденциях устойчивого придерживания религиозных обрядов среди населения различных возрастных групп вне зависимости от наличия или отсутствия действующих церквей в населённых пунктах. К борьбе с этим явлением государство широко привлекало органы госбезопасности [14, 203–209].

Список литературы:

1. Российский государственный архив социально-политической истории, Ф. 76, оп. 3. д. 196.
2. Бабенко Л. Органи державної безпеки в системі взаємовідносин держави і православної церкви в Україні (1918 – середина 1950-х рр.) / Л. Бабенко. – Полтава: ТОВ «АСМІ», 2014. – 549 с.
3. Державний архів Чернігівської області, ф. Р-64, оп. 1, спр.2.
4. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі ЦДАГОУ), Ф.1, оп. 20, спр. 2006.
5. Держархів Чернігівської обл., ф. Р-67, оп. 1, спр. 483.

6. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України, Ф. 5, оп. 2, спр. 198.
7. Держархів Чернігівської обл., ф. Р-17, оп. 1, спр. 106.
8. ЦДАГОУ, Ф. 1, оп. 16, спр. 34.
9. ЦДАГОУ, Ф. 1, оп. 20, спр. 2908.
10. Держархів Чернігівської обл., Ф. Р-67, оп. 1, спр. 483.
11. галузевий державний архів Служби безпеки України (далі ГДА СБУ). Ф. 13, спр. 383.
12. Лисенко О. Церковне життя в Україні. 1943–1946 рр./О. Лисенко: Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. – Київ, 1998. – 404 с.
13. ГДА СБУ, м. Полтава, спр. 352.
14. Бабенко Л. Стан релігійності населення Полтавщини у повоєнний період/Л. Бабенко//Краєзнавство: наук. журнал. – 2008. – № 1–4.

Qajar Chinguiz Oveys,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences
full member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan
Nazila Bagir Soltanova,
Associate Professor, Leading Researcher, Ph. D./Ph. D.
Leila Vahid Karayeva
graduate student Institute of Physics,
National Academy of Sciences of Azerbaijan
E-mail: Muzezfizika@yahoo.com
Rahimov Nizami
Director of the State Museum of History
of the Nakhchivan Autonomous Republic

Bronze bracelets — the cash equivalent of the Bronze Age

Abstract: An article is considered question weight and monetary systems of the Bronze and Iron period in the territory of Azerbaijan. It has given a new version concerning weight system of that time. The main weight unit at the time, called “Caucasian shekels,” had its parallel in the form of a valid payment equivalent. Bronze bracelets merged based on the system. They functioned as money and at the same time as a weight standard.

Key words: sickle, bronze, bracelets, numismatics, the weight and the monetary system.

Каджар Чингиз Овейсович
Доктор физ.-мат. наук, действительный член НАН Азербайджана
Солтанова Назила Багировна
Кандидат исторических наук, Доцент Института физики НАНА
Кареева Лейла Вагидовна
Аспирант, Институт физики им. Г.М. Абдуллаева
Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: muzezfizika@yahoo.com
Рагимов Низами
Директор Государственного Музея
Истории Нахчыванской АР

Бронзовые браслеты — денежный эквивалент бронзовой эпохи

Аннотация: В статье рассматривается вопрос весовой и денежной системы эпохи Бронзы и Железа в Азербайджане. Основная весовая единица того времени, названная «кавказским сиклем», имела свою параллель,

действующую в форме платежного эквивалента. Бронзовые браслеты сливались на основе той системы. Они функционировали как деньги и одновременно как весовой эталон. В статье дается новая версия относительно весовой системы того времени.

Ключевые слова: сикль, бронза, браслеты, нумизматика, весовая и денежная система

Творения ушедших поколений позволяют сегодня говорить о современных достижениях науки. Известный французский археолог Жак Жан Мари де Морган (1857–1927) пишет: «Чтобы вернее понимать значение и смысл древних творений, и по ним судить о жизни творцов, следует познать секрет их чтения» [3, с. 6].

Археологические находки ученых ведут нас в глубокую древность. До появления чеканной монеты известно огромное число товаров, выполняющих функцию денег. Последним, достаточно отвечающим требованиям всеобщего эквивалента, товаром стали слитки драгоценных металлов (медь, бронза, серебро, золото). Металлы являются более пригодным по своим физическим свойствам материалом для выполнения роли всеобщего эквивалента со всеми свойственными ему функциями. В зависимости от географического региона у каждого народа был свой эквивалент. Затем появился уже более всеобщий функционер — чеканная монета.

Превращение первобытного товарообмена в общественный процесс с критериями соизмерения стоимости продуктов на территории Азербайджана началось приблизительно в XIII–XI вв. до н. э. и ускорилось где-то в VIII — VII вв. до н. э.. Для этого имелись все условия — географические, разнообразные сырьевые источники, водные и сухопутные возможности, плотность населения [1, с. 172].

В 1890 году французский археолог Жак де Морган проводил археологические раскопки в юго — восточном регионе Азербайджана и открыл древние захоронения с богатым убранством. Среди находок было достаточно бронзовых браслетов. Морган отмечает, что «слитки в виде браслетов представляли особый род денежного знака определенного веса в эпоху железной индустрии» [3, с. 275].

Археологические находки в раскопках на территории Азербайджана дают возможность говорить о денежных эквивалентах Бронзового и Железного веков — бронзовых браслетах, действующих на этой территории. В одном из погребений Менгечаура на скелете обнаружено свыше 70 подобных браслетов.

Основная весовая единица бронзовых браслетов по Моргану 8,2 гр, которая была названа им «кавказским сиклем» [1, с. 152].

Ассиро-вавилонский сикль (шекель) равен 10–11 гр. Шекель (сикль) — еврейское слово (Π тыс. до н. э.), в переводе означающее взвешивать. Еврейский шекель равен приблизительно 9–17 гр. Сикль, в среднем весе равный 8 гр, был достаточно популярным финансовым эквивалентом международной торговли XIX в. до н. э. [5, с. 22], [7, с. 12].

Браслеты, о которых идет речь, изготовлены по определенному весовому стандарту. Известный нумизмат Али Раджабли, после анализов браслетов из археологического фонда МИА, считает, что исходная весовая норма для этих браслетов — 10 гр. Он определил четыре группы, расположенные в квартальном порядке — 1, 2, 4, 8 — со средним весом соответственно: 10, 20, 40, 80 гр. [7, с. 12]. Действительно, получается поражающая весовая система, по которой в глубокой древности сливались бронзовые браслеты, действующие как платежное средство и весовые единицы.

Металл вначале представлял из себя исключительно ценный материал, его берегли с большой заботой. Последние периоды полировки камня у различных народов относятся к рождающейся металлургии. После использования меди обязательно идет получение бронзы.

Бронза является сплавом меди и олова. Древний мир был богат медью, а олова было не так то уж много. Сплав обладает гораздо большей твердостью, чем красная медь — мягкий, легкоковкий металл. Но медь может получить твердость не только путем сплава с оловом. Прибавка небольшой дозы мышьяка, сурьмы или цинка также меняет молекулярный состав меди.

Уже в глубокой древности пытались производить сплавы. Сплав, придающий меди необходимые качества для оружия, инструментов, должен содержать олово в отношении 10 на 100. Изменение данного отношения дает хрупкий сплав. Т.к. примитивные металлурги этих времен не обладали современными научными методами и могли действовать только ощупью, последовательными пробами, то содержание олова в бронзовых орудиях, предметах чрезвычайно различно. При вычислении плотности исследуемых нами бронзовых браслетов мы сталкивались с этими погрешностями. Тем не менее, желательное

содержание олова в сплаве для древних колебалось от 10 до 18%.

Еще первые металлурги находили залежи меди и олова в девственном виде; они видимо были в форме окисленных руд, и, чтобы добыть металл, им было достаточно плавить их на восстановительном огне древесных углей. Олово же добывалось путем промывки песка [2, с. 10].

Возникает вопрос, приготовлялась ли бронза путем соединения в известной пропорции двух составных элементов ее в виде металла или же руды смешивались перед плавкой? Последнее предположение больше подходит реальным фактам, которыми можно объяснить разницу содержания олова в сплаве.

Благодаря интенсивному совершенствованию бронзовой технологии и специализации древнеазербайджанских племен, общин на добыче руд и металлообработки, ускорилось развитие производительных сил, значительно расширились внешние связи и границы товарообмена. Начинается торговля, которая требует всеобщий эквивалент.

На Кавказе была своя медь, которая также вывозилась, а олово было в основном привозное.

На территории Азербайджана первыми металлическими деньгами можно считать бронзовые браслеты,

кольца разного размера и веса, встречаемые в погребениях конца II- начала I тысячелетия до н. э.

Кроме этих браслетов рассматриваемого периода пока неизвестны другие предметы, изготовленные по какому-то весовому стандарту или весовой системе. По этой причине мы не можем причислить данную весовую норму к какой — либо весовой системе. Но весовая норма бронзовых браслетов 8–11 гр., почти идентична с младшей единицей ассирио — вавилонской весовой системы — сиклем (шекелем), которая нашла свое применение на территории Азербайджана не без влияния развивающихся товарно — денежных отношений и торговых связей с высокоразвитыми цивилизациями Переднего Востока [7, с. 12].

Многочисленные находки при археологических раскопках на территории Азербайджана золотых и серебряных изделий, относящихся к концу эпохи Бронзы и началу Железа (XII — IX в. в. до н. э.) позволяют сказать, что золото и серебро, как благородные металлы, были хорошо известны в древнем Азербайджане. Необходимо отметить, что доли сикля учитывались в основном при расчетах в драгоценных металлах, золоте и серебре, которые были международными платежными средствами того времени [6, с. 46].

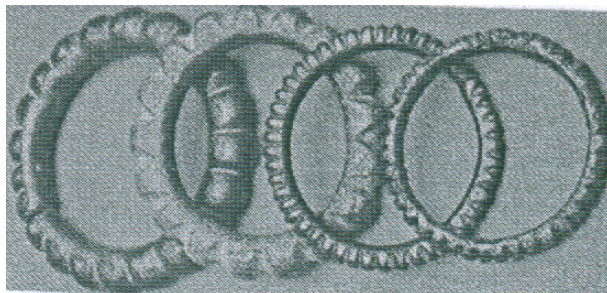

Рис. 1. Бронзовые браслеты начала Железного века, найденные в археологических раскопках Карабаглар (Нахчыванская АР)

Рис. 2. Бронзовые браслеты, найденные в Товузе [4, с. 9]

Наши взвешивания бронзовых браслетов, хранящихся в Государственном музее истории Нахчывана, которые были найдены при раскопках Кызылбурун, Карабаглар и Джульфа (Нахчыванская АР), и браслетов, найденных в Товузе показали в приблизительной форме выше отмеченную единицу — 8–10 гр.

Возникает вопрос: почему весовая единица именно 8–10 гр?

Исследуя эти бронзовые браслеты, у нас появилась интересная версия, касающаяся весовой системы (весовой единицы), по которой изготавливались (сливались) подобные браслеты. Основная

весовая единица бронзовых браслетов, 8,2 гр — «кавказский сикль», сам сикль, будучи известной весовой единицей своего времени, в цифровой форме совпадают с плотностью бронзы. Плотность оловянистой бронзы $\rho = 8,6-9,3 \text{ г/см}^3$ (90% Cu; 10% Sn), фосфористой бронзы $\rho = 8,7-8,9 \text{ г/см}^3$ (92,5% Cu; 7% Sn, 0.5%P). По всей вероятности, тогда, в какой-то примитивной форме у металлургов того времени была информация о плотности бронзы и основная весовая единица торговой системы того времени — сикль была определена на основе этой величины.

М (г)	Нахчыван				Товуз				
	360	270	90	80	39	61	19	66	56
М (г)	10							8	

m(г)	Нахчыван				Товуз				
	360	270	90	80	66	61	56	39	19
ρ(г/м³)	6	7.7	10	10	8.2	8.7	8	5.5	4
m(сикль)	45	33	11	10	8	7.5	7	4.7	2.3

Список литературы:

1. Бабаев И. А. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. – III в. н. э. Баку: Элм, 1990, 236 с.
2. Древний Восток и античная цивилизация. Л.: Гос. Эрмитаж, 1988, 136 с.
3. Жак де Морган. Доисторическое человечество. М. – Л.: Госиздат, 1926, 315 с.
4. Каджар Ч. О. Мизандарлыг. Баку: Шерг-Герб, 2010, 136 с.
5. Марков А. К. Древняя нимузматика. Ч. I, СПб.: Типография А. П. Лопухина, 1901, 222 с.
6. Пахомов Е. А. Клады Азербайджана и других республик и краев Кавказа. Баку: Изд-во АзФАН, 1938, 101 с.
7. Раджабли А. Нумизматика Азербайджана. Баку: Элм ве Хаят, 1997, 232 с.

Zeynalov Arif Einaly ogly
Nakhchivan State University, Azerbaijan Republic, teacher Senior teacher
E-mail: arifzeynalov49@gmail.com

European charm of the Caucasus, Azerbaijan

Abstract: Issues of the Azerbaijan-German relations are considered in the paper. The analysis of Azerbaijani proverbs and sayings about the prophet Noah is carried out.

Key words: Azerbaijan-German literary relations, Mirza Shafi Vazeh, Nakhchivan, the prophet Noah.

Зейналов Ариф Эйналы оглу
Нахчыванский Государственный Университет,
Азербайджанская республика, Старший преподаватель
E-mail: arifzeynalov49@gmail.com

Европейское очарование Кавказа Азербайджан

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы азербайджанско-немецких связей. Проводится анализ азербайджанских пословиц и поговорок о пророке Ное.

Ключевые слова: азербайджанско-немецкие литературные связи, Мирза Шафи Вазех, Нахчыван, пророк Ной.

Многочисленные археологические находки международных археологических экспедиций свидетельствуют о том, что Азербайджан — один из древнейших очагов культуры человеческого общества. Истоки научной мысли в Азербайджане уходят в глубь тысячелетий. Уже в IX–VII вв. до н. э. азербайджанский народ имел свою письменность (мидийская письменность). Позднее, в V в. н. э. в Азербайджане появляется албанская письменность, а в VII в. — арабская. Как известно, мидяне и албанцы являются далекими предками азербайджанцев.

Широко известны имена выдающихся азербайджанских ученых — мыслителей XI в. Хатиба Табризи, Бахманияра, Ф. Фардизады Ширвани и др., в трудах которых отражены актуальные для того времени проблемы астрономии, космогонии, философии, филологии и много других отраслей знания. Выдающиеся азербайджанские поэты и мыслители Хагани Ширвани (XII в.), Низами Гянджеви (XII в.), Мухаммед Физули (XVI в.) в своих произведениях затронули в художественной форме многие вопросы естествознания и философии. В XIII в. Насреддином Туси была создана Марагинская обсерватория, широко известная среди современников и оказавшая значительное влияние на последующее развитие научного знания. Обсерватория была крупным международным научным центром Востока.

В XIV–XV вв. развитие научной мысли связано с именами С. Бакуви (философия, история, география, астрономия), А. Бакуви (история, география), Ф. Рашидады (медицина, история) и др. Интерес к тюркским языкам и, в особенности, к турецкому языку появился в Западной Европе после завоевания турками Константинополя в 1453 г.

Немецкому ученому Юлиусу-Теодору Цинкеру принадлежит перевод с русского на немецкий язык труда выдающегося азербайджанского ученого Мирзы Мухаммеда Али Гаджи Гасым оглу (Александра Касымовича) Казем-бека «Общая грамматика турецко-татарского языка», увидевшего свет в 1839 г. в г. Казани. В 1848 г. немецкий ориенталист Ю.-Т. Ценкер перевел «Грамматику» на немецкий язык и издал ее в Лейпциге [1]. Как известно, в то время все тюркские языки без разбора на территории Российской империи именовались татарскими, а азербайджанцы — закавказскими мусульманами или татарами.

Еще раньше в 1815 г. немецкий востоковед Генрих Фридрих фон Диц (1751–1817) опубликовал в переводе на немецкий язык одно из двенадцати сказаний азербайджанского героического эпоса

«Китаби-Деде Горгуд» («Книга моего деда Горгуда»), рукопись XVI в. которого была обнаружена в Национальной библиотеке города Дрездена [2, 410]. Г. Ф. Диц, переведя одно из самых интересных сказаний об огузском Тепегезе (Темя-глаз), главного персонажа памятника, являл родного брата циклопа Полифема из «Одиссеи» Гомера, чем вызвал настоящую сенсацию т. к. огузский эпос был более древним.

В 1771 г. Анкетиль Дюррерон перевел на французский язык священную книгу древних народов Азербайджана, Ирана и Средней Азии «Авесту», составляющуюся в течение многих веков, ранние части которой приписываются преданием пророку Спитаману Зардушту (Заратуштр, Зороастр), вызвав тем самым нежелательную реакцию среди некоторых востоковедов. Однако, профессор Рижского университета Клинггер защитил его и в 1776 г. опубликовал перевод «Авесты» на немецком языке. Далее «Авеста» была переведена на другие языки и исследована такими европейскими учеными, как Е. Бергель, Х. Бартоломей, Б. Раск, Ф. Шипенгель, Н. Л. Вестергад, Ф. Виндишман, Л. Дарместегер, Л. Н. Месс, Ф. В. Вест, Ф. Вольф, А. Кристенсен и др.

В 1844 г. в г. Тифлис приехал немецкий поэт, журналист, переводчик Фридрих Мартин фон Боденштедт. Будучи ориенталистом, он проявлял большой интерес к жизни Кавказа и был приглашен сюда генералом Нейгартом, являющегося в ту пору главноуправляющим Загавказского края, в качестве «наставника — наблюдателя и преподавателя иностранных языков». До этого он занимал ту же должность в семье князя Н. Голицина в Москве, обучая его детей иностранным языкам [3, с. 410].

Имея полученное из Московского университета свидетельство на право преподавать «языки и словесность французскую, английскую и немецкую, «он был принят на должность учителя французского языка в Тифлисскую» гимназию.

Вскоре по приезде в Тифлис Ф. М. Боденштедт познакомился с известным азербайджанским поэтом, преподавателем восточных языков Тифлисской гимназии Мирзой Шафи Вазехом, под руководством которого начал изучать азербайджанский и персидский языки.

К тому времени Мирза Шафи Вазех написал сборник стихотворений, но так как азербайджанский народ пользовался арабской графикой в Тифлисской типографии такого шрифта не имелось.

В 1847 г. Ф. М. Боденштедт возвратился на родину, привезя с собой записи песен своего учителя и его по-

дарок — тетрадь стихов, озаглавленную «Ключ мудрости».

Вскоре после прибытия в Германию Ф. М. Боденштедт выпускает книгу «Народы Кавказа и их борьба с Россией за свою независимость», где разоблачает многие деяния русской администрации, книга имела успех.

В 1851 г. выходят большим изданием переведенные на немецкий язык «Песни Мирзы Шафи» под заглавием «Die Leder des Mirza Schaffy mit einem Proloq von Fr. Bodenshtedt». Из названия книги усматривается, что автором «Песен» является Мирза Шафи, а Ф. Боденштедт является только автором «Пролога».

В «Прологе» в иносказательной форме Ф. М. Боденштедт обращается к Мирзе Шафи: «Я вновь посетил тебя, мой гянджинский учитель! Как я хочу сесть возле тебя и слушать твои очаровательные песни. Из подаренных тобой благоухающих цветов я сплел красивый венок. Мой гянджинский мастер слова, чтобы принести тебе славу, а нашим женщинам радость, я рассыпанные предо мной жемчужины нанизал на нить и получилось красивое ожерелье!»

Отпечатанная хорошим типографским шрифтом в изящном переплете книга «Die Sider des Mirza Schaffy» («Песни Мирзы Шафи») имела необычайный успех. Книга ежегодно переиздавалась по несколько раз и была переведена на многие европейские языки.

Умер Мирза Шафи Вазех 16 ноября 1852 г. в г. Тифлисе. День смерти его был отмечен заметной в «Актах Кавказский Археографической Комиссии»: «Скончался ноября 16 дня 1852 года в Тифлисе Мирза Шафи Садых оглу, получивший громкую известность благодаря известному сочинению Боденштедта» [4, с. 832].

Небывалый успех «Песен» дал возможность Ф. М. Боденштедту в 1875 г. издать еще один сборник «Из наследия Мирзы Шафи», в предисловии которого Ф. М. Боденштедт уже сам заявляет: «Хотя Мирза Шафи и существовал, но песни его не переводы. Они обязаны своим существованием одному мне».

Неизвестно, что заставило Ф. М. Боденштедта сделать «разоблачительное» заявление: концепция «непереводимости», господствующая в то время в Европе, вольность, допущенная при переводе, небывалый успех, вскруживший ему голову, нежелание уступить своему учителю, или же соблазн неопровержимости.

Как известно, крупные немецкие философы-лингвисты Г. В. Лейбниц (1646–1716), В. Гумбольдт (1767–1855), А. Шлегель (1762–1845), являющиеся создателями так называемой теории «непереводимо-

сти», утверждали, что художественное произведение всегда имеет ярко выраженный национальный характер и что каждый язык обладает своеобразными средствами выразительности, и поэтому самобытные черты каждого языка могут служить препятствием для перевода. Этой же концепции придерживался и украинский ученый филолог А. А. Потебня (1835–1891).

Однако, сколь значительна ни была вина Ф. М. Боденштедта перед Мирзой Шафи, она невелика в сравнении с заслугой перед азербайджанской литературой: до нас дошли пусть не в подлиннике, а в переводе, многие стихотворения Мирзы Шафи, о которых мы бы не узнали, не будь того, что в современном литературоведении носит название «плагиат Боденштедта».

Нахчыван — неотъемлемая часть Азербайджана, это одно из древнейших поселений мира. Топоним «Нахчыван» обладает несколькими этимологическими значениями. По одной из версий, топоним «Нахчыван» связан с именем легендарного пророка Нуха (по Ветхому завету — Ной). Таким образом, слово «Нахчыван» состоит из трех частей: Нах (Нух), из обозначающего в тюркских языках суффикса «чы» и топонимического форманта «ван», обозначающего место. Название города переводится как «пристанище Нуха (Ноя)» или «место, где объявился Нух (Ной)».

О пророке (Нухе) Ное говорят и названия окрестных гор: Нухтабан (Гора Нуха), Гемигая (Гора-Ковчег); сел: Нухаджир (Светозарный Нух), Нухйурду (родина Нуха), Нухгадик, Нехрам.

Если посмотреть на карту мира, то нигде нельзя встретить такого количества названий местностей, связанных с пророком Нухом (Ноем), как в Нахчыване.

Образ Нуха (Ноя) нашел отражение и в величайшем богатстве азербайджанского народа — его пословицах и поговорках, по-азербайджански «аталар созу» («слово отцов»). В лексическом составе азербайджанского языка немало фразеологических выражений и о пророке Нухе: 1. Nuhdan qalma (Со времен Нуха); 2. Nuh əyüamından qalma (Свидетель Ноева похода); 3. Nuh deyir, reuğəmbər isə yox deyər (Нух скажет, а пророк — нет (об упрямом, любящем поспорить человеку); 4. Nuh sözünü yeddi səhv ilə yazar (Он пишет слово Нух с семью ошибками); 5. Elə Nuh təkəgəm yer-göy qovuşar (Пошла Нуха и он сравнивает землю с небом (проклятие); 6. Nuhun qohumudur (Доводится родичем Нуха (ирония о человеке, считающего свой род от Нуха).

Характерной особенностью азербайджанской фразеологии является упоминание имени Аллаха (Бога),

встречающегося в пословицах и поговорках. В книге «Азербайджанские пословицы» их насчитывается около 270-ти. Вот некоторые из них: Аллах дает человеку или богатство, или разум (Allah adama ya mal verər, ya kamal). Кто Бога не признает, тот народом гоним, а кто не признает народа, тот самим Богом гоним (Allahı tanımayana el qənim olar, eli tanımayana Allah özü). Никого не бойся, кроме Аллаха (Allahdan başqa heç kəsdən qorxma). Да продлит Аллах твою жизнь! (Allah ömrünü uzun eləsin!). Бог дал страдание, дал и снадобье (Allah dərd verib, dərman da verib). Бог, если дарит день, подаст и пищу (Allah gün versə, ruzi də verər). Не дай Бог оказаться во власти судьбы или врача (Allah adamın işini nə hakimə, nə də həkimə salmasın) [5, с. 282–317].

О Нахчыване впервые упоминали историк Иосиф Флавий в I веке до н. э. и греческий историк Клавдий Птолемей во II веке н. э. По мнению историков Брокгауза и Ефрона, город Нахчыван основан в 1539 г. до н. э.

В XIX в. русский исследователь К. А. Никитин писал: «По преданию, после потопа пророк Ной жил в Нахчыване и здесь же был похоронен. До сих пор сохранились притчи о том, что пророк Ной работал на местных соляных конях...» [6, с. 113].

В середине 60–70 годов XX в. в штольне Нахчыванского соляного рудника были обнаружены древние соляные кони конца IV начала III тысячелетия до н. э. Возраст обнаруженных соляных копий подтверждают выводы ученых.

Восстановлена разрушенная при Советской власти могила пророка Ноя, находящаяся на территории Старой крепости, над ней возвышается Мавзолей.

Как символ непоколебимости, высоты возвышается на эмблеме Нахчывана гора Иландаг (Гора-змея). По преданию, гора раскололась на две части после удара Ноева ковчега, отплывшего от горы Арарат.

В греческой мифологии рассказывается о титане Прометее, который похитил с неба огонь и научил греков пользоваться им. Узнавший об этом Зевс приказал приковать Прометея железными цепями к огромной скале в горах Южного Кавказа.

Возникшее на основе этого фразеологическое выражение «прометеев огонь» употребляется в значении «священный огонь, горящий в душе человека, борющегося за достижение высоких идеалов в науке, искусстве, общественной жизни».

Президент Греции Каролас Папульяс на встрече с коллективом Бакинского славянского университета, состоявшейся 6 апреля 2011 года, отметил: «Еще во времена, когда господствовали мифы, было известно, что Прометей принес людям огонь именно

из вашей страны. Историки утверждают, что гора, где Прометей подвергался наказанию Зевса, находится на территории Нахчывана. Позвольте произнести название этой горы так, как оно звучит на вашем языке: Иландаг» [7, с. 75].

Азербайджан по праву считается родиной нефти. Здесь еще с середины XIX в. стали добывать нефть из недр земли. Азербайджанцы почитают нефть как лекарство, источник дохода, хлебное дерево. Огнепоклонничество (Зороастризм) как религиозное верование запечатлено в священной книге «Авеста», проповедовавшей победу Добра, Правды и Света над Злом, Ложью и Тьмой.

В Азербайджане издавна проявлялся большой интерес к немецкому народу, его литературе и культуре. Немецкий народ по праву является историческим наследником не только классической немецкой философии, но и классической литературы в лице Канта и Гегеля, Лессинга, Шиллера и Гете.

В азербайджанских вузах открыты кафедры немецкого языка и литературы, массовыми тиражами издаются немецко-азербайджанские словари, учебники немецкого языка, произведения немецких писателей. В Нахчыванском государственном университете на факультете международных отношений и иностранные языки студенты обучаются по специальности «Учитель немецкого языка». Работники посольства Федеративной Республики Германии являются частными гостями университета.

У немецкого народа, как и у каждого народа, были собственные представления о культе слова, способного творить и разрушать, защищать и угрожать, оберегать и губить, презирать и уважать и т. д., нашедшие отражение в величайшем богатстве немецкого народа — его пословицах и поговорках.

Вот некоторые из них:

1. Sprich wort, wahr wort (Пословица — правдивое слово. Ср.: В пословице правда молвится). 2. Kurze Rede, Qute Rede (Краткая речь — хорошая речь. Ср.: Словам тесно, а мыслям просторно). 3. Man lernt, zolonqe man left (Учатся до тех пор, пока живут. Ср.: Век жива — век учись). 4. Voller Maqen lernt mit Unbehaqen (Полный желудок учится без удовольствия. Ср.: Сытое брюхо к учению глухо). 5. Was ein Esel von mir spricht, das acht ich nicht (То, что обо мне говорит осел, я не принимаю во внимание. Ср.: Собака лает, ветер носит). 6. Auf Schritt und Tritt (На каждом шагу, везде и всюду). 7. Luq und Truq (Ложь и обман). 8. Mit rat und Tat (Словом и делом). 9. Saft and Kraft (Плоть и кровь). 10. Wort fur Wort (Слово За слово) [8].

Недавно завершил работу Бакинский международный гуманитарный форум. После окончания участники форума из Австрии и Германии побывали в Гейгельском районе в Немецкой слободе, местах проживания немцев.

Азербайджан — полиэтническая страна. На протяжении веков здесь бок о бок живут представители разных народов: азербайджанцы, русские, немцы, грузины, курды, лезгины, евреи... В этническом и культурном многообразии Азербайджан видит фундамент своей идентичности.

Список литературы:

1. Aleqemeine Grammatik der turkischen-tatarischen Sprache, Ron Mirza A. Kazem-Beg, aus dem russischen übersetzt und mit einem Anhange und Schriftproben von p-r J. T. Zenker. – Zpz., 1848.
2. Heinrich Friderich von Diez Denkwürdigkeiten von Asien Berlin und Halle, 1815.
3. Сообщение М. Семевского // «Русская старина». – СПб.: 1887.
4. Акты Кавказской Археографической Комиссии. – СПб.: 1852.
5. Рзаев Х. А.-Г. Азербайджанские пословицы. – Баку: Нурлар, 2004.
6. Никитин К. А. Город Нахичевань и Нахичеванский уезд. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОПМК). – Тифлис: 1882.
7. Времена, когда господствовали мифы // Русский язык и литература в Азербайджане, № 2, Баку: 2011.
8. 400 немецких рифмованных пословиц и поговорок. Составители Петлеванный Г. П., Малик О. С. – Москва: Высшая школа, 1962.

*Koshovyi Sergii Anatoliyovitch,
National Institute for Strategic Studies, Kyiv, Ukraine
E-mail: koshovyy_serhiy@ukr.net*

Features of development of ancient China during the Warring States

Abstract: The process of changes in social and political life for seven the most powerful states of Warring State period are considered in the article. Basic landmarks of reform movement in each of the seven states are selected and analyzed. Results of reforms are estimated.

Keywords: History of Ancient China, Warring States period, Ba system “hegemons”.

*Кошевой Сергей Анатольевич,
Национальный институт стратегических исследований,
г. Киев, Украина
E-mail: koshovyy_serhiy@ukr.net*

Особенности развития Древнего Китая в период Чжаньго

Аннотация: В статье рассматриваются процессы изменений в общественно-политической жизни семи сильнейших государств периода Чжаньго. Выделены и проанализированы основные вехи реформаторского движения в каждом из великих царств, оценены результаты реформ.

Ключевые слова: История Древнего Китая, период Чжаньго, система ба-гегемонство.

На рубеже VI в. до н. э. в Древнем Китае постепенно сложилась система мультигосударств под эгидой правящей династии Чжоу. Четыре главные силы — государства Цзинь, Чу, Ци и Цинь имели собственные сферы доминирования, в то время как, правящая династия Чжоу постепенно уменьшала свое влияние на политические процессы и теряла статус доминирующего центра принятия решений. За этим пришло

усиление государства Чжэн, а её правитель Чжуан гун стал первым, кто получил титул ба.

Однако сама система «гегемонства» еще не сложилась, а только находилась на стадии формирования. Впоследствии лидерство перехватили царства Ци и Цинь, соответственно в период правления Хуань гуна (685–643 гг. до н. э.) из Ци и Вэнь гуна (636–628 гг. до н. э.) из Цинь. Именно на это время

приходится постепенная институтизация этой системы. Десятки лет не было признаного лидера и соответственно продолжалась борьба между большими и малыми государствами за лидерство.

К этой борьбе присоединились представители так называемого «некитайского» населения (речь идёт о разных территориальных объединениях *жун* и *ди*). Своим участием они существенно ослабляли правящий дом Чжоу. В это же время новая влиятельная сила начала подниматься на юге (речь идёт о царстве Чу). Его усиление на политической карте создавало серьёзную угрозу для династии Чжоу.

Система *ба* «гегемонство» была основана в царстве Ци, впоследствии реализовывалась в течение 80 лет в государстве Цзинь и завершилась в коротком противостоянии за этот статус между царствами У и Юэ. Царство Цзинь получило контроль над западным регионом, превратившись в региональную влиятельную силу. Государство Чу в определённый период также владело этим статусом.

Система *ба* была создана с целью поиска путей усиления правящего дома Чжоу, однако вместо собственного усиления, система гегемонства заняла её место. Как следствие, произошло ослабление и правящий дом получил обратный эффект. В китайской историографии бытует мнение, что система *ба* была представлена в государствах, задачами которых было «защищать» и «приумножать» китайский мир и оберегать территорию от варварских влияний и действий соседей. Однако реальная история указывает на то, что государства Чу, У и Юэ не имели сугубо китайского происхождения и в то время не представляли из себя стопроцентную китайскую культурную среду, а к примеру государства Ци и Цзинь, являясь «старыми» государствами Чжоу, включали в себя значительную составную элементов представителей племенных некитайских объединений *и*, *жун*, *ди* [1, с.565].

Желание расширить собственные территории характеризовало действия всех крупных царств того времени. Как результат, земли государств Ци, Цзинь, Чу и Цинь существенно увеличились. За правителя Ци Хуань гуна (первого гегемона в системе межгосударственных отношений) было аннексировано 35 соседних государств. Правитель Цзинь Сянь гун полностью завладел 17 государствами и покорил 38, таким образом заложив существенное основание для получения статуса *ба* для своего государства. Правитель Цинь Му гун завоевал 12 государств, существенно укрепив позиции на западных границах. Государство

Чу за правления Чжуан Вана присоединило 26 государств. В исторических хрониках упоминается 148 государств, 128 из которых были поделены между этими четырьмя государствами.

С разделением царства Цзинь на три отдельные государства — Вэй, Хань, Чжао — в истории Древнего Китая завершился период Чунью «весны и осени».

Целью данного исследования есть попытка анализа истории Древнего Китая в период Чжаньго и характерных изменений присущих тому времени. Теоретическим подспорьем для такого рода исследования служат работы зарубежных исследователей: Л.С. Васильева, Л.С. Переломова, В.В. Малявина, В.А. Рубина, Ю.А. Пинеса, П. Голдина, Э. Шогнесси, Дж. Нидема, Ян Куань, Хуан Чжунь, Ли Сюэцин и других.

С 475 по 221 гг. до н. э. длился период Чжаньго «сражающихся царств», который во многом характеризовался затяжными военными конфликтами, противостояниями и созданием военных союзов.

Именно на этот период историк китайской древности Сыма Цянь относит дальнейшее ослабление правящего дома Чжоу и формирование семи сильнейших царств в Поднебесной *чжаньго ци сюн* (Ци, Чу, Вэй, Хань, Чжао, Цинь и Янь) [2, с.593–619].

Старые подходы управления уже не вписывались в формат новых отношений. Тактика ведения войны требовала уничтожения противника и овладения его территорией. На повестке дня нужны были новые стратегии, подготовленные войска и многочисленные резервы провизии. Всё это заставило элиту того времени осознать важность экономических и политических изменений, проведения реформ. Важно было реализовать на практике принцип «*фаго цянбин*» («богатое царство, сильная армия»). С этой задачей могли справиться только управленцы, носители новых идей и подходов в администрировании.

Представители общественно-политического учения фа цзя (легистов) считали, что сила и богатство государства зависели от двух составляющих: с одной стороны — это возделывание земли, с другой — война. Развивая сельскохозяйственное производство, они способствовали обеспечению продовольствием (зерном) и тканями. Уделяя должное внимание военному делу, превращали армию на сильную («сильное войско»), а это в свою очередь способствовало усилению государства и обеспечивало гегемонию (господство) во всей Поднебесной. Именно на этом основывался легистский принцип, как сделать государство богатым, а армию сильной.

Конфуцианцы предлагали управление на основе ритуала *ли чжи* — культивирование старины и традиционных подходов (комплекс обычаев, традиций, ритуалов, церемоний и договоров, отвечающих патерналистскому управлению). В среде министров-практиков усилилось направление, которые в основу управления общественными процессами предложили управление, которое базировалось на принципах применения закона — *фа чжи* [3, с.206].

В истории последние называются фа-цзя. В результате дело шло к победе легизма как идеологической, так и организационной системы между правителем и подданными, между высшими и низшими, которые не могут быть изменены [4, с.4].

В китайской традиции каждая из реформ имела свое название: политическая реформа в царстве Вэй, которую осуществил Ли Куй (455–395 гг. до н. э.) называется «Вэйго де Ли Куй бяньфа», политическая реформа в царстве Чу, осуществленная У Ци (440–381 гг. до н. э.) «У Ци цзай Чуго де бяньфа», политическая реформа в царстве Ци, осуществленная Цзоу Цзи (385–319 гг. до н. э.) — «Циго Цзоу Цзи де гайге», политическая реформа в царстве Хань, осуществленная Шэнь Бухае (385–337 гг. до н. э.) — «Ханьго Шэнь Бухай де гайге» и наконец политическая реформа в царстве Цинь, осуществленная Шан Яном (395–338 гг. до н. э.) — «Циньго де Шан Ян бяньфа».

В некоторых царствах первые предвестники будущих реформ — фискальная, писанные уголовные законы, организация централизованного управления — появились еще в VI в. до н. э. Каждое из вассальных государств династии Чжоу предпринимало собственные шаги, усовершенствуя управление общественными процессами путем проведения экономических и военных реформ, используя как модель царство Вэй. Эти политические изменения начали реформаторское движение, которое в китайской исторической литературе называется «юньдун бяньфа».

Первым к реформированию подошло царство Вэй в середине V в. до н. э., назначив Ли Куя главным министром. Завершилось это движение с назначения ответственным за осуществление реформ в царстве Цинь правителем Сяо-гуном. Преобразования Шан Яна были самыми масштабными и результативными. Именно поэтому измененная общественная модель царства Цинь стала основой на пути преобразований раздробленного Китая в единую объединенную страну.

Начало реформы царство Вэй около 400 г. до н. э. с назначением правителем царства Вэй Вэнь-хоу

надолжность главного министра Ли Куя. Информацию о его пребывании на должности министра-сяна можно почерпнуть в «Хань шу» («Династийной истории Хань») [5]. Главной государственной стратегией царства он считал принцип «сюаньсянь жэньнэн шанфа фэньмин» («отбирать талантливых и назначать способных, четко установив наказания и поощрения»). Им отстаивалась позиция необходимости реформирования старой системы знатных родов «ицинь шилу», которая базировалась на принципе наследственности рангов и ограниченности участников управленческого процесса.

Ли Куй лично содействовал назначению способных и талантливых лиц. Для обеспечения надлежащего исполнения своих обязанностей чиновникам гарантировалась надлежащая плата из государственной казны. Это способствовало улучшению системы управления и содействовало качественному выполнению должностных обязанностей, но, одновременно, ослабляло привилегии старой аристократии — знатных родов.

Другой сферой приоритетного внимания был поиск стимулов для развития земледелия. Для этого была начата политика на основе принципа «усиления возможностей почвы» («цзинь дили») — полноценное использование имеющихся земельных ресурсов, увеличение производства продовольствия с единицы площади с уменьшением затрат. «Управлять земельным участком тщательно и ответственно, следует собирать с одного му три шэня зерна», — говорил Ли Куй [5]. Это перекликается с тем, что сказал Сыма Цянь «в Вэй жил Ли Куй, который учил тому, как использовать все силы земли» [6, с.172]. Принимались меры по предотвращению стремительных колебаний цен на зерно, практиковались методы защиты от спекулятивной скупки зерна. Ли Куй считал старую систему ведения земледелия по принципу границ земельных участков «колодезные поля» («цзин тянь») архаичной и малоэффективной. Активно строил систему ирригационных полей, которая фактически разрушила старую систему.

Ли Куй усилил использование принципа управления государством на основе закона. В соответствии к традиционным объяснением «Цзинь шу» («Книга династии Цзинь») в разделе «Синьфа чжи» («Записи о криминальных законах») указано, что первым в истории Древнего Китая криминальным кодексом был «Фа цзин», который стал основой для всех дальнейших кодифицированных законов [7, с. 28]. Кроме этого, кодекс обеспечивал общественный порядок

и играл важную роль в стабилизации политической ситуации в царстве.

Правитель царства Вэй Вэнь-хоу (годы правления 424–387 гг. до н. э.) назначил У Ци (-381 г. до н. э.) провести военную реформу. Были созданы сильные военные подразделения «военные формирования» («у цзу»), о которых впоследствии говорили «без сомнения самые сильные восточнее царства Цинь». Официальная история считает У Ци таким, что не проиграл ни одной битвы [6, с. 51]. Его осведомленность в военном деле наилучшим образом демонстрирует трактат «У цзы» [8]. Вскоре покинул царство Вэй, став главным министром государства Чу. У Ци провел важные преобразования с целью усиления этого царства.

Реформы, осуществленные Ли Куй и У Ци в политической, экономической и военных сферах, создали основу для существенных изменений в царстве Вэй. Они повлияли на разрушение старой управленческой системы, ослабили власть старых родов, усилили центральную власть правителя и привели к стремительному подъему царства Вэй, закрепив за ним статус сильнейшего царства на начальном этапе периода Чжаньго.

Царство Ци в период правления Вэй-вана (378–343 гг. до н. э.) назначило Цзоу Цзи на должность главного министра (сяна) для проведения реформ. Новоназначенный министр считал, что на должности следует назначить только по способностям. Также должное внимание уделялось военному искусству и строительству.

Ответственным наставником по военному делу и проведению тренировок армейских подразделений был назначен Сунь Бинь (- 316 г. до н. э.) — стратег, который представлял школу дипломатии «цзунхэн цзя». Результатом этих действий стали победы армии царства Ци в сражениях при Гуйлинь и Малин над войсками царства Вэй. Вскоре царство Ци вернуло контроль над ранее потерянными стратегическими территориями и *«стало в этот период самым сильным среди всех чжухоу. Правитель Ци сам себя назвал ваном и начал приказывать всей Поднебесной»* [9, с. 116].

Нынешние преобразования в царстве Ци были заложены в предыдущий период и совпали по времени пребывания при власти известного министра-советника Гуань Чжуна (730–645 гг. до н. э.). Он четко понимал важность миссии по получению гегемонства и видел возможности в достижении его путем изменений и проведением реформ. Именно государство Ци было одним из первых в намерениях провести реформы

в период Чуныцю и Чжаньго. Была проведена территориально-административная реформа, в результате которой было образовано 15 сянов (волостей). Правитель государства и два главных министра в равной мере управляли каждым пятью волостями. Торговцы и ремесленники в столице не были обязаны нести воинскую повинность и делились на 6 подразделений. Население было разделено на государственных людей — *го жэнь* и сельское население — *е жэнь* (те, которые работали на земле). Каждая выше указанная единица была поделена на четыре уровня администрирования. Военные и гражданские функции были объединены. На всех уровнях за исполнением циркуляров следили администраторы, которые своевременно информировали своих руководителей, а те в свою очередь правителя. Исполнение полномочий в соответствии с должностью были регламентированы. По результатам получали либо вознаграждение, либо наказание за бездеятельность. Подобные управленческие новации мы будем видеть во время проведения реформ Шан Яном в царстве Цинь.

Во времена правителя Чжао-хоу (годы правления 358–333 гг. до н. э.) в царстве Хань на должность главного министра для осуществления реформ в период с 351 по 337 гг. до н. э. был назначен Шэнь Бухай. Он представил правителю принципы и приемы обеспечения эффективного контроля над административным аппаратом, впоследствии названные *«искусством управления»* («шу»).

На рубеже н. э. историк Лю Сян охарактеризовал наследие Шэнь Бухая следующими словами: «В сочинениях Шэнь-цзы говорится о том, что повелитель должен применять не наказания, а искусство, опираться на господство для того, чтобы надзирать за чиновниками и спрашивать с них. Его требования к служилым людям были очень строги» [10, с. 66].

Практическое применение метода «шу» целиком зависело от естественных и приобретенных способностей каждого человека, соответственно и эффект от проведения реформ был не столь результативным, как достижения в других царствах.

Царство Чжао в период правления У Лин-вана (325–299 гг. до н. э.) реформировало военную систему, перенимая опыт и элементы кавалерии у кочевых народов. На военную службу брали представителей не китайского населения из которых формировали мобильные подразделения в виде легкой кавалерии и которые применяли луки. Также было изменено тактику ведения боя и стиль одежды. Это способствовало усилению царства Чжао.

Царство Янь было самым большим по размеру царством на севере. В то же время, оно не было достаточно сильным по причине существующих разногласий в среде элиты. В середине периода Чжаньго правитель удельного княжества Янь Гуай-ван (годы правления 320–312 гг. до н. э.) с целью проведения реформ назначил Цзы-чжи (-314 г. до н. э.) на должность главного министра. По словам Сыма Цяня, «он был главным в [принятии всех] решений». Вскоре правитель Янь передал владение царством министру-сыну, а через некоторое время «все дела в княжестве вершились Цзы-чжи». Это привело к открытому выступлению старой родовой знати в лице наследника, поскольку в случае отречения правителя царства Янь от престола власть переходила к нему. Цзы-чжи был убит, а сила царства Янь существенно ослабла.

Правитель царства Цинь Сяо-гун (381–338 гг. до н. э.) обратился с призывом предложить программу действий, направленную на возвращение былой мощи своего царства. Именно на этот указ откликнулся и Шан Ян, родом с соседнего царства Вэй, который работал в штате первого министра Гуншу Цзо. Он разбирался в управленческих и военных делах и был известным представителем легистов. Именно в государстве Цинь его идеи были восприняты [11, с. 11–12]. Вскоре, Шан Ян был назначен на должность цзошучжана (10-й ранг в 20-ти разрядной шкале Цинь) и ему было велено заняться пересмотром законов.

Шан Ян сформировал собственное видение системы управления, которая сочетала в себе два наиболее ценные для государства занятия — военное дело и заготовку зерна. Эта система называлась *И* («Единое») [12]. «Моя доктрина базируется на следующем: [следует выдавать такие законы], что те, кто стремятся к зажиточности, могли разбогатеть только благодаря земледелию, а те, которые стремятся избавиться от наказаний, могли достичь этого, лишь участвуя в войне. И тогда в пределах границ не найдется ни одного, кто бы не стремился прежде всего к земледелию и войне. Чтобы потом получить за это то, что он любит. Потому, если даже земли мало, в таком государстве будет много зерна, армия [такого государства] будет сильной. Тот, кто в пределах границ сможет использовать эти два [принципа], непременно станет на путь гегемона в Поднебесной», — утверждал автор «Шан цзюнь шу» [13]. К второстепенным занятиям причислялись ремесло и торговля. Полагал, что ценность человека не в его происхождении, а в его заслугах.

Также он ввел централизованную систему государственной власти и унифицировал систему административного деления (цзюнь и сянь). Новая система административного деления состояла из 31 структурной единицы (уездов). Во главе уезда назначали *линей*, их заместителями были *чэни*. Низшая структурная единица уезда — «система десятков и пятерок» («шиу») — фиксировала сельское население и внедряла «взаимную ответственность» («шиу лянцзо»), применяла систему «взаимного контроля и слежки» («хусян цзяньду») и «систему общей ответственности перед законом» («гунтун шоуфа»).

Реформы Шан Яна оказались оптимальным решением существующих вызовов. Благодаря им царство Цинь сумело быстрыми темпами достичь успеха как в сфере экономики и социальных отношений, так и в политике, особенно в войнах с соседями. Усилившись внутри, царство Цинь начало внешнюю экспансию.

Подводя итоги, следует указать на то, что политическая история периода Чжаньго протекала на фоне описанных выше процессов. Соперничавшие царства вели между собой жестокие войны, постепенно перекраивая и изменяя карту того периода. На передний край выходили наиболее могущественные государства, одним из которых было царство Цинь, реформированное Шан Яном.

Следует отметить, что изменения, которые были начаты в царстве Вэй правителем Вэнь-хоу, стали прелюдией большого реформаторского движения периода Чжаньго. Они были самыми большими по масштабу, продолжительными по времени и эффективными по результату в истории Древнего Китая. Проведение политических, экономических, военных реформ по-своему усилили каждое из царств. Например, вот как характеризовалась реформа, которую провел Ли Куй в царстве Вэй: «управлял царством Вэй, царство стало богатым и сильным» [14]. А так характеризовали реформу, которую совершил Шан Ян в царстве Цинь: «Шан Ян управлял на основе закона десять лет, и все жители Цинь весьма радовались этому, на дорогах никто не подбирал забытого [другими], в горах не было разбойников, в семьях всего было в достатке. Воины смело воевали, прекратились мелкие междоусобицы, волости и поселки хорошо управлялись» [15].

Государство Цинь, получив контроль над западными рубежами, превратилось сначала в региональную влиятельную силу, а затем реформированное государство стало прообразом и моделью вокруг которого произошло впервые в истории Древнего Китая

объединение страны. Успехи усиления царства Цинь не остались незамеченными со стороны правящего дома Чжоу, «Сын Неба подарил Сяо-гуну жертвенное мясо, все чжухоу поздравили его» [16].

Очевидна еще одна особенность рассматриваемого периода — конфуцианское учение не было представлено ни в одном из сильнейших царств, тогда как модель фа-цзя (легистов) успешно была воплощена и имела свои очевидные преимущества, особенно в царстве Цинь. Сыма Цянь в связи с этим сказал: «в Цинь применяли [советы] Шан-цзюня, [и] царство стало богатым, а армия — сильной. В Чу и Вэй применялись [советы] У Ци, [и] были одержаны победы, а противник ослаблен. Циские Вэй-ван и Сюань-ван применяли [советы] последователей Сунь-цзы и Тянь Цзи, и чжухоу стали ездить на восток, чтобы лично представиться правителю Ци» [6, с. 168].

Начиная с IV в. до н. э. легизм стал основным конкурентом конфуцианских идей, а вскоре и первой настоящей официальной идеологией Древнего Китая. «Ни Конфуций, ни Мо-цзы не нашли правителя, который бы полностью воплотил их идеи в своем царстве. Зато совсем другая история с Шан Яном, кото-

рый собственно, не был философом, а был, прежде всего, государственным деятелем, прагматиком-реалистом, реформатором» [17, с. 74].

Также ситуация была благосклонна и к многочисленным странствующим образованным лицам («бинь-ке»), которые путешествовали из царства в царство, предлагая свои способности и умения правителям государств и рассчитывая быть назначенным на управленческие должности. Каждая из жизненных историй министров-сянов эпохи Чжаньго, приведенная в этой статье, указывает на широкую практику распространения этого явления.

Культивируя и реализуя на практике принцип «фуго цянбин», управленцы семи наисильнейших царств в период Чжаньго осуществили реформы легистского типа. Это стало возможным благодаря наличию управленцев, которые были выразителями новых подходов в администрировании. В свою очередь, новое управление стимулировало отношение по выполнению должностных обязанностей на новом качественном уровне и одновременно существенно уменьшало привилегии старой аристократии — знатных родов.

Список литературы:

1. The Cambridge history of Ancient China. From the Origins of Civilization to 221 B. C. Edited by M. Loewe and E. L. Shaughnessy, Cambridge University Press, 1999, – 1148 p.
2. Mark E. Lewis, «Warring States Political History»/The Cambridge History of Ancient China. Cambridge University Press, 1999, – 1148 p.
3. Needham J., et al. Science and Civilisation in China. Volume 2. History of Scientific Thought. Cambridge University Press, 1956, 722 p.
4. Васильев Л. С. Древний Китай: в 3 т./Л. С. Васильев; Институт востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 1995. т. 3: Период Чжаньго (V–III вв. до н. э.), 2006.
5. Chinese Text Project [Electronic resource] Han shu – Mode of access: <http://ctext.org/han-shu>. – Date of access: 05.12.2014.
6. Сыма Цянь, Исторические записки: Ши цзи – М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 1996. – Т. VII. – 464 с.
7. Hulsewé A. F. P., Remnants of Han Law. Sinica Leidensis, IX. – Leiden: Brill, 1955.
8. У-цзы, Трактат о военном искусстве/Пер. Н. И. Конрада. – М.: Восточная литература, 1958. – 131 с.
9. Сыма Цянь, Исторические записки: Ши цзи: Пер. с кит., коммент., предисл. Р. В. Вяткина. – М.: Издательская фирма Восточная литература, 1992. – Т. VI. – 483 с.
10. Creel H. G., Shen Pu-hai. A Chinese Political Philosopher of the Fourth Century A. D. – Chicago: University of Chicago Press, 1974. – 399 p.
11. Duyvendak J. J. The Book of Lord Shang. – London, 1928, – 346 p.
12. параграф 1, раздел 3 «Земледелие и война» («Нун чжань»), Шан цзюнь шу/«Книга Шан цзюня». Chinese Text Project [Electronic resource] Shang Jun Shu – Mode of access: <http://ctext.org/shang-jun-shu/agriculture-and-war>. – Date of access: 10.10.2014.
13. параграф 5, раздел 25 «Уважение к законам» («Шень фа»), Шан цзюнь шу/«Книга Шан цзюня». Chinese Text Project [Electronic resource] Shang Jun Shu – Mode of access: <http://ctext.org/shang-jun-shu/attention-to-law>

14. Chinese Text Project [Electronic resource] Han shu – Mode of access: <http://ctext.org/han-shu>. – Date of access: 15.10.2014.
15. Chinese Text Project [Electronic resource] Sima Qian, Shiji/Shang jun lie zhuan – Mode of access: <http://ctext.org/shiji/shang-jun-lie-zhuan>. – Date of access: 01.12.2014.
16. раздел 7, Биография Шан Яна («Шан Цзюнь ле чжуань»)/Шы цзи («Исторические записи»). Chinese Text Project [Electronic resource] Sima Qian, Shiji/Shang jun lie zhuan – Mode of access: <http://ctext.org/shiji/shang-jun-lie-zhuan>. – Date of access: 10.12.2014.
17. Рубин В.А. Идеология и культура Древнего Китая (четыре силуэта). – М.: «Главная редакция восточной литературы», 1970, – 164 с.

Lupovskaya Khristina Pavlovna, Moscow,
Tretyakov Gallery, Senior Researcher
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

Martha Vyacheslavna Shchepkina (by the 110th anniversary of her birth)

Abstract: There is brief biographical note of largest Russian paleographer and researcher of ancient Slavic manuscripts Dr.Sc. Martha V. Shchepkina and unpublished M. V. Shchepkina's letter from the family archive, which sets out her views on the human's moral values.

Keywords: Shchepkins-Stankevichs, Martha V. Shchepkina, State Historical Museum, Paul the Apostle, Shchepkin family collection

Луповская Христина Павловна,
Государственная Третьяковская галерея,
старший научный сотрудник
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

Марфа Вячеславна Щепкина (к 110-летию со дня рождения)

Аннотация: Краткая биографическая справка о крупнейшем российском палеографе, исследователе древнерусских и славянских рукописей д. и.н. М. В. Щепкиной. Неопубликованное письмо М. В. Щепкиной из семейного архива, в котором изложены ее взгляды на нравственный аспект человеческой личности.

Ключевые слова: Щепкины-Станкевичи, М. В. Щепкина, собрание семьи Щепкиных, Государственный исторический музей, апостол Павел

Введение

Имя доктора исторических наук Марфы Вячеславны Щепкиной (1894–1984) широко известно научной общественности как в России, так и за рубежом: автор более 40 исторических трудов [1], виднейший специалист по исследованию древнерусского литературного памятника «Слово о полку Игореве», болгарской миниатюры [2], кавалер ордена «Кирилл и Мефодий» I степени Народной Республики Болгарии, Заслуженный работник культуры РСФСР — вот неполный перечень заслуг крупнейшего российского историка и палеографа нашего времени, заведующей Отделом древних рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея (1954–1976).

Марфа Вячеславна Щепкина родилась в семье профессора Московского университета В. Н. Щеп-

кина (1863–1920). «Славистом широкого профиля» называли его современники. Известный историк, филолог, палеограф и искусствовед, он был приглашен в Императорский Российский Исторический музей одним из его основателей, виднейшим историком, крупнейшим знатоком московской старины И. Е. Забелиным (1820–1908). В. Н. Щепкин участвовал в создании Отдела древних рукописей музея и был его первым заведующим. Вячеслав Николаевич сумел передать своей старшей дочери Марфе любовь и уважение к древним рукописям и старопечатным книгам, привить трепетное и почтительное отношение к памятникам древнерусской и славянской письменности.

В 1919 году, за год до смерти отца, Марфа Вячеславна пришла работать в Исторический музей после окончания Московских Высших женских курсов. Так

родилась музейная династия Щепкиных, «храни-
телей с Большой буквы», или, как позднее назвал их
академик Д. С. Лихачев, «последних святых на Руси».
60 лет творческой деятельности было отдано Марфой
Вячеславной любимому делу и работе в отделе руко-
писей музея. Она не раз высоко отзывалась о своем
первом наставнике М. Н. Сперанском, о друзьях-коле-
гах — художнице В. Д. Бубновой, научных сотрудниках

Е. В. Зацепиной, В. И. Поповой. «Это был маленький,
но одинаково преданный друг другу и книгам коллек-
тив» [3]. В семейном архиве Щепкиных сохранился
интересный коллаж Варвары Дмитриевны Бубновой
(1886–1983). Сделанный в виде цветной аппликации,
он живо передаёт теплую атмосферу, царившую в от-
деле рукописей в 1920-е годы (см. краткую историю
коллажа в этом же выпуске журнала [4]).

Рис. 1. Портрет М. В. Щепкиной. Худ. О. М. Михайлова **. Нач. 1930-х. Х. м.,
69,5 x 52. Из собрания семьи Щепкиных. Публикуется впервые.

Имя М. В. Щепкиной и её труды хорошо известны
в научных кругах. В данной статье преследуется иная
цель: показать её жизненно-философские воззрения,
те душевные качества, которые определяют понятие
«личность» и которые создавали нравственную ат-
мосферу семьи Щепкиных-Станкевичей, круга её
родных и близких.

Неотправленное письмо

«Мы в лагере добра ...», «... хочу призвать к до-
бру», «... надо быть способным любить истинно, до-

стойно ...», «любовь — одно светило, одна отрада
этой жизни ...» — эти слова чаще других встречают-
ся на страницах писем русского философа Н. В. Стан-
кевича (1813–1840), адресованных матери и отцу,
братьям и сестрам, близким друзьям [5].

Марфа Вячеславна Щепкина вспоминала, что
незадолго до кончины ее бабушка, А. В. Станкевич, се-
стра философа, попросила почитать вслух его письма.
После того, как внучка закончила чтение, Александра
Владимировна некоторое время лежала, закрыв глаза,

а затем тихо произнесла: «Спасибо тебе, я побывала наедине со своим братом». Доброта, любовь, понимание, отзывчивость, уважение — вот та атмосфера, в которой воспитывались дети, внуки, правнуки Щепкиных-Станкевичей, славной русской фамилии, из которой вышли актеры и юристы, историки и математики, палеографы и общественные деятели, переводчики и писатели.

«Надобно стремиться к человеческому, **свое** будет поневоле... Кто имеет свой характер, тот отпечатывает его на всех своих действиях; создать характер, воспитать себя — можно только человеческими началами...» — писал Николай Станкевич. И в семье Щепкиных никогда не забывали, что в этом мире велик еще круг человеческой любви — и каждый живет для другого... творить добро было так же естественно, как дышать, ходить, смеяться... Марфа Вячеславна была удивительно отзывчивой. «Марфушенькой-душенькой» ласково звал ее отец, Вячеслав Николаевич Щепкин. В ее девическом альбоме есть строки:

«Беру альбом, пишу пером

Стихи Марфушеньке,
Предоброй душеньке».

Ни упрека, ни резкого слова, ни жалоб, даже «в минуту жизни трудную», не слышали от нее домочадцы. В ней жила огромная вера в людей, вера, что на свете хорошего все-таки больше, нежели дурного, твердая вера в конечное исправление и раскаяние провинившегося, всепрощение и всепримирение.

«... Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи», ***

— повторяла она, как молитву.

Когда в руках держишь какой-либо документ «давно минувших дней», будь-то или рукописная книга, или чей-то дневник, или просто письмо человека, ушедшего от нас, невольно охватывает волнение: будто повеяло со страниц иными мирами, или донесся человеческий голос. Его до боли знакомые интонации милы вашему сердцу и заставляют биться его сильнее...

Рис. 2. Экслибрис М. В. Щепкиной. Рис. неизв. худ. Б., тушь, перо. 16,3 x 10,5. Из собрания семьи Щепкиных. Публикуется впервые.

Так было и со мной, когда держала я в руках одно письмо Марфы Вячеславны из ее личного архива. По какой-то неведомой причине оно не было ни отослано, ни передано, хотя адресат известен. Дата написания — декабрь 1948 года. Трудно назвать его просто письмом, так как это, скорее, бережное напутствие пришедшим в мир молодым силам, молодым людям, не ведающим, что творят и что творится. «Но если в молодом сердце есть доброта и стремление к хорошему, оно непременно достигнет всего хорошего». И в этом напутствии по-щепкински мудро Марфа Вячеславна раскрывает те законы совести, законы сердца, по которым строится человеческая жизнь. Без сомнения, так могла писать лишь Марфа Вячеславна — глубоко, проникновенно, ненавязчиво, тонко. В наше «смутное» время письмо звучит уже для нас завещанием — заботой, тревогой, любовью дышат его строки. Вот небольшой отрывок из этого письма:

«... Хотя бы для опыта, хотя бы из психологического интереса попытайся поупражнять свою душу — переломить себя хоть в пустяковом вопросе... ведь это тоже доказывает и силу воли и разумность личности — пытаться победить свои недостатки, мешающие твоему успеху в жизни. В наше время кроме разума был другой высший двигатель — закон совести, ниспосланный людям свыше, возвышенный, очищенный и изложенный ясно и тепло в учении Христа. Закон Моисея — закон первобытного времени: чти отца твоего и мать твою и благо тебе будет и долголетен ты будешь на земле. Закон этот остался в силе и до сих пор. Но есть высший закон: люби Бога, то есть люби истину, честность, добро, все высокое и прекрасное в мире, в чем проявляется Высшее начало Вселенной. И люби это добро, истину и честность **и в самом себе** (здесь и далее выделено М. В. Щепкиной), не вырывай их из души, не заглушай их сорными травами тщеславия, гордости, лукавства. Это то хорошее, что даровано тебе от рождения; это те семена, которые должны развиваться, осветить и украсить тебе жизнь; это те семена, которые, может быть, вырастут в нечто прекрасное, величественное и благодаря тебе будут радостью и светом для многих в мире.

Личность — величина таинственная. Кто знает, к чему предназначен каждый человек? Пример того, чем может стать человек — апостол Павел. Он был уверенным в себе, жестким и непреклонным последователем узкого и жестокого иудейского вероучения. Он считал, что вне иудейского вероучения нет спасения, и жестоко преследовал христиан. Смирение,

кротость и незлобивость его жертв-христиан привели к тому, что в душе его произошел переворот, и он, как **казалось внезапно** (после сорока лет) сделался из гонителя последователем Христа. Он, ревниво оберегавший чистоту иудейской веры, ставивший иудейский народ выше всех, пошел проповедовать язычникам, которых прежде считал нечистыми, и отстаивал их теперь перед другими апостолами. И, не зная при жизни Христа, — явился, может быть, главным распространителем христианства. Но высшие законы, положенные в жизни для людей христианством, для вашего поколения не существуют, вы отринули их даже не заглянувши в них, не познакомившись с ними. Вы из истории и литературы не увидели, что этот закон, хотя и искаженный и затемненный людьми, все-таки постепенно привел общество к сознанию того, что нельзя жить по правилу: «Человек человеку — волк». Вы не понимаете, что те остатки гуманности и нравственности, которые еще тлеют в жизни современного общества, идут от Христа и переданы последующим поколениям его последователями, из которых первые были галилейские рыбаки, а в дальнейшем — как самые простые и бедные люди, так и высшие умы, и ученые, и художники, и властители. Даже один закон разумности, без закона долга, закона добра, должен подсказать, что вы стоите на опасном повороте и можете испортить себе всю жизнь...

Настоящая любовь, какую проповедует христианство — не слепая, но она все терпит и все прощает... В природе весна повторяется каждый год; в жизни человека она бывает один раз. Зачем отравлять это самое чудесное время своей жизни, зачем бесцельно и неразумно мутить чистый источник, втапывать в грязь свои умственные способности и те дары души, которыми наделен? У вас есть тонкость и чутье истины, красоты и добра, и Бог не обидел вас разумом и хорошей памятью. Зачем же все делать кое-как, рассуждать громко и многословно о том, чего по существу не знаешь. Кого вы этим обманываете? У умных это вызывает улыбку насмешки, а у многих — резкую и издевательскую отповедь. Неужели лестны зависть и почтение дураков, которые ваши рассуждения могут принять всерьез? Или вам все равно, только бы вызывать «восхищение»? Но ведь это очень жалкое честолюбие — быть первым среди глупого стада. Тогда как развиваясь нормально, постепенно, не стремясь раньше времени считаться знающим в тех вещах, которые не знаешь, можно со временем вызвать уважение умных и хороших людей... Нужно иметь в виду, что гений **в своей области** превос-

ходит других; а в общежитии он ведет себя как все: и умывается, и одевается, и чистит зубы... Причуды, чудачества — это сложившиеся, иногда в силу особых условий жизни, привычки, которые укореняются к старости. Одни из них забавны, но безвредны, другие прямо неудобны для окружающих и заставляют людей избегать такого чудака. Но это ведь в старости, которой многое простительно. А в юности это дико и граничит с распушенностью. Надо в простых обычных вещах быть как все: так легче и тебе и окружающим. И как бы ни был нам неприятен человек (если он только не негодяй и не мошенник, с которым нельзя иметь дело и быть знакомым) надо уметь вести себя по отношению к нему по-человечески...»

«По-человечески» Марфа Вячеславна Щепкина прожила всю свою долгую нелегкую жизнь. В ней «было много и покорности, и внутреннего благогоприятия жизни и судьбы». Отсюда, как писал богослов и литературовед Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954), бывает исток тихости, а не только тишины. С Марфой Вячеславной было уютно и тихо. Русский язык богат на все оттенки для понятия «тишина». Тишина — это внешнее состояние бесшумности, но в тихом омуте известно, кто водится; тихость же, по определению С. Н. Дурылина, — внутреннее состояние души, врожденное или приобретенное нравственным усилием и обнаруживаемое вовне той тишиною, которая бывает на высях гор, где нет никаких болот и омутов с водящимися в них.

«Тихостно», «тихостный» так же исходит от «тихости», как «благостный» от «благости» и «радостный» от «радости» [6].

Марфа Вячеславна жила в своем, особом мире, мире книг, рукописей, образов прошлого. Причем, умела говорить о делах «давно минувших дней» с любовью, особым благоговением и почтением. Частенько ее сестра, Елизавета Вячеславна Щепкина, с легким укором говаривала ей: «Ты живешь в XII веке». На что Марфа Вячеславна, немного помолчав, задумчиво отвечала: «А чем плох XII век?» Она очень не любила «сладостных речей» в свой адрес. Ближе ей были по душевному настрою слова, которые вслед за поэтом она повторяла с грустной иронией:

«Потомку предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне...»

Жизнь Марфы Вячеславны Щепкиной есть пример служения любимому делу. Ей были близки слова писцов рукописных книг: «Читайте, братия, не кляните, где описался — исправляйте, ибо худым разумом писал, но от чистого сердца».

Однажды Марфа Вячеславна сказала: «Нашему делу, палеографии, научить можно, а порядочности научить невозможно, она либо есть, либо ее нет». Воистину, «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». *****

Примечания

* Автор публикации Х. П. Луповская является правнучкой В. Н. Щепкина и внучатой племянницей М. В. Щепкиной.

** Ольга Михайловна (?) Михайлова — близкая подруга М. В. Щепкиной, химик по образованию, художник-любитель.

*** А. С. Пушкин. Из стихотв. «Отцы пустынноики и жены непорочны...» 1836 г.

**** А. С. Пушкин. Из стихотв. Жалоба. 1823 г.

***** А. С. Пушкин. Отрывки из писем, мысли и замечания. Критика и публицистика. Т. 6, с. 20. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

Список литературы:

1. Марфа Вячеславовна Щепкина (30 марта 1894 г. – 23 февраля 1984 г.): Список научных трудов М. В. Щепкиной // ТОДРА. 1985. Т. 38. С. 537–539.
2. Щепкина М. В. Болгарская миниатюра XIV века.: Исследование псалтыри Томича/Под. ред. И. С. Дуйчева. М.: Искусство, 1963, 247 с. и илл.
3. Дианова Т. В. Среди людей и книг. О М. В. Щепкиной. В сб. «И за строкой воспоминаний большая жизнь...». Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея/М.: ГИМ, 1997, сс. 197–203. ISBN 5–89076–015–7.
4. Луповская Х. П. «Веди нас к истине, к добру, а также к чайному столу» (неизвестная страничка творчества художницы В. Д. Бубновой) // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 11–12, 2014. P. 14–17.

5. Станкевич А. И. Переписка Н. В. Станкевича (1830–1840). М., 1914.
6. Дурьлин С. Н. В своем углу/Сост. и прим. В. Н. Тороповой. М.: Молодая гвардия, 2006. (Библиотека мемуаров. Вып. 21).

*Otamas Inna Grigorevna,
The Ukrainian Research Institute of Archival
Affairs and Records Keeping Kyiv, Ukraine
E-mail: Otamas@mail.ru*

Sources from the history of introduction of records keeping in management processes (by the example of Cherkassy region, Ukraine, 1970s – 80)

Abstract: The article presents the resource base of research of record keeping facilities in Ukraine. Analyzed are materials that formed the basis for the implementation of documents (by the example of Cherkassy region of Ukraine in the 1970s – 80).

Keywords: records keeping, document, archive.

The article deals with the implementation of the state policy in the system of record keeping and archives, management in the region, activities of public authorities coordination, enterprises, institutions and others since the introduction of USSD of paper documents in 1970 to a document in the Cherkasy region of Ukraine.

The problems of document workflow shifting have become objects of many research works, as evidenced by the large number of publications. Automatisations of document processing and classification of automatic document management systems is considered by prof. Svitlana Selchenkova [10, 12–15]. General outline of the history of recordkeeping management in Ukraine during the specified period of time, is drawn by prof. Olena Zakhoretska [3, 16] in particular, lacking the analysis of Cherkasy region development of the above mentioned period.

Being an important source for the research, archived materials made it possible to expand the information support of this study. These are in particular funds of the Central State Archives of supreme bodies of power of Ukraine (CSASB of Ukraine) containing various information on the establishment and functioning of a new records management system associated with the development and practical application of the Uniform state records management system (hereinafter — US-RMS), which contributed later to the rationalization of the introduction of electronic document processing in organizations, institutions and enterprises in Ukraine (fund No. 2325). The USRMS was implemented simultaneously with the preparation of a Uniform system of organizational and administrative documentation (here-

inafter — USOAD), a plan of which envisaged the development of: methods of unification of organizational and administrative documentation (hereinafter — OAD) and technical requirements to documents; principles of building and structure of a uniform management system; set of national standards that define the basic provisions of the USOAD of different levels of management, structure of the system and order of processing of standardized documents by means of computer equipment. The responsibilities for «Improving of the organization and acceleration of work on the creation of standardized documentation systems and a uniform system of classification and coding of technical and economic information used in automated control systems in the national economy» were allocated to the Main Archives of the USSR by the decision of the Council of Ministers of the USSR dated July 2, 1971 p. No. 458 [6, 2–3]. The All-Union Scientific-Research Institute of Documentation and Archival Affairs was appointed the main organization for the development of a uniform system of organizational-administrative documentation (OAD) suited for the development of automated management systems [6, 2–3].

The CSASB of Ukraine (fund No. 2880) contains information on the practical implementation of the main provisions of the Uniform State Management System, which was approved by the State Committee on Science and Technology under the UkrSSR Council of Ministers of September 4, 1973, No. 435 [7, 31]. The Council of Ministers of the UkrSSR in the resolution of 21 January 1975, No. 28 «On the introduction of OAD state standards» decreed: to obligate ministries and departments of the UkrSSR and regional Executive Committees to

provide by July 1, 1975, the implementation of the OAD state standards (GOST 6.38–72 and GOST 6.39–72) in administrations, subordinate enterprises, institutions and organizations; to ban ministries, agencies of the UkrSSR, regional Executive Committees, organizations and institutions to issue and use from July 1, 1975, forms, which did not meet the state standard 6.39–72. (fund No. 2609) [8, 89–90].

The Archives Department of the Cherkasy Regional Soviet, according to the resolution of the Cherkasy Regional Executive Committee of 02/07/75 p. No. 430 “On the introduction of OAD national standards” and of 10/31/75 No. 575 «On the adoption of the records management instruction» inspected institutions and enterprises. H. P. Roman, the head of the Archives Department of the Cherkasy Regional Executive Committee, in his «Review of the implementation of the main USRMS provisions in institutions, organizations, enterprises of Cherkasy Region» of 15.02.79 covered the results of the implementation of the set tasks. He noted that the adoption of state standards for organizational-administrative documentation and main provisions of the Uniform state management system was the beginning of their more in-depth study in order to prepare their practical implementation. Archivists were the initiators of this work. The main regulatory documents which defined the practical implementation of GOST 6–38.72 and GOST 6.39–72 for the OAD, and basic provisions of the USRMS were the decisions of the UkrSSR Council of Ministers No. 28 of 01/21/75 “On implementation of state standards of organizational-administrative documentation” No. 362 of 31/07/75, “On approval of the Model instruction on documentation in ministries and departments of the Ukrainian SSR and executive committees of local Soviets of People’s Deputies”, as well as relevant decisions of regional executive committees No. 73 of 07/02/75 “On introduction of the OAD state standards” and No. 575 of 31.10.75 “On approval of the instruction for records management.” These decisions envisaged specific measures for preparation and implementation of national standards and USRMS and terms of their implementation.

Decisions of the regional Executive Committee were sent to departments and divisions of the Executive Committee, regional institutions, executive committees of district and town councils. Later many regional institutions began to receive relevant regulatory documents of republican and Union agencies on the implementation of the USRMS (orders, sample forms, etc.) and others. During 1975 the OAD state standards and USRMS ba-

sic provisions were studied (workshops with staff offices were held and expertise provided), forms for registration of official documents and forms of registration cards produced typographically. A large amount of work was performed by archivists for drafting instructions on records management in the regional Executive Committee office, district executive committees and village executive committees. This approach was an appropriate beginning in the USRMS implementation, the example and experience of the executive committees of local Soviets could be used by departments and boards of the regional executive committee and other institutions. Employees of the archival department of the regional executive committee studied for a long time records keeping in organizations, since 1966 gave lectures and held practical training on permanent refresher courses for administrative offices of various agencies. Already at that time were studied the USRMS basic provisions published in archivist literature. Therefore, by the start of the preparation of the USRMS practical implementation archivists were among the more prepared for this work. Thus the role of archivists of the archives department of Cherkasy region in implementing the USRMS key provisions is understandable. It influenced different sections of records keeping service. Its implementation envisaged the necessity of the adoption of regulations (orders, decisions, etc.), which regulated the procedure and timing of the USRMS implementation, approved prepared measures, instructions on documentation, job descriptions that defined the task of records management services [9, 2–3].

An important contribution to the implementation of document in the territory of Cherkasy region was made by employees of the State Archives of Cherkasy region, which was elucidated in the journal “Archives of Ukraine” Halyna Lenivtseva, the Head of the Cherkasy Archives, in her report on additional training of records keeping staff noted that the Cherkasy State city archives devoted considerable attention to the work with agencies, as providing of proper document storage of the USSR OAD and their subsequent use in the public interest was largely dependent on the level of records management and archival work in institutions, organizations and enterprises. However, measures to organize in the 1970s — 1980s the records management and documentation was insufficient for the functioning of information in modern terms — the automation of the majority of processes in the work with documents [4, 45–47].

In the archival documents of the State Archives of Cherkasy region (fund No. P-4580), there are sources on the introduction of an electronic document in Cher-

kasy region, which occupied an important place because within its territory was a significant industrial complex that required effective management. This contributed to creation here a Centre of Scientific and Technical Cinformation and Popularization. It helped to improve skills of workers in different areas in management. Particular attention was paid to training of specialists in records management and office affairs [1, 22]. Thus, in 1970 the regional seminar on the theme "Improvement of the structure and economy of the cost of the management" took place in Cherkasy.

They raised the issue of improving methods and automated tools to create, store and use information that would carry information in the form of an electronic document. These were initial attempts to understand what "an electronic document is" [2, 4]. The theme that is relevant today as well in almost all areas working with documents throughout the entire cycle. The development of the USSR national economy in 1976–1980 stimulated the need to create and improve the efficiency of ACS

and computing centers, consistently bringing them into a single all-Union system of collecting and processing of information for accounting, planning and management, expansion of production and application of office equipment to streamline records flow and improve the organization of administrative work. The opening of the Republican organizational and methodics office of records management and the decision of Council of Ministers of the USSR and the UkrSSR Councils of Ministers "On the Approval of Regulations on the Main Archival Administration under the UkrSSR Council of Ministers and the network of central state archives of the Ukrainian SSR" (1980) [5, 11–17] became important events for Ukraine.

Summing up the above, it can be concluded that the 1970s — 80 were noted for active elaboration of regulatory documents and introduction of technical means into the development of the scientific organization of administrative work in Ukraine and in Cherkassy region in particular.

Reference:

1. Cherkasy Region State Archives, f. P-4580, d. 1, r. 10, f. 22.
2. Cherkasy Region State Archives, f. P-4580, d. 1, r. 63, f. 71.
3. Загорецька, О. М. Нормативне та науково-методичне забезпечення організації діловодства в Україні у другій половині XX – на початку XXI століття: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.10/О. М. Загорецька; Держкомархів України; УНДІАСД, Київ, 2005, с. 16.
4. Ленівцева, Г. Підвищення кваліфікації працівників діловодного апарату і відомчих архівів установ і організацій м. Черкас // Архіви України. – 1988. – № 1. – Р. 45–47.
5. Про затвердження Положення про Головне архівне управління при Раді Міністрів УРСР і мережі центральних державних архівів Української РСР: Постанова Ради Міністрів УРСР від 6 червня 1980 р. № 383//Зібрання постанов Уряду УРСР. – 1980. – № 6. – Ст. 56. – Р. 11–17
6. Central State Archives of supreme bodies of power of Ukraine (CSASB of Ukraine), f. 14, d. 2, r. 2325, f. 2–3.
7. CSASB of Ukraine, f. 14, d. 2, r. 2880, f. 31.
8. CSASB of Ukraine, f. 14, d. 2, r. 2609, f. 89–90.
9. CSASB of Ukraine, f. 14, d. 2, r. 2880, f. 2–3.
10. Сельченкова, С. Автоматизированные системы управления документами. Секретарь-референт, Киев, 2005, no 01 (26), с. 12–15.

*Petrova Valentina Dmitrievna,
Institute of Classical Researches and Problems of Smaller Peoples of the North
of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
E-mail: Petrova-vd@mail.ru*

Radionewspaper in Yakutia

Abstract: The article is devoted to the little-studied problem in regional historiography — organization to broadcast the first radio newspaper in the territory of the Yakut ASSR. The author considers the characteristic features of practical use „sounding newspaper” as a mass organizer of cultural activities, where at first the presentation of the radio piece was achieved by the collective creativity of employees and print, and radio.

Keywords: radio newspaper, broadcasts, edition, radio program, radio listener, broadcasting.

*Петрова Валентина Дмитриевна,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных
народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук
E-mail: Petrova-vd@mail.ru*

Радиогазета в Якутии

Аннотация: Статья посвящена организации выпуска в эфир первой радиогазеты на территории Якутской АССР. Автор рассматривает характерные особенности использования «звучащей газеты» как массового организатора культурно-просветительных мероприятий в республике, где на первых порах форма подачи радиоматериала достигалась коллективным творчеством работников и печати, и радио. Автором выявляется специфика регионального национального вещания.

Ключевые слова: радиогазета, радиопередачи, радиопрограмма, редакция, радиослушатель, трансляция.

Исследование истории создания региональных средств массовой коммуникации, в том числе и радиовещания, актуально как источник познания истории России. Статья представляет исследование первой «звучащей газеты», организованной в 1930 году и действовавшей на территории Якутской АССР до конца 1933 года. На основе архивных материалов, большая часть которых впервые публикуется, обосновывается связь регионального вещания с исключительным явлением в истории отечественного вещания радиогазетой 20–30-х годов двадцатого столетия.

Радиогазеты как основная форма первых радиопередач функционировали в стране с ноября 1924 года до августа 1932 года. В середине 1920-х, в начале 1930-х годов активно велось изучение радиогазет. Периодическая печать того периода, занимавшаяся вопросами радиотехники и радиовещания, отражала все темы и проблемы нового средства массовой коммуникации. Издавались газеты и журналы для радиолюбителей «Новости радио», «Радиолюбитель», «Радио всем», также для слушателей — «Радиослушатель». Именно в этот период редактором Д. Гликманом были выявлены особенности «звучащей газеты», открывшей новую полосу в отечественном вещании в форме общения, изучены интересы слушательской аудитории. Он утверждал о том, что «нет такой категории населения, которой радиогазета не была бы доступна. Это газета для всех: для грамотных и неграмотных, зрячих слепых ... Ее характерные черты: сжатость материала и разговорный стиль. Это единственная газета, которую слушают, а не читают». И назвал радиогазету «пионером газетного вещания» [1].

Историки П. С. Гуревич, А. И. Мельников, Ю. А. Летунов в своих научных работах установили действенные способы пропаганды начального периода появления вещания в материалах печати 20–30-х годов.

Особое место среди исследований по истории радиогазет и начала программирования занимает работа Т. М. Горяевой. Обстоятельно разобраны архивные документы и проанализированы жанрово-тематические аспекты радиогазеты с наиболее значимыми событиями с 1924 года по 1932 г. «Значение и место радиогазеты определялось той ролью, которую она играла в 20-х — начале 30-х годов как важный фактор общественной и культурной жизни нашего государства» [2, 82]. Исследователь О. В. Тихонова рассмотрела вопросы, связанные с зарождением, становлением и развитием феномена звучащей радиогазеты. Подробно рассказала о программировании, объединившего в себе возможности и печати, и вещания [3].

В региональных исследованиях недостаточная разработанность самостоятельного вида исторического источника затрудняет поиск в выявлении документов по истории радиогазеты. Однако в обобщающих исследованиях в части истории радиогазеты авторы О. П. Тихонов, В. В. Погарцев, М. А. Айтуганова, Е. В. Шестопалова ограничивались характеристикой действовавших радиогазет регионального, в том числе и национального вещания, отметили важность изучения их истоков в региональной исторической реальности. Историк Ю. Б. Костякова отмечала особую роль первоначального вещания в национальных районах страны, где жители в силу языковой специфики и расселения по огромной территории оперативно получали информацию, общались, чувствовали свое единство как народа, свою причастность к жизни региона, страны, мира. Особо подчеркнула исследователь заслуги вещания в социально-экономическом и общественно-политическом развитии национальных образований [4].

Из документов видно, что технически оснащенная радиогазета в отличие от прессы, прежде всего, обла-

дала значительной оперативностью. Самое доступное её свойство заключалось в том, что каждый слушатель легко воспринимал звучащий текст, и где бы он не находился, живой голос в эфире доходил до каждого слушателя независимо от расстояния.

Отмечая необходимость изучения истории радиогазеты в Якутии, следует выделить значимое событие в республике, где радиовещание было принято для передачи информации. Празднование тринадцатой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1930 года в городе Якутске стало началом выпуска первого номера радиогазеты. Её создание осуществлялось под руководством Якутского Областного Комитета партии. Радиогазета состояла из докладов руководителей автономной республики. По истечении праздничных дней рассмотрели вопрос «О редакции радиогазеты». В состав редакции вошли партийный руководитель М. С. Абрамович, ответственный за сбор районных материалов, бывший редактор газеты Н. Е. Сосин, организатор работы с партийными и общественными организациями, инструктор Совнаркома Якутской АССР П. Е. Якутцев.

Якутская радиогазета строила работу по типу центральных вещательных органов. Она состояла из информации местных газет, выступлений руководителей республики, музыкальных номеров из Хабаровской радиостанции. Радиогазета часто передавала основные сообщения о вопросах сельского хозяйства, коллективизации, кооперирования и культурного строительства. Общее руководство вещанием со стороны республиканских органов уделило внимание идеологическому направлению, учитывая при этом региональную особенность — двуязычный состав населения, поэтому передавали новости и выступления на якутском и русском языках. Организация работы трансляционного узла была возложена на Народный комиссариат почт и телеграфов Якутской АССР.

Первым политическим мероприятием для радиогазеты было проведение перевыборной кампании в районных и окружных Советах. Вся организационная работа была направлена на мобилизацию населения. К прибытию делегатов из улусов и округов республики на Всеякутский съезд Советов Почтово-телеграфная контора установила в г. Якутске и в районах репродукторы, распространила по учреждениям наушные телефоны. Наряду с этим радиогазета оперативно передавала информационные сообщения на обширную территорию республики. Этим периодом был положен начальный этап работы радиогазеты.

В первые два месяца радиогазета работала в прямом эфире. Выпущено 20 номеров радиогазеты по-очередно на якутском и русском языках. Материал оформлялся из газетных статей. Музыкальные и развлекательные передачи из-за технического несовершенства редко появлялись в эфире. Трансляционный узел работал не более 4-х часов с ретрансляцией передач из Хабаровской радиостанции. Пока решался кадровый вопрос о приглашении работников с технической специальностью из центральных городов в республику, при Почтово-телеграфной конторе готовили на курсах радиомонтеров и техников. Обком партии обращал особое внимание на политическое значение массовой информации и на подбор кадров, так как грамотных и профессиональных специалистов было очень мало. По их рекомендации в радиогазету был направлен редактором Г. П. Иванов, активный член партии, слушатель советской партийной школы. Студент-радиолобитель Якутского сельскохозяйственного техникума А. В. Васильев стал редактором-диктором. Они собирали материалы, редактировали тексты, читали информации у микрофона. Тогда не было никакой записывающей техники, радиокорреспонденты ходили с блокнотом и карандашом. Их передачи слушали рабочие, крестьяне, служащие и неграмотная часть населения, которая ещё не умела читать. Поэтому организаторы вещания приравнивали радиогазету к рассказчику, который за чашкой чая на расстоянии рассказывал обо всем простыми словами, придавая радиогазете характер беседы. При этом форма рассказа была доступной, соблюдался разговорный стиль. Заметки радиокорреспондентов превращали весь номер газеты в один цельный живой рассказ.

В августе 1931 года по постановлению Совнаркома Якутской АССР было предоставлено отдельное помещение для редакции радиогазеты. За короткий срок отремонтировали в бывшем Национальном Клубе радиостудию для вещания и монтажно-техническую комнату. Совет по культурному строительству при Народном комиссариате просвещения тесно сотрудничал с редакцией радиогазеты для мобилизации общественности и организации просветительной работы среди населения. [5, л. 40, 206 об]. Руководство республики твердо проводило свою политику по подбору радиокорреспондентов из числа местной интеллигенции. Форма подачи материала достигалась коллективным творчеством работников и газеты, и вещания. Газетные материалы повторно озвучивались в эфире радиогазеты. Это считалось закономерным действием начального процесса.

Однако со временем практика массового вещания показала, что с программой радиопередач дело обстояло слабо. Радиогазета продолжала работать на газетных материалах, поэтому из-за одинакового содержания интерес у слушателей к радиогазете несколько снизился. Однообразие передач, длительные перерывы между выступлениями, иногда срыв эфира по технической причине или из-за маломощной электрической энергии вызывали недоумение у радиослушателей. Поступали замечания радиослушателей об отсутствии детских и молодежных радиогазет. Просили Якутское Общество «Друзей радио» выступать с лекциями по радиотехнике. Как бы убедительны и бесспорны не были эти предложения, мобилизовать общественность по культурному строительству и организовать просветительную работу на основе единого плана, радиогазете было трудно [6, л. 118].

Становление и развитие системы массового вещания в национальных образованиях страны проходило в тесной взаимосвязи. В Сибири и на Дальнем Востоке соседние регионы были уже радиофицированы и оснащены техническими средствами, обеспечивающими передачу и приём информации: Хабаровск, Иркутск, Чита, Красноярск. Кроме того программы Якутского радиовещания принимали в Красноярском крае, Читинской и Иркутской областях, Бурят-монгольской Республике.

К концу 1931 года Якутский трансрадиоузел перешел на непрерывную рабочую неделю с графиком работы с утра до полуночи. Транслировали при этом передачи радиостанций Хабаровска, Новосибирска, Иркутска. Кроме этого несколько изменилась структура радиогазеты. Появились рубрики. Местное вещание передавало хозяйственно-политические вопросы, спортивные репортажи, художественно-драматические передачи, концерты. Из-за суровых климатических условий на территории северной республики ежедневно читали сводку о погоде. В Центральном Доме самодеятельного и профессионального искусства в городе Якутске открылись курсы вокалистов и солистов хора, чтецов художественных произведений в связи с подготовкой кадров исполнителей для художественного и музыкального вещания. На этом фоне привлекался Национальный театр для художественного выступления на радио. Число слушателей намного увеличилось. В республике планировалось дополнительно установить 85 трансляционных узлов на 30 тысяч радиоточек. В народнохозяйственном плане объем капиталовложений по радиостро-

ительству составлял 1 773,0 тысяч рублей, по радиофикации — 507, 2 тысяч рублей, что стало больше чем в предыдущие годы [7, л. 223 об.].

Период развития системы массового вещания в национальной республике достиг совершенства в организационном, техническом и творческом оформлении. Форма радиогазеты как совокупность разных жанровых содержаний объединяла определенную последовательность и образовала некую целостность. А форма передачи как составная часть вещательной программы имела самостоятельное значение. В реализации содержательной формообразующей линии в качестве основы выдвигалась совершенно новая для информационных средств форма целенаправленной деятельности — планирование радиопрограммы, состоящей из многих жанровых элементов: заметки, репортажа, интервью, беседы, обозрения, обзора, очерка, фельетона, композиции. Дифференциация радиопрограммы с целью удовлетворения запросов радиослушателей по возрастной и социальной категории упорядочила выход новых тематических передач, устанавливая связь с радиослушателями. Для её организации были необходимы специалисты. В январе 1933 года на заседании бюро Якутского Областного комитета ВКП (б) был рассмотрен вопрос «О редакторах радиогазеты». Редактором радиогазеты как партийного органа, исполнительного комитета и профессиональных союзов утверждена Шарборина А. Л., выпускница факультета журналистики Ленинградского государственного университета, проработавшая до этого в газете «Социалистическая Якутия». Вторым редактором назначен Иванов Г. П. по рекомендации областного комитета партии. [8, л. 1, 2 об.]. Согласно утвержденной радиопрограмме редакторы составляли общий план работы редакции. Содержательно программированное вещание кроме информативной функции имело связь с слушательской аудиторией. Поэтому руководство республики способствовало развитию интереса к вещанию у населения. Были разрешены конструирование приемников, эксперименты с радиосвязью, а в прессе ежедневно публиковались материалы об открытиях в области радио.

Ввиду того, что радиогазета в период первоначального существования приобрела исключительное значение для всей хозяйственной и политической жизни республики, руководство сочло необходимым создание при Совете народных комиссариатов Якутской АССР Комитет по радиофикации и радиовещанию. В соответствии с этими реорганизациями

в конце 1933 года радиогазета в Якутской АССР была упразднена. В программы радиовещаний вошли выпуски «Последних известий» как самостоятельные радиопередачи, не прикрепленные к газете. Время диктовало более четкой дифференциации передач, большего разнообразия их форм.

Важен факт, что появление радиогазеты как первоначальной формы радиовещания в начале 30-х годов XX столетия в Северо-восточной части России определилось политическими, социальными и экономическими условиями в республике. Одним из главных политических мероприятий было проведение районных и окружных съездов Советов и выборов руководящих органов в Якутской АССР. Рост политического сознания населения был неосуществим без оперативного

оповещения при помощи использования радиотехники. Но дальнейшее существование радиогазеты как первоначальной формы нового средства массовой коммуникации было ограниченным. Всесоюзный комитет радиовещания считал перспективной задачей дальнейшее внедрение радиотехники и распространение вещания как самостоятельного средства общения. Поэтому принял необходимое расширение ранее существовавшей технической базы радиоузлов, творческих редакций и обеспечивал их переход к новой форме оперативной передачи сообщений в «Последних известиях». Радиогазета за годы своего существования, по сути, являлась массовым организатором проводимых культурно-просветительных мероприятий на северной территории России.

References:

1. Гликман Д. К годовщине Радиогазеты // Радиолучитель. – 1925. - № 23.
2. Горяева Т. Радиогазета 20-х – начала 30-х годов как исторический источник // История СССР. - 1984. - № 1.
3. Тихонова О. В. Радиогазеты как фактор становления, развития и трансформации отечественной радиожурналистики: Дис. канд. филол. наук. – М., 2005. – 257 с.
4. Костякова Ю. В. Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири, 1928–1961: Дис. канд. ист. наук. – Абакан, 2007. – 197 с.
5. Национальный архив Республики Саха (НА РС). Ф. 52. Оп. 25. Д. 1.
6. Там же. Ф. 52. Оп. 9. Д. 28.
7. Там же. Ф. 52. Оп. 25. Д. 3.
8. Там же. Ф. 3. Оп. 189. Д. 49.

*Khramkova Elena Lenarovna, Volga Region State Academy of Social Sciences and Humanities, Doctor of History, Professor, Department of Russian History and Archeology.
E-mail: hramkova@rambler.ru*

The history of the Republic of Tatarstan during the Great Patriotic War in studies of A.Sh. Kabirova

Abstract: the article examines the main approaches to the works of the famous historian of the Great Patriotic War A. Sh. Kabirova.

Keywords: Great Patriotic War, the Republic of Tatarstan, historiography, a rear region, social history.

*Храмкова Елена Ленаровна, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, д. и. н., профессор кафедры отечественной истории и археологии
E-mail: hramkova@rambler.ru*

История Республики Татарстан периода Великой Отечественной войны в исследованиях А. Ш. Кабировой

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления проблематики трудов известного историка Великой Отечественной войны А. Ш. Кабировой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Республика Татарстан, историография, тыловой регион, социальная история.

На рубеже XX–XXI вв. в российской историографии Великой Отечественной войны наряду с известными политическими, социально-экономическими, культурными и другими трансформациями произошла смена поколений историков. В данном случае речь идет об ученых, сформировавшихся в основном в 1980–1990-х гг. и создавших крупные научные исследования, в которых отразились противоречивые процессы переосмысления событий минувшей войны в контексте новой познавательной ситуации.

Интерес к трудам доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Айслу Шарипзяновны Кабировой — не случаен и вызван несколькими причинами.

Во-первых, она принадлежит к одной из наиболее авторитетных российских научных школ — казанской, истории которой вот уже более 70 лет изучают историю Великой Отечественной войны.

Во-вторых, А. Ш. Кабировой созданы комплексные исследования обобщающего характера по истории республики в 1941–1945 гг.

В-третьих, ее работы по теме отличаются разноплановым характером: это монографии, книги, коллективные труды [1–3], диссертации [4–5], учебные пособия [6], документальные сборники [7], многочисленные статьи, тезисы. Анализ содержания данных работ убедительно свидетельствует об эволюции методологических, источниковых и конкретно-исторических предпочтений, которую пережил автор с конца прошлого века до настоящего времени.

В-четвертых, историография Великой Отечественной войны непростительно «бедна» с точки зрения персональной истории. Достижения многих провинциальных историков нередко по тем или иным причинам остаются незамеченными, известны лишь узкому кругу специалистов или только в своем регионе.

Все сказанное вызвало потребность хотя бы кратко охарактеризовать направления исследовательских поисков А. Ш. Кабировой в области изучения истории Татарской АССР (Республики Татарстан) в военный период.

Прежде всего, отметим особенности научного почерка автора. Наиболее важной из них является сочетание конкретно-исторических работ с документальными и источниковедческими публикациями

[8–11]. Это свидетельствует не только об уровне профессиональной подготовки и широте интересов ученого, но и стремлении познакомить историков-коллег из других российских регионов с рассекреченными, малоизвестными материалами, содержащие информацию, главным образом, о повседневной жизни, общественных настроениях населения республики в 1941–1945 гг.

Большинство работ А. Ш. Кабировой выполнено в рамках социальной истории с применением многофакторного, системного и антропологического подходов. Это связано с основным предметом изучения — реконструкцией истории тылового региона во всей ее противоречивости в экстремальных условиях. Данный ракурс подразумевает создание локальных исследований чрезвычайно многопланового характера, в которых учтены практически все особенности объекта (географические, исторические, политические, социально-экономические, этноконфессиональные, культурные и др.), а также рассмотрены изменения основных подсистем жизнедеятельности края в связи с начавшейся войной. На выбор методологических подходов, несомненно, повлияли рассекреченные и невосребованные ранее источники, многие из которых автор впервые ввела в научный оборот (делопроизводственная документация властных органов, оборонных предприятий, информационные сводки о настроениях жителей республики, «письма во власть», материалы «устной истории» и т. д.).

Новая информация, выявленная А. Ш. Кабировой в фондах федеральных и местных архивов, в центральной и местной печати позволила охарактеризовать политическую, идеологическую, экономическую, социальную, образовательную, научную и культурную сферы тылового социума военных лет. Как убедительно показала автор, каждая из выделенных сфер обладала не только общей, но и собственной логикой развития, обусловленной спецификой существования региона в условиях Великой Отечественной войны.

Проблематика исследований ученого отличается скрупулезным анализом не только традиционных для отечественной историографии, но и новых, а также казавшихся малозначительными вопросов. К ним относятся: нормативная база и правоприменительная практика в области поощрения и принуждения к труду; основные группы нарушителей трудовой дисциплины; проблема эффективности системы социального

обеспечения; феномен рынка; коллективные и индивидуальные практики выживания; конструктивные и неконструктивные общественные настроения; причины девиантного поведения различных групп населения; неоднозначные взаимоотношения местного и эвакуированного населения; место и роль национального фактора; ценностные установки жителей республики; эволюция государственно-конфессиональных отношений в военный период и многие другие [12–17].

Пристальное внимание А. Ш. Кабировой уделяет гендерным аспектам региональной истории военного времени — всестороннему изучению социального поведения женщин ТАССР во всех отраслях общественного производства, в сфере здравоохранения, образования, науки и культуры, а также на фронте в 1941–1945 гг. [18–21]

В публикациях автора впервые так скрупулезно воссоздана повседневная история трудовых коллективов предприятий, колхозов, учебных заведений, культурно-просветительных учреждений и других, а также отдельных граждан Республики Татарстан, каждый из которых в силу объективных и субъективных причин по-своему пережили трагические события Великой Отечественной войны [22–23].

Значительный интерес представляет анализ историографической составляющей трудов А. Ш. Кабировой (историографические обзоры и научно-справочный аппарат), особенно монографий и докторской диссертации. Он свидетельствует не только о глубоком знании исследований предшественников и современников по военной проблематике, но и о подлинном интересе к результатам их исследований, что нашло отражение, в частности, в получении откорректированных автором некоторых статистических показателей, свидетельствующих о состоянии Татарской АССР в 1941–1945 гг. Следует подчеркнуть: А. Ш. Ка-

бировой не противопоставляет традиции изучения региональной истории в советский и постсоветский периоды историографии, а пытается выделить действительно ценные подходы отдельных ученых, в том числе и источниковедческого характера, на которые можно опираться в настоящее время.

В совокупности более ста опубликованных работ и две диссертации А. Ш. Кабировой образуют фундаментальный по источниковой базе и охвату проблематики обобщающий труд по истории индустрии, сельского хозяйства, социальной и культурной истории Республики Татарстан периода Великой Отечественной войны.

Ее научная деятельность продолжила традиции изучения родного края, заложенные еще в 50–80-х гг. прошлого столетия ее учителем, замечательным историком, участником войны Зямилем Ибрагимовичем Гильмановым и другими историками (А. К. Айнутдинов, З. А. Ахметшин, Г. А. Вовченко, А. М. Залялов, М. З. Зарецкий, И. М. Ионенко, Н. Н. Карманов, П. А. Краевский, Г. В. Мазитова, В. А. Попов, Р. Н. Порман, М. А. Пьянов, В. Ф. Телишев, С. К. Хайрутдинов, Л. И. Ханин и др.).

В то же время исследования А. Ш. Кабировой отразили те реальные изменения, которая пережила российская историческая наука на рубеже минувшего — нынешнего столетий. Важнейшим из них является, на наш взгляд, смещение исследовательского ракурса в сторону изучения человека как основного объекта и субъекта истории Великой Отечественной войны в целом и региональной истории, в частности. Несомненно, что в ближайшее время мы познакомимся с новыми интересными публикациями автора, в которых объективно будут рассмотрены еще неизвестные страницы героической и трагической военной эпохи.

Список литературы:

1. Кабировой А. Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2011.
2. Кабировой А. Ш. Сороковые-роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011.
3. История татар. Т. VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань: Институт истории АН РТ, 2011 (Кабировой А. Ш. – автор § 1–2 гл. 6. Татары и Татарстан во Второй мировой войне).
4. Асылгараева А. Ш. (Кабировой) Женщины Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. – Казань, 1991.
5. Кабировой А. Ш. Татарская АССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: социально-экономические и культурно-идеологические процессы завершения строительства социалистического общества в тыловом регионе: автореф. дис. д-ра ист. наук. – Казань, 2012.
6. Кабировой А. Ш. Республика Татарстан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учеб. пособие. – Казань: Изд-во Казанского гос. пед. ун-та, 1998.

7. Кабирова А. Ш. Татарстан в годы Великой Отечественной войны: Страницы социальной истории: сб. док. и матер. – Казань: ГАУ при Кабинете Министров РТ, 2012.
8. Будни военного лихолетья/публ. А. Ш. Кабировой //Эхо веков=Гасырлар авазы: Ист.-док. журн. – Казань, 2001. – № 1–2. – С. 54–63.
9. Кабирова А. Ш. «Созданы невыносимые условия для жизни рабочих» (Условия труда и быта промышленных рабочих в военный период)//Эхо веков=Гасырлар авазы: Науч.-док. журнал. – Казань, 2007. – № 1. – С. 266–270.
10. Кабирова А. Ш. Документы государственных архивов Татарстана как источник по изучению социально-бытовых проблем сельского населения республики в период Великой Отечественной войны//Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. – Коломна, 2011. – С. 439–444.
11. Агитация и пропаганда населения в период 1941–1945 гг. (На материалах Татарстана)/публ. подгот. А. Ш. Кабировой//Эхо веков=Гасырлар авазы: Науч.-док. журнал. – Казань, 2013. – № 3–4. – С. 84–92.
12. Кабирова А. Ш. Социальная политика в годы войны и ее реализация в Татарии (1941–1945 гг.)//Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. – М., 2005. – С. 205–217.
13. Кабирова А. Ш. Власть и общественно-политические настроения в Татарстане в период Великой Отечественной войны//Вестник Новосибирского гос. ун-та. – Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9. – № 1. – С. 211–215.
14. Кабирова А. Ш. Татары и уроженцы Татарстана на фронтах Великой Отечественной войны//Научный Татарстан. – Казань, 2010. – № 2. – С. 136–147.
15. Кабирова А. Ш. Проблемы изучения тыла периода Великой Отечественной войны: рыночная торговля в г. Казани в 1941–1945 гг. //Научный Татарстан. – Казань, 2013. – № 3. – С. 36–45.
16. Кабирова А. Ш. Влияние правовых и социально-экономических факторов на трудовое поведение рабочих в промышленности Татарской АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)//Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – СПб., 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 169–180.
17. Кабирова А. Ш. Эволюция государственно-конфессиональных отношений в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарстана)//Государство, общество, церковь в истории России XX века. – Иваново, 2014. – С. 382–387.
18. Кабирова А. Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1995.
19. Кабирова А. Ш. Проблемы использования женского труда в народном хозяйстве Татарстана в 1941–1945 гг.: Новые подходы//Проблемы истории, культуры и развития языков народов Татарстана и Волго-Уральского региона. – Казань, 2002. – С. 252–259.
20. Кабирова А. Ш. Цена победы: социальные последствия работы женщин в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Татарстан)//Национальная безопасность и государственные интересы России. – Пенза, 2008. – С. 196–202.
21. Кабирова А. Ш. «За любимую Родину не пожалею себя и своей жизни»//Женский портрет в интерьере времени. – Казань, 2010. – С. 507–517.
22. Кабирова А. Ш. Жизнь тылового региона в годы Великой Отечественной войны (по материалам Ютазинского района Татарстана)//Ютазинский регион: проблемы истории и культуры. Село Байряка и Ютазинский район в системе культур и цивилизаций Юго-Восточного Татарстана и Волго-Уральского региона. – Казань, 2010. – С. 116–119.
23. Кабирова А. Ш. Реалии военной повседневности: к вопросу об уровне и качестве жизни населения Татарской АССР в 1941–1945 гг. //Патриотизм и гражданственность в истории России. – СПб., 2013. – С. 178–183.

Section 5. Cultural studies

*Gordeev Vladimir Anatolievich,
Lecturer of the Chair of Choreography
of Rivne State Humanitarian University
E-mail: 2894848@mail.ru*

Interference of folk heritage and ethnic culture on the formation of the dance vocabulary Polesie

Abstract: The article deals with consideration of the peculiarities of dance culture of Polesye. The scientific sources on the issues of Ukrainian choreographic art and culture and dance culture of Polesye were systematized. The author considers the lexical peculiarities of choreographic culture of Polesye region. The effect of folklore heritage and ethnic peculiarities of the forming the sources of Polesye dance development.

Key words: choreography, dance, choreographic culture, Polesye, folklore, ethnic culture, dance culture.

*Гордеев Владимир Анатольевич,
старший преподаватель кафедры хореографии
Ровенского государственного гуманитарного университета
E-mail: 2894848@mail.ru*

Взаимовлияние фольклорного достояния и этнокультуры на формирование танцевальной лексики Полесья

Аннотация: В статье рассматриваются особенности развития танцевальной культуры Полесья. Систематизированы научные источники по вопросам исследования хореографического искусства и культуры Украины, а также танцевальной культуры Полесья. Автор рассматривает лексические особенности хореографической культуры Полесского региона. Выявлено влияние фольклорного достояния и этнических особенностей на формирование источников развития Полесского танца.

Ключевые слова: хореография, танец, хореографическая культура, Полесье, фольклорный, этнокультура, танцевальная лексика.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими заданиями. Создание хореографического искусства народа неотъемлемо связано с общим процессом формирования этноса и его культуры. В процессе танцевального ритма находится язык пластики, чувство такта и восприятия прекрасного. История танца начинается с так называемой игры, забавы примитивного человека, в котором элемент забавы глубоким способом сообщается с методами интенсификации и самого полного использования человеческой энергии, которые только в последнее время стали предметами соединенных физических и технических опытов. Словесный текст является одним из составных элементов того комплекса ритмичного движения, который служит одновременно эстетическим потребностям чело-

века («забава») и его техническим заданиям («подъем энергии») [5, с. 61]. Формирование целей статьи. Целью настоящего исследования является определение факторов влияния фольклорного наследия, а также роли этнической и культурной обусловленности на формирование танцевальной лексики Полесья.

Анализ основных публикаций и исследований. Исследованиями хореографического искусства и культуры Украины занимались такие ученые: В. Н. Верховинец исследовал особенности танцевальных движений в совокупности с песней, а также классификацию видов украинских танцев [3]; А. И. Гуменюк исследует народно-хореографическое искусство Украины и особенности фольклорных традиций на формирование танцевальной лексики [6]; Л. И. Камина занималась исследованием региональных особенностей

формирования украинского народногосценического танца [7] и др.

Вопросы исследования танцевальной культуры Полесья поднимались в работах следующих ученых: В. Н. Годовский исследует историю, специфику танцев Полесья в разные исторические периоды, рассматривает элементы хореографии и влияние народных традиций на формирование танцевальной культуры полесья [4]; В. П. Ковальчук исследует танцевальную хореографию Полесья в рамках этнокультурного наследия Ровненского Полесья [9]; А. В. Самохвалова исследует особенности хореографии свадебного обряда Ровненского Полесья [10] и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена данная статья. В современной украинской хореографии пока еще даже не задан вопрос об исследовании связей танца с общими законами этноспецифики, хотя эти связи очевидны: танец пульсирует в соответствии с ритмами, свойственными человеческому организму, регламентируется канонами симметрии и гармонии, опирается на правила и нормы музыки. Как отдельная отрасль искусствоведения, наука о народной хореографии сформировалась на украинской почве сравнительно недавно, в двадцатые годы XX века. Отсутствие надежной наработанной в досоветские времена научной базы и вынужденная зависимость от доминирующих в советском культурном пространстве идеологических доктрин обусловили специфику ее развития. В частности, украинская наука о народном танцевальном искусстве отмечается определенной односторонностью, поскольку длительное время была вынуждена ограничиваться разработкой научно-методических проблем хореографии, значительно меньше внимания уделяя направлениям историко-культурного характера. Следствием этой односторонности является «непрописанность» народной хореографии в общей истории и теории национальной культуры. В последнее время особенное внимание уделяется национально-культурному фактору в формировании самобытности и традиций народа. Соответственно, возникает необходимость исследования особенностей и национальной обусловленности влияния этнических факторов территории и фольклора Полесья на танцевальную культуру указанного территориального региона.

Изложение основного материала исследования вместе с полным обоснованием полученных научных результатов. Танец принадлежит к самым древним средствам подъема коллективного настроения,

энергии и социальной солидарности. Танцевальная культура Полесья формировалась под влиянием хореографической культуры четырех государств: Беларуси, Польши, России и Украины, что связано с географическим расположением территории.

Феномен Полесского танца как доньше живого, функционального, популярного синкретического искусства открывает широкие возможности для исследования природы и эволюции синкретизма народной культуры и путей становления на его базе отдельных жанров.

Формулу синкретической специфики Полесского танца можно обозначить как динамическое единство трех компонентов: движение и тема танца — ритмика и мелодика (музыка) — текстовое строение. При этом первичным организующим началом является хореографическое, на основе которого формируется ритмика и мелодика, и на которую налагаются соответствующие тексты. На территории Полесья распространены такие танцы как «Полесский гопак» и «прутняк». Танцевальная специфика Полесской зоны характеризует шагами с прискоком — характерными для украинской танцевальной традиции, но на хореографию Полесья повлияла традиция Польши и Белоруссии. Танцы в Полесье можно классифицировать на две основные группы: автохонные и заимствованные. Как указывает В. Камин, «танец Полесья подчиняется определенному ритму, художественности и красоте поз и жестов, которые в совокупности позволяют отобразить гамму чувств и эмоционального состояния. Динамизм танца, характер манеры выполнения свидетельствуют о фольклорных традициях украинского танца» [8].

На каком-то этапе своей эволюции народный Полесский танец предопределяет рождение характерного украинского виртуального «танца-мысли». Полесский танец (синкретическое искусство) можно рассматривать как ключ к пониманию хороводов: производительная энергия танцевальной составляющей, владея неограниченными возможностями «расширения сюжетности», может иметь сколько угодно смысловых наслоений, не обязательно похожих на те, которые дошли до нас сегодня.

В украинском хороводе Полесья общепринято выделять три четко отмеченные тематические группы:

— первая — хороводы с ярко выраженным отражением трудовых процессов;

— вторая — хороводы, в которых воспеваются родная природа, отображаются характер, темперамент домашних животных, зверей, птиц;

— третья — хороводы, в которых воспроизводят-ся родственные и бытовые взаимоотношения с раскрытием характера человека в разных ситуациях (лирические, шуточные).

К. Ю. Василенко утверждает, что «лексика и композиция в хороводах несложная, ведь выполнялись они под открытым небом, тексты помогали воспроизводить действие, а мелодия — раскрывать эмоциональное содержание и художественные образы» [2].

Можно согласиться с оценкой К. Ю. Василенком [2] лексики и композиции в хороводах, однако понятие «простота» является неправомерным в оценке их семантики. На примере синкретического Полесского танца можно выделить лексику хоровода, которая характеризуется, главным образом, изображением динамики трудовой деятельности.

Полесский танец, согласно с установившейся традицией, относится к бытовым, следовательно, производным от хороводов. Из традиционных украинских танцев он самый популярный, — это визитная карточка Полесского края. Разнообразие названий, очевидно, происходит от этнографической территории. Пластичные образы народного танца воспроизводят коллективный портрет этноса, причем не статический, а динамический, ретроспективную глубину которого мы детерминируем той мерой, которую позволяют постичь наши знания, интуиция, воображение.

Полесский хоровод родился и функционировал как информативный и коммуникативный феномен. Речь танца была языком общения между человеком и одухотворенной природой в контексте конкретного социума. При этом, как обозначает М. С. Грушевский [5, с. 64] пластичный жест наделялся магической силой, преумноженной магией ритма. Ведя речь о магическом содержании древнейших хороводов, имеем в виду не только наивную веру в то, что можно «выплясывать» себе урожай или победу над врагом, но и то, что еще в давности люди почувствовали силу влияния танцевального искусства и научились ею управлять. В их среде выделились жрецы-волхвы, которые владели техникой танцевальной магии, творили и интерпретировали ее.

Полесские танцы выполняются легко, плавно, с незначительным пригибанием колена, они отмечаются простотой, их строение не имеет особенных украшений. Это наблюдается в небольшом количестве шагов и их вариантов; структуру танца составляют одна или две фигуры. Движения танцующих не ограничены; основным шагом является оборотный шаг в парах или целым кругом. Полесские массовые танцы

ведутся преимущественно за солнцем — слева направо, сольных танцев здесь нет. Темп их, подобно к целому ряду украинских танцев, нарастает к окончанию.

Остановившись детальнее на народной хореографии Полесского края, мы хотели проиллюстрировать мысль об удивительном богатстве и разнообразии украинского народного танца. Кроме отличий региональных, едва ли не каждое село, в котором сохранилась танцевальная традиция, может прибавить какие-то своеобразные краски и оттенки к общей характеристике национального пластичного искусства. В разных регионах Украины сохранились фрагменты самых древних и последующих форм народной хореографии, что открывает возможности, путем сопоставления уцелевших элементов когда-то единственного целого, реконструировать с большей, чем доньше, полнотой эволюцию народного танца от самых древних времен до настоящего времени.

Мотивы Полесского танца берут начало из новгородных колядок, проводов зимы и встречи весны. Эти и другие мотивы наводят на мысль о самых давних источниках Полесского народно-сценического танца, влиянии на формирование фольклорных форм профессионального хореографического искусства, танцевальных сюжетов разного происхождения и других фольклорных элементов. Обряды, разнородно переплетаясь между собой в разных вариантах в местностях, распространялись все новые параллельные мотивы — религиозные, магические и символические образы.

Пластика танцевального жеста Полесья не менее красноречива, чем пластика архитектурных форм: да и та несет насыщенную информацию о стиле и характере эпох, к которым принадлежат. Хореографический образ не редко содержит в себе будто в спрессованном виде самые разнообразные символы: зооморфные, антропоморфные, астральные, аграрные, брачные и др. О тесных связях с конкретными явлениями далекого прошлого напоминают иногда лишь отдельные компоненты структуры танца.

Бытовые танцы в хореографии Полесья возникли в результате исполнения многочисленных танцевальных песен, которые со временем потеряли свой смысл в понятийном определении поэтического слова, отдельных ритмизованных возгласов, прибауток и др.

Постепенно выделив четко определенные разновидности: гопакы, казачки, метелицы, гуцулки и тому подобное, они значительно расширили амплитуду лексики, композиции, мелодичную и ритмичную музыкальную структуру.

Если в понятие Полесский танец включить широкое содержание виртуозного этнографического танца, то можем констатировать, что этот танец стал сценическим в результате его постановок деятелями украинского профессионального театра (например, ансамбля им. П. П. Вирского).

Выводы исследования и перспективы дальнейших разработок в этом направлении. Исследование особенностей взаимовлияния фольклорного достояния и этнокультуры на формирование танцевальной лексики Полесья позволяет сделать выводы о том, что хореографическая культура Полесья является частью украинской хореографической культуры. Танцы Полесья развивались в процес-

се исторического развития региона, в связи с чем можно обозначить, что они являются результатом национально-культурных и исторических особенностей жизни в Полесье. Танцевальные движения сформировались на основе копирования или имитации движений, связанных с трудовой деятельностью, повадками животных и др. В результате танцевальная лексика Полесья характеризуется динамизмом, стремительными движениями, прыжками, легкостью, быстротой и др.

Перспективной дальнейшего исследования является изучение особенностей танцевальных движений, преобладающих в хореографической культуре Полеского региона.

Список литературы:

1. Василенко К. Ю. Український танець: Підручник/К. Ю. Василенко. – К.: ІПКПІК, 1997. – 281 с.
2. Василенко К. Ю. Лексика народно-сценічного танцю/К. Ю. Василенко. – К.: Мистецтво, 1971. – 257 с.
3. Верховинець В. М. Теорія українського народного танцю/В. М. Верховинець; вступ. ст. і заг. ред. Я. В. Верховинця. – 5-те вид., доп. – К.: Муз. Україна, 1990. – 150 с.
4. Годовський В. М. Танці Полісся: Підручник/В. М. Годовський. – Рівне, 2002. – 114 с.
5. Грушевський М. С. Історія української літератури в 6-ти т. Т. 1./М. Грушевський. – К.: Либідь, 1993. – Т. 1. – 391 с.
6. Гуменюк А. І. Народне хореографічне мистецтво України/А. І. Гуменюк. – К.: Видавництво Академії наук УРСР, 1963. – 235 с.
7. Каміна Л. І. Формування регіональних особливостей українського народно-сценічного танцю [Електронний ресурс]/Л. І. Каміна. – Режим доступу: http://www.culturalstudies.in.ua/metod_amator_12_1.php
8. Каміна Л. І. Роль балетмейстера у розвитку хореографічного мистецтва: (Методичний посібник: Формування особистості балетмейстера – автора хореографічних творів) [Електронний ресурс]/Каміна Л. І./Український центр культурних досліджень. – 2007. – Режим доступу: http://www.culturalstudies.in.ua/2008_zv_13_2.php
9. Ковальчук В. П. Етнокультурна спадщина Рівненського Полісся/ред.-упоряд. В. П. Ковальчук. – Вип. 2. – Рівне: Перспектива, 2002. – 119 с.
10. Самохвалова А. В. Хореографія весільного обряду Рівненського Полісся [Електронний ресурс]/А. В. Самохвалова. – Режим доступу: ukrvesillya.inf.ua/books/polissya2.pdf

*Markevich Larisa Anatolyivna,
Lecturer of the Chair of Choreography
of Rivne State Humanitarian University
E-mail: 2894848@mail.ru*

Synthetic artistic language of ukrainian national ballet performance as a result of ethno-national identification of the Ukrainian choreographic culture

Abstract: The article is devoted to the study of the artistic language synthesis of the Ukrainian national ballet performance. The notion of choreography and its constituents was systematized. The peculiarities of the choreographic culture of the Ukrainian people were revealed. The basic scientific publications on the study of ballet performance artistic language and influence of ethnic national specificity on the Ukrainian choreography were analyzed and

systematized. The ethnic national characteristics of Ukrainian choreography and their influence on the artistic language synthesis in the Ukrainian ballet performance were studied. The connection of national Ukrainian dance elements and classic ballet were analyzed.

Keywords: synthesis, choreography, choreographic culture, ballet performance, national dance, folklore, Ukrainian culture.

*Маркевич Лариса Анатоліївна,
преподаватель кафедры хореографии Ровенского
государственного гуманитарного университета
E-mail: 2894848@mail.ru*

Синтетический художественный язык украинского национального балетного спектакля как результат этнонациональной идентификации украинской хореографической культуры

Аннотация: Статья посвящена исследованию синтеза художественного языка украинской национальной балетной постановки. Систематизировано понятие хореографии и ее составляющих. Раскрыты особенности хореографической культуры украинского народа. Проанализировано и систематизировано основные научные публикации по исследованию художественного языка балетной постановки и влияния этнонациональной специфики на украинскую хореографию. Исследованы этнонациональные характеристики украинской хореографии и их влияние на синтез художественного языка в украинской национальной балетной постановке. Проанализирована связь элементов народного украинского танца и классического балета.

Ключевые слова: синтез, хореография, хореографическая культура, балетная постановка, народный танец, фольклор, украинская культура.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. В последние десятилетия, в балете как виде искусства происходит ряд существенных изменений, связанных с повышенным интересом к этнокультурным традициям и национально-исторической специфике. Перед балетмейстерами возникает задача постановки балетных спектаклей с использованием элементов украинского фольклора, культурных традиций в различных сферах жизни украинского общества. Этнокультурная специфика балетных спектаклей проявляется в использовании музыки украинских композиторов, элементов танца, заимствованных из народных украинских обрядовых игр, использовании известных сюжетов украинского фольклора. В современном балетном спектакле всё чаще используются народные образы и элементы народного танца, поскольку сегодня вопросы этнокультурной принадлежности находят отражение не только в социальной сфере, но и в области искусства — литературы, музыки, хореографии и др. Таким образом, современная украинская хореография является синтезом различных танцевальных элементов и художественно-образных средств.

Формирование целей статьи. Целью проведения данного исследования является раскрытие особен-

ностей синтетического художественного языка украинского национального балетного спектакля как результата этнонациональной специфики украинской хореографической культуры.

Анализ основных публикаций и исследований. Исследование художественного языка балетного спектакля и влияния этнонациональной специфики на украинскую хореографию многими учёными, например:

— О. В. Касьянова изучает особенности режиссуры балетных спектаклей в балетной хореографии [7];

— Л. Л. Козинко анализирует различные способы внесения балетмейстерами элементов фольклорного танца в балетный спектакль, проводит сравнение подходов балетмейстеров на примере балетных постановок «Княгиня Ольга», «Властитель Борисфена» и др. [8];

— О. А. Мерлянова рассматривает особенности украинских женских танцев на оперно-балетной сцене [11].

Выделение нерешенных прежде составляющих общей проблемы, которым посвящена данная статья. Современное развитие хореографии в Украине обусловлено развитием примитивных форм танца. Становление украинской танцевальной культуры происходило под влиянием социально-исторических,

национально-культурных и других факторов жизни общества. Жизненные реалии находили отображение в культурных традициях, в частности в украинской народной хореографии, а потому актуальным является исследование влияния этнокультурных традиций на развитие хореографического искусства. Классический танец отличается стремлением к четкости движений и форм, а потому создаваемые в балете образы ограничены характерно-танцевальными элементами, в то время, как народно-сценический танец вобрал в себя особенности народных обрядов и обычаев — это результат тесной взаимосвязи с жизнью людей, художественными вкусами, своеобразный источник естественного движения. Народному танцу присущи тематическая и образная наполненность, от самых его истоков основным мотивом танца является идея или сюжет (весенние хороводы, обряды встречи или проводы зимы и др.). Народный танец — предшественник классического танца, а потому их объединение приводит к наполнению классического танца естественностью и экспрессивностью, присущими народно-сценическим танцам. Таким образом, в современном мире наблюдается тенденция к объединению различных видов искусства. В частности интерес представляет исследование особенностей балетного спектакля с позиции синтеза классического и народного танца. Исследуя классический танец в контексте визуального изменения фольклорной формы украинского народного танца, обратим внимание на формотворческую основу танца и эволюцию первичного природного движения, обусловленную феноменом украинского академического танца, а также рассмотрим принципы практического воплощения техники классического танца и балетного искусства и, его влияние на технику исполнения украинского танца.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Хореографическое искусство является сложным социокультурным явлением, вобравшим в себя основные черты многих видов искусств и воздействия на зрителей. Однако, как искусство, хореография также имеет свои собственные черты, которые дают возможность выделить ее как отдельную танцевальную культуру, занимающую видное место в национально-историческом наследии народа. Танец всегда был неотъемлемой составляющей развития общества.

Сегодня хореографическая культура украинцев обусловлена синтезом разных видов искусства — музыкального, художественного, литературного и др. Определение хореографии (от гр. *χορεία* — танец, хо-

ровод; *γραφί* — писать), как искусства постановки танцев и балетов вошло в употребление в середине XIX столетия. Сущность хореографии более емка по сравнению с танцем, в котором «средством создания художественного образа является движение и положение человеческого тела» [1, с. 503]. С одной стороны, хореография рассматривается как запись движений танца с использованием условных обозначений [3, с. 1351]. С другой, по мнению исследователя Р. В. Захарова [5], хореография — это искусство создания и постановки танца или спектаклей танцевального характера [12]. Так, Р. В. Захаров интерпретирует хореографию непосредственно как искусство танца, которое охватывает танцы народные, бытовые и классический балет [5, с. 93]. Будучи искусством, хореография является средством отображения национально-исторического и культурного развития общества и социальных процессов, принятых в обществе и преобладающих в тот или иной период развития. Соответственно, хореография воплощает в себе актуальные проблемы и вопросы, волнующие людей, с помощью танцевальной пластики, образно-художественной формы и композиции балетной постановки. Итак, хореографическая культура обусловлена этноспецификой. Украинская хореографическая этнокультура формировалась под влиянием различных факторов: социальных, исторических, культурных. Наивысшей формой хореографического искусства является балет. Он развивается на основе синтеза четырех основных составляющих, таких как: театр (режиссура, сценарий, программа спектакли), музыка (музыкальное сопровождение балетного спектакля), сценография (декорации) и хореография. Ведущей составляющей является хореография, поскольку танец — основное средство выразительности и развития сюжета. Танцевальные движения в балете раскрывают образ героя, являются своеобразным его портретом (например, «Спящая красавица» М. Пети, «Викинги» Е. Станковича).

Украинская народная хореография — это отображение жизненного опыта народа. Народный танец связан с фольклором, вобравшим в себя знания народа, обусловленные географическими, историческими и социокультурными факторами. Соответственно, украинский народный танец — это своеобразный язык пластики, танцевальных традиций, композиций и музыкального сопровождения. Балетный танец, в отличие от народного, носит развлекательный характер, а потому балетные спектакли преимущественно светские мероприятия.

Синтез примитивного (фольклорного) танца с классическим балетом формирует основы современной украинской академической хореографической культуры. Как отмечает О. А. Мерлянова, хореографическая культура любого балетного спектакля — это синтез классических элементов и фольклорного начала, целью которых является наилучшее соответствие музыкальной партитуре. По мнению исследователя, в балете прослеживаются цитатный материал, переосмысленный и синтезированный в той или иной постановке [11]. Например, синтез народного танца и классики ярко прослеживается в балете «Лилеи». Премьера его состоялась в 1940 году в городе Киеве, балетмейстером постановки выступила Г. Березовая, в основу сюжета были положены образы из произведений украинского классика Т. Г. Шевченко, таких как «Слепая», «Княжна», «Ведьма», «Причинна» и др. В балетной постановке раскрывается образ женщины — от покорной девушки («Катерина» Т. Г. Шевченко) до бунтарки («Слепая» Т. Г. Шевченко, образ Оксаны). Танцевальные движения балета вобрали в себя народные мотивы произведений Т. Г. Шевченко и классическую хореографию в постановке балетмейстера. По мнению Ю. Станишевского, украинские женские танцы, преисполнены пластики и переборы ног напоминают классические элементы *pas de bourree* [13, с. 128].

Г. Загайкевич, по поводу объединения классического и народного танцев в постановке «Лилеи» отмечает, что использование элементов народного танца в классическом балете — это не только попытка передать национально-культурный колорит, это процесс реинтерпретации образов, мотивов, модификации фольклорных символов [4, с. 54].

В хореографии «Лилеи» синтез народного и классического танца стал более органичным и глубинным, чем в «Пане Канёвском», формы и особенности классических вариаций, дуэтов и ансамблей гармонично слились с композиционными признаками и стилистикой сольного, парного и массового украинского народного танца [13].

Следует отметить, что сравнение особенностей народного танца и классического балета свидетельствует об отсутствии в народных движениях основных элементов присущих классике, таких как выпрямленные в коленях ноги и выворотность. Это связано с тем, что классическое балетное движение не является результатом повседневной жизни, оно возникло как стремление к четкости форм, а потому не соответствует физиологическим особенностям движения

человека. Если народный танец характеризуется естественностью движений, стремительными поворотами, прыжками и прочее, то в балете все эти элементы не являются хаотичными. Благодаря подготовленности постановки, они упорядочиваются, оттачиваются [9, с. 177]. Для украинского балета типичным является использования фигур *elevation* (способность задержаться в воздухе при прыжке) и поз *arabesque* или *attitude*, присущих классическому танцу. В украинском народном танце тоже присутствуют эти движения, но они являются менее упорядоченными.

Обогащение балетного спектакля элементами украинского народного танца — это результат эволюционных процессов и исторических изменений в развитии общества. Важной чертой классического балета является возможность показать целостность образа героя через технически сложные танцевальные движения. Попытки соединить народные танцы и классический балет начались еще в XIX ст. в постановке «Наталка-Полтавка» украинского театра и отдельных балетных спектаклях, таких как «Эсмеральда» Ц. Пуне. Поиски образов синтеза народного танца и классического балета оказались успешными, и уже в конце XIX ст. балетный театр и народная хореография положили начало новому балету («Запорожец за Дунаем» П. П. Гулака-Артемовского, «Тарас Бульба» М. В. Лысенко). Значительный вклад в развитие народного танца в балетной хореографии внёс В. Н. Верховинец, создавший балет «Господин Канёвский», который стал первым украинским балетом, посвященным героизму украинского народа в борьбе против барщины. В. Н. Верховинец старался использовать элементы украинского народного танца, чтобы разнообразить балетный спектакль, сделать его более эмоционально-насыщенной [5, с. 58]. Соответственно, в балетном спектакле возникла новая хореографическая система, соединившая сольные выступления, дуэты и кордебалет. Так, для мужского танца характерны высокие прыжки, вращения и разные классические элементы. В женском танце соединились пластика рук, изысканность, легкие прыжки и классические позы. Ярким примером использования народных танцевальных элементов может служить балет-сказание «Княгиня Ольга» Е. Станковича, балетмейстер О. Николаев [14]. В начале спектакля изображается жизнь славянского племени. В хороводах девушек и маленьких детей, живущих в племени, встречаются элементы народного танца, такие как простой бег, легкий прыжок. Мужской танец в балете более раз-

нообразен. Как только на сцене появляются ребята, картина танца оживляется. Это традиционные для гопака притопы, удары по голенищам сапог, вынесение ноги на каблук и др. Дуэт мужской и женской партии характеризуется обращением к классическому балету. Таким образом, балетмейстер создал гармоничное объединение классического танца и народной хореографии. Первую премьеру этой постановки возглавлял А. Шекера. Ю. Станишевский, анализируя эту постановку, отмечает, что «А. Шекера, который стремился создать «симфонию» масштабности, образности и философского наполнения спектакли, смог в танцевальных движениях воплотить весь колорит жизни Киевской Руси». А. Шекера обратился к использованию в постановке народных элементов, что дало ему возможность воссоздать национально-исторический колорит времени правления князя Игоря и его жены Ольги, с помощью народных элементов он смог показать патриотизм народа Киевской Руси, его готовность бороться за свободу и погибнуть за нее. «Именно народные картины заняли особенно важное место

в музыкальной драматургии и многоплановом постановочном воплощении балета» [13].

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований в этом направлении. Таким образом, исследование показывает, что украинская хореографическая культура является синтезом народного и классического хореографического искусства. Движения в народном танце характеризуются естественностью и хаотичностью, в классическом балете — четкостью и строгостью форм. Элементы фольклорных и культурных традиций раскрываются в использовании музыкального сопровождения балетных спектаклей. Народный танец является легким для восприятия, гармоничным и самодостаточным. Он воплощает переживания и обычаи украинцев, а потому использование его элементов в балетной постановке дает возможность отобразить всю глубину форм и образов, заложенных народом, в хореографии.

Дальнейший интерес для исследования представляет анализ средств достижения синтетичности художественного языка в украинском национальном балетном спектакле.

Список литературы:

1. Балет: Энциклопедия/Гл. ред. Ю. Н. Григорович. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 623 с.
2. Блок, Л. Д. Классический танец история и современность [Текст]/Л. Д. Блок. – М.: Изд-во «Искусство», 1987. – 556 с.
3. Великий тлумачний словник сучасної української мови/Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. – 1440 с.
4. Загайкевич, М. П. Драматургія балету [Текст]/М. П. Загайкевич. – К.: Наук. думка, 1978. – 258 с.
5. Захаров Р. В. Слово о танце [Текст]/Р. В. Захаров. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 159 с.
6. Історія української музики. Т. 5: 1941–1958 роки/М. В. Беляєва [та ін.]; відп. ред. А. І. Муха. – К.: НАН України; ІМФЕ ім. М. Т. Рильського, 2004. – 504 с.
7. Касьянова О. В. Специфіка режисури балетних вистав у бальній хореографії [Електронний ресурс]/О. В. Касьянова. – Режим доступа: http://knmau.com.ua/chasopys/07_NBUV/docs/15_Kasyanova.pdf.
8. Козинко Л. Л. Елементи фольклорної хореографії у сучасному балетному театрі України/Лілія Леонідівна Козинко//Студії мистецтвознавчі. – 2011. – Вип. 3 (35). – С. 88–94.
9. Коменда О. І. Музика, поезія й танець у хореодрамі Віктора Тиможинського «Неминуча» [Текст]/О. І. Коменда//Студії мистецтвознавчі. – 2007. – № 2. – С. 58–65.
10. Лопухов Ф. В. Ленинградский балет сегодня [Текст]/Ф. В. Лопухов. – Л., 1967. – 253 с.
11. Мерлянова О. А. Українські жіночі танці на оперно-балетній сцені/О. А. Мерлянова//Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. – Вип. 19. – 2013 ю – Том І. – 6 с.
12. Музыкальная энциклопедия: [в 6 т.]. – Т. 6. Хейнце – Яшугин/гл. ред. Ю. В. Келдыш. – М.: Сов. Энциклопедия, 1982. – 1008 с.
13. Станішевський Ю. Балетний театр України: 225 років історії/Юрій Станішевський. – К.: Муз. Україна, 2003. – С. 438.
14. Шедевр Станкевича в Днепропетровске [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/kultura/shedevr-stankovicha-v-dnepropetrovske>.

*Nykorak Nataliia Yurievna, Vasyl Stefanyk Precarpathian
National University (Ivano-Frankovsk), assistant professor
E-mail: nnykorak@mail.ru*

Features musical dramaturgy of vocal cycle Y. Yaroslavenko "Spring Nights"

Abstract: In the research paper the features of music dramaturgy of the chamber and vocal cycle "Spring nights" by Y. Yaroslavenko are treated. Based on the analysis the specific character of genre interpretation in composer's works are determined as well as his role in the range extension of genres of the Ukrainian vocal music in Halychyna of the early twentieth century is described.

Keywords: chamber-vocal music, chamber-vocal cycle, vocal genres, romance

*Никорак Наталия Юрьевна, ГВУЗ "Прикарпатский национальный
университет им. В. Стефаника", ассистент кафедры теории
и методики начального образования
E-mail: nnykorak@mail.ru*

Особенности музыкальной драматургии камерно-вокального цикла Я. Ярославенко "Весенние ночи"

Аннотация: В статье рассматриваются особенности музыкальной драматургии камерно-вокального цикла Я. Ярославенко "Весенние ночи". На основании анализа определено специфику интерпретации жанра в творчестве композитора, а также очерчена его роль в расширении жанровой амплитуды украинской вокальной музыки Галичины начала XX века.

Ключевые слова: камерно-вокальная музыка, камерно-вокальный цикл, вокальные жанры, романс.

Камерно-вокальное искусство занимает одно из значимых мест в украинской музыкальной культуре Галичины конца XIX — начала XX веков и отличается богатством тематики и жанров. Высокая идейность, глубокая содержательность, демократическая направленность характерны для лучших образцов романса этого периода. Внешние противоречия окружающего мира, философское осмысление жизни, инсталлированы через призму собственного (авторского) субъективного видения, нашли свое воплощение именно в этом виде искусства. Вследствие разных общественно-политических и географических особенностей, украинская музыкальная культура в Галичине претерпела значительное воздействие со стороны более или менее близких культур. Это наложило свое отражение во всех музыкальных жанрах, в том числе и камерно-вокальных. В частности важную роль в развитии украинского романса в Галичине сыграли образцы австро-немецкой Lied и польской художественной песни, русского классического романса и этнической "старо-галицкой" песни. Разнообразные влияния и взаимосвязи, как и национальные традиции стали основой для камерно-вокального творчества профессиональных композиторов — О. Нижанковского, Д. Сичинского, С. Людкевича и других основоположников

украинского классического романса в Галичине. Однако, не менее важную роль в становлении романса сыграли композиторы-аматоры — Я. Лопатинский, В. Безкоровайный, О. Бобикевич и мн. др., в творчестве которых этот жанр постепенно выходит за рамки домашнего музицирования и становится в один ряд с камерно-вокальными композициями профессиональных мастеров. Среди композиторов, имеющих другую профессиональную специальность, но вместе с тем плодотворно работающих на музыкальной ниве выделяется фигура Ярослава Ярославенко (Ярослав Дмитриевич Винцковский — 1880–1958 гг.) — композитора, дирижера, издателя, публициста, инженера, общественного деятеля.

Его творческое наследие представляет широкий спектр разножанровых композиций: музыкально-драматические, камерно-инструментальные (для фортепиано, скрипки, мандолины), оркестровые произведения. Огромный пласт в области музыкального искусства составляет хоровое творчество мастера — около двухсот оригинальных разновидных композиций и множество обработок украинских народных песен для различного состава хора. Обращался Я. Ярославенко и к жанрам камерно-вокальной музыки — около сорока романсов и музыкальных ин-

терпретаций лемковских, старогалицких, моравских (чешских) и словацких песен для голоса в сопровождении фортепиано.

Отзывы, рецензии и сообщения периодической печати того времени свидетельствуют о том, что Я. Ярославенко был одним из востребованных и популярных композиторов Галичины начала XX века. На страницах газет его имя встречается вместе с признанными мастерами вокального искусства. Большинство ранних его романсов получили свое сценическое воплощение еще при жизни композитора и входили в репертуары ведущих вокалистов того времени: Соломии Крушельницкой, Филомены Лопатынской, Модеста Менцинского, Романа Орленко (Прокоповича), Марии Сияк (Сиякивной) и многих других. Сохранились уникальные записи исполнения вокальных произведений Я. Ярославенко выдающимся украинцем, мастером вокальной сцены Александром Нижанковским. Так в 1910–1912 годах в Вене был выпущен цикл пластинок “Pathe” с произведениями мировой и украинской классики в исполнении вокалиста. Здесь, наряду с другими сочинениями — романс Я. Ярославенко “Дикая роза” [1, 160]. Среди немногочисленных записей уникального голоса Соломии Крушельницкой во львовском архиве сохранились магнитофонные ленты, записанные в апреле 1952 года с исполнением украинских народных песен в обработке С. Людкевича, Д. Сичинского, М. Колесы и других композиторов, в том числе Я. Ярославенко — “Гей, во поле” и “Ой там, на горе” [1, 172].

Его произведения были репертуарными, камерно-вокальные композиции часто звучали в “сборных” концертах на ведущих сценических площадках Галичины. Часто на музыкальных и творческих вечерах Я. Ярославенко выступал в роли аккомпаниатора и лично сопровождал выполнения своих вокальных произведений игрой на фортепиано. Он был хорошим пианистом, мастерски владел искусством аккомпанирования. Так, в 1907 году вместе с украинской певицей, воспитанницей Миланской консерватории Марией Сияк композитор участвовал в концертном турне по городам Галичины (Львов, Перемышль, Сокаль) где звучали собственные произведения Я. Ярославенко, романсы Г. Вольфа, Я. Галля, Е. Грига, М. Лысенко, С. Невядомского, А. Нижанковского и оперные арии европейских классиков [2].

В силу объективных и субъективных факторов обращение Я. Ярославенко к камерно-вокальной музыке не было постоянным. Опираясь на хронологию написания композиций [3, 22–22], жанровые тен-

денции, стилевую эволюцию его творчества, можно выделить следующие этапы обращения мастера к вокальной лирике: 1905–1910-й гг. — период раннего камерно-вокального творчества; 1918–1930-е гг. — второй, зрелый период; 1940-е–1958 гг. — третий период, поздний.

Раннее камерно-вокальное творчество композитора обозначено откровенным влиянием западно-европейского романтического искусства, тяготеющего к самовыражению и автобиографичности. Это период творческих поисков, синтеза и подражания, в котором доминирует концентрированное проявление индивидуальных чувств и юношеских субъективных переживаний. Из-под пера Я. Ярославенко выходят романсы “Ой щебечут соловьи” (поэтический источник В. Пачевского), “Мое сердце для любви” (поэзия В. Кулика) и два романтические камерно-вокальные циклы “Тебе в день 22 мая 1905 г.” и “Весенние ночи”.

Обращению композитора к такой чувственной, сложной и одновременно гибкой форме как камерно-вокальный цикл предшествовали творческие импульсы в этом направлении западно-европейских (Л. Бетховен, Ф. Шуберт, Р. Шуман и др.) и украинских (М. Лысенко, М. Вербицкий, В. Матюк и др.) композиторов. Политические и географические особенности Галичины способствовали взаимопроникновению и взаимовлиянию украинской музыкальной культуры с европейским музыкальным искусством и искусством центральной Украины. Продолжая традиции западно-европейского романтического музыкального искусства, опираясь на имеющиеся в то время попытки циклизации романсов украинскими композиторами и соблюдая основные принципы циклического формообразования, Я. Ярославенко создал свой оригинальный образец камерно-вокального цикла “Весенние ночи”, посвятив его Брониславе Вольской, вероятно своему юношескому увлечению, оставшемуся, судя по настроению произведения, без ответа. В основе цикла — традиционная для романтической эстетики фабула — драматический рассказ молодого влюбленного юноши о своей несчастной любви. Преломляясь сквозь призму лирического таланта композитора, его собственных интимных переживаний, исповедь героя обозначена личностными чертами и приобретает трагическую эмоциональную окраску. Раскрытие типичной для романтического искусства сферы ключевых образов и особенности развертывания сюжетной линии цикла стали для композитора толчком к выбору поэтической первоосновы, в которой он видел потенциал к построению

соответствующего и нужного ему чувственного пространства. Тщательно подбирая литературные первоисточники, Я. Ярославенко остановил свое внимание на поэзии буковинского поэта и музыканта Даниила Млаки (С. Воробкевича), австрийского поэта Николауса Ленау (N. Lenau) и произведениях шотландского поэта-романтика Роберта Бернса (R. Burns). Обращаясь к разным по стилевым решениям стихам, композитор, выступая в роли музыканта-драматурга, тщательно выстраивает сюжетно-повествовательный, содержательный и логический план будущего цикла и формирует новый контекст за счет удачных украинских переложений иностранных текстов. Чтобы уравновесить стилевые и лингвистические особенности отобранных стихотворений Г. Бернса и Н. Ленау, Я. Ярославенко обратился к их переводам поэтами-современниками — О. Луцким, В. Пачевским и И. Петрушевичем. Использование композитором стихов зарубежных авторов было откровенным подражанием западноевропейской романтической традиции, а желание приблизить свой цикл к творчеству венских классиков побудило Я. Ярославенко к немецкоязычной интерпретации украинских текстов. Официальным языком в Галичине в составе Австро-Венгрии был польский, однако переводы на немецкий язык расширяли ареал популяризации романсов не только на родине композитора, но и за рубежом, и предоставляли возможность их исполнения как украинскими вокалистами, так и зарубежными. Таким образом, немецкоязычный перевод стихов Д. Млаки (романсы — "Дикая роза", "Имел я розу") сделал Вильгельм Горошовский, а перепевы произведений Роберта Бернса (романсы — "О, будь мне, как цвет сирени", "На сердце печаль") представлены в интерпретации Л. Зильберглайта (L. Silbergleit).

Романтические черты раннего камерно-вокального творчества Я. Ярославенко проявились не только в специфике выбора поэтического источника, но и в особой сфере ключевых образов цикла. Композитор мастерски пользуется символикой растений и к главным героям цикла вводит аллегорические образы розы ("дикая роза", "роза", "великолепная роза", "роза белая") и сирени. Использование фитонимов — это не только следование романтической традиции, но и смелая интерпретация фольклорных мотивов, как перцептивного средства воплощение красоты и совершенства природы, а также важный фактор создания эстетической картины цикла, возникающий через ассоциативную связь. В одном случае роза выступает как собеседница главного героя (романс

"Дикая роза"), в другом — композитор проводит параллели-символы между своей возлюбленной и цветком ("Имел я розу"), а в романсе "О, будь мне, как цвет сирени" ассоциирует свои чувства с красотой цветения гроздьев сирени.

В цикле отсутствует фактаж в отражении событий. Развитие сюжета построено на причинно-следственных связях, в основе которых — душевное состояние юноши и его личные переживания. Это "театр" чувств молодого героя, в котором композитор раскрывает сложный мир его эмоций, широкую палитру психологических состояний — от безнадёжности и страсти к надежде и отчаянию. Такой концентрический тип сюжета и драматургическое строение соответствуют традициям романтического лирического вокального цикла.

Особенности авторского музыкального отражения любовной истории заключается в нетрадиционном воплощении сюжетного развития цикла. Учитывая то, что по своему типу мышления Я. Ярославенко был композитором-миниатюристом, и каждый его романс составляет законченную целостность, последовательность их в цикле подчинена определенной сюжетной логике и каждый раздел соответствует определенному элементу сюжета. Экспозиция основных образов (юноша, "дикая роза") происходит в первом романсе "Дикая роза", однако в драматургическом развитии это романс-развязка, романс-вывод: герой уже потерял надежду на взаимную любовь, у него осталась единственная мысль — уйти из жизни. Юноша сначала выступает в роли рассказчика: он трогательно повествует о нелегкой судьбе цветка, сравнивая угасающую красоту дикой розы со своей, увядшей от неразделенной любви, душой. Однако дальше, будто забывшись, герой непосредственно обращается к цветку, доверяя ему свои самые сокровенные мысли и намерения.

Второй раздел цикла — "О, будь мне, как цвет сирени" — выполняет функцию завязки. Композитор возвращает слушателя в момент зарождения чувства: юноша впервые открывается непосредственно своей любимой, своей избраннице — это первое горячее признание главного героя. Надежды на взаимные чувства сопоставляются с приходом весны, ощущениями от созерцания прекрасных цветов — сирени и роз.

Развитие действия в сюжетной линии цикла представляет третий романс "Имел я розу". Герой в очередной раз обращается к "розе", в образе которой он видит свою избранницу. Юноша проводит параллели между нелегкой судьбой "великолепной розы" и своей любовью: приближение холодной осени постепенно

разрушает красоту розы и гасит надежду и чувства в сердце.

Для подготовки драматургической вершины цикла, композитор применяет один из традиционных приемов — метод контрастного сопоставления. Для усиления кульминации, мастер вводит в цикл романс-“паузу” “Просьба” — № 4, являющийся элементом отстранения действия. Я. Ярославенко в цикле не озвучивает момент отказа девушки — любимая выступает как главный персонаж опосредованно, а музыка воспроизводит исключительно эмоциональное состояние героя после разговора с ней. Юноша обращается к ночи — своей лучшей подруге, и просит ее спрятать переживания под своим темным ковром-крылом. Его просьба звучит спокойно, сдержанно, без эмоционального надрыва с позиции пережитого.

Пятый раздел цикла — “На сердце печаль” воплощает глубокие чувства и переживания лирического героя. Это кульминационная точка — лирико-драматический монолог, в котором его обещания положить к ногам любимой весь мир звучат как крик души, как последняя молитва. Юноша с отчаянием клянется своей возлюбленной сделать все для того, чтобы она ответила ему взаимностью.

Итак, сюжет выстраивается следующим образом: экспозиция-развязка — завязка — развитие действия — отстранение действия (подготовка кульминации) — кульминация. Такой драматургической линии соответствует темповое развитие цикла (№ 1 Andante — № 2 Andantino con moto — № 3 Con moto — № 4 Adagio sostenuto — № 5 Poco Allegro) и тональный план произведения (№ 1 e-moll — № 2 c-moll — № 3 f-moll — № 4 F-dur — № 5 f-moll). Плавный переход от умеренного Andante к быстрому Poco Allegro прерван медленным Adagio sostenuto, а общий минорный лад разрывается вкраплением F-dur. Образованный “провал” выступает отстранением действия, становится подготовкой кульминационной вершины, оттеняет, усиливает и художественно подсвечивает ее, добавляет характера и большей выразительности. Таким образом все развитие цикла стремится к кульминационной вершине — последнему номеру цикла, которая является апогеем музыкально-драматургического

развития. Каждой миниатюре цикла соответствует определенный жанр: № 1 и № 3 — лирический романс-монолог, № 2 и № 5 — лирико-драматический монолог, № 4 — романс-ноктюрн, и несмотря на то, что чередование номеров цикла происходит по принципу контрастного сопоставления, внутренние связи очевидны, и аркада жанровых параллелей одна из них. Композиционное единство достигается не только жанровыми связями, но и общими тематическими, интонационными, гармоничными чертами, организацией соотношений между инструментом и вокальной линией и другими.

Проблема сохранения художественной целостности цикла стала одной из актуальных для композитора. Из-за финансовых трудностей опубликовать произведение единым изданием Я. Ярославенко не удалось. Учитывая то, что покупательная способность ценителей украинской музыки была невысокой, а издание цикла отдельным опусом привело бы к его удорожанию, композитор решил издать каждую композицию отдельно в собственном музыкальном издательстве “Торбан” под разными номерами — 9, 16, 34, 41, 57. Такое растянутое во времени издание отдельных романсов с одной стороны частично нивелировало представление о целостности произведения как цикла, но с другой — дало возможность их быстрого включения в “сборные” концертные программы и выступления.

Камерно-вокальный цикл Я. Ярославенко “Весенние ночи” стал одним из образцов украинской вокальной лирики начала XX века, которая наделена чертами самобытности, неповторимости и одновременно обозначена ассимилятивными чертами. Обращение композитора к такому сложному и гибкому жанру как камерно-вокальный цикл не было простым копированием лучших европейских образцов. Я. Ярославенко, изучая и соблюдая каноны циклического формообразования введенные композиторами-романтиками, создал свой оригинальный образец камерно-вокального цикла, который обозначен национальными чертами. Появление на музыкальной арене романсов из цикла “Весенние ночи” было смелым шагом в развитии профессионализации украинского музыкального искусства Галичины в области вокального творчества начала XX века.

Список литературы:

1. Максимюк С. З історії українського звукозапису та дискографії. Львів – Вашингтон: Видавництво Українського Католицького Університету 2003. – 288 с.
2. Я. В. В справі концерту п-ни Марії Сіак//Діло. – 1907. – № 99
3. Державний архів Львівської області. Ф. Р-2920. оп. 1. спр. 8. – 28 с.

*Tereshchenko-Kaidan Lily Vladimirovna Ph. D., Associate Professor,
Professor enddoctoral National Academy of Managerial Staff Culture and Arts.
E-mail: lilijatereshenko@rambler.ru*

Handwritten Slavic (kirilichnoe) heritage monastery Zograph located on Mount Athos — sample diversity of Slavic Culture

Abstract: The article in question on the manuscripts of the Bulgarian monastery Zograph that on Mount Athos. Considered separately Slavic manuscripts. And in their context revealed ukrainskie samples. Just induced interesting facts about the presence of Ukrainian cells as part of the monastery. Their way of life, a way zhivni and spiritual development.

Keywords: Priory Zograph Slavic manuscripts cell Mavrovyr, Ukrainian heritage.

*Терещенко-Кайдан Лилия Владимировна,
кандидат искусствоведения доктор философии Ph. D., доцент.
Профессор и докторант Национальной академии
руководящих кадров культуры и искусств
E-mail: lilijatereshenko@rambler.ru*

Рукописное славянское (кирилличное) наследие монастыря Зограф, находящегося на Афоне — образец разнообразия славянских культур

Аннотация: В статье идёт речь о рукописном наследии болгарского монастыря Зограф, что на Афоне. Отдельно рассматриваются славянские рукописи. А в их контексте выявляются украинские образцы. Так же наводятся интересные факты о присутствии украинских келий в составе монастыря. Их уклад, способ жихни и духовное развитие.

Ключевые слова: Монастырь Зограф, славянские рукописи, келья Мавровыр, украинское наследие.

Исследуя вопросы, относящиеся к теме параллелизма и особенностей развития духовной культуры Украины и Греции XVII–XVIII вв., обращаемся к рукописному наследию, оставленному нам предыдущими поколениями. Рукописное наследие — это генетический код нации, а в данном случае — славянского мира. Сокровищницей славянской (кирилличной) рукописной книги является Св. гора Афон. Закрытость территории, отчуждённость от внешнего мира монастырей Афона сопутствовали сохранению и консервации рукописных артефактов, что даёт возможность современной науке из первоисточников узнать: о развитии отношений между славянами и греками; о формировании языкового и культурного наследия; развития искусств.

Актуальность данной темы очевидна. Основной целью и заданием работы является исследовать рукописный фонд монастыря Зограф Св. горы Афон, одного из ярчайших центров славяно-болгарской культуры, и дать характеристику развития славяно-греческих отношений и культурных связей.

Основной литературой, к которой обращены исследования, являются сами рукописные памятники коллекции монастыря Зограф и каталоги рукописей библиотеки Зографского монастыря Св. горы Афон

[1, 4]. А так же воспоминания о монастыре путешественников и учёных монахов [2, 3].

Монастырь Зограф играл важную роль для формирования и развития византийско-славянской культуры. Расположен на северо-западе афонского полуострова. Он является одним из культурных центров на Балканах, а так же одним из проводников славянской литературы на Афоне.

Рукописи в монастыре появились в X в. Датой основания монастыря считается 990 г. Основателями являются три брата болгарина из Охрида, который расположен между современной Албанией и бывшей Югославией. Звали их Моисей, Аарон, Иоанн. Монастырь назван на честь великомученика Георгия Кападокийского.

Само название монастыря Зограф происходит от греческого слова Σωφρας — художник. А по воспоминаниям В. Григоровича-Барского название монастыря происходит от чудотворного образа Зограф, что в переводе обозначает — иконописец [2. с.126].

Первые упоминания о монастыре встречаются в Типиконе 977 г. [4], но дальнейшие следы рукописной монастырской летописи обрываются из-за пожара, уничтожившего рукописное наследие монастыря.

Только в XIII в. информационные сведения о жизни и деятельности монастыря возобновляются.

Почти весь XIII в. монастырь процветал. И лишь в конце столетия император Михаил, который прежде всячески содействовал развитию обители, не заставил насельников принять унию с Римом. Отказавшихся подчиниться двадцать шесть монахов, в 1276 г. Сожгли заживо в башне монастыря.

Османское нашествие XV в. не коснулось монастыря Зограф. Но в XVI в. монастырём овладели молдаване. Именно по этому в рукописных собраниях монастыря Зограф сохранилось так много кодексов молдо-валашской редакции. Во второй половине XVII в. монастырю были дарованы земли в Бессарабии, а именно Добровецкий и Киприяновский монастыри.

Начиная с XVIII в. монастырь становится славяно-болгарским центром. По воспоминаниям В. Григоровича-Барского в XVIII в. в монастыре жили в основном болгары а не греки и служба велась на славянском (болгарском) языке, а не на греческом. [1. с. 126.].

Среди известных художников монастырь прославил своими работами Пимен Зографский. Этот художник известен в Болгарии. Его росписи особенно чтимы в г. Черемешки.

К концу XVIII в. Паисий Хиландарский завершил работу над созданием славяно-болгарской истории, датируемой 1776 г. Из известных находок начала XX в. можно выделить так называемые Зографские листки XI в. Раскрыл и исследовал их российский учёный Г. А. Лавров в 1906 г.

Рукописный фонд Зографского монастыря является уникальной коллекцией собраний, не только священно-церковной, церковно-богослужебной но и исторической, языковой и искусствоведческой практики. Такое наполнение даёт возможность исследования разных культурных традиций в отдельности и в синтезе с другими традициями.

Рукописная славянская (кирилличная) коллекция зографского монастыря насчитывает 320 памятников. К их числу относятся: болгарские, сербские, украинские, румынские, молдаво-валашские и российские рукописи. Особо можно выделить Зографское глаголичное Евангелие X в., Апостол 1359 г., пергаментный служебник конца XIV в., Радомирова Псалтырь, Драганова минея, и важная для Украины рукопись, как Единая славянская грамматика Паисия Величковского.

Для Украины Зографский монастырь знаменателен не только своей богатейшей рукописной кол-

лекцией, но ещё и наличием при монастыре украинских казацких скитов разбросанных по горам. Одним из таких скитов является казацкий скит «Мавровыр». В рукописях встречается несколько наименований этой обители. Например, «Чёрный вир», «Чорний вир», «Чорновир», «Мавровир», «Мавровыр», «Чорновыр». А ещё этот скит на Афоне называли «Духовное Запорожье». К сожалению этот полноценный, за численностью монахов и богослужебной практикой, скит не получил статус монастыря. Скит находился в трудно доступном месте, постоянно обдуваемый пронзительным и вредным для здоровья ветром, Далеко не каждый насельник Афона мог выдержать эти суровые, как в климатическом так и в материальном отношении, условия. Только запорожцы, закалённые в украинской степи, в диком поле на Запорожье, не пугали ни пронзительный ветер, ни материальные лишения. На Афоне казаки оставались запорожцами. Именно по этому их и называли «Русскими сироманцями». Известно, что во главе скита в 1747 г. был Григорий Остапович Голубенко. Наверное именно по этому Зографский монастырь известен обилием именно украинских рукописей.

Однако, далеко не всегда, к украинским монахам было хорошее, братское отношение со стороны насельников монастыря. По свидетельствам В. Григоровича-Барского [2. с. 605–606] всех пришедших на Афон украинцев считали униатами или польскими латинянами. Не взирая на сан, в котором поступил монах в монастырь, его назначали простым монахом, без права служить литургию и без всяких почестей. Украинцы старались скрыть своё украинское происхождение. Именно по этому нам сейчас так сложно отискать какие либо сведения об украинцах на Афоне. Та же участь касалась украинских икон. Их вешали высоко на стены для того чтоб к ним не прикладывались. Молиться на украинские иконы считалось позорно и безвкусно.

Приведём один случай, который случился с украинским священником по имени Иосиф, который жил в Зографском монастыре в XVIII в. В монастырь этот священник приехал благочестивым сыном украинских родителей, крещённым в украинской православной церкви. Будучи не грамотным, но имея огромное желание быть священником он два года изучал богословие и все необходимые для богослужебной практики науки. То есть обучен практике он был на Афоне по традициям, законам и требованиям монастыря.

После этого, через исповедь у епископа, он был посвящен в сан пресвитера-седмичника. Радея за службу, благочестиво научаясь богослужебной практике, он

каждый день правил службу Божую и нёс свой священный Крест. Однако его украинское происхождение стало смущать братию монастыря. К нему перестали обращаться за благословением, перестали брать антидор и т. д. Братия начала требовать перекреститься о. Иосифа. И в конечном итоге перекрестили его в горько-солёной морской воде.

Получилась несурзаца. Или братия высветила в священнический сан некрещёного монаха, или монах будучи священником-язычником похрестился после принятия им духовного сана. Получается, что для неугодных украинских монахов есть место только в труднодоступных горных скитах, где они притерпевают и климатические и материальные лишения.

Обращаясь к рукописному фонду Зографского монастыря не обходимо сразу же отметить богатейшее языковое наполнение славянской коллекции. При каталогизациях и описях рукописного славянского (кирилличного) фонда болгарские ученые не даром ставили особые акценты на языковых отличиях славянских (кирилличных) рукописей [1,4].

Характерными для коллекции Зографского монастыря являются так званные смешанные рукописи. Это рукописи писанные несколькими переписчиками, от двух до шести. Их могут писать как на протяжении небольшого периода, например 1 год, тогда в рукописи, как правило, присутствует конкретная дата. Так же рукописи пишутся на протяжении века и, соответственно датируются этим веком. Но есть отдельная категория книг, писанных на протяжении нескольких веков. Это не значит, что подобные рукописи писались изо дня в день два, три века подряд. Просто один переписчик начал рукопись, другой, столетие спустя, её продолжил, а третий, ещё через столетие, завершил. А иногда, одну рукопись пишет целая «школа», например Расовская.

Смешанные рукописи представляют особый интерес. Во-первых, в них представлены разные стили письма. Во-вторых, языковые отличия. Например, учебник истории болгарского царства, который находится в составе сербского Евангелия [5]. Само Евангелие написано на сербском языке, а учебник истории болгарского царства — на болгарском. Из предыду-

щих исследований видно, что это умышленная акция. Что учебник специально спрятан в середине себского Евангелия, по частям-параграфам между евангельскими главами.

Обратившись к следующему примеру сталкиваемся с такой же формулировкой псалтырь балгаро-сербская. Но во время исследования видим, что книгу писали 4-ри переписчика. То есть присутствует четыре разных почерка.

Для украинских исследователей большой интерес представляют рукописи, помеченные прямыми ссылками на наличие в книге украинского языка. Выше уже говорилось о том, что в коллекции Зографского монастыря присутствует определённый массив украинских рукописей. Конкретные ссылки на наличие украинских рукописей появляются в XVI в. До того это либо древне-русские рукописи, либо регионально очерченные рамками отдельной области Украины, например Галицко-Валынские или Драгодицкие. В этой работе акцентируется внимание на украинскую рукопись, Псалтырь с последованием и житием Ивана Рильского 1-й четверти XVII в. [8].

Теперь приведём пример российской рукописи. Это Псалтырь с последованием. от 1713 г. От Кирилла Зографского. Писана церковнославянским языком с российским диалектом. [9]. То есть болгарские исследователи коллекции Зографского монастыря чётко разграничивали рукописи на украинские и российские. При исследовании выше указанных кодексов данные описей подтверждаются. Отсутствует термин приписанный украинским рукописям некоторыми исследователями. А именно, «русская рукопись, с украинскими элементами». В переводе это значит рукопись написана на церковно-славянском языке с украинскими диалектами. При чём сразу не обходимо обращать внимание на такие рукописи. Как правило это очень ценные артефакты.

Исследования рукописной коллекции Зографского монастыря дают возможность познать богатейший мир культурного, исторического, языкового, догматического, философского и искусствоведческого наследия славянских народов восточного обряда то есть православия.

Список литературы:

1. Божидар Райков, Стефан Кажухаров, Хайниц Ми клас, Христав Кодов. Каталог на славянските рукописи в библиотеката на зографския манастир в свята гора. – София, 1994, – 447 с.
2. Григорович-Барський В. Мандри по святих місцях сходу з 1723 по 1747 р./Василь Григорович-Барський. – К., 2000, 767 с.
3. Успенский П. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты./Парфений Успенский. – М., 2006, – 1286 с.

4. Христа Кодов, Божедар Райков, Стефан Кожухаров. Описна словянские рукописи в библиотеке на зографския монастыру в Свята гора./Христа Кодов, Божедар Райков, Стефан Кожухаров – София, 1985 – т. 1. – 270 с.
5. Рукопись. Учебник истории болгарского царства, припрятанный среди евангельских текстов сербского Евангелия. – Мони Влатазон (микрофильм)–№ 1.
6. Рукопись. Толковая псалтырь. XV– 1-ая пол.. XVI ст.. сербско-болгарская рукопись. 4 переписувачів – (соф.) № 4.
7. Рукопись. Псалмы и избранные молитвы 2-й пол.. XVI ст. Молдово-воляско-болгарский + церковнославянские элементы –№ 6 (соф.)
8. Рукопись. Украинская рукопись 1-я чет. XVII ст.. Псалтырь с последованием и житием Ивана Рыльского. – № 11 (соф.)
9. Рукопись. Псалтырь с последованием. от 1713 г. От Кирила Зографского. Писана церковнославянским языком с российским диалектом. – № 13. (соф.)

Section 6. Linguistics

*Kozhukhovska Iuliia Vitaliivna,
Taras Shevchenko National University
of Kyiv, postgraduate student, Institute of Philology.
E-mail: jv-k@mail.ru*

Slot FANTASY in frame structure «Ship as a means of travel» in Modern Greek Poetry of XX century

Abstract: The article is devoted to the identification of frame structure “ship as a means of travel” in the slot FANTASY on the material of Modern Greek poetry of the 20th century. Axiological analysis of fantasy is carried out; the way of interaction of concepts SHIP and FANTASY is determined. The relationship of fantasy with other concepts is identified.

Keywords: Modern Greek poetry, concept JOURNEY, concept FANTASY, frame analysis.

*Кожуховская Юлия Витальевна,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко, аспирант.
E-mail: jv-k@mail.ru*

Слот ФАНТАЗИЯ во фреймовой структуре «Корабль как средство путешествия» в новогреческой поэзии XX века

Аннотация: Статья посвящена выявлению во фреймовой структуре «Корабль как средство путешествия» слота ФАНТАЗИЯ в новогреческой поэзии 20 века. Проводится аксиологический анализ фантазии; определяется способ взаимодействия концептов КОРАБЛЬ и ФАНТАЗИЯ; устанавливается взаимосвязь фантазии с другими концептами.

Ключевые слова: новогреческая поэзия, концепт ПУТЕШЕСТВИЕ, концепт ФАНТАЗИЯ, фреймовый анализ.

Корабль является концептуальной доминантой концепта ПУТЕШЕСТВИЕ в новогреческой поэзии 20 века. Частотность обращения к образу корабля и яркость его функционирования в обрамлении стилистических и синтаксических средств подтверждает актуальность фреймовой структуры «Корабль как средство путешествия» в греческом лингвосознании.

Целью данной статьи является выявление в данной фреймовой структуре слота ФАНТАЗИЯ на материале новогреческой поэзии 20 века. Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:** 1) выявить аксиологическую оценку фантазии; 2) определить способ взаимодействия концептов КОРАБЛЬ и ФАНТАЗИЯ и средства их выражения в текстах; 3) установить взаимосвязь фантазии с другими концептами. Исследование концептов позволяет рассмотреть язык целостно во взаимосвязи с менталитетом и культурой народа, что определяет **актуальность**

исследования. Материалом для анализа являются стихотворения К. Паламаса «Отчизны» («Πατρίδες», 1904) [4], Н. Каввадиаса «Письмо поэту Кесарю Эммануилу» («Γράμμα στον ποιητή Καίσαρα Εμμανουήλ») [1], Я. Скаримбаса «Фантазия» («Φαντασία», 1936) [6], Я. Скаримбаса «Пароход» («Το βαπόρι») [3], Н. Каввадиаса «Армида» («Αρμίδα», 1939) [2], Р. Буми-Папа «Штурман» («Ο θαλασσοπόρος», 1975) [5].

Аксиологический анализ показывает, что оценка фантазии в основном положительна («Как Корабль Феаков», «Письмо поэту Кесарю Эммануилу», «Фантазия», «Пароход», «Штурман»), однако Никос Каввадиас обращается к отрицательной стороне фантазии — галлюцинациям.

Стихотворение Костиса Паламаса «Отчизны» [4] основывается на аллюзии на «Одиссею», в которой упоминается способность кораблей подчиняться ментальному управлению своих владельцев — народа

Феаков. Стихотворение начинается с инверсии «Σαν των Φαιάκων το καράβι» («Как Феаков корабль»), то есть акцент ставится не на корабле, а на Феаках — на иррациональности. Корабль в стихотворении идентифицируется с Фантазией, она является настолько мощной, что не нуждается ни в парусах, ни в гребцах. Из этого следует концептуальная метафора «Фантазия — это Корабль».

В стихотворении прослеживается связь с концептом ДУША, который выражается словосочетанием «στα βάθη της ψυχής» (в глубине души), лексемами «απελπισία» («безнадежность»), «εμπρός μου» («внутри меня»), и вербализуется в сравнении с частями света и страной: Азией, Европой, Африкой, Полинезией и аллюзией на Америку — через упоминание Колумба. Концепт ДУША вербализуется совместно с концептом ПУТЕШЕСТВИЕ: в стихотворении преобладает лексика, относящаяся к путешествиям, в том числе корабельная терминология: «καράβι» («корабль»), «πανιά» («паруса»), «λαμνοκόποι» («гребцы»), «τόποι» («края»), «Ασία» («Азия»), «Ευρώπη» («Европа»), «Αφρική» («Африка»), «Πολυνησία» («Полинезия»), «Κολόμβο» («Колумб»), «τεράστια» в качестве метафоры «τεράστια της ζωής» («просторы жизни»), «τροπικών» («тропиков»), «ταξίδια» («путешествия»), «κόσμο» («мир»); фантазию характеризует глагол движения «κυλάει» («плывет»): его роль в семантическом пространстве текста возрастает, так как он использован в качестве умолчания. Отсюда следует концептуальная метафора «Душа — это мир». Мир воображения приравнивается к миру реальному: «της ψυχής μου τόποι/πανάρχαιοι κι ασάλευτα σαν την Ασία» («моей души края/древние и неподвижные как Азия»).

Рита Буми-Папа в стихотворении для детей «Штурман» [5] употребляет лексему «καράβι» в прямом значении. Концепт ФАНТАЗИЯ выражается в форме антитезы «Реальность — Фантазия». Лексика, репрезентующая реальность, которую наблюдает лирический герой, представлена растительной терминологией: «πλατάνι» («платан»), «πολυτρίχια» («адиантум»), «του κισσού» («плюща»), «δυόσμο» («мята»). Водно-морская терминология, как и корабль, выступает средством путешествия воображения героя между мирами. Герой отталкивается от семем «δεξαμενή» («водоем») и «τα νερά» («воды»); следующие лексемы выражают уже воображаемый мир: «πανιά» («паруса»), «θάλασσε» («морья»), «θαλασσομάχος» («мороборец»), «πέλαγα» («морья»), «ωκεανοί» («океаны»), «акτές»

(«берега»), «καράβι», «τιμόνι» («руль»), «έγια μόλα» («раз-два дружно»), «πλώρη» («курс»), «πλοίαρχος» («капитан»). Исходя из последовательности употребления лексем «θάλασσε», «πέλαγα», «ωκεανοί», наблюдается градиция, которая отображает работу воображения героя в сторону расширения. Концепт ФАНТАЗИЯ реализуется во взаимодействии с концептом ПУТЕШЕСТВИЕ, так как лирический герой воображает странствия, и вербализуется также в географических названиях стран, рек, континента, городов: «Στην Ινδία» (Индия), «στο Βόλγα» («Волга»), «στο Μισισσιππή» («Миссисиппи»), «η Αφρική», «την Κίνα» («Китай»), «Το Σουέζ» («Суэц»), «την Πόλη» («Константинополь»), «τον Παναμά» («Панама»). Стихотворение оформлено в виде десяти двухстиший, где в большинстве случаев одна строчка фиксирует реальность, а вторая — погружение в фантазию. Следовательно, стихотворение представляет собой путешествие в мир фантазии, отталкивающейся от реальности, где средством перехода из одного мира в другой выступает корабль, который пересекает границы миров. Ментальное путешествие в воображаемые края реализует функцию познания мира.

В стихотворении Никоса Каввадиаса «Письмо поэту Кесарю Эммануилу» [1] корабль выступает символом спасения (от меланхолии), что является аллюзией на мифопоэтическую функцию корабля. Из этого следует видение корабля как проводника эскапизма, средства, помогающего уйти от рутины. Корабль используется в переносном значении. Эскапизм связан с движением и путешествием. Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ в стихотворении вербализуется в связанных с перемещением и путешествиями словосочетаниях: «αιώνια εναλλαγή» («вечное изменение»), «ατελείωτη γη» («бесконечная земля»), «οι πολιτείες οι ξένες» («культуры чужеземные»), лексемах: «ορίζοντων» («горизонтов»), «τα χαρτιά» («карты»), «καράβι» («корабль»), «πορείες» («пути»), «τους φάρους» («маяков»), глаголах движения: «ταξιδεύει» («путешествует»), «φύγει» («покинуть»), «πάρει» («заберет»), «θα φεύγαμε» («покинем»). Ярko проявляется когнитивный признак «даль» в структуре концептуальной метафоры «Фантазия — это Корабль» и выражается лексемой «μακριά»: «Μακριά, πολύ μακριά να ταξιδεύουμε» («далеко, очень далеко будем путешествовать»), «πολύ μακριά θα τ' οδηγώ» («очень далеко направляю»), «οι πολιτείες οι πιο απομακρυσμένες» («культуры самые дальние»).

Антитеза подчеркивает пропасть между двумя мирами: «θάνατο σε κάμαρα» («смерть в комнате») «ένα χωματένιο πεζό μνήμα» («земляная прозаическая могила») с одной стороны, а с другой: «ο διάφεγγος βυθός» («прозрачная глубина»), «τ' άγριο κύμα» («бушующая волна»). Таким образом, путешествие — это полноценная жизнь, и побег совершается из рутины («θάνατο σε κάμαρα») в жизнь, корабль здесь выступает символом освобождения: «σχίζει τις θολές γραμμές των ορίζοντων» («рассекает расплывчатые границы горизонтов»). Комната («θάνατο σε κάμαρα») подразумевает неподвижность и рутину, из чего следует метафора «Смерть — это Неподвижность» и «Смерть — это Рутинa».

Яннис Скаримбас представил в стихотворении «Пароход» [3] антитезу между реальностью и уходом от нее. Реальная ситуация изображается скоплением образов, созданных с помощью синтаксических фигур: уточнения («Νάσαι ως νάχης φύγει — με τους ανέμους»), асиндетона («πολλά καράβια, πολλή θάλασσα»), эллипсиса («κι' έπειτα πάλιν οι ανθρώποι, οι ανθρώποι»), анадиплосиса («οι ανθρώποι, οι ανθρώποι»), полисиндетона («κι' ο Μάης κι' οι άνέμοι/κι' έπειτα πάλιν οι ανθρώποι, οι ανθρώποι»). Стремление к эскапизму же выражается метафорой, указывающей направление движения корабля, которой завершается стихотворение: «έξω απ' την τρικυμία τούτου κόσμου» («за пределы бури этого мира»). Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ вербализуется в образах сухопутного и морского путешествий — коня и корабля. Лексема «άτι» используется в составе метафоры: «καβάλλα/στο άτι της σιγής» («верхом/на коне тишины»). Корабль объективизируется двумя лексемами «καράβι» и «βαπόρι». «Καράβι» выбран поэтом для романтизации образа, в частности, использован в составе метафоры, относящийся к уходу от реальности. «Βαπόρι» характеризует мир «реальный», приземленный, что подтверждает его использование в составе эпитета «βαρύ ένα βαπόρι» («тяжелый пароход»). Концепт выражен образами средств путешествия, и в связи с тем, что поэт постоянно пребывает на границе мира внешнего и внутреннего (например, дважды повторяется «Κι' εντός μου» («и внутри меня»)), данные образы помогают совершить переход между мирами. Итак, образность путешествия, в том числе корабль, является средством вербализации концета ЭСКАПИЗМ.

Стихотворение Янниса Скаримбаса «Фантазия» [6] наполнено образностью путешествия. Корабль объективизируется в форме «πλοίο», и используемый вместе с прилегающим к нему эпитетом «γυάλινα πα-

νιά» («зеркальные паруса»). В каждом из четырех четверостиший есть метафора (в трех случаях — финальная строка), которая стремится вывести читателя за пределы мира. Она включает в себя аллюзию на мифопоэтический Хаос: «έναν δρόμο φιδωτό που σβεί στα χάη» («дорога извилистая, которая исчезает в хаосах») и «έξω απ' τον κύκλο των νερών — στα χάη» («за пределы круга вод — в хаосы»). Хаос употребляется в несвойственной новогреческому языку форме множественного числа. Две другие метафоры, которые ориентируют читателя на мир нереальный: «πρός τη γραμμή των ορίζοντων» («к линии горизонтов»), «βγούμε απ' την τρικυμία αύτου τού κόσμου» («выберемся из бури этого мира»). Следовательно, образ корабля ассоциируется в сознании с концептом ФАНТАЗИЯ.

В стихотворении Никоса Каввадиаса «Армида» [2] концепт ФАНТАЗИЯ проявляется в гиперболизированной форме — в виде галлюцинаций. Название содержит аллюзию на образ Армиды, воплощенный в «Освобожденном Иерусалиме» Тассо, а в греческой литературе в интермедии «Эрофили» Йоргоса Хортатсиса. Образ Армиды метафоричен. Под «властью Армиды заставлять забывать обо всем» предполагаются наркотики: «είναι φортωμένο με χασίς» («перевозит гашиш»); мысль в течении стихотворения развивается с помощью перифразы «το φортίο θα το 'χουμε καπνίσει» («груз выкурили») и риторического вопроса — иронии — гиперболы «που να ξεδεύτηκαν τόνοι χίλιοι;» («куда делись тысячи тонн?»).

Концепт вербализуется в форме семантической градации, выражающей ментальную реализацию галлюцинаций. Сначала процесс восприятия характеризуется эпитетами «παράξενα φυτά» («странные растения»), «ένας γέρος ήλιος» («старое солнце»), которое «κλείνει που και που το μάτι» («нам время от времени подмигивает»). Аллюзия на образы греческой мифологии — «στις скаλιέρες σε σειρά/δώδεκα σειρήνες κρεμασμένες» («на веревочных лесницах в ряд/двенадцать сирен качаются») и «Η πλωριά Горγόνα μια βραδιά/πήδησε στον πόντο μεθυσμένη» («Горгона с носа судна одним вечером/выпрыгнула в море опьяневшая»), а также оксюморон, сочетающий образы греческой мифологии и Колумба — свидетельствует о все нарастающем отрыве от реальности. Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ реализуется в географических терминах «Περού» («Перу»), «Τσίλι» («Чили»), «Ανκoρά» («Анкара»), последовательность которых дают представление о курсе пиратов. Географическая отдаленность Анкары де-

монстрируют высшую точку градации, и метафорично показывают степень их ухода в нереальный мир на географическом плане.

Таким образом, национально специфическое отношение к Кораблю выражается через слот ФАНТАЗИЯ, который вербализуется с помощью стилистических и синтаксических средств, в том числе метафоры, аллюзии, антитезы. Связь корабля и фантазии представляется под разными ракурсами: в качестве

средства перехода из мира реального в нереальный, в виде концептуальной метафоры «Корабль — это Фантазия», а также ассоциативно связываться в сознании с фантазией. Терминология путешествия и тропы являются средствами репрезентации работы воображения. Концепт ФАНТАЗИЯ также может выражаться в форме таких концептов, как ЭСКАПИЗМ, ГАЛЛЮЦИНАЦИИ и взаимосвязан с концептом ДУША.

Список литературы:

1. Καββαδίας Ν. Μαραμπού. Αθήνα. – Κέδρος, 1978. 54 σ.
2. Καββαδίας Ν. Πούσι. Αθήνα. – Εκδόσεις Αγρα, 1995. Σ. 17–18.
3. Μαρκόπουλος Γ., Νικολάκης Κ. Ποιήματα που αγαπήσαμε. Αθήνα. – Εκάτη, 2009. Σ. 290–291
4. Παλαμάς Κ. Η ασάλευτη ζωή. Αθήνα. – Πελεκάνος, 2014. 280 σ.
5. Ρίτα Μπούμη-Παπά (1906–1984) Τέσσερα ποιήματα [Электронный ресурс]. URL: <http://www.poein.gr/archives/1406> (дата обращения: 14.09.2014).
6. Σκαρίμπας Γ. Ουλαλούμ. Αθήνα. – Εκδόσεις Κάκτος, 1975. Σ. 11.

*Radchenko Marina Vasilievna,
University of Zadar (Croatia),
professor, Department of Croatian and Slavic Studies
E-mail: radcenko@net.hr*

Active processes in word formation of modern Russian and Croatian languages

Abstract: The article analyses the most important active processes in word formation of modern Russian and Croatian languages. Increase in the productivity of certain derivational patterns and morphemes is influenced by both extralinguistic and intralinguistic factors. Active types, models and morphemes of word formation system used in both languages are analysed as well.

Keywords: Russian language, Croatian language, word formation.

*Радченко Марина Васильевна,
Задарский университет (Хорватия),
профессор отделения кроатистики и славистики
E-mail: radcenko@net.hr*

Активные процессы в словообразовании современного русского и хорватского языков

Аннотация: В статье анализируются активные процессы в словообразовании современного русского и хорватского языков. Под влиянием как внеязыковых, так и внутриязыковых факторов происходит повышение продуктивности тех или иных словообразовательных моделей и морфем. Выявляются наиболее активные словообразовательные типы, модели и морфемы в каждом из исследуемых языков.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, словообразование.

На рубеже XX–XXI вв. в русском и хорватском языках происходит активизация словообразовательных процессов, во многом обусловленная изменениями в социально-экономической, политической

и культурной жизни России и Хорватии. Под влиянием как внеязыковых, так и внутриязыковых факторов, которые, переплетаясь, усиливают друг друга, происходит повышение продуктивности тех или иных

словообразовательных способов и моделей. Новообразования особенно широко представлены на страницах прессы и в электронных средствах массовой информации. Процессы, происходящие в русском словообразовании на рубеже XX–XXI вв. подробно рассматривались во многих работах [1; 2; 3, 72–113]. По мнению исследователей, многие из этих процессов свойственны и другим славянским языкам [4, 19]. Наши наблюдения показывают, что сходные процессы протекают и в хорватском языке.

1. **Функциональный динамизм** [3, 72–75] или **коллоквиализация** [4, 10] представляет собой проникновение в центр системы языка периферийных элементов, т. е. более широкое, чем ранее, функционирование в литературном языке, в том числе в его книжных сферах, словообразовательных моделей, которые ранее использовались на периферии языка (в жаргонной, разговорной, профессиональной речи и т. п.) В русском языке активно образование существительных с суффиксами *-ух* (а), *-’аг* (а), *-’уг* (а): *чернуха*, *развлекуха*, *бытовуха*, *тюряга*, *журналаюга* и т. п. В хорватском языке, в отличие от русского, нет такого многообразия суффиксов, характерных для жаргонного словообразования. Однако следует отметить, что в обоих языках разговорные слова со стилистически сниженной окраской и жаргонизмы могут выступать в качестве деривационной базы в периодической печати и устных СМИ, например, русское жаргонное существительное *прикол* и хорватский разговорный глагол *šljiviti* (обычно с отрицанием: *ne šljiviti koga, što* - ‘ни в грош не ставить кого-л., не придавать значение чему-л.’) мотивируют окказиональные отвлеченные существительные *приколизация* и *šljivljenje*: *Банальность зла, оказывается, эволюционирует в его приколизацию* (Газета.ру, 30.09.14); *Nulta stopa šljivljenja* (Danas.hr, 06.08.12). Соединение в новообразовании разнотилевых элементов языка приводит к тому, что даже те новые слова, которые образованы в рамках традиционных способов, отличаются высокой образностью и оценочностью.

В обоих языках происходит также активизация процесса универбации. Универбаты обычно характерны для разговорной (в том числе профессиональной разговорной) речи и жаргона, однако в настоящее время подобные слова широко проникают в книжные сферы языка. Как средство универбации в русском языке чаще всего используются суффиксы *-к* (а) и *-ник* (Ø), а в хорватском *-jak* (Ø) и *-ac* (Ø): *наличные деньги* > *наличка*, *социальная сфера* > *социалка*, *сольный концерт* > *сольник*; *kazneni udarac* > *kaznenjak*,

osobna israznica > *osobnjak*, *lažni proizvod* > *lažnjak*; *aktualni sat* > *aktualac*.

2. Еще один процесс, характерный для большинства европейских языков - **интернационализация**, которая особенно ярко проявляется в словообразовании.

Во-первых, начиная с 90-х годов прошлого века, во многих языках мира, в том числе в русском и хорватском, наблюдается большой приток лексических заимствований из американского варианта английского языка, охватывающих практически все сферы жизни современного общества. Англо-американизмы внедряются в словообразовательную систему заимствующего языка, порождая многочисленные производные. Ср.: *рәкет* (англ. *racket*) > *рәкетирский*, *рәкетир*, *рәкетировать*, *рәкетня*; *спонсор* (англ. *sponsor*) > *спонсорный*, *спонсорский*, *спонсорство*, *спонсировать* и *reket* > *reketar*, *reketarstvo*, *reketas*, *reketasica*; *sponzor* > *sponzorica*, *sponzoruša*, *sponzorstvo*, *sponzorirati*, *sponzoriranje*.

Во-вторых, наряду с использованием заимствованных слов в качестве базовых основ происходит активизация иноязычных по происхождению морфем, которые приобретают способность сочетаться с исконно русским и хорватскими основами. Так, в обоих языках наблюдается рост именной префиксации с использованием заимствованных (интернациональных) префиксов латинского и греческого происхождения. При этом особенно активизировались те приставки, которые выражают смыслы, актуальные для определенного исторического периода в жизни общества: приставки со значением противонаправленности, отрицания, нпр., *анти-/anti-* (*антидуховность*, *антивандалный*, *антиолигархический*; *antidroga*, *antibolonjski*, *antitajkunski*); приставки со значением высокой степени признака, нпр., *супер-/super-* (*супербоевик*, *супергруппа*, *суперавтомобиль*, *суперприз*, *superknjižara*, *superračunalo*, *superponuda*, *superpovoljan*). В обоих языках активна приставка *пост-/post-*, которая вносит значение ‘существующий, происходящий после того, что названо мотивирующим словом’, ср.: *постперестройка*, *постреферендум*, *постэсенговский*, *posttranzicijski*, *posttitovski*, *postračanovski* и под.

Интернациональные суффиксы также активны в словообразовании русского и хорватского языков. Особенно частотно в обоих языках производство новых слов с помощью интернационального суффикса греко-латинского происхождения *-изациј* (а)/*-izacij* (а) путем чересступенчатого словообразования, при котором отвлеченные существительные, обознача-

ющие действия, состояния, процессы, образуются не от глагольных, а непосредственно от именных основ: *паспоризация, чеченизация, дружинизация, бандунизация; apartmanizacija, betonizacija, marinizacija, golfizacija, amaterizacija* и под.

В словообразовании хорватских существительных активно действует суффикс греческого происхождения *-ijad (a)*, которому в русском языке соответствует суффикс *-иад (а)*. Производные с данным суффиксом обычно обозначают массовые спортивные соревнования (ср.: *универсиада* и *univerzijada*). Однако в настоящее время суффикс *-ijad (a)* образует наименования организованных праздников, развлечений и других массовых мероприятий, которые не носят состязательный характер: *kesten* 'каштан' > *kestenijada* 'праздник сбора каштанов', *brucsoš* 'первокурсник' > *brucsošijada* 'праздник, устраиваемый студентами-первокурсниками по поводу поступления в университет' и др.

В новообразованиях последнего времени широко представлены интернациональные корневые морфемы, например: *эко-/еко-* (*экотуризм, экопродукты, экомузей; ekovrt, ekoproizvođač, ekonamještaj, ekoradionica*) и *евро-/euro-* (*евровыборы, евролитература, евроремонт; eurotržište, euroček, euroizbori*). В русском языке продуктивен процесс образования сложносоставных слов с иноязычными элементами. Особенно многочисленны примеры употребления в качестве первой части композита аббревиатур, заимствованных из английского языка с сохранением исконного графического оформления: *IT-решение, SMS-сообщение, VIP-гость, VIP-билет, PR-поддержка, PR-мероприятие, web-обзор, web-услуга* и др. В хорватском языке чаще используется двучленное выражение вместо сложного слова, однако в последнее время наблюдается появление сложных новообразований окказионального характера, созданных по аналогичной модели, т. е. путем соединения иноязычной аббревиатуры с исконно хорватским словом: *SMS-poruka, SMS-anketa, CD-uređaj, GSM-mreža, USB-priključak, GMO-hrana, web-stručnjak* и под. [5, 60].

3. Рост аналитизма и черт агглютинативности в структуре производного слова. Как известно, росту аналитизма способствует увеличение числа неизменяемых слов. Усиление черт аналитизма обусловлено потребностями в новых составных номинациях, что приводит к возрастанию активности таких способов словообразования, как аббревиация и словосложение. Рост агглютинативности обнаруживается, прежде всего, в том, что увеличивается число много-

морфемных структур, которые складываются без каких-либо явлений приспособления на морфемном шве. Исследователи отмечают, что явление аналитизма и агглютинативности часто наблюдаются в одних и тех же языковых единицах [4, 15].

В образовании русских неологизмов существенную роль играет словосложение, в то время как для хорватского языка композитные новообразования менее характерны, однако в конце XX - начале XXI в. в обоих языках наблюдается «композитный взрыв». Особенно активно производятся сложные слова с элементами интернационального характера: *интернет-издание, бизнес-центр, топ-звезда, онлайн-энциклопедия, фитнес-клуб; čip-karica, hit-komad, multipleks-tehnologija, strip-stvaralaštvo*, которые свидетельствуют о продвижении словообразования как русского, так и хорватского языков, в сторону аналитизма [6, 159]. Аналитизм проявляется в тенденции несклоняемости первой части сложного слова.

В исследуемый период в словообразовании обоих языков актуален процесс аббревиации. Однако структурные типы аббревиатур в рассматриваемых языках совпадают лишь частично. В русском языке представлены различные виды сложносокращенных слов: инициальные (буквенные и звуковые), слоговые, смешанные, а также аббревиатуры, образованные из начальной части первого слова словосочетания и целого второго слова: *АГС < альтернативная гражданская служба, БАД < биологически активная добавка, теракт < террористический акт*. В хорватском языке преобладают буквенные и звуковые образования (*HFP < Hrvatski fond za privatizaciju, ZOR < Zakon o radu*), а случаи появления слоговых или смешанных аббревиатур единичны (*Zabafon < Zagrebačka + banka + telefon*). При этом следует отметить, что в русском языке все буквенные аббревиатуры, как и звуковые с основой на гласный, не склоняются. Звуковые аббревиатуры, оканчивающиеся на согласный, приобретают родовые характеристики существительных мужского рода и способность склоняться. В хорватском языке, в отличие от русского, склоняются и звуковые, и буквенные аббревиатуры. И русские и хорватские сложносокращенные слова вовлекаются в словообразовательный процесс и служат базой для создания новых слов, принадлежащих к разным частям речи.

4. В словообразовании как русского, так и хорватского языков в настоящий период наблюдается также рост личностного начала и экспрессивности.

Во-первых, для обоих языков характерно широкое использование в качестве базовых основ имен

лиц собственных. Как отмечает Е. А. Земская [2, 99], активный выбор имен собственных в качестве базовых основ словообразования обусловлен усилением личностного начала, что является характерной чертой языка нашего времени. Особенно активно в словообразовательный процесс вовлекаются имена политических деятелей, при этом используемые модели позволяют создавать не только нейтральные, но и оценочные новообразования, ср.: *Ельцин* > *ельцинец*, *ельцинист*, *антиельцинист*, *ельцинизм*, *ельциноид*, *ельцинофобия*, *ельцинский*, *проельцинский*; *Tuđman* > *tuđmanovac*, *antituđmanovac*, *tuđmanizirati*, *tuđmanizacija*, *detuđmanizacija*, *tuđmanizam*, *tuđmanoid*.

Во-вторых, в обоих языках происходит активизация индивидуального словообразования. Широкое применение получают неузусальные способы словообразования, о чем свидетельствуют многочисленные окказионализмы, появляющиеся в языке российских и хорватских средств массовой информации и в рекламных текстах.

Одним из наиболее распространенных способов, характерных для окказиональной деривации, является контаминация, понимаемая как образование нового слова путем скрещивания, объединения двух слов или частей слов, когда: «1) формально в новообразовании представлены, хотя бы одной буквой (точнее, фонемой) оба исходных слова; 2) в значении новообразования сложным способом переплетаются значения обоих исходных слов» [7, 164]. В производстве окказионализма могут участвовать полные или усеченные основы исходных слов, при этом в обоих языках создание контаминированного новообразования нередко сопровождается наложением омонимичных частей исходных основ, ср.: *Федеральный **санкцлер***. Ангела Меркель не дала своей санкции на новые экономические меры против России (Коммерсант, 12.11.14) [*санкции* + *канцлер* = *санкцлер*]; *Katolibani uveli cenzuru referendumskog izveštavanja* (Metro-portal.hr, 01.12.13) [*katolici* + *talibani* = *katolibani*].

В российских и хорватских СМИ встречаются также контаминированные новообразования с графическим выделением морфемного или неморфемного сегмента. В русском языке графическое выделение сегмента осуществляется, как правило, при помощи прописных букв, а для хорватского языка характерно использование скобок: *Сумма **ДРОПных** чисел*. <...> *Тех, кто оформляет на себя карты и продает их мошенникам или передает им на возмездной основе свои старые банковские карты, называют **дропами*** (Московская правда, 18.07.14) [*дробный* + *дроп* = *дропный*]; *Fil*

(m)harmonija. *Kultni Eisensteinov nijemi film «Krstarica Potemkin» uz filharmonijsku svirku u kinu Europa* (Hot.net.hr, 15.11.13) [*film* + *filharmonija* = *fil (m)harmonija*].

В обоих языках представлено аналогическое словообразование, т.е. деривация по конкретному образцу, в результате которой окказионализм создается по аналогии со структурой конкретного узусального слова: *Попрошайки* и «*помогайки*» (Невское время, 16.04.14) [*помогайки* ← *попрошайки*]; *Tjednik Dragutina Lesara: Cestarina, tunelarina, trošarina, **hadezarina*** (Slobodna Dalmacija, 01.08. 09) [*hadezarina* ← *cestarina*].

Русские и хорватские окказиональные новообразования создаются также в результате заменительного словообразования, при котором происходит замена одной из производящих основ в исходном узусальном слове, например: *Верховный **главнорешающий***. Владимир Путин возглавит и ВПК тоже (Коммерсант, 05.09.14) [*главнорешающий* ← *главнокомандующий*]; *Slučaj Hrastov se rasteže do beskraja kao i niz drugih slučajeva hrvatskog **sporosuđa*** (Slobodna Dalmacija, 12.09.12) [*sporosuđe* ← *pravosuđe* - 'правосудие'; ср. *sporo* - 'медленно'].

Широкое распространение в российских и хорватских СМИ получил способ графодеривации, при котором окказиональное новообразование оформляется при помощи графо-орфографических, в том числе пунктуационных, средств одного или нескольких языков, элементов иных кодовых систем (цифр, рисунков и т.п.), а также параграфемных средств, к которым относятся шрифтовые выделения разного рода (курсив, подчеркивание или изменение традиционного расположения слова) [8, 231]. Большинство русских графодериватов образовано при помощи неузусального чередования строчных и прописных букв, приводящего к выделению в составе исходного слова сегмента, который формально совпадает с каким-либо узусальным словом, например: ***Подно-ГОТная** Москвы*. Готическая Москва. Откуда в столице появились варварские здания? (АиФ, 2014, № 28); *До чего **доДУМАлись***. Для кого народные избранники принимают законы (АиФ, 2013, № 27). Достаточно часто в российских СМИ встречаются графические гибриды - новообразования, оформленные при помощи букв латинского алфавита. Ср.: ***БезVISAвая зона*** (Невское время, 02.07.14). Другие разновидности графодеривации в языке российских СМИ менее частотны, например, дефисация: ***Интер-нет!*** Районный суд впервые ограничил доступ к всемирному видеохостингу (Время новостей, 29.07.10).

По нашим наблюдениям, наиболее продуктивным способом образования графодериватов в современном хорватском языке является парентезис - заключение части слова в скобки, что приводит к модификации его значения. При этом обособленный при помощи скобок компонент может представлять собой морфемный или неморфемный сегмент исходного слова [9, 97–98]. Ср.: *Ako ste usamljeni možda prijatelje tražite na svim (ne)mogućim mjestima* (Magazin.hr, 01.11.14); *B (r)uka* (Net.hr, 18.12.09) — заголовок статьи, посвященной проблеме храпа [*bruca* — ‘стыд, срам’, *buka* — ‘сильный шум’].

5. Начиная с 90-х годов XX в. в Хорватии активно проводится политика **языкового пуризма**. Оживление пуристических тенденций обусловлено внеязыковыми факторами. До распада Югославии в начале 90-х годов XX в. язык, используемый на территории современных Хорватии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, официально назывался сербохорватским или хорватосербским. Основы литературной нормы этого языка были заложены в середине XIX в. сербскими и хорватскими филологами, которые стремились к созданию единого литературного языка. Изменение общественнополитической ситуации, которое произошло после обретения бывшими республиками СФРЮ самостоятельности, вызвало и изменения на языковом уровне. В настоящее время на бывшей сербохорватской языковой территории существуют четыре литературных языка: сербский, хорватский, боснийский и черногорский. Норма всех этих языков основывается на штокавском диалекте [10, 10–11]. После провозглашения в 1991 году хорватского языка в качестве государственного в Хорватии началась волна кроатизации литературного языка с целью избавления, в первую очередь, от сербских элементов. Пуристические тенденции особенно ярко проявляются в словообразовании, приводя к возрастанию или *затуханию продуктивности* той или иной *словообразовательной* модели или морфемы. Так, например, возрастает продуктивность суффикса *-arnic* (*a*), который выделяется в именах существительных женского рода, обозначающих место продажи каких-либо товаров: *slastičarnica, čokoladarnica, rakijarnica, kulenarnica* и под. Соответственно, продуктивный в сербском языке суффикс *-arn* (*a*) с тем же значением в хорватском языке становится непродуктивным. Отметим также активность суффиксов отглагольных существительных *-b* (*a*), вытеснивших сербские существительные на *-nje: izvedba, provedba* и под.

Политика языкового пуризма направлена также на устранение иноязычных заимствований (в пер-

вую очередь, англоамериканизмов и германизмов) и пополнение словарного состава неологизмами, образованными исключительно средствами родного языка, например: *računalo (kompjuter), velezgoditak (jackpot), opuštaonica (wellness), izvikivač (broker), perilica (vešmašina)* и др. При этом некоторые слова, сознательно сконструированные хорватскими лингвистами, становятся общеупотребительными. Однако неологизмы искусственного происхождения редко полностью вытесняют иноязычные элементы. Чаще всего заимствованные лексемы продолжают употребляться в языке наряду с соответствующими новообразованиями, созданными путем объединения хорватских морфем.

В заключение следует отметить, что активизация сходных процессов в сфере русского и хорватского словообразования объясняется сходством словообразовательных систем двух родственных славянских языков и исторической преемственностью их словопроизводственных традиций. В обоих языках отмечается возрастание продуктивности аффиксального словопроизводства от именных основ и активизация процессов универбации, словосложения и аббревиации. Наблюдается также активное участие в русском и хорватском словообразовании заимствованных элементов (основ, аффиксов и аффиксоидов). Широкое применение получают неузусальные способы словообразования (контаминация, заменительная деривация и под.). Тем не менее, результаты сопоставительного изучения показывают, что активные словообразовательные процессы, протекающие в современном русском и хорватском языках, не являются полностью идентичными. Так, в словообразовании хорватского языка наблюдается параллельное действие двух противоположных тенденций: интернационализации и национализации (языкового пуризма). Пуристическая деятельность определенных кругов носителей хорватского языка направлена на актуализацию национальной специфики системы хорватского языка и отталкивания от сходных явлений близкородственного сербского языка. В сфере хорватского словообразования современный языковой пуризм выражается в специфическом отборе словообразовательных средств национального языка в качестве литературного стандарта, а также в специфическом отношении к иноязычной лексике и стремлении к ее замене собственными новообразованиями. Подобные тенденции особенно активизируются в 90-е годы XX века и находят свое реальное воплощение в интенсивном словотворчестве и повышении продуктивности отдельных способов словообразования и словообразовательных средств хорватского языка.

Список литературы:

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие. - М.: Логос, 2001.
2. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Наука, 1996. С. 90–142.
3. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005.
4. Земская Е. А. Активные процессы в русском словообразовании нашего времени // Acta Neophilologica, VIII, 2006. С. 9–21.
5. Muhvić-Dimanovski V. Neologizmi: problemi teorije i primjene. - Zagreb: Filozofski fakultet, Zavod za lingvistiku, 2005.
6. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-Пресс, 1994.
7. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002.
8. Попова Т. В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Сост. М. А. Ремнева, А. А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. С. 230–231.
9. Радченко М. Графодериваты в текстах СМИ и рекламе (на материале русского и хорватского языков) // Европейская ментальность сквозь призму языка: международ. сб. науч. тр. по лингвокультурологии / отв. ред. Е. Е. Стефанский. – Самара: Самар. гуманит. акад., 2010. С. 95 - 101.
10. Тошович Б. Особенности боснийского/бошняцкого языка по отношению к сербскому и хорватскому // Slavia Islamica: Language, Religion and Identity / Robert D. Greenberg, Motoki Nomachi (ed.). – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2012. С. 9–64.

*Schirjaeva Oksana Witalijewna, Adygische Staatsuniversität
Kandidat der Philologischen Wissenschaften,
Habilitation am Lehrstuhl für die Allgemeine Sprachwissenschaft
E-mail: shirajeva@gmail.com*

Informativ-analytischer Mediendiskurs des Business-Presse: kognitiv-kommunikativer Analyse

Abstrakt: Im Beitrag ist eine der Arten des informativ-analytischen Mediendiskurses, und zwar der Diskurs der Business-Presse, betrachtet. Autor verwendet die kommunikative und linguistisch-kognitive Methoden. Man formuliert die Merkmale des Generierens und Funktionierens des Business-Mediendiskurses.

Stichwörter: Massenmedien, Mediendiskurs, Diskurs der Business Presse, Mediatisation, informativ-analytischer Mediendiskurs

*Ширяева Оксана Витальевна,
Адыгейский государственный университет
кандидат филологических наук
докторант кафедры общего языкознания
E-mail: shirajeva@gmail.com*

Информационно-аналитический медиадискурс деловой прессы: когнитивно-коммуникативный анализ

Аннотация: В статье рассматривается один из видов информационно-аналитического медиадискурса — дискурс деловой прессы. Применяются коммуникативный и лингвокогнитивный методы. Автор определяет закономерности генерации и функционирования делового медиадискурса.

Ключевые слова: масс-медиа, медиадискурс, дискурс деловой прессы, медиатизация, информационно-аналитический медиадискурс

«Медиатизация» является одной из влиятельных когнитивных и коммуникативных стратегий освоения мира современной языковой личностью [1]. Она формирует современную культуру в первую очередь в качестве «медиакультуры» — культуры, опосредованной технологическими, массово-информационными средствами. На современном этапе развития общества и языка анализ реализации средств новой, медийной идентичности, приобретает не только языковедческую, но и общегуманитарную значимость и актуальность.

Объект нашего исследования — русский информационно-аналитический медиадискурс. Материал исследования — русская деловая пресса 2000-х (аналитические статьи, аналитические интервью, новости с аналитическим комментарием газет «Ведомости», «Коммерсантъ», «РБК daily», журналов «Деньги», «Секрет фирмы», «Огонек», «Эксперт», «D' (журнал о личных финансах)», «Экономика и жизнь». Корпус текстов составил 1500 единиц. Выбор материала деловой прессы как наиболее репрезентативного в качестве *информационно-аналитического медиадискурса* указанного периода обусловлен рядом причин.

В классической модели журналистики, сложившейся в XIX — первой половине XX вв. существовало четкое разделение на информационные и аналитические жанры. Задачей первых было сообщать новости, следуя критериям оперативности, актуальности, точности, достоверности, задачей вторых — анализировать и обобщать, прогнозировать и диагностировать явления социальной действительности. Постепенное расслоение читательской аудитории привело к дифференциации этих моделей, наделением их дополнительными функциями (например, развлечение, просвещение, потребительская навигация, реклама, профессиональное консультирование и аналитика).

Одна из заметно развившихся ниш прессы в XX веке — аналитическая пресса различной специальной тематики (медицинская, научно-популярная, агрономическая, деловая, экономическая). Именно в этой нише постепенно реализовалась конвергенция информационного и аналитического компонентов медиадискурса: новостные сообщения «обросли» комментариями экспертов, а аналитические жанры (корреспонденция, проблемная статья, аналитическое интервью,

аналитический обзор, журналистское расследование и др.) предстали тесно связанными с оперативными событиями — сводками курсов акций, перестановками в руководстве компаний, скачками валют и пр. Так возник гибридный тип медиадискурса — информационно-аналитический.

В постсоветской России данный тип дискурс а наиболее последовательно и профессионально функционирует в нише деловой прессы. Выбор медиатекстов указанного типа (2000–2010-е гг.) обусловлен названными причинами. Деловая пресса — явление, по историческим меркам, относительно новое в русском медиаландшафте. Формирование данного сегмента прессы, с собственным дискурсом, оказалось возможным лишь в определенной культурно-исторической, экономической и политической ситуации: в условиях развития капиталистической модели общества, т. е. в постсоветский период. Деловая пресса восходит к типу СМИ, известных в западной культуре как *business journalism* (бизнес-журналистика, деловая журналистика). Исторически первое бизнес-издание зафиксировано в США — это *Wall Street Journal*. Далее в этом сегменте свою историю ведут такие западные медиабренды, как *Financial Times*, *Harvard Business Review*, *Business Weekly*, *Smart Money*, *Forbes*, *Economist*, *Focus Finanzen*, *Capital*, *La Tribune* и др. В России развитие деловой прессы было прервано в 1917 г. по причинам несовместимости советского строя, с его плановой экономикой и тоталитарным дискурсом, и предпринимательской деятельности, основанной на законах свободного рынка и частной собственности. Известны такие деловые дореволюционные издания, как «Купец», «Коммерческая газета», «Мануфактурные и горнозаводские ведомости», «Земледельческая газета», «Биржевые ведомости» и др. За период конца 1990-х — начала 2010-х гг. в российской журналистике определились лидеры деловой прессы, позиционирующие себя как СМИ о бизнесе и для аудитории, представленной бизнес-сообществом: газета «Коммерсантъ», журнал «Деньги» (издательский дом «Коммерсантъ»), газеты «Ведомости», «РБК daily», журнал «Эксперт». Деловые СМИ причисляют к так называемой «качественной прессе»: они занимают срединное положение между официальными (например, «Российская газета», «Известия») и др.)

и развлекательными СМИ (глянцевая, «желтая» пресса).

Материалы перечисленных выше деловых изданий и составляют тот обширный и относительно монолитный корпус медиатекстов, которые формируют современный русский деловой дискурс. Его социальные рамки простираются на участников *профессиональной, повседневной vs официальной* и *массмедийной* деловой коммуникации. Один из продуктов последнего типа коммуникации и является предметом нашего изучения: в рамках данной статьи мы обозначили его как *дискурс деловой прессы*. Такое ограничение позволяет отделить от печатных СМИ дискурс, порожденный другими технологическими каналами и подверженный сильному воздействию устной коммуникации, а также невербальных (визуально-аудиальных) средств: медиадискурс телевидения и радио. Интернет-версии перечисленных СМИ сохраняют единое речевое пространство со своими бумажными аналогами. Выбор изданий обусловлен ориентацией исследования на выявление наиболее типичных языковых особенностей дискурса: мы ограничились *универсальными* деловыми изданиями, исключив из рассмотрения специализированную отраслевую прессу. Отбор жанров медиатекстов обусловлен количественным критерием: наиболее высокой частотностью обладают жанры аналитической статьи и аналитического интервью, именно они составляют узнаваемый «формат» информационно-аналитической журналистики.

Основной корпус исследованных текстов представлен аналитическими статьями, поскольку именно в этом жанре реализуются ключевые прагматические установки информационно-аналитического медиадискурса. По результатам исследования были сформулированы следующие выводы (подробно см.: [2]).

Информационно-аналитический медиадискурс в составе дискурса прессы — это публичный социальный дискурс, имеющий коммуникативную интенцию диагностики — анализа — прогнозирования общественных явлений. Данная интенция реализуется в процедуре идеологической и предметно спе-

циализированной (экономической, политической, культурологической) оценки. Исследуемый тип медиадискурса тяготеет к реализации интертекстуальной природы «бессубъектных» дискурсов, апеллирующих не к личности «автора», а к экспертному сообществу, гарантирующему «объективность» транслируемой информации.

Прагматика информационно-аналитического медиадискурса основана на конвергенции профессионального, научного и публицистического дискурсов. Объективизм, верифицируемость, независимость, имперсональность сближают ее с *научным* дискурсом. Апелляция к экспертному профессиональному сообществу позволяет говорить о частичной идентификации с *профессиональным* дискурсом (экономический, финансовый, промышленно-отраслевой, искусствоведческий и пр.). Массмедийная установка на широкий охват аудитории, привлечение новых читателей, общедоступность способствует использованию средств *публицистического* дискурса (эмоционально-экспрессивные средства, композиционное членение, жанровые модели).

Лингвокультурная ситуация 2000–2010-х гг. характеризуется формированием «деловой картины мира». Деловая картина мира репрезентирована в ряде базовых концептов. Ключевые когнитивные установки «деловой картины мира» — прагматизм, установка на получение выгоды, рациональное восприятие времени, оптимизм, экспансия, управление саморазвитием, конструктивность, коммуникабельность. Формируемая в итоге концептосфера воссоздает образ мира, управляемого прагматичным, рациональным сознанием («дело»), направляющим и организующим планомерную слаженную деятельность («проект») по приумножению капитала («деньги») и достижению личных целей, которая должна увенчаться «успехом», при этом легитимизацию этой картины мира обеспечивает сообщество «экспертов», транслирующих ценности делового сообщества. Деловой *массмедийный* дискурс ориентирован на воспроизведение профессиональной деловой коммуникации с элементами повседневного речевого поведения.

Список литературы:

1. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. – М.: Академический проект, 2006.
2. Ширяева О. В. Деловая аналитическая пресса в структуре масс-медиа: когнитивно-дискурсивный аспект: монография. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2014.

Section 7. Pedagogy

*Mirsa Natalja Viktorowna,
Karagandaer staatliche Buketow-Universität,
Doktor der pädagogischen Wissenschaften, Professor,
E-mail: d61975@rambler.ru;
Andrejewa Olga Alexandrowna,
Karagandaer staatliche Buketow-Universität,
Magister der pädagogischen Wissenschaften,
E-mail: post1976@mail.ru*

Über die Formierung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten der nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule

Abstrakt: Das Ziel des vorliegenden Artikels ist die Betrachtung des Problems der Formierung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten auf den nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule. Die Autoren bieten die eigene Definition des Begriffes «der fremdsprachliche Kompetenzbereich», die Kennziffern und die Niveaus der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches, sowie die Modellierung der pädagogischen Technologie der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten der nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule an.

Stichworte: Kompetenzbereich, fremdsprachlicher Kompetenzbereich, nichtsprachliche Fachrichtungen der Hochschule.

Die Besonderheiten der Vorbereitung der Studenten in den modernen Bedingungen sind von den Bedürfnissen der Gesellschaft nach der Erhöhung der Qualität ihrer Bildung festgesetzt, und die Dynamik der sozialen Erscheinungen fordert von den zukünftigen Fachkräften der ständigen Erhöhung der Qualität der Kenntnisse. Seinerseits sind diese Forderungen mit der Suche der neuen Technologien, der Methoden, der Mittel, der Formen der Ausbildung verbunden, die die Erhöhung der Effektivität des Lehrprozesses in der Hochschule zwecks des Öffnens des Persönlichkeitspotentials der Studenten gewährleisten.

Das Ziel des vorliegenden Artikels ist die Betrachtung des Problems der Formierung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten auf den nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule. Das vorliegende Problem ist genug vielseitig und mehrdeutig. Sein begrifflicher Bestand befindet sich auf der Kreuzung der Forschungen aus der Sphäre der Pädagogik, der Philosophie, der Sprachwissenschaft, der Psychologie.

Der fremdsprachliche Kompetenzbereich stellt die verhältnismäßig standfeste integrative Bildung des Subjektes der fremdsprachlichen Tätigkeit dar, die erlaubt das Potential des sprachwissenschaftlichen Wis-

sens, sowie die Sprechfähigkeiten und die Fertigkeiten zwecks der Kommunikation zu realisieren. Es ist die Synthese der sprachwissenschaftlichen, soziosprachwissenschaftlichen und gegenständlichen Kompetenzbereiche. Die Struktur des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches nimmt die konativen, kognitiven, agentiven Komponenten auf. Der fremdsprachliche Kompetenzbereich ist multidimensionell: die Akkumulation der Kenntnisse über die Sprache stellt ihren quantitativen Aspekt dar, die Entwicklung der Fähigkeiten und der Fertigkeiten stellt ihren qualitativen prozessualen Aspekt dar. Im Laufe der Ausbildung entwickelt sich auch der axiologische Aspekt (es geschieht das wertmäßige Entstehen der Studenten sowohl in Hinsicht der Motivation zum Erlernen der Fremdsprache, als auch in Hinsicht der Bildung verschiedener Qualitäten, die für die zukünftigen Fachkräfte obligatorisch sind).

Der Besitz von der Muttersprache oder der Besitz von der Fremdsprache von den Fachkräften des sprachwissenschaftlichen Profils meint den kommunikativen Kompetenzbereich in vollem Umfang, in deren Struktur verschiedene Gelehrte verschiedene Zahl der Komponenten wählen, wo es sowohl kognitive, als auch prozessuale Komponenten gibt.

Der kommunikative verhält sich zu den führenden Kompetenzbereichen. Der Begriff «der fremdsprachliche Kompetenzbereich» bezeichnet den engeren Begriff, der zur Ausbildung den Fremdsprachen verwendet wird. Die Ausbildung der Fremdsprache der Studenten der nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule meint die Aktivierung nicht aller Komponenten des kommunikativen Kompetenzbereiches. Der fremdsprachliche Kompetenzbereich ebenso wie auch der kommunikative Kompetenzbereich meint zwei Aspekte — die Sprache mit allen ihren Einheiten (das Phonem, das Morphem, das Wort, der Satz, der Text) und die Rede, wie die Sprache in Betrieb. Der fremdsprachliche Kompetenzbereich wird von uns wie der korrekte Besitz von der Fremdsprache innerhalb der Themen betrachtet, die von den Rahmen des Kurses der nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule vorgesehen werden und die die Lexik des alltäglichen Lebens und des Lebens der professionellen Sphäre der Studenten erfassen, wie die Synthese der enzyklopädischen, sprachwissenschaftlichen, interaktiven Aspekte.

Die westlichen Forscher betrachten den Begriff der sprachlichen Fähigkeit vom Gesichtspunkt der Psychologie der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches als Vorbedingungen der Ausgangsbedingung der Verwirklichung der Sprechfähigkeit und den Begriff des Kompetenzbereiches als Ergebnis. Die einheimischen Gelehrten betrachten den Begriff der sprachlichen Fähigkeit als soziale Bildung, die sich im Laufe des Umganges entwickelt, d. h. im Laufe der Ausbildung der Sprechfähigkeit, des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches. Die modernen Unterrichtsmethodiken der Fremdsprache sind auf Intensivierung des Lehrprozesses, Überwindung der Grenzen der Situation «des künstlichen Umgangs», seine Annäherung zu den Bedingungen des aktuellen fremdsprachlichen Umgangs der Fachkräfte verschiedenen Profils gegründet. Aufgrund der theoretischen Forschungen des Problems der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten im Lehrprozess wählen wir die Kennziffern der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches:

- a) das Vorhandensein der Fremdsprachenkenntnisse, d. h. die Informiertheit über die Regeln der Konstruktion der Aussprüche;
- b) die Fähigkeit der Fremdsprachenrealisierung, d. h. die Umgestaltung der sprachlichen Formen entsprechend der Situation;
- c) die Orientierung im inhaltsreichen Plan des Ausspruchs im Rahmen der aktuellen professionellen bedeutsamen Thematik, die von den Lehrprogrammen der speziellen Disziplinen vorgesehen wird;

d) das Vorhandensein der extralinguistischen soziokulturellen Kenntnisse, die die psychologische Bereitschaft der Studenten zum fremdsprachlichen Umgang gewährleisten;

e) die Niveaus der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches als quantitativen Charakteristiken (das niedrige Niveau, das mittlere Niveau und das hohe Niveau).

Wir akzentuieren drei Niveaus der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches: niedriges (fertiles), mittleres (produktives), hohes (schöpferisches). Jedes Niveau wird mit bestimmten Parametern verhältnismäßig der Reproduktivität, der Produktivität, der Fähigkeit der Umschaltung von den intellektuellen Aufgaben auf die kommunikativen Aufgaben charakterisiert. Das schöpferische Niveau der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches unterscheidet sich durch die hohe Produktivität und die Fähigkeit zur korrekten Kommunikation auf der Fremdsprache vom Standpunkt der linguosoziokulturellen Kenntnisse.

Für die Errungenschaft des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches bieten wir die Anwendung der interaktiven Methoden der Ausbildung der Fremdsprache an, die von uns komplex als Synthese des kognitiven und kommunikativen Herangehens betrachtet werden. Unsere Forschung sieht die Betrachtung der Computerlinguodidaktik als der unbeherrschbaren Komponente der Ausbildung mit der Ausnutzung der interaktiven Methoden auch vor. Eine der notwendigen Bedingungen der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches im Rahmen der interaktiven Methoden der Ausbildung der Fremdsprache ist die Computerkompetenz. Wir akzentuieren drei Niveaus der Computerkompetenz: niedriges, mittleres und hohes (die Computerschulung, die eigentlich Computerkompetenz und die Computerreife). Beim Erlernen der Fremdsprache ist das mittlere Niveau (wenn der Computer und die Informationstechnologien die Mittel der Lehrtätigkeit werden) genügend.

Die interaktive Ausbildung in der gegebenen Etappe der Entwicklung des pädagogischen Gedankens ist ein wirksames Mittel der Optimierung der Lehrtätigkeit, da es sich im Rahmen der Informatisierung der Ausbildung entwickelt. Einer der Aspekte der interaktiven Ausbildung ist die Nutzung der Möglichkeiten des Computers, was zur Intensivierung der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches beiträgt, da die Lehrgrenzen ausdehnt, die Situation des fremdsprachlichen Verkehrs der Situation des natürlichen Verkehrs auf der Fremdsprache nähernd.

Die interaktive Ausbildung entwickelt sich auch im Rahmen der persönlich ausgerichteten Ausbildung, da sie die einzigartigen Möglichkeiten nicht nur nach der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches, sondern auch nach der Entwicklung der Persönlichkeitsqualitäten gibt.

Demzufolge wird uns die Modellierung der pädagogischen Technologie der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten möglich vorgestellt, die die systemganzheitliche Einheit der pädagogischen Aufgabe, der Mittel, der Methoden, der Bedingungen, der laufenden Kontrolle, die Einschätzungen der Ergebnisse und der Korrektur meint und unter der Ausnutzung der interaktiven Unterrichtsmethoden wirksam ist.

Die interaktive Methode wird optimal, wenn sie komplex als Synthese des Gruppenunterrichts (Trainings, Rollenspiele) und der Computerlinguodidaktik verwendet wird.

Die Erhöhung der Effektivität der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches wird in der Technologie der Ausbildung der Fremdsprache mit der stufenweisen Anwendung auf dem Operationsniveau bestimmter Unterrichtsformen realisiert und zwar:

- des interaktiven Elementarunterrichts unter Ausnutzung der Computerprüfung und der stichprobenartigen Anwendung der multimedialen Unterstützungen für die Ausbildung den abgesonderten Aspekten der Grammatik und der Lexik;

- komplizierter Interaktionen in Form von den Trainings und den Rollenspielen, sowie der E-mail-Projekte und der Anwendung des Internets für die Nutzung in der Ausbildung der Web-Materialien, der Nutzung der komplizierteren multimedialen Programme.

Die Technologie der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches meint:

- das blockmodulare Herangehen;
- die Ratingeinschätzung der Kenntnisse, der Fähigkeiten und der Fertigkeiten;
- die Ausbildung mit Hilfe des Computers als Intensivierungsweise;
- die Ausbildung mit Hilfe der Trainings und der Rollenspiele als Optimierungsweise;
- die Nutzung der Computerprogramme mit den interaktiven Ausbildungsmitteln.

Die pädagogische Technologie der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten der nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule hat folgende Charakteristiken:

- als Bedingung der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten tritt ihre Selbstentwicklung, die Realisierung des schöpferischen Potentials und die professionelle Meisterschaft auf;

- die Optimierung der Tätigkeit des Studenten im Lehrprozess vermutet die entsprechenden Formen der Lehrwechselwirkung: die Spielwechselwirkung, den Dialog (einschließlich mit dem Computer), die Reflexion, das Schaffen;

- die pädagogische Technologie der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten ist mit der Suche der maximalen Erhöhung der Ausbildungsergebnisse mittels der Analyse, der Auswahl, des Konstruierens und der Kontrolle aller Komponenten des Ausbildungsprozesses verbunden.

Die Technologie der Bildung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten der nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule ist auf dem Prinzip der Berücksichtigung der interdisziplinären Beziehungen, und zwar der Linguodidaktik, der Verwaltungsdisziplinen und einiger Aspekte der Informatik gegründet. Es wird sowohl in Form von der Abgabe des Lehrmaterials (zum Beispiel, unter Anwendung von den Möglichkeiten der multimedialen Handbücher, des Internets, der interaktiven Computerprüfung), als auch beim Erlernen der Begriffe verschiedener Disziplinen auf der Fremdsprache gezeigt.

Infolge der Realisierung solcher Konzeption der Ausbildung der Studenten bei den zukünftigen Fachkräften entwickelt sich das schöpferische Herangehen an die Lösung der professionellen Aufgaben, entwickelt sich das Bedürfnis nach Schaffen, nach der bewussten und zielgerichteten Suche der Neuheit der Tätigkeit.

Also lässt die Ausbildung im Rahmen der angebotenen Technologie zu, sich einen ganzen Komplex der erzieherischen Aufgaben zu entscheiden, die soziale Aktivität, das hohe Niveau des Professionalismus, die kritische Beziehung zu den ausgeprägten Stereotypen, das Gefühl der Verantwortung für das Ergebnis und die Folgen der beruflichen Arbeit zu bilden.

Referenze:

1. Wasilewitsch A. P. Die Probleme der Messung des sprachlichen Kompetenzbereiches, Moskau, 1983.
2. Bepalko V. P. Die pädagogische Technologie: die neuen Methoden und Mittel der Ausbildung, Moskau, 1989.
3. Polat E. S. Die neuen pädagogischen und Informationstechnologien im System der Ausbildung, Moskau, 1999.
4. Galskova N. D. Die moderne Methodik der Fremdsprachenerlernung, Moskau, 2000.

*Akhmedova Muminat Garunovna,
Dagestan State University, INPO the Russian Open Society,
E-mail: Akhmumin@yandex.ru*

Regional factors in the formation of teacher's ethno-cultural competence

Abstract: the Modern education system requires ethnic orientation of the teacher for the focused approach to the pupil. Formation ethnic compataition the teacher should pass as purposeful process of his (its) own identification, with the account and ordering of influence of the basic x factors.

Key words: professionalism of the teacher, ethnic competence, factors, tradition, adats and sheriyat.

Региональные факторы формирования этнокультурных компетенций педагога

*Ахмедова Муминат Гаруновна, ИНПО РАО, ДГУ
Дагестанский государственный университет, ИНПО РАО
E-mail: Akhmumin@yandex.ru*

Аннотация: Современная система образования нуждается в этнической ориентации учителя для лично ориентированного подхода к ученику. Формирование этнических компетенций учителя должен проходить как целенаправленный процесс его собственной идентификации, с учетом и систематизацией влияния основных средовых факторов.

Ключевые слова: профессионализм учителя, этнические компетенции, факторы, традиции, адаты и шариат.

Проведенные нами ранее исследования показывают, что стихийно приобретенные этнические компетенции не всегда функциональны в работе педагога и существуют как бы сами по себе. Мы предполагаем необходимым целенаправленное формирование профессиональных этнических и поликультурных компетентностей, как в процессе подготовки будущего учителя, так и в системе повышения квалификации педагогических кадров. Особенно это актуально для полиэтнической и многонациональной образовательной системы, например, Дагестана.

Мы предположили, что для целенаправленного формирования этнически компетентного учителя необходимо систематизировать и анализировать факторы, влияющие на стихийно приобретаемые и практически применяемые на подсознательном уровне знания об этнических особенностях людей. В первую очередь, это внешние, средовые факторы. В поликультурной образовательной среде, каковым является в основном вузовская среда и городская школьная среда в многонациональной стране, в процессе общения происходит целенаправленная интеграция культур и синтез материальных и духовных ценностей личности, семьи, этноса, религии, общественности, государства, микросреды, педагогической среды образовательных учреждений. Это отражается в трех компонентах нравственности человека:

1. Поведенческом — отношение к окружающим, атрибутика норм нравственности и морали, правила этикета;

2. Эмоциональном — искренность в нравственных правилах и их выражение в соответствии темпераментом, характером, возрастом и т. д.;

3. Когнитивном — осознание и оценка свое и окружающих поведение.

Наиболее значимым для учителя в Дагестане является учет факторов формирования этнических ценностей, их синтеза и трансформации в современные общедагестанские и общероссийские ценности и поликультурное поведение. Результат трансформации и интеграции ценностных ориентаций многих людей, отношений человека к другим людям, можно проявляется в динамике следующих особенностей:

- *Национально-этнических* (в языке, эмоциях, внешности, мимике, жестах, менталитете и т. д.);
- *Гендерных* (в распределении социальных ролей мужчин и женщин);
- *Профессиональных* (в коммуникационных умениях, конкретных действиях, отражаются в способах получения информации);
- *Личностных* (в психике, психологии, возрасте, уровне воспитанности, кругозоре, поведении, суждениях, увлечениях, отношениях);

- *Социальных* (в материальной и моральной оценке событий, привязанности к этносу и тухумно-родовой изоляции);
- *Субкультурных* (в образе жизни и ценностях этикета);
- *Семейных* (традиции, иерархией во взаимоотношениях);
- *Религиозных* (канонами и толкования исповедуемой религии);
- *Географических* (пространственное расположение, особенности климата и т. д.).

Для примера рассмотрим некоторые из них. В Дагестане (в основном и на всем Северном Кавказе) основной фактор, под влиянием которого происходит процесс формирования этнокультурных компетенций педагога — это знание народных традиций. Они отличаются большой чувствительностью, гибкостью, но одновременно живучестью и консервативностью. В некоторых случаях традиции прерываются, исчезают из культуры и быта народов внезапно, резко уступают место инновациям. В результате различных исторических обстоятельств, перехода от изолированной жизни к открытой, необходимости адаптации к жизни в новых географических, социальных и этнических условиях появляются новые традиции в виде сложного комплекса синтеза традиций разных народов. Например, в результате переселения с гор на равнину изменились как материальная (поселение, жилище, одежда, пища), так и духовная культура дагестанцев (семейная, общественная бытовая, досуговая и обрядовая и др.). В основном молодежь стала общаться друг с другом на русском языке и придерживаться общих «цивилизованных» традиций и обрядов (дни рождения, свадьбы, праздники и т. д.), которые представляют «коктейль» из языческих, католических, мусульманских, народных традиций. На этом основании многие исследователи начали делать выводы о том, что народы Дагестана сольются в единый дагестанский народ, без этнокультурных и языковых различий. Но, потеря исторических корней означает формирование человека вне культуры и традиций — переменчивого не только внешне, но и нравственно. *Не зная, не понимая и не уважая свою культуру и язык невозможно любить и уважать чужую культуру и язык.*

Учителю необходимо также знать, как формируется и функционирует семья — как основная ячейка общества отвечает за самые первые шаги приобщения человека к человеческим ценностям и продолжает оказывать большое влияние на закрепление новых ценностных ориентаций. Основы кавказской семьи

составляют такие ценности как родственные связи, забота друг о друге, духовная общность, соучастие, помощь и т. д. Дагестанская семья обычно состоит из трех поколений: бабушек–дедушек, пап–мам, братьев–сестер, а часто включает и других близких родственников и характеризуется строгой иерархической регламентацией, тухумно-родовыми отношениями на основе семейной генеологии. Ценностные ориентации дагестанской семьи в настоящем представляет сложное сплетение ценностей родовых традиций, тухумных адатов, горских и равнинных обычаев, светских и юридических норм морали российской семьи и т. д. Этнопедагогика дагестанской семьи представлена в работе Б. Ш. Алиевой [1].

Большое место в формировании этнокультурных ценностей учителя занимает знание норм адата и шариата, ибо от этого зависит уважение к нему. Адаты необходимо выявлять и подвергнуть критическому анализу, ибо есть адаты вредные, но живучие и есть адаты полезные, но отживающие свой век. Например, адат «кровная месть» не только не исчезает, но и становится значимым в процессе современных межгражданских конфликтов, террора и непрофессиональных «спецопераций». А такие полезные адаты как *аталычество*, *побратимство*, *молочное братство*, *куначество*, *аманатство* применяется в настоящее время очень редко.

Религия становится очень сильным фактором влияющими на формирование этнической и поликультурной компетенции учителя. Ценности религии (такие как покорность, верность, послушание, богобоязненность, стойкость, праведность и т. д.) становятся востребованными, когда мирская жизнь человека заведена в тупик или не удовлетворяет. В настоящее время ислам на Кавказе больше чем религия. «Мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии в менталитете и традициях осознают свою принадлежность к некоей — не только религиозной — общности, связанной с духовной и культурной традицией» — пишет Г. И. Мирский, что характерно для разнородного, разноразличного Дагестана [3].

Знание ценностей религий (например, ислама придерживаются более 20 млн. россиян) — одно из приоритетных направлений отечественной педагогической науки.

Надо взять на вооружение, что стремление к знаниям в исламе ставится выше молитвенного экстаза. Нельзя не учитывать, что ислам удерживает истинно верующую молодежь и их друзей от наркотиков,

пьянства и разврата и проповедует здоровый образ жизни. Учителю требуется соблюдать корректность как средство формирования религиозной толерантности.

Большую роль в формировании этнических компетенций учителя играет знание этнопедагогики — влияние на молодое поколение, создавая единую систему воспитания в этносе. А. Б. Панькин отмечает [4], что в современную эпоху человек сочетает в себе планетарное, цивилизационное, этнокультурное, социально-групповое и личностно-индивидуальное. Попытки игнорировать или гипертрофировать что-либо из этого приводят к примитивизму. Еще К. Д. Ушинский сформулировал три заповеди для России, вполне современно для Кавказа [5]:

- «Каждый народ имеет свою характерную систему воспитания»;
- «В душе каждого человека черта национальности коренится глубже всех прочих»;
- «Воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое».

Но, под действием рыночных отношений разрушаются общие ценности, сохранение которых должно быть заложено в региональном компоненте педагогики. З. Я. Якубов выделяет 10 таких тем, которые обладают высоким воспитательным потенциалом [7]: народные игры (детские, состязательные, тестовые, праздничные и т. д.); трудовая помощь друг другу (в постройке дома, на сельхозработах, на свадьбе, похоронах и т. д.); семейные традиции (отношения, общения, обязанности, права и т. д.); традиции общения друг с другом в обществе (на годекане, с соседями, со сверстниками, у родника, в школе, на застолье и т. д.); народные промыслы (вязанье, ковроткачество, чеканка, изготовление обуви, одежды, утвари и т. д.); народный фольклор (сказки, песни, пословицы, поговорки, игровые считалки и т. д.) и другие.

Особенностью воспитания в этнопедагогике Дагестана является воспитание собирательной характеристики нравственности человека — *намуса*, морального кодекса обобщающего традиции, честь, совесть, благородство. Но в то же время, моральный идеал достоинства личности, которым человек не должен поступиться никогда, которое он обязан защищать любой ценой, включая жизнь, и сегодня является проявлением *горского персонализма, который уводит молодежь в леса*. «Получается, что личность есть ценность временных, определенных моментов и стечений обстоятельств и сознательно выбирая гибель ради со-

хранения собственного достоинства, воли она становится средством их достижения.» — писал Р. М. Магомедов задолго до современных событий [2, 35].

Ускоренная динамика общественного развития последних десятилетий столкнулась с острыми социальными противоречиями, что привело к болезненному обострению чувства агрессивной этнической идентичности и неправильному пониманию горской чести и моральных идеалов. Горцы говорят — «молодежь теряет намус».

Дагестанец сегодня не может идентифицировать себя конкретно и целостно как личность, обладающая едиными ценностями для внутреннего и внешнего пользования. В обществе — он человек со здоровыми наклонностями и со скромными потребностями, а для достижения материального и телесного комфорта и благополучия он готов испытать внутренний дискомфорт. Чем дальше — тем меньше этот дискомфорт, переходящий в готовность переступить не только нравственные барьеры, но законность и мораль. Тем более, что Запад стал навязывать стандарты и критерии «цивилизованности» (свободное предпринимательство, насилие, разврат, нажива), воздействуя и трансформируя культуру, быт, образ жизни традиционных обществ. Восток, в свою очередь, определяет региональную особенность такой трансформации в виде исламской моды, исламских традиций, восточных атрибутов роскоши. *Мода* — очень активно влияет на становление ценностных ориентаций молодежи, а вслед за модой (внешним образом) постепенно перестраивается и внутренний мир человека.

Воспитательные цели государства, провозглашенные официально и состояние их реализации на практике (борьба с беспризорностью, с ухудшением здоровья нации, с наркомафией, с взяточничеством, коррупцией и т. д.) способствуют раздвоению личности студента, так как о них громко говорят и тихо забывают. Несомненно, *учеба и обучение* — это основной вид деятельности учителя, которая занимает ¾ их бодрствующего времени и обязательно должно быть связана воспитывающим обучением.

Историческое единство дагестанских народов формирует общий *менталитет*. Но, М. Х. Фишбейн подчеркивает: «Менталитет — образование лишь относительно устойчивое и видоизменяется под напором стихийных или специально организованных факторов, им можно управлять и даже манипулировать» [6, 52].

Сближение народов, общность самосознания народов возникает на основе общности языка. *Общим*

языком межнационального общения для дагестанцев является русский язык, и он формирует ценности, связанные с ценностями народа — носителя языка. Русский язык — это *средства достижения успеха* в современном российском обществе. Но, необходимо помнить — *утеря собственного языка приводит к потере этническую идентичности*.

Исследования показывают, что понятие «эмансипация» слишком поверхностное, не отражающее подлинную суть и глубину гендерных отношений в Дагестане. Женщина на Кавказе заслуживала уважение даже со стороны мужчин не просто так, а тяжким трудом на поле, дома и даже на поле битвы, преданностью семье, мужу, уважением к окружающим людям, мудростью в речах и поступках, наконец, просто женственностью. Современные дагестанские девушки по-новому понимают честь и достоинство. А мужчина у народов Кавказа в идеальном представлении олицетворяет в молодом возрасте джентельмена (джигита), а в пожилом — мудреца (аксакала).

Характерной особенностью ценностных ориентаций с социальной позиции является гипертрофия одних ценностей и атрофия других в прямой зависимости от идеала, которым руководствуется социальная общность в своем поведении, например, тухум.

Например, *возрождая кровную месть* между тухумами «силовиков» и «лесных» вожди кланов преследуют свои собственные меркантильные цели.

По-своему складывается современная этническая субкультура молодежи в регионах и формируется порой весьма в неожиданных ракурсах. Молодой человек мечется между желанием «казаться» и необходимостью «быть». В процессе динамики общественного развития возникают противоречия в выборе между ценностными смыслами субкультурных сред и иницилируемой в обществе деятельностью в целом, нравственными смыслами и практической целесообразностью.

Анализ среды и условий, в которых формируются этнокультурные компетенции учителя, показывает, что в настоящее время этот процесс происходит под влиянием внешних к образовательному учреждению факторов и носит *случайный и стихийный*, а не системный характер. Необходимо *построить ориентационную модель* учителя, включающую систематизированные этнокультурные и поликультурные компетенции. Гражданское воспитание учителя, а через него и учеников осуществляется не достижением однообразия граждан, а сохранением этнического разнообразия на основе консолидирующих ценностей.

Список литературы:

1. Алиева Б. Ш. Этнопедагогика дагестанской семьи. – Пятигорск, 2006.
2. Магомедов Р. М. Обычаи и традиции народов Дагестана. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1992.
3. Мирский Г. Исламская цивилизация. // Мировая экономика и международные отношения. № 6, 2004. – М.: «Наука».
4. Панькин А. Б. Формирование этнокультурной личности. – М.: «Большая медведица», 2004.
5. Ушинский К. Д. О нравственном элементе в русском воспитании. В кн. «Собрание педагогических сочинений К. Д. Ушинского». – С.-Петербург, 1985.
6. Фишбеин М. Х. Менталитет – ценность национально-регионального аспекта образования. // Педагогическое образование и наука. № 3, 2004.
7. Якубов З. Я. Этнопедагогика народов Дагестана (программа регион. комп. педагогики). – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2003.

Hauriak Elena Dmitrievna,
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University,
instructor of department, Faculty of Physical Training and human health
E-mail: djakonovich@mail.ru

Development of the theory of physical education of a person in the works of Ukrainian teacher Hrygorii Vashchenko (1878–1967)

Abstract: The paper analyzes the coverage problems of physical education of the individual in the classical works of European pedagogy, Ukrainian and Russian scientists. The key ideas of the concept «body-breeding» of

the Ukrainian teacher H. Vashchenko in the context of the general theory of physical education are presented in the article. Continuity in the teachers' views and H. Vashchenko contribution to the development of modern basis of physical education of younger generation are established.

Keywords: physical education, harmonious development, the object of education, the concept of body-breeding, pedagogical heritage, H. Vashchenko.

*Гауряк Елена Дмитриевна,
Черновицкий национальный университет,
преподаватель, факультет физической культуры и здоровья человека
E-mail: djakonovich@mail.ru*

Развитие теории физического воспитания личности в трудах украинского педагога Григория Ващенко (1878–1967)

Аннотация: В статье проанализировано освещение проблемы физического воспитания личности в трудах классиков европейской педагогики; украинских и русских ученых. Представлены ключевые идеи концепции теловоспитания украинского педагога Г. Ващенко в контексте развития общей теории физического воспитания. Установлена преемственность взглядов педагогов и вклад Г. Ващенко в разработку современных основ физического воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: физическое воспитание, гармоническое развитие, цели воспитания, концепция теловоспитания, педагогическое наследие, Г. Ващенко.

Личность, которая сможет реализовать себя в условиях нового тысячелетия, должна обладать развитым интеллектом, умением и готовностью осваивать новые направления и объемы знаний, гражданским самосознанием, гуманистическим мировоззрением, эстетически развитым вкусом и другими важными качествами. Среди них особое место занимает физическое развитие, являющееся в значительной степени показателем организованности человека, его волевых качеств, стремления к здоровому образу жизни. Современная педагогическая теория и практика рассматривает физическое воспитание как целенаправленную, четко организованную и планомерно осуществляемую систему физкультурной и спортивной работы, которая включает подрастающее поколение в разнообразные формы занятий физической культурой, спортом, военно-прикладной деятельностью, гармонично развивает тело человека в единстве с его интеллектом, чувствами, волей и нравственностью [7, 89].

В истории мировой, европейской и отечественной педагогики вопросы эффективного физического воспитания в контексте формирования гармонически развитой личности занимали особое место. Выдающиеся теоретики и практики педагогики, анализируя те или иные аспекты учебной, образовательной, воспитательной деятельности педагогов, самовоспитание и т. п., непременно обращались к теории физического воспитания личности.

Классические основы физического воспитания были заложены еще в эпоху античности, когда полноценное начальное образование не мыслилось без посещения гимнастических школ (палестр), в которых занимались развитием культуры тела. Платон (428–348 гг. до н. э.) в трактате «Государство», декларируя основные идеалы и программу разностороннего воспитания личности, подчеркивал, что «... необходимо обеспечить для тела гимнастику, для души музыку» [5, 51], а Аристотель (384–322 гг. до н. э.) в своей «Политике» утверждал, что начинать воспитание следует «с заботы о теле», а затем «заботиться о духе», чтобы «Воспитание тела способствовало воспитанию духа» [5, 54].

В эпоху европейского Средневековья, несмотря на акценты в философско-педагогической мысли (Августин, Боэций, Фома Аквинский и др.) на усовершенствование духа, пропаганду аскетизма, устранения пристрастия ко всему земному, в системе рыцарского воспитания четко были определены «семь рыцарских добродетелей», основу которых составляла именно надлежащая физическая подготовка (владение копьем, фехтование, езда верхом, плавание, охота, обучение военному искусству).

Кардинальный поворот к разработке теории физического воспитания начинается в эпоху Возрождения и Реформации, когда лучшие умы Европы (Витторино да Фельтре, Томазо Кампанелла, Франсуа Рабле, Эразм Роттердамский, Мишель Монтень, То-

мас Мор и др.) провозглашали человека главной ценностью общества, в обновленном виде представили идеал духовно и физически развитой личности, сами нередко являясь его носителями, будучи эталонами мудрости, нравственности, духовности. Великий педагог Ян Амос Коменский (1592–1670) — отец современной педагогики — рассматривал образование и воспитание в их взаимосвязи и многогранности, видел в каждой личности совершенное творение, отстаивал ее право на развитие всех возможностей и способностей, подчеркивал важность гармонического воспитания человека.

В последующие столетия теория физического воспитания приобретает качественно новые черты. Так, Джон Локк (1632–1704) конечную цель воспитания видел в наличии здорового духа в здоровом теле («... вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире») [5, 180], а выдающийся философ Жан-Жак Руссо (1712–1778) видел в физическом воспитании средство для установления гармонии между человеком, природой и социальным окружением, для преодоления пагубных наклонностей, формирования нравственно чистых идеалов и помыслов, развития всего организма. Методика и рекомендации педагога по физическому воспитанию были рассчитаны на условия жизни в среде, близкой к природе и ручному труду; он советует с раннего возраста осуществлять интенсивную физическую закалку ребенка.

В Российской империи XVIII века внимания заслуживают труды И. И. Бецкого (1704–1795), который вслед за Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локком, готовил проекты воспитания «идеальных дворян», особое внимание уделяя физическому, умственному и нравственному развитию личности. Идеи воспитывающего труда и развивающего обучения, сформулированные выдающимся швейцарским педагогом И. Г. Песталоцци (1746–1827), легли в основу его концепции элементарного умственного, нравственного и физического воспитания [5, 233]. В последующие столетия большинство известных европейских и отечественных педагогов тем или иным образом представляли собственное понимание значения физического развития и воспитания личности.

В период между двумя мировыми войнами XX века идеи здоровьесбережения, необходимости физического воспитания высказывались известными украинскими педагогами. Так, теоретик и практик дошкольного воспитания София Русова (1856–1940) писала, что для национального воспитания приоритетными заданиями являются формирование ребен-

ка как личности, которое происходит в триаспектном измерении: ум, тело и душа. В процессе физического воспитания ребенок должен овладеть гигиеническими навыками, жизненно необходимыми двигательными умениями, развить привычку и заинтересованность в систематических занятиях физическими упражнениями. Организация правильного режима питания, жизнедеятельности в целом, труда и отдыха, занятие спортом и физической культурой — основные задания физического воспитания, которые должен реализовывать педагог — «охранник здоровья ребенка», писала С. Русова.

Особое место занимала проблема физического развития личности в педагогическом наследии выдающегося педагога Антона Семеновича Макаренка (1888–1939). Труд, эстетическое и физическое воспитание — вот те базовые понятия, которые в единстве с обоснованной педагогом теорией детского коллектива, должны были способствовать формированию человека нового типа. Необходимым условием воспитания и перевоспитания в коммунах А. Макаренка было физическое закаливание организма, включавшее создание соответствующих санитарно-гигиенических условий, правильного режима дня, рациональную организацию отдыха, широкую программу систематических занятий физкультурой и спортом (гимнастика, акробатика, теннис, волейбол, футбол, походы, стрельба, лыжный спорт, плавание). В целом для советской воспитательной системы характерным было внимание к систематической работе по овладению учащимися комплексом знаний, умений и навыков физической культуры, введение обязательных уроков физического воспитания в средних школах, а через физическое развитие осуществлялась подготовка подрастающего поколения к «труду и обороне».

Возрождение и детальный анализ несправедливо забытого наследия отдельных педагогов XX века, имена и труды которых в силу объективных исторических обстоятельств были запрещены или игнорировались, способствуют дальнейшему творческому развитию теории и практики физического воспитания личности. Среди ученых XX века, которых Украина дала европейской и отечественной педагогике, особое место занимает Григорий Григорьевич Ващенко (1878–1967). Педагог, психолог, преподаватель, профессор, общественный деятель, Г. Ващенко работал в учебных заведениях Советской Украины, пока, обвиненный в буржуазном национализме, не вынужден был в начале переехать в Сталинград, а после иммигрировать из СССР.

В деятельности Г. Ващенко четко выделяются три взаимосвязанные составляющие: педагогическая, общественная и литературная. Как педагог и психолог, Г. Ващенко работал над созданием историко-педагогической хроники событий в истории образования и науки в Украине и за рубежом; учительская и преподавательская деятельность была связана с подготовкой педагогических кадров. Его научно-теоретические исследования, а именно — обоснование концепции украинской педагогики, разработка идей воспитательного идеала, освещение проблем национального, эстетического, религиозного воспитания, анализ дидактических категорий и т. п. в монографиях и статьях — занимает важное место в педагогической теории XX века. Воспитательная работа Г. Ващенко в Обществе Украинской Молодежи в Германии давала ему возможность непосредственного общения с передовой украинской молодежью, педагогической и творческой интеллигенцией. Существенной являлась и учебно-методическая деятельность педагога-ученого — подготовка учебников, пособий, методических рекомендаций по проблемам национального воспитания и образования, а также организационная работа по руководству аспирантскими группами, курсами для образования взрослых и т. п.

Долгие годы, работая в эмиграции, Г. Ващенко создавал собственную педагогическую систему, краеугольным камнем которой была идея — главная цель воспитания украинской молодежи — служение Богу и Отчизне. Раздумья о месте и значении в процессе воспитания и образования физического развития личности являются органичной частью всей его педагогической концепции.

Перу Г. Ващенко принадлежит более ста научных трудов: монографий, статей, которые только в последние десятилетия стали доступны широкой педагогической общественности. Среди них — фундаментальные педагогические труды — «Загальні методи навчання» («Общие методы обучения» — здесь и далее перевод автора — Е. Г.), «Виховний ідеал» («Воспитательный идеал»), «Виховання волі і характеру» («Воспитание воли и характера»), «Проект системи освіти в самостійній Україні» («Проект системы образования в самостоятельной Украине»), «Український ренесанс ХХ століття» («Украинский ренесанс XX века»), «Основи естетичного виховання» («Основы эстетического воспитания»), «Виховання любови до Батьківщини» («Воспитание любви к Родине»), «Виховна роля мистецтва» («Воспитательная роль искусства»), «Тіловиховання як вихо-

вання волі і характеру» («Теловоспитание как воспитание воли и характера») и другие. Их объединяет идея психолого-педагогического обоснования путей, методов и способов формирования полноценной, духовно богатой, физически развитой и национально сознательной личности с учетом национальных психических особенностей каждой нации и социальных факторов, детерминирующих процессы воспитания и образования в определенный исторический период.

Проблемы физического воспитания поднимаются в значительной части публикаций, наиболее четко они выписаны в «Воспитательном идеале», «Теловоспитании как воспитание воли и характера» и «Воспитание воли и характера». Язык трудов Г. Ващенко довольно сложен для перевода, поэтому мы (автор статьи — Е. Г.) предлагаем их собственную интерпретацию и анализ.

Г. Ващенко предложил термин «теловоспитание», которым активно пользовались европейские педагоги второй половины XX века. Теловоспитание — неотъемлемая часть личности, тесно связанная с умственным, моральным и эстетическим развитием. Его главная задача — не только укрепление здоровья человека, а и развитие духовной сферы личности, ее воли и ума [4, 38–39]. Значение физического воспитания педагог определяет четко: «... наша задача состоит в том, чтобы воспитать человека сильного духом и телом, одновременно и такого, чтобы у него дух господствовал над телом. В этом главный смысл теловоспитания» [3, 301]. Г. Ващенко в своей теории физического воспитания тесно связывает вопросы сохранения и укрепления здоровья детей, их физического развития и общевоспитательные задачи в целом. Он подчеркивает, что экскурсии, прогулки на свежем воздухе, с одной стороны, укрепляют здоровье учеников, а с другой — являются мощным фактором целостного воспитательного процесса, способствуют развитию любви и уважения к окружающей природе, родной земле, развивают память, внимание, стимулируют позитивные эмоции детей [2, 302].

О преемственности и желании творчески развивать идеи физического воспитания педагогов прошлого свидетельствует тот факт, что Г. Ващенко в своих трудах, прежде чем обосновать собственное видение того или иного педагогического явления, глубоко анализирует мысли предшественников. Что касается физического воспитания, то в своих статьях он делает ретроспективу систем физического воспитания в Афинах и Спарте, Древнем Риме и Персидском го-

сударстве, средневековой Европе и европейских странах эпохи Ренессанса. Интерес ученого вызывает система физического воспитания немецкого, шведского, русского образцов (например, идеи П. Лесгафта), а также «пионера украинской системы физического воспитания И. Боберского» [6, 11].

Систематизируя богатое наследие европейской и отечественной педагогической теории и практики, Г. Ващенко определяет место физического воспитания в общей воспитательной системе (это не отдельная отрасль формирования личности, а органическая его часть, объединенная с умственным, моральным и эстетическим воспитанием); задания физического воспитания (укрепление здоровья, развития мышечной силы и ловкости, способность управлять собственным телом, развитие волевых качеств, выносливости, дисциплинированности, организованности); важно готовить специальных воспитателей — руководителей физическим воспитанием. Педагог подчеркивает, что даже наиболее совершенная, проверенная столетиями воспитательная система не может оставаться неизменной, так как она «... совершенствуется в связи со сменой насущных задач; ... развитием науки, прежде всего, связанной с медициной и психологией...» [6, 12].

В процессе формирования здорового образа жизни Г. Ващенко акцентирует внимание на самовоспитании, считая, что ребенок должен сознательно подходить к пониманию значения здоровья как личной и общественной ценности, а теловоспитание является ключевым элементом в его сохранении. Однако, подчеркивает педагог, без осознанного отношения к физическим упражнениям, занятиям спортом теловоспитание превращается в муштру и не приносит пользу растущему организму ребенка.

Детально описывает Г. Ващенко процесс и значение гигиенического воспитания ребенка как важное средство теловоспитания; его интересуют также вопросы рациональной организации труда, влияния физического труда на формирование воли и характера. Гимнастические упражнения, писал Г. Ващенко, способствуют усовершенствованию тела человека, его мышечной силы и ловкости. Приверженец классической древнегреческой системы гимнастических упражнений, он разграничивает индивидуальные и групповые занятия; дает практические рекомендации по занятиям утренней гимнастикой; описывает пользу занятий плаванием, дыхательной гимнастикой. Особенности политической ситуации (послевоенное устройство Европы, «железный занавес», угроза

ядерной войны и т. д.) повлияли на отдельные высказывания педагога: так, он связывал необходимость групповых гимнастических занятий с маршевой подготовкой в контексте начальной военной подготовки [2].

Физические упражнения тесно связаны с игрой и занятиями спортом. Г. Ващенко указывал, что игра — природная потребность ребенка, «главный источник радости для него» [2], поэтому необходимо создавать условия для свободной игры, тактично организовывать и направлять ее ход, культивировать национальные игры, среди которых особое место занимают те, в которые включены песни и танцы (казачок, аркан, гопак). Когда игра сопровождается соревнованиями, она становится спортом, подчеркивал он. Классическим примером являются олимпийские игры. Особое место в физическом воспитании подрастающего поколения Г. Ващенко отводил средней школе. По его мнению, именно школа «... должна воспитывать детей здоровыми, сильными и ловкими. Физическое воспитание не может ставить перед собой цель — воспитание атлетов... Однако школа должна так организовывать физическое воспитание, чтобы наша молодежь была здоровой не только во время обучения, но и после окончания школы» [1, 187–188].

Отметим, что не все идеи Г. Ващенко — бесспорны. Например, дискуссионными, по нашему мнению, являются положения о том, что индивидуальные занятия спортом несут в себе опасность увлечения им с позиций честолюбия и игнорирования других важных дел в личной и общественной жизни. Педагог также писал, что бокс «... возбуждает грубые, звериные инстинкты» [3, 313] в человеке, поэтому его следует исключить из системы спортивных соревнований и ограждать от занятия ним детей и подростков.

Таким образом, украинский педагог Г. Ващенко в своей концепции физического воспитания личности творчески развивает прогрессивные идеи педагогов прошлого, вместе с тем высказывает оригинальные взгляды (связь развития психофизических качеств человека и формирования ее духовного облика; морально-волевые качества и физическое развитие как способы усовершенствования индивидуальности и др.). Концепция теловоспитания и другие педагогические идеи Г. Ващенко требуют внимательного анализа, систематизации и поисков рациональных путей внедрения в современную систему физического воспитания подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Ващенко Г. Виховний ідеал/Г. Ващенко. – Полтава: Полтавський вісник, 1994. – 191 с.
2. Ващенко Г. Виховання волі і характеру: підручник для педагогів/Г. Ващенко. – К.: Школяр, 1999. – 385 с.
3. Ващенко Г. Твори. Том 4. Праці з педагогіки та психології/Г. Ващенко. – К.: Школяр – Фада ЛТД, 2000. – 416 с.
4. Ващенко Г. Тіловиховання як засіб виховання волі і характеру/Г. Ващенко. – Львів: Українські технології, 2001. – 56 с.
5. Джуринский А. Н. История педагогики: учеб. пособие/А. Н. Джуринский. – М.: Владос, 2000. – 432 с.

*Gromova Olga Nikolaevna, Head of law fields department
of St.Petersburg University of State, fire service of MChS of Russia,
Candidate of law science, assistant professor,
E-mail: oritus@yandex.ru*

The relevance of the professional development preparation of specialists of economic profile in the context of globalization

Abstract: The article discusses the role of higher education for social and economic development. Noted the relevance of theoretical and methodological substantiation of the use victimological knowledge and model development the development of the system of professional training of students of economic specialties in the field of victimology.

Keywords: professional training, victimological knowledge, economic specialization.

*Громова Ольга Николаевна, зав. кафедрой отраслей права
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы МЧС России»,
E-mail: oritus@yandex.ru*

Актуальность развития профессиональной подготовки специалиста экономического профиля в условиях глобализации

Аннотация: В статье рассматривается роль высшего образования для социального и экономического развития. Отмечена актуальность теоретико-методологического обоснования использования виктимологических знаний и разработки модели развития системы профессиональной подготовки студентов экономических специальностей в области виктимологии.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, виктимологические знания, экономическая специальность.

Сегодня высшее профессиональное образование в России в условиях его модернизации, обусловленной глобализацией различных отраслей современного социума, переживает этап своего активного инновационного развития.

Современное общество характеризуется осознанием роли высшего образования для социального и экономического развития. Соответственно, современное образование подвержено существенному реформированию, приспособлявая систему обучения к нуждам рыночной экономики, тем самым определяя требования к целям и задачам образования, вытекающим из процессов глобализации. Из этого

логично сделать вывод о том, что в процессе обучения в вузе студенты должны получать навыки, позволяющие не только достойно выполнять свои профессиональные обязанности, но также блюсти интересы своей организации путем предупреждения противоправных проявлений. Речь идет о тех преступлениях, которые уголовный закон относит к сфере экономической деятельности. Бесспорно, преступления в области экономики не столь опасны для личности нежелательнее насильственно преступления. Однако ущерб от них настолько велик, что несет угрозу определенным сферам экономики, подрывая основы государства.

Представленная на официальном сайте МВД (10) статистика свидетельствует о том, что с течением времени угрозы сферам экономической деятельности остаются актуальными и требуют вмешательства со стороны государства.

Судя по представленной статистике количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным предпринимательством, достигло своего пика в 2000 году, затем стало постепенно снижаться. По сравнению с 2000 г. количество зарегистрированных преступлений по ст. 171 УК РФ уменьшилось в 3,4 раза. Количество же лиц, осужденных за совершение незаконного предпринимательства, увеличилось в 2009 г., по сравнению с 2000 г., в 1,7 раз. Обвинительных приговоров было вынесено практически равное количество с показателем лиц, выявленных за совершение незаконного предпринимательства.

Иная картина представляется нам в отношении изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денег или ценных бумаг. В 1997 г. было зарегистрировано 7 911 противоправных деяний, а уже в 2009 г. эта цифра выросла до 45 251. Самый высокий показатель зарегистрирован в 2006 г. По сравнению с 1997 г. количество преступлений увеличилось в 5,7 раз.

Однако настораживает тот факт, что лиц, совершивших преступления, выявлено существенно меньше, чем зарегистрировано преступлений. А количество осужденных за указанную преступную деятельность на порядок меньше, чем было выявлено лиц, совершивших преступление. В 2009 г. было осуждено только 122 человека.

В 36 раз, по сравнению с 1997 г., увеличилось количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ. Из числа выявленных лиц, совершивших преступление, был осужден каждый второй-третий субъект преступной деятельности. Остальные, судя по статистике, остались безнаказанными.

Относительно незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга статистика показывает незначительное колебание в их динамике, а также в количественных показателях лиц, совершивших преступления. Что касается осужденных лиц, то их число неуклонно снижается и в 2009 г. достигло 129 человек, являясь крайне низким результатом по сравнению даже с 2008 г., когда число осужденных лиц составило 758 человек, что явилось самым низким показателем за последние годы.

Противоправные действия, связанные с банкротством, представляются нами совокупностью преступлений, предусмотренных ст.ст. 195–197 УК РФ. Фиктивное банкротство занимает незначительное место в структуре преступлений данного вида. До 2006 года количество зарегистрированных преступлений постоянно увеличивалось. Однако, с 2007 г. произошло снижение показателей, но, при этом, в 2009 г. число зарегистрированных преступлений практически совпадает с количеством выявленных лиц, совершивших преступление, а также с количеством осужденных лиц.

Очевидно, что анализируемый период характеризуется определенной противоречивостью, несмотря на предпринимаемые меры по улучшению общего экономического состояния страны.

Из всех исследуемых видов преступлений можно отметить только существенное снижение количества незаконного предпринимательства в период с 1997 по 2010 гг., а также преступлений, связанных с производством, приобретением, хранением, перевозкой или сбытом немаркированных товаров и продукции.

При анализе динамики указанных видов преступлений необходимо учитывать высокую степень их латентности, в связи с отсутствием информации об их подлинных масштабах и фактическом количестве совершенных преступлений, которое, по нашему убеждению, существенно отличается от официальной статистики.

Последние три года устойчиво демонстрируют как снижение общей преступности, так и преступности экономической направленности. Если в 2010 г. в экономической сфере было совершено 276 435 преступлений, в 2011 г. — 202 454, в 2012 г. — 172 975, то в 2013 г. — 141 229 преступлений. Однако такое снижение не успокаивает правоохранительные органы в связи с ущербом, который причиняется в результате совершения этих преступлений. Материальный ущерб от преступлений экономической направленности составил 229,86 млрд. руб. И это только по оконченным уголовным делам. Согласно статистической информации [11], сегодня по-прежнему наиболее распространенными остаются преступления, связанные с финансово-кредитной системой (27,9% от общего числа преступлений), вторую позицию занимают преступления, связанные с потребительским рынком (16,9%), третью — с недвижимостью (6,2%). К тому же результатом преступной деятельности является ухудшение финансового состояния организаций, утрата клиентов, подрыв репутации, ликвидация договорных отношений, сокращение со-

трудников. В этой связи необходимо отметить роль современного специалиста экономического профиля. Как правило, определенные взаимоотношения возникают между преступником и его жертвой еще задолго до совершения преступления. Это отчетливо проявляется при совершении преступлений в сфере экономической деятельности в силу активной деятельности, объединяющей различных субъектов экономических отношений.

Для собственной защиты экономика требует активного поведения самих участников экономических отношений. Для того чтобы понимать происхождение угроз, способы их минимизации, возможности обращения за защитой в органы государственной власти, общественные организации, необходимы правовые знания, а конкретнее, определенные знания в области виктимологии, полученные в рамках профессиональной подготовки специалистов экономического профиля в условиях вуза или другими словами в ходе виктимологической подготовки современных специалистов — экономистов.

Для того чтобы определить относится ли правовое направление развития профессиональной подготовки специалиста экономического профиля в вузе к перспективным, мы провели обзор опубликованных научных работ, освещающих правовые аспекты в образовательном процессе будущих экономистов.

В период с 2000 по 2013 г. подготовлено немало научно-исследовательских работ, посвященных развитию системы профессиональной подготовки современных специалистов различного профиля в вузе (в том числе и будущих экономистов и юристов).

В частности, Г.А. Зобнина [1,3–24] исследовала вопросы проектирования и реализации профессионального воспитания специалистов экономического профиля в системе непрерывного профессионального образования. При этом автор особое внимание обратила в своем исследовании на недостаточность основ профессионального воспитания в области подготовки конкурентоспособных специалистов — экономистов.

В 2006 и 2008 годах научной общественности были представлены исследования возможностей совершенствования профессиональной подготовки студентов экономических специальностей средствами новых информационных технологий, где С.А. Чеверева [2, 14] и З.К. Тагировым [3, 24] осуществлено теоретико-методологическое обоснование использования новых информационных технологий в системе профессиональной подготовки и разработаны модели совершенствования профессиональной подготовки студентов

экономических специальностей на основе новых информационных технологий. Содержание подготовки специалистов экономического профиля к информационно-аналитической деятельности отражено в диссертационном исследовании В.И. Фомина [4, 4–6]. Не оставлены без внимания и вопросы использования аксиологического подхода в профессиональной подготовке будущих специалистов-экономистов, исследованные в диссертации Е.И. Джалиловой [5, 28].

Таким образом, базируясь на результатах обзора изученных нами научно-методических исследований и публикаций, мы пришли к выводу, что фактически без внимания ученых-методистов остались проблемы формирования и развития информационно-правовой компетентности у будущих специалистов экономического профиля в рамках профессиональной подготовки в вузе в условиях глобальной информатизации профессиональной сферы и глобализации почти всех сфер жизнедеятельности современного социума.

Хотя имеется ряд научных статей по данной проблематике, но для специалистов других профилей [6, 7, 8, 9].

Проведенный обзор по данной проблематике показал нам не только недостаточность исследований по вопросам развития правовой и информационной культуры на профессиональном уровне у специалистов данного профиля, но и отсутствие вообще изучения вопросов виктимологической защиты отраслей экономики в условиях глобализации современного социума.

Возможно подобная ситуация сложилась в связи с тем, что современные ФГОС ВПО предполагают уделять минимум времени на изучение вопросов права экономистами.

Поскольку система высшего профессионального экономического образования готовит специалистов довольно широкого профиля, включая и сферу предпринимательства, и региональную экономику, и финансовую сферу, и банковское дело и др., то, на наш взгляд, очевидным является развитие содержания профессиональной подготовки в области экономической безопасности, способствующей формированию соответствующей профессиональной компетентности у специалистов экономического профиля, в том числе и виктимологической компетентности. Причем, последняя позволит осуществлять специалисту экономического профиля виктимологическую деятельность по защите и профилактике профессиональной сферы от экономических преступлений.

Соответственно, эффективность формирования виктимологической компетентности специалиста

экономического профиля будет зависеть от развития содержания профессиональной подготовки в области правоведения и виктимологии, в том числе и в области экономической безопасности, посредством:

— либо нового спецкурса, содержащего систему знаний и учебных профессиональных задач, направленных на обеспечение профилактики и виктимологической защиты субъекта экономических отношений, а также знаний в области экономической безопасности;

— либо путем систематизации и расширения правовых знаний в учебном курсе «Правоведение».

Подготовка студентов экономического профиля будет эффективнее и в полной мере начнет отвечать современным требованиям к специалисту, продиктованным модернизацией образования и глобальными изменениями во всех отраслях современного социума, если на основе проведенного научного анализа возникновения и развития виктимологической деятельности будет осуществлено теоретико-методологическое обоснование использования виктимологических знаний и будет разработана модель развития системы профессиональной подготовки студентов экономических специальностей в области виктимологии.

Список литературы:

1. Зобнина Г. А. Проектирование и реализация профессионального воспитания специалистов экономического профиля в системе непрерывного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Тольятти. 2002. – 24 с.
2. Чеверева С. А. Развитие содержания информационной подготовки в вузе будущего экономиста-менеджера: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2008. – 28 с.
3. Тагиров З. К. Совершенствование профессиональной подготовки студентов экономических специальностей средствами новых информационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ульяновск, 2006. – 24 с.
4. Фомин В. И. Развитие содержания подготовки к информационно-аналитической деятельности на основе семиотического подхода: автореф. дис. ... д-ра. пед. наук. – Самара, 2009. – 28 с.
5. Джалилова Е. И. Педагогическая технология формирования профессиональной компетентности будущего экономиста на основе аксиологического подхода: автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Самара. 2005. – 28 с.
6. Рыжова Н. И., Каракозов С. Д., Фомин В. И. Составляющие информационной культуры специалиста в контексте информатизации образования // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2007. № 9. С. 94–99.
7. Литвиненко М. В., Рыжова Н. И. Профессиональная подготовка специалистов топографо-геодезического профиля в логике компетентностного подхода // Известия высших учебных заведений. Геодезия и аэрофотосъемка. 2007. № 1. С. 170–176.
8. Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. – М., 2006.
9. Громова О. Н. Влияние экономических процессов на формирование и рост преступности в сфере экономической деятельности // Мир экономики и права. 2013. № 4–5. С. 77–85.
10. Состояние преступности: [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/1/>
11. Показатели преступности России: [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/>

*Ermakova Iulia Igorevna, Nizhny Novgorod Linguistics University,
postgraduate student, the Faculty of Theory and Methods of Teaching
Foreign Languages and Cultures
E-mail: monday_morning@mail.ru*

Implementation of regional component in the interpreters' linguistic training as an important aspect of the professional competence formation

Abstract: The article tackles upon the questions connected with specific features of students' linguistic training in the linguistic university. The special emphasis is on the formation of linguist-interpreter's professional competence: language skills, intercultural etiquette, regional knowledge implementation.

Key words: linguistic education, professional competence, regional component.

*Ермакова Юлия Игоревна,
Нижегородский государственный лингвистический университет,
аспирант, кафедра теории и методики преподавания
E-mail: monday_morning@mail.ru*

О внедрении регионального компонента в лингвистическую подготовку переводчиков как важном аспекте формирования профессиональной компетенции

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные со спецификой лингвистической подготовки студентов в лингвистическом вузе. Особый акцент делается на формирование профессиональной компетенции лингвистов-переводчиков: навыки владения языком, владение межкультурным этикетом, навыки использования региональных знаний.

Ключевые слова: лингвистическое образование, профессиональная компетенция, региональный компонент.

Вопрос развития и формирования у студентов навыков описания родной культуры в терминах, доступных представителям других культур и языков, т. е. вопрос внедрения национально-регионального компонента в лингвистическое обучение, остается недостаточно хорошо изученным. Целью работы является доказательство необходимости внедрения регионального компонента в лингвистическую подготовку лингвистов-переводчиков, поскольку она является важным условием формирования профессиональной компетенции.

Основными значимыми принципами современной системы образования можно назвать многоязычие, поликультурность, антропоцентричность и культуросообразность. Эти принципы способствуют переосмыслению системы взглядов на профессиональную подготовку специалистов в вузе.

В связи с этим особое значение приобретает обеспечение высокого качества подготовки переводчиков-лингвистов.

Процесс подготовки к профессиональной деятельности представляет собой «освоение будущим специалистом профессиональных знаний и опыта, необходимых для последующего успешного выполнения профессиональных задач» [1, 19].

Основной целью профессионального лингвистического образования, согласно образовательной программе ВПО НГЛУ является формирование компетентного специалиста в области перевода, готового к совершенствованию и саморазвитию, стремящегося к повышению своей квалификации, конкурентоспособного на рынке труда, ориентирующегося в своей и смежных областях знаний.

С учетом выросших требований к подготовке специалиста, а также с целью отвечать всем вызовам

современного мира, лингвист-переводчик должен в первую очередь обладать высоким уровнем профессиональной компетенции.

В методической литературе существует множество классификаций компетенций, но среди них основными компетенциями являются: коммуникативная, речевая, языковая (лингвистическая), профессиональная, социокультурная. Нас интересует термин «профессиональная компетенция».

А. В. Хуторской, дает такое определение компетенции: «Компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним» [6].

Многие исследователи считают, что профессиональная компетенция — это один из ключевых факторов, гарантирующих устойчивую деятельность выпускника во всех сферах профессиональной деятельности.

Что касается профессиональной компетенции переводчика, то данное понятие рассматривается многими учеными. Переводческая компетенция — это сложная многомерная лингвокогнитивная категория, включающая профессиональные навыки и умения, позволяющие переводчику осуществить акт межкультурной и межкультурной коммуникации. Согласно В. Н. Комиссарову «в процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется своеобразная языковая личность, которая обладает рядом отличий от «нормальной», непереводческой личности. Эти отличия выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации: языковом,

текстообразующем, коммуникативном, личностном и профессионально-техническом» [3, 326]. Итак, в профессиональную компетенцию переводчика входят коммуникативная, языковая, техническая и личностная компетенции.

Приведем некоторые значимые для нас профессиональные компетенции (ПК), определенные в образовательной программе ВПО НГЛУ по специальности 035700.62 (45.03.02) «Лингвистика» Перевод и переводоведение (Степень — Бакалавр): *в области производственно-практической деятельности выпускник:*

— владеет системой лингвистических знаний, включающей в себя знание основных фонетических, лексических, грамматических, словообразовательных явлений и закономерностей функционирования изучаемого иностранного языка, его функциональных разновидностей (ПК-1); имеет представление об этических и нравственных нормах поведения, принятых в инокультурном социуме, о моделях социальных ситуаций, типичных сценариях взаимодействия (ПК-2); умеет свободно выражать свои мысли, адекватно используя разнообразные языковые средства с целью выделения релевантной информации (ПК-5); обладает готовностью преодолевать влияние стереотипов и осуществлять межкультурный диалог в общей и профессиональной сферах общения (ПК-7); владеет международным этикетом и правилами поведения переводчика в различных ситуациях устного перевода (сопровождение туристической группы, обеспечение деловых переговоров, обеспечение переговоров официальных делегаций) (ПК-17). [5, 4–5]

Итак, для переводчика очень важным умением является умение действовать в межкультурной ситуации, а без знания иностранного языка представляется невозможным осуществить эффективную коммуникацию.

При рассмотрении дисциплин, осваиваемых по программе, стоит выделить несколько ключевых в лингвистической подготовке, а именно «Практический курс первого иностранного языка», «История языка», «Стилистика» и «Лексикология». Очевидно, что в процессе освоения другого языка студентам прививается и иноязычная культура. Ведь именно через усвоение иностранного языка человеку предоставляется возможность проникнуть и в новую культуру. Итак, лингвистическое образование должно способствовать закладыванию основ культуры и передачи ценностей.

Именно поэтому кажется актуальным введение и расширение регионального компонента в лингвистическое обучение студентов.

Как пишет Глумова Е. П. «национально-региональный компонент позволяет строить процесс обучения и воспитания учащихся с учётом специфики региона и местных культурно-исторических традиций, региональных экономических программ, перспектив развития. Стратегическая цель региональных образовательных программ — создание устойчивой, динамично развивающейся региональной системы образования, способной обеспечить необходимое качество образования» [2, 57]

Региональный компонент в обучении лингвистов-переводчиков — это сложная языковая и методическая категория, включающая:

Лингвистический аспект обучения региональному компоненту представленный: знаниями о регионе, явлениями культуры и языковыми соответствиями, специальными текстами по региональной проблематике, региональными темами, визуально-текстовым материалом.

Психологический аспект обучения региональному компоненту складывается из навыков и умений, составляющих сферы деятельности переводчика как участника межкультурной коммуникации. Речевые навыки и умения у будущих лингвистов-переводчиков должны формироваться с учётом профессионально значимых умений по организации межкультурного общения.

Важен также методологический аспект обучения региональному компоненту, который связан с развитием умений самостоятельного усвоения необходимой региональной информации: работа со справочной литературой, изучение иноязычного общества с целью выявления сходств и различий культур.

Система обучения региональному компоненту в подготовке лингвиста-переводчика основывается на следующих основных принципах: 1) соответствия регионального компонента целям и задачам лингвистическому обучению в языковом вузе; 2) реализации диалога культур; 3) направленности содержания регионального компонента на формирование профессиональных качеств преподавателя-лингвиста; 4) практической значимости региональных знаний и умений представлять регион в процессе межкультурной коммуникации.

Содержание обучения региональному компоненту включает следующие компоненты:

I. Знания о регионе.

1. Информативные знания: а) географические, б) исторические, в) знания о современной жизни региона;

2. Культурологические знания: а) этнографические, б) фоновые;

3. Туристские знания.

II. Лексические единицы с региональным компонентом значения.

1. Советизмы, характерные для определённого времени в истории России, однако используемые в речи нижегородцами в настоящее время. Например, *kolkhoz*, *subbotnik*, *sovkhoz*.

2. Безэквивалентные региональные лексические единицы, обозначающие уникально-национальный денотат и не имеющие понятийного соответствия в сознании иностранцев. Сюда можно отнести историзмы, несущие информацию об историческом развитии региона, а также неологизмы, отражающие процессы современной жизни. Пример историзмов: *Khokhloma*, *Matryoshka*, *Zheltovodsky Makaryev Convent*, *Diveyevo*, *Makaryev Fair* и т. д.

В этой группе лексических единиц могут быть рассмотрены следующие неологизмы: «*Sokol*», «*Rumo*», «*Nizhpharm*», «*Mayak*».

3. Фоновые лексические единицы, которые несут дополнительную информацию, отличающуюся региональным колоритом. Например: *Otkos*, *burlak*, *the University*, *the Kremlin*, и т. д.

В своей статье «От этнического к поликультурному (мультикультурному) образованию и воспитанию», О. Д. Мукаева в качестве основных целей регионального компонента выделяет:

— создание педагогических условий для успешной социализации личности в условиях региона, про-

фессионального самоопределения и непрерывного образования;

— ориентацию общего образования на реализацию социально-экономической стратегии развития РФ;

— обеспечение единства образовательного пространства на территории РФ.

По мнению автора, введение регионального компонента направлено на решение следующих задач:

— развитие вариативности общеобразовательных программ и образовательных услуг на территории РФ;

— обновление содержания общего образования;

— овладение детьми знаниями в области экологии, истории и культуры своего региона;

— воспитание патриотизма и чувства гражданственности у подрастающего поколения. [4, 129]

При этом отмечается, что обучение в региональном компоненте должно строиться на основе преемственности поколений, уникальности природной и культурно-исторической среды и региональной системы образования как важнейшего фактора развития территории.

Итак, изучение иностранного языка, как известно, имеет целью дальнейшее развитие и совершенствование сформированной иноязычной коммуникативной компетентности со всеми ее составляющими (языковой, речевой, социокультурной и т. д.). А значит, введение и развитие региональной составляющей будет способствовать совершенствованию лингвистической подготовки, являющейся важным условием формирования профессиональной компетенции.

Список литературы:

1. Бартош Д. К. Особенности лингвокультурной компетентности будущего учителя иностранного языка // Педагогика высшей школы. № 1–2011.
2. Глумова Е. П. Методика обучения организации межкультурного общения на материале регионального компонента: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2006.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. – С. 326
4. Мукаева О. Д. От этнического к поликультурному (мультикультурному) образованию и воспитанию. // Сибирский педагогический журнал. – 2004 – № 2.
5. Основная образовательная программа высшего профессионального образования. Направление подготовки: Лингвистика. Профиль подготовки: Теория и методика преподавания иностранных языков и культур. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2014.
6. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет журнал «Эйдос». – 2002. – 23 октября. <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>

*Zaichenko Nataliia Ivanivna,
National University of Life and Environmental
Sciences of Ukraine, doctorate, the Faculty of Pedagogy
E-mail: natalia_zaichenko@ukr.net*

Establishment of social and pedagogical ideas in Spain in the context of regenerationism in late XIX and early XX century

Abstract: Establishment of social and pedagogical ideas in Spain in the context of regenerationism — the intellectual and political movement in late XIX and early XX century — has been analyzed in the article. These ideas resulted in development of social pedagogy science in Spain.

Keywords: social and pedagogical ideas, social education, regenerationism, education, pedagogy.

*Зайченко Наталия Ивановна,
Національний університет біоресурсів і
природопользования України, докторант, педагогічний факультет
E-mail: natalia_zaichenko@ukr.net*

Оформление социально-педагогических идей в Испании в контексте регенерационизма на рубеже XIX — XX вв.

Аннотация: В статье осуществляется анализ оформления социально-педагогических идей в Испании в контексте регенерационизма — интеллектуального и общественно-политического движения на рубеже XIX — XX вв. Эти идеи послужили в дальнейшем становлению социально-педагогической науки в Испании.

Ключевые слова: социально-педагогические идеи, социальное воспитание, регенерационизм, образование, педагогическая мысль.

Интеллектуальное и общественно-политическое движение в Испании на рубеже XIX — XX вв., получившее историческое название “регенерационизм”, знаменовало собой стремление к модернизации архаично-монархических устоев, к реформистскому преобразованию социально-политических структур, к преодолению “общенациональной катастрофы”, вызванной поражением страны в войне с США в 1898 г. и потерей Испанией огромных колониальных владений.

Творческая интеллигенция, созидавшая на рубеже XIX — XX вв., — “поколение 1898 года” — выдающиеся писатели, философы, художники (М. де Унамуно, Р. дель Валье Инклан, П. Бароха, Х. Мартинес Руис, Р. де Маесту, Х. Бенавенте, А. Мачадо, Х. Гутьеррес Солану, И. Сулоагу), размышляя о судьбе Испании, пытались выработать новую стратегию развития общества с опорой на традицию, самобытную испанскую культуру.

Педагогические и образовательные инициативы в Испании на рубеже XIX — XX вв. были предложены представителями Свободного Института просвещения, основанного в 1876 г. Они видели в просветительстве народа цивилизаторскую и культурную миссию,

выдвигали идеи универсального образования и всестороннего воспитания личности. Проекты Свободного Института просвещения об образовательных и общественных реформах получили широкое распространение и влияние в Испании, поскольку состояние образования и ситуация неграмотности значительной части населения требовали первоочередного внимания правительства после “катастрофы 1898 года”. На фоне общественной обеспокоенности декадансом Испании социально-критический дух “поколения 1898 года” выкристаллизовался в стремлении модернизировать страну без насилия, позаботиться о ней, поспособствовать ее обновлению.

В первой трети XX в. под значительным влиянием немецкой педагогической мысли (П. Наторп, Г. Ноль) в Испании приобретают оформление теоретические социально-педагогические идеи, связанные с осознанием возможностей изменить общественно-политическую ситуацию в стране. Они аморфны, размыты, не структурированы, они скорее выражают дух эпохи. Но именно эти крупницы педагогической мысли послужили в дальнейшем становлению самостоятельной социально-педагогической науки в Испании.

Первые публикации по проблемам социальной педагогики в Испании — работы К. Ареналь (C. Arrenal), М. Луэнго Фигера (M. Luengo de la Figuera), М. Маэсту (M. de Maeztu), Ф. Рио Уррути (F. del Río Urruti) и других авторов — были посвящены исследованию немецкой реформаторской педагогики и трактованию концепции социальной педагогики П. Наторпа.

Испанская философско-педагогическая мысль на рубеже XIX — XX вв. стремилась к обоснованию возможностей просветительства народа, общественно-политического преобразования и возвеличивания духа Испании и видела их в проведении государственной образовательной политики, социальной деятельности католической церкви, общественно-просветительской работе интеллигенции. К. Ареналь в работе “Просветительство народа” (Мадрид, 1881 г.) отстаивала идею обеспечения со стороны государства права на образование всех граждан в стране; неграмотность и необразованность народа — одна из ключевых социальных проблем, именно просветительство народа является уникальной возможностью восстановить гармонию в испанском обществе, которую к современному историческому моменту оно утратило [1, 13–14].

Признание значимости совместного участия и взаимодействия всех социальных сил общества в целях просветительства народа как условия исторического прогресса Испании — важнейший социально-педагогический вывод К. Ареналь. Исходя из гуманистической позиции непрерывного духовно-личностного совершенствования человека, она отстаивает ценность общественной сознательности и сплоченности в преодолении “испанской катастрофы”, поэтому призывает к мобилизации усилий по пробуждению общества [2, 103].

Один из первых источников, в которых встречается термин “социальная педагогика” в испаноязычном дискурсе, — доклад М. Луэнго Фигера на конференции в Малаге в 1902 г. Педагог дает определение социальной педагогики как “науки о воспитании всех всеми” [3, 10] и раскрывает ее ведущие функции — образовательную, реализуемую в деятельности школы, и социально-институциональную, проявляющуюся в социальном взаимодействии людей в повседневных жизненных ситуациях [3, 14].

Важным вкладом в развитие теории социальной педагогики в Испании стало выступление 12 марта 1910 г. в Бильбао Х. Ортеги-и-Гассета под названием

“Социальная педагогика как политическая программа”. Испанский философ видел в социальной педагогике средство образовательно-культурного преобразования общества, “политика для нас стала воспитанием общества, а проблема Испании — проблемой образования”, — писал он [4, 497].

Своеобразием отличались взгляды представителя католического направления педагогической мысли Испании первой половины XX в. Р. Руис Амадо (R. Ruiz Amado). В книге “Социальное воспитание” (1920 г.) он опеределил цель социальной педагогики — “научить человека естественно упорядоченно жить в обществе”. Р. Руис Амадо отмечал, что не нужно смешивать социальное воспитание с гражданственным, так как гражданственное воспитание направлено на формирование членов политического общества и государства, а социальное воспитание предполагает формирование членов естественных общностей — семьи, нации, родины. Социальное воспитание является по сути демократическим, оно свойственно демократическим обществам, поскольку содействует социальному участию всех и каждого [5, 74].

Основы социального воспитания Р. Руис Амадо видел в христианской социальной доктрине и считал, что поиск решений социальных проблем возможен лишь в согласии с деятельностью церкви.

Испанский педагог Руфино Бланко (Rufino Blanco y Sanchez) называет социальную педагогику “наукой о воспитании общностью ради общности” в работе “Теория воспитания” (1930 г.) [6, 40].

Испанский педагог А. Манхон (Andres Manjon) в докладе “Педагогические условия хорошего воспитания” (1897 г.) в Гранадском университете утверждал, что воспитание является могущественным средством индивидуального и социального освобождения; в наставлении человека есть спасение его от отсталости и презрения. Просвещение народа — вот та основа, в которой заложены отличия варварства и цивилизации, благородства и деградации, блага и зла [7, 37].

В тяжелые времена для Испании А. Манхон видел возможности и средства социального и культурного спасения родины в воспитании человека. В “Трактате о воспитании” педагог писал: “воспитание — это величайший, уникальный труд, без которого нет ни человека, ни народов, ни религии, ни родины, ни общества, ничего” [8, 18].

Социальное воспитание А. Манхон называл “практикой жизни”, но высшим считал моральное

и религиозное воспитание, приближающее человека к богу [8, 22].

Другой представитель католического направления педагогической мысли Испании первой трети XX в. — христианский педагог-гуманист П. Поведа (P. Poveda Castroverde) — отстаивал идеи объединения общественных усилий церкви, общины, государства в воспитании молодежи и просвещении народа. Его деятельность служения обществу в родной Испании пришлось на время конфронтации традиции и модерна, и он понимал личностное призвание в содействии диалогу в обществе в контекстах “вера — наука”, “вера — культура” [9, 618].

П. Поведа — один из выдающихся деятелей реформаторского общественно-политического движения начала XX в. Педагог-священнослужитель заботился об образовании народных классов, о профессиональном объединении учителей, личным служением способствовал развитию общности. В работе “Очерк педагогического проекта” (1911 г.) П. Поведа представил программу социального участия христианских служителей и педагогов в созидании национальной государственной школы в Испании [10, 709].

Педагог был убежден в том, что в школе, как и в семье, воспитание ребенка зависит от того, насколько взрослые люди стремятся построить истинные отношения с детьми. Эти отношения должны быть дружественными по характеру. Деятельность воспитателя должна основываться на уважении свободы ребенка.

П. Поведа рассматривает воспитание как источник становления личности человека, именно воспитание позволяет человеку раскрыть способность самостоятельно действовать в мире. Педагог отстаивает ценность внутренней свободы человека и в ее воплощении видит возможность общественного прогресса [9, 619–620].

Одним из ярчайших представителей испаноязычной социально-педагогической теории первой половины XX в. является Л. Лузурьяга (L. Luzuriaga Medina). Уже в своих ранних работах,

посвященных проблемам реформирования школьного образования и борьбы с неграмотностью, — “Начальное образование в Испании” (1915 г.), “Неграмотность в Испании” (1919 г.), “Новые школы” (1923 г.) и других, — испанский педагог обосновывает идеи полисубъектности воспитания, значимости множества социальных институтов общества в решении проблем образования и воспитания.

В монографии “Социальная педагогика и политика” (Буэнос-Айрес, 1954 г.) Л. Лузурьяга осуществляет системный анализ развития социальной педагогики в социологическом дискурсе, очерчивает роль социального воспитания в обществе, описывает функции социальных институтов политики, экономики, религии, права, общины, школы в связи с социальным воспитанием человека. Рассматривая концепт социальной педагогики, Л. Лузурьяга определяет предметом ее научного изучения воспитание в отношении с обществом, деятельность социальных групп по формированию человека и влияние воспитания на человеческое общество.

Л. Лузурьяга понимает социальное воспитание как общественно-историческое явление, социальное воспитание не выступает в обществе пассивным элементом, благодаря которому происходит передача опыта одних поколений людям другим, а выполняет преобразовательную функцию, так как способствует изменению самого общества [11, 33].

Таким образом, на рубеже XIX — XX вв. в контексте регенерационизма в педагогической мысли Испании нашли свое оформление и выражение социально-педагогические идеи представителей католического и либерального педагогических направлений. Они были обозначены в поле научного и духовного поиска просветительских, образовательных, культурных средств и возможностей социального и культурного развития испанского народа, единения общины, страны, общества, поднятия духа родного государства, преодоления “общенациональной катастрофы” Испании.

Список литературы:

1. Arenal, C. La instrucción del pueblo. Observaciones sobre la educación física, moral e intelectual de Spencer. La instrucción del obrero. — Madrid: Tip. Guttember, 1881. — 177 p.
2. Perez Montero, M. E. Revision de las ideas morales y politicas de Concepcion Arenal. — Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2002. — 358 p.
3. Luengo de la Figuera, M. B. S. Pedagogía Social. Conferencia dada en la Sociedad de Ciencias de Málaga. — Málaga: Tip. de El Cronista, 1902.

4. Ortega y Gasset, J. La Pedagogía Social como programa político//J. Ortega y Gasset: Obras completas. – Occidente. – Vol. 1. – Madrid, 1946. – P. 494–513.
5. Pedagogia social/Petrus A. (coord.). – Barcelona: Editorial Ariel, 1997. – 447 p.
6. Torío-López S. Evolución y desarrollo de la pedagogía social en España. Hacia una pedagogía social en construcción//Estudios sobre Educación. – 2006. – № 10. – P. 37–54.
7. Rostand Quijada, C. Analisis y proyeccion actual de los principios morales del padre Manjon. – Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2004. – 307 p.
8. Manjon, A. Tratado de la educacion: hojas educadoras y coeducadoras. – T. IV. – Madrid: Patronato de las Escuelas del Ave-Maria, 1947. – 426 p.
9. Delgado Criado, B. Historia de la educación en España y América: La educación en la España contemporánea (1789–1975). – Madrid: Fundación Santa María (Madrid). – Ediciones Morata, 1994. – 976 p.
10. Pego Puigbo, A. Pedro Poveda en clave historiografica: un debate cultural y pedagogico del siglo XX//Hispania Sacra. – LIX, 120. – 2007 (julio – diciembre). – P. 707–740.
11. Luzuriaga, L. Pedagogia social y politica/Introduccion critica de H. Barreiro Rodriguez. – Madrid, 1993. – 232 p.

*Kondrashova Olga Wladimirowna,
Nationale Universität zu Kremenstschug im Namen von Michail
Ostrogradskij, Hochschullehrer, Lehrstuhl für Fremdsprachen
E-mail: olgakondrat@meta.ua*

Entwicklungsumgebungsgestaltung der zukünftigen Manager der Organisationen: Lernziele

Abstrakt: In dem vorliegenden Artikel wird die Gestaltung der Entwicklungsumgebung von zukünftigen Managern der Organisationen betrachtet. Es wird die Rolle der Lernziele für die Bildung von Fachkompetenzen theoretisch begründet.

Schlüsselwörter: Lernziele, Entwicklungsumgebung, zukünftige Manager der Organisationen.

*Кондрашова Ольга Владимировна,
Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского,
преподаватель кафедры иностранных языков,
E-mail: olgakondrat@meta.ua*

Проектирование развивающей среды будущих менеджеров организаций: цели обучения

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы проектирования развивающей среды будущих менеджеров организаций. Теоретически обоснована роль целей обучения для формирования профессиональных компетенций будущих менеджеров организаций.

Ключевые слова: цели обучения, развивающая среда, проектирование, будущие менеджеры организаций.

Проблема целей обучения вновь стала особо актуальной, что обусловлено все возрастающей и острой потребностью современного общества в специалистах с высокоразвитыми компетентностями и одновременно — важностью обеспечения связи между анализом потребностей в обучении специалистов разных сфер и целями их обучения.

Цель этой статьи — рассмотреть проблему определения целей обучения и их определяющую роль

в проектировании развивающей среды будущих менеджеров организаций.

Проблеме целей обучения посвящено много научных трудов как отечественных, так и зарубежных ученых. Проблему важности целей обучения представлено в работах Р.Е. Бостона (Boston, Robert E.), Я. Коменского, Э.В. Кима, Ф. Корольова, А.И. Крылова, А. Макаренко, Р.Ф. Магера (Mager, Robert F.), М.-А. Надэу (Nadeau, Marc-André), Р. Прэ-

гента (Prégent, Richard), Г. Спенсера, Ф. Фонтанэ (Fontaine, France) и др. [1; 2; 3; 4; 5].

Ученые сходятся во мнении и определяют цели обучения как идеальное мыслительное предвидение конечного результата процесса обучения. Это то, к чему стремятся и преподаватели, и студенты.

Именно в этом определении учебных целей заложены маркеры деятельностного подхода в обучении, а именно: деятельностный подход предполагает, что человек в процессе обучения должен не выучить что-то, а научиться чему-то, то есть научиться осуществлять деятельность. Следовательно, используя деятельностный подход в обучении, задачей обучения становится формирование способов действий, обеспечивающих результат учебной деятельности и способствующих развитию компетенций.

А деятельность преподавателя при использовании деятельностного подхода в обучении заключается не в «передаче» знаний, а в проектировании учебной деятельности, организации учебной деятельности, управлении учебной деятельностью [5, с. 3].

Следовательно, учебные цели трансформируют потребности в обучении в конкретные действия. В этой связи между анализом потребности в обучении и целями обучения и проявляется их основополагающая роль. Цель обучения описывает навыки, которые приобретёт студент в результате плодотворного процесса обучения.

Основываясь на сказанном выше, можно аргументировать, что для будущих менеджеров организаций цели обучения прописаны в Отраслевом стандарте высшего образования Украины, Образовательно-профессиональной программе подготовки бакалавра по направлению подготовки — 0306 «Менеджмент», Образовательно-профессиональной программе подготовки магистра по специальности 8.03060104 — «Менеджмент внешнеэкономической деятельности» [6; 7].

В результате проведенного анализа выявлено, что модель преподавания основана на концепции изменения. Изменения рассматриваются как ожидаемые и полученные. Задаются конкретные цели (*Какие цели обучения должны быть достигнуты?*), планируются используемые средства (*Какие самые лучшие средства для их достижения?*), оцениваются контрольные результаты (*Соответствует ли результат поставленным целям?*).

Как известно, ученые различают два основных вида целей: 1) общие цели; 2) конкретные цели. Общими целями являются утверждения, которые в об-

щих чертах отражают то, на что направлен процесс преподавания и/или обучения. Они написаны в общих чертах, но они относятся к конкретному содержанию курса или серии курсов по данной программе. Они не указывают, что обучаемый будет способен делать в конце обучения. Роль общих целей в том, чтобы дать краткий обзор, в общих чертах описать содержание предоставляемого обучения.

Конкретные цели проясняют и дополняют общие цели, и дадут им полный смысл. Конкретные цели — это утверждения, которые отражают определенную модель поведения участников обучения. Каждая конкретная задача описывает то, что обучаемый будет способен делать в конце одного или нескольких учебных занятий. Это более ясные и конкретные цели, которые разъясняют содержание общих целей.

Конкретные цели наглядно иллюстрируют то, что студенты смогут сделать в конце обучения. Используемые глаголы описывают конкретное поведение, ожидаемое от студентов: они однозначны и не могут быть неправильно истолкованы. Если студенты могут объяснить, выделить, определить и записать то, что требуется, можно считать, что обучение состоялось.

Итак, общие и конкретные цели имеют взаимодополняющие роли. Конкретная цель — это утверждение, которое отражает определенный тип поведения, ожидаемого от студентов — будущих менеджеров организаций — после учебной деятельности. Тем не менее, общая цель отражает руководящие принципы, которые определяют направление конкретных целей. Конкретные цели, очевидно, являются наиболее полезными и главными для преподавателей и студентов, потому что они четко излагают, что ожидается. Постановка конкретных целей обычно включает в себя три основных критерия, из которых один считается главным, а два других вспомогательными.

Таким образом, для формулировки конкретной цели главный критерий (1) должен содержать конкретный глагол действия, описывающий ожидаемое поведение (т.е. заявленная цель должна чётко и ясно выражать действия, которые студенты смогут выполнять в конце учебного раздела, чтобы показать, чему они научились; выбор глагола действия придаёт цели видимый и измеряемый характер). Вспомогательные критерии (2) задают условия реализации поведения (разрешений, ограничений, разъяснений; условия соответствуют одному или нескольким из следующих вопросов: где, когда, как, с чем должно быть ожидае-

мое поведение реализовано?), (3) включают критерии приемлемости выполнения (*касается преждевременного определения порога минимального выполнения, который поможет измерить степень достижения цели, способствуя тем самым оцениванию. Критерий может быть выражен различными способами в терминах количества и качества: в единицах времени (за 10 минут); процентах (70%); частью (8 из 10); стандартом точности, наличия, производства, прогресса; наречием; без ошибок*).

Важным для нашего исследования является тот факт, что на основе таксономии (классификации) учебных целей по Блуму/Bloom (<http://teaching.uncc.edu/sites/teaching.uncc.edu/files/media/files/file/goalsandobjectives/Bloom.pdf>) можно установить уровень требований к целям обучения, которые классифицируются в порядке возрастания сложности по уровням: ЗНАТЬ → ПОНИМАТЬ → ПРИМЕНЯТЬ → АНАЛИЗИРОВАТЬ → СИНТЕЗИРОВАТЬ → ОЦЕНИВАТЬ.

Кратко суть каждого из уровней можно описать следующим образом.

ЗНАТЬ: запомнить информацию и быть способным вспомнить её через время, а потом правильно воспроизвести (*знания концепций и фактов: перечислять, определять, цитировать, восстанавливать; знание классификаций, структур, подразделений, основных принципов: перечислять, составлять схему, показывать, описывать, представлять, цитировать, дополнять, восстанавливать; знание критериев и характеристик: перечислять, показывать, цитировать, восстанавливать; знание процедур, процессов, методов и техник: перечислять, составлять схему, показывать, описывать, представлять, цитировать, иллюстрировать, восстанавливать; знание правил, законодательства, принципов и теорий: перечислить, цитировать, восстанавливать*).

ПОНИМАТЬ: найти смысл в наборе фактов или содержании информации и уметь воспроизвести его, распознавать причины (*например, объясняя графические изображения, интерпретируя статистические данные: интерпретировать, показывать, объяснять*).

ПРИМЕНЯТЬ: применять полученные знания в новых ситуациях и использовать их для решения практических задач или проблем (*применять, выполнять, вычислять, определять, решать, переводить*).

АНАЛИЗИРОВАТЬ: быть способным разделить факт на составляющие части и показать, как они взаимосвязаны. Распознавать проблемы, связи и структуру (*делать вывод, показывать, определять (причины ...)*),

структурировать, различать, сравнивать, классифицировать, анализировать (*тексты ...*), найти ключевые элементы, разобрать набор фактов, и т. д.).

СИНТЕЗИРОВАТЬ: соединять определённые элементы и группировать их вместе в новое целое, а именно: концепции, предложения, планы, отчеты, проекты, модели и т. д. (*показывать, проектировать, развивать, разрабатывать, планировать, записывать, предлагать*).

ОЦЕНИВАТЬ: оценивать документы или факты (*идеи, методы, решения, выражения, концепции, отчеты, материалы, аргументы, мнения, результаты и т. д.*), используя определённые критерии (*выбирать, оценивать, определять, решать*).

Выше мы описали важность наличия целей обучения до начала самого обучения. Касательно их роли во время реализации обучения следует, по нашему мнению, отметить три факта: цели обучения облегчают общение (*студенты знают, какая деятельность во время обучения приведёт к успеху, что ожидает от них преподаватель*); цели обучения облегчают выбор сферы обучения (*когда цели чётко сформулированы и ясно выражены, возможно выбрать учебную деятельность и наиболее эффективные ресурсы для обучения*); цели обучения облегчают оценивание (*использование их при выборе и подготовке теста как инструмента измерения*); они также полезны при оценивании того, как сильно может прогрессировать студент (*для студентов точное выражение цели даёт возможность самооценки, каждый может измерить разницу между ожидаемым результатом и реальностью*). Более того, оценивание будет проще, если цель содержит определённый критерий выполнения.

Более узко чётко сформулированные цели обучения служат преподавателю средством упрощения организации и проведения занятия. Они помогают: представить тему и озвучить цели занятия/курса; проинформировать студентов о плане занятия/курса и используемых методах; ограничить объяснения рассматриваемой целью; связать одну тему с другой; отклонить вопросы, не связанные с темой занятия, и вернуть задание/дискуссию в нужное русло; подsumмировать достигнутые успехи, и использовать их как мотивацию студентов.

Считается, что вовлечённые в процесс обучения, имеют право знать, к чему это обучение приведёт. Поэтому чёткое определение целей делает возможным получение большего количества информации по запланированному обучению и используемым методам.

Выводы. В результате проведенного анализа подтверждено, что модель преподавания основана на концепции изменения. Четкое определение целей обучения является не только одним из аспектов деятельности преподавателя, а шире — одним из компонентов проектирования учебной деятельности.

Ясное определение целей обучения (общих и конкретных соответственно уровню целей) служит основой для проектирования учебной деятельности, организации учебной деятельности и управления учебной деятельностью с целью оценки результатов обучения, определения содержания и методов обучения, развития личности обучаемых (активизации их учебной работы, превращения их в сознательных и активных участников учебного процесса).

Основополагающая роль целей обучения проявляется в их связи с анализом потребности в обучении:

учебные цели трансформируют потребности в обучении в конкретные действия. Цели обучения также облегчают общение, выбор сферы обучения, оценивание; служат преподавателю средством упрощения процесса организации и проведения занятия.

Требования к целям обучения можно классифицировать в порядке возрастания сложности по уровням: знать → понимать → применять → анализировать → синтезировать → оценивать.

Формулирование конкретных целей обучения студентов — будущих менеджеров организаций — соответствует Государственным стандартам специальностей «Менеджмент», «Менеджмент внешнеэкономической деятельности» и методически оформляется по уровням через глаголы действия, условия выполнения и критерии приемлемости для выполнения.

Список литературы:

1. Mager, R. F. Comment définir des objectifs pédagogiques, Paris, Gauthier-Villars, 1974. – 60 p. Original American title and edition: Preparing Instructional Objectives.
2. Boston, Robert E. How to write and use performance objectives to individualize instruction. Englewood Cliffs, N.J., Educational Technology Publications, 1972.
3. Fontaine, France. Les objectifs d'apprentissage, Montréal, Université de Montréal, Service pédagogique, 1989. – 110 p.
4. Prigent, Richard. La préparation d'un cours, Montréal, Éditions de l'École polytechnique de Montréal, 1990. – 274 p.
5. Э. В. Ким, А. И. Крылов. Определение целей обучения (деятельностный подход). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geo.metodist.ru>
6. Галузевий стандарт вищої освіти України. Освітньо-професійна програма підготовки бакалавра напряму підготовки 030601 «Менеджмент» // Міністерство освіти і науки України, Київ. – 2009. – 19 с.
7. Галузевий стандарт вищої освіти України. Освітньо-професійна програма підготовки магістра за спеціальністю 8.03060104 «Менеджмент зовнішньоекономічної діяльності» // Міністерство освіти і науки, молоді та спорту України, Київ. – 2011. – 12 с.

*Kredenets Nelia Dmitrievna,
Lviv State College of Light Industry KNUTD
Ph. D., Associate Professor
E-mail: ldtlp@mail.lviv.ua*

Forming the professional competence during the practical trading in younger specialists in the field light industry

Abstract: This article provides an analysis of practices in the training of junior specialists of light industry, determined the peculiarities of methods and forms of organization practices on the formation of professional competence of future specialists.

Keywords: competence, practical training, teaching practice, technological practice, the predegree practice, junior specialist of light industry.

*Креденец Неля Дмитриевна,
Львовский государственный колледж легкой промышленности КНУТД
Кандидат технических наук, доцент
E-mail: ldtlp@mail.lviv.ua*

Формирование профессиональной компетентности младших специалистов отрасли легкой промышленности в процессе практической подготовки

Аннотация: В статье осуществлен анализ видов практики в процессе подготовки младших специалистов отрасли легкой промышленности, определены особенности влияния методов и форм организации практик на формирование профессиональной компетентности будущих специалистов.

Ключевые слова: компетентность, практическая подготовка, учебная практика, технологическая практика, преддипломная практика, младшие специалисты отрасли легкой промышленности.

Евроинтеграционные процессы в Украине актуализируют необходимость создания инновационно-интеллектуальной модели экономики, которая предусматривает обеспечение процессов модернизации и роста отраслей производства. Указанное усиливается реализацией задач Программы экономических реформ «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство», в содержании которых приоритетными направлениями построения конкурентоспособной в мировом масштабе экономики является качественная подготовка специалистов с высоким уровнем профессиональной компетентности и многофункциональными умениями, способными к самоорганизации и самореализации, подготовленными к решению производственных задач и решению социально-экономических проблем [9].

В контексте решения экономических проблем обостряется внимание к качеству подготовки квалифицированных трудовых ресурсов, которые являются важными двигателями в прогрессировании процесса производства. Уменьшение спроса на рабочих низкой квалификации, актуализирует значимость качественной профессиональной подготовки специалистов, повышения их квалификации. Сегодня, в смысле экономических реформ на поверхности является рост спроса на новые умения в организации труда, обусловленные развитием технико-технологического производства, распространением автоматизированных систем управления производственными процессами, повышением персональной ответственности работников за добротность изготовленной продукции, в свою очередь, требует подготовки специалиста, обладающего профессиональной компетентностью высокого качества.

Отметим, что требования к качеству профессионального образования и обучения изменяются с развитием общества, экономики, науки. Актуально, в ракурсе компетентностной парадигмы, качество профессионального образования в общем определении — это комплекс характеристик компетенций и профессионального сознания, отражающих способность специалиста осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с требованиями современного этапа развития экономики, при надлежащей эффективности и профессиональной успешности, а также с осознанием социальной ответственности за результаты собственной профессиональной деятельности [6, с. 79]. Компетентностный подход в процессе анализа тенденций обучения определяет характеристики качества, потребность в специалистах определенной области и измерения уровня готовности выпускника к выполнению трудовых операций в выбранной профессии, то есть включает в себя не только качество обучения, что, безусловно, обеспечивает результат, но и предоставляет возможность реализации этого качества в профессиональной деятельности [5, с. 56].

Специфика педагогических задач современного образования объединяет использование в учебном процессе новых информационных технологий, формирование творческой личности студента на основе обновления содержания профессионального образования с помощью новых дисциплин и основательной практической подготовки будущих специалистов. Включение в профессиональное образование (кроме знаний, умений и навыков) новых образовательных конструкторов — компетентностей, компетенций, профессиональных и ключевых компетенций обосновано в трудах известных отечественных (И. Зязюн,

В. Кремень, В. Лозовецкая, Л. Лукьянова, Н. Ничкало, А. Овчарук, В. Радкевич, Л. Сушенцева и др.) и зарубежных ученых (Е. Зеер, И. Зимняя, В. Краевский, Д. Равен, С. Квятковский, Т. Новацкий, Т. Хайленд, А. Хуторской, Ф. Шльосек и др.).

Взгляды ученых нераздельны в неотложности процессов модернизации, реформирования и пересмотра организационно-педагогических форм подготовки современных специалистов, формирования профессиональной компетентности при обучении, в том числе во время практического обучения.

Методические основы организации практической работы, пути ее активизации и практические советы нашли свое отражение в трудах известных педагогов (С. Батишев, Т. Ищенко, М. Солдатенко, В. Тюрина, Д. Чернилевский и др.).

Особый акцент поставлен на необходимости постоянного пополнения знаний в течение жизни, выработка у студентов потребности пополнять полученные знания, формирования и закрепления практических профессиональных умений и навыков.

Цель статьи. Главной целью данной статьи является анализ формирования профессиональной компетентности в процессе практического обучения младших специалистов отрасли легкой промышленности. Результаты анализа научных исследований по проблемам организации практического обучения в высших учебных заведениях I–II уровней аккредитации свидетельствуют о недостаточном изучении педагогических технологий, методических приемов, прогрессивных форм и методов организации практического обучения. Поэтому есть необходимость в освещении организации проведения практик младших специалистов отрасли легкой промышленности для формирования у них профессиональной компетентности.

Изложение основного материала исследования. Одной из основных составляющих профессиональной подготовки студентов является практическая часть, органично дополняющая теоретическую в системе подготовки в течение всего периода обучения в заведениях I–II уровней аккредитации. Практика — это одна из форм производственного обучения студентов. Ей принадлежит важнейшая роль в сближении теоретической подготовки с практической деятельностью, в становлении специалистов, имеющих не только знания, но и профессиональное умение, начальный опыт [1]. Основательная практическая профессиональная подготовка приобретает особое значение в условиях быстро меняющихся требований и потребностей рынка труда.

В период практики у студентов закладываются основы опыта профессиональной деятельности, практических умений и навыков, профессиональных качеств личности будущего специалиста. Целью практического обучения является усвоение студентами первичных знаний и навыков, профессиональных знаний, умений, навыков по выбранной специальности, выполнение основных технологических операций производственного процесса с соблюдением технических условий и требований к овладению правильными приемами работы, ознакомление с правилами технической и безопасной эксплуатации оборудования; изучение основных и дополнительных свойств, их рационального использования; проверка возможностей самостоятельной работы в условиях конкретного предприятия на должностях, предусмотренных образовательно-профессиональной программой.

Современные требования к специалисту как среднего, так и высшего звена производства, предусматривают определение его профессионального труда как полиструктурной, полипредметной, полифункциональной системы, содержащей кроме, непосредственно специальных, еще и проектные, менеджерские и другие виды деятельности. Определенный уровень профессионализма личности специалиста отражается в понятии «компетентность». Отечественные и зарубежные исследователи в понимании указанного понятия интегрируют содержание, связанное с профессиональной деятельностью человека, кроме того акцентируют внимание на развитии профессиональных компетенций, которые рассматриваются как совокупность знаний, умений, навыков, способов и средств достижения профессиональных целей, а также умение актуализировать освоенные знания и умения в нужный момент и использовать их в процессе реализации профессиональных функций.

Известный украинский ученый Н. Ничкало рассматривает понятие «компетентность» как «... не только профессиональные знания, навыки и опыт в специальности, но и отношение к делу, определенные (положительные) склонности, интересы и стремления, способность эффективно использовать знания и умения, а также личностные качества для обеспечения необходимого результата на конкретном рабочем месте в конкретной рабочей ситуации» [2, с. 96].

По мнению Э. Зеера, возможность осуществления человеком перемещений, изменений в своей профессиональной деятельности обуславливается наличием компетенций и компетентностей [3, с. 12]. Д. Равен определяет категорию «компетентность»

как способность человека, которая необходима для эффективного выполнения конкретного действия в определенной сфере деятельности, сочетающего в себе знания, навыки, способы мышления и готовность нести ответственность за свои поступки [10].

Согласно Постановлению Кабинета Министров Украины № 1341 от 23 ноября 2011 г. «Об утверждении Национальной рамки квалификаций», компетентность/компетентности — это способность лица к выполнению определенного вида деятельности, выражается через знание, понимание, умение, ценности, иные личные качества [7].

По результатам анализа взглядов ученых и, учитывая потребности настоящего, можно отметить, что одной из главных задач практического обучения является формирование профессиональной компетентности, которая выступает мерой и главным критерием профессиональной подготовленности, определяется знаниями, умениями и опытом, а также способностью субъекта труда мобилизовать эти знания, умения и опыт в конкретной социально-профессиональной ситуации и качественно выполнять задачи и обязанности в соответствии с должностью, которую он занимает.

Практическая подготовка студентов осуществляется через учебные, технологические и преддипломные практики, является основой профессиональной подготовки будущих специалистов и проводится на оснащенных должным образом учебных базах практики.

Проведение учебных и технологических практик в учебных заведениях, осуществляющих подготовку специалистов отрасли легкой промышленности, является неотъемлемой составляющей образовательно-профессиональной программы подготовки специалистов по образовательно-квалификационному уровню «младший специалист». Рабочие программы и методические рекомендации для прохождения практик студентами логически объединяют теоретические навыки с практической деятельностью, включая приобретения ими различных рабочих профессий.

Задачей учебной практики является ознакомление студентов со спецификой будущей специальности, получение первичных профессиональных умений и навыков по общепрофессиональным и специальным дисциплинам, овладение рабочей профессией в соответствии с наименованием специальности и области знаний с правом присвоения им квалификационного разряда, предусмотренного учебным планом.

Основными задачами учебной практики младших специалистов отрасли легкой промышленности являются:

- ознакомление со спецификой будущей специальности;
- соблюдение правил безопасности труда;
- закрепление знаний и получения первичных профессиональных умений из основных технологических операций, разработки моделей и построения конструкций, лекал и изготовления изделий;
- изучение свойств основных и вспомогательных материалов, их рациональное использование.

В процессе технологической практики проводится закрепление и углубление теоретических знаний, которые студенты получили в процессе изучения определенного цикла теоретических дисциплин, практических навыков; ознакомление непосредственно в организации, на предприятии с производственным процессом и технологическим циклом производства, отработки умений и навыков по рабочей профессии и специальности, а также сбор фактического материала для выполнения курсовых проектов (дипломных работ).

Преддипломная практика студентов является завершающим этапом обучения и проводится с целью обобщения и совершенствования полученных ими знаний, практических умений и навыков, овладения профессиональным опытом и готовности их к самостоятельной трудовой деятельности.

Базой для происхождения учебной практики студентами Львовского колледжа легкой промышленности Киевского национального университета технологий и дизайна (КНУТД) является учебно-производственные мастерские, которые разделены на 10 цехов, раскройное, подготовительное и складское помещение, оборудован поток, экспериментальный цех, лаборатории.

На младших курсах одной из задач практики является овладение студентами рабочей профессии из числа специальностей отрасли соответствующего уклона [8]. Таким образом, овладевая рабочей профессией, студенты могут закреплять и расширять практические навыки, а также непосредственно готовятся к производственной деятельности.

Ответственность за организацию, проведение и контроль практики возлагается на руководителей учебных заведений. Учебно-методическое руководство и выполнение программ практик в колледже обеспечивают соответствующие цикловые комиссии. Общую организацию практики и контроль за ее проведением осуществляет руководитель практики (заведующий отделом практики), который по решению руководителя учебного заведения может быть

подчинен заместителю директора по практическому обучению (по учебно-производственной работе). К руководству практикой студентов привлекаются опытные преподаватели, а также директора и их заместители. Для руководства практикой при подготовке студентов по рабочей профессии могут привлекаться мастера производственного обучения [8].

Технологическая, преддипломная практика проходит на предприятиях, имеющих соответствующих специалистов и обеспечивают выполнение программы подготовки специалистов. Практики организуются на оборудованных современными технологиями предприятиях отрасли, а именно: ЗАО «Весна-Запад», ОАО «Маяк», ОАО «Спецстиль» (г. Львов), ЗАО Ужгородская, Бродовская, Золочевская швейные фабрики, ОАО «Калина», ЛШП «Силуэт», УТОГ и др.

Как базы практической подготовки студентов могут использоваться учебные и учебно-производственные мастерские. Определение баз практики осуществляются руководством учебного заведения на основе прямых договоров с предприятиями и организациями, а также студенты могут самостоятельно подбирать для себя базу практики по согласованию с руководством колледжа.

Львовский колледж легкой промышленности КНУТД проводит практическую подготовку в учебно-производственных мастерских и в слесарно-механической мастерской колледжа, где студенты имеют возможность приобрести практические навыки и получить знания, согласно выбранной специальности.

Следует акцентировать, что практическая подготовка будущих специалистов легкой промышленности осуществляется в соответствии с требованиями образовательно-квалификационной характеристики, в содержании которой отображен перечень необходимых знаний, умений и навыков (профессиональных и ключевых компетенций), освоение которых студентом в процессе обучения обеспечит ему статус компетентного специалиста в профессиональной деятельности.

В контексте мы согласны со взглядами Э. Зеера, который «компетенцию» определяет как общую способность специалиста мобилизовать в профессиональной деятельности знания, умения и навыки, а также обобщенные способы выполнения действий, обуславливающие способность действовать самостоятельно и ответственно в пределах компетентности [4, с. 41]. В таком понимании компетенцией определяется наличие у человека определенной совокупности знаний,

умений и навыков, которые обычно не гарантируют ей возможности для их практического применения, отсюда «компетентность» — это специфическая характеристика, которая формируется на основе приобретенных компетенций и проявляется в практической деятельности. Результат выполнения поставленных перед студентом практических задач свидетельствует о качестве подготовки компетентного специалиста в области легкой промышленности.

Анализ образовательно-квалификационных характеристик по специальностям отрасли легкой промышленности позволяет определить особенности формирования профессиональной компетентности молодых специалистов в процессе различных видов практики.

К примеру, студенты, обучающиеся по специальности «Коммерческая деятельность», проходят учебную практику в лаборатории учебного заведения на персональных компьютерах, а технологическую практику — в магазине «Студенческая мода», успешно функционирует в колледже по адресу: г. Львов, ул. Пекарская, 9. Преддипломную практику будущие специалисты проходят на предприятиях г. Львова, Львовской области и в целом по Украине.

Во время учебной практики студенты знакомятся с программным обеспечением персональных компьютеров, создают виртуальные фирмы, готовят документы для регистрации предприятий, а также документы, необходимые для работы на предприятиях и организациях, учатся делать презентации в соответствии с программой практики.

В процессе технологической практики студенты изучают структуру предприятия или организации, на которых проходят практику, ассортимент, товары и их характеристики. Практика проводится в соответствии с сквозной программой, составленной на основе требований образовательно-квалификационной характеристики.

Таким образом, в ходе указанных видов практики, в сочетании общей и специальной подготовки, студенты проявляют активность, инициативность, креативность и самостоятельность, выявляют уровень ориентации в информационных потоках, формируют предпринимательские задатки.

Период учебной практики студентов по специальности «Моделирование и конструирование промышленных изделий» характеризуется тренировочной частью; следующий этап — изготовление изделий по готовым лекалам согласно ассортиментным графикам; проектирование эскизов по заданной теме. Члены художественного совета оценивают

предложенные эскизы, выбирают и утверждают для каждой подгруппы конкретный эскиз на основе которого каждый студент производит лекала, строит конструкцию на эту фигуру. Завершающим этапом учебной практики является квалификационные испытания для получения рабочей профессии «Швея» с присвоением квалификационного разряда.

Разработка каждым студентом нескольких эскизов, подается на художественный совет для оценки и утверждения одного, по которому осуществляется прошивки в процессе квалификационного испытания, требует подготовки конструкции, лекал и т. д.

Указанные действия соответствуют содержанию образовательно-квалификационной характеристики и отрабатываются в ходе технологической практики.

Будущие специалисты, обучающиеся по специальности «Моделирование и конструирование промышленных изделий», в период учебной и технологической практик могут проявить в практической деятельности уровень сформированности профессиональной компетентности, что интегрирует умение моделировать эскизы, конструировать элементы для прошивки заданного изделия.

К учебной практике по специальности «Обслуживание и ремонт оборудования предприятий текстильной и легкой промышленности» входит слесарное дело, в ходе которой студенты овладевают навыками слесарной обработки металлов, изготовление несложных деталей и инструментов (слесарные молотки, отвертки, накидные гаечные ключи и т. п.); при станочной практике будущие специалисты знакомятся с разновидностями металлорежущих станков и способами их применения при изготовлении деталей, инструментов и т. д. На завершающем этапе практики студенты выполняют комплексную работу по изготовлению бородок, петель, кернер для нанесения меток при сверлении).

Кроме этого студенты изучают разборку, сборку всех видов универсального и специального швейного оборудования и машин полуавтоматов, применяемых в данной области. По окончании учебной практики проводятся квалификационные испытания для получения рабочей профессии «Слесаря-ремонтника» с присвоением квалификационного разряда. При технологической практике студенты знакомятся с современными видами технологического оборудования и способами их применения для определенных видов операций. Практика проводится в соответствии с сквозной программой, составленной в соответствии с требованиями образовательно-квалификационной

характеристики.

Важной особенностью в формировании профессиональной компетентности будущих специалистов по данной специальности является приобретение умений быстро реагировать на технико-технологические изменения, происходящие в области легкой промышленности.

Студенты, обучающиеся по специальности «Швейное производство», учебную практику начинают с тренировочного периода, следующий этап — пошив изделий по готовым лекалам согласно утвержденным ассортиментным графикам. Заканчивается учебная практика изготовлением курсового изделия по темам, которые предварительно утверждены председателем цикловой комиссии. По завершении учебной практики проводятся квалификационные испытания для получения рабочей профессии «Швея» с присвоением соответствующего квалификационного разряда. При технологической практике студенты работают на потоке, где пооперационно изготавливают изделия из различных материалов.

Результатом сформированности профессиональной компетентности является изготовление качественного продукта, однако в процессе прохождения практик, кроме профессиональной компетентности, студентов развиваются и ключевые компетентности, а именно: осознавать важность своего трудового вклада в достижение коллектива; способность работать в коллективе, эффективно общаться с коллегами и руководителями; быть готовым и способным учиться самостоятельно, уметь работать с различными источниками информации о профессиональной деятельности; уметь общаться с клиентами, соблюдая профессиональные и этические нормы и т. д.

Приведенные данные о проведении учебных и технологических практик базируются на общих дидактических подходах и педагогическом опыте преподавательского состава колледжа.

Выводы. Овладение студентами Львовского колледжа легкой промышленности КНУТД современными методами, формами организации и орудиями труда в области их будущей профессии, формирование у них, на базе полученных знаний, профессиональных умений и навыков, компетенций обеспечивает:

— готовность младших специалистов к принятию самостоятельных решений во время конкретной работы в реальных рыночных и производственных условиях;

— потребность систематически обновлять свои знания;

— умение творчески применять профессиональные знания в практической деятельности.

Учебная, технологическая и преддипломная практики является своеобразным механизмом, способствующим как в общем, так и в специальном развитии личности, обновлению и пополнению потенциальных возможностей специалиста, стабилизации профессиональных навыков.

Участниками прохождения различных видов практики в основном являются студенты юношеского

возраста, учась, переходят в «фазу зрелости». Важно на этом этапе умело провести адаптацию студента в новой профессиональной среде, обеспечить его «вхождение» в будущую профессию при сочетании общей, специальной и практической подготовок. В процессе труда происходит социализация личности, сопровождается переосмыслением жизненных ценностей, планированием будущего, приобретением жизненного опыта для достижения профессионального мастерства.

Список литературы:

1. Введение в специальность: учеб. пособие./[И. Д. Примака, Л. А. Козак, О. И. Примака и др.]; под ред. Примака И. Д., Примака А. И. – К.: Центр учебной литературы, 2009. – 392 с.
2. Государственные стандарты профессионального образования: теория и методика: Монография/Под ред. Н. Г. Ничкало. – Хмельницкий: ТУП, 2002. – 334 с.
3. Зеер Э. Ф. Компетентностный подход как методологическая позиция обновления образования/Э. Ф. Зеер//Компетентностный подход в образовании: достижения, проблемы и опыт образовательной практики Екатеринбург: материалы ХИИ городских пед. чтений. – Екатеринбург, 2006. – С. 11–14.
4. Зеер Э. Ф. Кризисы профессионального становления личности/Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк//Психологический журнал. – 2003. – № 6. – С. 35–44.
5. Коротков Э. М. Исследование систем управления: Учебник/Э. М. Коротков. – М.: изд.-консалт. комп. «ДеКА», 2000. – 130 с.
6. Коротков Э. М. Управление качеством образования: Учеб. пособие для вузов/Э. М. Коротков. – Второе изд. – М.: Академ. проект, 2007. – 320 с.
7. Об утверждении Национальной рамки квалификаций. Постановление Кабинета Министров Украины № 1341 от 23 ноября 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/>. – Загол. с экрана.
8. Об утверждении Положения о проведении практики студентов высших учебных заведений Украины. Приказ Министерства образования и науки Украины № 93 от 8 апреля 1993 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z0035-93>. – Загол. с экрана.
9. О Национальном плане действий по внедрению Программы экономических реформ на 2010–2014 годы «Богатое общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство». Указ Президента Украины № 187/2012 от 12 марта 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/>. – Загол. с экрана.
10. Равен Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация/Пер. с англ. – М., «Когито-Центр», 2002. – 396 с.

*Shashytygarin Mussa Mustafievich,
Professor, Institute of Education*

Kudassova Gulmira Zhenisovna,

Mukhangaliyeva Shnargul Aidabaevna,

Lectureres, Institute of Education

Aktobe Regional State K. Zhubanov University,

E-mail: kudasova1973@mail.ru

The use of computer technology in the educational field of “Technology”

Abstract: Modern lesson can not be imagined without the use of modern multimedia technologies, which provide a unique opportunity for creative initiatives of teacher and student.

Keywords: multimedia technologies, successful activities, research, competence, self-realization, thinking.

*Шаштыгарин Муса Мустафиевич,
к. п. н., доцент, институт Педагогики*

*Кудасова Гульмира Женисовна,
Мухангалиева Шнаргуль Айдарбаевна
преподаватели, институт Педагогики
Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова,
E-mail: kudasova1973@mail.ru*

Использование компьютерных технологий в образовательной области «Технология»

Аннотация: Современный урок невозможно представить без использования современных мультимедийных технологий, которые обеспечивают уникальную возможность для творческих инициатив учителя и ученика.

Ключевые слова: мультимедийные технологии, успешные мероприятия, научно-исследовательские, компетентность, самореализация, мышление.

Сегодня во всем мире идет интенсивный поиск новых форм обучения на основе компьютерных технологий, разрабатываются программные средства учебного назначения, которые могут быть использованы в обучении учащихся различным школьным предметами.

Непременным условием эффективности современного процесса обучения является развитие активности обучающихся и её поддержание в течение всего периода занятий. Это далеко не простая задача, решение которой возможно найти в области выбора оптимальных методов и средств обучения.

Для активизации познавательной деятельности обучающихся на уроках, в настоящее время используются информационно-коммуникационные технологии с применением компьютерных средств. Использование компьютерных технологий — это не влияние моды, а необходимость, диктуемая сегодняшним уровнем развития образования. Информационные технологии стали неотъемлемой частью общества и оказывают влияние на процессы обучения и систему образования в целом.

Использование компьютера на уроке позволяет сделать процесс обучения мобильным, строго дифференцированным и индивидуальным. В своей деятельности каждый преподаватель стремится к тому, чтобы выпускники умели вступать в диалог и были понятными, свободно владели информационными технологиями, были способны к самоопределению и самообразованию. Современному обучающемуся намного интереснее воспринимать информацию именно в такой форме.

В практике применяются компьютерные технологии, что позволяет разнообразить формы работы,

активизировать внимание обучающихся, повышать творческий потенциал личности и мотивацию, стимулирует мою деятельность, упрощая подготовку к занятиям в будущем. Особенности компьютеризированного урока имеют технологическую цель: обучение новому методу учебной деятельности, использованию конкретной учебной программы. Главной особенностью такого урока является то, что переопределяются потоки информации на уроке — диалог учителя с учеником происходит через компьютер, который выступает в роли третьего компонента обучения, индивидуального для каждого ученика.

Цели уроков технологии, на которых используются информационные технологии следующие:

— формирование у учащихся культуры труда и деловых межличностных отношений;

— формирование у учащихся качеств творчески думающей, активно действующей личности;

— приобретение умений в прикладной деятельности;

— формирование информационной культуры учащихся, под которой понимается наличие знаний и умений для целенаправленной работы с информацией и использования для этого возможностей компьютера.

Развитие логического мышления, творческого и познавательного потенциала школьника с использованием богатого компьютерного инструментария.

Цель использования компьютерных технологий состоит не в том, чтобы использовать его на каждом уроке технологии. А необходимо найти такие уроки, где использование компьютера сокращает время объяснения материала и выполнение задания, разнообра-

зит воображение учащихся, расширяет возможности при проектной деятельности.

Использование мультимедийных технологий есть применение наглядного метода иллюстраций, который во взаимосвязи с другими методами позволяет не только сэкономить время на уроке, но и увеличить яркость восприятия материала, внести элементы занимательности, оживить учебный процесс. Иллюстрации особенно необходимы тогда, когда объекты недоступны непосредственному наблюдению, а слово преподавателя оказывается недостаточным, чтобы дать представление об изучаемом объекте.

Разработаны педагогами уроки и с применением интерактивной доски. Интерактивная доска — уникальное учебное оборудование, представляющее собой сенсорный экран, подсоединенный к компьютеру, изображение с которого передает на доску проектор. В отличие от обычного мультимедийного проектора интерактивная доска позволяет не только демонстрировать слайды и видео, но и рисовать, чертить, наносить на проецируемое изображение пометки, вносить любые изменения, и сохранять их в виде компьютерных файлов.

Подготовка кадрового потенциала для решения научно-практических задач должна начинаться с изучения образовательной области «Технология» в общеобразовательной школе и продолжаться в средних и высших профессиональных учебных заведениях. Именно при изучении образовательной области «Технология» учащиеся должны получить исходные представления и умения анализа и творческого решения возникающих практических проблем, преобразования материалов, энергии и информации, конструирования, планирования, изготовления, оценки процессов и изделий, знания и умения в области технического или художественно-прикладного творчества, представления о мире науки, технологий и техносферы, влиянии технологий на общество и окружающую среду, о сферах человеческой деятельности и общественного производства, спектре профессий.

Изучение технологии в школе, необходима любому человеку в будущем, независимо от выбора про-

фессии. Задача учителя — создать обучающую среду, которая позволит ребенку учиться через свой опыт мудрость предшествующих поколений, находить решения самостоятельно, развивать свои творческие и практические способности.

Из-за огромного количества информации появилось множество проблем, важнейшей из которых является проблема обучения. Особый интерес для нас представляют вопросы, связанные с применением информационных технологий в образовании, так как в наше время обычными методами обучения удовлетворить индивидуальные запросы учащихся стало труднее.

Средства информационных и компьютерных технологий позволяют автоматизировать, а тем самым упростить ту сложную процедуру, которую используют и учителя при создании методических пособий. Создание учебников средствами компьютерных технологий схоже с изданием учебных пособий нового поколения, отвечающих потребностям личности обучаемого. Учебные издания нового поколения призваны обеспечить единство учебного процесса и современных, инновационных научных исследований, т. е. целесообразность использования новых информационных технологий в учебном процессе. Эффект от применения средств компьютерной техники в обучении может быть достигнут лишь тогда, когда специалист предметной области не ограничивается в средствах представления информации, коммуникаций и работы с базами данных и знаний.

Обучение с использованием средств компьютерных технологий позволяет создать условия для формирования таких социально значимых качеств личности, как активность, самостоятельность, креативность, способность к адаптации в условиях информационного общества для развития коммуникативных способностей и формирования культуры личности.

При изучении информационных технологий, у учеников повышается кругозор знаний, также они получают практические навыки работы с персональным компьютером, что обязательно пригодится им в дальнейшей жизни.

Список литературы:

1. Апатова Н. В. Информационные технологии в школьном образовании. – М., 1994.
2. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании. – М.: Академия, 2003.
3. Вильямс Р. и др. Компьютеры в школе. – М., 1988.
4. Сайт-портфолио Мосаловой И. И. irinamosalova.ucoz.ru/index

*Lobach Natalia Vjacheslavovna,
state higher educational establishment of Ukraine «Ukrainian Medical Stomatological Academy»,
Poltava (Ukraine) teacher of department of medical informatics, medical and biological physics,
E-mail: lobach_n@bigmir.net*

Formation of information and analytical competence of future doctors by means of electronic educational and methodical complex

Abstract: Maintenance of concepts “Educational environment”, “electronic educational and methodical complex” (EEMC), is examined in the article. Basic structural components (EEMC), role and place of him, are determined in forming of information and analytical competence.

Keywords: educational environment, information and analytical competence, educational and methodical complex.

*Лобач Наталия Вячеславовна,
ВГУЗУ «Украинская медицинская стоматологическая академия», г. Полтава (Украина)
преподаватель кафедры медицинской информатики, медицинской и биологической физики,
E-mail: lobach_n@bigmir.net*

Формирование информационно-аналитической компетентности будущих врачей средствами электронного учебно-методического комплекса

Аннотация: В статье рассматриваются содержание понятий «образовательная среда», «электронный учебно-методический комплекс» (ЭУМК). Определяются основные структурные компоненты (ЭУМК), роль и место его в формировании информационно-аналитической компетентности.

Ключевые слова: образовательная среда, информационно-аналитическая компетентность, электронный учебно-методический комплекс.

Сегодня информация стала важнейшим ресурсом во многих отраслях жизнедеятельности человека. Происходит ее интеллектуализация, интенсивно растет информационная насыщенность как учебной так и профессиональной деятельности. Будущие врачи должны быть готовыми: по определенным алгоритмам собирать информацию об общем состоянии пациента; анализировать информацию о строении тела человека, системах, которые его составляют, органах и тканях на основании результатов лабораторных и инструментальных исследований оценивать информацию относительно диагноза; уметь определять источник и/или место нахождения нужной информации в зависимости от ее типа; уметь получать, обрабатывать и анализировать необходимую информацию из определенного источника; придерживаясь соответствующих этических и юридических норм, анализировать определенную информацию для предсказания последствий ее использования; уметь использовать методы обработки медицинской информации; демонстрировать базовые навыки работы с персональным компьютером; составлять научные

доклады и рефераты, вести дискуссии, обрабатывать научные тексты, оформлять и составлять деловые документы и т. д. [2,3].

Формирование у студентов указанных знаний и умений, ставит ряд задач перед преподавателем, а именно:

- предоставлять студентам фундаментальные знания о функционировании образовательной среды;
- развивать информационно-аналитическое мышление у будущих врачей;
- знакомить студентов с конкретной методикой поиска, анализа, обработки, систематизации информации;
- формировать умения и навыки применения предложенной методики в практической деятельности при подготовке к лекционным, семинарским, практическим занятиям, при написании творческих проектов, а также самостоятельной работы.

В связи с этим актуализируется необходимость формирования у будущих врачей информационно-аналитической компетентности в образовательной среде высшего медицинского учебного заведения.

Информационно-аналитическая компетентность — это составляющая профессиональной компетентности, которая отражает готовность и способность учащихся применять полученные знания, умения, навыки в совокупности с их личностными качествами при работе с информацией различных видов и форм представления (традиционной, электронной), а также способность проводить ее аналитико-синтетическую обработку с целью получения качественно нового знания, что дает возможность обеспечить процесс принятия ответственных решений в различных сферах деятельности, в том числе профессиональной. Но это будет возможно только в том случае, когда обучение будет направлено на формирование у будущих врачей способности свободно ориентироваться и в полной мере использовать ресурсы образовательной среды высшего медицинского учебного заведения.

Несмотря на большое количество определений понятия «образовательная среда» можно сделать выводы, что она определяется: как совокупность организационно-педагогических условий и факторов (В. Козырев, И. Шалаев и А. Веряев), система воздействий и условий (В. Ясвин); как средство обучения, которое способствует формированию мотивации студентов к саморазвитию, самообразованию и необходимо для профессионального становления будущего специалиста (Н. Горбунова).

К структурным компонентам образовательной среды И. Габа относит: информационный, социальный и технологический.

Информационный компонент наполнен разнообразными профессионально-образовательными ресурсами: образовательными программами, учебными планами, методическими разработками, книгами, визуализированной и текстовой информацией, информационно-рекламными объектами, Интернет-сайтами и др.

Социальный компонент представлен взаимодействием различных субъектов (преподавателей, студентов, представителей служб вуза: социальной, психологической, методической, учебной части, работниками библиотек, лабораторий и т. д.), основанном на принципе диалогичности, партнерства, а также традициях вуза.

Технологический компонент включает в себя учебную, квазипрофессиональную и учебно-профессиональную деятельность студентов, деятельность преподавателей (цели, содержание, формы организации, стиль преподавания и характер контроля, методы, технологии и т. д.), обеспечивает различные

пути и способы приобретения и применения профессиональных знаний, опыта социальных отношений и служит основой моделирования предметного и социального контекстов деятельности студентов [1.

Глубокое освоение студентами конкретной темы дисциплины «Медицинская информатика», применение знаний, приобретенных в течении ее изучения.

2. Приобретение умений самостоятельной деятельности:

- определение цели РГрР и задач работы;
- подбор, обзор и систематизация литературных источников;
- подбор и анализ данных/алгоритмизации медико-биологических задач и т. д.;
- формулирование выводов;
- определение сильных и слабых сторон в своей работе.

3. Приобретение умений по оформлению и презентации работы в виде:

- создания бумажного портфолио;
- оформления РГрР в электронном виде;
- публичной защиты работы;
- участия в конструктивном обсуждении и оценке работ других студентов.

Основу всех вышеназванных умений составляют информационно-аналитические, которые являются своеобразным стержнем самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов. Практика работы в вузе показала, что одна дисциплина не позволяет в полном объеме формировать информационно-аналитическую компетентность, поскольку, как правило, проверяется результат информационной деятельности студентов, а не сам процесс (находить информацию из различных источников, выделять в ней главное и второстепенное, анализировать, упорядочивать, систематизировать и структурировать данные и знания, уметь их интерпретировать, предвидеть последствия принимаемых решений). Поэтому, для более полного усвоения всех аспектов информационно-аналитической компетентности нами разработан спецкурс «Основы информационно-аналитической деятельности будущего врача», который позволяет систематизировать и пополнять уже полученные информационно-аналитические знания, умения и навыки студентов на предыдущих этапах обучения и обеспечивает, как результат, формирование у будущих врачей потребность к профессиональному росту и самосовершенствованию.

В качестве учебно-методического сопровождения, формирования информационно-аналитическую

компетентность мы разработали электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Медицинская информатика», который предусматривает обеспечение студентов необходимой справочной и учебной информацией. Особенностью ЭУМК является то, что он включает в себя дополнительные элективные модули спецкурса «Основы информационно-аналитической деятельности будущего врача», что дает возможность дополнительного изучения основных аспектов информационно-аналитической деятельности.

Изучение научно-педагогической литературы позволило нам определить, что ЭУМК представляет собой дидактическую систему, в которой с целью создания условий для активного информационного взаимодействия между преподавателями и студентами интегрируются прикладные программные продукты, базы данных, а также другие дидактические средства и методические материалы, которые обеспечивают и поддерживают учебный процесс [– рационально сочетать различные технологии представления учебного материала (тексты, графики, рисунки, анимации)

— стимулировать учебно-познавательную деятельность будущих врачей;

— управлять самостоятельной работой студентов;

— контролировать процесс формирования знаний, умений и навыков, как с боку преподавателя так и осуществлять самоконтроль.

ЭУМК раскрывает содержание учебного предмета «Медицинская информатика», соответствует требованиям образовательно-квалификационных стандартов, учебным планам и программам, включает в себя следующие блоки:

1. Информационный блок включает содержание комплекса, программу дисциплины.

2. Содержательный блок, в основу которого входит содержание модулей, согласно учебной программе, а именно: теоретический материал (конспекты лекций, методические рекомендации для выполнения самостоятельной, практической работы, электронные пособия); учебно-практический материал (практические задания, задачи); материал для самоконтроля (тесты, контрольные вопросы); список литературы и ссылки на полезные электронные ресурсы (учебно-библиографические материалы).

3. Итоговый блок содержит материалы для проведения текущего, промежуточного и итогового модульного контроля студентов (перечень вопросов, сборник тестовых заданий, пример задач для модульного контроля, темы рефератов, творческие задания).

ЭУМК имеет иерархическую структуру. Его основные разделы разбиты на подразделы и связанные между собой гипертекстовыми ссылками, что позволяет быстро передвигаться по всему содержанию ЭУМК для нахождения необходимой информации.

Основными дидактическими функциями учебного комплекса являются: информационная, стимулирующая, учебная, самообразовательная и контролирующая.

Итак, мы можем сказать, что созданный электронный учебно-методический комплекс «Медицинская информатика» — является составляющей образовательной среды высшего медицинского учебного заведения и связующим звеном между студентом и образовательной средой, обеспечивает управление и контроль учебно-познавательной деятельностью будущих врачей, где преподаватель выступает в роли руководителя, организатора, координатора и консультанта учебного процесса.

Список литературы:

1. Габа І. М. Вплив освітнього середовища ВНЗ на професійний розвиток особистості/І. М. Габа//Проблеми загальної та педагогічної психології: збірник наукових праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка АПН України/[за ред. С. Д. Максименка]. – К., 2011. – Т. XIII. – Ч. 6. – С. 74–82.
2. Галузевий стандарт вищої освіти. Освітньо – професійна програма спеціаліста за спеціальністю 7.110101 «Лікувальна справа» напряму підготовки 1101 «Медицина». – К., 2003. – 81 с.
3. Галузевий стандарт вищої освіти. Освітньо-кваліфікаційна характеристика спеціаліста за спеціальністю 7.110101 «Лікувальна справа» напряму підготовки 1101 «Медицина». – К., 2003. – 25 с.
4. Кадемія М. Ю. Інформаційно-комунікаційні технології навчання: термінологічний словник/М. Ю. Кадемія. – Вінниця: ТОВ «ЛАНДО ЛТД», 2009. – 55 с.

*Lyashenko Mariya Sergeyevna, The National Research University,
Higher School of Economics- Nizhny Novgorod, Russia,
PhD in Pedagogy, Foreign languages Department,
E-mail: mslyashenko@mail.ru*

The use of Learning Management System (LMS) in teaching a foreign language in the university

Abstract: The paper describes the process of implementing learning management system (LMS) into language teaching practices in the university. The study presented in the paper is based on the practice of developing and implementing educational projects on LMS platform in the National Research University Higher School of Economics, Russia. Special attention is paid to the description of three projects, the advantages and disadvantages of the system presented, students' feedback and the approaches to teacher-student interaction in LMS.

Key words: learning management system (LMS), teacher- student interaction, web-based technologies.

Introduction

The era of information society raises new issues that both teachers and learners have to find an approach to: e-learning, e-books, online libraries, online testing etc. The choice must be made from the variety of forms when being in a new educational environment. E-learning is known to be the third learning system that makes use of various electronic technologies, forms and components as its primary means of learning and teaching [1, 2–3]. The process of successful implementation of new information communication technologies into teaching process requires digital skills, motivation, and technical availability. Various information communication technologies are used in the educational process in the National Research University Higher School of Economics (HSE). In this study the attention is focused on the LMS projects created as an institutional learning platform for teacher-student collaboration.

I. Learning Management System in the Higher School of Economics

The Learning management system (LMS) has been developed in the National Research University, the Higher School of Economics (HSE) Nizhny Novgorod since 2010. The purpose of the system is to increase the level and the quality of methodical, didactic, information support for educational process for all the participants: students, teachers, and managers of different faculties. LMS is aimed at achieving the following goals [2, 5–10]:

- improving digital skills of teachers and students
- enabling learning practices in the active environment of all the participants on — line and off- line
- enhancing students' involvement into active educational process;
- creating conditions for active interaction between students and teachers.

Implementation and maintenance of LMS is supported by three main principles: consulting, help-desk both on-line and off-line and technical support. Consulting is important to be carried out at all levels of university structure through the system of short-term training sessions, forums, e-mails and other information channels within the system and outside it.

The main topics for consulting are closely connected with instructional design and methods and principles of content management. Help desk is mainly used for individual consultation both on-line and off-line. The main idea of help desk is to provide an opportunity for self-study of LMS through the variety of information tools such as videos, self-control tests, guidelines, case studies etc.

The students can make use of the following functions offered by the LMS:

- a personal/user account where the most important information is presented (photo, surname and name, group, faculty, course etc);
- e-timetable, links to programs, disciplines, extra materials
- deadlines for projects;
- assessment report.

The students have an access to all disciplines which are studied not only at present but those that were studied also in previous modules. The system of different tests helps to do self control. Besides, there is an opportunity to do home tasks, projects, write essays and research papers in e-format with teachers' feedback. Students can socialize through the system of forums, chats, What's new section.

The teachers also have personal accounts with the most important information, timetables, individual consultation hours, students' lists (Fig.1). LMS allows

to download, upload and edit course related information, assess students' performance, monitor students progress, communicate and share information with the

groups. The flexibility of the system enables teachers to copy and paste the materials from one of his/her courses to another one (<http://lms.hse.ru/userpage.php>)

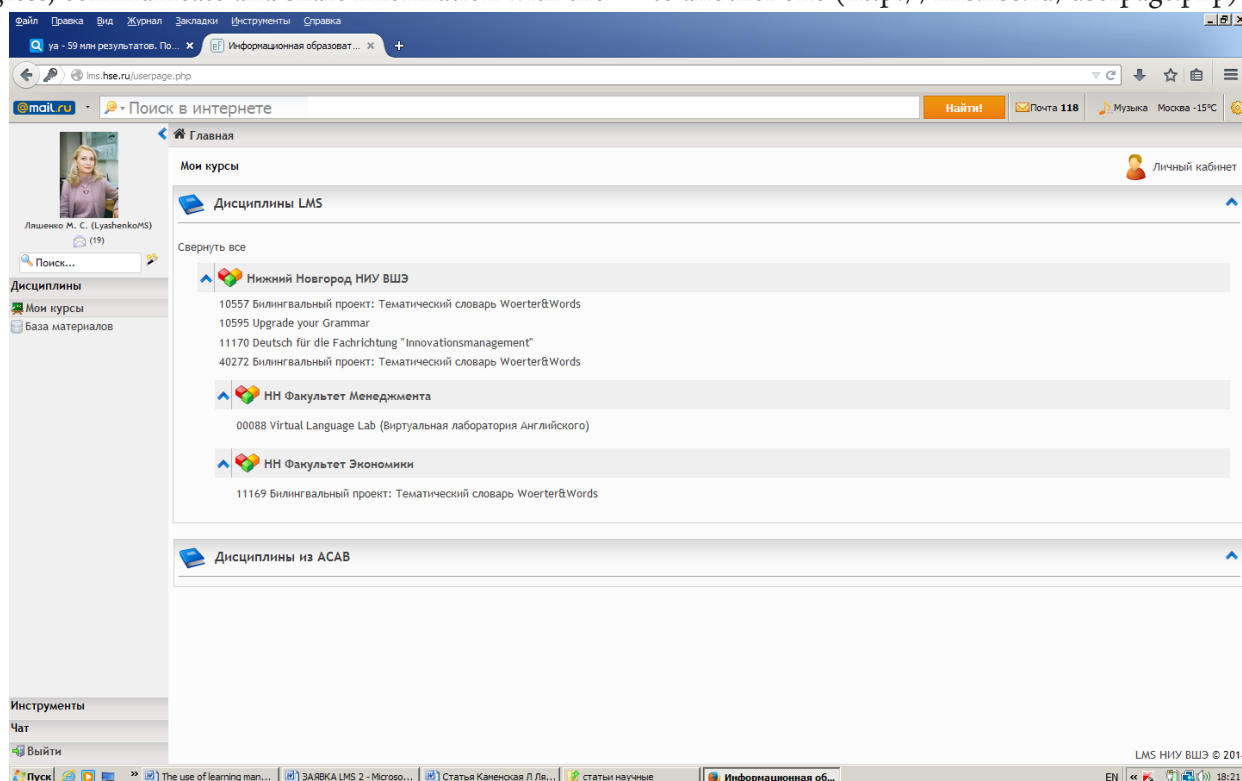

Fig. 1. The screenshot of a teacher's personal account in the LMS.

It is necessary to underline the fact that the priority is given not to technical and instructional consulting but better teacher-student (T-S) and teacher-teacher (T-T) interaction. The system offers a more individual approach to learning and teaching [3]. This system helps produce, manage and integrate knowledge in the higher school. Besides, the LMS can be used to develop a variety of educational products (for example, a virtual library of tests, interactive vocabulary practice programs, grammar activators, language laboratories, etc) to support the needs of particular groups.

The system provides obvious advantages and benefits but both teachers and students are reluctant to use the system. Implementation of the LMS in the university is associated not only with the merits that could be brought to the university but also with some criticism of the system itself. Scientists in this field state that clear principles of implementation have not been developed yet [4].

The problems that are likely to arise when implementing LMS as any other web-related technology can be categorized in the following groups:

1. technological (for example, inefficient capabilities of the platform (size, interface, dependence on good internet connection etc));

2. psychological (hindering real life socializing, distortions in interpersonal relationships, personality clashes, etc);

3. educational connected with the content control and power sharing (reluctance to share the personalized content because of cheating, plagiarism, bullying; reliability of information uploaded into a collaborative project; language style etc) [5], [6];

4. pedagogical (difficulty of assessment of individual contribution and establishing criteria for evaluation, time, creativity and originality, plagiarism etc);

5. socio-economic and cultural (the problem of "digital divide" in terms of social structure and existence between haves and have-nots users or cultural clashes).

In order to implement the system effectively, the university in general [16] and lecturers and teachers in particular [7] must play an active part in LMS integration processes.

II. Research and the Results

To better know what problems LMS users face in the HSE the research was conducted to target the students and the teachers who learn and teach a foreign language (mainly English, German). We expected the users to share their positive or negative experience when working in the LMS to find out more about the advantages and

disadvantages of the LMS system. The research made it possible to identify the problems that discourage and the advantages that motivate the learners to work within the LMS system. Two sets of questionnaires were worked out to cover two target audiences: students and teachers. The questionnaires in the research ask about the problems and advantages of the system from the users' point of view. To add to this, there was a question about teacher-student interaction to find out whether LMS helps to improve teacher-student interaction.

The analysis of the responses pointed to the fact that the majority of students does not enjoy working in the LMS (53% respondents) and 47% of the respondents approve the use of the LMS and are enthusiastic about it. The difference is not so great to give evidence that LMS is not attractive for students. As for the teachers, 60% of the respondents think positively and are motivated to incorporate the LMS into teaching. One quarter does not see the necessity to apply it unless it is imposed from above. 15% of the respondents think there is no point using the system at all as it distracts students' attention from the essence of the subject. Such unwillingness can be explained, to some extent, by technological hurdles that make the usage time-consuming and effort taking.

According to the findings the main complaints about the system cover the following problems:

- problems with interface (small font, difficulty to find the necessary information, too many functions) — design and visual presentation;
- technical glitches (inability to get an access from home or a mobile phone, difficulty to attach or delete files, inconvenient message delivery system) — technology;
- openness of knowledge that on the one hand simplifies cheating, plagiarism on the other hand, makes assessment and control system, teacher-student interaction more transparent — pedagogical aspect.

As far as advantages are concerned, both teachers and students find LMS convenient for material repository as a theoretical resource tool in one place available any time (lectures, glossaries, e-libraries, etc.). It is considered to be effective for material sharing and collaborative projects as a wiki-tool. Students admit that the interactive form of presenting the information is much more interesting and memorable. The material is structured and given in a chronological order. Special emphasis in students' feedback is paid to the testing system in LMS which is transparent, easy to work and practice as many times as necessary. Some students think that it is very effective to adjust learning pace to individual needs, especially in the

process of learning a foreign language.

The findings show that in general, the LMS as a web-based technology is considered to be an effective platform for collaboration despite the difficulties and problems the users experience when working in the LMS. The teachers must play a critical role in successful implementation of the system. The positive attitude of the teachers to the system and awareness of its possibilities as a whole can be a critical factor to successful LMS integration into the university structure [3].

LMS products can be used to solve a variety of teaching problems and tasks. They are created to support a particular discipline. Such a technology provides the teacher and students with the opportunity to download and upload the information, to get an easy access to the materials and do projects. It could become a virtual platform for e-learning within the university structure. Besides this tool allows the teacher to combine different ICT: forums, blogs, media stores. For example, it could be used to store students' papers or presentations. In case of teaching a foreign language, LMS products are used not as the main tool but a scaffolding platform for teacher-student collaboration at an informal level. As pointed out by McLoughlin [8] scaffolding is a form of learner support provided in a various ways, assigning a number of roles and responsibilities for students, lecturers, instructors, experts and other participants in the educational environment.

The paper focuses mainly on individual LMS products developed by the teacher and tailored to the needs of the target group. LMS projects worked out by the author in collaboration with the colleagues for teaching and learning purposes to interact effectively with the students and engage them into learning a foreign language.

III. Case study of individual teachers' projects in LMS: Vell, Words&Woerter, Brush up your grammar

The LMS offers a variety of ways how to arrange the materials and build teacher-students interaction. It could be done through a project technology when the teachers create tasks (project) for students to complete and sets the deadlines. The teacher is expected to provide feedback. In his turn, the teacher can get a feedback from his students through the system of questionnaires which can be anonymous and individual. Tests as one of the LMS tools to control and measure the knowledge can be used by students for self-assessment. Teachers can choose the type of the test, time limit, assessment criteria. LMS offers a range of tests from multiple choice to gap filling. Tests can be easily combined with multimedia such as video, audio materials etc. The answers are provided

with the explanation and commentary.

The projects under consideration in the paper are new innovative products in LMS such as VELL; virtual English language laboratory (http://foi.hse.ru/methodics_2011#fall), "Brush up your grammar" (grammar activator) (http://www.hse.ru/org/hse/iff/methodics_2013), bilingual vocabulary practice course "Words&Woerter" (http://www.hse.ru/org/hse/iff/methodics_2012). The quality of these projects has been highly evaluated by the university authorities and the authors were awarded grants for developing the best innovative products in LMS in 2011 (http://www.hse.ru/org/hse/iff/methodics_2011).

The first project created in LMS for learning English language (2011) Virtual English laboratory VELL is

aimed at providing a training course in the English language at pre-intermediate level. VELL is aimed at 1st year students at a re-intermediate level of the language for them to have more additional practice and to improve language skills. The materials are chosen according to the topics of the main course book. The students are to do a variety of the tasks:

- revision questions for each unit to be prepared for class discussion
- videos to watch and comment on the problems raised in the video;
- articles for additional reading;
- tasks for group/individual essay writing and uploading into the system;
- flashcards to learn active vocabulary;
- grammar tests (unit and progress tests).

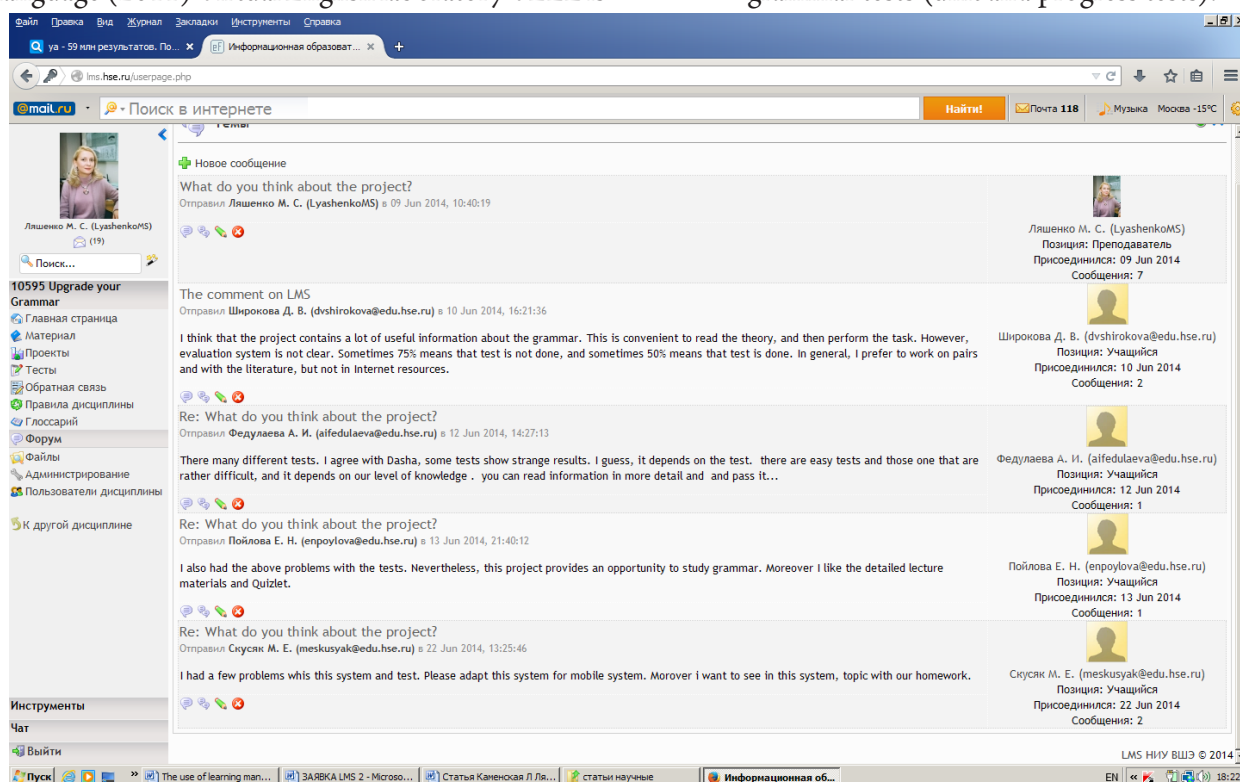

Fig. 2 Screenshot from the page with the students' feedback about the LMS project

The course combines different forms of ICT (podcasts, websites, presentations, forums, online dictionaries, a glossary with basic grammar terms, interactive tests, flashcards, video etc) and due to this can become a part of blended learning. Younger participants (students) can play the role of active participants in education through the system of forums and wiki sites.

Interactive bilingual German- English dictionary *Woerter@Words* (2012) was developed to focus learners' attention mainly on the vocabulary. It is designed for Russian students learning 2 languages at one time: German and English. The idea is to practice learning German through

English language. The aim of the project was to support teaching German language as the second foreign language for 1st year students at a "Starter" level. The course combines different forms of web-related technologies:

- a wiki-site to share the information at an informal level (group level) <https://sites.google.com/site/deutschefortuna/blog-kursa/gutentag>;
- LMS project to practice active vocabulary through a variety of tests and collaborative projects at a formal level (university level);
- flashcards created using the tool www.quizlet.com to learn active vocabulary.

LMS library of grammar tests *Brush up your grammar* (2014) is designed to master basic grammar rules and can be tailored to any group of learners as the material covers as elementary grammar as well as complex grammar rules.

The aims of the projects are the following:

- to support the teaching of the foreign language in the university by tailoring the LMS products to the individual needs of a particular target audience of the course;
- to reduce time-consuming process of producing, processing and disseminating information for English classes;
- to create a shared learning environment to develop, store and share the learning material and exchange the ideas;
- to increase personal involvement of students in learning in the university. It is likely to create a personalized learning platform for the participants to take an equal share in learning process despite their individual space and learning cycles.

The coordinator (the teacher) monitors only the outcome of the performance. The forms of the cooperation can be the following: student-student, student-computer, student-teacher). Overall, the students who have taken part in the project show a positive feedback to the technology (Fig 2.) But the problems they mention have been discussed above and found out in the research conducted and presented in the paper.

Conclusion

New forms of asynchronous education require new approaches to teacher-student interaction. The role of the teacher becomes more complicated in the information society as teaching nowadays would require tutors to have the ability and pedagogical skills to combine new technologies with the traditional or elderly ones.

The aims that were achieved by means of the LMS projects implementation:

- testing of the effectiveness and viability of a new project in LMS. This training system proves to be flexible to individual needs and overall needs of the project as it

opens more opportunities for formal and informal communication through off line, on line training sessions, web-based interaction.

- promoting ICT to the education community. The digital competence could be acquired and updated by everyone. In this connection much attention in implementing LMS must be paid to raising the level of basic ICT skills.

- psychological development of learners connected with the improving divergent thinking, creativity.

- achieving the strategic goal of equity and inclusiveness in education at any level. The autonomy of each learner, the choice of tempo and time of assignments accomplishment can be varied. The program enables everyone irrespectively of personal, physical, social or economic circumstances update and develop skills and key competences of e- learning.

- LMS products as individual educational projects of teachers and tutors serve as the basis for cooperation and collaboration within the university structure. It can create a visible outcome which is presented, exploited and reproduced on the regular basis

One of the possible ways how to overcome the problems while incorporating web-related technologies into the traditional system of education in general and teaching a foreign language in particular is the balanced combination of e-learning components and technologies with a collaborative approach to teacher-student interaction. The learning environment has changed and teaching community has to find new pedagogical approaches to face new challenges. Web-based technologies can be categorized as motivational tool technologies appealing to students' cognitive, emotional, and behavioral engagement [9] which are characterized by such attributes as: innovation, easy usage and sharing, content control, motivational appeal etc. The future investigations can be directed towards psycho-pedagogical and educational potential that these technologies possess and offer for teacher- student interaction.

Reference:

1. Bowman, J. E., Jr., Holmes, A. and Swan, K., (1999). Virtual teacher education: affordances and constraints of teaching teachers online. In J. Price et al. (Eds). Proceedings of society for information technology and teacher education international conference. Available from: <http://www.editlib.org/p/7961/>. [Accessed 11 May 2014.]
2. Korovko A.V, bykhovsky Y. S., Judkevich M. M., Bilevsky S.G the concept of LMS development in HSE, <http://www.hse.ru/studyspravka/lms> [Accessed 29 December 2014.]
3. Whelan R., and Bhartu D. (May 11), "Factors in the development of a learning management system at a large university", Proceedings ascilite Singapore 2007. Available from: <http://www.ascilite.org.au/conferences/singapore07/procs/whelan.pdf>.

4. Pratt J., The fashionable adoption of on-line learning technologies in Australian universities // Journal of the Australian and New Zealand Academy of Management, 11 (1), 57, 2005
5. Cummins J., Minority status and schooling in Canada // Anthropology and Education Quarterly, 28(3), P. 411–430.
6. P. Rambe, “Exploring the impacts of social networking sites on academic relations in the university”, Journal of information technology education, vol.10, pp271–293, 2011.
7. I. Doherty and M. Honey (29 April), “Taking ownership of technology: lecturers as LMS learners. Proceedings of the 23rd Annual Conference of the Australasian society for computers in learning in tertiary education: Whose learning? Whose technology? Available: http://www.ascilite.org.au/conferences/sydney06/proceeding/pdf_papers/p35.pdf
8. McLoughlin C., “Learner support in distance and networked learning environments: Ten dimensions for successful design”. Distance Education, 23 (2), P. 150–162, 2002.
9. Pino James N. (30 July). 4 free web tools to boost student engagement, 2014. [Online]. Available: <http://www.edutopia.org/blog/web-tools-boost-student-engagement-nicolas-pino-james>

*Nemchenko Sergey Gennadievich,
associate professor of pedagogy
Berdyansk State Pedagogical University
E-mail: spok3@mail.ru*

Traditional and reflexive management of an educational institution: peculiarities and differences

Abstract: Nemchenko S. G. «Traditional and reflexive management of an educational institution: peculiarities and differences». The article deals with the formation of the traditional and the reflexive management of educational institutions. It focuses on the objective reasons that are related to the influence of social and economic factors on the process of formation of these two types of management. The characteristics of each type of management are given, their peculiarities, differences in the value system and the evaluation of effectiveness are analyzed.

Keywords: traditional management paradigm, synergetic paradigm of management, standard management, reflexive management.

Actuality. Effective solution of problems of humanization and democratization of the Ukrainian society certainly contributes to the modernization of the education system in the context of European requirements.

According to the Law “On Higher Education” from July 1, 2014, purposeful work is carried out to create a new legal and regulatory framework of higher education, the content, structure and teaching methods are updated and introduced into the educational process of higher educational institutions of international, industry’s standards of specialists’ training.

An important role in this process is taken by the training of masters –future managers of educational institutions, which crucially affects the effectiveness of transformation of Ukrainian educational space, as only competent leaders can lead an institution to the next level with highly managerial reflection, they are able to perceive the new knowledge, being in the constant teachers’ searching, showing personal activity in the theoretical and methodical implementation of innovations in educational practice.

Based on the assigned tasks, it can be concluded that the existing system of management of educational institutions does not meet the modern requirements of the society. This discrepancy arises from the fact that in the process of transformation of the society there’s the change of traditional, cognitive, and reflexive paradigm of education. The phenomenon of a paradigm shift and the inevitable changes caused by the process, in the management of educational institutions deserve a special consideration.

Analysis of recent researches and publications. In scientific studies by V. Bondar, V. Grigorash, G. Elnikova, O. Kasyanov, B. Kobzar, Yu. Konarzhevskyy, M. Kondakov, O. Marmaz, V. Maslov, E. Pavlyutenkov, M. Portnov, N. Suntsov, V. Frolov, P. Hudominskyy and other scientists the problem of managing of educational institutions is updated.

The purpose of the article: comparison of the common features and differences of traditional and reflexive institutional management.

Covering of the basic material of the research.

Let's consider the basic differences between the two management systems: traditional and reflexive. Management of any organization, including an educational institution, is influenced by a number of objective reasons that are related to the influence of social and economic factors. The influence of these factors determines the specificity of an institution.

What factors affected the management of the Soviet school, which we believe to be traditional: the first and the most important factor is the rigid system of centralization, which was based on the principle of unity and uniformity. In the "Regulations on the Unified Labor School" (1918) it was determined that the head of an institution was an executor of orders of a staff, whose supreme body was a school council. Although it was possible to recognize it as the manifestation of the democratic approach, at the same time it significantly limited the rights of the head. This state of affairs lasted for a relatively short period of time and already in the "Charter of the Unified Labor School" (1923), in which the functional status of the head was first defined, provided that he had the right to annul the decision of a school council, and in some cases to make decisions alone. And in the decree of 1934 "On the structure of primary and secondary schools" it was directly stated that the willingness of the director to lead a teaching staff, was in his ideological and political devotion to the ideals of the Communist Party. The continuation of this idea occurs in the Law "On strengthening the connection between school and life and further development of the public education system in the USSR" (1958), which emphasizes that a school director works on the basis of the optimal connection of unity of command and collegiality, while he might base on the Pedagogical Council, a party organization and trade union organizations. Analysis of the subsequent decisions of the USSR in the field of education and school management gives every reason to say that the above mentioned positions were duplicated, of course, with some modifications, until Ukraine gained its independence. Thus, the process of unification of intensive education and management system made them a convenient object of external management. They became part of a centralized system of education, were not entitled to their own decisions, which were taken instead by higher education authorities and the responsibility of schools, in fact were only on internal management issues.

Stability of external circumstances, the lack of desire to change did a school not very demanding to the development and basically it dealt with the stable functioning

as a managed object. Besides, all its activities were aimed at the implementation of political attitudes of the ruling party, which made it extremely ideological.

In this form, the system of the institution management was very convenient for the centralized management of them, and was seen as the only possible and correct. Important indicators of the successful functioning of the school management system were: stability, discipline, and diligence.

Thus, the traditional system of school management was focused on the implementation of externally given formal indicators and in fact was reduced to management and supervision. The strategy of administration was in providing a clear mechanism for the functioning of the educational process, and above all — achievement of the desired progress in studies, attendance, and performance of instructions. Management tools were: standard, control, power.

Once there were changes in the social situation in Ukraine, and, of course, the factors affecting the institution management system changed that caused the need for its transformation. But despite the dramatic changes in the social situation, the emergence of new educational needs and growing instability, dynamism and unpredictability of the socio-economic and political situation, the "dignities" of the former system of management did not cease to exist. It has adapted to new conditions and continues to maintain its leading position, because it's the most convenient one for leaders as a usual reference of relations to subordinates, especially as the demonstrated samples of management, namely the substitution of the collective decision by the individual one, the statement of the only personal point of view, the suppression of subjectivity of subordinates, the constant control, the tight organization, the demonstration of double standards, the lack of confidence in the initiative of subordinates and their creativity is good reason to make such a conclusion. Direction of management transformation can be formulated on the basis of logic of transformations of the educational system. Linear paradigm has shown to be ineffective in dealing with the phenomena of such an order as development, self-development of the school. The situation in modern education demonstrates how at the time of instability classical forecasting methods in the educational environment stop working, new processes begin to form and compete with each other. Multitude and ambiguity of ways to develop a complex system of an educational institution force to rethink the role of the subject of management.

The absence of a subjective position does not allow formulating a long-term perspective and achieving strategic goals. Decisions made only on the basis of situational factors do not allow drawing conclusions about the system of the proposed measures. There are risks of loss of management within an institution, so it becomes extremely important to understand the indicators that tell about the nature and direction of the changes which are taking place. In this regard, there is a need to develop new methods of modeling and diagnostics of nonlinear innovation methods and risk analysis. Lack of own models of development and the ability to generate them leads to the fact that the head of an educational institution may lose his subjectivity and only react to the situations. Thus, traditional management can be represented in the form of the well-known formulation by N. Wiener, as an act of the will of a single person, guiding directly the actions of another one [1].

Management requires a high level of reflection of the subject of management, allowing him to look at the present from the future, which allows to determine the development of a institution and to focus on the most promising areas, technologies, projects. The new paradigm of management is considering an educational institution as an open self-organizing system with emergent (suddenly occurring) properties, for the management of which the knowledge and proper application of the principles of synergy for productive use of the potential of self-organization is needed. Realization of the potential of self-organization of management by the educational institution is determined by how full each participant of pedagogical community opened the possibilities inherent in him, as well as by creativity and personal resources (including management), how successfully he satisfied his interests, needs, and how harmoniously all this “works” for the purpose of development of the educational institution.

Reflexive management can be regarded as an example of modern management paradigm. Synergetic approach to reflexive school management stresses the need to identify and justify its laws, reflecting the dialectical determination of the natural self-directed development of the institution in which simultaneously both internal and external components are taken into account. Reflexive management harmonizes these two components and combines them into a single system, aimed at achieving the main goal of an institution. The system of human relationships and activities are becoming the basic priorities.

The basic appropriateness of reflexive management reveals the dependence of the level of self-directed de-

velopment of an institution on appropriate external management actions of its past experience. This appropriateness finds its practical expression in the principles of polylogical self-determination of subjects of an institution, the priority of positive feedback in the reflexive management, constructive interaction of subjects.

In the process of polylogical self-determination of subjects of the educational institution (director and staff) there is a change and the transformation of their roles into such that enrich the external and internal contacts, help feel the role positions of others, optimize the interaction. On the basis of changes in the direct management actions on partnership connections, feedback connections get a new image; they cease to meet the short-term interests but only long-term interests and goals. In the process of partnership interaction overestimation by the subjects of their duties, opportunities and desires takes place that leads to the transformation of management relations and delegation by the head the part of his powers to his subordinates. On this basis, the priorities of reflexive control are: a system of human relations and activities; personality as an I-system.

The actual point of reflexive management is to harmonize the relationship between subject and object of management, which leads to the understanding of the necessity of self-improvement and self-development in the course of professional activities.

Thus, the reflexive management is such an interaction of a head and members of a teaching staff, when in the process of solving professional problems self-organization and self-development of the institution as a whole and each teacher individually take place.

It provides a suitable direction of self-education of an institution on the basis of its own trends by providing its subjects with “the reason” that allow them to transfer from a position of “response” to the “intense self-directed development” position.

Reflexive management is implemented through the system reflection of the institution, the object of which is his past experience, the possibility of internal and external environment, the interaction with the surrounding reality.

Reflexive management of an educational establishment is a management phenomenon both as a management process, and as a management activity.

Reflexive management as a phenomenon has a special purpose, which is in creation of conditions to identify by an institution and its components the own activity for the transition to self-directed development of the intensive type.

Conclusion: So, summing up, it's possible to specify the following basic differences between traditional and reflexive processes.

Traditional management paradigm based on the following value orientations: survival, balance, adaptation, consumption, exploitation and manipulation. An institution was not seen as an integral social system that could work in conditions of autonomy and independence.

Traditional management is weakly based on scientific management knowledge or it uses the conceptual foundations that do not reflect the latest scientific researches, and often rejects them, considering them not suitable for educational institutions. It is not based on professional management because it does not actually recognize the profession of a "head" and doesn't see it as a job. In addition, at the time of formation of the traditional management the necessary infrastructure for management education was not created. Power over subordinates is regarded as a value that exceeds in its significance the values of teaching and development. That's why a "management vertical" is being built, based on the total manual, which is expressed in the strict regulation of all aspects of the activities of an educational institution.

In such management attention is focused on the stable functioning of an educational institution, with a weak focus on self-development and self-improvement.

Traditional management may be regarded as non-reflexive, because often leaders of actions are contrary to the desire for self-government, i. e. intrinsic activity and orientation of the system do not coincide with the direction of external influences on it.

Reflexive management exists within the "subject-subject" relations. An educational institution is considered as an open complex social system that is influenced not only by stable, recurring factors and laws, but also by a factor of randomness and unpredictability.

Reflexive control is oriented, not on the amount, the intensity of volitional control of a leader but and its consistency with the processes of self-organization and self-structuring in a nonlinear environment of an educational establishment. One of the main tasks of such management becomes the support and initiating of the processes of self-organization.

Thus, the reflexive management can be defined as directed self-organization in the "subject-subject" relations.

Reference:

1. Wiener N. The person-manager/N. Wiener. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 288 p.

*Pazylova Altynay, master degree of the University of Syrdaria
Master degree of pedagogical science, Ospanova Aksaule
Senior teacher, Temirbaeva Zhaksygu, Kazakhstan
E-mail: altynai_pazylova@mail.ru*

Questions of studying language and improve the communicative in the non-linguistic environment

Abstract: For fast and effective language learning in non-linguistic environment requires the student's interest that, promotes to efficient study of non-native language.

Keywords: classes, conversation, selection of texts, speaking, communication skills, teacher, student.

*Пазылова Алтынай, магистрант университета
Сырдария, м. п. н., Оспанова Аксауле,
Темирбаева Жаксыгул. старший преподаватель, Казахстан
E-mail: altynai_pazylova@mail.ru*

Вопросы изучения языка и повышения коммуникативности в неязыковой среде

Аннотация: Для быстрого и эффективного изучения языка в неязыковой среде необходимо заинтересованность обучаемого, что способствует результативному изучению неродного языка.

Ключевые слова: занятия, беседа, отбор текстов, устная речь, коммуникабельность, преподаватель, студент.

Изучение языка требует большой усидчивости, заинтересованности. При четкой целевой установке такой курс мобилизует эмоционально-волевые резервы личности обучаемых, допускает высокий темп занятий. Поэтому в учебно-методической литературе последних лет понятие краткосрочности стало употребляться в сочетании с понятием интенсивности обучения.

При всех преимуществах ориентации на известный состав обучающихся нельзя упускать из виду, что любая учебная группа — всегда коллектив индивидуальностей и эффективность усвоения предъявляемого речевого материала будет зависеть от четкой индивидуализации методических приемов в соответствии с особенностями личностных свойств обучаемых.

Для начала нужно провести «настраивающую» беседу и завершить ее письменным сочинением, которое и послужит своего рода тестом для определения интересующих нас данных.

Отбор текстов для чтения в данной группе проводится вместе с обучающимися. Текстовым материалом может быть представлен любой журнал, газета на русском языке. Это позволяет обучающимся выбрать по названиям и после беглого просмотра те рассказы или отрывки, которые привлекут их внимание, а затем мотивировать свой выбор. Так с первых шагов формируется творческое отношение обучающихся к процессу занятий. Преподаватель предлагает свои варианты выбора, останавливаясь на текстах, которые вызовут активную речевую реакцию, дадут простор для споров и дискуссий в данной группе.

Для определения оптимальных форм организации учебной работы важно также опираться на знание индивидуальных творческих способностей обучаемых, их коммуникабельность, особенности мышления, типы восприятия, памяти.

Обучая устной речи, мы исходим из того, что научиться говорить можно только говоря. Следовательно, задача педагога — «разговорить» обучающихся, мобилизовать, активизировать их речевой потенциал, помочь им преодолеть психологическую скованность, увлечь предметом беседы, нестандартной формой занятий, чтобы заговорили даже самые молчаливые и неконтактные.

Обучение устной речевой деятельности в среде изучаемого языка не должен, по нашему мнению, замыкаться только в рамках аудитории, где создается лишь имитация языковой среды. Мы разрабатываем тип «внеаудиторного» занятия по данной теме. Та-

кое занятие дает познавательный материал, но вырабатывает в основном лишь навык аудирования.

Практика показывает, что на обычной экскурсии, как и в любой другой обстановке, у обучающихся может вовсе не возникнуть потребность заговорить, и тогда наша методическая программа будет выполнена лишь наполовину [1, 35–38].

Задача преподавателя состоит в том, чтобы найти стимуляторы речевой активности, чтобы студент не был пассивным внеаудиторное время в восприятии новой информации.

Например.

Шаблон «преподаватель — студент» ставит некий барьер и не дает обучающемуся раскрепоститься в своих мыслях, поэтому знакомство с группой можно начинать и не в аудитории. Дистанция между преподавателем и учеником, барьер ранга не так ощутимы, когда в неофициальной обстановке возникает неофициальная беседа. Первая встреча и знакомство могут происходить в библиотеке, в студенческой столовой, перед университетом и т. п. Полезным будет попутное знакомство со студентом, в библиотеке или на экскурсии в университетском музее.

В дальнейшем процесс работы и полученные навыки реализуются на практике во время знакомства с «интересными людьми» — корреспондентом молодежной газеты, молодым певцом, художником и др. Эти встречи планируются так, чтобы гости стали «соучастниками» учебного процесса. Готовясь к такой встрече, учащиеся обдумывают вопросы для интервью и обязательно вступают в беседу по интересующим их проблемам. Можно также практиковать интервью с преподавателем, служащими университета или работниками других предприятий.

Сразу после неофициального знакомства преподаватель ведет группу к университетскому зданию. В вестибюле университета преподаватель сообщает учащимся самые интересные сведения об этом вузе, а затем рассказывает, как найти нужную аудиторию. Это не так просто сделать для людей, которые впервые находятся в этом здании. Один из обучающихся должен повторить описание маршрута, а затем ему можно предложить повести своих друзей к нужной аудитории. Интересен и другой вариант: обучающиеся спрашивают, как пройти в аудиторию (на факультет), у студентов университета.

Формулы речи, лексика, фразеология заранее отбираются преподавателем и вводятся в процессе естественной коммуникации, т. е. ничего не должно быть стихийно. Чтобы привлечь обучающихся к активной

речевой деятельности во время такого занятия, мы поручаем им обращаться за справкой к прохожим, к продавцам, комментировать действия людей на улице, описывать их внешность и т. п. [2, 47–53]

Одна из важных деталей внеаудиторного занятия — запрет говорить на родном языке. Не категорический запрет строгого наставника, а добровольная, осознанная договоренность студентов с преподавателем, который сумел убедить обучающихся в целесообразности такого приема.

Можно составить план-карту центральной части реального города, где обучающиеся живут или учатся, к этому плану можно постоянно обращаться перед выходом на центральную площадь, в парк, в театр. По этому же плану, а также по имеющемуся макету города обучающиеся комментируют свой предстоящий или уже проделанный путь.

На учебных занятиях можно создать такие условия, которые позволили бы расширить рамки иноязычной речевой деятельности обучающихся ситуациями естественного общения. Стимулом к совершению речевого действия служат либо реально возникающие ситуации, либо подставные, спровоцированные в учебных целях. Умение создавать иллюзию естественной беседы зависит от мастерства преподавателя. Если в аудитории появляется альбом с редкими фотографиями известных писателей, актеров, сборник стихов, то за тонко направляемой в нужное методическое русло живой беседой учащиеся перестают чувствовать себя «обучаемыми и наставляемыми», ищут способ убедить, доказать, испытывают радость познания или удовлетворение от проявляемой осведомленности.

Если представить для учащегося реальную перспективу вашего визита в его родной город и попросить нарисовать и прокомментировать план пути от вокзала до центра города, то такой комментарий, несомненно, будет дан со всей тщательностью и детализацией, особенно если преподаватель будет «уточнять» его для себя, переспрашивая и вникая в подробности (*Где находится...?*).

Как приучить студентов «впитывать» слова и формулы речи в языковом окружении?

Обучающиеся постоянно ведут так называемые «корреспондентские» блокноты, куда вносятся записи по заданию преподавателя. Это могут быть реплики пассажиров такси или говорящих по телефону, диалоги на почте, в книжном магазине, в библиотеке и т. п. Все это приучает иностранцев к активному аудированию, которое входит в привычку, превращается

в навык. Также в блокнот ведутся записи незнакомых слов из прочитанных журналов, газет, книг.

Записи из блокнота обрабатываются в аудитории с помощью преподавателя. Поскольку обучение устной речи не идет в отрыве от обучения другим видам речевой деятельности, на материале бесед обучающиеся пишут репортажи, небольшие сочинения проблемного характера.

Хотя специфика краткосрочных форм обучения обуславливают тенденцию к интенсификации учебного процесса, к концу курса заметен некоторый спад внимания, активности, интереса слушателей к усвоению учебного материала. Частично это объясняется усталостью от темпа и общего напряжения, появляющимся чувством уверенности в своей языковой компетенции, сменой ощущения новизны ощущением обыденности. Поэтому изменение форм работы, вовлечение обучающихся в новую сферу общения снова может усилить мотивацию и станет мощным фактором повышения эффективности учебного процесса.

Преподавателю предстоит внести новый эмоциональный заряд и проявить методическую изобретательность, чтобы вызвать интерес студентов и поднять их угасающую речевую активность. Особую роль при этом играет фактор занимательности, элементы соревнования, игры. В процессе занятий можно предложить составление лингвистических кроссвордов, которые содержат популярные поговорки, пословицы, яркие разговорные выражения, фразеологизмы на определенную тему. Такие виды работ оживляют занятия, вносят в нее веселую разрядку. [3, 86–88]

Подъему речевой активности способствует и разучивание песен. Эта форма работы, как никакая другая, содействует установлению более тесного психологического контакта студентов с преподавателем. При этом без умственной перегрузки, без перенапряжения обогащается словарь студентов и не только пассивными лексическими запасами, но и словами, имеющими выход в речевую практику.

Может показаться, что использование подобных видов работ оказывается в противоречии с тенденцией к минимизации учебного материала в рамках поставленной цели и ограниченного времени. Однако преимущество предложенных методов и приемов мы видим в том, что они стимулируют студентов к дальнейшей самостоятельной работе над языком, учат использовать в речи разнообразные выразительные средства.

Список литературы:

1. Рассудова О. П. Научно-методические проблемы краткосрочных форм обучения. М.: Искусство, 1986. 46 с.
2. Митрофанова О. Д. О психологических основах организации учебного материала по русскому языку с учетом специальности. «Русский язык за рубежом» 1989, № 1, с. 52–54.
3. Кулибина Н. В. Читаем по-русски: кн. Для учителя. Рига: Retorika, 2008. 128 с.

*Pozdnyakova Natalya Olegovna,
Tyumen state oil and gas University, assistant of the Department
«Technology of mechanical engineering»
E-mail: Pozdniak-nata@mail.ru*

The introduction in the educational process of automated educational systems

Abstract: Automated Training Course — a software tool training staff implementing the presentation of educational material. Using the forms of learning based on information technology promotes intensive development of skills, and the ability to analyze information, to improve the perception of the new information, and also enables transmission of large amounts of information the student.

Keywords: Automated training courses, educational process; educational cooperation; forms of training.

*Позднякова Наталья Олеговна,
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
ассистент кафедры «Технология машиностроения»
E-mail: Pozdniak-nata@mail.ru*

Внедрение в образовательный процесс автоматизированных образовательных систем.

Аннотация: Автоматизированный Учебный Курс — это программное средство профессиональной подготовки персонала, реализующее предъявление учебного материала. Использование форм обучения на основе информационных технологий способствует интенсивному развитию навыков работы, умению анализировать информацию, улучшению восприятия новой информации, а также дает возможность передачи большего объема информации обучаемым.

Ключевые слова: Автоматизированный Учебные Курс, учебный процесс; образовательное взаимодействие; формы обучения.

Тенденции развития современного общества требуют пересмотра того, как человек приобретает знания в новых социально-экономических условиях. Во время, когда компьютерные сети становятся основным средством социальной адаптации и коммуникации.

Перед образованием стоят задачи формирования личности, конкурентоспособной и успешной в электронной информационной среде. В настоящее время в учебной практике процессы формирования сетевых, децентрализованных моделей обучения используются недостаточно широко, что тормозит процесс выхода Российской образовательной системы на новый этап, на котором выпускники вузов будут более

подкованы в обращении с электронными продуктами, а поэтому и более востребованы на современном рынке труда. [1]

Болонская декларация подписана в 1999 году 29 министрами образования европейских государств. Ее целью является создать единое европейское образовательное пространство, руководимое едиными принципами. Основные цели Болонского процесса:

- создать европейский образовательный проект;
- сделать европейское образование более конкурентоспособным по сравнению с образованием США;
- обеспечить реформирование и модернизацию системы образования [2].

Компетенции представляют собой сумму знаний, умений и личных качеств, которые позволяют человеку совершать различные продуктивные действия, в частности личная способность специалиста решать определенный класс задач, готовность к своей профессиональной роли в том или ином контексте, то есть в спектре событий и ситуативных факторов, на фоне которых осуществляются коммуникативные действия [3].

Кредитно-модульная система организации учебного процесса представляет собой такую модель организации учебного процесса, при которой имеет место объединение модульных технологий обучения и зачетных образовательных единиц. Кредитно-модульная организация учебного процесса обеспечивает возможность доступа студентов и преподавателей университета к учебно-методическим материалам, а существующие средства информационных и коммуникационных технологий являются инструментом, ориентированным на разработку и сопровождение механизмов такого доступа. При этом эффективность реализации индивидуально-ориентированного образовательного взаимодействия зависит от своевременного доведения информации, информационного освещения на соответствующем уровне [4].

В связи с Болонским процессом в системе высшего профессионального образования появляется в немалой степени внимание к модулям, одной из характеристик которого является переход на модульную систему организации образовательных программ.

Автоматизированный Учебные (Обучающие) Курс (АУК, АОК) — это программное средство профессиональной подготовки персонала, реализующее предъявление обучаемому графического и текстового материала, нормативно-технической документации на определенные образцы технических средств, конкретного учебного курса и обеспечивающее контроль качества подготовки обучаемых.

Обучающие курсы могут носить как прикладной, так и общеобразовательный характер. В последнем случае аудитория, на которую может быть ориентирован учебный материал, практически не ограничена.

Автоматизированные учебные (обучающие) курсы совместно с системой контроля знаний обучаемых составляют информационную основу систем дистанционного обучения.

Составные части АУК:

- учебный курс по изучаемой предметной области (изделию);

- блок контроля знаний по изучаемой предметной области (изделию);
- перечень сокращенных наименований применяемых в АУК.

Традиционные формы, к которым относят лекции, семинары, коллоквиумы, лабораторные работы и др., предполагают доминирующую роль преподавателя и ориентированы на индивидуальную работу студентов. Активные формы (лекции-дискуссии, анализ кейсов, деловые игры, дидактические игры, дискуссии и др.) отличаются активной ролью студента и в значительной степени ориентированы на групповую работу студентов.

К преимуществам активных форм относят:

- развитие навыков работы в команде (развитие коммуникативных навыков, умение отстаивать свою точку зрения, поиск компромисса и т. д.);
- активное усвоение знаний студентами путем личной вовлеченности, включения личного опыта в решение задачи;
- возможность оценить работу всех студентов.

К недостаткам можно отнести:

- сложность формирования критериев оценки;
- дополнительные требования к аудиториям для проведения занятий;
- трудности при компенсации пропущенных студентами занятий.

Использование форм обучения на основе информационных технологий способствует развитию навыков работы с компьютером, анализа информации (лабораторные работы, программированное обучение), улучшает восприятие новой информации с помощью использования изображения, звука и т. п., дает возможность передачи большего объема информации (мультимедийные лекции). Существенным недостатком данных форм является необходимость дорогостоящего материально-технического обеспечения, а также дополнительные требования к квалификации преподавателя [5, 6].

Использование в рамках модуля традиционных или только активных форм имеет, определенные недостатки. Поэтому необходимо применение в образовательном процессе как одних так и других форм обучения, то есть правильное их сочетание, соблюдение баланса между данными формами и, прежде всего, с позиций ориентации на групповую и индивидуальную работу студентов.

Список литературы:

1. Бойцова Е., Дроздов В. Модульно-рейтинговая система на базе тестовых технологий // Высшее образование в России. № 4. 2005.
2. Европейское пространство высшего образования – достижение целей. Коммюнике Конференции Европейских министров высшего образования, Берген, 19–20 мая 2005 года. М., 2005.
3. Образовательные Интернет-ресурсы/А. Е. Афонин, В. Н. Бабешко, М.Б Булакина и др. Под ред. А. Н. Тихомирова и др.; ГНИИ ИТТ «Информика». – М.: Просвещение, 2004.
4. Саркисов П. Д. Модель и организационная структура российской системы управления образованием в XXI веке // Менеджмент в России и за рубежом № 1. 2005.
5. Формирование общеевропейского пространства высшего образования: Задачи для российской высшей школы. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
6. Анопченко Т. Ю., Максимов В. А., Мошкин И. В. Составление индивидуального электронного портфолио в соответствии с кредитно-модульной системой обучения [Текст, таблицы]/Южный федеральный университет. – Ростов н/Д. Изд-во АкадемЛит, 2011. 160 с.
7. Государственный Университет – Высшая школа экономики – www.hse.ru
8. Кузьминов Я. И., Любимов Л. Л., Ларионова М. В. Европейский опыт формирования общего понимания содержания квалификаций и структур степеней. Компетентностный подход // Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов МИСИС – www.rc.edu.ru
9. Люльчак Е. Надстройка для Интернета [Электронный ресурс]: <http://www.rbcdaily.ru/2008/08/07/cnews/367690>.

*Sulyma Oksana Viktorovna,
Nationale Akademie der Pädagogischen Wissenschaften der Ukraine
Institut für pädagogische Ausbildung und Erwachsenenbildung,
Abteilung der vergleichenden Pädagogik, Senior Researcher
E-mail: oks-nalivka@yandex.ru*

Kindertagesbetreuung für Kinder unter drei Jahren in Deutschland

Abstrakt: Zum qualitätsorientierten und bedarfsgerechten Ausbau der Kinderbetreuung, insbesondere für Kinder unter drei Jahren, trat zum 1. Januar 2005 das Tagesbetreuungsausbaugesetz in Kraft. Mit dem Kinderförderungsgesetz, das am 16. Dezember 2008 in Kraft trat, wird der Ausbau der Kindertagesbetreuung konsequent fortgesetzt. Gemeinsames Ziel von Bund, Ländern und Kommunen ist ein bedarfsgerechtes Angebot an Betreuungsplätzen für Kinder in den ersten drei Lebensjahren.

Stichworten: Kindertageseinrichtung, Kinderbetreuung, Kinderförderungsgesetz, Betreuungsangebote, Erziehung, Bildung.

Kindertagesbetreuung als Baustein guter und nachhaltiger Familienpolitik in Deutschland hat zunehmend an Bedeutung gewonnen. Derzeit steht in erster Linie der Ausbau der Betreuungsangebote für Kinder unter drei Jahren im Mittelpunkt. Im April 2007 haben sich Bund, Länder und Kommunen auf dem sogenannten „Krippengipfel“ darauf verständigt, dass bis zum 1. August 2013 für mindestens jedes dritte Kind unter 3 Jahren ein bedarfsgerechtes Angebot an Plätzen in einer Tageseinrichtung oder in der Kindertagespflege bereitgehalten werden muss. Diese politische Vereinbarung wurde vom Gesetzgeber mit dem am 16. Dezember 2008 in Kraft getretenen Kinderförderungsgesetz (KiföG) umgesetzt [3].

Gegenstand der Diskussion. Dieses politische Ziel leitet sich daraus ab, dass vor dem Hintergrund veränderter gesellschaftlicher Bedingungen und Erfordernisse der institutionellen Kinderbetreuung eine zunehmende Bedeutung beizumessen sei. Zum einen wird hier der gesetzlich verankerte frühe Bildungsauftrag gesetzlich abgesichert und die Grundlage für das Heranwachsen einer bildungsstarken, zukunftsichernden Generation in einer geburtenarmen Gesellschaft mit diversen Formen akzeptierten familiären Zusammenlebens gelegt. Zum anderen wird nicht zuletzt aus arbeitsmarktökonomischer Sicht eine stärkere Partizipation der Frau am Erwerbsleben gefordert [7].

Zeitlich und organisatorisch flexiblere Betreuungsangebote mit dem Ziel, Eltern die Vereinbarkeit von Beruf und Familie zu erleichtern, stellen neben dem Bildungsauftrag ein zentrales Thema in der aktuellen Debatte über Kindertageseinrichtungen dar. Differenzierte Angebotsformen müssen sich dabei an den Bedarfslagen der Familien orientieren und sollen ebenso dem Auftrag der Kindertagesbetreuung bezüglich der Trias von Erziehung, Bildung und Betreuung, den individuellen Bedürfnislagen der Kinder, der Stabilität von Bindungsmöglichkeiten zu Erwachsenen und Kindern sowie den Anforderungen einer partnerschaftlichen Kooperation mit den Eltern gerecht werden.

Auf politischer Ebene und im Diskurs mit der Wirtschaft sind die Erfordernisse klar umrissen und zielen zum einen auf die Unterstützung der Familie und zum anderen auf eine möglichst schnelle Wiederaufnahme der Berufstätigkeit vor allem von Frauen, da dem Fachkräftebedarf entsprochen werden soll. Fachexperten der Jugendhilfe fordern, mehr die Sichtweise auf das Kind im Kontext seiner Familie und die erforderlichen Entwicklungsbedingungen zu lenken [4; 2].

Zwischen dem Anspruch einer fachlich vertretbaren und dem Kindeswohl förderlichen Betreuung des Kindes und der Erwartung, dass die Personensorgeberechtigten Beruf und Familie miteinander vereinbaren können, besteht in der praktischen Umsetzung oft ein Spannungsverhältnis. Der Auftrag von Kindertageseinrichtungen und Kindertagespflege, das Kind in seiner Entwicklung zu fördern und die Erziehung und Bildung in der Familie zu unterstützen, kann jedoch nicht gegen den Auftrag, Eltern bei der Vereinbarkeit von Familie und Erwerbstätigkeit zu unterstützen, abgewogen werden [4; 3].

Die Bundesregierung setzt auf ein vielfältiges Betreuungsangebot und forciert die Profilierung der Kindertagespflege. Dazu werden klare Standards festgesetzt. Eine Tagesmutter darf grundsätzlich nicht mehr als fünf Kinder betreuen. Kommen mehr Kinder dazu, muss eine pädagogische Qualifikation nachgewiesen werden und es dürfen nicht mehr Kinder in der Gruppe sein als in einer vergleichbaren Kita- oder Kindergruppe des Landes. Die Bezahlung soll leistungsgerecht sein. Die Hälfte der Beiträge zur Kranken- und Pflegeversicherung übernimmt die öffentliche Hand. Dabei wurde eine befristete Sonderregelung eingeführt: Tagesmütter, die bis zu fünf Kinder betreuen, werden als nebenberuflich Selbständige eingestuft. Damit wird bei einem geringen monatlichen Gesamtverdienst eine beitragsfreie Familienversicherung sichergestellt und bei höherem Einkommen ein niedriger Beitragssatz gewährt. Im Einkommensteuergesetz wird festgeschrieben,

dass die vom Träger der öffentlichen Jugendhilfe erstatteten Sozialversicherungsbeiträge steuerfrei bleiben.

Laut dem Vierter Zwischenbericht zur Evaluation des Kinderförderungsgesetzes, Ziel von Bund, Ländern und Kommunen ist es, bis August 2013 ein bedarfsgerechtes Betreuungsangebot für Kinder unter 3 Jahren bereitzustellen. Da sich der Bedarf an Kindertagesbetreuung laut aktueller Elternbefragungen erhöht hat, müssen 30.000 Betreuungsplätze mehr als ursprünglich geplant geschaffen werden. Diesem höheren Bedarf trägt der Bund Rechnung und stellt den Ländern mit dem Gesetz zur zusätzlichen Förderung von Kindern unter 3 Jahren in Tageseinrichtungen und in Kindertagespflege, das am 21. Februar 2013 in Kraft trat, zusätzliche 580,5 Mio. Euro zur Verfügung. Außerdem wird der Bund die Länder mit 18,75 Mio. Euro im Jahr 2013, mit 37,5 Mio. Euro im Jahr 2014 und ab 2015 mit jährlich zusätzlich 75 Mio. Euro zu den Kosten des Betriebs der neu geschaffenen Betreuungsplätze unterstützen [6; 23].

Der Ausbau des Betreuungsangebots wird durch das Investitionsprogramm der Bundesregierung „Kinderbetreuungsfinanzierung“ unterstützt. Damit gewährt der Bund in den Jahren 2008 bis 2014 Finanzhilfen in Höhe von 2,7 Mrd. Euro für Investitionen der Länder und Gemeinden in Kindertageseinrichtungen und in der Kindertagespflege für Kinder unter 3 Jahren.

Zur Zeit sind die einzelnen Länder dem Ziel eines bedarfsgerechten Ausbaus der Kinderbetreuung unterschiedlich nahe. Differenziert nach Altersgruppen war der Ausbaubedarf bei den 1-Jährigen in allen Ländern am größten. Demgegenüber war bei der Gruppe der 2-Jährigen der Ausbaustand am weitesten fortgeschritten.

- Bei den unter 3-Jährigen war im Bundesland Bremen die Differenz zwischen Betreuungsbedarf und Ausbaustand mit 19,4 Prozentpunkten am größten. Dabei lag hier der Bedarf von 40,7 Prozent sogar leicht über dem Bedarf im Bundesdurchschnitt. In Nordrhein-Westfalen, dem Bundesland mit der geringsten Betreuungsquote, bestand eine Differenz von 15,8 Prozentpunkten. Am geringsten fiel die Differenz in Sachsen-Anhalt (3,3 Prozentpunkte) und Thüringen (3,8 Prozentpunkte) aus.

- Bei den 1-bis unter 2-jährigen Kindern verändert sich dieses Bild kaum: Bremen und Rheinland-Pfalz wiesen mit rund 30 Prozentpunkten die größte Differenz zwischen Bedarf und Ausbaustand von 29,9 Prozentpunkten auf. Es folgen Berlin mit 22,7 und Nordrhein-Westfalen mit 22 Prozentpunkten. Thüringen und Sachsen-Anhalt hatten mit 6,9 bzw. 8,3 Prozentpunkten Differenz den geringsten Abstand zwischen Betreuungsquote und Betreuungsbedarf.

• Legt man den Fokus auf die 2-Jährigen, ergibt sich folgendes Resultat: In Nordrhein- Westfalen mit 20,8 sowie in Bremen mit 20,2 Prozentpunkten waren die höchsten Differenzen zwischen Betreuungsquote und tatsächlichem Bedarf zu beobachten. In Thüringen und Sachsen-Anhalt deckte der Ausbaustand den tatsächlichen Bedarf der Eltern von Kindern in dieser Altersgruppe praktisch vollständig ab. In Brandenburg und Mecklenburg-Vorpommern waren die Differenzen mit 1,5 bzw. 1,7 Prozentpunkten minimal [2; 12].

Um gesellschaftliche, familiäre und kindbezogene Ansprüche in Einklang zu bringen, muss Kindertagesbetreuung flexibel und nutzerfreundlich gestaltet werden. Dafür gibt es kein Patentrezept. Die Lösungen richten sich insbesondere nach den landesgesetzlichen Regelungen und Rahmenbedingungen, den regionalen und örtlichen Gegebenheiten, der Größe und konzeptionellen Ausrichtung der Einrichtung und vielem anderen mehr. Qualifizierte Flexibilisierung heißt, Angebote zu gestalten, die sowohl die Rechte und Bedürfnisse von Kindern als auch die Alltagsrealitäten und Erwartungen von Eltern angemessen berücksichtigen [4; 5].

Fazit/Ausblick. Der Bund stellt den Ländern über die Investitionsprogramme 2008–2013 und 2013–2014 bereits jetzt massive Finanzhilfen für den Betreu-

ungsortausbau für Kinder unter drei Jahren sowie für die Betriebskosten zur Verfügung. Die finanzielle Beteiligung des Bundes soll durch den am 20. August 2014 beschlossenen Regierungsentwurf eines „Gesetzes zur weiteren Entlastung von Ländern und Kommunen ab 2015 und zum quantitativen und qualitativen Ausbau der Kindertagesbetreuung“ weiter fortgesetzt werden. So steht die Finanzierung des Ausbaus der Kinderbetreuung auf einer seriösen Grundlage: Insgesamt gibt der Bund den Ländern zur Sicherstellung des Rechtsanspruches auf einen Kitaplatz bis 2014 fast 5,4 Mrd. Euro dazu. Den dauerhaften Betrieb der neu geschaffenen Kitaplätze unterstützt der Bund ab 2015 mit jährlich 845 Mio. Euro.

Finanzielle Unterstützung, politischer Wille auf allen Ebenen und handlungsorientierte Konzepte sind notwendig, um den Ausbau entschlossen weiterzuführen und ein Betreuungsangebot bereitzustellen, das sowohl inhaltlich als auch quantitativ dem Bedarf der Familien entspricht. Flexible Angebote der Kindertagesbetreuung sollen zu einer besseren Vereinbarkeit von Beruf und Familie führen, das Kindeswohl im Focus haben und gleichzeitig die Chancengleichheit für die Entwicklung des Kindes im Rahmen der Bildung und Erziehung gewährleisten [3; 37].

Referenzen:

1. Ausbau der Kinderbetreuung für Kinder unter drei Jahren <http://www.fruehe-chancen.de/was-politik-leistet/ausbau-der-kinderbetreuung-fuer-kinder-unter-drei-jahren/ueber-den-ausbau/>
2. Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend (2013): Vierter Zwischenbericht zur Evaluation des Kinderförderungsgesetzes. Bericht der Bundesregierung 2013 nach § 24a Abs. 5 SGB VIII über den Stand des Ausbaus für ein bedarfsgerechtes Angebot an Kindertagesbetreuung für Kinder unter drei Jahren für das Berichtsjahr 2012. http://www.bmfsfj.de/RedaktionBMFSFJ/Broschuerenstelle/Pdf-Anlagen/Kif_C3_B6G-Vierter-Zwischenbericht-zur-Evaluation-des-Kinderf_C3_B6rderungsgesetzes,property=pdf,bereich=bmfsfj,sprache=de,rwb=true.pdf
3. Das Kinderförderungsgesetz (KiFöG) <http://www.bmfsfj.de/RedaktionBMFSFJ/Abteilung5/Pdf-Anlagen/kifoeg-gesetz,property=pdf,bereich=bmfsfj,rwb=true.pdf>
4. Flexible Angebotsformen der Kindertagesbetreuung/Positionspapier der Bundesarbeitsgemeinschaft der Landesjugendämter/beschlossen auf der 104. Arbeitstagung der Bundesarbeitsgemeinschaft der Landesjugendämter vom 23. bis 25. April 2008 in Chorin http://www.blja.bayern.de/imperia/md/content/blvf/bayerlandesjugendamt/kindertagesbetreuung/bagljae_kindertagesbetreuung.pdf
5. Kultusportal-BW (2014): Ansturm auf neue Erzieherausbildung. <http://www.kultusportal-bw.de/Lde/Ansturm+auf+neue+Erzieherausbildung>
6. Vierter Zwischenbericht zur Evaluation des Kinderförderungsgesetzes (KiFöG-Bericht 2013) http://www.bmfsfj.de/RedaktionBMFSFJ/Broschuerenstelle/Pdf-Anlagen/Kif_C3_B6G-Vierter-Zwischenbericht-zur-Evaluation-des-Kinderf_C3_B6rderungsgesetzes,property=pdf,bereich=bmfsfj,sprache=de,rwb=true.pdf
7. Positionspapier der Deutschen Gesellschaft für Sozialpädiatrie und Jugendmedizin (DGSPJ) zu Qualitätskriterien institutioneller Betreuung von Kindern unter 3 Jahren (Krippen). Ulrike Horacek, Rainer Böhm, Renate Klein, Ute Thyen und Frank Wagner/<http://www.kindergartenpaedagogik.de/1897.html>

*Filippova Yuliya Sergeevna,
Krasnoyarsk pedagogical University,
student, the faculty of primary school
E-mail: jlia-92@mail.ru*

*Timofeeva Natalia Borisovna,
Krasnoyarsk pedagogical University,
adviser of the Russian Academy of Natural Sciences,
senior teacher of the Department of natural Sciences,
mathematics and private methods
E-mail: timonatabor@yandex.ru*

Children with mental retardation in primary schools

Abstract: In an education system, today, a special problem there is a poor progress of pupils including younger school students, generally it is pupils with the delay of mental development (ZPR). In article the question how to be trained in the child with ZPR in the conditions of comprehensive school is considered.

Keywords: Children with mental retardation, primary school children, general education school.

*Филиппова Юлия Сергеевна,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, студент, факультет начальных классов
E-mail: jlia-92@mail.ru*

*Тимофеева Наталья Борисовна,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, старший преподаватель кафедры естествознания,
математики и частных методик, советник Российской Академии Естествознания
E-mail: timonatabor@yandex.ru*

Дети с задержкой психического развития в начальных классах общеобразовательной школы

Аннотация: В системе образования, на сегодняшний день, особой проблемой остается неуспеваемость учащихся, в том числе и младших школьников, в основном это ученики с задержкой психического развития (ЗПР). В статье рассматривается вопрос о том, как ребенку с ЗПР обучаться в условиях общеобразовательной школы.

Ключевые слова: Дети с задержкой психического развития, младшие школьники, общеобразовательная школа.

Школа, а особенно начальная, является важным этапом в жизни ребёнка, дошкольник, для которого основным способом деятельности и познания была игра, должен многому научиться. Главной задачей для учителя стоит не только научить читать, писать и считать ребёнка, но и развить познавательные процессы, такие как: память, внимание, воображение и мышление. В начальной школе закладывается умение учиться. Процесс познания и получения информации должен стать для ребёнка самостоятельным, а учитель лишь помогает и направляет, поддерживает инициативу. Но случается, что некоторым детям тяжело саморегулировать свою деятельность, ведущей у них остается игра, а учеба вызывает затруднение,

и как следствие может возникнуть неуспеваемость. «При выполнении учебных заданий у детей наблюдается быстрая утомляемость и интеллектуальная пассивность. Они не приучены к систематической мыслительной деятельности, поэтому крайне поверхностно усваивают учебный материал. В то же время они очень активны в игровой деятельности, которая в какой-то мере компенсирует их неудачи в учебе» [6, С. 11]. Таких детей принято считать детьми с задержкой психического развития, но они не являются умственно отсталыми.

Под термином «задержка развития» Старовой М. С. понимается «синдромы временного отставания развития психики в целом или отдельных

её функций (моторных, сенсорных, речевых, эмоционально-волевых), замедленного темпа реализации закодированных в генотипе свойств организма» [6, С. 10], в своем исследовании мы придерживаемся ее трактовки.

Значительным своеобразием отличается поведение этих детей. После поступления в школу они продолжают вести себя как дошкольники. Ведущей деятельностью является игра. Но к школьному возрасту у них оказывается несформированной высшая форма игровой деятельности — ролевая игра. Это игра со сложными правилами, которая по существу подготавливает ребенка к выполнению учебной деятельности, т. е. к процессу научения в школе.

Важно отметить, что в условиях общеобразовательной школы ребенок с задержкой психического развития впервые начинает отчетливо осознавать свою несостоятельность, которая выражается прежде всего в неуспеваемости.

Под влиянием неудач у ребенка с задержкой психического развития быстро развивается отрицательное отношение к учебной деятельности. Этого можно и нужно избежать. Надо осуществлять к каждому такому ребенку индивидуальный подход. Педагогу необходимо всячески поддерживать имеющиеся у ребенка на первых порах положительное отношение к школе. Не следует подчеркивать отсутствие успехов в учебной деятельности и критиковать за не вполне адекватное поведение [7].

Актуальность проблемы детей с задержкой психического развития в России в последние годы значительно возросла. Как показывают психологические исследования отечественных психологов, дети с задержкой психического развития составляют примерно 50% неуспевающих учащихся, что свидетельствует о том, что такие дети всё чаще встречаются в общеобразовательных школах. Это связано на наш взгляд с тем, что дети с задержкой психического развития не усваивают общую программу наравне со сверстниками. По данным отечественных исследователей, таких как Венгер Л. А., К. С. Лебединская и др. в России до 30% детей младшего школьного возраста имеют частные проблемы в обучении и не справляются с требованиями школьной программы. Исследования по проблеме школьной неуспеваемости проводились учеными из разных областей знаний, такими как: З. И. Калмыкова, И. А. Коробейников, Н. А. Менчинская, Н. И. Мурачковский, Н. П. Слободяник, Ю. К. Бабанский, Б. П. Есипов, Л. В. Занков, К. С. Лебединская, В. И. Лубовский, Н. А. Никаши-

на, С. Г. Шевченко и др. Именно К. С. Лебединская, В. И. Лубовский, Н. А. Никашина, С. Г. Шевченко одни из первых выявили среди неуспевающих школьников особую категорию — детей с задержкой психического развития. «У таких детей нормальный слух и зрение, отсутствует умственная отсталость (стойкое, необратимое нарушение психического развития, в первую очередь интеллектуального, обусловленного недостаточностью центральной нервной системы), заметные дефекты речи и опорно-двигательного аппарата» [2, С. 97]. Увеличение числа таких детей отмечается во всем мире, поэтому проблема трудности в обучении стала одной из актуальных психолого-педагогических проблем сегодняшнего времени.

Проанализировав психолого-педагогическую литературу, мы сделали вывод, что такие дети испытывают трудности в учебе из-за повышенной утомляемости, неустойчивого внимания, плохой памяти, недостаточного уровня развития мышления и речи, что проявляется при выполнении различных заданий на уроках и во внеклассной деятельности.

По характеру поведения, особенностям познавательной деятельности младшие школьники с задержкой психического развития значительно отличаются от нормально развивающихся сверстников и требуют специальных коррекционных воздействий для компенсации нарушений [2, С. 146]. В СФГОС отмечается: «В настоящее время широко практикуется обучение детей с задержкой психического развития в обычных (реже в специализированных) классах образовательных школ, что далеко не всегда отвечает их образовательным возможностям. В большинстве случаев для них оказываются непосильными не только требования к темпам усвоения учебного материала, но и его содержание, и методика развивающего обучения, ориентированная на основной контингент массовой школы. Поэтому вполне очевидны как несостоятельность интеграции в образовательный класс, где ребенок остаётся без необходимого профессионального сопровождения, так и малая эффективность специальных классов, открытых без соответствующего кадрового и методического обеспечения» [1; С. 5]. Но могут ли такие дети обучаться в общеобразовательной школе наравне с другими детьми или им всё таки необходимы специализированные условия? Данный вопрос подтолкнул нас на раздумья и дал почву для исследования.

Под специализированными условиями нами понимается среда, в которой находятся дети с задержкой психического развития. Чтобы ответить на данный вопрос, мы предложили всем испытуемым

одинаковые условия для того, чтобы провести сравнительный анализ и понять стратегию развития для данной категории детей, т. е. выбрать оптимальный вариант обучения.

Эксперимент проводился на базе муниципального общеобразовательного учреждения «Средней общеобразовательной школы № 16 им. Д. М. Карбышева» г. Черногорска, в нём приняли участие 25 учащихся четвертых классов в возрасте 9–10 лет, в том числе 12 учащихся с задержкой психического развития. В нашем исследовании группу «А» будем учитывать детей с нормальным развитием, группу «Б» детей с задержкой психического развития.

В нашем исследовании мы применяли методики, направленные на диагностику мышления, так как считаем, что именно при описании полученных результатов можно четко и структурированно проследить различия познавательной сферы, учащихся двух заявленных групп и ответить на поставленный вопрос. Так же данные методики не зависят от эмоционального состояния ребёнка, что в дальнейшем даёт нам возможность объективно подвести итоги исследования. Опишем методики, которые мы применяли в данном исследовании.

Первая методика — для определения темпа выполнения ориентировочных и операциональных компонентов мышления. Учащимся был предложен бланк со словами, в котором пропущены буквы, по сигналу в течение 3 минут они были должны вписать недостающие буквы. Данную методику предлагает Черемискина И. И. [5].

Вторая методика — «Простые аналогии». Целью является выявить характер логических связей и отношений между понятиями.

Учащимся предлагаются бланки, на которых в верхней строке указаны два понятия, находящиеся в определенной логической связи, а в нижней — понятия, которые находятся в определенных логических отношениях. Учащимся необходимо из предложенных понятий подобрать такое понятие, чтобы пара понятий в правой части нижней строки бланка находилась в такой же логической связи, как и пара понятий в верхней строке [4].

Третья методика «Исключение лишнего» [3].

Цель методики состоит в том, что исследовать способности к обобщению и абстрагированию у обучающихся.

Им предлагалось из ряда слов, объединённых в одну группу найти лишнее слово, не относящееся к данной группе.

Опишем полученные результаты в ходе исследования.

Как показывают данные **по первой методике** в «А» группе 11,1% учащихся имеют низкий уровень скорости мышления, 66,7% — средний уровень, 22,2% — высокий уровень. В «Б» группе 33,3% учащихся имеют низкий уровень скорости мышления, 50% — средний уровень, 16,7% — высокий уровень.

По результатам **второй методики** в «А» группе преобладает средний уровень выявления характера логических связей (77%). При этом в «Б» группе средний уровень составляет 16,7% учащихся, а низкий — 83,3%. Это говорит о том, что для детей с задержкой психического развития составляет трудность устанавливать логические связи, поэтому учителям, работающим с такими детьми важно уделять наибольшее внимание развитию логического мышления и выбирать упражнения с данной направленностью.

Результаты **третьей методики** показали, что дети в двух группах имеют средний уровень к обобщению, однако у детей с задержкой психического развития при выборе правильного ответа возникает трудность обоснования, часто даётся одно родовое понятие для объяснения, либо вообще отсутствует.

Таким образом, получив результаты исследования по представленным методикам, мы можем сделать заключение о том, что детям с задержкой психического развития необходимо уделять больше внимания и требуется больше времени для усвоения одного и того же материала, чем детям с нормальным развитием, но это не препятствует обучению в общеобразовательной школе.

Мы считаем, что дети с задержкой психического развития могут обучаться как в коррекционном классе в условиях общеобразовательной школы для детей с задержкой психического развития, так и в обычном общеобразовательном классе. Важным для учителя, работающего с детьми с задержкой психического развития является то, что «Федеральный государственный образовательный стандарт ориентирован на ребёнка, у которого нет нарушений в развитии и не предусматривает работу с детьми, имеющими отклонения. Работая с детьми с задержкой психического развития, мы должны опираться на Специальный Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования детей с задержкой психического развития» [1, С. 3].

Список литературы:

1. Коробейников И. А., Инденбаум Е. Л., Бабкина Н. В. Специальный Федеральный государственный образовательный стандарт начального образования детей с задержкой психического развития: проект / (Стандарты второго поколения) – М.: Просвещение, 2013. – С. 3.
2. Овчарова О. В. Практическая психология в начальной школе. – М.: Сфера, 1998. – С. 97.
3. Психодиагностика: коллекция лучших тестов / О. Н. Истратова, Т. В. Эксакусто. – Изд. 9-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2013. – с. 375: ил. – (Психологический практикум)
4. Сборник психологических тестов. Часть II: Пособие / Сост. Е. Е. Миронова – Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2006. – С. 38–40.
5. Черемискина И. И. Методические указания для практических занятий по курсу «Специальный практикум по психологии» Методики диагностики свойств мышления для студентов факультета психологии, специальности. – Владивосток, 2007. – С. 10.
6. Староверова М. С. Инклюзивное образование. Настольная книга педагога, работающего с детьми с ОВЗ: Методическое пособие. – М.: Гуманитарный изд. Центр ВЛАДОС, 2012, – С. 11.
7. Электронный ресурс – Режим доступа: <http://nsportal.ru/nachalnaya-shkola/materialy-mo/2012/01/25/osobennosti-uchebnoy-deyatelnosti-u-detey-s-zaderzhkoy> (Дата обращения: 06.11.2014).

*Shadiev Rizamat Davranovich,
Karshi state university
Kamolov Iftixor Baxtiyorovich
Karshi state university
E-mail: r.d07@mail.ru*

Pedagogical model of professional education in jewelry art: basic parameters of the concept

Annotation: In the article the process of education of jewelry designers, shaping in students established worldview on artisanal projecting and producing modern jewelry products considering the custom requirement. Abilities for goal oriented search of none standard solutions with use of as traditional, so novel technologies and materials. Shaping in future jewelers interest in creative work.

Keywords: Professional, education, jeweler, product, art, creative work, composition, intellection, students, projecting, producing.

Педагогическая модель профессионального образования в ювелирном искусстве: основные параметры концепции

*Шадиев Ризамат Давранович,
Каршинский Государственный университет
Камолов Ифтихор Бахтиёрович
Каршинский Государственный университет
E-mail: r.d07@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается процесс обучения художников-ювелиров, формирование у учащихся мировоззренческих установок на художественное проектирование и изготовление современных украшений с учетом требований потребителей, основ композиционного мышления, стремления творчески использовать весь арсенал имеющихся материалов для создания конкурентоспособного ювелирного изделия. Умений вести целенаправленный поиск нестандартных решений с использованием как традиционных, так и новаторских технологий и материалов. Формирование у будущего ювелира профессионального интереса к творческой деятельности.

Ключевые слова: Профессиональная, образования, ювелир, изделия, искусства, творческая деятельность, композиция, мышления, учащиеся, проектирование, изготовления.

Профессиональное образование в области традиционного и прикладного искусства, в нашем случае ювелирного — это система знаний, умений, навыков творческой деятельности, обусловлен требованиями общества к специалистам этого профиля. Цель профессионального образования в ювелирном искусстве заключается в овладении знаниями и умениями, необходимыми для успешного выполнения деятельности по полученной профессии а именно: развитый интеллект, сильная воля, хорошая память, способности: разумно действовать в различных обстоятельствах, связанных как с производственными, так и жизненными обстоятельствами; творчески мыслить, анализировать возникающие ситуации, оперативно самостоятельно принимать решения, предвидеть их последствия; адекватно оценивать себя и других а также сформированность высоких морально-нравственных качеств, этических и эстетических ценностей; настойчивость в достижении поставленной цели; независимость и умение отстаивать свои убеждения; а уверенность в своих силах; развитая потребность в самосовершенствовании; умение анализировать, контролировать и оценивать свои действие, понимать причины неудач, намечать пути и их устранения и предупреждения; находить способы повышения качества эффективности учебно- познавательной и профессиональной деятельности [4].

Проведенные исследования показали, что для достижения названных выше целей будущему ювелиру необходимо овладеть определенными умениями, которые включают эмоционально-мотивационный, ориентационно-планирующий, содержательно-операционный и контрольно-оценочный компоненты.

Эмоционально-мотивационный компонент — источник активности, побуждающий к деятельности. Он характеризуется эмоциональной окрашенностью и способствует развитию эстетической потребности в овладении умениями художественно- эстетической культуры; актуализации профессионального интереса к творческой деятельности; обогащению мотивов художественно эстетического познания; побуждению личности самоактуализации, что помогает в дальнейшем понимать и оценивать произведения искусства, формировать и развивать личностные художественно-творческие потребности и способности, понимать и использовать в деятельности условности языка произведений декоративно-прикладного искусства, опе-

ривать художественно-эстетическими понятиями при анализе произведений декоративно-прикладного искусства знать и использовать в анализе произведений ювелирного искусства понятия: мастерство, материал, приемы и способы обработки, народные традиции и т. д.

Ориентационно-планирующий компонент профессионального умения ювелира предполагает определение цели действий, их планирование и прогнозирование. Наши исследования показывают, что ведущими функциями этого компонента являются: формирование ценностной ориентации в выборе цели деятельности; развитие потребности решать творческие задачи и объективировать свой внутренний мир в формах художественно-эстетической деятельности. Содержательно-операционный компонент состоит из системы знаний о ювелирном искусстве и способах применения этих знаний на практике. Здесь основание функции: развитие практического, профессионального и системного мышления; формирование творческих способностей в конкретной деятельности; эмоциональное подкрепление профессионального интереса при реализации целей. Контрольно-оценочный компонент заключается в систематическом получении обратной информации о развитии знаний и художественно-практических умений учащегося на основе анализа результатов его деятельности с точки зрения эстетической оценки реализации замыслов; критического анализа творческого потенциала в профессиональной деятельности; навыков рефлексии; развития познавательного, профессионального интереса а также умения анализировать содержание произведений с позиций исторических и культурных традиций народного декоративно-прикладного искусства, понимания того, что оно является частью духовной культуры, культурных традиций.

Все перечисленные выше навыки позволяют будущим ювелирам овладеть конкретными умениями, в частности, по художественной обработке металлов с опорой на традиции народного декоративно-прикладного искусства, умением определять идею по теме практического задания, выбирать материалы для создания художественного образа в изделии, качественно выполнять технологические операции с использованием традиций ювелирного искусства по художественной обработке материалов с учетом художественных средств и приемов, присущих опре-

деленным видам обработки металла, с использованием необходимых инструментов, технологических приемов, традиций изобразительно-символического оформления; умение осмысленно оценивать готовое изделие с учетом эстетических и технологических требований, а также соответствия идее произведения целостному художественному образу.

Кроме того в соответствии с изученными материалами [5; 2] установлено, что ювелир-специалист в области художественного проектирования ювелирных украшений, основанных на традициях культуры изготовления, должен: иметь специфическое мировоззрение, нацеленное на художественное проектирование и изготовление современных украшений с учетом требований потребителей; обладать развитым композиционным мышлением способностью творчески использовать имеющиеся материалы для создания конкурентоспособного ювелирного изделия.

Из всего сказанного следует, что образовательный процесс в области ювелирного искусства, основанный на традициях культуры, должен осуществляться на основе уровневой градации процесса обучения; деятельностного подхода к профессиональному образованию; прогнозирования результатов при выполнении эталонных требований к профессиональным качествам художника-ювелира. В концепции для каждого предмета, включенного в учебный план, разработаны программы практик, научно-методические рекомендации и программа итоговой государственной аттестации для специальности «3211214-Мастер по ювелирным изделием». Это означает, что преподаватель колледжа не просто автоматически повторяет методику народного мастера, он ее осмысливает, творчески перерабатывает, анализирует и использует в соответствии с программами документами и требованиями времени и профессиональной подготовки. Так, учебные планы среднего профессионального образования в области ювелирного искусства по специальности «Мастер по ювелирным изделием» для обучающихся на базе 9 классов кроме общеобразовательных предметов предусматривают изучение таких дисциплин как: эстетика, личность и общество, родной язык, культура речи и делопроизводство на государственном языке, иностранный язык, основы экономики, правоведения, информатика и информационные технологии. В блоке обще профессиональных дисциплин изучаются основы цветоведения, пластическая анатомия, художественная обработка цветных металлов. В блоке специальных дисциплин: рисунок, живопись, скульптура, основы композиции, традиционное при-

кладное искусство, народный орнамент, декоративная графика и скульптура, современные проблемы традиционного прикладного искусства. Учебный план по специальности «3211210-Художник-мастер ювелирных изделий» специализация — ювелирное искусство со сроками обучения три года предусматривает изучение иностранного языка, философии, политологии, правоведения, родной язык, культура речи и делопроизводство на государственном языке, основы экономики. Общепрофессиональные дисциплины включают: основы бизнеса и предпринимательства, пластическая анатомия, проектирования, цветоведение и колористику. Специальные дисциплины включают: художественная обработка цветных металлов, практическая занятия в мастерской и т. д.

Все названные выше знания формируют у учащихся умения и навыки- разрабатывать оригинальные по художественному замыслу и исполнению произведения, творчески решать композиционные, колористические и технические задачи, а также обобщать и использовать народные традиции, отечественный и зарубежный опыт, современные достижения в области художественной культуры и технической эстетики. Познавая общие законы профессиональной художественной школы, выпускники колледжей получают профессию художника-мастера ювелирных изделий традиционного прикладного искусства, что, по сути в корне отличается от станкового профессионального образования. Дальнейшее их обучение и художественное образование может быть основано по нашему мнению на тех образовательных принципах в декоративно-прикладном искусстве, которые издавна существовали на Востоке. Необходимо отметить, что уже с первого курса колледжа учащиеся приобщаются к декоративному образному восприятию предметной среды, для чего анализируя форму, характер изображаемого объекта и используя различные технические художественные примы создают собственные декоративные композиции, что позволяет проникать в корни традиционного прикладного искусства, дает возможность разобраться в художественных стилях, воспитывает художественный вкус. Занятия по мастерству позволяют убедиться в том, что материальное воплощение разработанных творческих идей представляет собой законченное уникальное изделие-плод ручного художественного труда.

Причем в процессе обучения мастерству изготовления изделий народного искусства применяются как формы индивидуального ученичества (личностно-ориентированный подход), так и коллективного обучения, как методы «из-под руки», так и способ те-

оретического обучения, соединенный с практической деятельностью обучающегося. Особенным принципом с четким соблюдением последовательности овладения мастерством: от копирования лучших образцов мастеров к исполнению собственных творческих работ. Овладение новой техникой происходит по уже пройденному пути, что способствует формированию навыков высокопрофессионального изготовления изделий с применением старинных технологий и включением современных декоративных материалов и приемов художественного оформления изделий.

Обучение проектированию ювелирных изделий начинается с освоения дисциплины «Основы композиции» и заканчивается проектированием дипломной работы. Процесс обучения этому предмету нацелен на то, чтобы та композиция, которую графически выполнил учащийся, могла быть выполнена на базе учебной мастерской собственноручно, по руководством преподавателей по мастерству. Изготовление проекта в материале, металле — главный показатель успеха проекта, выполненного графически на бумаге. «Основы композиции» — это начальный курс, где происходит ознакомление с законами и приемами композиции, с особенностями орнаментальной композиции. «Технология подготовки ювелирных изделий» — базовый курс по подготовке художника-ювелира построен так, чтобы в процессе обучения будущие ювелиры познакомились с особенностями ювелирной композиции, усвоили основополагающие принципы построения композиции штучных ювелирных изделий и комплектов в разных техниках изготовления. Курс «Основы композиции» включает изучение основных законов и понятий композиции, а также нескольких тем: «Геометрический орнамент», «Растительный орнамент» и «Овладение основами проектной графики». Задача педагога — научить учащегося мыслить творчески, вводя как индивидуальные, так и коллективные беседы, вовлекая в них как можно больше учащихся группы, чтобы наглядно продемонстрировать отношение обучающихся к своей деятельности и деятельности других, акцентируя внимание как на традициях, так и инновациях в области дизайна и развития новых технологий. Для художественно-творческого развития ювелиров нам представляется целесообразным проводить разного вида просмотры, выставки и творческие конкурсы с их дальнейшим обсуждением, что позволяет учащемуся анализировать собственную работу, искать аргументы в пользу ее состоятельности.

Особое место в обучении учащихся имеют межпредметные связи между общими и специальными

художественными предметами, в частности, благодаря взаимодействию художественных дисциплин как основы творческого проектирования художественных изделий с занятиями специальной композицией, а также теснейшей связи рисунка, живописи и композиции с обучением мастерству [1] что по мнению Н. В. Севрюковой является необходимым условием подготовки высокообразованного специалиста в области ювелирного искусства [3]. Она же рекомендует задания по проектированию отдельных ювелирных украшений серег, кольцо, броши, браслета, колье выстраивать по принципу от простых к более сложным изделиям. При этом надо соблюдать определенную последовательность работы над проектом: первый этап — сбор материала (зарисовка, копия). Его цель — выявить многообразие конструктивных приемов, использования декора, вставок, видов закрепок камней и т.д. Второй этап — разработка темы. Общую тему диктует преподаватель, а учащийся выбирает конкретную по своему желанию. Темы первого раздела программы «Специальная композиция» нацелены на развитие творческого мышления студентов и совершенствование ранее приобретенных умений и навыков работать с металлом и ювелирными вставками. Их последовательность и содержание разработаны с целью овладения учащимися теоретическими знаниями по данному виду искусства и совершенствованию у них умений проектировать композиции отдельных ювелирных изделий и несложных гарнитуров с использованием вставок стандартных форм и размеров. На заключительном этапе создается композиция отдельного ювелирного изделия или гарнитура, подбирается оптимальный вариант технологического решения для изготовления изделия, выполняется графический проект изделия на планшете. Всему этому обязательно предшествует серьезная подготовительная работа преподавателем, который помогает найти наиболее удачное решение, подобрать верный материал. Здесь большую роль играют наглядные материалы, которые необходимо широко использовать на уроках проектирования, поскольку знакомят учащихся с другими работами, расширяют их представления о ювелирном искусстве, получают стимул к формированию новых идей, проектов, в которых проявляется их собственная фантазия. Все вышеперечисленное в комплексе с теоретическими знаниями развивает зрительную память и воображение учащихся, что позволяет повышать профессиональные качества будущего художника-ювелира в исполнительском мастерстве. Здесь необходимо оговориться, что выбирая задание для учащегося или одобряя то, что он

выбрал сам, педагог должен научить его главному — добиваться профессионального мастерства, совершенствования своих умений, создавать оригинальные композиции, гармонично сочетая их с использованием орнаментов и мотивов из различных декоративно-прикладных областей.

Проектирование дипломного проекта — завершающий этап работы учащегося над проектированием ювелирных изделий или композиций. Выбор темы проектирования определяется личным желанием учащегося, его интересами и мотивами. Самой сложной задачей при этом является определение комплектности изделий, объединенных общей темой: их числа, формы, соотношения между собой. Для успешного выполнения дипломного проекта используется различный материал: фотографии, альбомы, журналы по ювелирному искусству с произведениями художников-ювелиров, изделия народного декоративно-прикладного искусства, т. к. дипломное проектирование — это подведение итогов пройденного за все годы обучения. На дипломное проектирование учащиеся создают проект комплекта из двух ювелирных украшений, который должен иметь высокое качество. Дизайн, пропорции и художественное исполнение должны находиться на мастерском уровне: углы лапок креплений пропорциональны, симметричны относительно всех элементов, все поверхности отполированы, отсутствуют признаки швов или припоя, посадка камней надежна, а камни должны располагаться на одном уровне. Кроме того оцениваются: степень осознанности замысла; изобретательность, оригинальность, индивидуальность в выборе средств воплощения, желательно с аргументацией со стороны учащихся; степень выражения главной мысли; соответствие композиционного решения технологичности выполнения в материале, что играет огромную роль в воспитании чувства реальности выполнения изделия.

Итак, понятие образования в системе народных художественных промыслов входят познавательно-просветительная деятельность по конкретному виду народного декоративно-прикладного искусства и художественно-педагогическое образование. Это означает, что в ходе обучения необходимо создать условия для развития у учащихся мировоззренческих установок на художественное проектирование и изготовление современных украшений с учетом требований потребителей; основ композиционного мышления; стремления творчески использовать весь арсенал имеющихся материалов для создания конкурентоспособного ювелирного изделия; умений вести целенаправленный поиск нестандартных решений с использованием как традиционных, так и новаторских технологий и материалов т. е., комплекс педагогических условий для эффективного функционирования современной модели образования в ювелирном искусстве, который включает: формирование профессиональных умений будущего ювелира; использование сочетания традиционных и инновационных форм и методов организации обучения; формирование у будущего ювелира профессионального интереса к творческой деятельности.

В целом, теоретическое исследование проблемы разработки педагогической модели профессионального образования будущих ювелиров позволило подтвердить предположение о значимости использования в этом процессе принципов деятельностного и личностно-ориентированного подходов к обучению, что создает условия для реализации принципа профессиональной мобильности и предусматривает развитие способности у будущего специалиста быстро осваивать умения и навыки, поддерживать стремление к самообразованию и профессиональному совершенствованию.

Список литературы:

1. Григоревская Е. Б. Междисциплинарный подход к преподаванию общехудожественных дисциплин в профессиональных учебных заведениях традиционного прикладного искусства // Традиционное прикладное искусство и образование. Материалы 11 науч. практ. конф. — СПб: ВШНИ, 2005.
2. Максимович В. Ф. Традиционное декоративно-прикладное искусство и образование: Исторический аспект, современное состояние и пути обновления. — М.: Флинта, 2000.
3. Севрюкова Н. В. Методика преподавания композиции в подготовке художников-ювелиров // Традиционное прикладное искусство и образование: материалы 11 межд. науч.-практ. конф. — СПб: ВШНИ, 2005.
4. Скаун В. А. Организация и методика профессионального обучения. — М.: Форум-Инфра, 2007.
5. Торшина И. Б. Проблема гуманизации и гуманитаризации образования в технических университетах России. // Традиционное прикладное искусство и образование: материалы 11 межд. науч.-практ. конф. — СПб: ВШНИ, 2005.

Dynamique des indicateurs de l'organe de la vision chez les jeunes sportifs et sportives atteints par la myopie de faible intensité et le spasme d'accommodation

Abstré: Les aspects sociaux, hygiéniques et géographiques de ce problème, le degré des charge de vision élevé et beaucoup d'autre facteurs sont bien connus et font l'objet d'études depuis longtemps. Dans chaque pays, chaque ville et chaque village, chaque maison et chaque famille il y a leurs « propres » raisons de la myopie maligne. Trente personnes de l'âge et du sexe appropriés (dont 16 filles et 14 garçons) ont fait partie du groupe témoin. Les diagnostics de la myopie maligne et du spasme d'accommodation ont été choisis le critère de choix. Jeunes nageurs, lutteurs et athlètes de 8 à 15 ans ont constitué le groupe d'essai. Au total on a choisi 110 enfants dont 62 filles et 48 garçons. Les enfants faisant partie du groupe d'essai ont passé le programme de réhabilitation de 9 mois et les enfants faisant partie du groupe témoin ne l'ont pas fait. Pour étudier les indicateurs des organes de la vision il a fallu définir acuité visuelle non corrigée au lointain, acuité visuelle corrigée, réserve d'accommodation au moyen du refractomètre automatique, réfraction au moyen des règles skiascopiques, volume d'accommodation absolue (OAA), réserve d'accommodation relative avec oculaire négatif maximal (ZOA). On a constaté l'influence positive générale du programme de réhabilitation physique sur l'état de santé des enfants atteints par la myopie de faible intensité par rapport aux indicateurs étudiées. La dynamique positive a été constatée sur tous les indicateurs étudiées dans le groupe d'essai où les résultats se sont améliorés d'une manière évidente par rapport au groupe de témoin. Le programme de réhabilitation développé basé sur les méthodes traditionnelles a finalement contribué à la normalisation des indicateurs de réfraction et d'accommodation.

Mots clés: myopie, troubles d'accommodation, sport, enfants et adolescents

Introduction. Les aspects sociaux, hygiéniques et géographiques de ce problème, le degré des charge de vision élevé et beaucoup d'autre facteurs sont bien connus et font l'objet d'études depuis longtemps. Dans chaque pays, chaque ville et chaque village, chaque maison et chaque famille il y a leurs « propres » raisons de la myopie maligne. Ainsi au Japon, pays leader dans le domaine de myopie, la tradition attribue la plus grande importance à la nourriture uniforme et à la lumière artificielle répandue dans les établissements d'enseignement. La myopie va croissant du sud au nord ce qui s'explique par l'insolation et les particularités d'alimentation. Dans les villes les myopies sont plus nombreuses que dans les villages; il y en a plus dans les écoles spécialisées que dans les écoles d'enseignement général; les personnes inactives du point de vue physique en souffrent plus souvent que les personnes sportives surtout ceux qui font de la natation. L'élimination des facteurs néfastes au fonctionnement non seulement diminue la progression de la maladie mais évite la myopie « scolaire ». Ces données confirment que les facteurs génétiques de l'apparition et de la progression de la maladie privilégiés par certains ophtalmologistes étrangers (Zaksewvenger, Riger, Schober etc) ne sont pas inévitables. Il ne faut pas

négliger l'influence de l'environnement et de justifier ainsi son inactivité.

Matériels et méthodes. Trente personnes de l'âge et du sexe appropriés (dont 16 filles et 14 garçons) ont fait partie du groupe témoin. Les diagnostics de la myopie maligne et du spasme d'accommodation ont été choisis le critère de choix. Ils ont goutté 2,5% iriphrine dans les deux yeux pendant 30 jours et pris les vitamines "Luten" un comprimé deux fois par jour après les repas pendant un mois. La cure reprenait six mois plus tard.

Jeunes nageurs, lutteurs et athlètes de 8 à 15 ans ont constitué le groupe d'essai. Au total on a choisi 110 enfants dont 62 filles et 48 garçons. Les enfants de ce groupe avaient la myopie de faible intensité dans 44% des cas et le spasme d'accommodation dans 56% des cas.

En faisant les programmes de réhabilitation physique et en réfléchissant sur leur durée nous partions du fait que l'entraînement systématique continu était la base de la réhabilitation physique ininterrompue menant au développement des capacités fonctionnelles de l'organisme.

Afin d'atteindre cet objectif un programme complexe de réhabilitation physique pour les enfants de 8 à 15 ans atteints par la myopie de faible intensité et le spasme

d'accommodation a été mis au point. Le programme complexe comprenait les activités suivantes: gymnastique de cure (exercices générales et spéciales avec les outils spéciaux, jeux actifs adaptés, jeux visuels spécialisés, exercices d'aspiration, exercices de relaxation), méthodes de automassage des yeux, exercices physiques à pratiquer individuellement.

Les enfants du groupe d'essai ont fait le programme de réhabilitation de neuf mois et les enfants du groupe de témoin ne l'ont pas fait.

Pour étudier les indicateurs des organes de la vision il

a fallu définir acuité visuelle non corrigée au lointain, acuité visuelle corrigée, réserve d'accommodation au moyen du refractomètre automatique, réfraction au moyen des règles skiascopiques, volume d'accommodation absolue, réserve d'accommodation relative avec oculaire négatif maximal.

Résultats. En gros après l'épreuve nous avons constaté les changements des paramètres d'accommodation suivants (voir le tableau ci-dessous). Afin de faciliter la perception des données le tableau ne réunit que des résultats moyens par groupe.

Tableau. – Dynamique de changement des paramètres d'accommodation

Indicateurs ophtalmologiques	Groupe d'essai		Groupe de temoin		P
	Avant	Après	Avant	Après	
	Garçons				
Acuité visuelle (non-corrigée)	0,73±0,01	0,79±0,02	0,72±0,02	0,73±0,01	p<0,05
Acuité visuelle (corrigée)	0,99±0,01	1,0±0,001	1,0±0,01	1,0±0,01	p>0,05
Réfractométrie (refractomètre)	1,70±0,02	1,52±0,06	1,70±0,06	1,61±0,14	p<0,05
Réfractométrie (skiascopie)	1,25±0,05	1,00±0,02	1,21±0,06	1,13±0,04	p<0,05
ZOA (dptr)	2,34±0,02	3,11±0,04	2,33±0,06	2,48±0,02	p<0,05
«->» partie OOA (dptr)	4,98±0,08	5,22±0,06	4,58±0,14	5,01±0,06	p>0,05
OAA (dptr)	8,94±0,23	10,01±0,14	9,62±0,22	10,08±0,24	p<0,05
PP (cm)	9,00±0,21	8,11±0,45	9,00±0,42	8,55±0,64	p>0,05
PR (cm)	38,08±0,05	42,50±0,77	37,90±0,04	40,47±1,44	p<0,05
Filles					
Acuité visuelle (non-corrigée)	0,73±0,01	0,78±0,01	0,76±0,01	0,78±0,01	p<0,05
Acuité visuelle (corrigée)	0,99±0,01	1,0±0,01	1,0±0,01	1,0±0,01	p>0,05
Réfractométrie (refractomètre)	1,68±0,02	1,25±0,12	1,72±0,18	1,52±0,14	p<0,05
Réfractométrie (skiascopie)	1,20±0,02	0,65±0,01	1,03±0,01	0,76±0,01	p>0,05
ZOA (dptr)	2,31±0,01	3,41±0,04	2,46±0,01	3,04±0,02	p<0,05
«->» partie OOA (dptr)	5,00±0,08	5,56±0,06	4,59±0,08	5,01±0,04	p>0,05
OAA (dptr)	9,06±0,08	8,02±0,04	8,96±0,11	8,14±0,06	p<0,05
PP (cm)	9,00±0,02	8,54±0,06	9,00±0,03	8,77±0,05	p>0,05
PR (cm)	38,04±0,08	43,25±1,12	38,09±0,11	40,14±1,06	p<0,05

Après l'épreuve la comparaison des groupes nous a fait voir le changement véritable significatif de presque tous les indicateurs (p<0,05) à l'exception de l'acuité visuelle corrigée “-” de la partie OAA et de la position moyenne du point le plus proche (PP). Ces indicateurs n'ont pas démontré les différences significatives entre les groupes.

L'acuité visuelle au lointain sans correction a augmenté de 0,04 en moyenne dans les deux groupes. Pour autant l'augmentation de l'acuité visuelle au lointain avec la correction maximale jusqu'à 1,0 a été constatée chez tous les enfants des deux groupes.

L'affaiblissement de la réfraction de myopie mesuré avec refractomètre a constitué 0,26 (0,21–0,31) dptr en moyenne dans les deux groupes. Il est à noter que dans le groupe d'essai la réfraction chez les filles a diminué de 11% et celle chez les garçons a diminué de 13%. Dans le groupe témoin ces indicateurs ont changé de 8% et 8% respectivement.

Les mesures de la réfraction avec la règle skiascopique ont démontré la diminution moyenne de la réfraction de 0,51 (0,8–0,23) dptr dans les deux groupes. Dans le groupe d'essai la réfraction chez les filles a diminué de 47% et celle chez les garçons a diminué de 11%. Dans le groupe témoin ces indicateurs ont changé de 34% et 5% respectivement.

En plus ZOA dans les deux groupes a augmenté d'une manière significative de 0,82 (0,54–1,11) dptr en moyenne. Dans le groupe d'essai ZOA chez les filles a augmenté de 43% et celle chez les garçons a augmenté de 48%. Dans le groupe témoin ces indicateurs ont changé de 38% et 45% respectivement.

L'augmentation d'OAA a eu lieu dans les deux groupes et a constitué 0,56 (0,13–1,00) dptr en moyenne surtout grâce au retrait de PR de l'œil de 3,09 (0,93–5,25) cm ce qui a été véritable.

Ainsi après avoir fait l'épreuve nous avons obtenu la réponse d'accommodation qui s'est faite voir au moyen des paramètres d'accommodation au lointain modifiés: augmentation de l'acuité visuelle, certaine diminution de la réfraction de myopie, retrait du point le plus éloigné de l'acuité visuelle claire de l'œil.

Conclusion. Il est à constater que le programme de réhabilitation physique développé a une influence posi-

ve sur l'état de santé des enfants atteints par la myopie de faible intensité sur tous les paramètres étudiés. Une dynamique positive a été constatée sur tous les indicateurs dans le groupe d'essai où les résultats ont été clairement meilleurs que ceux dans le groupe témoin.

Le programme de réhabilitation basé sur les procédés traditionnels a abouti à la normalisation des indicateurs de réfraction et d'accommodation.

Reference:

Baranov A. A., Koutchma V. R., Rapoport I. K. Stratégie «Santé et développement des adolescents russes» en tant que moyen de la coopération internationale dans le domaine de la préservation de la santé des enfants/Revue pédiatrique russe –2011. № 4-p. 12–14.

Baranov, A. A. Aspects médicaux et sociaux de l'adaptation des adolescents contemporains aux conditions de l'éducation, l'enseignement et le travail//A. A. Baranov, V. R. Koutchma, L. M. Soukhareva//Guide pour les médecins: M., 2006.-p.349.

Czepita D, Lodygowska E, Czepita M. Are children with myopia more intelligent? A literature review./Ann Acad Med Stetin. 2008;54 (1):13–6.

Rose KA, Morgan IG, Ip J, Kifley A, Huynh S, Smith W, Mitchell P. Outdoor activity reduces the prevalence of myopia in children./Ophthalmology. 2008 Aug;115 (8):1279–85.

Walline JJ, Lindsley K, Vedula SS, Cotter SA, Mutti DO, Twelker JD. Interventions to slow progression of myopia in children./Cochrane Database Syst Rev. 2011 Dec 7; (12): CD004916.

Section 8. Political science

*Krylov Dmitry Anatolyevich,
TRANS-Baikal railway transport Institute, a branch of the Irkutsk state
transport University, doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department
of Economics, associate Professor
E-mail: dmdak@yanex.ru*

Stubs development: Life in politically backward country

Abstract: the article discusses the problems resulting from the Casa manual of Russia from the liberalization of political life in the country. Approval conservative values were the prelude to the announcement about the last country the most significant value for the unique Russian civilization. The author believes that this path is an evolutionary dead end.

Keywords: political life, civil society, traditional society, the effect of gauge, conservative values.

*Крылов Дмитрий Анатольевич,
Забайкальский институт железнодорожного транспорта,
филиал Иркутского государственного университета путей сообщения,
доктор философских наук, профессор кафедры экономики, доцент
E-mail: dmdak@yanex.ru*

Тупики развития: жизнь в политически отсталой стране

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, возникшие в результате отказа руководства России от либерализации политической жизни в стране. Утверждение консервативных ценностей стали прологом к объявлению прошлого страны самой значительной ценностью для уникальной российской цивилизации. Автор считает, что этот путь является эволюционным тупиком.

Ключевые слова: политическая жизнь, гражданское общество, традиционное общество, эффект колеи, консервативные ценности.

Публицистичность заявленной нами в заглавии статьи темы объясняется с позиции тех подходов к политической жизни, которые сформировались в интеллектуальной среде в России еще в XIX веке, когда публицистика стала не только неизбежным элементом художественной литературы, но и критики. Ценностью публицистики было ее доступность для широкого круга читателей, не обремененных специальными познаниями. Тем не менее она не исключала и возможность донести до читающих кругов суть общественной проблемы. При определенных условиях не только односторонней и слабой информированности людей, но и внешнего контроля со стороны действующих от имени государства властей, только через публицистику и можно было донести свое мнение. В итоге, сам прием использования публицистики приобрел вполне самостоятельное значение, в том числе и в науке.

Сегодня, когда рейтинг популярности главы Российского государства В.В. Путина достиг исторического максимума и затмил иные проблемы, кроме роста авторитета страны, мы видим другой образ, указывающий на тупик в политико-социальном и экономическом развитии.

Проявление патернализма в столь открытой форме можно рассматривать как вполне естественную реакцию на затянувшуюся неопределенность переходного периода. План реанимации страны был рожден из противостояния чужеродной рефлексивной традиции и тем ценностям, которые лежали у истоков утраты прежней метанаррации. Тогда в условиях конфликтов и компромиссов был спущен красный красный флаг великой страны и поставлен крест на проекте построения светлого будущего, длившемся более 70-ти лет и стоившего жизни миллионам людей. По-сути, прежние внешние враги отечества (страны Запада

и их союзники) заняли свое почетное место. А сама инверсия составила около десяти последних лет.

Этапами на этом ретроградном пути стали, в частности, рассуждения о суверенной демократии, периодические поиски национальной идеи, евразийство, провозглашение консервативных ценностей, объявление о существовании в стране пятой колонны, признание России не европейской страной. Дополнилось это все нарастающей регламентацией, ростом запретов и ограничений для граждан страны. Изначальная идея формирования гражданского общества на фоне постоянного давления со стороны властей, готовности напомнить о репрессиях сталинской эпохи, не получила своего воплощения. Возможности для развития серьезного бизнеса во многом зависят от доступности бюджетных средств и покровительства, что говорит о прямой зависимости и лояльности, а не самостоятельности. Любые формы конкуренции подавляются или ставятся под контроль.

Не случайно, что Общественная палата была создана в качестве института при государстве. А это, как писал в свое время, Александр Зиновьев, парадокс, так как «объединения Гражданского общества не входят в структуру государственной власти. Они создаются не в помощь власти, а для защиты от нее. Они действуют в рамках юридических законов, но не являются компонентами юридических органов. Они создаются снизу, по инициативе самих граждан, вопреки желаниям власти, в значительной мере в борьбе против ее стремления к неограниченному господству в обществе» [8].

Тем не менее это не более чем общие рассуждения, которые требуют пояснений на основе фактического материала. В одном из последних исследований, проведенных фондом «Общественное мнение» в 2014 году приводятся довольно убедительные данные о состоянии глубокой пассивности российского общества: 95% респондентов не состоят в политических партиях и не собирали подписи в поддержку политиков; 94% не агитировали за или против какой-нибудь законодательной инициативы и чуть более 90% не были ни наблюдателями на выборах, ни добровольцами или волонтерами, не участвовали ни в деятельности НКО, ни в каких-либо массовых акциях, чувствуют ответственность за происходящее в стране только 41% [2].

Приведенные цифры перекликаются с оценками Freedom House в 2014 году, которые указывают на то, что индекс политических свобод в современной России оказался ниже чем в СССР в 1988–89 гг.,

а по сравнению с 1991 годом упал в 2,7 раза [10]. И если до 2003 года страна оценивалась как «частично свободная», то начиная с 2004 года регулярно выставляется оценка «несвободная».

Фактически, то что мы наблюдали в последнее время, в частности на сентябрьских выборах 2014 года, говорит о резком падении интереса граждан к участию в формальных политических мероприятиях. Это можно расценивать и с позиции их инфантильности, и с позиции пассивной лояльности по отношению к действиям властей, и с позиции отсутствия реальной оппозиции, можно и с позиции традиционной культуры.

В последнее время в стране становится все более очевидным политический курс на утверждение бинарной модели, где всё конструируется не вокруг западной идеи разделения ветвей власти и общественного контроля за ней, а на формуле «власть-народ». При таком подходе сохраняется главная установка на устойчивое воспроизводство архаической модели патернализма.

Здесь мы можем напомнить об определении патернализма как формы легитимации власти и нормы социального поведения, данном М. Вебером. В своей основной работе «Протестантская этика и дух капитализма» он определил два типа общностей, естественную общность и гражданское общество.

Разумеется, что историческая модель патернализма претерпела изменения, хотя бы из-за усложняющихся социальных взаимоотношений. Вместе с тем сам патернализм не исчез. На смену традиционному общинному сознанию пришло патерналистско-бюрократическое обеспечение связи главы государства и его народа. Об этом можно говорить на примере России, где чаще всего упоминают о ее особенности и исключительности. По-сути же разговоры сводятся к оправданию системы, гарантирующей на протяжении многих веков существование архаических подданнических отношений.

Попытки по преодолению патернализма, которые предпринимались властью в современной России, не меняли сути сложившихся исторически условий взаимоотношения между народом и властью. При этом разговоры велись не в контексте отказа от патернализма как такового, а лишь в аспекте снижения социальной нагрузки со стороны государства. Приблизительно в одно и то же время с докладом президента РФ Д.А. Медведева «Россия вперед!» (2009) появилось исследование ВШЭ, в котором было представлено три сценария развития гражданского общества в стране:

1) Общество солидарности; 2) Инерционное общество; 3) Общество социальной пассивности [5].

Авторы сценария сделали предположение о том, что первый вариант положительного развития гражданского общества, когда среди большинства населения преобладает восприятие общества как сплоченного организма, в котором наличествует рост доверия, ответственности, ощущение своих возможностей оказывать влияние на происходящие процессы, не исключен и возможно даже создание особой дорожной карты. Но для реализации этого сценария требовались крайне благоприятные условия и желание как сверху, так и снизу: «качество и уровень жизни населения, образ жизни, культурная интеграция общества, состояние институтов прав и свобод, социоструктурная динамика».

О возможности развития партнерских отношений между государственными институтами и гражданским обществом, как пишет И. Дзялошинский, указывало и другое экспертное исследование того времени. Но он приводит третье исследование, проведенное группой Г. Сатарова. И вот здесь ситуация иная, показывающая нарастающие тенденции развития двух отрицательных сценариев — «Диктатура развития» и «Вялая Россия». Три других сценария, «Охранная диктатура», «Революция» и «Smart Russia», имеют вероятность, близкую к исчезновению. При этом именно сценарий «Smart Russia», определяемый как движение к модернизации по западному сценарию, восстановление нормальной политической конкуренции, повышение эффективности правовых институтов, не превышал 5% от общих показателей развития ситуации.

По итогам анализа развития ситуации в стране, профессор И. Дзялошинский приходит к неутешительным выводам. Люди в своей массе готовы ныне поддерживать власть за обещания любого минимума жизненных благ: «Сравнение данных, полученных разными исследователями, пользовавшихся разными методиками и придерживающихся разных политических ориентаций, свидетельствует о том, что перспективы развития гражданского общества в России весьма туманны. В социально-психологическом отношении российское общество все еще пребывает, так сказать, в «разобранном состоянии», которое вообще не способно пока служить фундаментом чего-либо» [5].

Обращает на себя внимание то, что развитие ситуации ставилось в зависимость от действий самих граждан. И именно здесь скрыта проблема, которую мы могли бы обозначить как разговоры о граждан-

ском обществе тех, кто лишь приблизительно представляли, что должно было появиться в России. Образы явно не совпадали с имевшимся. Чтобы объективировать образ нужно было не просто изменить условия существования, заявив об отказе от патернализма со стороны государства и власти, а уничтожить внутреннюю потребность со стороны людей в архаических установках. Боязнь утраты внешнего принуждения и получения свободы, страх увидеть мир своими глазами имели еще один важный аспект, связанный с принадлежностью к общности, длительное историческое время формировавшей убежденность в своем призвании и избранности.

В контексте изучения нарциссических представлений можно говорить о том, что неспособность к свободе как раз и является следствием утраты самости, культивирования самоуничтожения и готовности переносить внешние страдания. И это происходит вне зависимости от роста знаний. Как пишет Поль Рикёр: «Сознание увеличивается в своем объеме, обретая в качестве центра свое Другое: Космос, Биос, Психе; оно обретает себя, теряя себя, — обретает себя просвещенным и сведущим, теряет же себя в качестве нарциссического сознания» [14, с. 238].

С учетом того, что события по распаду прежней социально-политической, экономической и культурной системы носили катастрофический или внезапный характер, понятно, что внешние влияния воспринимались искаженно. Нарциссизм выступил в качестве порождающей силы сопротивления, вызвавшей неприятие действий либералов и демократических ценностей. Мы можем легко экстраполировать рассуждения П. Рикёра на российские события, приняв его вывод о том, интерпретировать события нужно через процесс искажения представлений: «Уровень «внезапных» влияний — это уровень вульгаризации; уровень «непосредственных» реакций — это уровень болтовни» [14, с. 238].

В рамках сказанного становится вполне понятным появление разного рода негативных оценок, или, скажем, такого термина, как «дерьмократизация». Попытки изменения экономической модели и формирования рыночных отношений, в том числе, и в политической жизни. Не случайно, что многопартийность не получила значительной электоральной поддержки, а правила ее регулирования целиком и полностью перешли в ведение исполнительной власти. Тот же механизм был задействован в экономическом секторе, где доля государственного сектора составила не менее 50% ВВП [16].

По мнению Г. А. Явлинского, высказанном еще в 2003 году, в России сложилась модель периферийного капитализма: «В стране не сложились условия для эффективной внутри- и межотраслевой конкуренции; не создан механизм рыночной концентрации и накопления капитала у эффективных фирм; не сформировался необходимый набор стимулов для эффективного производительного использования ресурсов; не выстроена система прозрачных и соблюдаемых всеми участниками правил экономической игры» [22, с. 12].

Характерно, что в оценках того времени Г. Явлинского отсутствуют рассуждения об авторитарном характере государственной власти. Намекается лишь на то, что истинные интересы и мотивы российской власти не были связаны с декларировавшимися целями в области экономики и обеспечения минимальной социальной защиты населения [22, с. 14]. Понадобилось время, прежде чем он развил тему: «Та авторитарная и периферийная система, в которой мы с вами живем — это система патриотического патернализма. Она имеет очень большие шансы постепенно перерасти из патриотической в националистическую, а из патернализма — в подобие социализма. И все это может сложиться в национал-социализм в его современной форме. Под грохот пропаганды о том, что идет мифическая борьба с фашизмом, подобная система складывается на наших глазах» [23].

Несмотря на то, что вводимое понятие «патриотический патернализм» является плеоназмом, суть происходящего в современной России вполне ясна. Антиавторитарные идеи не получили поддержки у населения, поколениями воспитанного на синтезе идеи государственного монополизма и патриотизме, не разделенной любви к родине и ее правителям. Так что уже вполне естественным выглядят рассуждения председателя Конституционного суда России В. Зорькина об исторически положительной роли крепостного права: «При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации. Не случайно же крестьяне, по свидетельству историков, говорили своим бывшим господам после реформы: “Мы были ваши, а вы — наши”» [9].

На фоне начавшейся пропаганды консервативных ценностей, критика властей приравнивается к предательству национальных интересов, измене отчизне. Внешняя опасность и угроза со стороны развитых стран превращается в основу для консолидации народа и его руководителей. Публичные разоблачения дей-

ствий властей и их непомерного обогащения теряют свою силу, так как они ориентированы на моральные представления гражданского общества, а не патерналистские ожидания подданных. К слову, по той же причине власть не смогла переиграть борцов с коррупцией, которым удалось не только актуализировать проблему, но и навязать диалог о моральном облике политико-экономического окружения руководства страны. Правда ситуация не вышла из-под контроля из-за того, что не ясно было до конца, что должно было последовать за разоблачениями. Тем более, что и в массовом сознании тема коррупции не получила оформленного морального осуждения.

В качестве примера можно вспомнить социологические замеры общественного мнения за 2008 год о распространении взяточничества и коррупции в России. Наибольшая часть респондентов — 47% считали, что большинство чиновников коррумпировано, 29% полагали, что практически все чиновники коррумпированы, и лишь незначительная группа — 6% были уверены в том, что очень немногие чиновники коррумпированы, а 11% полагали, что менее половины чиновников коррумпированы. При этом готовность давать взятку среди населения варьировалась в разные периоды (2001, 2005 гг.) от 74,7% до 53,2% [7, с. 39, 48].

Поддержка масс стала возможна лишь на волне возрождения нарциссических настроений: уникальная страна, народ-победитель, война с фашизмом, враг с Запада. Борьба за прошлое стала формой восстановления былого могущества Советского Союза. Но при этом были опущены целые аспекты жизнедеятельности великого государства и та цена, которую пришлось заплатить в итоге за презрение к законам экономики и человеческой жизни. Замена будущего прошлым выглядит как утопический проект по строительству очередного Третьего Рима.

Проект явно не имеет глубины, он поверхностен, не дает искомого метафизического образа и не рассказывает о грядущем процветании и благополучии. Образ реставрируемого размыт из-за искусственного соединения символов разных эпох. Так что даже если массы и готовы поддержать начавшийся возврат к прошлому, это не означает, что они согласны в этом процессе участвовать и уж тем более, будут довольны результатами. Объект пассивен и ожидает зримых предпочтений.

Стремление к сохранению предельного конформизма в массах по отношению к власти не способствует росту индивидуализма и не формирует успешно-

сти, как необходимой установки на экономические и социальные практики. В условиях низкой социальной мобильности предпочтение отдается иллюзорным ожиданиям, а не активной жизненной позиции, требующей постоянной интерпретации происходящего. При этом стоит обратить внимание и на своеобразную трактовку принципа свободы, который оговаривается с позиции авторитарного закона, не как неотъемлемое право человека, а как не вседозволенность. Не случайно, что из-за страха перед проявлением не узаконенных действий граждан российские законодатели принялись активно вводить запреты.

Подобно мифическим пастырям они заботятся о неразумном стаде, отказывая людям в праве на самостоятельные решения в отношении себя. То, каким образом осуществляется управление обществом, указывает не на введение разумно обоснованных правил, а на архаический мир авторитарного утверждения силы или насилия как атрибута власти.

Несомненно, человек нуждается в большей или в меньшей степени в идентичности, но все выглядит иначе, когда его принуждают к ней. Отказывая человеку в рефлексии, в праве быть не «мы», а «я», точнее говоря, признании множественности индивидуального бытия, система поработывает людей, превращая их в безликую массу. Такая общность без рефлексии иллюзорна и опирается на догматические утверждения, порождая покорность судьбе.

У Эриха Фромма вся человеческая история построена на непокорности или непослушании, которое трактовалось и продолжает рассматриваться как грех. Но человек развивался именно благодаря актам непослушания: «Возможным стало не только его духовное развитие, потому что нашлись люди, посмеявшиеся сказать “нет” властям предрекавшим во имя своей совести или своей веры; интеллектуальное развитие зависело от способности не подчиняться — не подчиняться авторитетам, пытавшимся заставить молчать новую мысль, не подчиняться власти давно установившихся взглядов, согласно которым любое новшество — нонсенс» [20].

Рассуждая на тему неповиновения, Фромм предположил свою версию «конца истории», наступление которого будет связано с установлением тотального послушания. Ведь люди в своей массе эмоционально не ушли далеко от своих предков, живших в каменном веке. И в первую очередь это относится к тем, в чьих руках находится власть. Именно от них исходит явное или скрытое принуждение, подавление индивидуальности и требование тотального конформизма.

Конформизм играет необходимую роль при налаживании и поддержании коммуникации, но, как считает Э. Фромм, служит скорее убежищем, куда человек скрывается от одиночества, страха и свободы. Это побег в область эссенциального от экзистенции, где авторитаризм выполняет роль механизма легитимирующего садо-мазохистский комплекс. Одни люди здесь усваивают роль безропотного подчинения, тогда как другие удовлетворяют свои стремления к власти и насилию. Иррациональные настроения поддерживают связь между управлением и подчинением в различных формах вплоть до таких радикальных, как тоталитаризм. Отказываясь от своего «я» человек низводит себя до полного ничтожества, но в итоге, «он никогда не получает того, за что заплатил, — внутреннего мира и покоя» [18, с. 193].

Желая стать частью чего-то большего или целого человек окончательно отрекается от своей уникальности и внутренней свободы. Это сложный процесс, который, как пишет Эрих Фромм, так и не приводит к полному слиянию с внешней силой, заставляя еще больше страдать и желать уже освобождения. А добиться этого можно лишь встав на путь непослушания, которое не есть зло или благо. Поэтому философ вводит важное уточнение, различая гетерономное послушание личности, связанное с подчинением личности, учреждению или власти, и автономное послушание, когда человек следует собственному разуму или убеждению. Во втором случае человек не отказывается от себя и своих убеждений. Дополнительное уточнение связано также с введением понятий «авторитарная совесть» и «совесть гуманистическая», позволяющих различать степень подчиненности и врожденной убежденности о гуманности.

Авторитет может быть рациональным, построенным на осмысленном принятии, скажем, позиции учителя. Иррациональный авторитет выступает принудительной силой по факту обладания властью и уже не важно, кто ею распоряжается. Законной признается только покорность, а подчинение становится единственно доступным стилем жизни, ибо, как пишет Э. Фромм: «Пока я послушен власти государства, церкви, общественного мнения, я нахожусь в безопасности, чувствую себя защищенным. Не имеет особого значения, чьей власти я подчиняюсь. Это всегда организация или группа людей, которые в той или иной форме прибегают к силе и жульнически претендуют на всезнание и всесилие. Покорность делает меня частью той силы, которую я почитаю, а потому я чувствую себя сильным. Я не могу совершить ошибку,

потому что власть все решает за меня; я не могу оказаться одиноким, потому что она за мной присматривает; я не могу согрешить, потому что она мне этого не позволит, а даже если и согрешу, то наказание окажется лишь способом возвращения к всемогущей силе» [20].

Теперь стоит обратить внимание на интеллектуальную защиту тех, кто отстаивает сохранение традиционных форм организации общественно-политической жизни, которые по известной бинарной схеме можно условно охарактеризовать как «закрытое общество». Под эгидой утверждения консерватизма в качестве единственно верного для России пути существования происходит идеализация прошлого как цели для настоящего. Как утверждает профессор В. Добренков, благодаря консерватизму не только поддерживается существование страны на протяжении тысячи лет, но и были преодолены страшные потрясения и катастрофы [6, с. 9].

Парадоксальны рассуждения и другого сторонника консерватизма профессора В. Багдасаряна, утверждающего, что деконсервируя общество неизбежно подвергается энтропии и переходит в состояние организменной деструкции [1, с. 36]. Но энтропия как раз и выступает как проявление свертывания развития и утраты энергии, к чему и стремится консерватизм. Поэтому и провисают дальнейшие рассуждения ученого о некоем «синергичном консерватизме», соединяющем в себе сильные стороны иных общественных движений. Тем более, что им самим признается важнейшая для российской власти и народа установка на нежелание перемен, т. е. развития.

Вольные или нет попытки поиска традиционных скреп извращают и сам смысл идей Просвещения, основанных на преодолении религиозных догматов. Призыв Патриарха Кирилла к восстановлению традиций Домостроя предстает едва ли не как единственно верный путь по преодолению культурного оскудения. При этом глава Московской РПЦ, выступая на открытии XVII Международных Рождественских образовательных чтений «Наука, образование, культура: духовно-нравственные основы и пути развития», признавая за естественными науками право на существование, ставил их в прямую зависимость от признания учеными высшей инстанции Бога. Не менее важным был призыв к тому, чтобы Русская православная церковь помогала государству и обществу в координации научных, творческих и просветительских усилий [13].

На лицо прямое давление религиозного института на общество если не с установкой на возврат

к темным временам, но, в любом случае, против либерализма, секуляризма и идейных основ массовой демократии. И хотя, как утверждает Э. Тоффлер, религия не является врагом демократии, мы сегодня видим опасную картину роста фундаментализма и нетерпимости к разнообразию. Здесь, и в этом можно согласиться с известным футурологом, опасностью является сращивание религии с идеологией и с установкой на тотальный контроль над людьми [17, с. 456]. Тем более что в условиях отсутствия идеологических институтов у государства, церковь может оказаться весьма привлекательным бенефициантом для сохранения сложившейся системы власти.

Государство в России приобрело черты самоценного сверхсущества или Великой Матери-Отца, выйдя за рамки необходимого средства организации человеческого существования. Близкое для такого образа сравнение — это «Левиафан» Томаса Гоббса, абсолютное или тотальное государство. Государство предстает как единое тело, состоящее из правителя и его подданных-граждан. Последним прямо приписывается придерживаться не собственного мнения, а оценок данных свыше: «... человек должен сделать судьей не собственный разум или совесть, а государственный разум, т. е. разум верховного наместника Бога» [3, с. 343].

Идейной подоплекой для Гоббса служит представление о склонности людей к самообману, поэтому им и вводится замена познания людьми себя на внешние предписания со стороны государства. Пастырские функции становятся здесь важнейшим атрибутом власти в рамках государства-тела или закрытой системы. Здесь же лежат и основы сакрализации власти в ментальной памяти народа как трансцендентального опыта по утверждению и удержанию государственности.

Весьма показательно для положительных построений в отношении действующей власти признание ценности ее сакрализации в новейшей истории России. Под сомнение ставится как не соответствующая традиции рутинная организация и легитимация политической власти. Сюда же относятся рассуждения о священном характере страны, символически закрепленном в Гимне. Периодические отсылки к «суверенной демократии» явно уже недостаточны для объяснения демократии через процедуру участия в выборах. Требуется не показ политической властью процесса периодических избирательных кампаний, а выявление причин, по которым волеизъявление граждан каждый раз обставляется новыми правилами избирательного законодательства. Речь идет, скорее

всего, о некоей имитации, ориентированной на внешнюю форму организации политического режима, чем на раскрытие подлинных отношений в стране.

Возможности введения демократических институтов без соответствующей традиции крайне ограничены. Поэтому мы и видим в сегодняшней России явление некоего гибрида, соединение архаики и модерна, где власть, с одной стороны, имитирует продвинутые формы политической организации, а народ, с другой стороны, выражает готовность принимать «забавы» политического руководства, но при условии демонстрации им силы и патримониальной связи руководителя с государством и его народом. Поэтому «побег» в сторону либерального Запада и оказался столь краткосрочным, а на смену линейного времени пришло циклическое, откат назад, возможно, за советский период. Тем самым, времени утопии противопоставляется мифологическое время, где утрачивается направленность в будущее.

Согласно рассуждений Ричарда Пайпса, неспособность общества стеснить власть сколько-нибудь серьезными ограничениями связана с особенностями исторической организации государства, где политическая власть мыслилась как продолжение права собственности, а властитель являлся одновременно и сувереном государства и его собственником [12, с. 11]. Исследователь считает, что «вотчинный строй» получил свое завершение в XVII веке в России как «московская система правления», которая просматривается до настоящего времени [12, с. 40–41].

Стоит предположить, что при такой оценке, даже интересы государственного аппарата, охраняющего систему, большого значения не имеют и поэтому могут быть резко критикуемыми. Вся политическая и экономическая жизнедеятельность концентрируется вокруг правителя и его ближайшего окружения. Смены парадигмы не произошло ни сверху, ни снизу. Федерализм был на региональном уровне воспринят по аналогии с верховной властью и ее правом на тотальный политико-экономический контроль. Возврат контроля над провинциями-субъектами через назначение губернаторов и гонения на «олигархов» восстановили прежнюю форму традиционной коммуникации между властью и ее народом.

Евразийство с его обращенностью в темные века и идея преемственности наследства империи монголов — явление не случайное. Европейский или Западный путь развития не просто отменяется, а формируются идейные условия для обоснования «Третьего пути». Правда, однозначности здесь нет, так как неко-

торым сторонникам утверждения другой консервативной идеи — «Православие, Самодержавие, Народность» — явно хочется проснуться в «Третьем Риме». При этом сторонники восстановления традиционных ценностей не замечают, что со времен славянофилов или, еще ранее, Филарета, отстаивают неэффективный путь развития страны. Налицо то, что характеризуется как «эффект колеи». Преобразование политических и социально-экономических институтов оказывается возможным лишь на условиях сохранения культурных установок, которые ориентированы не на изменение, а лишь на включение новой информации в действующие нормы.

Для аналогии к сказанному сошлемся на пример, приводимый Н. М. Нуреевым при описании теории «Path Dependence» (Зависимость от предшествующего развития) П. Дэвида. Речь шла о том, что любые системы не только состоят из взаимосвязанных элементов, но и препятствуют качественному изменению этих элементов. Это видно на примере железных дорог, где «не осталось ни одного винтика со времен первых железных дорог, но остался выбранный Д. Стефенсоном шаблон колеи. Причина в том, что ширина железнодорожного пути и колеса подвижных составов является элементом одной системы, поэтому когда колея или подвижной состав изнашивались, то их заменяли оборудованием старого стандарта, чтобы железнодорожные колеса подходили к колее, а колея — к колесам. Поскольку на железных дорогах почти никогда не заменяют одновременно всю колею и весь подвижной состав, то изначальный стандарт сохраняется независимо от срока жизни любой части оборудования» [11, с. 9].

Исследователь убедительно показывает, как традиционный путь предопределил политико-экономические решения руководства России в условиях экономического кризиса, еще более углубив специализацию страны по экспорту сырья [11, с. 11]. Отметим, что сама идея «эффекта колеи» получила сегодня широкое распространение в научных кругах и относится к анализу поведения российской власти [15].

Попутно обратим внимание на своеобразные попытки части интеллектуалов не просто обнаружить в собственной истории упущенные возможности (ретропрогнозирование), а на утверждение реальной возможности изменения «неправильного настоящего» через прямое воздействие на прошлое. Поэтому, возвращаясь к ранее сказанному, мы видим как меняются оценки исторических событий, романтизируются институты прошлого или предлагают-

ся новые альтернативные Утопии. Так, сторонники охранительной идеи — консерваторы из Института динамического консерватизма (Изборский клуб), полагая, что Россия находится в тупике, высказались за возрождение института опричнины как некой второй «вертикали власти». Опираясь на опричнину можно выстроить не Третий, а Четвертый Рим или Новую Гиперборею, соответственно, оправдываются и методы такого строительства: «Ориентированная на решение общенациональных проблем, а не на обогащение узкой группы узаконенного вора, опричнина нового типа — это «материя», которая порождается, помимо прочего, «духом» нового знания и даже нового чувствования, нового слышания Музыки Истории <...> Это знание должно быть ключом к секретам явных и тайных врагов России и русских в мире в целом и отдельно взятых странах — в Высоком Буржуинстве, Равнинном Королевстве, Снежном Царстве и Знойном Государстве, вскрывая их сильные и находя их слабые стороны. Оно должно быть убойным и работать в мировой борьбе по пехотному принципу «штык в горло с двумя проворотами». Или по снайперскому — «один выстрел — один труп». А еще лучше — два, не оставляя противнику шансов — ни одного. И тогда мы увидим Четвертый Рим с сияющей над ним руной Победы» [21].

Утверждение абсолютного авторитарного давления в интересах государства обеспечивается, как мы видим, системой тотального контроля над обществом под эгидой авторитарной совести и метафизических конструкций. Подспудно возникают неприятные ощущения, вызванные антиутопиями писателя В. Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль». Аналогии крайне тревожные, так как происходит сворачивание политического пространства до фигуры одного суверена, детерминированного прошлыми историческими образами самодержца. На поверхности оказывается проект, который можно охарактеризовать как «политику рухнувших надежд». Такая политика, согласно идее Р. Дарендорфа, помогает порочным режимам удерживать власть [4]. И речь, судя по всему, идет не о механической замене одной парадигмы на другую, а об изживании ностальгии по прошлому.

Появление автономного или гражданского общества в таких условиях не более, чем слабая утопия. Внутренних ресурсов для этого в настоящее время практически нет. Впрочем, мы не ведем речь о том,

что перед нами Панургово стадо. Поэтому и реализация охранительных проектов потребует соответствующей социальной среды, возвращения искомого уровня ментальности. Нужно вернуться к монокультуре. Аргументацией здесь может служить все та же особенность российского *со-знания*, исторически закрепившего неприятие индивидуализма и жертвенность во имя общности. Поэтому западные ценности и не получили в России своего распространения.

Страх перед множественностью весьма характерен для мышления «или-или», где выбор ограничен двумя вариантами и соответствующими оценками: злой — добрый, хороший — плохой, правильный — неправильный и т. п. Линейность при принятии таких решений ведет не к гибкости сознания а к избыточному ригоризму. Дуализм — идеальный инструмент для авторитарного воздействия, требующего единодушия, а не разума и душевного здоровья. Тем более, что ущербность также может культивироваться, как и тяга к эстетической утонченности. Реальность подвергается интерпретации, но она изначально аморфна. Зависимость же от предписываемой картины мира превращает последний в набор мифов или миражей. Поэтому дилеммой здесь становятся не сами мифы и вера в них, а способ их образования и жесткость предписаний. Как считает Э. Фромм: «Ничто так не вводит в заблуждение относительно состояния умов в обществе, как «единодушное одобрение» принятых представлений. При этом наивно полагают, что если большинство людей разделяют определенные идеи или чувства, то тем самым доказываются обоснованность последних. Нет ничего более далекого от истины, чем это предположение» [19, с. 21].

Здоровое общество не нуждается в патерналистской опеке и способно самостоятельно определять приоритеты, осмысленно и открыто принимать ответственные решения. Соответственно, отказ от авторитарности открывает путь к формированию иных условий взаимодействия людей на уровне не вертикальных, а горизонтальных связей. Должны будут исчезнуть апатия, недоверие себе и безынициативность.

Естественно, что этот позитивный момент в наших рассуждениях лишь предваряет разговор о выходах из тупика, в который зашла современная российская власть и ведомый ею народ. И для начала необходимо было бы отказаться от практики запретов и, в духе Хайдеггера, от сдерживающего открытость к бытию метафизического принуждения.

Список литературы:

1. Багдасарян В. Необходимость синергийного консерватизма // Русское Время. Журнал консервативной мысли. 2009. № 1. С. 36–37.
2. Выжубович В. Кухня против улицы [Электронный ресурс] // Российская газета. 26.09.14. / URL: <http://www.rg.ru/2014/09/26/zapret.html> (Дата обращения: 28.09.14).
3. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
4. Дарендорф Р. Искушение авторитаризмом [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике (26.10.2005) / URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5742 (Дата обращения: 28.09.14).
5. Дзялошинский И. Гражданское общество в России: настоящее смутно, будущее туманно [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий (26.10.2010) / URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5118> (Дата обращения: 26.09.14).
6. Добренков В. «Консервативная идеология сегодня востребована обществом и властью» // Русское Время. Журнал консервативной мысли. 2009. № 1. С. 9.
7. Добренков В. И., Исправникова Н. Р. Коррупция: современные подходы к исследованию. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2009. 207 с.
8. Зиновьев А. Ибанское Гражданское общество [Электронный ресурс] // Академия Зиновьева / URL: <http://zinoviev.org/az/texts/ibanskoe-grazhdanskoe-obshhestvo> (Дата обращения: 28.09.14).
9. Зорькин В. Суд скорый, правый и равный для всех [Электронный ресурс] // Российская газета (26.09.2014) / URL: <http://www.rg.ru/2014/09/26/zorkin.html> (Дата обращения: 27.09.14).
10. Илларионов А. Политическая свобода в мире за два столетия [Электронный ресурс] // Эхо Москвы (20.06.2014 г.) / URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/aillar/1344040-echo> (Дата обращения: 21.09.14).
11. Нуреев Р. М. Россия после кризиса – эффект колеи // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Том 2. № 2. С. 7–26.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 422 с.
13. Патриарх Кирилл призвал к восстановлению традиций Домостроя [Электронный ресурс] // Цвет Индиго. ру (16.02.2009) / URL: <http://cvetindigo.ru/world/patriarh-kiril-prizval-k-vostanovleniyu-tradicii-domostroja.html> (Дата обращения: 17.09.14).
14. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: «Academia-Центр», «МЕДИУМ», 1995. 415 с.
15. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 735 с.
16. Токарева А. Госсектор в экономике России [Электронный ресурс] // Коммерсант.ru (15.07.2013) / URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2233355> (Дата обращения 22.09.14).
17. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 669 с.
18. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя. Мн.: ООО «Попурри», 1998. 672 с.
19. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 571 с.
20. Фромм Э. О неповиновении и другие эссе [Электронный ресурс] // URL: http://www.ereading.me/chapter.php/1032074/0/Fromm_O_nepovinoventii_i_drugie_esse.html (Дата обращения: 23.09.14).
21. Фурсов А. Опричнина в русской истории – воспоминание о будущем или кто создаст Четвертый Рим // Институт динамического консерватизма / URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/464> (Дата обращения: 02.10.14).
22. Явлинский Г. А. Периферийный капитализм. Лекции об экономической системе России на рубеже XX–XXI веков. М.: ЭПИЦентр Интеграл-Информ, 2003. 159 с.
23. Явлинский Г. А. В России сложилась система патриотического патернализма [Электронный ресурс] // Григорий Явлинский. Пресс-служба (31.05.2014) / URL: http://www.yavlinsky.ru/theme_of_day/index.phtml?id=4538 (Дата обращения: 28.09.14).

Shamin Igor Valerevich,
professor de la Universidad Estatal de Nizhny Nóvgorod

Kuklina Alla Serguiéievna,
estudiante de doctorado de la Universidad Estatal de Nizhny Nóvgorod.
E-mail: allaespana@hotmail.com

Perspectivas para el desarrollo de las relaciones entre España y Rusia. La crisis en Ucrania

Resumen: En el artículo el autor analiza las relaciones políticas, económicas y culturales entre la Federación Rusa y España. Investiga el problema del impacto negativo del conflicto ucraniano en las relaciones entre los países. También analiza las relaciones económicas y la política exterior de España.

Palabras claves: España, la Federación de Rusia, las relaciones entre España y Rusia, la política exterior.

“Rusia y España, los dos extremos de la gran diagonal europea (...) coinciden en ser los dos pueblos en padecer una evidente y perdurable escasez de individuos eminentes. En la nación eslava (...) ha habido siempre una exquisita minoría que actuaba sobre la vida rusa pero de dimensiones tan exiguas en comparación con la vastedad de la raza que no ha podido nunca saturar de su influjo organizador el gigantesco plasma popular (...). En cuanto a España, el rasgo más característico (...) es la desproporción entre el valor de nuestro vulgo y el de nuestras minorías selectas (...). Aquí lo ha hecho todo el ‘pueblo’ y lo que el ‘pueblo’ no ha podido hacer se ha quedado sin hacer. Ahora bien, el pueblo no puede hacer ciencia, ni arte superior, ni crear una civilización pertrechada de complejas técnicas ni organizar un Estado de prolongada consistencia”

José Ortega y Gasset, *España Invertebrada*, 1921

La construcción de las relaciones diplomáticas entre España y la Federación Rusa, organizada por Piotr Ivanovich Potemkin, aún conservan su actitud pintoresca a la población de la Península Ibérica.

Históricamente, durante mucho tiempo la política exterior de España e Hispanoamérica se centró en las relaciones más amistosas con Rusia. Hasta hace poco, las relaciones entre ambos países que miran al futuro, han sido muy constructivas. La cooperación ahora entre Rusia y España se basa en la energía, el transporte, el turismo y el deporte. El sector de turismo entre los países ha dado lugar a la posibilidad de comprar una propiedad en España a los ciudadanos rusos. Las ciudades con más gente de Rusia se encuentran en la Costa Brava (Lloret de Mar, Kallela) y Andalucía (Benalmádena, Marbella, Fuengirola, Málaga y más ciudades de la Costa del Sol). La amistad política y las relaciones políticas entre España y Rusia después de la caída de la dictadura de Franco (la segunda mitad — 1970), y la superación de los “gallardo” de 1990 aprobó la etapa de auto relaciones bilaterales. Las relaciones diplomáticas definidas en 1977 entre la Unión Soviética y el Reino de España en la última década deliberadamente se convirtió en una cooperación cultural y humanitaria. Desde el establecimiento de las relaciones diplomáticas entre los Estados firmados un montón de acuerdos (cooperación [2], y la Asociación

Estratégica [3] sobre el reconocimiento de títulos y certificados de educación entre los países). La estrategia actual de las relaciones internacionales entre los países sentó las bases tanto para la cooperación económica y política para (Tratado de Amistad y Cooperación en 1994 y la Declaración de la Colaboración Estratégica, 2009). Así, el último día de la esfera humanitaria de las actividades de política exterior ocupan más espacio en las relaciones de los estados. La asociación en el campo científico, cultural y educativo se ha desarrollado rápidamente. Cada vez más estudiantes reciben educación en las antiguas universidades de Granada, Cádiz, Málaga, Madrid, Barcelona. Debido al creciente flujo de turistas de Rusia en Cataluña y Andalucía y la necesidad de un mayor desarrollo del trabajo español en el ámbito del turismo y las relaciones interculturales, la lengua rusa. Documento sobre el reconocimiento de títulos y documentos educativos (Acuerdo de 1990) por la relación de escalas educativas España y Rusia hizo posible que los ciudadanos rusos que trabajan y entrenan en la autonomía administrativa del país. Cada vez de manera más productiva científica y cultural contactos entre las instituciones de los países sin la intervención directa de las organizaciones estatales de control. Países Culturales y prácticamente parentesco (Doña Sofía griega y danesa Reina Consorte de España (1975–2014), la esposa del rey de España Juan Carlos I es

la bisnieta de princesa rusa Olga Konstantínovna, que se casó con un griego rey cuyo nombre era Jorge I), la ausencia de cualquier tipo los intereses geopolíticos de inversión más juntos e iniciaron las perspectivas de desarrollo de la cooperación mutua entre los países. ¿Cómo puede afectar el conflicto en los países de las relaciones de Ucrania? En primer lugar, en las redes sociales ya se han llevado a cabo un paralelo y define la similitud de situaciones 1936-2014-1936 Guerra Civil en España y el conflicto de Ucrania en 2014 posicionado como la sección de la guerra de la Europa continental, en ambos casos, Rusia negó la posibilidad de una intervención directa es, obviamente, un deseo de imponer su propia *ekonomiki*-prioridades políticas de los Estados Unidos. España y Rusia de hoy — el territorio, los beneficios de la divisa de liquidación del comercio internacional del extranjero, pero tratando de escapar de alguna manera de debajo de los dictados de la metrópoli en el extranjero. Plan de paz para resolver el conflicto del Partido Comunista de Ucrania apoya plenamente la Izquierda Unida de España, en la creencia razonable de que la Unión Europea no representa desafíos globales emergentes en Ucrania (a partir de la declaración del Secretario del Partido Comunista de España, José Luis Sentelya). El Secretario General del Partido Comunista de España dijo que los comunistas españoles no van a desaparecer, y ayudar en la restauración de la paz en Ucrania (en Madrid, 09 de septiembre 2014 Petro Symonenko en el parlamento nacional se reunió con el líder del Partido Comunista de España). José Ignacio Karbahal (embajador español en Rusia) 16 de abril de 2014 en una entrevista con Olga Golovanova (versión política exterior “Interfax”) dijo que la inmutabilidad de Cooperación Cultural de España en relación con Rusia. Y en previsión de verano relaciones hostiles de la UE a Rusia no se mostrará en la apertura de centros turísticos para los ciudadanos rusos. “- Me gustaría disipar esas ideas erróneas que han surgido hace tres o cuatro semanas debido a sucesos ocurridos entre Rusia y Ucrania, en el sentido, no si es perjudicial para los ciudadanos rusos en la obtención de visados. Se notó la preocupación por parte de un gran número de turistas rusos que iban a ir a España. Tuvimos que aclarar: no te preocupes, todo va a funcionar en el régimen anterior “- José Ignacio Carbajal.. “Las oficinas consulares españolas, que trabajan aquí, continuarán operando y para expedir visados de la misma manera como lo han hecho hasta ahora, sin el más mínimo cambio. España no sólo como miembro de la UE, pero la Delegación de la UE emitió una declaración sobre el asunto “. Y, sin embargo, en las localidades de Andalucía, Comunidad Valenciana y Cataluña son no tan a menudo escuchado el discurso

de Rusia. Actitud amistosa del catalán español y era siempre bienvenido también, pero más reservado, pero después de la tragedia con Boeing fue un poco de dudas (no quiere decir que el interés y la atención ha cambiado a la prudencia cautelosa). Papel importante en este hecho hizo el papel de las fuentes de información — con los quioscos de prensa en las ciudades de España en el medio del verano 2014 estaban completamente llenos de periódicos que contienen artículos denunciando Rusia. En la primera página del Bild alemán el 21 de julio 2014 Vladimir Vladimirovich Putin en el fondo de los cadáveres en bolsas de plástico. “Cuando, por fin, el mundo se detuvo Putin?” — Exclaim Merkel, Cameron y Hollande.

Actualmente, las relaciones entre Rusia y la UE atraviesan un momento de grave dificultad como consecuencia de la anexión, ilegal e ilegítima, de Crimea por Rusia. Al igual que Washington, Bruselas ha impuesto, como consecuencia de la misma, sanciones (congelación de activos financieros y prohibición de entrada) a una treintena de responsables rusos, decisión a la que Moscú ha replicado idénticamente.

Los medios de comunicación españoles, escuchando a los líderes de la Unión Europea, casi copian la prensa occidental, pero, sin embargo, fueron más comedidos en las características del presidente ruso, Vladimir Putin. «EL PAIS» en 20 de julio 2014 sólo recomienda Putin “para someter a los rebeldes pro-rusos para dar la oportunidad de explorar un lugar para dormir” (“Occidente Exige un Putin Que PRESIONE un Los Rebeldes prorrusos Para Que faciliten la investigación App.”). “Las Autoridades de Kiev acusan a los rebeldes de Destruir Evidencias” (Las autoridades de Kiev acusan a los rebeldes en la destrucción de pruebas) — el mismo «EL PAIS» repite la opinión de las autoridades de Kiev, evitando cuidadosamente las características inherentes de la situación. Seis bandas Andaluskoy «El Mundo» dedicó problema ucraniano. Y también se mantiene notas que “Obama responsabiliza a Putin” (Obama acusa Putin). “Acusa a Moscu de asesorar y no Controlar a los rebeldes/La Embajadora de EEUU en la ONU asegura Que El misil FUE Lanzado desde la zona prorrusa”. Moscú aconsejó que dejara de control de los rebeldes, y el embajador de Estados Unidos ante la ONU dijo que el misil fue lanzado desde la región pro rusa. Por lo tanto, la opinión sabia andalustsev más pasa actitud de Estados Unidos y Occidente al problema de Ucrania.

Los lazos económicos entre España y Rusia para el petróleo y el gas se mantienen en el mismo nivel, aunque España el 50% del gas recibido de África a través

de Marruecos. Sin embargo, “Rosneft” y “Gazprom” enviaron delegaciones a España para la apertura y cooperación continua. España durante los últimos cinco años repone activamente por los ciudadanos rusos que han comprado los apartamentos de propiedad y alquiler. José Ignacio Carbajal señala que de ninguna manera y no será tolerado endurecimiento del régimen de visados. Sólo embajador no está dispuesta a establecer un paralelismo entre la situación en la península de Crimea y en las regiones españolas, pero, no obstante, los observadores catalanes estuvieron presentes en el referéndum en Crimea e inspiró suficiente para experimentar la transición de la península de Crimea bajo jurisdicción rusa. Cataluña, más de una vez dentro de la jurisdicción de Francia durante el reinado de los Habsburgo, y hablando en un lenguaje formado a partir de una mezcla de español y francés, creado con mucha fuerza. Sin embargo, el 14 de octubre 2014 la Generalitat de Cataluña ha decidido cancelar un referéndum sobre

la independencia de España, ya que “el voto no puede llevarse a cabo debido a la falta de garantías jurídicas.” Retirada del país — un miembro de la UE, para Cataluña no es el movimiento político más inteligente. Por el Reino de España directamente a Rusia no es una prioridad de la política exterior, pero nuestro país ha sido y seguirá siendo un socio estratégico de la Unión Europea y España — su pene. Además, en las últimas décadas, Rusia ha experimentado una fuerte demanda para el aprendizaje de la lengua española y la cultura en general, y la demanda, como se sabe, siempre crea la oferta. Así, Rusia y España han establecido nosotros mismos lados atractivos de la cooperación bilateral y de más de 20 años desarrollar activamente. Se espera que una situación inestable que está ocupada por la Federación de Rusia en la escena mundial en un contexto político, no se convierta en un obstáculo para fortalecer aún más sus contactos con socios en el ámbito humanitario.

Referencias bibliográficas:

1. El mandato Misterio dado bajo el zar Alexei Mikhailovich primera Embajada de Rusia en España, y señala el envío ruso, manteniéndolos en 1667 y 1668, respectivamente, en España y en Francia//Hijo de la Patria, № 5. 1851
2. El Tratado de Amistad y Cooperación entre la Federación de Rusia y el Reino de España. Desde 04/12/1994. Madrid.//Publicar la página web oficial del Ministerio de Relaciones Exteriores ruso//URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/629EF52567EDA9B444257C9800383E7D Fecha de circulación: 12/04/2014.
3. Declaración de la Colaboración Estratégica entre la Federación de Rusia y el Reino de España el 3 de marzo de 2009. Madrid.//Publicar el sitio web oficial del Presidente de Rusia//URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/03/213562.shtml> Fecha de circulación: 12/04/2014.

*Spivak Marina Viktorovna, doktorant of Institute of the state and right
the name of V.M. Koreckogo to the National academy of sciences of Ukraine
E-mail: moya_posmishka@mail.ru*

Public transformations and threats to the health of humanity

Abstract: In the article connection is shown between a man and processes of transformation. Threats are certain to the health of humanity. Drawn conclusion, that decisions of this question behaves to the exceptional competence of the states.

Keywords: health, health of population, transformation, globalization, state, threats to humanity.

*Спивак Марина Викторовна докторант Института государства и права
им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины
E-mail: moya_posmishka@mail.ru*

Общественные трансформации и угрозы здоровью человечества

Аннотация. В статье показана связь между человеком и процессами трансформации. Определены угрозы здоровью человечества. Сделаны выводы, что решения данного вопроса относится к исключительной компетенции государств.

Ключевые слова: здоровье, здоровье населения, трансформация, глобализация, государство, угрозы человечеству.

Современное общество, отличающееся беспрецедентной сложностью, неустойчивым развитием, насыщенное разнообразными коллизиями и конфликтами, находит пути своего развития сталкиваясь с огромными сложностями. Сегодня человечество ищет пути решения задач которые связаны с здоровьесбережением. И хотя трансформации охватывают разные направления, до сих пор нет однозначного понимания и специального анализа тех оснований и механизмов, которые порождают социальные трансформации и которые могут выделить здесь какие-либо общие закономерности. Открытым остаётся вопрос о роли, значении человека в этом процессе, о сбережении его здоровья, о будущем человечества. Сегодняшний мир стоит на пороге объективно необходимой глобальной трансформации. Однако это довольно сложная проблема. Особенностью трансформации является тот факт, что любые политические, религиозные, экономические реформы не обходят стороной человека. Они оставляют отпечатки разного характера, не всегда позитивного.

Наиболее заметные статьи по данной проблематике были изданы Н. Попковой, Н. Римашевской, А. Урсулом, А. Шабуновой. Также, вышли в свет ряд работ подготовленные В. Владимировым, И. Кресиной, В. Спиваком.

В рамках данной статьи автором поставлена цель раскрыть возможные угрозы здоровью человечества в период общественных трансформаций, показать место человека в этих процессах и сделать определённые выводы.

Трансформация — это процесс приобретения обществом новых черт, которые соответствуют требованиям времени. Происходят изменения в жизненных стандартах, образцах поведения и потребностях, частично они сопровождаются негативными явлениями, страданиями многих людей [1].

Интересным есть тот факт, что термин «трансформация» применяем также и к организму человека. Трансформация — процесс поглощения клеткой организма свободной молекулы ДНК из среды и встраивания её в геном, что приводит к появлению у такой клетки новых для неё наследуемых признаков, характерных для организма-донора ДНК [2].

По мнению Н. Римашевской здоровье — это индивидуальная и общественная ценность. Нет более важной общенациональной задачи, чем улучшение здоровья населения. Автор определения убеждена,

что с методологической точки зрения здоровье может и должно оцениваться на двух уровнях, которые, разумеется, органически связаны между собой, но имеют самостоятельное значение. Один из них — макроуровень, на котором дается оценка популяционного здоровья, другой — микроуровень, где оценивается состояние индивидуального здоровья. Говоря о популяционном здоровье, имеют в виду здоровье населения страны, региона, отдельных территорий, а также крупных демографических групп. Главный индикатор здоровья человеческой популяции — это ожидаемая продолжительность предстоящей жизни, исчисляемая на основе погодовой смертности живущих поколений [3].

Здоровье населения А. Шабунова предлагает рассматривать как индикатор изменений, происходящих в обществе, определяющем среду его формирования [4, с. 8].

Н. Попкова отмечает, что ослабление физического здоровья людей и совершенствование медицинских технологий, увеличение населения Земли и падение рождаемости в постиндустриальных регионах, рост психических аномалий и развитие культуры — все это составляет очень хрупкий и ненадежный баланс [5]. Выходит так, что люди и только люди или их объединения (группы) осуществляют трансформации исходя из своих целей, интересов, уровня познания и умения, организованности или дезорганизованности. Никакие внешние (естественные или божественные) силы вне людей, без людей осуществить трансформации не могут. Из этого следует что ответственность за продолжительность жизни и сохранение здоровья лежит на самих людях. И человек или группа людей могут регулировать или предвидеть результат (последствия) трансформации.

Вот, что по этому поводу пишет А. Урсул: «Деятельность живых и социальных существ можно в основном описать, объяснить и прогнозировать, если в основу положить две взаимосвязанные весьма общие концепции (теории) — концепцию развития и концепцию безопасности [6].

В ходе любого взаимодействия реализуются два основных типа развития — прогрессивное и регрессивное. Именно наличие этого последнего типа развития, его влияние на другие формы развития и вызвало возможность и реальность негативного воздействия на прогрессивное развитие эволюционирующих си-

стем, в результате чего может быть причинен вред, ущерб системе и происходит ее регрессивное развитие (деградация, разрушение, катастрофа и т. д.). Эти потенциально или реально существующие процессы, могущие изменить прогрессивную траекторию эволюции системы, именуются опасностями и угрозами, в зависимости от характера и степени воздействия на объект.

Согласно синергетическим представлениям, наличие этих двух основных взаимодействующих между собой типов развития можно выразить в понятиях простого и странного аттракторов. Простой аттрактор притягивает эволюционирующую систему к состоянию устойчивости путем уравнивания системы со средой, а странный аттрактор ориентирует на формирование системой более сложной структуры, благодаря чему достигается устойчивое неравновесие с ее окружением.

В любой экосистеме, в которой протекают эволюционные процессы, существуют определенные пределы и условия, в которых может происходить прогрессивная самоорганизация. Эти пределы и условия, формирующие определенный «коридор безопасности», в экологии получили наименование «несущей емкости экосистем», за пределами которой система начинает в том или ином аспекте деградировать вплоть до разрушения. Понятие «несущая емкость экосистем» определяет границы безопасной самоорганизации систем или, по крайней мере, их сохранения [6].

Тяжело не согласиться с Р. Нифантовой и К. Кожениковым, что проблема человека, его будущего — основная из всех проблем, которые когда-либо вставали перед человечеством на протяжении тысячелетий его истории. Человек выступает в единстве социальных и биологических качеств и ориентирует научное познание на более широкие подходы к целостному человеку как «самоцели истории». В современный период развития общества при ускоряющихся ритмах и темпах социального времени категория здоровья приобретает новое многостороннее и многоплановое содержание [7].

Переходя к характеристике угроз для здоровья человека нужно отметить, что этот вопрос носит планетарный характер. Они есть результатом глобализации.

Под глобальными проблемами современности следует понимать совокупность проблем, от решения которых зависит дальнейшее существование

цивилизации. Глобальные проблемы порождаются неравномерностью развития разных областей жизни современного человечества и противоречиями порождаемыми в социально-экономических, политико-идеологических, социо-природных и других отношениях людей. Эти проблемы затрагивают жизнь человечества в целом. В. Владимиров выделил четыре вида угроз и опасностей:

— опасности и угрозы экологического, природного и техногенного характера, обусловленные главным образом высокой и все возрастающей по своим объемам и интенсивности хозяйственной деятельностью человека, превышающей пределы допустимого вредного воздействия на биосферу, а также опасными природными явлениями и процессами;

— опасности и угрозы, связанные с сохраняющейся возможностью развязывания войн и военных конфликтов, а также оружия на новых физических принципах;

— опасности и угрозы организации и осуществления определёнными деструктивными силами диверсионных актов, в том числе на объектах с ядерной технологией, объектах, опасных в радиационном, химическом и биологическом отношении, а также применения с диверсионными целями определённых видов отравляющих веществ, биологических средств, радиоактивных веществ и даже взрывных ядерных устройств;

— опасности и угрозы человеку, идущие из космического пространства (опасности и угрозы планетарного характера) [8].

Подводя итоги нужно отметить, во-первых, трансформационные процессы изменили прежнюю конфигурацию структуры общества. Во-вторых, не представляется возможным рассмотреть и проанализировать этот процесс в целом с достаточной степенью глубины, они затрагивают все человечество, касаясь интересов и судеб всех стран, народов и социальных слоев. В третьих, глобальные проблемы не признают границ и приводят к значительным потерям экономического и социального характера, а иногда и к угрозе существования самой цивилизации.

Решение данного вопроса относится к исключительной компетенции государств и требуют широкого международного сотрудничества для решения этих проблем, так как не одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не в состоянии решить их самостоятельно.

Список литературы:

1. Ламажаа Ч. К. Социальная трансформация. Энциклопедия гуманитарных наук. 2011 – № 1. С. 262–264. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-transfo>
2. Тарантул В. Геном человека: Энциклопедия, написанная четырьмя буквами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.google.com.ua/>
3. Римашевская Н. М. Здоровье человека – здоровье нации. Журнал «Экономические стратегии» Номер 1. Расстановка сил, 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inesnet.ru/territoriya-zdorovya/zdravooxra>
4. Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография [Текст]/А. А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 408 с.
5. Попкова Н. В. Биологические трансформации человека: технический фактор. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tu-bryansk.ru/doc/vestnik/2_2009/popkova.doc
6. Урсул А. Д. Глобальные процессы, безопасность и устойчивое развитие. Журнал: Век глобализации. Выпуск № 1/2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129820/>
7. Р. В. Нифантова, К. И. Кожевников. Социально-демографический аспект эволюции социума. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <file:///C:/Documents%20and%20Settings/userXP/%D0%9>
8. Владимиров В. А. Современные угрозы человечеству и основные принципы и направления обеспечения безопасности на региональном уровне. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovre>

Section 9. Psychology

*Lomakovskaya Irina Semenovna, PHD
Academy of Psychology and Pedagogy
South Federal University, senior lecturer
E-mail: 2942470@mail.ru*

Once more about the family

Abstract: The article analyzes the current state of the Russian family and its role in modern society, its development, self-development and self-revelation of man in it, strengthening the family.

Key words: family, law, social and economic function, fundamental institution, maturity, collegiality, self-attitude, self-disclosure.

*Ломаковская Ирина Семеновна,
канд психол. наук, доц. каф.
«Психологии развития и возрастной психологии»
Академия психологии и педагогики Южный Федеральный Университет,
E-mail: 2942470@mail.ru*

Еще раз о семье

Аннотация: В статье дается анализ современному состоянию Российской семьи, ее роли в жизни современного общества, его развитию, саморазвитию и самораскрытию человека в нем, укреплению семьи.

Ключевые слова: семья, право, социально-экономическая функция, фундаментальный институт, степень зрелости, соборность, самоотношение, самораскрытие,

Термин «семья» содержит в себе понятие, связанное с чем-то личным, сокровенным, включающим множество глубинных смыслов, связанных с мужчиной и женщиной, скрепленных браком [2]. Семья и право являются одним из фундаментальных институтов общества с древнейших времен [1]. Во всех древнейших цивилизациях семья была главным институтом общества, основной функцией, которой, было воспроизведение населения на основе определенной ментальности, в настоящее время, изучаемое, прежде всего на примере ментальности современной молодежи. Согласно определению Соловьева Н. Я., «семья — малая социальная группа (ячейка) общества, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, то есть отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами, и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство». Кроме этой функции она выполняла и продолжает выполнять экономическую, социально-статусную функции, определяемую обществом, выраженную различными типами бра-

ков, описание которых можно рассмотреть, исходя из научных источников. При этом, чтобы понять различия в пределах брачно-семейного института, необходимо изучить особенности брачно-семейных отношений в древнем мире, источники права этих государств, на основе которых и были сформированы брачные институты. Такое изучение открывает возможности выбора определенного жизненного пути, по которому пойдет эта пара. Этот путь предполагает рождение, развитие, воспитание и формирование нового человека общественной формации, того общества, в котором человек родился и живет, в котором происходит его формирование, его включенность в общественную жизнь. Сама же супружеская пара, вступившая на путь совместной жизни, отражает зрелость сложившихся отношений, зрелость людей вступивших в эти брачные отношения, в этот сокровенный, сакральный, союз [3]. Сохранение такого союза, требует значительного труда каждого из пары над самим собой на основе взаимной любви в православном, христианском ее понимании. Среди факторов, определяющих стабильность молодых се-

мей, Малярова Н. В. выделяет готовность молодежи к браку напряженный интерес к различным сторонам человеческой жизни, поиск приемлемых и значимых сфер деятельности, стремление все узнать, испытать на себе, найти смысл жизни.

Для молодежи также характерна повышенная эмоциональность, которая также влияет на прочность союза. Впоследствии эта прочность союза, его «правильность», выверяются временем. Этот путь предполагает рождение детей, которые при правильно складывающихся взаимоотношениях между родителями и детьми в такой семье формируют «правильного» человека, обладающего всем необходимым, как для своей жизни в обществе, так и при формировании общества в целом. Кроме воспитания детей в семье происходит и взаимное воспитание супругов, находящихся в браке, определяющее формирование их внутренней зрелости, соединенных единым мировоззрением, что особенным образом скрепляет брак. Формирование семьи — это каждодневный, порой довольно тяжелый упорный труд, прежде всего над собой, своими ошибками, недочетами. При такой работе кристаллизуются выдержка, терпение, умение выслушать близкого человека, проявить сострадание, эмпатию, при необходимости оказать моральную поддержку, вселить уверенность человека в себя; в свои силы, свои возможности. Каждый из пары несет ответственность за все происходящее внутри семьи с каждым ее членом и особенно детьми. Взаимное уважение, любовь супругов скрепляют такой брак, позволяют развиваться крепким здоровым отношениям, служат примером детям, для которых родители являются авторитетом, особенно в раннем детстве. При правильно складывающихся отношениях такой авторитет растет и не исчезает с годами, формирует своеобразную «крепость», называемую домом, в которой каждый находит себя, черпает и приумножает свои силы, развивает внутренние ресурсы, создает вокруг себя и в дальнейшем постороннего окружения ореол внутреннего спокойствия, силы, уверенности в себе, создает здоровую общественную атмосферу. Дети, являясь продолжением родов отца и матери формируют единство с родителями, являются своеобразной «охранной грамотой» сформированной на основе взаимной любви и глубокого взаимоуважения. Такое формирование предполагает благотворительное раскрытие положительного потенциала каждого участника семейного союза на фоне борьбы с теми недостатками, которые присутствуют в каждом из нас, люди ожидают в самораскрытии некоего

равенства (Derlega, Metts, Petronio & Margulis, 1993). Когда очевидно, что самораскрытие не взаимно, задумайтесь о пределах вашей откровенности. Эти недостатки в ходе супружеской жизни проявляются, как невидимые чернила и при мудром отношении, с любовью легче проходит их преодоление на основе осознанности их, подвергая их проверке. Первоначально эмоции, неотъемлемо входящие в чувство любви, как бы «закрывают» недостатки каждого из супругов, не дают прочувствовать их в полной мере и даже не допускают мысли об их существовании, а тем более исправлении. Кроме того, на это упрочение союза неотъемлемо влияют общественные отношения. Семья, являясь ячейкой общества, первичной формой государственности, должна служить ему опорой, прочным фундаментом и от этого возникает чувство ответственности за свою семью, за ее формирование, за то общество, в котором мы с вами находимся и живем, принимая это как данность, в основу полагая нормативно-правовую базу и этическую базу проживания. «Каково на дому, таково и самому», — гласит пословица, которая, как нельзя кстати подходит к обобщенному пониманию семьи и государства, с учетом современного состояния данных структур, как собственно данного, конкретного рассматриваемого общества, конкретной страны на фоне складывающихся, меняющихся отношений с учетом их духовного, социально-политического, экономического развития, при которых человеку живется свободно, той свободой, которая ограничена (ограничена) любовью и дышится легко. Ведь только ощущение свободного бытия предоставляет возможность человеку воплощать в жизнь свою реальность, быть активным, истинно верующим, иметь возможность развиваться в семье, не превозносясь, понимая себя, как творение Бога, доверяя Ему, доверяя миру, в котором человек живет. Базовое чувство доверия, как указывал Э. Эриксон, формируют у ребенка родители и, прежде всего мать, которая больше всех членов семьи проводит с ребенком, формируя его как человека, гражданина конкретного государства. Это мощное чувство доверия к миру, к себе, к окружающим близким позволяют человеку адаптироваться к тому обществу, в котором он находится, под влиянием которого развивается, существует, сам раскрывая свои потенциальные возможности и способности. Люди часто избегают самораскрытия, предпочитая не ставить под угрозу себя, близких или свои отношения с другими, т. к. самораскрытие связано с риском. Самораскрытие, как указывают S. M. Jourard, Lasakow P. и др. [11],

возможно при определенных условиях, и, безусловно, при условиях, сформировавших человека в семье, в том микроклимате, в той «настроенности» правильного, адекватного понимания жизни, при последующем подтверждении этого результатами приобретаемого жизненного опыта. «Семья, в ситуации социально-экономических преобразований, остается одним из немногих островков относительной стабильности и благополучия, символов близости и приватности, трансляторов социокультурного «капитала», поступающего к ребенку со стороны родителей» [1; 6]. В семье человек приобретает опыт коммуникативного общения, начинает формировать коммуникативные компетенции, в настоящее время принятые обществом, особенно в сфере профессионального педагогического образования [10]. Семья содержит в себе понятия, связанные с личным, интимным, включающим множество глубинных смыслов, в процессе общения мужчин и женщин, скрепивших браком свой союз, вместе с тем и по настоящее время оставаясь в какой-то степени загадкой даже при складывающихся гармоничных отношениях [2]. Этот путь предполагает новое психологическое рождение, развитие и воспитание, а также формирование нового человека новой общественной формации, отражая то общество, в котором родился и живет, общество, в котором происходит его формирование в данной культуре, в которой существует семья [7]. Проводились кросс — культурные исследования О. В. Митиной и В. Ф. Петренко (2000) стереотипов, женского поведения, как в России, так и в США, семью в которых было показано, что в представлениях о гендерных ролях и стереотипах люди едины в рамках одной культуры, в которой идет структурирование семьи [12]. При этом сама супружеская пара отражает в какой-то степени зрелость сложившихся отношений, зрелость людей вступивших в эти брачные отношения, в сокровенный сакральный союз [9]. В. С. Торохтий говорит в таком случае, о психологической зрелости личности, к которой он относит отсутствие чрезмерного эгоизма, агрессивности и напротив, — наличие способности признавать собственные ошибки, и стремление к постоянному самосовершенствованию в супружеских отношениях, что влияет на согласованность представлений мужа и жены о супружестве и готовности быть родителями, оказывают влияние факторы длительности стажа семейной жизни, критическим периодом возраста семьи является период 4–9 лет стажа семейной жизни, а также уровень образования родителей. Причем «на начальном этапе (до 4 лет

стажа семейной жизни) супруги демонстрируют согласованные на внутрисемейном уровне позиции по отношению к основным значимым сферам семейной жизни; а именно: отношение семьи к внешнему миру, альтернатива между чувством долга и удовольствием, ориентация на раздельную или совместную деятельность, значимость сексуальной сферы, патриархальное или эгалитарное устройство семьи, отношение к деньгам, отношение к любви романтического типа. Оба супруга в парах со стажем семейной жизни до 4 лет ориентированы на традиционные представления об устройстве семьи (главенство мужчины, подчиненность женщины), высоко ценят любовь романтического типа, придают большое значение сексуальной сфере семейной жизни» (Рюмина — Македонова Н. В., автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук, Москва, 2006). Кроме того среди факторов, определяющих стабильность молодых семей, Малярова Н. В. выделяет готовность молодежи к браку. Сохранение этого союза требует значительного труда каждого из пары, над самим собой на основе взаимной любви во всех смыслах, и, конечно, в православном, христианском понимании. Руководствуясь «Я» — концепцией Р. Бернса» (2003), мы видим, что у каждой личности есть образ «Я», как представителя определенного гендера, аффективное самоотношение и потенциальная поведенческая реакция, которая определяется этим образом «Я» и отношением к этому образу. Следовательно, поло — ролевая идентичность, как совокупность установок на себя имеет три составляющих: когнитивную, аффективную и поведенческую. Прочность союза, его «правильность», выверяются временем [10]. На это упрочение союза неотъемлемо влияют общественные отношения. Промежуточными ступенями, ведущими, к Богопостижению является наличие потребностей у человека, например, таких, как «потребность в рамках ориентации и потребность в объекте преданности», оставаясь при этом *Homo sapiens*, оставаясь человеком, а не стадным животным. «Пока он является стадным животным, и пока его действительность — не более, чем фикция, созданная его обществом в целях наиболее легкого манипулирования людьми, он, как человек, — слаб. При каждом изменении образца общественного поведения человек ощущает сильную неуверенность в себе самом...» [3], если у него нет другого такого подлинного образца, каким является Бог. Человек имеет свойственную ему лишь склонность расширять свои знания о действи-

тельности, то есть все ближе и ближе подходить к абсолютной истине». Для того, чтобы человек смог достичь высокой ступени развития, необходимо выполнить одно условие: уничтожить, или, по крайней мере, свести к такому минимуму негативное воздействие на формирование гармоничных отношений [8]. Влияние современного меняющегося общества на человека, его внутрисемейные отношения последовательно формируют такой образ семьи и человека в нем, который бы давал возможность ему духовно расти, не отрицая по А. Маслоу безусловной материальной составляющей, позволяющей развиваться, утверждая человека в духе при православном прочтении, и, таким образом, меняя его, и мир вокруг. Находясь внутри семейных отношений, человек проникается глубинным смыслом своего существования, ощущает полноту жизни, у него формируется чувство непреходящей радости, позволяющей преодолевать возможные препятствия, встречающиеся ему на пути [9]. Он каждый день рад встрече со своей «половиной», уверен в себе, ... в ней, делится этой радостью безгранично, со всей щедростью души, на какую он способен, которую развивали в нем в своей культуре в поликультурной среде» [4]. Современный мир оказывает жесткое воздействие на человека, заставляет его быть другим, порой блокирует его решения, вызывая в самом человеке бурю разнообразных эмоций, склоняя человека к принятию материальной составляющей, как ведущей в жизни супружеской пары. При всем этом, человеку необходимо научиться, спокойно воспринимать все то, что происходит вокруг, все ситуации, все разнообразные его проявления, порой абсурдные, сохраняя в себе стержень, основу, которая лишь укрепляется в супружеской жизни при условии гармонии. Внутренняя гармония порождает изменения, которые будут происходить вовне. И всегда необходимо помнить о том, что человек не идеален, подвержен позитивным и негативным для него воздействиям внешнего мира, которые также являются своего рода микро-тренингами, помогая человеку выжить в этом мире и постепенно продолжать свое развитие, не взирая, на складывающиеся обстоятельства или будучи внутренне готовым, принять этот «вызов». Мы постоянно укрепляемся, благодаря сложным обстоятельствам, забывая порой о том, что все дается неспроста, все способствует развитию, как человека самого, его семьи, так и общества в целом, не забывая об этнической составляющей культуры или культур людей, скрепляющих свой семейный союз, формируя смешанные семьи. Понятие «сме-

шанная семья» имеет два основных определения: национальное и религиозное, хотя существуют и другие трактовки этого понятия [5]. В первом случае подразумевается брак двух человек разных национальностей, во втором — различных религий, такие семьи подразделяются на определенные типы, которые позволяют проанализировать динамику отношений в дальнейшем. Исходя из данных Д. Мацумото, «кресс — культурные исследования убедительно показали, что люди разных культур, по-разному понимают одни и те же отношения». «Они отражают различия в культурных ценностях: в культуре Зимбабве выше ценятся отношения между людьми, а в американской культуре — индивидуальность и уникальность» [4], в российской культуре преобладает «соборность», которая представлена двумя направлениями- философским и народным в своей уникальности, которая обладает рядом позитивных качеств, на которую указывает Киреев В. К. в своем диссертационном исследовании «Феномен соборности и его роль в социокультурном развитии Российского общества». «Соборная демократия, основывающаяся на традиционных политико-правовых ценностях, глубинных культурно-исторических связях, позволяет народу не только сплотиться, найти уникальную форму сосуществования гражданского общества и государства, но и само выразиться на международной политической арене, обрести собственную национально-патриотическую доктрину, подчеркнуть свою индивидуальность и политико-правовую идентичность». (Котельников, А.П. «Политико-правовые институты соборной демократии», автореферат кандидатской диссертации, 2005 по гуманитарным наукам <http://cheloveknauka.com/politiko-pravovye-instituty-soborn-demokratii#ixzz3MQknLVLi>). На понимание и значение соборности, как и подобных ей форм указывали знаменитые отечественные философы, такие как Хомяков А. С., Соловьев Вл. С., Булгаков С. Н., Бердяев Н. А. и др., рассматривая соборность и как развивающую и формирующую мышление, в том числе и человека семейного. Так, Хомяков А. С. определяет: «Соборность означает сочетание свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям», что определяет прочность, как внутрисемейных отношений, так и общественных социальных отношений, благотворно сказывается на развитии современного Российского общества.

Возникшая вновь потребность к обращению понимания семьи в русле современной психологической

науки, диктует нам необходимость аналитического-го подхода к данному вопросу, поднимая все новые

вопросы, требующие своего разрешения и ответа на них.

Список литературы:

1. Андреева Т. В. изд. «Речь», С-Петербург 2007.
2. Библия – Деяния Святых Апостолов, изд. Российское Библейское Общество, 2000.
3. Василец Т. – «Мужчина и Женщина – тайна сакрального брака». Изд. «Речь», Санкт-Петербург, 2010.
4. Мацумото Д. Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования и открытия М.: Прайм-Еврознак, 2008
5. Почебут Л. Г. Психология межэтнической толерантности ... Ред. Л. А. Цветкова. – СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2010.
6. Триандис Гарри К. М. Культура и социальное поведение: Форум, 2007 –384 с.
7. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий./Перевод с англ.; Предисловие П. С. Гуревича. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 352 с. – (Человек и мир)
8. Anderson, J. R., Ryzin, M. J. V., & Doherty, W. J. (2010). Developmental trajectories of marital happiness in continuously married individuals: A group-based modeling approach. *Journal of Family Psychology*, 24 (5), 587–596. doi:10.1037/a0020928.
9. Brown, S. L., & Kawamura, S. (2010). Relationship quality among cohabitators and marrieds in older adulthood. *Social Science Research*, 39 (5), 777–786.
10. Close Relationships by Pamela Regan, Routledge – 2011–388 pages. ISBN 5–8112–1345-X.
11. Jourard S. M., Kempler B. The shadow Side of Self-disclosure//J. of humanistic psychology- 1987.-V. 27 (1).
12. Osborne, C., Berger, & L., Magnuson, K. (2010, September). Family structure transitions and changes in maternal resources and well-being. *Fragile Families* (Princeton University). Working Paper WP10–09-FF. Family & Marriage Literature December 2010 005 Williams Hall ncfmr@bgsu.edu 419.372.4910 ncfmr. bgsu.edu.

*Sheleg Liliya Sergiivna,
Candidate of the department of the legal psychology
of National Academy of Internal Affairs
Email: alexeydrozd@i.ua*

Personali characteristics as the psychosomatic disorders determinant for law enforcement officers

Abstract: The article presents the results of an empirical study on the personali characteristics of police officers prone to psychosomatic disorders.

The keywords: psychosomatic disorders, personal characteristics, personality profile.

*Шелег Лилия Сергеевна,
соискатель кафедры юридический психологии
Национальной академии внутренних дел
Email: alexeydrozd@i.ua*

Характерологические особенности личности как детерминанта возникновения психосоматических расстройств у сотрудников Органов Внутренних Дел

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, посвященного изучению характерологических особенностей сотрудников органов внутренних дел, склонных к психосоматическим расстройствам.

Ключевые слова: психосоматические расстройства, характерологические особенности, профиль личности.

Специфические условия деятельности органов внутренних дел (Далее ОВД) не всегда адекватно воспринимаются личностью как в связи с отсутствием соответствующих психологических знаний, умений и навыков, так и личностных качеств, необходимых специалисту, функционально предпочтительному на определенной должности. Эти несоответствия вызывают стрессовые, фрустрационные, конфликтные и другие негативные эмоциональные состояния у сотрудников, склонных к психосоматическим расстройствам, усиливают такую склонность и продуцируют определенную симптоматику.

Для изучения характерологических особенностей, способствующих возникновению психосоматических расстройств (выборка представлена 102 сотрудниками ОВД), мы использовали опросник ММРІ в его неклинической модификации [1].

Установлено, что среди оценочных шкал ММРІ в верхних пределах нормы находятся результаты по шкалам L (38,9 Т-баллов) — характеризует неоткровенность ответов и стремление «хорошо выглядеть» и F (56,2 Т-балла) — определяет недоверие к данным. В первом случае речь идет, скорее, о стремлении реципиента продемонстрировать абсолютное соблюдение социальных норм, отрицание в своем поведении слабостей, присущих каждому человеку. В поведении подчеркиваются компоненты, способные определенным образом повлиять на имиджевые характеристики личности. Такую же картину могут демонстрировать лица, профессионально обязанные соблюдать конвенциональные нормы поведения. Такая тенденция может быть вполне приемлемой для лиц, склонных к психосоматическим расстройствам («Я все делаю правильно, но...»).

Возрастание результатов по шкале F может вызываться тенденцией к драматизации складывающихся обстоятельств и своего к ним отношения, а также пониженной трудоспособностью или спецификой психосоматического статуса личности, тревожностью и потребностью в помощи, внутренней напряженностью и неудовлетворенностью ситуаций.

Результаты по шкале К (70,5 Т-баллов) требуют более пристального внимания. Как известно, лица с высоким показателем по этой шкале (65 Т-баллов и выше) ориентируют свое поведение на социальное одобрение и слишком озабочены своим социальным статусом. Они склонны отрицать какие-либо сложности в межличностных отношениях или в контроле за своим поведением, стремятся к соблюдению общепринятых норм и избегают критики окружающих.

Из-за отрицания (в значительной степени — на перцептивном уровне) информации о межличностных сложностях и конфликтах, они могут и не иметь адекватного представления о том, как их воспринимают окружающие. Ведущими поведенческими качествами в этих случаях становимся «самокопание» и отсутствие внимания к другим людям.

Умеренное повышение профиля по этой шкале не нарушает личностную и социальную адаптацию, скорее наоборот, создает ощущение гармонии с окружением и позитивной оценки этого окружения. Поэтому такие лица кажутся умеренными, доброжелательными, коммуникабельными. Сказанное можно считать одним из объяснительных механизмов возникновения и дальнейшего развития психосоматических расстройств как следствия ориентации на завышенный для данного конкретного лица нормотип состояния жизнедеятельности, способствующий возникновению психологической напряженности с дальнейшей ее соматизацией.

Поскольку показатели по основным шкалам опросника позволяют считать полученные результаты достоверными, представим общее описание базисных шкал ММРІ.

Шкала соматизации тревожности — среднее значение по выборке составляет 73,8 Т-баллов, сверхнормативные результаты имели 46,7% опрошенных. Превышение нормативных значений свидетельствует об избыточном внимании к функционированию своего организма, волнении о состоянии своего здоровья, близости к астено-невротическому типу личности. Механизм защиты проявляется тут как «бегство в болезнь», при этом болезнь (имеющаяся или вымышленная) становится как бы «ширмой», маскирующей стремление переложить ответственность за существующие проблемы на окружающих и рассматривается как единственный социально приемлемый способ оправдания своей пассивности.

Иными словами, значительная часть представителей нашей выборки характеризуются как психологически неактивные лица, склонные принимать «на веру» внешние установки. Они медленно приспосабливаются, плохо воспринимают изменение обстановки, легко теряют равновесие в социальных конфликтах, подвержены влиянию СМИ, их психологическое состояние нестабильно, они легко «вбирают в себя» негативную информацию; склонны к тревожности и подозрительности. Часто тревожатся и опасаются за свое здоровье.

Склонные к соматизации тревожности лица эмоционально реагируют на малейшие проявления

физического дискомфорта или дефекта; даже легкие заболевания расцениваются ими как серьезные пороки. Они прилагают значительные усилия для поддержания состояния здоровья, применяют различные диеты, закаляются, принимают много медикаментов и витаминов. Такой ситуации, по нашему мнению, способствует общедоступность медицинской информации, появление на телеэкранах, в Интернет-сети и в периодический прессе программ о заболеваниях и возможностях их исцеления, навязчивая реклама медпрепаратов.

Шкала пессимистичности — среднее значение по выборке составляет 68,2 Т-балла, то есть слегка выше нормы, сверхнормативные результаты имели 30,1% опрошенных. Превышение нормативных значений свидетельствует о повышенной личностной тревожности, ощущении морального дискомфорта. Эти респонденты склонны к поведению, характеризующему их как чувствительных, сенситивных, боязливых, стеснительных. Внешне это проявляется в том, что в делах они старательны, высокоморальны и обязательны, но не способны к самостоятельному принятию решений при реализации профессиональных функций, ожидают указаний от руководства. Отсутствие уверенности в себе порождает тенденцию при малейших неудачах впадать в отчаяние. Они не стремятся казаться лучшими, более значимыми, чем есть на самом деле, привлечь к себе внимание.

Шкала эмоциональной лабильности — среднее значение по выборке составляет 75,7 Т-баллов, сверхнормативные результаты имели 45,6% опрошенных. Превышение нормативных значений свидетельствует о высокой чувствительности, нестабильности эмоционального состояния, демонстративности, стремлении быть в центре внимания окружающих, вызывать восторг, удивление, зависть, использование симптомов физического заболевания для разрешения сложных жизненных ситуаций.

Отметим, что такое соотношение результатов по шкалам 1, 2 и 3 трактуется в научной литературе как психосоматическое «V» [2], то есть определяет склонность к защитным реакциям конверсионного типа — использование симптомов физических расстройств как средства решения сложных ситуаций. Она проявляется в специфических эмоционально-аффективных и сомато-вегетативных реакциях без существенных патоморфологических изменений в нервной системе.

Особенности психики и специфика проявлений внимания окружающих способствуют формирова-

нию и закреплению механизма манипулирования с помощью «бегства в болезнь». В условиях личностной незрелости данный механизм переносится во взрослую жизнь и трансформируется на окружающих, практически не изменяясь и перерастая в ригидный, неконструктивный поведенческий стиль снижения эмоциональной напряженности за счет включения (манипулирования) окружающих в волнение по поводу «болезненного» состояния.

В поведении лиц данного типа неосознанное стремление к статусу больного является своеобразным оправданием недолжной активности и попыткой усиления социальной защиты и получения определенных гарантий внимания от окружающих в одном комплексе.

Повышение профиля по этой шкале выявляет нестабильность эмоций и конфликтное сочетание разнонаправленных тенденций: высокий уровень личностных притязаний сочетается с потребностью в причастности к интересам группы; эгоистичность — с альтруистическими декларациями; агрессивность — со стремлением нравиться окружающим.

Не имея эмпатических зависимостей в системах личностного взаимодействия из-за несформированности самих эмпатических свойств, такие лица способны убедительно демонстрировать всю гамму и глубину личностной включенности во взаимодействие и сами себя убеждают в значимости своих чувств.

Такой тип личностного и поведенческого реагирования зависит от повышенной эмоциональности и суггестивности, приводящих к нервно-психическому перенапряжению и внутриличностным конфликтам. При этом большое значение приобретает индивидуальная значимость пережитого. Факторами риска является неблагополучие в семье, профессиональная неудовлетворенность, склонность к адикциям.

Шкала импульсивности — среднее значение по выборке составляет 76,3 Т-баллов, сверхнормативные результаты имели 12,3% опрошенных. Превышение нормативных значений по этой шкале свидетельствует о стеническом типе реагирования и, в определенных случаях, малоконтролируемом поведении. Сочетание высоких показателей по 3-ей и 4-ой шкале существенно усиливает характеристики 3-ей, увеличивая вероятность поведенческих реакций по истерическому типу со склонностью к «самонакручиванию» в конфликтных ситуациях и выраженным стремлением к эмоциональной включенности.

Учитывая, что эта шкала ориентирована на диагностику социопатических типов личности, высокие

оценки свидетельствуют о социальной дезадаптации: такие люди агрессивны, конфликтны, пренебрегают социальными нормами и ценностями, проявляют аномальную реактивность на отдельные группы раздражителей. Настроение у них неустойчивое, они возбудимы и чувствительны к переменам в значимых сферах жизнедеятельности.

В поведенческой структуре таких лиц объединяются разнонаправленные тенденции — высокая поисковая активность и динамичность процессов возбуждения и выраженная инертность и психическая нестабильность. Это проявляется в противоречивом сочетании высокого уровня притязаний с неуверенностью в себе, высокой активности — с быстрой истощаемостью, что характерно для неврастенического типа переживаний. При неблагоприятных социальных условиях такие особенности могут стать основанием для алкоголизации или развития психосоматических расстройств.

Шкала маскулинности — феминности — среднее значение по выборке составляет 40,0 Т-баллов. Этот результат находится на нижней границе нормы, и мы не будем его комментировать в контексте гендерных отличий в связи с отдаленностью от темы исследования.

Шкала ригидности — среднее значение по выборке составляет 52,6 Т-баллов, то есть находится в пределах нормы, хотя сверхнормативные результаты имели 32,4% опрошенных. Превышение нормативных значений по этой шкале свидетельствует об аффективной насыщенности переживаний, застревании аффекта, наличии сверхценных идей, склонности к подозрительности. Основная черта таких лиц — склонность к почти фанатичному служению определенным «высшим» целям, часто сопровождающаяся односторонностью суждений, агрессивностью и злопамятностью, соответственно — частыми конфликтами с окружающими, потерей выдержки и самообладания.

Шкала тревожности — среднее значение по выборке составляет 63,6 Т-баллов, то есть находится в пределах нормы, сверхнормативные результаты имели 18,3% опрошенных. Превышение нормативных значений по этой шкале свидетельствует о постоянной готовности к возникновению тревожных реакций, доминировании гипостенических черт. У таких лиц преобладает тревожно-недоверчивое настроение, им свойственны боязливость, нерешительность, постоянные сомнения, избегание конфликтных ситуаций. Они чувствительны, сенситивны, старательны,

высокоморальны и обязательны. Психосоматические симптомы становятся средством избегания ответственности.

Шкала индивидуалистичности — среднее значение по выборке составляет 63,5 Т-баллов, то есть находится в пределах нормы, сверхнормативные результаты имели 7,4% опрошенных. Превышение нормативных значений по этой шкале свидетельствует о независимости, нестандартности мышления, дистанцировании от окружения, иногда — нестандартных поступках, иррациональности подходов и суждений при решении проблем.

Такие лица способны тонко чувствовать и воспринимать абстрактные образы, но повседневные радости и горести не вызывают у них эмоционального отклика. Им присуще сочетание повышенной чувствительности с эмоциональной холодностью и отчужденностью в межличностных отношениях. Их внутренний мир почти всегда закрыт от посторонних взглядов, и только перед некоторыми избранными такой человек «открывается».

Шкала активности — среднее значение по выборке составляет 56,4 Т-баллов, то есть находится в пределах нормы, сверхнормативные результаты имели 15,5% опрошенных. Превышение нормативных значений по этой шкале свидетельствует о чрезмерно высоком уровне активации и неоправданном оптимизме. Таким лицам присуще повышенное настроение независимо от обстоятельств. Они активны, деятельны, разговорчивы, временами — становятся раздражительными и агрессивными, охотно контактируют с окружающими, но их интересы поверхностны и неустойчивы, им не хватает выдержки и настойчивости.

Шкала социальной интроверсии — среднее значение по выборке составляет 64,5 Т-баллов, то есть находится на верхней границе нормы, сверхнормативные результаты имели 37,8% опрошенных. Превышение нормативных значений по этой шкале свидетельствует о социальной интроверсии, эмоциональной незрелости и ослабленном самоконтроле. Для таких лиц комфортным является пребывание в уединении или с теми людьми, к которым они привыкли, в тишине и покое, когда не нужно ничего делать быстро; они очень чувствительны к стрессогенным обстоятельствам, все новое воспринимается ими как нежелательные и обременительные условия, вызывающие протест и утомление.

Вместе с тем, такие лица охотно берут на себя социальную ответственность, связанную с осуществле-

нием широких контактов, даже если сами контакты из-за относительно низкой социальной адаптивности даются им «через силу» та вызывают эмоциональную напряженность и почти постоянный стресс. Чувство служебного долга базируется у них на глубоком внутреннем чувстве моральности и этичности.

Можно утверждать, что высокие значения социальной интроверсии коррелируют с пассивностью личностной позиции и обращенностью интересов в мир внутренних переживаний. Такая поведенческая парадигма отличается инертностью в принятии решений, избирательностью в контактах, стремлением к избеганию конфликтов; в стрессовых ситуациях — «бегством от проблем».

Высокие показатели шкалы свидетельствуют не только о замкнутости таких лиц, но и о наличии определенной внутренней дисгармонии; при необходимости они могут казаться достаточно коммуникабельными, но это стоит им существенного личностного напряжения. Такие особенности могут трансформироваться даже в своеобразный аутизм, но без характерных для шизоидного типа признаков.

Снижение социальной спонтанности сопровождается стремлением к уменьшению круга общения, возникают трудности при установлении новых контактов, учащаются реакции тревоги. Такая тенденция сопутствует повышению показателей 2-ой, 7-ой и 8-ой шкал, то есть пессимистичности, тревожности

и индивидуалистичности, что наблюдается в нашем случае.

Следует обратить внимание также на сочетании высоких значений по шкалам соматизации тревожности и социальной интроверсии — оно свидетельствует об ограничении сферы общения в связи с ощущением соматического неблагополучия, склонностью к возрастанию количества и тяжести соматических жалоб с пессимистической оценкой перспектив и потребностью знакомить с ней широкого круга лиц. По существу, речь идет о степени выраженности «реакции поиска помощи».

Обобщение полученных за опросником ММРІ результатов позволяет утверждать, что наши подопытные наделены совокупностью характерологических особенностей, способствующих возникновению психосоматических расстройств: в профиле личности доминируют показатели импульсивности, эмоциональной лабильности и соматизации тревожности, что в совокупности трактуется как наличие психосоматического конструкта (психосоматическое «V»); на границе нормы зафиксированы показатели пессимистичности, тревожности, индивидуалистичности и социальной интроверсии. С учетом высоких значений по шкале К, это определяет общую ориентированность профиля по ММРІ как свидетельствующего о склонности респондентов к психосоматическим расстройствам.

Список литературы:

1. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности ММИЛ: структура, основы интерпретации, некоторые области применения / Л. Н. Собчик. — 3-е изд. — М.: изд-во Березин Ф. М., 2011. — 320 с.
2. Бройтигам В., Кристиан П., Рад М. Психосоматическая медицина: кратк. учебн. / В. Бройтигам, П. Кристиан, М. Рад; пер с нем. Г. А. Обухова, А. В. Бруенко; предисл. В. Г. Остроглазова. — М.: ГЭОТАР МЕДИЦИНА, 1999. — 376 с.

Section 10. Sociology

*Budanova Alexandra Borisovna,
Kharkiv National University a lecturer, the Faculty of Sociology
E-mail: a_budanova@mail.ru*

Development problems of the political Internet communication in Ukraine

Abstract: This article examines the conditions and opportunities for the development of political Internet communication in Ukraine, and carries out analysis of the factors which cause the transformation processes in the field of political communication within the Information Technologies.

Keywords: Internet, political Communication, informatization, political Internet communication

*Буданова Александра Борисовна
Харьковский национальный университет, преподаватель, социологический факультет
E-mail: a_budanova@mail.ru*

Проблемы развития политической интернет-коммуникации в Украине

Аннотация: В статье рассматриваются условия и возможности развития политической интернет-коммуникации в Украине. Проводится анализ факторов, обуславливающих трансформационные процессы в сфере политической коммуникации в условиях информатизации.

Ключевые слова: Интернет, политические коммуникации, информатизация, политическая интернет-коммуникация.

Постановка проблемы. Трансформационные процессы в политической системе Украины сопровождаются тенденциями информатизации и развития информационных технологий, а также усилением роли общественности в политической жизни страны. Это все обуславливает формирование новых возможностей коммуникационного взаимодействия между политическими акторами и обществом. во многом эти возможности связаны с использованием всемирной сети Интернет, развитие и доступ к которой обуславливают возможности более полной реализации свободы слова и мысли, а также более быстрой передачи значительного массива информации.

В соответствии со статьей 1 Закона Украины «Про телекоммуникации» интернет представляет собой всемирную информационную систему общего доступа, которая логично связана с глобальным адресным пространством и базируется на Интернет-протоколе, который определяется международными стандартами. Одним из основных принципов в сфере телекоммуникаций является доступ потребителей до общедоступных телекоммуникационных услуг, которые необходимы им для удовлетворения собственных потребностей, участия в политической, экономической и обществен-

ной жизни [7]. Таким образом, именно с развитием Интернет в Украине стало возможным не только получение разного рода политической информации, а и взаимнообратная связь, которая предполагает и ее обмен. Возможности политической интернет-коммуникации во многом зависят от уровня проникновения Интернет в массы, что обуславливает необходимость исследования уровня информационного развития общества и выявления проблем, учитывать которые крайне необходимо для обеспечения взаимосвязи между политической и обществом.

Анализ последних публикаций. По мере усиления влияния технологической составляющей на политическую коммуникацию, возрастает интерес ученых относительно взаимодействия политической системы с интернет-сообществом. В этом направлении интерес представляют результаты научных исследований авторов, которые рассматривают возможности трансформации политических технологий с учетом использования информационно-коммуникационной сети Интернет. Среди современных исследователей данного вопроса следует отметить Г.Л. Аكوпова, Е.В. Артюхину, И.А. Бронникова, С.Г. Денисюк, М.А. Щенникова [1–4, 12] и др.

Цель исследования. Проанализировать условия и возможности развития политической интернет-коммуникации в Украине с учетом процессов информатизации, протекающих в современных условиях, и их особенностей.

Основной материал. Очевидным является факт того, что Интернет стал глобальным информационным пространством, позволяющим передавать, накапливать, распространять информацию, обмениваться ею, что способствует, в свою очередь, ускорению процессов активизации общества и усиления его влияния на политическую ситуацию. При этом все большее количество пользователей Интернет вовлекаются в общественную, также и политическую деятельность. Однако в Украине развитие Интернет не позволяет сегодня говорить о масштабности и достаточности этого процесса, он протекает преимущественно стихийно в следствии отсутствия на данный момент национального плана его развития. Понимая важность и необходимость дальнейшего развития широкополосного доступа (ШПД) к сети Интернет в Украине продолжается пока только изучение мирового опыта, вырабатываются подходы к разработке национального плана ШПД, определяются источники и механизмы финансирования реализации Национальных планов ШПД.

В целом по развитию современных информационно-коммуникационных технологий Украина значительно отстает от передовых стран мира и в 2013 г. опустилась на 73 место с 68 — в 2012 г. При этом, опережая Армению, Грузию, Киргизию, Узбекистан, Украина отстает от Беларуси, России, Казахстана, Молдовы и даже Азербайджана [11]. В глобальном рейтинге по количеству интернет-пользователей из 192 стран Украина лишь на 109 месте. Согласно данным исследования «Состояние широкополосной связи 2013», регулярный доступ к сети в 2012 году был у 33,7% украинцев. Для сравнения, в Исландии (лидер рейтинга) этот показатель достигает 96%, в США — 81%, а в России — 53%. По проникновению широкополосного интернета, отставая от большинства стран СНГ, Украина на 79 месте, а по проникновению мобильного интернета — на 101-м [10]. Приведенные факты свидетельствуют о пока ограниченных возможностях развития политической интернет-коммуникации в Украине.

Однако тенденции развития интернет в Украине свидетельствуют о достаточно быстрых темпах, особенно в 2010–2011 гг., они составляли 37,5 и 25,5%, соответственно (рис. 1).

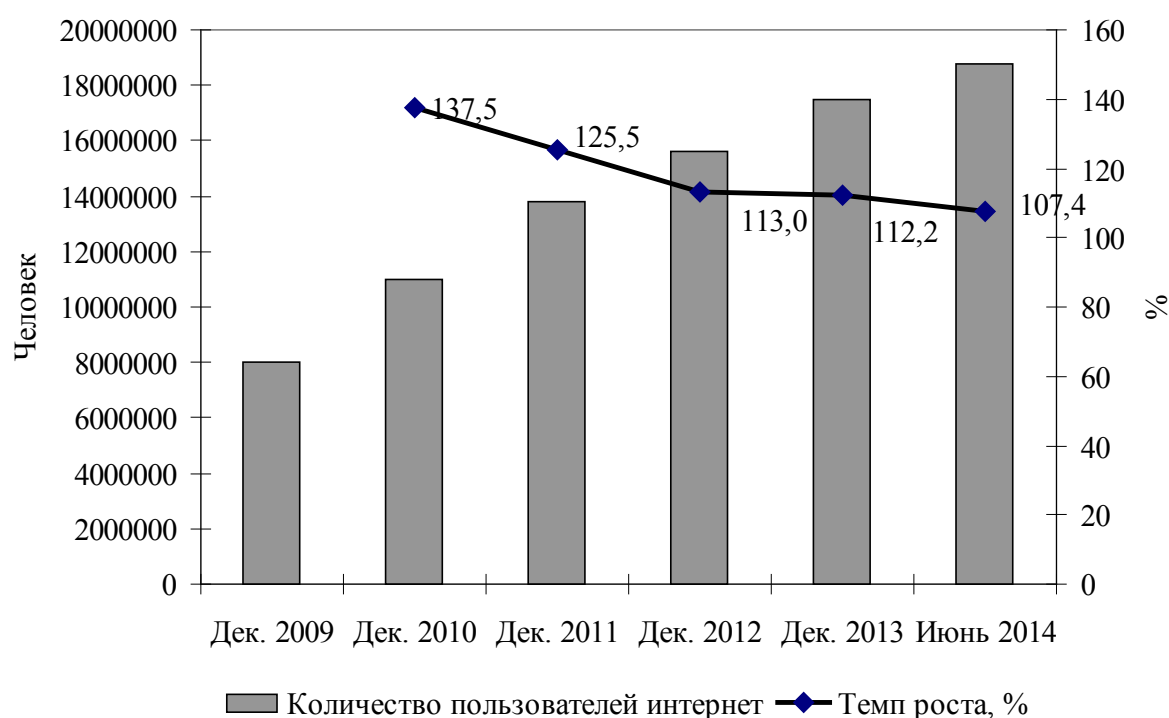

Рис. 1 — Динамика пользователей Интернет в Украине в 2009–2014 гг.

По состоянию на июнь 2014 г. количество пользователей Интернет в Украине превысило 18,8 млн. человек, что на 1,3 млн. больше по сравнению с данными

по состоянию на декабрь 2013 г. Отмечается снижение темпов ежегодного прироста пользователей Интернет в Украине, в 2012–2014 гг. он находился в пределах 12–

13%. При такой ситуации для того, чтобы охват населения с доступом и использованием Интернет превысил 80% понадобится как минимум 5 лет, вследствие чего Украина может оставаться на низких местах в мировых рейтингах по развитию и применению современных информационно-коммуникационных технологий.

В аспекте развития политической интернет-коммуникации в Украине существует целый ряд проблем, связанных, прежде всего с особенностями интернет-аудитории. Из-за существенной социально-экономической дифференциации регионов Украины имеют место особенности развития Интернет в отдельных областях. По статистическим данным [8] (табл.) в Украине в 2013 г. насчитывалось 5957,4 тис. абонентов сети Интернет, при этом их треть приходится на столицу — г. Киев, еще почти 23% — зарегистрированы в Одессе. В целом на 6 регионов

Украины: Днепропетровску, Донецкую, г. Киев и область, Львовскую, Одесскую и Харьковскую область приходится почти 75% абонентов сети Интернет, а на остальные — лишь 25,2%. Таким образом, наибольшая концентрация абонентов глобальной сети интернет приходится на столичный, южный и восточный регионы, среди западных регионов выделяется Львовская область. Наименьшее количество абонентов находится в Житомирской, Закарпатской, Ивано-Франковской, Кировоградской, Ровенской, Черновицкой областях, от 50 до 54 тыс. абонентов на область. Такая ситуация свидетельствует о диспропорциональной региональной структуре абонентов сети Интернет, поэтому для значительной части населения Украины политические интернет-коммуникации не смогут стать инструментом влияния на их политические взгляды.

Таблица 1. – Региональная структура абонентов сети Интернет в Украине в 2013 г.

Области	Абоненты сети Интернет, тыс.	Доля в структуре абонентов, %
Украина	5957,4	
Днепропетровская.	249,1	4,2
Донецкая	387,1	6,5
Киевская и г. Киев	2007,1	33,7
Львовская	238,5	4,0
Одесская	1357,4	22,8
Харьковская	182,6	3,1
Другие	1535,6	25,8

Поскольку основными возможностями, которые предоставляет всемирная сеть для политической деятельности, являются передача политической информации и использование ее в качестве инструмента политической коммуникации и политических технологий, выявленные диспропорции в Украине свидетельствуют о том, что лишь ограниченный круг населения, которые являются пользователями Интернет, вовлекается в политические процессы, обусловленные влиянием политической интернет-коммуникацией. В ситуации, имеющей место в Украине на современном этапе, средства массовой информации в Интернет, не могут пока считаться массовыми, поскольку они характеризуются высокой степенью локализации и низким уровнем доступности в регионах с низким уровнем интернетизации. При этих условиях политический диалог в процессе интернет-коммуникации будет ограничен взглядами, проблемами, интересами преимущественно жителей столицы и больших городов, в то время как население периферии, сельской местности без необходимого уровня интернетизации останутся вне политического взаимодействия.

Таким образом, одним из факторов, который должен учитываться современными политтехнологами при формировании политической интернет-коммуникации, является показатель доступности Интернет.

Важной проблемой также остается недостаточный уровень компьютеризации в Украине и информационной грамотности населения. В соответствии с результатами статистического обследования [5] по состоянию на 2012 г. лишь 32,4% домохозяйств имели персональный компьютер, что по сравнению с 2010 г. на 7,2% больше. При этом выявлены следующие особенности, что в домохозяйствах с детьми обеспеченность персональными компьютерами составляет 50,1%, в то время как домохозяйства без детей обеспечены ими лишь на 20%. Обеспеченность персональными компьютерами также существенно зависит от уровня доходов домохозяйства. Если на 100 наиболее обеспеченных — 20. Таким образом, доступ к сети Интернет зависит, в том числе, от уровня компьютеризации, обусловленного влиянием демографических

и экономических характеристик домохозяйств. При условии улучшения социально-экономической ситуации в Украине темпы роста пользователей сети Интернет будут возрастать.

Низким, на данный момент, остается уровень компьютерной и информационной грамотности населения. Важность задачи повышения компьютерной грамотности связана с тем, что данный фактор уже признан одним из существенных факторов достижения устойчивого экономического развития, единства и социальной стабильности общества. В этой связи возникает необходимость формирования информационной культуры, которая предполагает такой уровень информационной подготовки, который позволяет человеку не только свободно ориентироваться в необходимой информационной среде, но и принимать участие в её формировании и преобразовании, содействовать информационным контактам [6], что есть крайне необходимым для развития политической интернет-коммуникации.

Решение проблемы компьютерной и информационной грамотности населения признано одной из важнейших задач развития информационного общества в рамках Закона Украины «Про основы развития информационного общества в Украине на 2007–2015 годы». Законом предусматривается обеспечение создания общедоступных электронных информационных ресурсов, подготовка человека к работе в информационном обществе, создание системы мотивации использования информационно-коммуникационных технологий.

Выявленные проблемы, а также особенности процессов информатизации в Украине не позволяют политическим интернет-коммуникациям превзойти традиционные каналы массовой коммуникации. Определенные сложности остаются непреодоленным барьером к восприятию новых, современных коммуникационных технологий, которые проявляются в трансформации форм, методов, средств политического взаимодействия между властью, государством и обществом.

Выводы. Вследствие существенного социального, экономического, информационного, а также политического неравенства в регионах Украины формирование эффективной модели политической интернет-коммуникации является крайне затруднительным. Первоочередными проблемами, которые требуют решения на государственном уровне, являются повышение уровня интернетизации в Украине в целом, а особенно в регионах, в которых он, на данный момент, крайне низкий, способствовать улучшению компьютерной и информационной грамотности населения. При этом важным заданием является уравнивание национального общественного пространства, развитие гражданских институтов политического участия, демократизация политической и общественной деятельности, поиск и выработка эффективных средств политической интернет-коммуникации. В совокупности это будет способствовать гармонизации взаимоотношений политики и общества, формированию новой политической культуры и сообщества нового типа.

Список литературы:

1. Акопов Г. А. Политические интернет-коммуникации как инновационный фактор общественного развития/автореф. дис... док. полит. наук – 10.01.10 – Санкт-Петербург, 2013–50 с.
2. Артюхина Е. В. Интернет как средство политической коммуникации/Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии, – № 2. – 2008, С. 121–124.
3. Бронников И. А. Особенности сети Интернет как формы политической коммуникации/дис... канд. полит. наук. – 23.00.02 – Москва. – 2011, 296 с.
4. Дригайло С. В. Формирование информационной культуры пользователей и сотрудников библиотеки/Электронный ресурс]. – Режим доступа: <www.gpntb.ru/ntb/ntb/.../ntb_1_4_2011-drigaylo.pdf>.
5. Наявність у домогосподарствах товарів тривалого користування у 2012/ Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrstat.org/uk/druk/publicat/kat_u/2013/dop/dop_nttk_2012.zip>.
6. Про основы развития информационного общества в Украине на 2007 - 2015 годы/ Закона Украины/ Електронний ресурс]. – Режим доступа: <<http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/537-16>>.
7. Про телекоммуникации/ Закона Украины/ Електронний ресурс]. – Режим доступа: <zakon.rada.gov.ua/go/1280-15>.
8. Стан і розвиток зв'язку в Україні за 2013 рік/ Статистичний бюлетень/ Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrstat.org/uk/druk/publicat/kat_u/2014/bl/03/bl_zv_13.zip>.

9. Технологічні виміри політичної комунікації: монографія / С. Г. Денисюк. – Вінниця: ВНТУ, 2010. – 276 с.
10. Украина на 109-м месте по количеству интернет-пользователей, а стратегии развития все нет/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://ain.ua/2013/09/26/406442>>.
11. Украина опустилась на 73 место в мире по развитию IT-технологий/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://ain.ua/2014/11/26/552006>>.
12. Щенников М. А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России/ дис ... канд. полит. наук. – 23.00.02 – Ярославль. – 2010, 172 с.

*Vanina Clavdia Ivanovna,
Saint-Petersburg State University of Trade and Business,
associate professor of the Chair of philosophy and social communications,
E-mail: clavdia.v@yandex.ru*

Sociological views of A. P. Shchapov

Abstract: The article gives a survey of views of one the Russian sociology founders A. P. Shchapov. It reveals the contribution of the scientist in the development geographical direction in national social science, in the formation of the theoretical assumptions of relevant disciplines such as political sociology, ethnic sociology. The paper analyzes the content of A. P. Shchapov's basic of sociological concepts in the context of Russian history. The concepts evaluation is given from the standpoint of modern social science and social practice.

Keywords: people, territory, colonization, freedom, regional self-government, the factors of the environment, society.

*Ванина Клавдия Ивановна,
СПб торгово-экономический университет,
доцент кафедры философии и социальных коммуникаций
E-mail: clavdia.v@yandex.ru*

Социологические взгляды А. П. Щапова

Аннотация: В статье даётся обзор научных воззрений одного из создателей русской социологии А. П. Щапова. Раскрывается вклад учёного в разработку географического направления в отечественной социологической науке, в формирование теоретических предпосылок таких отраслевых дисциплин, как политическая социология, этносоциология. Анализируется содержание базовых понятий социологической концепции А. П. Щапова в контексте российской истории, а также даётся их оценка с позиций современного обществознания и социальной практики.

Ключевые слова: народ, территория, колонизация, свобода, областное самоуправление, географический фактор, общество.

Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876), русский учёный, историк является одним из основоположников отечественной социологической науки. Следует признать, что творчество учёного представляет собой недостаточно исследованную страницу истории русской социологии, оно лишь фрагментарно описывается в историографической литературе.

Социологические взгляды Щапова формировались на солидном фундаменте знаний, приобретённых учёным уже в молодые годы. Проходя обучение в иркутском духовном училище, а затем в Казанской духовной академии, он ознакомился с трудами Геге-

ля, посещал лекции В. И. Григоровича по истории славянской литературы. Прочтение произведений В. Г. Белинского позволило Щапову осознать поворот данного учёного к «конкретному» человеку как критическую реакцию на гегелевскую концепцию субстанциональности истории. Идея Белинского о том, что в каждом народе необходимо видеть не отвлечённые идеи, а «живые организмы, идеальные личности» не могла не привлечь внимания Щапова. На формирование субстанции народа, (под которой Белинский мыслил непреходящий и вечный дух народа), оказывают влияние «географические, клима-

тические и исторические обстоятельства». В отличие от пути развития западноевропейских стран, своеобразие исторического развития России, в представлении Белинского, заключается в том, что русскому народу присуща своя особая субстанция. Подобного рода воззрения, воспринятые молодым Щаповым, с одной стороны, сблизили его на определённый период со славянофилами, а с другой, оказали влияние на формирование социологических взглядов данного учёного. Заявленная Герценом идея о том, что «свобода лица — величайшее дело, на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа» [1, 14] нашла воплощение в творчестве Щапова.

Созданная им социологическая теория опирается на такую базовую ценность, как свобода. В ней учёный видит неотъемлемую духовную составляющую истории народа.

Среди опубликованных работ такие произведения Щапова, как «Общий взгляд на историю Великорусского народа» (1860), «Великорусская община и «смутное время» (1861), «Земство и раскол» (1862), «Историко-географическое распределение русского народа» (1864), «Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России» (1867) представляют собой важные вехи в его научном творчестве. Указанные работы внесли несомненный вклад в формирование социологической школы в русской историографии. В своих научных исследованиях учёный опирался на архивные данные, юридические, бытовые и культурные документы, сопоставлял статистические материалы. Полученные факты он анализировал в контексте экономических, политических и социальных причин и следствий, привязывая их к природной среде, демографическим процессам, народному психологическому складу. В понимании Щапова как учёного позитивистского направления только комбинация всех этих переменных позволяет выявить подлинно научное значение этих фактов. Их теоретическое осмысление с позиций естественно — научного подхода даёт возможность определять научные законы, без знания которых невозможно раскрыть механизм взаимодействия общества и природы. Какой бы прочной ни была абстрактная социальная теория, она, по мнению учёного, «произвольна без единственно прочных основ — естественно — научных, физико — антропологических» [2, 16].

Народ, в социологическом контексте определяется Щаповым как действенная, созидательная сила истории, данное понятие является одним из базовых в созданной учёным теории. По мнению Щапова

именно свобода — это форма полнокровного проявления этноса в таком качестве и она находит конкретное выражение в отечественной истории в виде общности. Данное понятие рассматривается мыслителем в контексте свободного народного самоопределения и развития народа. В понимании учёного вся русская история есть по преимуществу история областей, она представляет собой развитие и видоизменение разнообразных областных общин в двух формах — земско-областной и государственно-союзной. Первая земская областная форма исторического развития русского народа, начавшись со времён основания областей, с 1613 года окончательно стала распадаться под влиянием московской централизации. Вследствие колонизационного земского устройства областей земля составляла основу различных областных ассоциаций. В областной период происходила активная вольно-народная или княжеско-вотчинная территориальная колонизация. По мнению учёного, важное значение имело то, что свобода была основой земского территориального устройства. Принципом свободного перехода земских людей, включая крестьян, было правило «вольному воля». Такая естественная свобода жизни, свободный выбор поселения не могли не инициировать в народе «могучий колонизационный дух», стремление к свободному саморазвитию. Наличие свободы благоприятствовало его развитию, а отсутствие — затрудняло. Щапов признаёт естественную необходимость и неизбежность государственной централизации. Однако он вынужден констатировать, что нередко она осуществлялась не в пользу развития самостоятельных областных начал, а вопреки им. Вместо свободной колонизационной политики освоения земель — административно-правительственная, преимущественно военно-стратегическая колонизация. Вместо многообразных форм территориального, общественно-политического устройства земских общин — их унификация в результате их преобразования в однородную форму губерний и уездов в соответствии с петровской реформой 1708 г. Вместо выборного самоуправления — сложная система административного государственного управления, приводящая к ограничению самостоятельности областных общин указами и регламентами. Последние «нередко содержат в себе противоречия, требуют многих толкований, ... множеством и обширностью своей служат не к сокращению, а к умножению поводов к злоупотреблениям» [3, 572]. Происходит деление городов на центр и провинции, разграничение областей на тя-

гловые (обременённые налогом) и те, которые развивались свободно, на «льготе». Учёный признаёт, что чрезмерная опека со стороны государства в отношении граждан ограничивает их самостоятельность. Поскольку благоустройство целого (государства) прямо зависит от благоустройства его частей, от развития частного и народного благосостояния, то он весьма критично оценивает принцип субсидиарности в государственном устройстве. Щапов делает вывод о том, что государственная централизация — это элемент «для внешнего устройства, для обобщения областности, а областность — коренное, непреходящее, только вынужденно видоизменяющееся начало народного историко-географического самоопределения и местного саморазвития» [4, 649].

Географическое истолкование общества и русской истории определяет характерные черты научных воззрений Щапова. На их формирование оказали влияние идеи приверженцев географической школы (А. Гумбольдт, К. Риттер, Э. Реклю, Г. Т. Бокль). Представление английского историка, социолога-позитивиста Генри Бокля о том, что логика исторического процесса — это не что иное, как изменение человека под влиянием природы, и природы — под влиянием человека нашло своеобразное отражение в научном творчестве Щапова. Учёный придаёт большое значение роли географического фактора в общественном развитии. Среди факторов географической среды он выделяет такие, как территория, климатические условия, плодородие земли. Понятие территории органично встроено в систему базовых дефиниций концепции Щапова. Свободная народная сельскохозяйственная колонизация территорий обусловила специфику истории российского общества. Поскольку земледельческая колонизация позволяла получать больше жизненных средств с одной и той же единицы площади, чем охота, то земледelec, в отличие от охотника или пастуха, не боялся «приселения к себе другого земледельца ... Вследствие этого, естественно организуются сельские общины, миры.» [3, 189]. Щапов показывает, что первоначально области образовывались путём колонизации по речным системам, волокам и частично по «чёрным лесам». Так, Новгородская община продолжала колонизацию своей территории путём «выставок или выселков» из больших старых поселений. Новгород, расширяя свои колонии, не нарушал свободного развития общин, каждая из которых по речной системе составляла самобытную свободную землю. И эту «расходчивость, расплывчатость народонаселения» учёный

образно характеризует как «географический, пространственный разгул». Огромное территориальное пространство содействовало активной социальной мобильности. Она выражалась в свободном территориальном перемещении людей, в их переходе с одного места на другое. Поэтому не случайно земледельческие поселения долгое время не имели прочной оседлости, носили полукочевой характер. Склонность народа к «разгулу, расходчивости, расплывчивости по широкому пространству русской земли» породили такой слой в населении, как вольные «гулящие люди». Однако народная колонизация носила не только земледельческий характер. Если в допетровские времена русский народ территориально преимущественно устраивался в таких областях природы, как растительная и животная, то с XVIII века началась обширная колонизация в области горной природы, в сфере минеральных богатств Урала, Алтая и Сибири. По мнению учёного такая длительная по времени земледельческая колонизация и её сильная зависимость от факторов природной среды замедлила социальную динамику русского общества, поэтому Россия позже, чем европейские страны вошла в индустриальную фазу развития.

Изучение взаимодействия природных и антропогенных факторов позволило Щапову расширить представления о формировании традиционных хозяйственных укладов, особенностях социальной стратификации русского общества и форм его организации.

Климатические факторы, по мнению учёного, определяли не только границы выращивания сельскохозяйственных культур, но и типы поселений. Так, по причине холодного климата садоводческие поселения не получили в России широкого распространения. До XVII века они почти отсутствовали за исключением Москвы, в которой в XIV и XV веках был особый разряд населения — садовники. Кроме того, движение к северу означало постепенный переход от преимущественно земледельческой деятельности к мануфактурной и ремесленной.

Учёный обращается к проблематике социального расслоения общества, которая составила с конца 60-х годов XIX века ядро социально-философского и социологического мышления. С учётом географического фактора он анализирует особенности социальной стратификации российского общества, характеризующие разные периоды русской истории. Щапов указывает, что ухудшение плодородия почвы и как следствие частые неурожаи были одной из при-

чин расслоения общества на богатые и бедные слои, а также последующего закрепощения в XVII веке крестьянства. В указанное историческое время «свободный землевладелец» исчезает, а с ним угасает истинная «гражданская доблесть и любовь к отечеству» в результате, прежде всего, закабаления класса крестьян [5,249]. В предшествующий этому времени областной период русской истории на основе естественного разделения труда все земские страты населения — купцы, посадские и крестьяне — по единому образу жизни, по общинным отношениям составляли одно целое, равноправное сословие, вплоть до окончательного образования сословий в XVII веке. Учёный отмечает, что не только бояре и дворяне, но и любой земский человек мог иметь поземельную вотчину и передавать её по наследству. Отсутствие земли у бедных людей объяснялась тем, что они не имели средств, необходимых для «житейного завода», чтобы заниматься хозяйственной деятельностью. Но когда они «разживались», то заселяли свои земли и таким образом получали их в своё владение.

Щапов обращает внимание на то, что территориальная самоорганизация и саморазвитие русского народа нашло политико-юридическое оформление в разнообразных формах земского «народосоветия». Это «великорусское городское вече, юго-западные сеймы и рады, казачьи круги, областные земские советы» [6,49]. Юридически-правовое оформление общинного самоуправления нашло выражение в частном, а затем народно-областном праве. Народно-областные законы в виде «вечевых записей, уставных грамот, мирских уложений и заповедей» составляли законодательство, отвечающее интересам «местного положения различных областей».

В формировании социологического видения Щаповым российской истории большая роль придавалась географическому фактору. Однако активный поиск учёным новых объективных факторов развития общества заставляет его переосмыслить характер взаимодействия законов природы и законов развития общества. В обществе действуют люди, наделённые сознанием, и их сознательная деятельность подчинена определённым закономерностям, которые не тождественны природным. Познание этих закономерностей требует учёта многих обстоятельств, выходящих за рамки природной среды, и обращения к среде социальной, к сфере человеческого духа. Щапов, как и многие учёные социологи его времени, был сторонником идеи эволюционизма. Он сосредотачивает своё внимание на развитии

разума (интеллекта) как факторе общественного прогресса. Оценку интеллектуального развития крестьянства и других сословий российского общества учёный даёт в соотношении с достигнутым уровнем развития западноевропейской научной мысли. В этой оценке он не идеализирует народ, отмечает препятствия в его умственном развитии. Учёный обращает внимание на то, что сосредоточение усилий русского народа на сельскохозяйственной колонизации лишило его возможности серьёзных научных изысканий. Наличие такого негативного фактора, как отсутствие рационального знания почв и климата объясняло тот факт, что нередко заселялись бесплодные земли. Кроме того, «пространственная равнинность и однообразие русской земли не приучили к сравнению между собой предметов и явлений и ... не побуждали к особой деятельности мышления — к сравнению, а, следовательно, и к развитию мысли» [7, 486]. В результате в допетровский период русской истории вместо рационального, метафизического, научно-философского мышления развивался по преимуществу «непосредственный чувственный реализм».

В то же время учёный констатирует сложившуюся в истории народа гармонию между естественной, «физико-географической» средой обитания и естественнонаучным интеллектуальным развитием. Вековое преобладание внешних, чувственных познавательных способностей русского народа вело к «быстрому схватыванию наглядных образов», к накоплению сенсорной информации в результате наблюдения эмпирических фактов. Поэтому это и объясняет укоренение и господство в процессе исторического развития «реально-познавательной деятельности эмпирических... способностей или экспериментальных способностей» [7,61]. И в этом обнаруживается, по мнению учёного, особая склонность русского народа к естественнонаучному знанию, к изобретениям. Учёный формулирует антропологический, социологический закон о неразрывной связи и соединении труда умственного и физического. Его нарушение ведёт к социальным аномалиям: к господству над обществом и народным разумом мистицизма, к противоречиям между трудом и знанием. Преодоление отвлечённости науки от жизни возможно тогда, когда она, по мнению учёного, черпает материал, силы и выводы из лаборатории рабочего опыта и труда народа. Поскольку именно они могут выступать «мастерскими теоретического образования». Занимая позицию, близкую к демократическому просветительству 60-х гг. XIX века, Щапов отме-

чает необходимость развития системы просвещения, с помощью которой можно преодолеть неравенство в знаниях и образовании, создать условия для развития в человеке его активной общественной самостоятельности за счёт постоянного умственного труда.

В 1874 г. Щапов участвовал в этнографических экспедициях, которые проводились на территории Туруханского, Верхоленинского и Балаганского краёв Иркутской области. Собранный им материал позволил расширить представления учёного о воздействии факторов природной среды на характер народа, его нравы, образ жизни. В работах «Этнографическая организация русского народонаселения» (1864), «Историко — этнографическая организация русского народонаселения» (1865), «Эгоистические инстинкты в Ленской народной общине» (1876) учёный даёт характеристики этнических общностей, показывая их физиологические, психологические и лингвистические особенности, состояние здоровья, численный состав семей, межэтническое общение. Следует признать, что исследование Щаповым социально-территориальной мобильности русского народа и возникающих в ходе её различных форм межэтнических отношений — это, скорее, проблемы социологические. Таким образом, «корни» этнической социологии прослеживаются в работах учёного, в которых он стремится дать объяснение жизни русского народа и других этносов, развивающихся по своим естественным законам во взаимодействии с внешней «физической природой».

К идейным истокам политической социологии относятся, получившие обоснования в работах Щапова, его представления о социально-политическом устройстве общества. Проведённый учёным анализ взаимодействия природной, социальной среды и политических институтов, в известном смысле, можно было бы назвать «протосоциологическим» исследованием развития политической жизни общества. Он изучает природу публичной власти, нашедшей выражение в различных формах «народосоветия».

Идеи Щапова созвучны реалиям современного российского общества. В поисках смысла исторического развития новой России в новых общественных условиях не утратили значения идеи Щапова о свободе как духовной составляющей бытия народа и её реализации в форме самоуправления. Предложенная русским учёным идея федерации, в которой отдельные её части, находясь в составе целого политического союза, «свободно совершали все внутренние, жизненные, органические действия, сообразно с местными географическими, этнографическими и другими условиями» [4, 695] вызывает не только историко-научный, но и политический интерес. Требуется проведение взвешенной политики, направленной на решение проблем территориального самоуправления российских регионов, в целях совершенствования федеративного устройства современного российского государства, устранения опасности его конфедерализации.

Щапов разрабатывал базисные понятия своей теории в контексте российской истории. Подобного рода методологическая стратегия находит продолжение в такой тенденции развития современного социологического знания, как историзация. С конца 1980-х прирост знания в рамках социологической науки в значительной мере связан с реализацией данной тенденции. Она означает интеграцию временного, исторического измерения в изучение социальной реальности. Принцип анализа явлений во времени эффективен не только в применении к социальной жизни, но и к самой социологии. Это является одной из причин возрождения в настоящее время интереса к истории социологии. В связи с этим, творчество Щапова заслуживает внимания современных исследователей. Русский учёный при создании своей теории в значительной мере опирался на сравнительно-исторический метод познания, применение которого позволило ему сформулировать идеи, послужившие дальнейшему развитию социологической науки.

Список литературы:

1. Герцен А. И. С того берега/Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 6. — М.: изд-во АН СССР, 1955.
2. Щапов А. П. Естествознание и народная экономия/Соч. А. П. Щапова, т. 2 — СПб: изд-во Пирожкова, 1906.
3. Щапов А. П. Историко-географическое распределение русского народонаселения/Соч. А. П. Щапова, т. 2 — СПб: изд-во Пирожкова, 1906.
4. Щапов А. П. Великорусская община и «смутное время»/Соч. А. П. Щапова, т. 1 — СПб: изд-во Пирожкова, 1906.
5. Щапов А. П. Общий взгляд на историю Великорусского народа/Неизданные сочинения. — Казань: изд-во Гажур, 1926.

6. Щапов А. П. О конституции/Неизданные сочинения. – Казань: изд-во Гажур, 1926.
7. Щапов А. П. Общий взгляд на историю интеллектуального развития в России/Соч. А. П. Щапова, т. 2 – СПб: изд-во Пирожкова, 1906.

Sodikova Shohida
Candidate of social sciences
E-mail: dilmurod2007@km.ru

The role of the older generation in the education of young people

Abstract: The present article discusses some specific features the role of the older generation in the education of young people. Especially, the important attention is given the fact that the older generation is taking part in the activities of Mahalla and upbringing up the children.

Keywords: older generation, moral and aesthetic values, young people national value, traditions and customs, hospitality, national character, life experience, social protection

To date, more than 50% of the population is young. Seriously affect the lives of today's youth changes in puberty, some difficulties and challenges inherent in this age. We are all equally liable in solving the problems of youth. This should be in the attention of parents, of elders and the chairmen of Mahalla committees, teachers. Seniors are incomparable role in the education of youth. Even in ancient Greece, Egypt, China Dear seniors enjoyed their experience. Greek sage Pythagoras believed that man reaches its highest point in forty years, and Plato put forward the idea that the state should manage smart, they had a great experience — it's older people [1].

At the same time live in the community elderly, middle-aged and young people. Always try to relations between these three generations were correct and fair: "Composition and various legends and myths" Thus, as each of these generations has its place and tasks in society.

The man has three unhappiness: death, old age and ill-mannered children. Old age and death are hopeless. But children can be put on the right path, to re-educate them, that should make parents and the older generation. Children should always be good to parents. Especially requires great responsibility from the children when their parents grow old and become helpless. Since, old age, the parents become moody and irritable. And not everything that kids say they like. In such cases, the children in any case should not mind them. Parents bringing up and caring for their children, never complained, despite the difficulties, but rather give them all my love. As a baby needs parents, just as parents need their children in old age.

In the East, respect elders in the habit. Here, based on the experience of the older generation and they is the head of the family, since life is based on a community lifestyle.

Respect their elders and listen to their advice, not only in the family, but in Mahalla, a large settlement, which are the eternal values. In Uzbekistan, many families are living pensioners. Over 90% of the elderly live with their children, providing them a peaceful old age. It is the duty of children is considered to respect their parents and to create conditions for all kinds of happy carefree life. If there are no children, the closest relatives are obliged to take care of them. At weddings or other large events in deference elderly are put in the first place as honor and follow their advice. During stagnation, some of these rich moral and aesthetic values have been forgotten, young people estranged from them. Independence creates opportunities to address these shortcomings and realize yourself and show your "I". The national idea is reflected that the older generations are responsible for youth and must be supported, to sympathize, to help them and share their experiences and national spiritual values.

Life experience of the older generation, their intelligence and ingenuity encouraged to send in the right direction force, tireless energy and initiative of young people, to prevent the failure of ideological consciousness and vigilance. Old age is not our misfortune or disease, but rather gradually finds its place as an honor and ornament of life. This grateful elders philosophers who keep themselves worthy youth relate to events happening around calmly, patiently, and with restraint, not indulging in emotions, excitement, and follow the adage, "Measure twice, cut once." They are more aware of life, passed through many difficulties and shortcomings distinguish white and black, good and evil, sin and beneficence, friend and enemy, justice, and meanness.

To date, the older generation is taking part in the activities of Mahalla, which operate in our country. In

particular, they have to perform a certain business in the development of entrepreneurship and privatization. Create a variety of small businesses, as the Mahalla committee, center of the board, bakery, sewing shops, stores, table's molecular shop, hairdressers and others. At the head of all these cases is worth the older generation. Become L by tradition to visit the elderly, single people in the Nawroz celebrations in Hayit. From the government pays much attention to them in the provision of social protection.

The President of the Republic of Uzbekistan in the events dedicated 9-anniversary of the Constitution declaring 2002 the "Year of the elderly," said that no one elderly person should not remain without attention of the state and society, and should not feel lonely. These words were the only reminder of our people, who knows that an elderly person in the house — the peace and tranquility in the family.

Nowadays especially great merit of the older generation in the hardening of young families in establishing relationships between the generations, in the preservation of peace and reconciliation in the communities, to prevent bad habits that negatively affect young people in the formation of all layers of the population of national pride and love of country humanism. Use the experience of the older generation in the education of youth in the spirit of the national idea is another tradition from the treasury of national values. To this end, all schools, colleges, high schools are organized meetings, round-table discussions with representatives of students waving l and noble people and older teachers. At such meetings the reference point are elderly community centers, acting at Mahalla committees. The older generation obliges parents to name children a good name to give a good education and training from the best teachers to teach the craft, to marry and to provide housing. Based on the spiritual heritage, improve legal and ethical education of youth, teach family members to recognize and fulfill their responsibilities and duties. Along with learning the deep global knowledge, there are some important facts that to give children the concept of national spiritual heritage and learn to follow him; extensive use of a national system of education in the growth of healthy physically, spiritually rich and morally pure youth. Get the knowledge inherent in a market economy, and learn the Uzbek foreign languages, teaching young people to create the conditions of use of new technologies. Parents should educate their children in the spirit of patriotism, learn to defend the honor of the family; live in the family, respecting national relations, to observe cleanliness,

hospitality, and cherish neighbors to help them in carrying out various activities and customs. Family members should regularly discuss concepts such as extremism, fundamentalism and international terrorism, and to give of a regular assessment of their work, always be vigilant and protect children from wrong understanding of these concepts and to participate in them. Shaping the youth we always have a negative attitude towards them that to concepts such as smoking, alcoholism, drug addiction, taksikomanie, AIDS, explain their detriment on the example of life stories. In performing these tasks must first be established cultural ties between elders and youth, and between parents and children. Therefore, to achieve the above, it is necessary to form an idea of the youth national family of cultural relations in the family, the family system of education and family life in general. And it needs to publish monographs, books, pamphlets and articles reflecting national, religious, legal, and spiritual aspects of life. The essence of the policy of the state of the high level occupied by the older generation in the family and society, achieved wide propaganda and agitation decrees and laws. In the education of young people and occupies a large place Mahalla. Each member of the Mahalla depending on the age has its place in weddings and events in public places. Mature and respectable people went ahead and took pride of place. Young people on the street greets older if he is familiar with it, it stops and asks about his health, does not cross the path of the elders, which is the national rules of politeness. In conversation with the senior needs to be polite, expressions should be accurate, pleasant nature that would indicate a good upbringing of the young man. All these rules of conduct apply to women, especially to girls. Courtesy, tact, chastity girls are expressed by vitally rules in family life. Besides the older generation must educate young people, in whatever conditions he lived, honest work, honest work to feed his family, to be hardworking, loving his profession, to benefit the family, parents society and the state. These moral values are the result of years of historical development of human society and are considered spiritual heritage. Moving on from generation to generation, they are improving and becoming a national value. However, we observe some people condemn such vices as idleness, hooliganism, indifference, alcoholism, drug addiction, selfishness, envy, greed, selfishness, indecision, ambition. E same quality from time to time, sometimes covertly, sometimes visually appears in our lives. Based on the above, you need to regularly teach youth the positive aspects of folk traditions that are educational and moral value to educate humanity. They need to be away

from these vices, respect elders, use and enjoyment of their human dignity and to follow them. So as not having studied thoroughly the moral heritage of our ancestors, you can not change and elevate the morality of man.

Each person is born, needs care, nurture the love and care of parents, work, acquires a family, children, and in the process of becoming older. This phenomenon in human history, made it possible to transfer the material and moral wealth of the older generation of young people, to educate them. It is important to point out that the older

generation in the family, with neighbors, in Mahalla, and in all forms of social life, sharing their invaluable experience to the younger generation. Obviously, they serve them an example not only for life, but after death. Their labor constructed buildings by gardens, planted trees; reared children created works, spoken word live and serve the younger generation. This suggests that death — is natural process and gives the opportunity to understand all the responsibility towards future generations.

Reference:

1. Constitution of the Republic of Uzbekistan. – T.: Uzbekistan, 2010.
2. Law of the Republic of Uzbekistan «On Public Associations of the Republic of Uzbekistan)). February 14, 1991.//Laws of the Republic of Uzbekistan. Issue 4. – T.: Adolat, 1993.
3. Law of the Republic of Uzbekistan «On Political Parties)). December 26, 1996.//Bulletin of Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, No.2 (1250), 1997.
4. Law of the Republic of Uzbekistan «On Guarantees and Freedoms of Access to Information)).//Bulletin of Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, No.4–5 (1252–1253), 1997.
5. Karimov I. A. High Spirituality is an Invincible Force. – T: Manaviyat, 2008., page 52
6. Islamov Z. M. Civil Society: Yesterday, Today, Tomorrow. – T: Tashkent State Law Institute, 2002. –P. 8.
7. Karimov I. A. All our plans and programs should serve to the development of our society and to welfare and benefit of the people. – T.: Uzbekistan, 2011. pages 18–19.

Section 11. Philology

*Bigeva Larisa Halidova,
Senior lecturer, Kuban Staatliche Universität für Kultur und Kunst,
Fakultät für Sozial-humanistischen Bildung, Lehrstuhl für Theorie
und Praxis der interkulturellen Kommunikation*

Kategorie Expressivität und Ihre Arten

Abstrakt: In diesem Artikel wird der Begriff "Expressivität" als Kategorie der Stilistik, der Linguistik, die deckt homogene und heterogene aufgrund von formalen, semantischen, funktionellen und kategoriale Einheiten, betrachtet.

Stichworten:: Emotionalität, Expressivität, emotional-Expressive Potential der innovativen Lexik.

Expressivität -ist eine Kategorie der Stilistik und Linguistik, die deckt homogene und heterogene Aufgr- und von formalen, semantischen, funktionellen und kategoriale Einheiten; reflektiert und drückt die bewusste, zielgerichtete, subjektive, emotionale und estetistische Haltung des Sprechers, dient, um zu unterstreichen, Verstärkung und Verwirklichung, der in den Prozess der Kommunikation ist. Ekspressame galt als Mittel des Ausdrucks, d. h. die Einheit, die in der Lage, aufzudecken ausdrucksvoll-Konstruktive «Schrittweite» [Kostomarov 1971: 160] und die tritt als Folge einer Verletzung der common language literarischen Normen. Ekspressame enthält in sich die «sprachliche» und «ästhetik» in Ihrer konkreten Interaktion, erscheint Sie als eine Einheit Allgemeine, Besondere und einzelne, die typischen und den persönlichen, materiellen und ideellen, der Form und des Inhalts,, reflektierenden Dichotomie Sprache — Rede [Grigoriev 1979: 140].. Es gibt auch den Begriff der „ ekspressiv “ — « Wort oder lexikalisch-semantische Variante der Worte, in der Semantik der kombinierte Komponente (nominativisch Basis) und Komponenten — Expressivität, Emotionalität. [Lukyanov 1980: 5]. Während Ekspressame — stilistische Einheit, ekspressiv fungiert als Einheit der lexikalisch-semantischen System der Sprache, D. H. als lexikalisch-semantische Einheit [Lukyanov 1980: 5]. Sie verbindet ein gemeinsames Kategorie Ausdruckskraft. Tier-Expressivität Form der subjektiven, emotionalen oder eine ästhetische Haltung, der den Mitteln der einzelnen sprachlichen Ebenen — Grafik, die Phonetik-fonologischen, lexikalischen, Buch. Bei der grafischen Expressivität wir sprechen über die Verwendung rpaфem und Ihre Besondere Kombination, Z. B. Satzzeichen. Die Buchstaben können die Expression durch seine Form, Größe, Farbe, usw. Gedicht in Form von Kreis -, Drei-

eck -, Treppen -, Stern-und andere — eine der gängigen Grafik-Tools zur Übertragung der Emotionen. Die Phonetik-fonologische Expressivität Expressivität, die Mittel, von denen die phonetische Formen, Z. B. Stabreim, Anapher, usw. Hier ist ein Beispiel Alliteration: Die treue Trine Trau, treue, Trine, trueglich trüben Traeumen nicht, treib trotzig triumphierend weg das Traumgesicht, trocken die Traenen tragischen Truebsals troepfelnd auf, trink trauten Traubentranks Trotestropfen drauf. (A. von Marquardt)

Lexikalische Expressivität subjektiv-emotionale Beziehung des Absenders, ausgedrückt lexikalischen Mitteln. VB Toschovitsch unterscheidet drei Arten von lexikalischen Expressivität:

- 1) Expressivität, die von den einzelnen lexikalischen Kategorien. (lexikalisch-kategorischen);
- 2) Expressivität, die in der lexikalisch-semantischen Gruppen (lexikalisch-semantische);
- 3) Expressivität, ist lexikalischen Schichten bestimmte Arten von introvertiert Differenzierung der Sprache. Expressivität erzeugt die Einheiten mit besonderen Gebrauch, nämlich, wenn es zu einer Verwandlung ist.«Deformation Redewendungen gibt es eine Redensart, besteht in der Zerstörung der semantischen Integrität.In der Belebung der bildenden Wörter als Stand-alone-Einheiten» Das wichtigste Ergebnis dieser Transformation — Leistung Comic, satirische oder ironische Sound [Arnold 1973: 172]. Lebendige Ausdruckskraft schaffen individuelle Transformation:

Bei einem Friseur. „Bedaure, mein Herr. Wenn Sie die Artikel ueber die neuen Lebensmittelpreise weiter lesen, kann ich Ihre Haare unmöglich glatt kaemmen!“

Als der Gerichtsvollzieher bei Frank Wedekind erschien, sagte der Dichter hoeflich: „Bitte, nehmen Sie

Platz! Das ist auch das einzige, was Sie hier nehmen koennen!“

Wortbildungstypologie Expressivität von wortbildenden Mitteln (Präfixe, Suffixe, usw.).

Was ist eigentlich in Deutschland los

Die Regierung -machtlos

Die Steuern- endlos

Die Kriegsanleihe -wertlos

90% des Volkes- mittellos

Die Aufwertung -ziellos

Die Glaebiger -ratlos

Die Pfaendungen- fruchtlos

Grammatische Expressivität vorgestellt weit genug (sieben Arten) wegen der Vielfalt der grammatischen Mittel.

1) Die Expressivität entsteht mit Hilfe der einzelnen Morphemen zusammengesetzt sind, vor allem, Kündigungen;

2) Grammatische Expressivität tritt in Bezug auf die volle grammatikalischen Formen;

3) Transpositionelle Expressivität entsteht durch Austausch einer Form auf eine andere.

4) Tautologische Expressivität bewirkt die Verdopplung, die Wiederholung einer Präposition, interne Objekt usw.;

5) Synonymische Expressivität von grammatischen Synonyme;

6) funktional-grammatische Expressivität entsteht durch die grammatischen Formen in atypischen syntaktischen Positionen;

7) Grammatische Expressivität von expressiv-Werten grammatikalischen Formen Syntax-Expressivität erstellt durch syntaktische Formen, unter denen eine Besondere Stellung nehmen die stilistische Figuren, emotionales Design, elliptisch Anregungen usw. In letzter Zeit entwickelte sich eine Besondere grammatico-stilistische Richtung — expressiven Syntax.

Derjenige, der den Taeter, der den Wegweiser, der an der Bruecke, die an der Strasse, die nach Kleinkleckersdorf fuehrt, liegt, steht, umgerissen hat, anzeigt, erhaelt zehn Mark Belohnung (Alles Unsinn. Hrsg. H. Seidel)

Frueher war mir alles Wurst, jetzt ist mir alles Wurst (aus der Hungerzeit)

Lieber ein dienstloser Fleischttag als ein fleischloser Dienstag (aus der Hungerzeit)

Eines seiner Art manifestiert sich in der Paarung von Texten aus verschiedenen funktionalen Stilen.

Du hast mir ins Auge gestochen

Hast mir einen Frieden geraubt

Du hast mir mein Herz gestohlen

Mit Wahnsinn bedroht mein Haupt

Du hast in mir Brand gestiftet

Hast meine Ruhe gestoert

Hast mich mit Traenen vergiftet

Betrogen mich unerhoert

Fuehr immer Du heimliche Waffen

Mir wird nicht laenger bang —

Ich lasse zur Strafe dich sitzen

Dein ganzes Leben lang V. Miris.

(verkürzt!)

Referenz:

1. Arnold I. Jh. die Stilistik des modernen Englisch (Stilistik Decodierung). PS: Aufklärung, 1973. 302 S.
2. Achmanova O. S. Wörterbuch der sprachlichen Begriffe. M: sowjetische Enzyklopädie, 1966. 607 S.
3. Grigorjew V. P. Poetik des Wortes. M.: Wissenschaft, 1979. 343 S.
4. Devekin V. D. Unterhaltames Lexikologie. M: ВЛАДОС, 1998. 312 S.
5. Devekin V. D. Deutsche Lexikografie. M: Gymnasium, 2005. 670 S.
6. Kostomarov C. D. Deutsch Sprache der Zeitungs-Streifen. M: der Lomonossow-Universität, 1971. 267 S.
7. Kostrova O. A. Expressiven Syntax des modernen deutschen Sprache: ein Lehrbuch. – M.: Flint, 2004. – 240 c.
8. Lukyanov N. Und. Über den Begriff expressive und über die Funktionen expressiv der Russischen Sprache// Aktuelle Probleme der Leksikologie und der Wortbildung. Nowosibirsk: Novosibirsk State un-T, 1980. Vol. 9. S. 3–22.
9. Toschovitsch B. Expressiven Syntax des verbs russchen und des Serbischen/kroatischen Sprachen. – M: Sprachen slawische Kultur, 2006. – 560 S.
10. Weis H. Spiel mit Worten. – Troisdorf: Duemmler. 1965. 171.

Bicharova Mariya Mikhailovna,
 PhD (Phylology), Astrakhan state University,
 associate professor, The Faculty of Foreign Languages
 E-mail: valkirija@inbox.ru

New approach to genre classification of mass-media discourse

Abstract: A new complex approach to genre classification in which a number of attributes would help to identify this or that genre as a special type is suggested in the article. Four criteria by which the genre can be attributed to a particular species are offered. According to these four criteria genres can be grouped into five types.

Keywords: mass-media discourse, genre, classification, material, method, form, pragmatics.

The article is written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 14-06-31067 мол_a "Genre constellation as a fundamental of mass-information discourse body".

Mass-media discourse is an institutional type of communication. It includes many styles and genres and characterized by high dynamical development, constant changing and composite nature. The occurrence of new communicative situations arising from the development of society causes the birth of new genres and death of the old, thus updating the whole genre system.

Modern editions are characterized by use of almost all genre systems: literature, statistics, records, genres of foreign press [8, 91]. This, from our point of view, also causes the complexity, multidimensionality and continuous dynamics, and this is peculiar to all the genre diversity of mass-media discourse.

Each genre reflects the phenomena of reality and has certain characteristics, composed of organized parts of an information material. It has a stable set of features which are thematic, compositional and stylistic [1, 255], as well as cognitive, communicative and functional [4, 134]. This makes it unique relative to other genres. When the author does not think about what should be the text such characteristics arise randomly. Either they occur as a result of special creative efforts of addressee when he or she determines in advance what should be displayed in the text exactly, how and for what purpose. In any case those texts which have similar characteristics may be combined in a single genre groups [9]. The constant connection of certain subject, functions and methods provides the very stable form, which makes a genre recognizable even when compared to works written by different authors from different countries and in different times. The similarity of the composition or the style can be more or less expressed but a kind of "general impression" is rather preserved [10].

Despite the fact that the system of genres constantly updated and developed, and the boundaries between different genres become less clear, it is essential to

consider the genre variety of print media. The existing criteria of differentiation these are persistent signs of genres allow considering genres rather stable formations.

Creating the text authors usually focus on certain samples of texts that function in social and cultural community. To be comprehensible the reporter constructs his work in accordance with his or her own experience and knowledge of the probable reader about certain forms of textual communication, i. e. prototypes or text genres. The process of producing text begins with the selection of a genre, and then in accordance with the selected genre the language resources are selected.

Functional stylistics distinguishes genres of print media within the newspaper, journalistic or publicistic styles or studying such texts as "over-style" formations [5, 79].

There are many classifications of printing press genres in the scientific theory of journalistic genres. Each of these classifications is based on various typological approaches. Thus, A. Tertychny highlights the "target direction" as one of the most important genre-making factors. He notes that the variety of certain publications is predetermined by a specific variety of objectives, which the authors set for themselves, and that becomes the basis for the designation of a text to a particular genre group. Based on this, he identifies three groups of periodical genres: "informational", "analytical" and "artistic and publicistic" [9, 7-8]. The majority of researchers support this point of view about print media.

S. Gurevich gives a more detailed classification of periodical genres. He denotes the purpose of a genre and its functions as the most important factor of genre-making. Such genres as "note (brief article)", "report", and "piece of reporting" that A. Tertychny refers to the category of informational ones, the author classifies as genres of news. Further on S. Gurevich separates a group

of dialogic genres, which includes “interview”, “dialogue” and “conversation (polylogue)” noting that unlike the texts of news with the help of these genres journalists report not only on the events, but also about people’s opinions about these events. Regarding such genres as “comment”, “correspondence”, “article” and “review” the opinions of A. Tertychny and S. Gurevich match. The only difference is that the latter gives them the name of “situational and analytic”. The group of Tertychny’s “artistic and publicistic” genres S. Gurevich splits into three varieties: “epistolary” (all kinds of letters), “essentially artistic and publicistic” (“drawing” and “sketch”) and satirical (“feuilleton”, “lampoon”, “parody”, “epigram” and “essay”) [3].

Kenzhegulova N., the author of the e-learning course on journalistic “Mass communication”, accepts on the whole the classification of A. Tertychny. However she proposes to divide the “artistic and publicistic” genres in two varieties: the “artistic and publicistic” (“sketch”, “drawing”, “essay”, “political portrait”) and satirical (“feuilleton”, “lampoon”, “parody”, “epigram”, “fable”, “caricature”, “anecdote”) [6].

The author of the textbook “The system of journalistic genres” L. Kroychik gives another interesting classification of print media. He identifies five groups:

- “operative news” — article in all its varieties,
- “operational research” — “interview”, “report”, “piece of reporting”,
- “research and news” — “correspondence”, “comment” (column), “review”,
- “research” — “article”, “letter”, “review”,
- “research and figurative” (artistic and publicistic) — “sketch”, “essay”, “feuilleton”, “pamphlet” [7, 139].

There were also attempts to make the already existing classification more detailed, using a variety of aspects as criteria for dividing into groups [2, 398].

Thus we see that each author for his or her classification distinguishes one dominant criterion according to which this or that genre can be referred to a certain type. As a result, we may find, for instance, genres with different structure and form in one group. This causes certain confusion about how they occurred in one genre group in spite of the similarity of some other features.

In our opinion, it is difficult to develop a complete classification of genres and media discourse, using only one crucial criterion for classification. We suggest a complex approach to genre classification in which a number of attributes would help to identify this or that

genre as a special type. We looked through the variety of classifications of different scientists and made an attempt to join their strongest aspects.

So we offer four criteria by which the genre can be attributed to a particular species. These are material, method, form and pragmatics. When we speak about the material we mean the initial stuff which the author uses as the main subject. It may be event, phenomenon, fact, background, forecast, goods, service, etc. To bring to the reader the necessary information different methods may be used. They are description, analysis, research, comparison and so on. The structure of the text may also be different and the material may be represented in different forms such as statement, article, motto, comment, interview, question and answer. Pragmatic means the communication intention of the author, the planning result which the author wants to get when the reader would learn the material.

The thorough analysis of all the existing genres in mass-media discourse on the example of American printed press showed that they all can be grouped according to these four criteria into five types. They are:

- “descriptive” — those which depict events, give information from neutral point of view;
- “interpretative” — those which give analysis of events and phenomena, research in detail the question and give the author’s opinion and evaluation,
- “inductive” — those which are aimed to arise the reader’s interest to a certain product or service,
- “interactive” — those which are based on the interaction of author and audience or author and subject,
- “recreational” — those which main function is leisure and entertainment.

So, the main material for the group of “descriptive” genres is fact which the author represents in the form of statements. The method used in creation of texts is description and the pragmatics of such genres is in giving the reader the impartial information without the author’s evaluation.

“Interpretative” genres use as material not only the fact itself, but also the background, cause-effect connections, reasons and consequences. The material which is worked up and analyzed is represented in the form of article of review with the help of such methods as research, comparison and confrontation. From the pragmatic point of view the author is aimed not only to give the information, but also to analyze, find circumstances, reasons and consequences of the event, to share his personal point of view on the problem or

question.

“Inductive” genres try to raise the interest of the reader to a certain product or service which is used as material for the author. Persuasion and suggestion are the main methods used. The forms of representing the material may vary from simple review to appeal and case-story.

The group of “interactive” genres works out the problem, question or task which has social or cultural importance. The authors of the texts are often experts, consultants in some special field. They give competent analysis, evaluation and examination of a problem trying to find the way out from some difficult situation. The material may be represented in the form of question and answer, letter and comment or interview. This kind of genres is aimed to stimulate the reader

to interaction, to raise some reaction and feedback.

At last, the kind of “recreational” is based on humor, satire and different images which are aimed to attract the reader to the edition, to give some fun and entertainment. It may be done in the form of funny story, competition, joke, crossword or commix.

To make a conclusion, it's important to say that a new complex approach is used in making our typology of mass-media genres. Our classification differs from existing ones not only nominally but also conceptually. We suggest four criteria of classification and each type of genres combine the number of such peculiarities. It helps to attribute each genre to a special type without trouble and to understand the characteristics of separate “clear” genres and complex genre formations.

Reference:

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. С. 250–296.
2. Виноградова В. Б., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А., Савчук С. О. Компьютерный корпус текстов русских газет конца XX века: создание, категоризация, автоматизированный анализ языковых особенностей // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс русистов-исследователей. Москва, филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. 13–16 марта 2001 г. Труды и материалы. – М., 2001. С. 398.
3. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра: Учебное пособие для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2004. 288 с.
4. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУП, 2003. 656 с.
5. Зильберт Б. А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. – Саратов: Изд-во СГУ, 1986. 210 с.
6. Кенжегулова Н. Электронный курс по журналистике «массовая коммуникация» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.unesco.kz/massmedia/index.htm>.
7. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник. – СПб., 2000. 410 с.
8. Мясников И. Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра: дисс. ... канд. филол. н. – Томск, 2005. 212 с.
9. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evarist.narod.ru/text2/01/htm>.
10. Шибеева Л. Жанры в теории и практике журналистики // Журналистика. – 2000. №. 17/47. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.rsu.ru/n47/jur47.htm>.

Brodyuk Yuliya Mykolayivna,
SHEI «Pereyaslav-Khmelnytsky Hryhoriy Skovoroda
State Pedagogical University» Lecturer of Ukrainian and Foreign
literature and methods of training department Philological faculty
E-mail: ranochok@ukr.net

Artistic expression of time-space in trilogy «Zhmenyaky» by M. Tomchaniy

Abstract: The peculiarities of art organization the time-space in trilogy «Zhmenyaky» by M. Tomchaniy are analyzed in the article. The important role of time-space is emphasized in the composite formation structure of novels and modeling the hero character.

Keywords: time, space, cycle, novel, trilogy.

Бродюк Юлия Николаевна, ГВУЗ «Переяслав-Хмельницкий
государственный педагогический университет имени Григория Сковороды»,
преподаватель кафедры украинской и зарубежной литературы и методики обучения,
филологический факультет
E-mail: ranochok@ukr.net

Художественное выражение хронотопа в трилогии «Жменяки» М. Томчания

Аннотация: В статье проанализированы особенности художественной организации хронотопа в трилогии «Жменяки» М. Томчания. Акцентируется внимание на важной роли хронотопа в формировании композиционной структуры романов и моделировании характера героя.

Ключевые слова: время, пространство, цикл, роман, трилогия.

Художественный хронотоп в трилогии «Жменяки» М. Томчания сосредоточен на воспроизведении естественного потока жизни и пространственных особенностей локуса Закарпатья. Анализ пространственных измерений романистики позволяет проследить эволюцию характеров героев, которая зависит прежде всего от времени, места, определенных обстоятельств, в которых они действуют.

Взаимосвязь пространственных и временных отношений, художественно освоенных в литературе, М. Бахтин определил понятием «хронотоп». Научные исследования Н. Гей [2], А. Гуревича [3], Д. Лихачева [5], Ю. Лотмана [6] и других углубляют и дополняют мысли ученого. В частности, это касается категории времени в исследованиях Д. Лихачева, который считал, что литература «... в большей степени, чем любой другой вид искусства, становится искусством времени. Время — ее объект, субъект и орудие изображения» [5, 233]. Такого же мнения придерживается и А. Гуревич, ведь именно во времени, убежден ученый, воплощается мировоззрение эпохи, осознание человеком самого себя как личности [3, 152].

Хронотоп в аспекте пространственных характеристик художественного произведения рассматривает

Ю. Лотман. Пространство в литературном произведении он определяет как континуум, в котором размещаются персонажи и осуществляется действие. При этом поведение персонажей в значительной степени связано с пространством, в котором они находятся. Переходя из одного пространства в другое, человек деформируется по его законам [6, 252].

«Художественное время для автора — справедливо отмечает Н. Копыстьянская — это часть созданного им художественного мира, менее или более адекватного его реальному времени, зависит от эпохи, эстетики художественного направления, жанра, индивидуальности автора» [4, 41]. Художественный хронотоп определяет типы композиционной организации и особенности сюжета, связь между идейным содержанием и формой произведения, влияет на характеров персонажей.

Трилогия «Жменяки» М. Томчания панорамно отражает различные общественно-исторические процессы на Закарпатье в межвоенный («Жменяки», «Тихий городок») и послевоенное время («Братья») через судьбу своих героев. Каждый раздел романа «Жменяки» — это отдельная новелла-фреска огромной картины жизни западноукраинского крестьянства. Эпичность нарратива обусловлена по-

пыткой художника разноаспектно изобразить семью Жменяков и их потомков не только в разных временных измерениях, но и пространственных. События первого романа сосредоточены в небольшом поселке Горбки на Закарпатье, в «Тихом городке» главный герой находится в провинциальном городке Кунсалаше в Венгрии. Последний роман трилогии будто замыкает собой структуру романного цикла писателя, ведь события в произведении снова разворачиваются в селе Горбки.

Одной из отличительных временных особенностей построения художественного мира М. Томчания является цикличность. Выбранный писателем линейный тип композиции позволяет воссоздать размеренность жизни крестьянина в условиях его работы на земле через кругообразную смену сезонов. Личное время персонажей в романе также определяется природными и биологическими циклами. Циклизация романного времени М. Томчания замедляет темпоритм наррации. Человек в художественном мире писателя находится в центре временного круга, его не смущает страх смерти, ведь наблюдая за ежегодным обновлением и омоложением земли, он сам верит в собственное бессмертие.

Писатель любит экспериментировать с временными плоскостями: социально-историческое время он накладывает на частное, личное, как это можем наблюдать, например, в романе «Тихий городок». «Диалектическое переплетение индивидуальной судьбы и истории» (Н. Гуменный) приводит к взаимопроникновению образов Украины и Юрия Телегизия, их отождествление. Фактически, судьба молодого человека вдали от родины отражает сложное положение Украины перед началом Второй мировой войны. Ретроспекция в этом смысле приобретает функции психологизма: воспоминания героя о родном селе подчеркивают его внутренние переживания, маргинальное положение в обществе. Указанный принцип развития сюжета автор использует также для того, чтобы взаимосвязать романы «Жменяки» и «Братья»: сквозь судьбы главных героев — Михаила, Юрия, Елены, Юллы, Вероны и других он отражает исторические условия вхождения Закарпатья в состав советской Украины, принудительную коллективизацию, и так называемые «новые времена», наступившие для края.

В романе «Братья» воспоминания героев о прежних Горбках раздвигают временные рамки произведения, позволяет автору проследить прогресс действительности сквозь призму психологии и морали

представителей нескольких поколений. Нарративный дискурс сосредоточен в двух аспектах: изображение современного переплетается с воспоминаниями из прошлого, становится основой размышлений героев о жизни. Воспроизведенные писателем изменения в обществе и сознании крестьян с приходом на территорию края советской власти, вызывают у читателя иллюзию завершенности человеческих испытаний, страданий.

Обновленные Горбки, стоящие перед глазами старой бабки-повитухи, поражают не только своими «дворцами», которые Жменяки строят ночью, потому что днем работают в колхозе, но и людьми, которые якобы стали искренними, добрыми. Интересен тот факт, что в последнем, третьем романе писатель почти не раскрывает характер Михаила, который, по сути, является ярким представителем и жертвой своего времени: женившись на Юлке ради земли, он навсегда предал свою любовь, в конечном итоге отдав ту же землю в колхоз. Фактически образ старшего сына Ивана Жменяка есть в пространстве Горбков, однако фабула его сюжета исчерпана. Характер Михаила диссонирует с настроениями эпохи, поэтому он остается персонажем второго плана. Это закономерно, ведь хронотоп третьего романа отражает обновленный мир, в котором нет места для обиженных или несчастных людей. Понятно, что мысли писателя утопические, ведь такие изменения невозможны априори, речь идет скорее об авторском украшении новой действительности.

Важную роль в моделировании хронотопа художественного произведения М. Томчания играют пейзажи: описания поля, горного ландшафта, местности, где располагаются поселок или городок. Примечательно, что художник предпочитает статические пейзажные зарисовки, нет у писателя и вымышленных географических названий. Основные события в первом и последнем романах сосредоточены преимущественно в Горбках, частично в Ужгороде и соседнем селе Радванке; «Тихий городок» раскрывает пространство венгерского городка. Художник предпочитает точное описание местности, избегает сложной метафоры и сравнений.

Важное значение в хронотопе художественного мира М. Томчания принадлежит пространству поля в разные времена года. Поток времени в трилогии «Жменяк» плывет по своим исконным законам: меняются облик села, судьбы его жителей. Но неизменным сокровищем остается земля и труд на ней. Активизация указанного топоса зависит от работы

крестьянина на земле. Весной пейзажные картины поля полны поэтического восхищения красотой земли, надеждами земледельцев на новый урожай: «свежая, отдохнувшая земля слегка дымилась, лежала, как девушка после купания» [7, 22]; летом же, когда «... равниной лениво шел июль ...», засеянное поле в воображении писателя возникает олицетворением беременной женщины: «трудно дышала земля под зерном, как женщина перед родами» [7, 344]. Хронотоп поля подчеркивают также традиции и обычаи закарпатцев, связанные со сбором урожая.

Пейзаж в творчестве М. Томчания приобретает психологическое значение, становится средством художественного изображения внутреннего мира человека. Отчасти пейзажные зарисовки приобретают символическое значение. Таким символом надежды на счастливую семейную жизнь есть, к примеру, вспаханная пашня, на которой работают Михаил и Елена, и, наоборот, — поле осенью, когда влюбленные понимают, что уже никогда не будут вместе. Пейзаж психологически насыщенный, ведь иллюстрирует сложные человеческие чувства: разочарование, предательство, душевное смятение.

Важное значение в произведениях писателя приобретает локус кладбища как маргинальное пространство между миром живых и мертвых. По давним традициям землю под кладбище в селе отводили самую худшую, у М. Томчания она имеет соответствующие названия — Червеница, Камни, например, «за камнями разместилось нижнее кладбище, где лежали те, кто жил когда-то в нижнем конце деревни» [7, 190]).

Между собой эти два мира связывает хронотоп дороги, в прозе писателя приобретающий философский смысл. Концепт дороги реализуется через странствования Михаила как поиск нахождения самого себя и возвращение домой, подчеркивает художественное представление своего/чужого пространства, кото-

рое преодолевает герой в романе «Тихий городок». Указанный хронотоп выступает для писателя своеобразным «вектором бесконечности», который дает возможность глубже воссоздать экзистенциальное состояние человека, для которого постоянное движение становится источником энергии, поиском истины. У М. Томчания дорога является синонимом жизненного пути, который он стремится достойно пройти; это судьба, которую желают доброму человеку: «Доброй вам дороги!» [7, 332].

Одним из эмоционально-интенсивных хронотопов произведений писателя есть хата — символ дома, семьи. С каждой весной она обновляется, как и земля, к которой прикладывает свои руки человек. Больше Жменяк любит ее осенью, когда кладовые полны зерном. Не одно поколение Жменяка выросло в ней, она такая древняя, что только одна надпись над столом свидетельствует о настоящей дате ее «рождения»: «построена года божьего 1855-го» [7, 33]. Поэтому в одном часовом срезе перекрещиваются пространственные и временные пути людей разных поколений. Хронотоп дома в целом указывает на течение времени в судьбах персонажей: при жизни старого Жменяка ключи от всех замков были в его кармане, после смерти, разворованная собственными детьми, которых отец не успел поделить, хата стоит с разбитым замком на дверях кладовой. Таким образом, через хронотоп дома художник последовательно воспроизводит каждую пережитую народом эпоху.

Таким образом, художественное пространство и время в трилогии М. Томчания определяет не только типы композиционной организации и особенности сюжета, но и влияет на формирование характеров героев, а также на связь между идейным содержанием и формой произведения. Важное значение в хронотопе художественного мира писателя принадлежит также концептам дороги, кладбища, поля, дома.

Список литературы:

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Худож. лит-ра, 1975. — 502 с.
2. Гей Н. Художественность литературы: Поэтика, стиль. — М.: Наука, 1975. — 471 с.
3. Гуревич А. А что есть время? // Вопросы литературы. — 1968. — № 11. — С. 150–154.
4. Копытянская Н. Время и пространство в искусстве слова. — Львов: Паис, 2012. — 344 с.
5. Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы — Л.: Наука, 1979. — 360 с.
6. Лотман Ю. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: Книга для учителя. — М.: Просвещение, 1988. — 352 с.
7. Томчаний М. Жменяки: Трилогия. Повесть/Предисл. и примеч. В. С. Попа. — К.: Днепр, 1989. — 682 с.

Dushyna Svetlana Aleksandrovna,
Ukrainian Center for Educational Quality Assessment,
E-mail: dushyna_svetlana@mail.ru

Maksym Rylskyi's intimate epistolary as a form of poet's creative individuality embodiment

Abstract: The article deals with the literary analysis of Maksym Rylskyi's intimate epistolary. The texts are studied through the notion 'author's creative individuality'; the peculiarity of expressive potential of poet's letters to his wife is taken into consideration. It is shown that the private correspondence can be an important source of the information about writer's 'creative laboratory' special characteristics.

Keywords: intimate epistolary, poet's creative individuality, thematic range, style dominant, image paradigm.

Душина Светлана Александровна,
Украинский центр оценки качества образования,
E-mail: dushyna_svetlana@mail.ru

Интимный эпистолярный Максима Рыльского как форма воплощения творческой индивидуальности поэта

Аннотация: Статья посвящена литературоведческому анализу интимного эпистолярного М. Рыльского. Тексты рассматриваются сквозь призму понятия «творческая индивидуальность автора», учитывается специфика выразительных возможностей писем поэта к жене. Показано, что частная корреспонденция может стать важным источником сведений об особенностях «творческой лаборатории» писателя.

Ключевые слова: интимный эпистолярный, творческая индивидуальность поэта, тематический диапазон, стилевая доминанта, образная парадигма.

Творческая индивидуальность художника, понимаемая как «его интеллектуальный, эмоциональный, нравственный настрой, [...] только ему присущее чувство прекрасного, неповторимый характер его творческого воображения» [3, 8], сегодня все чаще становится предметом пристального внимания исследователей эпистолярного наследия деятелей искусства. Масштабность антропоцентрической парадигмы, охватывающей ключевое для данного исследования понятие, позволяет рассматривать его в одном контекстуальном ряду с такими литературоведческими категориями, как «образ автора», «биографический автор», «авторская модальность», «творческая личность», «творческое «Я», «индивидуальный стиль», «авторская интенциональность», «писательская самоидентификация» и т. д. Феномен эпистолярного, таким образом, выводится за рамки историко-биографического факта, акцентируется его субъективный аспект. Корреспонденция становится источником сведений о «творческой лаборатории» художника.

Изучение писательского эпистолярного как литературного факта является методологически оправданным. По убедительным наблюдениям Е. Елиной, такая корреспонденция может содержать художественные открытия, зарисовки, остроумные замечания, создан-

ные по всем законам литературного творчества, что роднит написанное непосредственно с художественным образом [4, 30]. Сказанное позволяет сформулировать основные цель и задачи статьи — анализ писем Максима Рыльского к жене через определение проблемно-тематического диапазона, выявление образных парадигм, свойственных идиостилю поэта, а также использование в качестве вспомогательного инструментария лингвостилистического подхода. В таком ракурсе частный эпистолярный Максима Рыльского еще не был объектом отдельного исследовательского интереса, хотя периодически привлекал внимание ученых (А. Астафьев, Г. Мазоха, Л. Новиченко, А. Роман, Н. Янковая и др.). Сказанное определяет актуальность темы исследования.

На современном этапе обнаружена лишь часть эпистолярного наследия Максима Рыльского, составляющая две книги в двадцатитомном собрании сочинений. Двадцать семь посланий, написанных как на украинском, так и на русском языках, адресованы его жене Екатерине Николаевне. На их страницах разворачивается особый эпистолярный дискурс, характер которого определяется личностными качествами, отношениями адресанта и адресата, особенностями их мироощущения. Попытаемся проследить спец-

ифику інтенціональності творчого свідомства поета.

Практически єдиногласно признавая специфічеської жанрової домінантою епістоли її личностне начало [6, 29], сучасні дослідники відзначають також такі важливі особливості, як спонтанний характер [5, 16], орієнтованість на комунікацію [1, 3] і в те ж час камерність письменського посила́ння [2, 58]. Остання черта набуває предельно́ї значимості для частної інтимної переписки як особого виду епістолярія, поскільки її автори зазвичай виключають можливість дальшого обнародування писем. Слідовачо, присутствіє індивідуального творчого «Я» буде́ть мати максимально́ неупинуждений, безыскусный характер в інтимній кореспонденції письменця.

В листах Максима Рыльского к жене домінує атмосфера теплої ніжності, трепетної заботи, домашнього уюта і душевного комфорту. Об цьому свідечує вже манера звертання поета к Катерині Николаєвнє. Автор використовує переважно словосполучення з зменшувально-ласкавими формами імені: «дорога Катрусь», «Катюся», «мила Катрусь» і т. д. Відзначимо, що демінутивна форма зберігається в єдиножды́ використаному фольклорному штампе «моя сивенька голубка» [8, 365] і при згадуванні о найближчих членах родини («Жоржик», «Богданчик»). Інтересна також стійка тенденція к онимізації аплетива «ти» і його форм. Графічне виділення місцеімені — заглавна буква — на асоціативному рівні сигналізує о поштованому, можливо, даже куртуазному відношенні адресанта, підписи якого завжди скромні і лаконічні: «Максим», «твій Максим».

По нашим спостереженням, частна кореспонденція Максима Рыльского в цілому відрізняється емоційно-експресивною сдержанністю. Дослідники і раніше відзначали цю особливість епістолярія поета: «... В листах Максима Фадєєвича дуже сдержанно говориться о переживаннях, тривогах, котрі стосуються власного життя. О таких речах можна лише ісповідатися в власних виробленнях, або в листах к найближчим людям» [7, 144]. Аналіз доводить, що навіть у переписці з женою автор обмежується загальними нейтральними фразами. Показовим прикладом може слугувати його лист із Варшави від 1-го жовтня 1956 р., об'єднуючий два сильні враження, різнополюсних по своєму характеру: «29-го почалась декада великим концертом, на якому виступили Гміря, Чавдар та інші

київські артисти. Вечір цей був для мене особисто приємним [Здесь і далі курсив наш. — С. Д.], бо коли польська артистка прочитала мій вірш (по-польськи), то публіка влаштувала мені справжню овацію. А потім, за вечерею, я дізнався про смерть Остапа Вишні, і ця новина, хоч її й можна було чекати, дуже тяжко мене вразила» [8, 424].

Часто при вираженні почувств письмен обмежується простою констатацією наявності вражень («По дорозі до Харкова побували в музеї Толстого — в Ясній Полянї — і в музеї Тургєнєва — в селі Спаське-Лутовиново. Багато вражень» [8, 377]) або обіцянням розповісти обо́ всьому при зустрічі («Про наші враження [...] розкажу, як прийду» [8, 361]; «Сьогодні були в обезьяньєм питомнику. Занятно. Приеду — розкажу. Вообщє єсть что́ розка́зати» [8, 380]).

Етот «страх перед «самообнаженням» [7, 144] у поета частково перемагається шляхом обережного використання експресивної лексики, хоча такі приклади сприймаються швидше як виключення: «... Почав пити тепло́й доломітний на́рзан. Досить проти́вна штука...» [8, 346]; «Працюю потрошку, не втомляючись. Пушкіна вже кінчив і вислав, почав «Руслана і Людмилу». Дуже нудно перекладати прокляту́чі ансамблі, а на них побудовано багато сцен опери! Так і ждеш арії — там діло простіше» [8, 348]; «Тут зараз серед інших киян відпочиває Вільховий — дуже нудна, але, здається, симпатична людина» [8, 354].

Наряду з цим вражає вміння Максима Рыльского просто і щиро сказати о головному, використовуючи при цьому стилістически нейтральну лексику: «Катрусь! Я дуже яскраво пригадав собі, як ми з тобою відпочивали позаторік у Сочі. Вдох таки краще!.. Та й природі Кисловодська не зрівнятися з сочинською, особливо тепер, зимою. А головне — хороше було разом сидіти в парку, любоватися увечері з веранди на море, ходити до кіно... Коротше кажучи, я вже скучаю за тобою» [8, 346]. Експресивну функцію в приведеному уривку виконує тільки пунктуація — восклицательні знаки і многоточія.

Інтимна переписка Максима Рыльского відображає парадигму родинних відносин поета, котра репрезентує ліричеську сторону його творчеської індивідуальності і може бути описана в рамках мотивної триади «очікування писем — забота о близьких — тоска по до́му».

Лейтмотивом звучить думка об очікуванні писем від коханої жінки, присутствуюча майже во всіх посила́ннях автора: «Все йде гаразд, дивуюсь тільки, що нема від тебе телеграм» [8, 208]; «Послав Тобі дві

телеграми [...] і листа [...], а від Тебе досі нічого» [8, 209]; «Жду од тебе звістки» [8, 345]; «Сьогодні, 29-го, одержав Твого листа, датованого 25/XII. За цей час я послав Тобі два листи (і дві телеграми — одну передноворічну і другу новорічну)» [8, 364]; «Ми уже третій день в Єревані, а от тебе я не имею вести. Почему Вы так скупы на телеграммы?» [8, 382]. В последнем примере примечателен факт замены традиционного доверительно-интимного «Ты» на отстраненно-официальное «Вы». Таким образом поэт подчеркивает возникшую психологическую дистанцию. «Образ автора» приобретает черты, присущие романтическому герою как личности чувствительной, искренней и ранимой. «Образу адресата», напротив, сообщаются такие характеристики, как холодность и равнодушие. Это впечатление только усиливается благодаря постоянным призывам («Жду од тебе звістки» [8, 345]; «Пиши, Катрусьо!» [8, 365]) и инструкциям автора («Писати мені найкраще через радянське посольство у Варшаві» [8, 424]; «Якщо захочеш подати мені звістку, то найкраще зробити це через наше посольство в Парижі» [9, 17]; «Послезавтра едем снова в Тбилиси [...] Так что письма (авиапочтой) или телеграмму направляйте на Тбилиси, главный почтамт, помня, что там мы пробудем совсем недолго — дня два, в крайнем случае три» [8, 382]), а также сообщениям об особой значимости писем жены для адресанта («Твою телеграмму мы в Москве получили, обрадовались» [8, 377]; «Твое письмо меня и Богдана очень порадовало» [8, 380]).

Моделированию «образа автора» как образцового семьянина, внимательного отца и мужа способствует сквозной мотив заботы о близких, который на текстовом уровне воплощается путем решения бытовых вопросов, к слову, немногочисленных: «Як там у Вас? Мерзнете? Чи Іван Яковлевич як «истопник» на висоті! Дуже радий, що Ваган Олександрович поповнив запаси палива. Бо зима таки серйозна!» [8, 365]. Гораздо чаще на страницах писем Максима Рыльского к жене встречаем справки о здоровье и дружеские советы: «Передаю тим часом флакон духів і коробочку пудри. Телеграфуй, як здоров'я» [8, 208]; «Дуже прошу Тебе, Катюсю, перш за все берегти здоров'я. Я, наприклад, на Твоєму місці подумав би, чи варто сьогодні їхати до Євгенії Михайлівни» [8, 364–365]; «Як ви там живете? Гуляєте? Сьогодні, наприклад, така м'яка погода, що я на Твоєму місці доконче гуляв би — обережно, звичайно» [8, 365]. В ряде случаев заявленный мотив реализуется латентно, благодаря упоминаниям об отношении к Екате-

рине Николаевне третьих лиц: «Был произнесен тост и за тебя» [8, 382]; «Прокоф'єв тепло згадував про Тебе» [8, 419] и т. д.

В письмах к жене Максим Рыльский предстает человеком, тоскующим по дому и тесно привязанным к родному краю: «Тут хороші, веселі люди, багато киян. Українську мову можна чути значно частіше, ніж у Києві. Словом — ніби вдома, а проте не вдома...» [8, 346]; «Скоро будемо разом сидіти коло нашого телевізора!» [8, 334]; «Скоро знову заживемо разом» [8, 367]; «Скоро й ми рушимо в напрямку дому. Я вже скучив за тобою і за вами всіма» [8, 383]; «Тут прекрасно [О Париже. — С. Д.], а вдома краще» [9, 19]. Общее впечатление ностальгии создается посредством употребления лексем «дом», «вместе», «лучше» и их контекстуальных синонимов.

Немаловажной для переписки Максима Рыльского с женой становится тема труда. Современники характеризуют писателя как активную, деятельную, энергичную, многогранную личность. Сфера его профессиональных интересов довольно обширна. Поэт с удовольствием делится с женой результатами своей работы и планами на будущее. В таком ракурсе художественный образ автора максимально приближен к биографическому: «Ми тут чимало цікавого й корисного почали робити для нашої спілки, — ну, але не буду хвалитись наперед. Сьогодні засідання Президії Всесоюзної спілки, де я робитиму доповідь про нашу роботу. Скоро буде мій вечір» [8, 208]; «Маю йти на денну виставу з Женею Рибак [...] на «Севільського цирюльника» з Масленніковою, потім у б у мене виступ по радію (разом з Качаловим і Масленніковою), а звідти мчусь у сокольники, де в парку культури і відпочинку мій великий вечір з артистами...» [8, 209]. В этом контексте часто демонстрируется не только творческая и социальная активность автора, но и его эстетические вкусы.

Отличительной чертой авторского «Я» Максима Рыльского является то, что он тактично избегает оценивать других людей. Его личность чаще раскрывается в суждениях, касающихся себя самого, прямо либо имплицитно присутствующих в тексте: «... Пишу Тобі, бо має сьогодні їхати Павло Григорович, якого я утруднив ще й тим, що передаю Тобі дві пляшки вина» [8, 209]; «Я одужав, багато гуляю, добре їм, знаменито сплю. І працюю непогано» [8, 365]; «У Варшаві були кілька годин, поїздили по місту — я вже як «знавець» показував цікаві місця» [9, 17]. Как видим, самохарактеристики поэта приобретают иронический оттенок.

Интересно, что в интимной корреспонденции Максим Рыльский активно использует основные механизмы и средства формирования иронического смысла — гиперконнотацию, контрастную основу контекстуальных условий, перифраз — с целью создания юмористического эффекта: «Роблю медичну гімнастику — забавно! Це гімнастика для... хотів сказати *стариків*, але заміню — для *підтоптаних людей*. Гімнастика дихання. Її роблять лежачи. Для неї довелось зробити *колосальну витрату* — *купити труси*» [8, 347]; «Мені прописано дієту, але я поки що, *контрабандою*, їм усе, що їдять добрі люди. *Хай уже в майбутньому році перейду на дієту*. Оскільки розумію, там усе буде в паровому вигляді, тобто *чортзна-що*» [8, 347]; «Була *трошки* підскочила у мене температура (*легенький грип*), але лікар приймає *екстрені* заходи, і це за деньок зовсім мине» [8, 364]; «Якщо дозволить лікар, то післязавтра приїду, бо повинен бути на дисертації. А взагалі говоріть усім, що я нікуди не виїжджаю і нікого тут не приймаю. *Хай уявляють, що я в Сочі чи в Гаграх!*» [8, 365]; «Обід був зовсім таки *«французький»*: гора пельменів і наша столична горілка!» [9, 17].

Письма писателей «существуют на грани жизни и творчества» (Т. Гундорова). Частный случай Максима Рыльского свидетельствует, что его послания «лишены всякой внешней литературности» [7, 144]. Вместе с тем их можно считать «образцом художественного самораскрытия и своеобразной экспериментальной площадкой», где рождаются новые темы и художественные образы будущих произведений поэта [Подробнее об этом см.: 10, 325]. Творческая интенция к сближению культурно-художественного и жизненно-предметного семиотических пространств, характерная для так называемого «третьего цветения» Максима Рыльского (к этому периоду принадлежат также анализируемые письма), находит выражение и в его эпистолярии.

Согласимся с выводами Г. Мазохи о том, что «частные корреспонденции М. Рыльского имеют синкретический характер: здесь присутствуют и интимные интонации, и шутка, и описания природы» [7, 146]. По разным причинам поэт много путешествовал. Многообразие пейзажей в письмах к Екатерине Николаевне характеризуют его как чуткого, внимательного к окружающей действительности наблюдателя: «Погода хороша, сьогодні було *таке синє небо*, що я, сидючи в парку, *аж залюбувався*» [8, 347]; «Живемо в одному невеличкому будинку [...] серед засніженого лісу і саду. *Тихо, гарно*» [8, 364];

«Ходили по парку і лесу, *очень красивому*, — много елей і берез» [8, 377]; «Ехали ми из Сочи до Сухуми *по очень живописной дороге*, — горы, море, цветущие олеандры, пальмы, бананы... В Гудуатах не выдержали и купались — море *очень теплое, ласковое*, только пахнет рыбой» [8, 380]; «Здесь, в Кутаиси, цветут розовым цветом какие-то деревья — не знаю, как они называются. *Очень красиво*. Ночью была гроза. После обильных дождей широко разлились реки, которых здесь очень много, и наступила после жары сравнительная прохлада» [8, 381]; «Вчора приїхали в Ригу... Місто *дуже гарне*, красиві будинки, багато зелені, чистота. На каналі, що протікає серед міста, — лебеді» [8, 420]; «Париж — місто *грандіозне*. *Страшенний* рух автомобілів найрізноманітніших марок. Маса магазинів, блискучі реклами. Чудесні старовинні будинки — серед них Лувр, у якому ми, сподіваємось, будемо. Були сьогодні в так званому Булонському лісі. Це великий парк, перерізаний широкими шосейними дорогами, по яких *безперервним потоком мчаться* автомобілі. А поруч — ціла система озер, на яких плавають і над якими літають крижні, чирки та інші якісь качки. В одному з озер ми бачили *величезних* риб» [9, 17]. В приведенных примерах доминируют зрительные ощущения и впечатления. Эта особенность интимного эпистолярия Максима Рыльского коррелирует со свойственной художественному миру лирики поэта визуальной образностью, что неоднократно подчеркивалось литературоведами.

Наблюдения над стилистическими средствами языковой организации писем Максима Рыльского к жене позволяют акцентировать афористичность изложения, использование обиходно-бытовой лексики, склонность к языковой игре: «А у мене сьогодні *«хлопот полон рот»* ...» [8, 209]; «Завтра маю почати медичну гімнастику (*«дыхательную»*) — не знаю, *що воно таке і з чим його їдять*» [8, 346]; «Ще раз цілую *«в сахарные уста»*» [8, 365]; «Цілую тебе й дітей, привіт *чадам і домочадцям*» [8, 346]; «*Вухатих і патлатих чотириногих друзів* погладь від мого імені» [8, 367]; «Скажи їм, *канальям* [О домашних питомцах. — С. Д.], *що я їх гладжу*» [8, 366]; «Цілую *дітей першого й другого покоління*» [8, 424]. Эта «своеобразная грамматика общения» (Н. Харраш) дополняет психологический портрет писателя.

Подводя итоги, отметим, что эмоционально-смысловой доминантой проанализированных писем являются искренние любовь и забота о близких, гедонистический жизнеутверждающий пафос. Образно-тематический диапазон, лексико-стилистические

и контекстуально-синонимические средства эпистолярия поэта созвучны основным художественным принципам его поэтического мира. Мы не исключаем возможности идеологической селекции при составлении «Собрания сочинений» Максима Рыльского,

которое послужило основным источником для данного исследования. Потому необходимым считаем изучение неопубликованных массивов частной корреспонденции поэта, что поможет раскрыть новые грани его творческой индивидуальности.

Список литературы:

1. Дзедисова Ж.В. Эпистолярный Л. Стерна: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты: автореф. дисс... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка», 10.02.04 «Германские языки». – Ростов-на-Дону, 2013.
2. Доминенко Н.В. Образ автора и способы его литературной презентации в эпистолярной английских романтиков // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету імені Г.С. Сковороди. – 2012. – Вип. 3 (1). – С. 57–64. – (Серія «Літературознавство»).
3. Егорова Л.П. Творческая индивидуальность писателя: проблема дефиниций // Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008.
4. Елина Е.Г. Эпистолярные формы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981.
5. Коцюбинська М. «Зафіксоване й нетлінне». Роздуми про епістолярну творчість. – К.: Дух і літера, 2001.
6. Кузьменко В.І. Письменницький епістолярій в українському літературному процесі 20–50-х років ХХ ст. – К.: [Б.в.], 1998.
7. Мазоха Г.С. Приватні кореспонденції Максима Рыльского в літературному контексті 50–60-х років ХХ століття // Літературознавчі студії. – 2012. – Вип. 34. – С. 140–147.
8. Рыльский М. Зібрання творів: у 20-ти т. Т. 19: Автобіографічні матеріали. Записні книжки. Листи (1907–1956) / ред. Л.М. Новиченко. – К.: Наукова думка, 1988.
9. Рыльский М. Зібрання творів: у 20-ти т. Т. 20: Листи (1957–1964) / ред. Л.М. Новиченко. – К.: Наукова думка, 1990.
10. Янкова Н.І. Листування Максима Рыльского: тематичні орієнтири та стильові домінанти // Літературознавчі студії. – 2012. – Вип. 34. – С. 321–328.

*Ierusalimsakaia Anna Alexandrovna,
Mari State University, senior teacher at foreign communication chair
E-mail: ieanna@yandex.ru*

Dephraseologisation as a way to create language-game in online communication

Abstract: The article is devoted to stylistic techniques for creating language-games in internet communication based on proverbs in the East or West, home is best (English equivalent). One of structural and semantic transformation of phraseology is the replacement of the idiom components with correlates from synonymous and antonymic fields.

Keywords: Internet communication; language game; structural and semantic transformations of phraseological units; comic effect

*Иерусалимская Анна Александровна,
старший преподаватель кафедры иноязычной речевой коммуникации
ФГБОУ ВПО Марийский государственный университет
E-mail: ieanna@yandex.ru*

Приемы дефразеологизации как способ создания языковой игры в интернет-коммуникации

Аннотация: В статье рассматриваются стилистические приемы создания языковой игры в интернет-коммуникации на основе пословицы В гостях хорошо, а дома лучше. Наибольшее внимание уделено одному из типов

структурно-семантической трансформации фразеологизмов — прием замены компонентов на корреляты из синонимического и антонимического полей.

Ключевые слова и фразы: интернет-коммуникация; языковая игра; структурно-семантическая трансформация фразеологических единиц; прием замены компонентов; языковая экспрессия; комический эффект.

Фразеологическое поле является важной частью языковой картины мира современного человека, поскольку фразеологические единицы способны выразить мысль в лаконичной, метафоричной форме.

Анализируя многообразие различных взглядов на определение объема фразеологии, можно выделить два подхода: «широкий» и «узкий». Такое положение сложилось благодаря выделению различных категориальных признаков (непереводимость на другие языки, образность, воспроизводимость, раздельнооформленность, целостность номинации и пр.). В зависимости от того, какой категориальный признак считается решающим, фразеологическое поле может сужаться или расширяться.

Сторонники узкого подхода (С. И. Ожегов, В. В. Виноградов, Н. Н. Амосова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, Е. А. Иванникова и др.) при определении предмета фразеологии включают в ее состав только языковые единицы, оформленные по схеме словосочетания, все компоненты которого переосмыслены, либо переосмыслен хотя бы один из лексических компонентов (фразеологические единства, фразеологические сращения, фразеологические сочетания). В данной работе мы будем придерживаться широкого подхода к определению фразеологизма. Сторонники данного подхода (В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, Н. М. Шанский и др.) включают в состав фразеологии устойчивые сочетания различного типа: фразеологические единства, фразеологические сращения, фразеологические сочетания, а также паремии, крылатые слова, афоризмы, речевые штампы и клише. Вслед за Н. М. Шанским приемом следующее определение фразеологической единицы: фразеологический оборот — это воспроизводимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре. [3, 64]

Применение широкого определения фразеологического оборота позволяет включить в наше исследование пословицы, которые часто становятся источником экспрессии в интернет-среде. Пословицы — это краткие, устойчивые изречения назидательного характера, оформленные по схеме предложения. Пословицы обладают буквальным и переносным смыслом [6, 379] (*горбатого могила исправит*). Паремии дают

пользователю сети широкие возможности для лингвистических экспериментов, для создания языковой индивидуально-авторской экспрессии, которую легко могут дешифровать другие участники интернет-коммуникации.

Языковая игра — определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект. Чаще всего языковая игра связана с выражением в речи комических смыслов или с желанием создать «свежий, новый образ» [4, 657]. Языковая игра — это эффективное, доступное, востребованное в интернет-коммуникации средство создания желаемого эффекта экспрессии с целью привлечения внимания. Источниками для создания языковой игры могут быть различные уровни языковой системы. Одним из наиболее продуктивных способов создания языковой игры, по нашим наблюдениям, является структурно-семантическая трансформация фразеологических единиц.

Рассмотрим как реализуется эффект языковой игры на примере пословицы *В гостях хорошо, а дома лучше* [1, 57]. Практическим материалом данной работы послужили примеры, собранные методом сплошной выборки с сайтов, посвященных сбору и моделированию статусов для социальных сетей. Данные сайты собирают самые популярные статусы из социальных сетей (vkontakte, Одноклассники и прочие), а также пользователи данных сайтов придумывают и выставляют на общий суд варианты статусов. Все предложенные и собранные варианты сортируются по рубрикам, перечень которых, в свою очередь, наглядно отражает все проблемы и чаяния современных пользователей сети (например, «про себя», «про отношения», «про любовь», «про праздники» и т.д.).

Проведя анализ собранной картотеки (состоящей из 56 примеров употребления данной паремии), можно судить о самых продуктивных способах создания языковой игры на основе данной пословицы. Самыми востребованными стилистическими приемами созда-

ния языковой экспрессии на основе пословицы *В гостях хорошо, а дома лучше* являются:

1. создание поля окказиональных синонимов и антонимов ко второй части пословицы;
2. использование эффекта «обманутого ожидания».

Необходимо отметить, что реализация данных приемов языковой игры строится в основном на дефразеологизации пословицы, хотя встречаются единичные примеры использования фразеологического оборота в словарном составе и значении, например: «*В гостях хорошо, а дома лучше*», сказал Вася, и вернулся на свою страничку вконтакте. [12]

Нарушение внутренних семантических и структурных связей фразеологических единиц (дефразеологизация) приводит к созданию индивидуально-авторских преобразований фразеологизмов, которые, в свою очередь, являются источником создания экспрессии в интернет-коммуникации. В случае с пословицей *В гостях хорошо, а дома лучше* основным способом дефразеологизации является прием замены. Прием замены, по нашим наблюдениям, является наиболее продуктивным приемом дефразеологизации в интернет-коммуникации, поскольку он может быть применен к большому количеству пословиц, поговорок, крылатых слов и цитат. Прием замены компонента или компонентов фразеологической единицы позволяет автору окказионального преобразования оживить фразеологический образ или добавить ему дополнительный смысл, приспособить конкретный фразеологизм к речевой ситуации, реализовать потенциальную экспрессию внешнего актуализатора (контекста или фотографии) и, в первую очередь, выразить иронию, придать сообщению необычный, сенсационный характер.

Следует заметить, что участники интернет-коммуникации, реализуя комический потенциал пословиц, чаще всего, по данным нашей картотеки, оставляют первую часть пословицы неизменной и достаточно свободно обращаются со второй (например, *В гостях хорошо, а дома можно без штанов ходить* или *В гостях хорошо, а дома ходить голой спокойнее* [11]). На наш взгляд, это вызвано тем, что адресант стремится к тому, чтобы адресат без особых усилий смог дешифровать сообщение и понять иронический смысл, задуманный автором.

Прием языковой игры на основе замены компонентов пословицы *В гостях хорошо, а дома лучше*

реализуется на противопоставлении двух образов «в гостях — дом». Как было уже отмечено, первая часть («в гостях») пословицы остается неизменной, тогда как адресанты изменяют вторую часть («дом») и структурно и семантически, используя неожиданные синонимические замены, комический потенциал, которых может быть реализован только в определенном контексте: *В гостях хорошо! А дома в ванной фоткаться лучше!!!* или *В гостях хорошо, а дома без лифчика ходить можно.* или *В гостях хорошо, а дома ох*но. Какой бы он ни был. и т. д.* [11] Замена компонентов на антонимические корреляты также реализуется в условиях определенного контекста: *В гостях хорошо, а дома — постирай, погладь. Пойду в гости.* или *В гостях хорошо, а потом дома плохо...* или *В гостях хорошо, а дома лучше не вспоминать!* или *В гостях хорошо, а дома теща!!!* [11] и т. д.. Необходимо отметить, что прием замены часто сопровождается использованием другого приема дефразеологизации — добавлением: *В гостях хорошо, но дома-то лучше: компьютер стоит без дела!!!* [9]

Эффект «обманутого ожидания», по нашим наблюдениям, является одним из популярных способов создания языковой экспрессии в интернет-коммуникации. Авторы сообщений придумывают совершенно необычные, подчас абсурдные корреляты, как бы соревнуясь в креативности: *В гостях хорошо, да никто не приглашает...* [8] или *В гостях хорошо, а дома постирай, погладь, свари борщ и убери постель хоть раз в этой жизни, ты ж бл* какая кобыла вымахала, а помогать не хочет, ишь ты, кто ж тебя такую замуж возьмёт...* [7] *В гостях хорошо, но дома... ИНТЕРНЕТ!!! В гостях хорошо... так что пойду схожу в гости, там хорошо!* [11]. Подобные замены призваны вызвать удивление у адресата, привлечь его внимание. Наполнение же сниженной, предметно-бытовой лексикой замененной части пословицы позволяет адресанту создать дополнительный комический эффект.

Таким образом, паремии являются одним из источников создания эффекта языковой игры в интернет-коммуникации, поскольку они являются неотъемлемой частью языковой культуры, легко узнаются и дешифруются адресантами. Даже одна широко известная пословица может стать объектом бесчисленных преобразований, каждое из которых выражает индивидуально-авторские интенции: эмоциональные, интеллектуальные и культурологические.

Список литературы:

1. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус.яз., 2000. 784 с.
2. Кукина И. Н. Явление фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 252 с.
3. Современный русский язык. В 3ч. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография/Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – М.: Просвещение, 1987. 191 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка/под. ред. М. Н. Кожинной. – М. Флинта: Наука, 2006. 696 с.
5. Третьякова И. Ю. Оказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2011. 51 с.
6. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
7. <http://glistof.net/> (дата обращения 22.11.2014)
8. <http://status.gs/> (дата обращения 22.11.2014)
9. <http://vk-statys.ru> (дата обращения 22.11.2014)
10. <http://www.statusy.info/> (дата обращения 22.11.2014)
11. <http://youstatus.ru> (дата обращения 22.11.2014)
12. <http://mnogostatusov.ru/> (дата обращения 22.11.2014)
13. Написано при поддержке гранта РГНФ 14–34–01011

Kamilova Saodat Ergashevna
Uzbekistan State National University
PhD, assistant professor of World Literature
E-mail: baxrom@rambler.ru

The conception of an individual in modern Russian and Uzbek short stories

Abstract: This article analyzes aesthetic conception of an individual in modern Russian and Uzbek short stories. On one hand this analysis is conducted in «everyday life as being» system i. e. understanding the world as Chaos. On the other hand, it is made as aspiration for understanding deeper links between a humans soul and his surroundings as it is given in short stories by V. Pelevin, L. Petrushevskaya, R. Rahmat, N. Eshonkul.

Key words: conception, an individual, an individual, paralogics, mythology, genre specifics.

Камилова Саодат Эргашева,
Национальный университет Узбекистана,
к. ф. н., доцент кафедры мировой литературы
E-mail: baxrom@rambler.ru

Проблема личности в современном рассказе (на материале русских и узбекских рассказов)

Аннотация: В данной статье анализируется проблема личности в современных русском и узбекском рассказах. Анализ проводится в различных системах, т. е. восприятие мира как Хаоса, с одной стороны, и стремление к постижению гипотетических связей между душой человека и окружающим ее миром, с другой, на примере рассказов В. Пелевина, Л. Петрушевской, Р. Рахмата, Н. Эшонкула и др.

Ключевые слова: концепция, личность, симулякр, паралогия, мифология, жанровая специфика.

Современная концепция личности охватывает весь бытий XX века, от духовного раскола и безысходности бесчисленный арсенал впечатлений от трагических со- представлений о жизни как о всеохватывающем Хаосе,

где в сущности реальной действительности уже нет, а на ее месте сплав симулякров. Отличительным же признаком системы взглядов на личность конца XX — начала XXI вв. является рецепция в системе «быт как бытие», т. е. восприятие мира как Хаоса, с одной стороны, и стремление к постижению гипогенных связей между душой человека и окружающим ее миром, с другой. Все же виды жизнедеятельности — исторические, бытовые, социальные, психологические — предстают как онтологические грани Хаоса. И облик Хаоса в современной литературе изображается посредством определенного комплекса форм отображения: цитатное мышление, гипертрофированная интертекстуальность, многостильность, коллаж, пастиш, разные виды нонселекции, ризоматичность и т. д. [1; 365–383] Данные формы воссоздания предстают как синтез качеств модернизма и реализма, и эти художественные стратегии обретают новое эстетическое качество. Например, мифологизм, модернизированный и конструированный, служит своего рода инструментом для углубления психологизма, позволяющего не только постичь закономерности и причинную связь определенных уровней сознания человека, но и обнаружить неисследованные иррациональные глубины души. Мифологические архетипы, актуализированные в современных рассказах, позволили ликвидировать эпическую дистанцию между мифами и прозой повседневного существования. Это позволило диалогически связать современного героя и его мир с мифологической Вечностью (Н. Лейдерман). При помощи мифов рассказчикам удастся запечатлеть константы существования, позволяющие героям преодолевать ужас одиночества и находить смысл в жизни. Художники слова изображают хаотическое состояние мира как данность, пытаясь наметить ту точку опоры, с помощью которой хаос внутри человека самоорганизуется и позволит выстоять в сложном мире. И с этой целью писатели активно экспериментируют с архетипами, дабы увидеть общее в частном и вечное в сиюминутном. Помимо этого, современная концепция личности разрабатывается в паралогиях «повседневное — вечное», «симулякр — реальность», «память — забвение», «личное — безличное», «фрагментарность — целостность», «человек — Бог». Рассмотрим, к примеру, паралогию «память — забвение» — это возрождение модернистского культа Памяти как стержневого инструмента преодоления духовного распада, борьбы со смертью души. Ярким примером может послужить рассказ Т. Толстой «Йорик» [2]. Ключевые слова рассказа связаны со временем, с памятью, отбирающей

и сохраняющей события прошлого: «подоконник моего детства», «сердце молодеет», «чудесные черепки времени», «бездны времени». Тут и трепетное отношение героя-повествователя к сохранившим свидетельствам прошлого: «Тонкая талия — пышные волосы — трудная любовь — долгая жизнь — дети, которых волочат за руку по морям и континентам, — вот и войнам конец, делу венец, союзники шлют нам добротную свиную тушенку; мы съели ее и сплюнули в освободившуюся тару косточки, зубы и усы». В рассказе «Лепешка» узбекского писателя Мухаммада Али короткие, лаконичные и отрывистые фразы создают в первую очередь ощущение авторской взволнованности, рожденной и организованной стихией воинствующей памяти. «Рассказовая» форма повествования позволяет автору талантливо реализовать тему Памяти, сопряженную с идеей национального самосознания и итоговости пройденного узбекским народом пути. Особенностью рассказа «Лепешка» является то, что он, будучи посвященным войне, по своему действию развивается во времени. Для рассказчика подобное обращение со временем требует большого мастерства, главным образом, композиционного, но зато при удачном и талантливом исполнении эта особенность, по видимому, и придает так называемому «малому жанру» неожиданную монументальность и широту эпического дыхания. Весьма талантливо эта композиционная особенность, связанная со стремлением ввести в тесные рамки рассказа понятие «большого Времени» реализована в рассказе Мухаммада Али «Лепешка». Другой аспект паралогии «память — забвение» — некое ироническое противоречие — новый виток в истории обусловлен забвением прошлого, и это в свою очередь становится, своего рода неким условием преемственности или попыткой переоценить прошлое и оставить лишь действительно значимое для человека, времени, жизни. Таковы практически все рассказы начала 90-х годов ушедшего столетия как в русской, так и в узбекской литературах (Например, русские рассказы В. Сорокина, В. Пелевина, Л. Миллер и др.; узбекские рассказы А. Якубова, Н. Эшонкула, А. Юлдашева и др.), навеянные резким неприятием социалистической действительности, построенные на диалоге между далеким прошлым и недавним (социалистическим прошлым). И здесь также наблюдаются жанровые интенции (рассказ — воспоминание «Роман с английским» Л. Миллера, «Онтология детства» В. Пелевина, «Йорик» Т. Толстой; «Мороженое» А. Якубова, «Пугало» И. Султана).

Паралогия «фрагментарность — целостность» наиболее отчетливо выражена в таких разновидностях рассказа как рассказ — записка, рассказ — впечатление, рассказ — этюд, рассказ — эскиз и т. д. Особый прием мышления и представления о мире как о вечном наборе мгновений, измельченных и выуженных из времени доведен в современном рассказе до такой степени диалога, что становится неким способом преодоления одиночества. Фрагментарность восприятия как форма неполноты самоосуществления оказывается в сознании индивида чуть ли не единственным способом подтверждения личностного бытия и жизненного опыта отдельно взятого человека, неповторимого и исключительного в своих мироощущениях и мыслях. Интересен в этом отношении цикл рассказов-этюдов Я. Гольцмана «Чудится, светит, мерцает» [3]. Каждый этюд писателя — фиксация мгновения жизни. Природа, человек, животные — все подчинено, казалось бы, лишь чувственному восприятию, впрочем, кое-где сквозь призму зрительных ощущений пробивается философская мысль о вечности и бренности бытия: «... Уже за полночь, когда березовый жар в печи потемнел, подернулся пеплом, хрупкий слой которого округлял очертания углей, я, погружаясь в дремоту, припомнил сияющий наст, густые тени на снегу, мышонка. Подумалось: “Вот и мы, стиснутые обстоятельствами, гонимые судьбой, бежим, бежим, бежим по своей глубокой колее. Бежим, куда не скроемся во тьму”» [3]. Форма самопознания, попытка объединить, связать в единое целое дробность личных впечатлений, причем, не ища их гармонические, объединяющие основы — отличительная особенность рассказов-этюдов Гольцмана, которая разнит его творчество с лирической прозой 60–80-х годов XX века. В его минипрозе есть и жанровая сценка, и портрет, и пейзаж, однако в отличие от традиционной портретной и пейзажной живописи, которая стремилась «выразить собой», писатель стремится «выразить себя», позволяя тем самым соединить лирическое начало с эпической повествовательной тканью.

Паралогия «фрагментарность — целостность» проявляется в мини рассказах: рассказе-анекдоте, рассказе — случае, рассказе — наблюдении, рассказе — скетче. Ярким свидетельством тому служит малая проза С. Довлатова. В книгах «Заповедник», «Наши», «Чемодан» циклы рассказов создают разнокалиберный коллаж чувств, впечатлений, ассоциаций с притчевым подтекстом. Мозаика сумбурно-абсурдных рассказовых сюжетов образует

собирательный образ героя нашего времени. Абсурд у С. Довлатова выступает как основа порядка в судьбе человека, в отношениях между людьми. А герои, обычные, вроде ничем не примечательные люди, оказываются яркими и неповторимыми именно благодаря их безалаберности, непутевости, нелепости. То же самое наблюдается и в творчестве узбекского писателя А. Юлдашева. К примеру, из абсурдно — анекдотического рассказа «Проблемы есть?» угадывается тип современного человека, для которого искренняя, бескорыстная улыбка выступает неким диссонансом в расчетливой и меркантильной современной жизни.

Наиболее востребован в современном рассказе паралогический компромисс «повседневное — вечное» (быт и бытие). Если в 70–80-е годы в литературе быт запечатлен как экзистенциальный процесс, то данная паралогия в современной малой прозе представлена как апофеоз личной жизни — извечный поединок «маленького человека» с житейским хаосом. Так, в рассказе узбекского писателя У. Хамдама «Река души моей» герой-повествователь, внезапно вырвавшись из замкнутой, запрограммированной жизненной круговерти, навлекает на свою голову тысячу бед. На него со всех сторон нападают извечные блюстители порядка размеренной жизни — Долг, Ответственность, Обязанность, Запрет, Закон и т. д., не давая герою вспомнить свое истинное «Я». В рассказе запечатлен легко узнаваемый тип современника с «американской мечтой», с набором обязанностей успешного человека с ежедневным списком дел, с четкой программой будущего, со страстью к комфорту и железной штольцовской психологией. И только во сне герой осознает, что живет в мнимом мире, чувствует дикий позыв к свободе. Свобода у Хамдама понимается как освобождение от придуманных, самими же людьми, условностей и стремление ощутить вечный, реальный мир. На конфликте между безликостью, однообразностью массового сознания и самобытностью, индивидуальностью человеческой личности построен рассказ «Прощай, красота...» А. Юлдашева. Хрупкая и нежная Айсулу при столкновении с реальным миром, реальными людьми ломается, превратившись за год в пошлую некрасивую старуху. И открытость авторской позиции понимается здесь как призыв к диалогу, размышлению: «Неужели, неужели страшная повседневность, заботы о куске хлеба за год превратили эту некогда божеественно красивую изящную женщину в старуху? Где обаяние, робость, стыдливость невестки Айсулу? Где огонь, который я видел в ее глазах. Сегодня, ради двух

ведер воды, она готова была на все и, получив эту воду, чувствовала себя счастливой, кто, кто повинен в такой перемене... Неужели, неужели, теперь такой и будет жизнь человека...» [4].

Таким образом, рассказчики создают будничное лицо Хаоса, противоречие бытия у одних доведено до борьбы во сне (У. Хамдам), у других — до истерики (Л. Петрушевская), у третьих — до ежедневной пытки (А. Юлдашев). Посредством паралолии «быт — бытие» смысла повседневного существования человека с его ежедневными, сиюминутными хлопотами осмысливается как фрагмент Вселенной, как отрезок вечности.

Таким образом, не претендуя на анализ всех возможных паралолий в современной литературе, можно сделать вывод, что в современных рассказах паралогические компромиссы выполняют функции стержневых скрепов жанра, которые они или создают (разновидности жанра), или обновляют (новеллистический пуант). Паралолии выступают воплощением

всеобщей условности жизни и извечных поисков человеческой души. Показывая духовные искания человека внутри Хаоса, паралолии становятся некими инструментами самоопределения и самоориентации личности. Самые разнообразные по творческому почерку писатели, используя паралогические компромиссы вырабатывают сходную творческую стратегию — «они избирают в качестве «точки отсчета» «волю к смыслу» самой личности, ее субъективное представление о своей духовной сущности и своем предназначении. Не находя объективных, внеположных смыслов, они стараются выстроить свой Космос из тех кирпичиков хаоса, которые их окружают: наполняя симулякры интимно-личным ценностным содержанием, соединяя дробные фрагменты бытия нервными нитями своей собственной судьбы, одухотворяя своей любовью и переводя в сакральный план кровно близкое и дорогое, преодолевая ужас одиночества заботливым союзом с другой столь же одинокой судьбой» [5].

Список литературы:

1. Русская литература XX века: Закономерности исторического развития. Коллективная монография — Екатеринбург: УРО РАН, 2005. С. 365–383.
2. Толстая Т. «Йорик». Сборник рассказов.-М.: Эскмо, 2004.
3. Гольцман Я. «Чудится, светит, мерцает» //Новый мир, 1995. № 12
4. Река души моей. Сб.узб.рассказов. Перев. Камиловой С. Э. – Т.: Изд-во «Адиб», 2012. С. 172.
5. Лейдерман Н. Л. Теория жанра. – Урал. гос. пед. ун-т.- Екатеринбург, 2010. С. 211.

*Koneva (Haan) Marina Gennadievna,
Université du Havre, IUT,*

*ATER en anglais, département Information et Communication
E-mail: marina.haan@laposte.net*

Apprentissage des langues autour des médiations artistiques (art-thérapie de coloriage)

Résumé: L'article est consacré aux problématiques liées à l'acquisition des compétences lexicales à partir des textes littéraires et des œuvres de coloriage de l'art-thérapie. En s'appuyant sur l'analyse psycholinguistique du fonctionnement des émotions dans la production des images mentales des mots, on propose une méthode pédagogique, basée sur la synergie des émotions, sensations et cognition. La méthode peut être utilisée dans le cadre institutionnel (collège, lycée, université), ainsi que pour le développement individuel des personnes qui sont attirées par les langues étrangères et veulent les apprendre de façon originale et ludique.

Mots-clés: médiation artistique, images, émotions, cognition, apprentissage des langues.

Cet article est inspiré par le Cadre européen commun de référence pour les langues qui encourage la recherche active de réponses aux nombreuses questions qui se posent dans le domaine de la didactique des langues, et en particulier:

— Comment s'effectue l'apprentissage de la langue?
— Que faire pour aider les gens à mieux apprendre une langue?

Aussi, des efforts s'imposent pour «élaborer des méthodes et des matériels appropriés, qui permettraient d'assurer

l'enseignement et l'apprentissage des langues selon les caractéristiques et les ressources de l'apprenant» [12, 10].

A la lumière de ces objectifs, notre attention a été attirée par la valeur de l'exploitation du potentiel émotionnel et artistique dans l'apprentissage des langues. Le rapprochement entre des pratiques artistiques et la didactique des langues et des cultures est mis en évidence dans la perspective d'une éducation interculturelle. Les recherches dans ce domaine en Europe se déroulent autour de plusieurs thématiques tel que:

- l'acquisition des compétences émotionnelles à travers des approches artistiques;
- l'impact des pratiques artistiques pour le développement de la créativité, l'imaginaire, la motivation;
- le fonctionnement du langage dans ses dimensions esthétiques, poétiques, sensibles;
- l'acquisition des compétences linguistiques par le biais des pratiques artistiques.

C'est dans le cadre de la dernière thématique que nous avons choisi d'effectuer les recherches présentées dans cet article. Il s'agit de la création d'une méthode pédagogique fondée sur une synergie des émotions, sensations et cognition pour l'acquisition des items lexicaux à partir des textes en langue étrangère et des œuvres de coloriage utilisées dans l'art thérapie. Il a été remarqué que ces dernières sont devenues un objet d'intérêt du grand public, y compris des apprenants de langues étrangères.

Aussi, la question se pose: *si ce matériel artistique aux vertus esthétiques et/ou thérapeutiques a pu devenir si populaire, pourrait-il, également, détenir quelque potentiel didactique? Pourrait-il, par exemple, jouer le rôle d'un instrument pédagogique dans l'apprentissage des langues, en particulier, dans l'acquisition des compétences lexicales?*

Pour trouver des réponses à ces questions, il semble pertinent de commencer par l'analyse de certaines données psychologiques et psycholinguistiques concernant la construction du «*vocabulaire subjectif*», comme ayant un rapport principal avec l'acquisition des items lexicaux dans l'apprentissage des langues étrangères. Il faut noter que, premièrement, ce terme a été proposé par Zalevska A. A., selon qui «le vocabulaire subjectif se trouve être un moyen d'accès aux produits de gestion (processing), dans la mémoire, de l'expérience diverse de l'interaction entre l'individu et son environnement» [14, 155].

Un ensemble de découvertes psycholinguistiques a tangiblement démontré que chaque item lexical de la mémoire sémantique est, normalement, enregistré avec l'information sur des impressions et des évaluations émotionnelles généralisées qui s'associent avec cet item [14, 155].

La présence de la composante émotionnelle dans la structure du vocabulaire subjectif est aussi démontrée par la découverte de l'existence «de groupes sensorielles» dans la mémoire sémantique [17], ce qui nous amène à la réflexion sur les voies par lesquelles l'information émotionnelle transite et ainsi s'enregistre aux cours d'apprentissage des langues étrangères.

Evidemment, cette réflexion doit s'appuyer sur les données psycholinguistiques relatives au codage de l'information dans la mémoire sémantique. Pour cela, il paraît pertinent de se référer aux recherches de A. Paivio [13], qui a proposé le modèle de double codage; J. Morton [16], qui a élaboré le modèle fonctionnel de reconnaissance des mots; F. Klix et J. Hoffman [15], qui ont démontré des formes de représentations et de conservation de l'information, etc.

Malgré la diversité des modèles proposés par de nombreux psycholinguistes, on perçoit, dans tous les cas, la reconnaissance indéniable du fait que *le même item lexical partage des formes différentes de représentations*, par exemple: des savoirs perceptifs non-verbaux et des savoirs langagiers (A. Paivio), des représentations iconiques et des représentations conceptuelles-logiques (F. Klix et J. Hoffman), etc.

Aussi, la question qui s'impose, concerne les relations entre ces formes de représentations. Selon A. Paivio, le seul lien possible entre les représentations perceptives non-verbales («imogènes») et les représentations verbales («logogènes») est établi par le biais d'un accord subjectif entre les deux systèmes. Ce principe est pris en compte par la plupart des spécialistes en didactique des langues, ce qui se manifeste dans l'utilisation de nombreux supports iconiques en cours de langue. De même, beaucoup de manuels ressemblent aux galeries artistiques avec une gamme, parfois injustement excessive, de tableaux, photos, affiches, etc. Sans vouloir diminuer l'utilité de ces instruments pédagogiques non-verbaux, on peut mettre en doute «la garantie» de déclenchement du mécanisme assurant l'établissement des liens entre les systèmes représentatifs dans la gestion mentale des apprenants.

L'accord entre le système des imagènes et celui des logogènes ne s'établit pas automatiquement malgré la volonté de l'auteur du manuel, qui a choisi les supports iconiques selon ses propres critères. Si l'on veut que les systèmes représentatifs soient reliés, entre eux, naturellement, en produisant des images mentales personnalisées, ce qui augmente les capacités de mémorisation, il faut s'appuyer sur l'expérience personnelle des apprenants, en leur laissant le choix.

Pour mettre en œuvre ce principe d'un point de vue didactique, il paraît pertinent de prendre en compte le fonctionnement du mécanisme par lequel s'établit l'accord entre les imagènes et les logogènes. Dans la lumière des travaux psycholinguistiques de A. R. Luria [18], qui a démontré, par ses expériences, le rôle des émotions dans le filtrage de l'information, qui est censée être enregistrée dans la mémoire sémantique, on peut

partir, en tant qu'hypothèse, sur l'idée suivante: *ce sont des émotions qui unissent les deux systèmes de représentations et assurent la construction du vocabulaire subjectif.*

Pour visualiser ce processus en essayant de définir le rôle de la composante émotionnelle dans la production des images mentales, nous proposons d'étudier la figure ci-dessous, qui a été créée à partir du modèle de double codage de A. Paivio [13]:

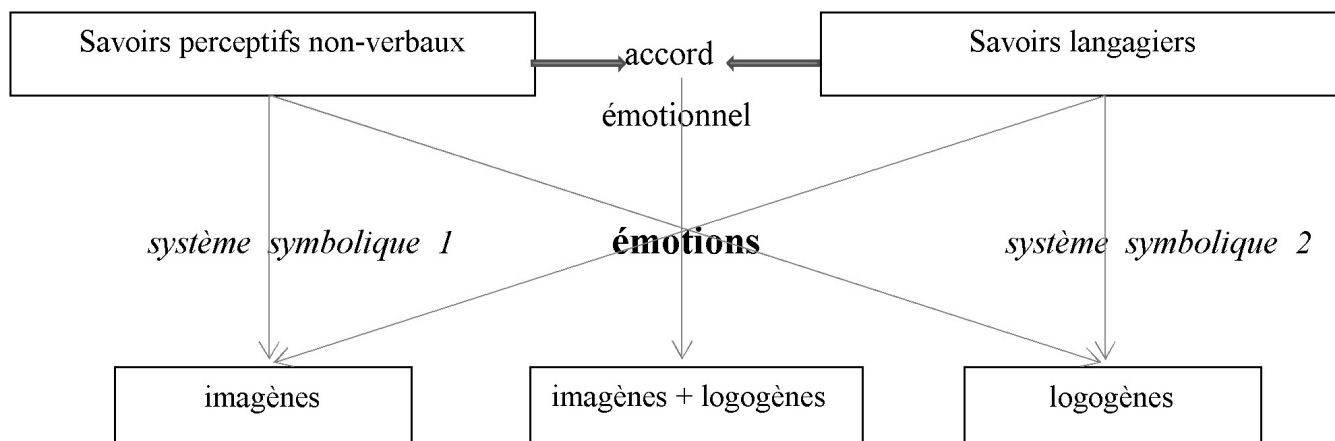

Figure 1. Représentation des savoirs dans la mémoire sémantique

Cette figure met en évidence le rôle de médiateur, joué par des émotions, dans la création des représentations monomodales par les voies indirectes (imagènes et logogènes) et, surtout, dans la construction des représentations mixtes (imagènes+logogènes), qui s'établissent directement par le biais de l'accord entre les savoirs perceptifs non-verbaux et les savoirs langagiers.

Bien sûr, il ne faudrait pas se satisfaire d'une rapide conclusion au sujet de l'émotionnel sans prendre en compte une autre modalité des représentations sémantiques, en l'occurrence: la corrélation entre les représentations iconiques (la forme non-discrète) et les représentations logico-conceptuelles (la forme discrète) [15]. Il paraît évident que la composante logico-conceptuelle doit en aucun cas être négligée dans le dispositif pédagogique ayant pour but la construction du vocabulaire subjectif.

Les questions qui se posent, par la suite, dans le domaine didactique ont plusieurs aspects:

- 1) Quelle forme de représentation est la plus stable pour assurer l'évocation spontanée des items lexicaux en cas de besoins communicatifs?
- 2) Comment impliquer des émotions afin d'accorder les deux systèmes symboliques?

Pour répondre à ces questions, il faut, évidemment, s'appuyer sur les résultats de recherches concernant la compréhension de l'émotionnel et son implication dans le processus de la cognition dans l'apprentissage des lan-

gues.

Actuellement, quand la plupart des linguistes admettent la présence de la composante émotionnelle et de la composante logico-conceptuelle dans les items lexicaux, la problématique, qui surgit pour la didactique des langues, concerne le repérage de la dominante assurant la réussite de l'acquisition du vocabulaire subjectif. La composante logico-conceptuelle, ayant servi de base fondamentale d'apprentissage aux cours des siècles, ne paraît plus être le seul pilier sur lequel pourrait reposer la cognition dans le cadre de l'apprentissage des langues. L'idée de la prédominance émotionnelle a été mise en évidence par de nombreuses recherches scientifiques.

En *psychologie*, par exemple, les émotions sont démontrées comme étant «un critère de saillance» dans la mémorisation de l'information [2]. L'un des modèles les plus importants dans ce domaine est proposé par G. H. Bower [4] qui préconise une conception de l'architecture de la mémoire centrée sur les émotions.

A partir des modèles de réseaux associatifs de J. R. Anderson [3], il conçoit que la mémoire à long terme représente un réseau sémantique en forme «de nœuds émotionnels». Selon lui, c'est «la tonalité émotionnelle» de l'information qui en guide le traitement et l'organisation dans la mémoire: «Dans cette conception, lorsqu'une information est activée, elle active en retour l'émotion à laquelle elle est reliée. Si l'émotion

est suffisamment activée, ... l'activation se propage à l'ensemble des informations qui lui sont accordées: les étiquettes verbales communément associées à cette émotion.» [2, 27–28]

Dans son principe le modèle de Bower se croise avec les données de recherches *psycholinguistiques* de Zalevskaya A. A., au sujet du vocabulaire subjectif, et les données de recherches *physiologiques* de Sechenov I. M. [17], concernant «des groupes sensorielles» de mots dans la mémoire sémantique, qu'on a déjà mentionnés au début de cet article.

Dans le domaine de la *didactique des langues* la dominante émotionnelle constitue un phénomène multifonctionnel. Dans le cadre de cet article, il semble pertinent de prendre en compte les méthodes ayant pour but l'acquisition du vocabulaire subjectif à partir des associations émotionnelles.

Une des méthodes récentes, suscitant beaucoup d'intérêts scientifiques pour son originalité en apprentissage de mots des langues étrangères, est développée par D. Tammet. D'après lui, il est possible d'acquérir un vocabulaire riche en s'appuyant sur des synesthésies relatives au symbolisme phonétique (des sons associés à un sens spécifique selon des sensations perçues). Dans son livre «Embrasser le ciel immense» [9] D. Tammet propose à ses lecteurs de retrouver la définition des mots d'une langue inconnue à partir des sonorités de ces mots. Comme résultat de cette expérience, il démontre le fait qu'on peut distinguer le sens des items lexicaux par leurs composants phonétiques.

L'idée d'utiliser les synesthésies dans la réflexion sur le sens des mots constitue une partie de la méthode décrite par F. Héritier. Dans son livre «Le Gout des mots» [7], elle présente son expérience subjective de la perception des mots, à partir de ses sensations, et propose une activité, qu'elle appelle «un jeu», pour découvrir son vocabulaire subjectif. Selon F. Héritier, «le mot a une ou plusieurs auras qui tiennent chacune à des qualités que le mot possède: sonorité, lettres, phonèmes, collusions de sens fondées sur des associations...» [7, 23].

L'expérience de F. Héritier permet de repérer le chemin par lequel les items lexicaux peuvent établir des associations émotionnelles dans la mémoire sémantique de l'apprenant et, ainsi, faire partie de son vocabulaire subjectif.

Dans sa démarche sensorielle-cognitive F. Héritier s'appuie sur ses perceptions du mot «prononcé, écrit, mis en bouche» [7, 22], pour retrouver une définition, pas toujours immédiatement déchiffrable, au-delà de la dénomination.

Se basant sur l'idée d'A. Rimbaud d'associer certaines caractéristiques aux lettres, en tant que composants des mots, F. Héritier découvre de multiples facettes dans l'image des consonnes et voyelles: couleurs, allure, caractère, saveurs, touchers, sons, etc. C'est à partir de ces caractéristiques qu'elle construit l'image émotionnelle intégrale des mots. Voici quelques exemples de ce procédé à travers des synesthésies: «... «passerelle» est un petit oiseau léger (avec le fondant du **L**, la diligence du **P** et la fine lumière du **E**), «rastaquouère» vous jappe aux mollets (avec le coté massif de **Q** et dominateur de **R**, plus une diphtongue au gout mauvais), «Caravage» est un troupeau de bisons fonçant (avec sa masse noire de **A**, la susceptibilité du **G** et le **V** qui part à l'assaut» [7, 27].

L'idée d'exploration des mots sur le fond de l'intimité et sensualité, permettant de construire les «auras» émotionnelles des mots, mérite d'être prise en compte en vue de la construction du vocabulaire subjectif. Dans son principe, cette idée se rapproche de celle de É. Orsenna qui préconise pour les lecteurs de son livre «La Fabrique des mots» [8] de pratiquer l'activité heuristique d'exploration des mots en les incluant dans son univers personnel: «Il fallait ... rappeler ce que nous devons aux mots, nous qui les respectons si mal alors qu'ils sont nos plus vieux, nos plus divers et nos plus fidèles amis» [8, 138].

Parmi les multiples techniques exploratoires, proposées par E. Orsenna, beaucoup s'appuient sur des associations émotionnelles construites par le biais de l'imagination, la mémoire sensorielle et la mémoire épisodique. Voici deux exemples de découvertes linguistiques émotionnelles, effectuées en activité heuristique «d'émerveillement et d'amusement», que l'on trouve dans la même source d'écriture littéraire:

1) «Rachida était concentrée, pour une fois, tombée raide amoureuse de *Gel*. Au début, elle avait pensé à la pâte transparente dont on se tartine les cheveux pour qu'ils tiennent tranquilles. Mais l'autre signification du mot l'avait tout de suite amusée: ce qui se passe quand la température descend en dessous de zéro. Il faut dire que sur notre île tropicale, nous ignorons le froid. Nos seuls glaçons viennent de nos vieux et ronflants réfrigérateurs... quand l'électricité n'est pas coupée. Rachida jouait avec *Gel* comme si c'était une boule de neige, en la faisant sauter d'une main à l'autre. Pauvre *Gel*, je ne sais pas s'il appréciait. Et elle le costumait de tous les vêtements possibles, comme si c'était une poupée: *Surgeler*, *Congeler*, *Dégeler*, *Gelure*, *Engelure*... » [8, 109]

2) «... le plus mystérieux: *Whistleblowing*. De quoi s'agissait-il? L'Élégant nous a expliqué qu'au sens propre

cela voulait dire «siffler», «souffler dans un sifflet». En fait, c'était le fait pour un employé d'une entreprise de révéler les arnaques et entourloupes auxquelles il assistait.» [8, 104–105]

Rappelons, que dans le cadre de l'apprentissage des langues étrangères les associations émotionnelles servent à réunir des représentations verbales et non-verbales afin de faciliter le rappel des savoirs langagiers. La possibilité de récupérer un mot oublié en évoquant son «aura» émotionnelle est démontrée, de façon concluante, par N. Sarraute. En décrivant son rappel du mot «tamaris», elle indique que ses efforts, commencés par la visualisation de l'objet, n'ont pas apporté de résultat jusqu'au moment où elle a éprouvé des sensations de joie, imposées par cet arbre. A son tour, cette sensation a permis d'activer l'association entre l'étiquette verbale du composant kinesthésique (des rires) et le nom de l'objet (exactement le même processus que celui décrit par G. H. Bower): «Un arbre anonyme, un arbre étranger... il doit absolument révéler son identité, il ne faut pas le lâcher, il faut l'interroger encore, et encore, tenir là, exposé son mince tronc rugueux, ses branches couvertes de touffes de fleurs qui se dressent comme des panaches, des plumets ... il faut l'enserrer, le presser, le soumettre à la question ... mais rien n'en sort, pas le moindre indice, rien qui puisse permettre de retrouver son nom [...] Et bien alors que tout autour de lui disparaisse, qu'il ne reste ici que ce qui n'est qu'à lui, cela seul, il faut l'examiner de très près, c'est cela seul qui le distingue de tous les autres arbres ... Quelque chose se condense, va sourdre ... qu'est-ce que c'est? C'est quelque chose de joyeux, oui, de rieur... des rires, des ris... ris... Tamaris... aucun doute possible, c'est un tamaris... tout d'un coup tout est revenu... un tamaris ... » [1, 18–19].

Cet exemple est très convaincant quant à l'existence de la prédominance de la composante émotionnelle dans les activités pédagogiques en cours de langue. Il permet de constater que les charges affectives des représentations multimodales (logogènes+imagènes) doivent être ciblées pour assurer le rappel des items lexicaux, quand la mémoire sémantique sera sollicitée.

Pour réaliser ce principe dans la perspective de la pédagogie actionnelle, prônée par le CECRL, il faut prévoir la structure de l'activité qui permettra d'organiser l'exécution des tâches pédagogiques à partir du stimulus initial jusqu'à l'expression des émotions. Pour cela, il semble pertinent de mettre en œuvre la structure de «l'épisode émotionnel», préconisé par la plupart des psychologues en tant que notion, potentiellement plus large que celle de l'émotion.

Les avis scientifiques sur la structure de l'épisode émotionnel sont partagés. Prenons, en tant que modèle fondamental, la théorie d'A. Moors [19], qui révèle quatre éléments principaux dans la structure de l'épisode émotionnel en corrélation avec leurs fonctions:

- cognitif (évaluation du stimulus)
- émotionnel (monitoring → régulation)
- motivationnel/somatique (préparation et soutien de l'action)
- kinesthésique (action).

Ainsi, il paraît logique de prévoir les mêmes éléments et fonctions dans l'organisation de l'activité pédagogique qu'on va élaborer, par la suite, dans le cadre de ces recherches.

Avant de passer à la partie pratique de cet article (la méthode de la construction du vocabulaire subjectif à partir des textes en langue étrangère et des œuvres de coloriage de l'art thérapie), résumons le cadre théorique en repérant les balises «fonctionnelles» pour notre démarche didactique en perspective:

1. La méthode en question doit obligatoirement procurer des conditions pédagogiques favorables pour l'épanouissement des dimensions émotionnelles de la personnalité de l'apprenant, en s'appuyant sur son expérience individuelle, imagination et créativité artistique.

2. La démarche pédagogique devrait s'orienter vers la construction du vocabulaire subjectif, conçu comme un ensemble d'items lexicaux, qui s'acquièrent, par les apprenants, avec l'information sur les impressions et les évaluations émotionnelles personnalisées.

3. La construction du vocabulaire subjectif peut être effectuée en activité heuristique avec pour but la création des associations émotionnelles autour des mots, prévus pour intégrer le contenu du vocabulaire subjectif.

4. Il est théoriquement pertinent d'organiser cette activité pédagogique en corrélation avec la structure de «l'épisode émotionnel».

5. Les associations émotionnelles peuvent être établies par le biais du symbolisme phonétique à partir des synesthésies, sur le fond de l'intimité et de la sensualité, permettant de construire les «auras» émotionnelles des mots.

6. La composante logico-conceptuelle doit également trouver sa place dans la méthode. Il ne faudrait pas se satisfaire d'une rapide mise en opposition de l'émotionnel et de la logique, sans avoir, au préalable, tenté de saisir les détours propres aux impacts que recèlent ces deux composants, pour la construction du vocabulaire subjectif.

La méthode, qu'on va proposer, selon les principes didactiques présentés ci-dessus, est centrée autour de

l'activité cognitive ayant pour but la construction des supports mnésiques créatifs («des cartes de la mémoire»), à partir des œuvres de coloriage. Cette activité est précédée par la lecture des textes en langue cible avec le repérage des mots inconnus, difficiles à mémoriser, qui, ainsi, constituent l'input lexical prévu pour faire partie du vocabulaire subjectif. Pour déclencher l'activité de coloriage, les apprenants sont amenés à parcourir la gamme des images de l'art-thérapie pour choisir des œuvres de coloriage évoquant des *résonances* particulières (*émotionnelles* et/ou *logico-conceptuelles*) avec les mots repérés dans le texte.

Dans le cadre de cette recherche, les *résonances émotionnelles* sont conçues comme la convergence des ressentis autour d'un item lexical et d'une image iconique, perçus comme compatibles sur le plan émotionnel. Cela veut dire, que les deux types de représentations

(verbales et non-verbales) se trouvent liées par une association émotionnelle, car tous les deux (l'item lexical et l'image iconique) évoquent, chez l'apprenant, des sentiments qui se ressemblent.

Quant aux *résonances logico-conceptuelles*, elles surgissent à travers des systèmes et procédures de conceptualisation (repérage, focalisation, métaphorisation, schématisation, catégorisation, abstraction, comparaison, réification, construction des chaînes énergétiques ou causales, etc.) qui s'appliquent, de façon réfléchie ou spontanée, dans la procédure du codage symbolique.

On considère que ces deux types de *résonances* (*émotionnelles* et *logico-conceptuelles*) participent à la construction de l'image intégrale personnalisée des items lexicaux cibles (comme présenté dans la figure 2 ci-dessous), qui, à son tour, doit assurer leur ancrage dans la mémoire sémantique des apprenants.

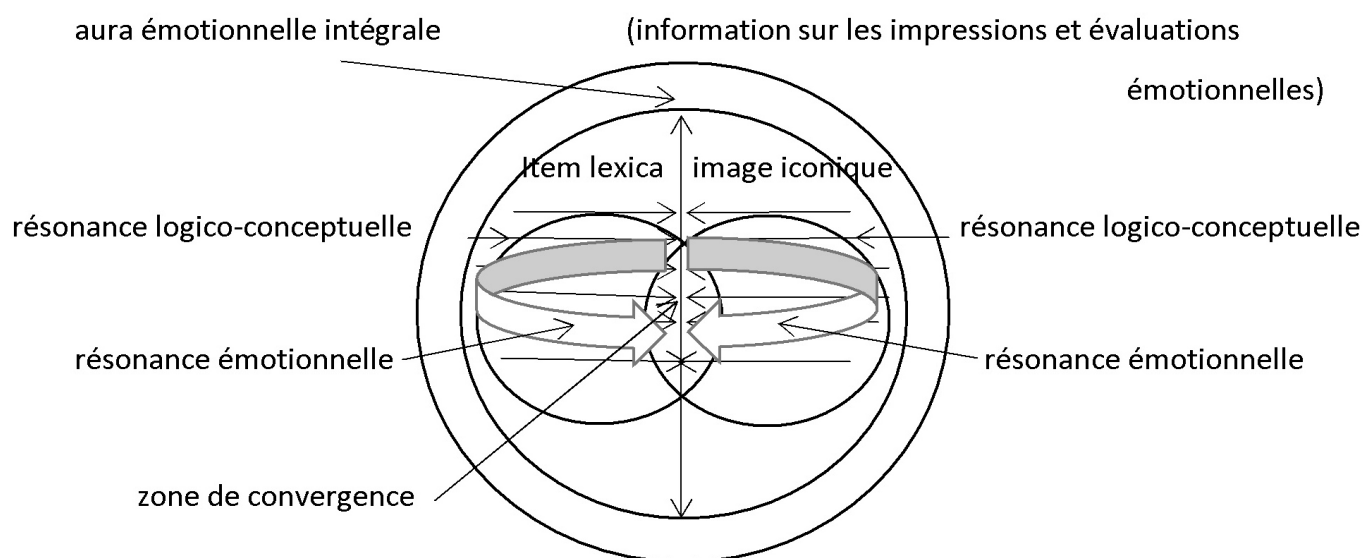

Figure 2. La construction de l'image intégrale d'un item lexical dans la mémoire sémantique

Pour effectuer la construction de l'image intégrale de l'item lexical, l'apprenant doit accomplir un acte créatif pour adapter l'œuvre artistique de coloriage, choisi dans un catalogue d'images pour l'art-thérapie, à son image mentale perceptive, créée dans la mémoire à partir du contexte littéraire et (ou) personnel.

En tant qu'outils pédagogiques, les apprenants disposent du matériel de coloriage (crayons, des couleurs pastels, feutres encres, etc.). Ils sont libres de décider, eux-mêmes, de la technique d'exécution de la tâche (quelles couleurs choisir, de quelle intensité, sous quelle forme, de quelle façon, etc.). De même, ils déterminent librement la composition et la

structure de leurs œuvres artistiques.

Pour doter les apprenants du savoir-faire nécessaire pour cette activité créative, ainsi que pour faciliter l'analyse des résultats de la méthode, prévue par la suite, on a établi le tableau ci-dessous, qui contient un ensemble des indices pour le codage et la mémorisation de l'input lexical en précisant les facteurs déterminant leurs choix et mis en œuvre au cours de l'activité. Avec l'aide de ce support, les apprenants sont amenés à effectuer une réflexion sur leur parcours cognitif et créatif pour chaque œuvre accomplie et à enregistrer un commentaire sur la stratégie appliquée.

Tableau 1. – Des indices pour la médiation artistique de coloriage

Indices	Caractéristiques		Exemples de commentaire
1	2		3
Associations des images verbales et non-verbales	sémantiques		«Le mot désigne l'objet présenté dans l'œuvre de coloriage.»
	métaphoriques		«Le mot et l'image ont des rapports d'analogie.»
	logiques		«Le mot et l'image appartiennent à un univers commun.»
	de genre		«Le mot et l'image ont des caractéristiques communes: forme, taille, poids, couleur, odeur, etc.»
	d'idées		«Le mot et l'image transmettent la même idée.»
	subjectives		«Le mot et l'image me rappellent ... de mon expérience.»
	inconscientes		«C'est impossible à expliquer.»
Couleur des images	choix non-conditionné		«J'ai choisi ces couleurs pour des raisons esthétiques: il est beau ainsi.»
	choix déterminé par le symbolisme phonétique (couleur-lettre)		«J'associe la (les) lettre (s) de ce mot avec cette (ces) couleur (s).»
	choix déterminé par les synesthésies autour de l'item lexical dans le contexte littéraire		«Je perçois le contexte du mot (phrase) en cette (ces) couleur (s).»
	choix déterminé par la logique conventionnelle		«Ces couleurs correspondent à l'ordre de la nature: les pommes sont rouges, les arbres sont verts ... »
	choix subjectif en fonction du vécu et de l'univers personnel		«Cela me rappelle ... de mon enfance.»
Forme des images non-verbales	préservée		«Je n'ai rien changé dans la forme des images de coloriage.»
	modifiée	ajustée au contexte littéraire	«J'ai ajouté (modifié) quelques éléments (symboles) à l'image pour l'ajuster au contexte du livre.»
		ajustée au contexte personnel	«J'ai ajouté (modifié) quelques éléments (symboles) à l'image pour l'ajuster à mon expérience personnelle.»
		complémentée par des éléments mnémotechniques (des traces, pictogrammes, caractères alphabétiques, etc.)	«J'ai modifié la forme de l'image pour faire apparaître la première (deuxième, ...) lettre du mot. Cela m'aidera à mémoriser.»
Forme des images verbales	isolée (le mot extrait de la phrase), écrite une seule fois		«J'ai écrit ce mot sur mon œuvre de coloriage une seule fois.»
	isolée (le mot extrait de la phrase), écrite plusieurs fois		«J'ai écrit ce mot sur mon œuvre de coloriage plusieurs fois.»
	faisant partie de la phrase du contexte littéraire		«J'ai repéré la phrase qui contient ce mot dans le livre et je l'ai fait apparaître dans mon œuvre de coloriage.»
	faisant partie de la phrase du contexte personnel		«L'image de ce mot m'a fait penser à mon expérience (mes souvenirs), donc, j'ai pu verbaliser certaines choses personnelles en l'utilisant dans mon énoncé écrit, noté sur cette œuvre de coloriage.»
Manifestation de la composante articulatoire des images verbales	verbalisation extériorisée (l'activité de coloriage est accompagnée par l'expression orale)		«j'ai prononcé, à voix haute, le mot et les phrases, dans lesquelles ce mot était utilisé, au cours du coloriage.»
	verbalisation intériorisée (l'activité de coloriage se déroule en régime intra-verbi, pas d'accompagnement vocale en forme extérieure)		«j'ai prononcé, intérieurement, le mot et les phrases, dans lesquelles ce mot était utilisé, au cours du coloriage.»
	verbalisation non-présente		«Je n'ai rien prononcé, ni à voix haute, ni intérieurement, au cours du coloriage.»

1	2	3
Manifestation de la composante kinesthésique des images verbales, matérialisée en traces particulières: points, traits, tâches, gribouillage, etc. (transmission kinesthésique des impressions et évaluations émotionnelles autour des mots)	conditionnée par des impressions et évaluations émotionnelles autour de l'item lexical	«En colorant je faisais un effort pour transmettre mes sentiments par les mouvement de ma main.»
	non-conditionnée	«Les mouvements de ma main s'articulaient uniquement autour des objectifs esthétiques (je voulais que mon œuvre de coloriage soit jolie).»
Prédominance du contexte	prédominance du contexte littéraire (par rapport au contexte personnel)	«Au cours de coloriage j'ai été plus influencé par le contexte du livre.»
	prédominance du contexte personnel (par rapport au contexte littéraire)	«Au cours de coloriage j'ai été plus influencé par le contexte de ma vie personnel (mes souvenirs, mon expérience, mes problèmes et besoins actuels, etc.).»
	absence de prédominance (équilibre des contextes)	«Au cours de coloriage mes pensées s'articulaient également autour du livre et de ma vie personnelle.»

A l'aide de ce tableau les apprenants sont amenés, au cours de l'activité, à trouver leurs propres stratégies mnémotechniques à travers l'émergence des images et des sensations qui leur viennent spontanément à l'esprit, sans les censurer. La liberté de l'imagination, qui stimule l'établissement des associations originales et apporte une véritable touche personnalisée à la gestion cognitive de l'input langagier, est un des facteurs qui ont déterminés le choix des œuvres de coloriage en tant que supports pédagogiques.

Rappelons le principe de départ: l'image, créée par une tierce personne (par exemple, l'auteur du manuel), détient moins de potentiel lors de l'ancrage de l'information dans la mémoire sémantique, car il n'y pas d'appui sur l'expérience personnel de l'apprenant, qui est important pour l'acquisition du vocabulaire subjectif. Au contraire, grâce aux supports personnalisés, tel que sont les œuvres de coloriage, on obtient de véritables cartes de la mémoire, qui possèdent non seulement une unicité originale, mais également conservent dans leur ma-

térialité les propriétés des dimensions les plus intimes de l'univers personnel des apprenants. L'atmosphère apaisant de l'activité de coloriage stimule la superposition du contexte littéraire sur le contexte personnel et, comme résultat, favorise la création de l'image multi-contextuelle.

De plus, la création des œuvres artistiques renforce la concentration des apprenants sur leurs images multi-sensorielles, ce qui, à son tour, fortifie la fixation de l'input langagier dans la mémoire sémantique. Les conditions de l'activité de coloriage permettent aux apprenants de ressentir les dimensions contextuelles et sémantiques de façon plus vive. Chacun prend son temps pour libérer ses émotions et ses synesthésies autour des images contextuelles des mots et, ainsi, effectuer la construction des images intégrales ciblées.

Rappelons que l'activité artistique, qui est au centre de notre méthode, doit avoir la structure de l'épisode émotionnel. Ainsi, le tableau ci-dessous permet de repérer les composants principaux dans l'organisation de l'activité de coloriage.

Tableau 2. – Organisation de l'activité de coloriage selon la structure de l'épisode émotionnel

Composants	Fonctions
Cognitif	Réflexion autour du contexte littéraire
Emotionnel	Concentration sur les émotions (mise en œuvre de la résonance émotionnelle)
Motivationnel/ Somatique	Repérage d'une œuvre compatible avec les émotions éprouvées (convergence émotionnelle)
Kinesthésique	Transmission des émotions sur l'œuvre picturale par l'acte artistique de coloriage

Il faut noter que la dominante émotionnelle représente le fondement de la méthode. Cependant, on ne limite pas les choix en gestion mentale. Ainsi, parmi les indices pour la médiation artistique de coloriage,

on met en évidence les deux types de composantes: émotionnelles et logico-conceptuelles. Ceci permettra, aux apprenants, d'approfondir l'encodage des items du vocabulaire subjectif en espérant faciliter leur rap-

pel, par la suite, lorsque la mémoire sémantique sera sollicitée.

Pour vérifier l'efficacité de la méthode proposée, il est prévu d'effectuer une *analyse statistique* au début de 2015.

Projet de recherche expérimental

Hypothèses à vérifier

1) Est-il vrai, comme le suggère l'analyse du problème a priori, que la composante émotionnelle puisse assurer la mémorisation et le rappel des items lexicaux dans le cadre de l'apprentissage des langues étrangères?

2) Est-ce que la méthode proposée est efficace pour l'acquisition des compétences lexicales, relatives à la construction du vocabulaire subjectif?

Préparation du matériel

La base matériel pour l'analyse statistique consistera en deux documents, remis aux sujets avant l'expérience: 1) une collection des œuvre de coloriage de l'art-thérapie [10, 11]; 2) un texte littéraire en version originale en anglais (on a choisi un extrait du roman de P. Auster «Oracle Night» [5]). Dans ce texte on a indiqué 60 mots, inconnus pour les apprenants. La traduction des mots est déjà fournie sur

les marges des pages par les éditeurs du livre (HARRAPs).

Sujets et conditions de l'analyse

Les sujets seront répartis en deux groupes de 20 étudiants chacun. Il y aura, pour chaque groupe, une séance préalable de démonstration et d'explication, trois séances d'activité de coloriage, en dehors des cours, dans le cadre du travail individuel (chaque séance, d'une durée indéterminée au cours d'une même semaine, autour de 20 mots ciblés), trois contrôles de vocabulaire (des tests de traduction des mots de français en anglais) à court terme (chaque contrôle aura lieu une semaine après chaque séance) et un contrôle de vocabulaire à plus long terme (un mois après la dernière séance).

Repérage et codage des données de l'analyse

On part du principe que les œuvres de coloriage sont porteuses d'indices qui, eux-mêmes, peuvent être considérés comme des manifestations de la composante émotionnelle ou de la composante logico-conceptuelle. Pour cela chaque production artistique sera évaluée selon plusieurs critères indiqués dans le tableau ci-dessous.

Tableau 3. – Repérage et codage des indices dans les productions artistiques de coloriage

Indices	Caractéristiques		Code attribué	Présence +/–	Intensité 0–100% (pour les indices indiqués*)	Fréquence Bas: ≤2 éléments Mo-yen: >2≤4 éléments Haut:>4 éléments
1	2		3	4	5	6
Associations des images verbales et non-verbales	sémantiques		a	+/–		*
	métaphoriques		b	+/–		*
	logiques		c	+/–		*
	de genre		d	+/–		*
	d'idées		e	+/–		*
	subjectives		f	+/–		*
	inconscientes		g	+/–		*
Couleur des images	choix non-conditionné		h	+/–	*	
	choix déterminé par le symbolisme phonétique (couleur-lettre)		i	+/–	*	
	choix déterminé par les synesthésies autour de l'item lexical dans le contexte littéraire		j	+/–	*	
	choix déterminé par la logique conventionnelle		k	+/–	*	
	choix subjectif en fonction du vécu et de l'univers personnel		l	+/–	*	
Forme des images non-verbales	préservée		m	+/–		*
	modifiée	ajustée au contexte littéraire	n	+/–		*
		ajustée au contexte personnel	o	+/–		

1	2	3	4	5	6	7
		complémentée par des éléments mnémotechniques (des traces, picto- grammes, caractères alphabétiques, etc.)	p	+/-		*
Forme des images verbales	isolée (le mot extrait de la phra- se), écrite une seul fois		q	+/-		q1
	isolée (le mot extrait de la phra- se), écrite plusieurs fois		r	+/-		q2/q3
	faisant partie de la phrase du contexte littéraire		s	+/-		
	faisant partie de la phrase du contexte personnel		t	+/-		
Manifesta- tion de la composante articulatoire des ima- ges verbales	verbalisation extériorisée (l'activité de coloriage est accom- pagnée par l'expression orale)		v	+/-	*	
	verbalisation intériorisée (l'activité de coloriage se dé- roule en régime intraverti, pas d'accompagnement vocal en forme extérieure)		w	+/-	*	
	verbalisation non-présente		x	+/-	0%	
Manifesta- tion de la composante kinesthési- que des ima- ges verbales	conditionnée par des impressions et évaluations émotionnelles autour de l'item lexical		y	+/-	*	
	non-conditionnée		z	+/-	*	
Prédomi- nance du contexte	prédominance du contexte littéraire (par rapport au contexte personnel)		PCL	+/-		
	prédominance du contexte per- sonnel (par rapport au contexte littéraire)		PCP	+/-		
	absence de prédominance (équilibre des contextes)		AP	+/-		

Procédure de traitement des données statistiques

En s'appuyant sur la méthode de L. Bardin [6], on a prévu des opérations statistiques qui permettront de mettre en corrélation les résultats des contrôles du vo-

cabulaire, à court terme et à long terme, et les indices marqueurs de la composante émotionnelle ou de la composante logico-conceptuelle. Les données statistiques seront saisies dans les tableaux de résultats ci-dessous.

Tableau 4. – Souvenance des items lexicaux (à court terme)

Taux de réussite du con- trôle de vocabulaire (%)	Nombre de sujets	Les indices repérés	La composante manifestée (émotionnelle/logico-conceptuelle)
81–100			
61–80			
41–60			
21–40			
0–20			

Tableau 5. – Souvenance des items lexicaux (à long terme)

Taux de réussite du contrôle de vocabulaire (%)	Nombre de sujets	Les indices repérés	La composante manifestée (émotionnelle/logico-conceptuelle)
81–100			
61–80			
41–60			
21–40			
0–20			

Conclusion

On peut constater, après quelques essais personnels, que l'activité de coloriage, basée sur la synergie des émotions, sensations et cognition, peut permettre une meilleure mémorisation et un meilleur rappel des items lexicaux dans le cadre de l'apprentissage des

langues étrangères. Ainsi, on ne peut que recommander l'utilisation de cette activité aussi bien dans le cadre institutionnel (collège, lycée, université), que pour le développement individuel des personnes qui sont attirées par les langues étrangères et veulent les apprendre de façon originale et ludique.

Référence:

1. Sarraute N., Ici, Paris, Gallimard, 1995.
2. Rusinek S., Les émotions (Du normal au pathologique), Dunod, Paris, 2004.
3. Anderson J. R., The Architecture of Cognition, Cambridge, Harvard University Press, 1983.
4. Bower G. H., «Mood and Memory», American Psychologist, 36, 1981, P.129–148.
5. Auster P., Oracle Night, Paris, HARRAP's, 2013.
6. Bardin L., L'analyse de contenu, Paris, Presses Universitaires de France, 1977.
7. Héritier F., Le goût des mots, Odile Jacob, Paris, 2013.
8. Orsenna E., La Fabrique des mots, Paris, Editions Stock, 2013.
9. Tammet D., Embracing the Wide Sky (a Tour across the Horizons of the Mind), Hodder&Stoughton in Great Britain, London, 2009.
10. Ramstein A.-M., Art-thérapie Psychédélique (100 coloriages anti-stress), Paris, Hachette Livre (Hachette Pratique), 2014.
11. Mulkey M., Art-thérapie Forêts féeriques (100 coloriages anti-stress), Paris, Hachette Livre (Hachette Pratique), 2014.
12. http://www.coe.int/T/DG4/Linguistic/Source/Framework_FR.pdf
13. Paivio A., «Dual coding theory: Retrospect and current status», Canadian of Psychology, Vol 45 (3), 1991, P. 255–287.
14. Zalevskaya A. A., Vvédéniyé v psycholingvisticou («L'introduction dans la psycholinguistique», en Russe), Moscou, l'université humanitaire d'Etat de Moscou, 1999.
15. Klix F., Hoffman J., Cognition and memory, Amsterdam, North Holland, 1980.
16. Morton J., «Word Recognition», Psycholinguistics (Series 2), Elek, 1979.
17. Sechenov I. M., Fiziologia nervnoy sistemy («Physiologie du système nerveux», en Russe), St. Petersburg, 1866.
18. Luria A. R., The Working Brain: An Introduction to Neuropsychology, London, Penguin Books Ltd, 1973.
19. Moors A., «Theories of emotion causation: A review», Cognition and Emotion (Reviews of Current Research and Theories), New York, Psychology Press, 2010, P. 1–37.

*Mustafina Gulzhan Kanapievna,
c. p.sc., associate professor and
Nikambaeva Saule Serikposynovna,
Suleymanova Svetlana Aynadiyeva.
the senior teachers, Al-Farabi Kazakh National University,
the Faculty of Philology, Literature and world languages
E-mail: gulzhan_5657@mail.ru*

Anglicisms in the names of popular professions (on the material of Kazakhstani press)

Abstract: The article is devoted to English borrowings in the names of popular professions advertized in Kazakhstani press. With a growing role of globalization in the world, it is impossible to stop the spread of English and its influence on other languages. The enrichment of the Kazakh language by foreign words will continue along the process of further integration of Kazakhstan into the global community. The article is aimed to analyse the specific functions of anglicisms in the Kazakhstani media and the study of their use in area of professional activity.

Keywords: Kazakhstani press, global community, anglicisms, country competitiveness, loanwords.

Although a variety of languages are spoken all over the world, English is an important language to know. It has become the language of communication, sciences, business, technology, newspapers, television and, therefore, anglicisms have entered many languages. An increasing number of English loanwords are being exported into the Kazakh language as well, since the fall of the Soviet Union and the development in modern technology have caused a flood of English words to enter the language. Kazakhstan citizens began to feel that active participation in the globalised world is impossible without good knowledge of English. During the last years of the development and establishment of the Republic there appeared not only new professions with new names, borrowed from English, but the old names of professions have a new color because of English loanwords or anglicisms.

Even though anglicisms are becoming more widespread, some scientists are still standing strong against them. They warn of language absorption of minor cultures by the dominating language (the invader-tongue). In accordance with some pessimistic points of view, there might be “a war” between languages, which finally might lead to the fact that national cultures will be destroyed, cultural identity will totally disappear. Opponents of English borrowing, such as Russian writers as Solzhenitsyn A. I., Mikhailov A. V., linguistic scholars — Karaulov N. V., Zemsky E. A., Uluhanov S. A., and others believe that anglicisms, penetrating into the language through the mass media, the Internet, and marketing industry, negatively effect on all people. They warn that due to the implementation of anglicisms, Kazakh and Russian people will lose their national identity.

On the contrary, many scientists, such as Livshits T. N., Milan D. Milanovic and Ana Milanovic, Sabitova Sh. A. and many others support the idea that anglicisms and other borrowings are useful for any language and are inevitable, as language is a living organism that lives, develops and borrows words from other languages. Supporters see any changes in the language as a natural process which cannot be stopped.

Kazakh language is the state language in our home country, but the Russian language still holds a strong position in the Republic. It has a status of an official language, the language of international communication, and it continues to perform important social and humanitarian functions. Besides, in accordance with the modern requirements and globalization, more priority is given to the English language. That is why the President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, put forward the cultural program “The Trinity of languages: Kazakh, Russian, English” the realization of which was underlined as a separate direction of the state internal policy and it is considered as a condition of the strengthening of social compliance and evidence of the country competitiveness [4].

English loanwords or anglicisms are widely used in various fields of human activity, such as culture, sports, politics, economics, in computer and information technology. It should be noted that in modern advertising newspapers and internet sites of employment there is a wide use of anglicisms in the names of occupations and services. Nowadays, an ordinary person, opening the newspaper with job offers may simply not understand the meaning of the suggested job (*кедди, хэндмейкер, мерчендайзер, провайдер, риэлтор, клинер, фрилансер*, etc.).

In Kazakhstani labor market there are quite many previously unknown professions, such as *кофе-леду* (*кофе-бой*) — a person whose duty is buying the required product, making coffee, tea, flavored drinks, fruit cocktails and service of offices in large holdings and companies. A new profession is *хóсмес* (*hostess*) — a person who works in restaurants, lounges, coffee shops, and other eating establishments. He/she is responsible for making reservations, greeting guests as they arrive, and seating guests when their tables are ready.

As golf became popular in our country, it required a new profession in Kazakhstan — *кедду* (English *caddy* and American *caddie*) — a person who carries a player's bag, and gives insightful advice and moral support.

We have studied advertisements in order to identify recent anglicisms within the 62 publications containing 269 examples of the use of anglicisms mostly advertised on the following web sites: <http://zhumys.kz/>, www.rabota.kz/ and advertising newspapers “Vacansiya”, “Rabota”, “Srochno trebuetsya”, “Predlagaem rabotu”, “Trudoustroistvo”. On the basis of the analysis of the advertisements on the investigated theme, we have identified the following areas of anglicisms in the names of professions:

1. Economy and business.
2. Information technologies.
3. Art and fashion;
4. Sport and tourism.
5. In the political life as a result of globalization and changes in the political and social views, greater openness of the Kazakh society. These areas are undergoing the greatest inflow of borrowing.

1. *English loanwords in the sphere of economy and business:*

Коучер (*coach*) — our definition of a Job Coach refers to support for both the worker and the employer to foster a fit into a skilled career. They mentor new workers and provide support and connections to both employee and employer.

Аналитик (*analytic*) collects, organizes and make analysis, reviews and forecasts in various fields of employment.

Дистрибьютор (*distributor*) directs the actual distribution or movement of a product or service to the customer. Coordinates sales distribution by establishing sales territories, quotas, and goals and establishes training programs for sales representatives. Analyzes sales statistics gathered by staff to determine sales potential and inventory requirements and monitors the preferences of customers.

Промоутер (*promoter*) demonstrates and provides information on promoted products/services. Create a positive image and lead consumers to use it

Фрилансер (*freelancer*) is someone who is self-employed and is not in a long-term contractual commitment to any one employer. The most common freelance jobs include writing, editing, photography, web design, graphic arts or computer programming. Freelancers make their money selling their work to a clients rather than being employed by a business. It is a part time job.

Мерчендайзер (*merchandiser*) is an expert on product promotions in retail trade. He works in a retail setting to assure that a company's products are properly presented to customers to maximize product sales.

Бэбиситтер (*babysitter*) instead of traditional *няня* — babysitter responsibilities vary widely from job to job depending on the age of the children, their specific needs and the particular requirements set by the parents. For younger children, responsibilities may include diaper changes, feeding, and holding; on the other hand, baby-sitting older children may involve driving them to soccer practice or helping them with their homework.

Хедхантер — (*head-hunter*) — **finding talented people that would be the best to work for your clients.**

Nowadays innovative technologies firmly take place almost in all spheres of life. Computers are used everywhere, from the storage of archives and ending the automatic control program of different machines in factories. Software development, technical support, information security — each direction of the IT sector requires skilled professionals. There are most popular professions in the sphere of information technologies:

2. *Information technologies:*

Пиар — *менеджер* (*PR — manager*) — plans and conducts public relations program designed to create and maintain favorable public image for employer or client.

Веб-дизайнер (*web designer*) — assists in the production of websites for brands. Responsibilities include: designing and maintaining the company website, using consistent branding and colors across all company properties

Провайдер (*Provider*) — provides access via the Internet to anywhere in the world.

Манимейкер (*Money maker*) — a person engaged in earning money on the Internet.

3. *Art and fashion:*

Арт-консультант (*An art consultant*) — Someone who has a good eye for interior design, and more specifically a knack for selecting the best artwork to occupy a space, should consider a career as an art consultant.

Consultants are hired by corporations, hotels, health care facilities, smaller businesses and private art collectors.

Скаут (*Scout*) is someone who identifies people with unique or valuable talents and works to recruit them.

Визажист (*Visagist*) makes a professional make-up.

Татуист (*Tattooist*) — tattooing and body art is increasingly regarded as an art form. It involves creating body adornments in the form of permanent designs or piercing's.

The results of the study reveal that all the above-presented examples of professions from newspaper advertisements confirm once again that language is a category of time and exposed to large changes. Many of these professions have existed in the Kazakh language for a long time, but have had simple, familiar names, such as *hudozhnic*, *съемщи*, now it is *designer* and a well — known profession *товаровед* is called *мерчендайзер* (*merchandiser*) etc.

The primary reason of borrowing such words seems to have to do with status or fashion, in that people perceive the incoming words as being more fashionable or having a higher status than equivalents in our own language might have, e. g. *cleaner*, *manager*, *babysitter*, etc. Another reason for borrowing is that the concept is foreign to us and that we cannot readily find an equivalent in our own language for it: *фрилансер*, *distributor*, *cloud architect*, *moneymaker*.

The next step in our research was to find out types of borrowing names of professions. We found out four types of them:

1. *Completely assimilated borrowings.*
2. *Direct anglicisms.*
3. *Hybrids.*
4. *Composites.*

I group — *completely assimilated borrowings* which are not felt as foreign words in the language, anglicisms,

which do exist in Kazakh language from the time of the Soviet Union and may be considered as sufficiently adapted to the system of the Kazakh language as they comprise lexical units (including affixes) which are taken over from the English language, but which quickly integrate within the system of the Kazakh language, where, over time, they receive the status of a native word: English: *Director, secretary, engineer, master, mechanic, electrician, administrator*. Kazakh: *Директор, секретарь, инженер, мастер, механик, электрик, администратор*.

II group — *direct anglicisms*, containing job titles which have been entering the Kazakh language for the last 10–15 years, while their true origin is in the English language. Words and phrases used in their original form, as they are found in the English language, without undergoing adaptation: *promoter, coach, showman, scout, etc.*

III group — *hybrids* — words considered to be partially integrated because their pronunciation is adapted to the phonological system of the Kazakh language, or in their pronunciation, speakers use some “English- Kazakh mixture”: *IT мамыны, шаушараз стилист, әкімшілік ассистент*.

IVgroup — *composites* — anglicisms emerged as a result of compound words' borrowing: *фотодизайнер* (*photodesigner*), *имиджмейкер* (*image-maker*), *клипмейкер* (*clip-maker*).

And the last point of our investigation is a survey in which 40 persons from different age segments were interviewed (Table 1). According to the table the younger generation, aged between 18 and 26 uses in the speech the names of new jobs with the frequency of 90% from 100%, which suggests that young people have more access to the Internet, new innovative technologies, and use English language as a means of intercultural communication. As for the middle-aged and older generations the frequency of their use of anglicisms is about 40–50%.

Table 1. –The use of anglicisms in the names of professions

	From 18–26 age	From 30–42 age	From 45–60 age
What modern professions do you know?	90%	70%	20%
Do you have difficulties in choosing the new professions?	10%	50%	80%
Do you use in speech the name of new professions?	90%	60%	10%
Do you know the old names of the following professions: <i>designer, manager, merchandiser</i> ?	10%	50%	90%

Definitely the study of anglicisms is very important for many reasons. They give us an opportunity to understand how our native language has developed through the last years and to persuade young people to be part

of the change but not to forget their mother tongue. We should remember that languages are the key to the magic door behind which lies a world of other countries, other people and this is a huge world with new surprising faces.

Reference:

1. Kenzhemuratova S. K. Period of penetration of international terms into Kazakh language // Digest. Astana (Kazakhstan). 2005. – P. 10–20.
2. Roswitha Fischer and Hanna Pulaczewska, *Anglicisms in Europe: Linguistic Diversity in a Global Context*, Cambridge Scholars Publishing, UK. 2008.
3. Milan D. Milanovic and Ana D. Milanovic. *Loans in the conditions of bilingualism* // Language. Warsaw. 2007 – 145 p.
4. *Languages in the Republic of Kazakhstan. Law of RK*. 2000. Astana: Foliant.
5. Krysin L. P. *Loan words in modern Russian*. M.: Nauka. 2002. – 54p.
6. Adilbaeva R. N and Krivoruchko A. V. The functioning of neologisms in the newspaper discourse of Kazakhstan // Poisk. – 2007 – № 4 (1) – P. 57–61.
7. Livshits T. N. *Anglicisms in the Russian language: history and prospects: Guide for foreign students, specialists in Russian philology*. Vladivostok: Publishing House "Dialogue". 2005 – 303 p.

*Nikambaeva Saule Serikposynovna,
Suleymanova Svetlana Aynadiyevna
the senior teachers,*

*Mustafina Gulzhan Kanapiyevna,
c. p. sc., associate professor
Al-Farabi Kazakh National University, the Faculty of
Philology, Literature and world languages
E-mail: Saule53@mail.ru*

Interpretation problem in Literary Studies

Abstract: Article considers that the purpose of any professional education is achievement of professional competence of the expert, and a role in vocational training of the linguist-philologist in a fiction interpretation.

Keywords: professional education, literary translation, interpretation, analysis, text culture

*Никамбаева Сауле Серикпосыновна,
Сулейманова Светлана Айнадиёвна
ст преподаватели*

*Мустафина Гульжан Канapieвна,
к. п. н., доцент, Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
факультет филологии и литературоведения и мировых языков
E-mail: Saule53@mail.ru*

Проблема интерпретации в литературоведении

Аннотация: Статья рассматривает, что целью любого профессионального образования является достижение профессиональной компетентности специалиста, и именно роль в профессиональной подготовке лингвиста-филолога в интерпретации художественной литературы.

Ключевые слова: профессионального образования, художественный перевод, интерпретация, анализ, текстовая культура

Перед казахстанским обществом стоит задача: интенсификация экономических реформ, разработка и внедрение новых технологий, модернизация системы образования и т. д. Определяющим фактором решения данных задач являются кадры, профессионалы. Без вы-

пускников вузов, подготовленных к работе в новых экономических условиях, не просто имеющих запас знаний и умение их использовать, но и обладающих высоким уровнем профессиональной направленности, невозможно справиться ни с одной из упомянутых задач.

Целью любого профессионального образования является достижение профессиональной компетентности специалиста, которая понимается нами как готовность будущего лингвиста-переводчика, лингвиста-филолога-преподавателя к осуществлению межкультурной коммуникации. Под межкультурной коммуникацией мы понимаем любые виды коммуникации как устной, так и письменной, а к наиболее сложной разновидности письменной межкультурной коммуникации, по нашему мнению, относится художественный перевод. Именно этот вид профессиональной преподавательской и переводческой деятельности требует от специалиста обучающего или обучающего иностранного языка высокого уровня коммуникативной культуры, под которой мы понимаем не только отличное знание иностранного языка (лингвистическую компетенцию), но и лингвострановедческую и коммуникативную компетенции — все то, что С. Г. Тер-Минасова называет «миром изучаемого языка» [1].

Проблема интерпретации — одна из самых сложных в литературоведении, и сегодня еще только намечаются пути к ее разрешению. Между тем проблема эта жизненно важная — редкий читатель отказывается взять на себя роль интерпретатора. Возможно, именно поэтому на интерпретацию долгое время смотрели как на нечто само собой разумеющееся. В середине XX века представители структурно-семиотического подхода предприняли реформу в литературоведении, попытавшись сделать его полноценной наукой (science), некоторыми учеными (например, французским структуралистом Р. Бартом) интерпретация была объявлена ненаучной сферой, сферой исключительно литературной критики¹. Однако такая постановка вопроса не могла получить общего признания, и в 1970–1980-е годы проблема интерпретации стала одной из центральных в самом литературоведении (см., например, работы В. Изера, Г. Р. Яусса, К. А. Долинина и В. А. Кухаренко).

Мы часто сталкиваемся с такой ситуацией когда, преподавателям, которые ведут иностранный язык на старших курсах, студенты часто задают вопрос: «С чего начать анализ художественного текста?» И в этом вопросе обычно слышится его немое продолжение: «А как начать? Как перейти от чтения к анализу и от анализа к интерпретации?» Потому что мы знаем, что цель нашего обучения привить студенту навыки умения высказывания свои мысли и дать правильный анализ. Сегодня мы имеем много замечательных учебников, объясняющих основы тео-

рии художественного текста, его анализа и интерпретации, однако очень часто в них недостает объяснения элементарных или просто неизвестных современному студенту действий. Анализ и интерпретацию текста во многих случаях студент проделывает интуитивно. В сознании многих читателей сохраняется представление о том, что все интерпретации делятся на правильные и неправильные. Отсюда вытекает мнение, что и читать оригинальный текст вовсе не обязательно, достаточно познакомиться с его пересказом и истолкованием, которые чаще всего даны в интернете. Это приводит, с одной стороны, к примитивным вопросам единого государственного экзамена, проверяющего не живое прочтение произведения, а только знание устоявшихся шаблонов, с другой стороны, к плодящимся и размножающимся «кратким пересказам произведений школьной программы», эти шаблоны излагающим. В результате само чтение художественной литературы отодвигается на задний план, а порой и совсем упраздняется за ненадобностью.

Действительно, профессия «лингвист-переводчик» новая для российских вузов, но существует мировой опыт зарубежных переводческих школ, который показывает, что профессиональных переводчиков можно и нужно готовить, более того, при этом без преподавательских усилий не обойтись.

По мнению В. И. Щадрина, именно классические университеты, осуществляющие подготовку по специальности «филология», должны готовить переводчиков в области художественного перевода, что требует от переводчика очень высокого уровня коммуникативной культуры, без которой невозможно тонкое проникновение в текст как семиотическую систему и ее перекодирование в другую семиотическую систему. Это требует от переводчика знания не только лингвистики текста, но и истории литературы, знакомства с моделями герменевтики, рецептивной эстетики, где рассматривается творческая личность, создавшая его, авторская интенция, широкий культурный и философский контекст, фоновые знания.

На старших курсах обучения такой формой, призванной подготовить переводчика художественной литературы, должен стать предпереводческий анализ текстов, который отличается от аналитического чтения тем, что преподаватель требует не только анализа текста, но и перевода, сравнения с уже существующими переводами и последующего критического анализа, что способствует развитию у будущих переводчиков таких профессионально важных качеств, как исследование эпистемических и эвристических знаний, креативное

мышление, развитые мыслительные операции вычленения, сравнения, анализа, синтеза, умение выделять основные смысловые единицы, ключевую информацию, высокий уровень культурологической и лингвострановедческой эрудиции, текстовая культура, критичность мышления и способность к самооценке и т. д.

Наибольшую трудность при переводе художественных текстов вызывает, по нашему наблюдению, декодирование авторской интенции через интенциональность художественного текста.

Как известно, интенциональность — это направленность, устремленность сознания на предмет, позволяющая личности создавать, а не только пассивно воспринимать окружающий реальный мир, наполняя его «своим собственным» содержанием, смыслом и значением. Принцип интенциональности, восходящий к средневековой схоластике, получил систематическое выражение в работах Ф. Brentano и Э. Гуссерля. Согласно Brentano, психика человека интенциональна по своей природе, так как не суще-

ствует без отношения личности к любым — реальным или вымышленным — явлениям. По Гуссерлю, субъект поэтапно конституирует мир, выстраивая объекты, доступные его пониманию и исследованию. Иными словами, без мирообразующего сознания для личности не существует внешней (равно как и внутренней психологической) реальности: «Нет объекта без субъекта».

С учетом всего вышесказанного мы считаем, что поскольку первым реципиентом иноязычного текста при его переводе становится переводчик, то указанные категории играют важную роль на стадии предпереводческого анализа и должны найти определенное освещение как на занятиях по интерпретации художественного текста, так и в методике профессиональной подготовки лингвиста-переводчика. Отсюда проистекает важность целевой подготовки филолога-переводчика, обладающего самым широким филологическим кругозором, который обеспечивается общеуниверситетской подготовкой.

Список литературы:

1. Тер-Минасова С. Г. Языки и межкультурная коммуникация // Программы теоретических курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров: по специальности «Английский язык». М.: Изд-во МГУ, 2002.
2. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Союз, 2003.
3. Дранов А. В. Рецептивная эстетика // Современное зарубежное литературоведение / Науч. ред. и сост. И. П. Ильин и Е. А. Цурганова. М.: Интрада-ИНИОН, 1996.
4. Изер В. Акты вымысла, или Что фиктивно в фикциональном тексте // Немецкое философское литературоведение наших дней: Антология. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001.
5. Матюшкин А. В. Проблемы интерпретации литературного художественного текста / Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007.
6. Бельгер Г. К. Ода переводу. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
7. Алимжанова А. Человек в картине мира // Вестник Евразийского гуманитарного института, Астана, 2006. No1.

Section 12. Philosophy

*Kozlova Olga Valerievna,
Cherepovets State University, docent,
Lyudogovskaya Natalia Aleksandrovna,
Cherepovets State University, student
Usanova Anastasiya Igorevna, student
E-mail: ppxss2000@mail.ru*

Contradictions of patriotism in modern Russia

Abstract: The problem of inconsistent essence of patriotism rises. Displays of patriotism in modern Russian realities, especially in the form of «квасного» patriotism are analyzed. Conditions of formation of ultra-patriotism and its negative consequences for development of the Russian community are considered.

Keywords: patriotism, «квасной» patriotism, inconsistent essence, valuable sense of patriotism.

*Козлова Ольга Валериевна,
Череповецкий государственный университет,
кандидат философских наук, доцент,
Людоговская Наталья Александровна,
Череповецкий государственный университет, студент,
Усанова Анастасия Игоревна,
студентка Череповецкого государственного университета
E-mail: ppxss2000@mail.ru*

Противоречия патриотизма в современной России

Аннотация: Поднимается проблема противоречивой сущности патриотизма. Анализируются проявления патриотизма в современных российских реалиях, особенно в форме «квасного» патриотизма. Рассматриваются условия формирования ультра-патриотизма и его негативные последствия для развития российского общества.

Ключевые слова: патриотизм, «квасной» патриотизм, противоречивая сущность, ценностный смысл патриотизма.

Последние годы проблема феномена патриотизма вновь становится актуальной на постсоветском пространстве и затрагивает разные слои населения. Ее поднимают и по-своему интерпретируют и ученые, и публицисты, и политики, и взрослые, и молодежь. Разброс мнений в определении собственной позиции по данной проблеме довольно широк. Однако надо отметить тот факт, что мнения расходятся чаще по вопросу не столько о сущности категории «патриотизм», сколько о положительной или отрицательной значимости данного феномена в условиях глобализации человечества. Проблемами патриотизма в современном интеллектуальном российском пространстве занимаются А. В. Огнев, В. К. Левашов,

О. Проскурин, Т. А. Бирючевская, Б. Хазанов, А. Бабченко, Р. К. Байрамов и мн. др. Проблема патриотизма включает в себя различные содержательные аспекты: понятие, виды, проявления, причины возникновения, а также роста патриотических настроений, ценностный смысл патриотизма, роль в общественном прогрессе, место патриотизма в условиях глобализации мирового пространства.

В истории России можно найти немало примеров проявления разных видов патриотизма в практических действиях нашего народа. Это и защита территории от нападения извне, но и войны с соотечественниками. Это и ура — патриотизм, выливавшийся в известные погромы евреев 1910 года, или

полагаемое «закидаем шапками германца» в начале 1-й мировой войны, или в форме героического труда особенно во время ВОВ и после нее. Идеологический патриотизм, пропагандирующий исключительность и положительность именно социалистического пути развития или идейного славянского патриотизма, что являлось предлогом для вступления России в Балканскую войну. Причем последняя сочувственно поддерживалась всеми слоями населения России.

Причины роста патриотических настроений, выливающиеся в националистические выступления, различные этнофобии, чаще всего связаны либо с возникновением в умах какой — либо нации идеи превосходства над другими народами, вследствие чего эти иные также формируют свой патриотизм, не желая признавать себя худшими. Либо, что происходит в мирное, но социально — экономически неблагоприятное для государства, время с ростом социальной напряженности, которая находит выход в агрессии против, как правило, феномена, выступающего поводом, а не причиной данной напряженности. Таким образом, сущность патриотизма, как чувства и убеждения в необходимости объединения вокруг какой-то идеи, тождественна по своему содержанию, вне зависимости от этноса. Критическое отношение к навязыванию необходимости воспитания патриотических чувств у молодежи многих российских авторов опирается на известные работы Л. Н. Толстого и Н. А. Бердяева. На «патриотические» действия легче подвигнуть того, кому не хватает рабочего места, следовательно, и легального источника средств к существованию, того, кто честно и много трудится, но получает, по сравнению с работодателями и «элитой», мизерные заработные платы. Для современной российской действительности актуальны слова критически относившегося к квасному патриотизму, как и к имперскому, Л. Н. Толстого: «Патриотизм, так старательно прививаемый правительствами, не только не усваивается народом, но все более и более исчезает и держится только в высших классах, которым он выгоден.» [6] Проблемой уровня патриотизма в РФ озабочены и государственные структуры. Так, в течение последних 13 лет принимался ряд Государственных программ «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» (2006–2010, 2011–2015 годы). [См.:5] В программе в качестве необходимых средств реализации данных задач называются мероприятия культурного (в т. ч. спортивного) характера, указываются виды и цифры их финансирования. Но, на наш взгляд, сами по себе эти средства и мероприятия, пусть их будет в разы больше, не могут изменить ситуацию, при которой большинство населения любит страну

Россию, сочувствует ей, но патриотами себя не считает. Мы стоим на позициях космополитизма, понимаемого как проявление тесной диалектической связи между всеми, государственными, этническими, местными, географическими и т. п. патриотизмами и космической солидарностью, интерпретируемой как толерантность и любовь ко всему лучшему в человечестве. И исходим из того убеждения, что космополитизм не предполагает нелюбовь или ненависть к чьему — либо проявлению уважения к культурным особенностям этносов, к особому чувству к определенному географическому региону, климату, языку, а, наоборот, утверждает любовь к земному миру через любовь к Родине. Формирование любви к государству, на наш взгляд, в условиях отчуждения масс от управления государством, выражающегося в российском социально — культурном пространстве, прежде всего, в недоверии к любой ветви власти, в убеждении, что силовые институты всегда станут на сторону только государственных структур, даже, если последние бездействуют, или действуют явно неправомерно, остается значительно большей проблемой. Сколько бы культурных мероприятий не проводили власти, невозможно вырастить поколения уверенных в ее поддержке граждан без качественного изменения всей системы власти, ее взаимодействия с народными массами, реального включения граждан в управление государством. О том, что власть теряет доверие граждан, свидетельствует минимальный за последние десятилетия процент граждан, участвовавших в выборах, т. к. большинство из них уверены в том, что в независимости от наличия их голоса победит тот, кто угоден власти. Интересен тот факт, что государственная власть как бы претендует на некую форму патернализма в управлении государством, но всю ответственность (финансово — экономическую) перекладывает на граждан. При этом власть претендует не только на их «кошельки» в виде все возрастающей разновидности налоговых сборов, ужесточения бюджетной политики, но и создавая условия для отсутствия первых у значительной части трудоспособного населения, проводя во всех сферах общественной деятельности, за исключением властных структур, политику «оптимизации», которая в реальности вылилась в создание потогонной системы, государственной эксплуатации труда и падению его качества, что привело, по сути, к разрушению системы образования, воспитания, здравоохранения и т. д. Современная российская система образования в той форме, которая предложена для внедрения и реализации правительством, поддержана законодателями, выпускает не специалистов и даже не бакалавров с приобретенными эфемерными компетенциями, а тех, кто

просто был более усидчив на занятиях, т. е. «околобакалавров», «околознающих» инженеров, врачей, учителей, но главное — менеджеров. Последние будут также «успешно» управлять всеми сферами общественной жизни, разбазаривая все, что еще, может быть, останется в стране лет через десять. Потому что современная социально — экономическая и культурная реальность учит молодежь эгоизму, культивированию материальных ценностей и тому, что нравственные добродетели в достижении своих карьерных целей не полезны, не практичны: именно с их достижением (средства достижения не имеют значения) связано в нашем обществе материальное благополучие. На этом построены все программы нашего правительства: труд любого молодого менеджера должен оплачиваться и оплачивается выше труда тех, кто для них выращивает хлеб, картофель, ловит рыбу. Трудно не согласиться с И. Гариным: «Если патриотизм — это защита родины, то, что есть родина? Кого защищать, если понятие родины в России сводится к царям — немцам или к партии, которая довела ее до ручки, к власти, которая ее разграбила, к олигархам, которые ее изнасиловали?» [2]

Согласно В. К. Левашову, по результатам Всероссийского социологического мониторинга: «Рядовые российские граждане считают, что современное российское государство почти в равной степени отражает интересы государственной бюрократии (52%) и богатых слоев общества (50%). ...Таким образом, по мнению подавляющего числа респондентов, мы живем в государстве, которое не отражает интересы большинства граждан и общества в целом.» [4] Поэтому ура-патриотизм выгоден именно узкому кругу граждан России. Мы хотим оговориться, что в данной работе речь не идет о никчемности патриотизма, выражающегося в боли за отечество и всегда униженный народ, для чего в России всегда существовали и существуют причины и условия.

Для изменения отношения граждан к решениям власти, в первую очередь, необходимо изменять социально — экономические отношения в обществе

таким образом, чтобы человек не чувствовал себя в собственной стране изгоем, ненужной мелочью, лишним ртом. Он должен ощущать себя особым субъектом социального, единого, целого. В стране надо полностью менять систему распределения, что приведет к формированию качественно новой социальной структуры равно достойных граждан. К. Черемисов, анализируя результаты данного опроса, пишет следующее: «... 37% русских чувствуют себя в униженном положении по сравнению с представителями других национальностей, а в Московском регионе их доля составляет 46%.» [7] Правда, К. Черемисов видит причину чувства унижения русских в наличие большого числа мигрантов, особенно в столичном регионе. Мы полагаем, что дело не столько в численности, сколько, прежде всего, в потакании властей нелегальной их деятельности. Но куда большую роль в формировании нового психологического состояния национального сознания сыграли социальное неравенство, слабая правовая защищенность «простых» россиян (а они — граждане РФ), несправедность судебной системы [3], глухота государства к правомерным требованиям граждан. [1]

В культурной жизни нашей страны мы наблюдаем сегодня, с одной стороны, требования роста, формирования патриотического сознания, не объясняющие гражданам, в чем смысл данного феномена. С другой стороны — проявляются негативные тенденции неверно понимаемого, квасного и ура — патриотизма.

На наш взгляд, все межэтнические конфликты на территории нашей страны свидетельствуют не только о политических ошибках власти, но и том, что неверное понимание патриотизма и внедрение такового в сознание масс граждан еще более опасно для общества и может привести к разрушению российского варианта сообщества людей. Рост агрессии и напряженности в любом обществе выполняет деструктивные функции, разрушая устоявшиеся этнические связи.

Список литературы:

1. Бабченко А. Как меня на Первом учили Родину любить // colta.ru>articles/society/927.
2. Гарин И. О патриотизме <http://www.proza.ru/2012/10/04/859> e.
3. Коваленко А. Странно, что не наградили // <http://www.opentown.org/in/>
4. Левашов В. К. Как живешь, Россия? Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий: [Электронный ресурс] // Независимая газета URL: http://ecsocman.hse.ru/data/152/785/1219/Sotsis_08_06_p67-76.pdf.
5. Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011–2015 годы // rg.ru>oficial/doc/postan_rf/122_1.Shtm.

6. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч Т. 39. — М.: Гос. издательство художественной литературы.- 1956.
7. Черемисов К. Н. Власть недееспособна и опасна для страны//Открытый Город <http://www.opentown.org/in/>

*Pankova Ekaterina Sergeevna,
Kazan Federal University,
postgraduate student, Faculty of Social Philosophy
E-mail: katerin.pankova@gmail.com*

Human “bodies”: social and philosophical approach

Abstract: The given paper is devoted to the research on the matter of the “body” concept in a social-philosophical perspective. The primary features and characteristics of a human being in the context of self-perception and self-representation of one’s personality as a body have been formulated as a result of historical and philosophical analysis carried out, considering the way the issues of “body” are being articulated by philosophers. Apart from this, the concept of a “sublime body” as a certain intellectual equivalent of a material body has been introduced alongside with the mechanism of appearance of a human identification.

Keywords: body, organism, identity, subjectivity.

A body as the object of social philosophy represents an interesting field of research. On the one hand, it has not infrequently happened to be the subject of philosophical surveys, and hence there is a need to systematize these philosophical views. On the other hand, body nowadays presents a topical experiment of a human. An increased interest towards the matter of body is related to a number of reasons. At first, it is a so-called “body cult”, which has already become increasingly widespread and keeps expanding its scope even more, from plastic surgery and bodybuilding to countless “selfies” in social networks. And, at second, the crisis of identity, which is being expressed through a desire to compensate the lack of self-determination and self-actualization with praising and glorification of one’s body.

In the Renaissance body was being considered as a field of various utilitarian actions of a human for the first time. In that period a human first realizes, that he is neither God nor Satan, but something fundamentally different — unique and original. Thus, a need to approve one’s self-dependent existence occurs both at the level of consciousness and the level of corporeality.

For quite a long time the matter of corporeality was exclusively considered within a connection to another concept — the soul. Body and soul were traditionally opposed. Body was normally attributed to a material substratum, whereas soul — to an ideal substance. Such a contrast might be found either in the works of the Greeks (Plato), or the Christian thinkers, or the new European philosophers (Descartes). It is pertinent to note what the specificity of a proper philosophical perception of body is about.

When philosophy dwells on the issue of body, it is not a biological body that is being implied, not a body, consisting of cells and tissues, which might be exposed to X-radiation, but something principally different. Anyway, what a man thinks his body is defies bare biologicization. Human body covers manners, tempers, walk, appearance (or image) — clothing and a hairstyle, i. e. it is totally inscribed in social relations and includes what was originally allotted to the soul only. Even the organs of a body have not so much a natural form, as a mediated form of social. As Karl Marx argues: “It is obvious that the human eye gratifies itself in a way different from the crude, non-human eye; the human ear different from the crude ear, etc.” [6, 121]

The concept of body had been being explicated in the Renaissance epoch, alongside with the concept of subject. What is more, paradoxically, the more apparent was becoming the subject, the lesser obviousness corporeality obtained. The fact of existence of human mind, mentality and soul was undoubtful. If a body as a subbase of a human mentality might have been questioned, the existence of mind was almost immutable. It is worth paying special attention to Cartesian doubt. Descartes makes an attempt to question one’s self and find out the grounds of one’s existence. He carries out a mental experiment, where refuses to recognize one’s corporeality and ideates oneself as an entity, deprived of hands, eyes, flesh and blood, with no feelings. Thus, according to Descartes, excluding everything fallacious and circumstantial, the remaining substances one may face with are mentality and self-perception of one’s body, based not on the feelings, but on “intellectus” instead [9, 76].

As a result, human corporeality was in everyway oppressed, it was being tried to be hidden. However, as Michel Foucault remarks, an enigma, created around human body and its intimacy, “charches” it even more, articulating it, constructing an even bigger “discursive explosion” around it.

Right with the articulation of a body the articulation of human subjectivity took place. Influence on the subject was conducted through the tough repressive body practices. Such institutes, as family, school, hospital, prison were established around the body. To tell the truth, they were necessary namely for taking this body over control. Michel Foucault stresses, that a body of a child has turned out to be a specific instrument of controlling a human, a specific “small coin” [10, 239]. Parents were granted the full rights for a sexual body of a child, but were taken away the body of capabilities, an effective body, that is embodied in the individual labor. Thus, the body was a basement of expanding capitalism.

Karl Marx attributes essential powers of a human to the body. Only a human body guarantees and provides a connection with the subjects, with the Real. Only within the process of activities, while using one’s body freely a man objectifies one’s essential powers, and, thereby, asserts not only the being of the things, but one’s individual being as well. “Thus man is affirmed in the objective world not only in the act of thinking, but with all his senses” [6, 134].

Thus, it might be well to point out that a traditional contrast of body and soul is conditional, in reality there is an inextricable connection between body and soul.

As the analysis of the concept of body carried out above demonstrates, the body is always animate to a certain extent, whether it is a carrier of essential powers or effective capacities — a non-classical view of the body does not share the dichotomy of a dead body and a living soul and ensures our uniqueness and individuality through unique physicality. There is another subdivision, a more meaningful one in the Postmodern — it is a contrast of a body and an organism.

As it seems at first sight, this opposition is defined by the rejection of bioligizing approach to determining the body.

Traditionally, the organism is understood as a biological system, which has a number of properties, distinguishing it from a non-living matter. However, the contrast of a body and an organism is much more complex, what is being testified by an idea of a body with no organs, which is most extensively expressed in Deleuze and Guattari: “the body is the body. It is alone. It has no need of organs” [2, 5].

The idea of a body with no organs was earlier formulated by Nietzsche. He subdivided organs and their specification, i. e. their origination from certain functions. Any organ (either a physiological or a psychological acquired habit) is not a fixed result of a teleologically interpreted (linear) evolution (“an eye is allegedly created for vision, and an arm — for grabbing” [7, 13]), but represents just a random and situational embodiment of a creative potential of the will to power — trial metamorphosis, all amenable to new interpretations. Nietzsche outlines a significant point, which, in principle, has become a basis of the Postmodern interpretations — the organs are not absent, they are unimportant for a holistic body, they do not define it.

According to Deleuze, a distinctive feature of a body with no organs is not a principal absence of organs, but rather a situation of temporality and instability of their presence. A body may contain a countless number of indefinite organs, it is open to variable and situational self-determination and configuration. Thus, it becomes apparent, that an idea of a body without organs correlates with a postmodern idea of indeterminacy. Organism is a system, which is once and for all defined, whereas a body is empty in itself, and, therefore, may happen to be whichever. In comparison with the body, plural and diverse, the organism is treated not as a life, but as a prison of life — a body, finally settled, indicates its death.

Such plasticity, allowing a body with no organs to resist the onslaught of external coercive determinants, is defined by its fundamental non-structuring, amorphous, decentered chaotic state.

Though, body and organism are inextricably connected. One way or the other, the body is organized, and this organization exactly is being exposed to changes and transformations. The organism is determined by machines of desire, i. e. by social production: “but at the very heart of this production, within the very production of this production, the body suffers from being organized this way, from not having another sort of organization, or no organization at all” [2, 5].

The concept of transgressive experience of Georges Bataille acts as a peculiar analogue of the notion of the body without organs. Transgression in itself is about going beyond the boundaries of the actual. G. Bataille underlines, that the human body is totally transgressive, it demands an experience of going beyond things: “transgression — is a state ... caused by desire, demanding peace deeper, richer and more improbable, demanding, in short, the world is sacred” [1, 506]. Not surprisingly, art becomes the form of the implementation of transgres-

sion: poetry, music, dance, painting — as it is only possible to overcome oneself, residing in a state of freedom.

Individual freedom, in Deleuze and Guattari, suggests an exemption from the conditions of the body, from the specificity of the given body organization.

And a considerable level of this sort of freedom had been reached in the modern culture (from bodybuilding and plastics, to a change of sex or skin color). This opens a previously unknown space for experiments on oneself. Having lost the constancy of forms, the body began to change: nowadays the body is no longer a destiny, but a primary raw material in need of production and perfection instead.

Thus the image of a modern material body appears: plastic, derivative, transgressive, chipped. It is an expression of democratic freedom and a special symbolic manifestation of new scientific technologies. Having acquired a special meaning as a bearer of a certain symbolic value, the body had initiated the emergence of new social groups: punks, bikers, nudists, skinheads, transvestites, who seek the approval of their identity through the external attributes and one's body. But apart from such a fragmented material body there is an intangible body of a person as well — a "sublime body". There are three features of this body. Firstly, it is not a body-organ, an organism, but a mental body, i. e., a kind of a mental equivalent of the material body. Secondly, it is exactly a human body, that is what distinguishes a man as a rational being. It is difficult to imagine that an analogue of such a mental operation existed in animals. And, thirdly, this body is the guarantee of the authenticity of the person, it is a certain sense, a meaning, i. e., it determines our attitude towards ourselves, our identity, a fixing of my body as "mine". Such a body is a subjectivity, i. e. a "certain exaggerated" excessive unbalanced fixation or "hardening", which violates the constantly changing balanced stream of life, and can take three forms, in accordance with the triad of the Imaginary, the Symbolic and the Real" [4, 170].

In order to consider the "sublime body", it is necessary to get acquainted with the Lacanian triad 'the Real — the Symbolic — the Imaginary'. Actually, these three realities, according to the researcher, constitute a mental essence of human activity. A more expensive analysis of them was produced by S. Žižek. In "The Plague of fantasy", he describes them as follows: "The real is a "solid" traumatic reality that resists symbolization, the Symbolic (the sphere of language, symbolic structure and communication) and the Imaginary (the sphere of images with which we identify ourselves, and that attract our attention)" [4, 287].

The Real is paradoxical. On the one hand, it is something what explains the situation, it is a fundamental principle, but on the other hand, it is something that does not actually exist, what is being constructed retroactively already after the Symbolic had worked. According to Lacan, "we can not come close to the Real differently (in any terms, not only in the terms of cognitive issues), rather than through the Symbolic" [5, 143]. It means that the Real actually occurs within the process of symbolization. It is, on the one hand, everything, that exists, the fullness of being, but, on the other — the reason, which in itself does not exist, i. e., is always mediated by the Symbolic. That is why there is a kind of a rather skeptical, agnostic attitude towards the Real — even if it exists, it is still not achievable. Therefore, it is much more productive to talk about the Symbolic and the Imaginary, the more so because it is associated with the two instances identifying the subject: the perfect "I" and the Ideal-"I" [3, 216].

The Ideal-"I" is a constitutive, i. e. a symbolic identification of the subject. It is not carried by the subject, but rather imposed on him by various discourses. The belief in the reality of this identification is something what determines the subject. This is the primary identification, which never better typifies a man, it literally becomes his essence. The main feature of symbolization is about crushing the completeness of the Real, it is a division operation, a certain classification, a structure. Something unique and plausible becomes a basis for the division, it is something that could not be possibly imitated, but, nevertheless, everyone emulates it. S. Žižek names it "a mask, which is more consistent one, than the true face is" [4, 239].

The main symbolic identity is a gender identity, i. e., a self-identification with a man or a woman. In this act the person is literally "alienated in the signifier", in that symbolic gender asymmetry that exists from the time of his birth. Hence the idea that sex is a fate, destiny, or, more correctly, an a priori essence of a human.

The perfect "I" is another layer of self-consciousness, it is a constituted, i. e., an imaginary identification. It is created by the subject, freely or by repressions, and relies on a symbolic identification. This is a self-relatedness with the Other, with caution to the Other. One feels that this identification is not real, but temporary, situational. A subject allegedly feels the gap between the Real and the Symbolic, feels alienated and tries to fill this gap by creating a fantasy, a false self-image, which, on the one hand, it is the essence of man, but, on the other hand, creates the position of the subject. There could be a lot of this kind of fantasies and this sort of positions, the subject moves freely

between them. Lacanian assertion that “I am an imaginary construction” [5, 348] becomes clear. I am a holistic just because of a fantasy, a mask, which I am trying on at a given moment of time. We can distinguish several types of imaginary identification: reproduction of the Symbolic and frustration of the Symbolic. Reproduction of the Symbolic is the most common type of identification, in which the person reproduces, ultimately, the models acceptable to society. Frustration of the Symbolic, i. e. a kind of refusal to accept social norms can manifest itself in two forms: in the form of partial failure, i. e., in reproducing the abnormal forms of the Symbolic or in the form of a complete refusal to accept the Symbolic. Abnormal forms of the Symbolic are the so-called forms of social deviations, such as homosexuality, transsexualism, lesbian identity, etc., i. e., anything that is at least being marked as the patterns of abnormal behavior. Refusal to accept the Symbolic has a pathological nature, destroying not only the social system, but, predominantly, a person. Examples of the refusal of the Symbolic are schizophrenia, dissociative personality disorder, paranoia, etc.

The integrity of our “I” is not something stable, a priori and real. In line with the psychoanalytic tradition one may talk about an imaginary “I”, the “I” as a kind of function that allows to translate the Symbolic in ourselves.

“The sublime body” is a metaphysical integrity of the subject, that ensures the integrity of the psychophysical perception of oneself; it is something what confronts our real fractious body. Zizek, developing and analyzing the concept of the “Sublime Object of Ideology” comes to the conclusion that we are basically “inside”, and symbolizing the reality is our natural perception of the world [4, 20]. Thus, transferring these findings to the idea of “the sublime body” of a subject, we can speak of a natural need to perceive oneself as a single construct of “I”, which has a symbolic or imaginary nature rather than a real one. The formation of subjectivity is associated with the development of individual sublime corporeality — that’s the conclusion that can be formulated within this study. This is the process that occurs during the Renaissance, goes through a long phase of development in the Modern, and which completion (or crisis) might be observed in the Postmodern. A. Y. Sogomnov and P. Y. Uvarov clearly fix the time of its occurrence, linking this process with the birth of the “social”. In the Middle Ages the main factor in maintaining the balance was a “single mystical body” [8, 148], which was implemented by Christianity and which gave a sense of complicity of one person to another. The loss of confessional unity leads to a “shock of anti-corporatization” [8, 153] and to what would later

be recognized as the European individualism. And in spite of the fact that the analogues of a “single mystical body” can be traced in the present as well: for example, “the body of the crowd” — the mass consciousness, the adaptation to mass, the lack of uniqueness and reference, yet it is a temporary condition and an unidentified man is not aware of one’s presence in the mass (having once realized, one drops out of the mass, becoming an individual). The condition of formation of a sublime body is the fragmentation of the real one.

Despite the fact that it is practically impossible to label this “real body” (either we primitively keep to biologicization or reduce the concept of body to the organism) we i. e. every man, yet feel the gap between this unarticulated reality and articulated identification. Trying to have this gap filled, a person creates the imaginary identifications. This does not mean that they are a game of his imagination, a phantasm (although in general, this is exactly the case); to some extent, they are even more real for him than anything else existing.

S. Zizek, analyzing the subject, gives the following definition of him: “the subject is a kind of inner richness of meanings, always exceeding their symbolic articulation. This excess signification masks a fundamental scarcity” [3, 177]. A subject is this scarcity himself, he is the eternal search of meaning, which would bring him closer to the Real, which, in turn, would become “his own”. The failure of his representation is introduced by two identifications: a symbolic one and an imaginary one. The failure of his representation is a growing alienation from the Real. The failure of his representation is a condition of his development as the “I”.

To summarize, the main findings of a study on the nature and status of the human body can be defined in several points:

- 1) The human body, beginning from the Renaissance, causes rapid interest to itself as an object of studies and manipulating. This interest is related to the utility of the body, to its ability to be a carrier of some effective means and intrinsic forces, some data that can on the one hand be used by a human, and on the other — to the possibility of its free changing and generating: a body is transgressive and, unlike the organs, is free in terms of its self-determination;

- 2) The existence of human corporeality can be defined in two modalities: the material body and the “sublime” body. The material body is plastic, derivative, transgressive, fragmented. In the course of life, it subjects to many changes initiated by the person and it is an expression of democratic freedom and a special symbolic

manifestation of new scientific technologies. The "Sublime" body is the mental body of a man, it is something, what provides the holistic perception of the human by himself. These two modalities are related, but not identical to each other. The growing gap between the material and the sublime body of the subject leads to the need of filling it by creating a self-identity;

3) The identity of the person can be considered in terms of a symbolic identification and an imaginary identification. The symbolic identification is an identity imposed on by the society, i. e., this is a kind of self-deter-

mination, in which a human being is not a priori free. It is very closely connected with the material body. This, for example, is a sexual self-determination. The imaginary identification is the identity constructed by the subject himself, i. e., his attempt to reverse the symbolic identification, adjusting it for himself. This is something what provides a person with the social and psychological well-being in society. We can say that this second level of identification is more realistic for a person, being closer to his essence and that is why in the modern world it tends to be so important for him.

Reference:

1. Батай Ж. Ненависть к поэзии: Романы и повести. Проклятая часть/Ж. Батай – М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
2. Делез Ж. Анти-Эдип. Капитализм и Шизофрения/Ж. Делез, Ф. Гваттари – М.: У-Фактория, 2007.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. Жижек С. Чума фантазий/Пер. с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2014.
4. Лакан Ж. 'Я' в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). Пер. с фр./Перевод А. Черноглазова. – М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос». 1999.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года./К. Маркс и Ф. Энгельс//Соч., т. 42.
6. Ницше Ф. Генеалогия морали/Ф. Ницше//Сочинения в 2-х томах, том 2, издательство «Мысль», Москва 1990.
7. Согомонов А. Парадоксы вывихнутого времени, или как возникло социальное/А. Ю. Согомонов, П. Ю. Уваров//«Конструирование социального. Европа V–XVI вв.» – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет./Пер. с фр. – М., Кастель, 1996.
9. Фуко М. Пылающий разум/Юнг К. Г., Фуко М.//Матрица безумия (философский поединок). – М.: Алгоритм, 2013.

Section 13. Economics and management

*Arefiev Sergey Olegovich,
Ph.D. in Economics, doctoral condidate
of National Aviation University, (Kiev, Ukraine)
E-mail: alexeydrozd@i.ua*

Competence-intellectual enterprise restructuring

Abstract: The article reveals the essence, purpose, meaning competence-intellectual enterprise restructuring

Keywords: competence-intelligent restructuring, enterprise, marketing, logistics, management competence.

*Арефьев Сергей Олегович,
кандидат экономических наук, докторант Национального
авиационного университета (г. Киев, Украина)
E-mail: alexeydrozd@i.ua*

Компетентностно-интеллектуальная реструктуризация предприятия

Аннотация: В статье раскрыта суть, цель, значение компетентностно-интеллектуальной реструктуризации предприятия

Ключевые слова: компетентностно-интеллектуальная реструктуризация, предприятие, маркетинг, логистика, управленческие компетенции.

Усиление конкурентных позиций на рынке определяется уровнем организации и усовершенствования системы управления, а также существенно зависит от качества принимаемых решений. Экономика знаний обуславливает необходимость учета в своей деятельности всех субъектов хозяйствования уровня компетенции работников, что способствует развитию их имиджа. Обмен знаниями при развитии управленческих компетенций позволяет использовать возможности внутренней и внешней среды, снизить возможные риски, вовремя совершенствовать технологию производства и труда, создать устойчивые конкурентные преимущества.

Цель статьи состоит в обосновании концептуального подхода к формированию компетентностно-интеллектуальной реструктуризации предприятия на основе развития системы управленческих компетенций, которые являются относительно самостоятельным фактором экономического развития.

Развитие предприятия требует осуществления постоянных изменений, как в сферах его деятельности, так и в использовании имеющегося внутреннего и внешнего потенциала. Это отображается в соответствующих его потребностях, которые автор на основе метода иерархии представил в виде пирамиды, где

каждая потребность отображается определенным типом реструктуризации. Их выделено семь, а именно: само идентификационная, компетентностно-интеллектуальная, капиталово-имущественная, корпоративно-организационная, логистическая, маркетинговая, ресурсно-технологическая. Концентрируясь только на осуществлении превращений с внедрением разного рода нововведений, зачастую предусматривают использование стратегической формы реструктуризации, в том, оперативная реструктуризация позволяет создавать более приемлемые условия для формулировки стратегии и разработки стратегического плана ее проведения.

Развитие предприятий всегда обусловлено определенным этапом развития всех составляющих элементов его функционирования. При этом условия внешней среды, влияние факторов, как негативных так и позитивных, вносят свои коррективы в развитие и эффективное функционирование предприятия на рынке. Для противодействия кризисным явлениям, учитывая уровень развития предприятия, применяется реструктуризация. Условно субъекты хозяйственной деятельности можно разделить на три группы, к первой отнести те, которые находятся в кризисном положении, вторая это те, которые преодолели кри-

зисное состояние вышли на стабильное функционирование и развитие, и третья группа это предприятия занятые в большей степени имиджем и пересмотром миссии.

Компетентностно-интеллектуальная реструктуризация включает многостадийный процесс, который основывается на ретрансляции знаний и компетенций работников предприятия в продукты, технологии. Именно способность к движению знаний и их интеграционные свойства позволяют накапливать человеческий капитал индивидуума и интеллектуальный капитал предприятия, повысить его интеллектуальный потенциал. Характерной чертой данного типа реструктуризации является наличие предпринимательской инициативы, которое играет особую роль в экономическом росте предприятия, становится источником глубоких структурных сдвигов в деятельности предприятия, его проактивной хозяйственной поведенью в рыночных отношениях, предоставляет динамизму в прогрессивных преобразованиях. [1, с. 113].

Реализация каждого из обоснованных типов реструктуризации требует принятия управленческих решений, которые должны опираться на специфическую комплекс знаний как профессионально ориентированную, так и общую, предполагающую ориентацию в иерархической организационной системе предприятия. Это позволяет для каждого управленческого уровня выделить собственные компетенции, которые обеспечивают формирование или усиление конкурентных преимуществ предприятия в целом.

В процессе удовлетворения потребностей и реализации выбранных типов реструктуризации возможно изменение в наборе функций управления и адаптация соответствующих сфер деятельности предприятий при этом основные управленческие функции могут быть откорректированы с учетом специфических компетенций. Этот процесс должен основываться на целях и задачах стратегических преобразований, установление исполнителей и ответственных, способных динамично осваивать управленческие знания, создание инфраструктуры развития ключевых компетенций и системы мотивации.

С точки зрения иерархического построения пирамиды типов реструктуризации компетентностно-интеллектуальная выделяется через основную потребность — имидж. Рассмотрение имиджа в широком понимании можно свести до одного понятия, что это искусство «управлять впечатлением». Построение имиджа предприятия можно свести к основным ка-

тегориальным обозначениям: восприятие на рынке, как потребителем, так и поставщиками, инвесторами и т. д., выстраиваемая линия позиционирования торговых марок, атака сознания через сотрудников и т. д. Основной проблемой реструктуризационных преобразований в отношении имиджа выступает временной отклик вложенных затрат и усилий. Поэтому при проведении компетентностно-интеллектуальной реструктуризации основными целями для достижения должны выступать инвестиционная привлекательность, деловая репутация, компетенции мотивации. Именно такая система позиционирования потребностей свойственна предприятиям которые использовали маркетинговую реструктуризацию, второй уровень пирамиды, и уже достигли положительных изменений в потребностях связанных с товарами и услугами.

Отличительными особенностями создания потенциала реализуемой реструктуризации можно назвать реконфигурацию имеющихся компетенций в такие, которые будут необходимы при управлении измененной структурой технологии, организации, стратегии, в будущей деятельности предприятия, основанной на интенсивном обмене знаниями и установлении непосредственных контактов персонала; переносе индивидуальной компетенции на внутри-корпоративный уровень; конвертацию динамической ключевой компетенции в устойчивое конкурентное преимущество.

Осуществление интеграции и реконфигурации компетенций возможно на основе оценки рабочей компетенции на предприятии, которая включает шесть основных этапов:

I этап — определение критериев эффективности выполнения (предусматривает установление таких показателей, как объемы продажи, прибыль, единицы измерения производительности; назначение руководителя; рейтинги коллег; рейтинги подчиненных; рейтинги клиентов);

II этап — создание критериальной выборки (определение наилучших исполнителей; определение «средних» исполнителей и иногда — минимально допустимого уровня выполнения);

III этап — сбор данных с помощью интервью примеров поведения, применения метода 360 градусов, создание базы данных экспертной системы, наблюдений;

IV этап — определения рабочих заданий и требований к рабочим компетенциям (элементы работы, которую должно выполнять лицо; характеристики

лиц, которые выполняют работу отлично, — установление “модели компетенций”);

V этап — валидизация модели компетенций (формирование второй критериальной выборки);

VI этап — разработка дополнений (отбор, тренинг, профессиональное развитие, оценка (аттестация) эффективности, планирования следующей, оценка программ учебы и профессионального развития. [2, с. 184].

Основной проблемой проведения компетентностно-интеллектуальной реструктуризации предприятия выступает система анализа и определения эффективности изменений для последующего контроля и регулирования преобразований. Поскольку основными индикаторами удачного проведения данного вида реструктуризации выступают: инвестиционная привлекательность, деловая репутация, позитивный имидж и увеличение размеров гудвила, то показателями можно считать рентабельность товаров и услуг, рентабельность собственного капитала, инвестиционные вливания. Таким образом, учитывая, что при проведении капиталово-имущественной реструктуризации была достигнута финансовая автономия, то инструментальными средствами анализа уровня удовлетворенности преобразованиями следует использовать во-первых: анализ размаха значений коэффициентов асимметрии, а именно отклонения от максимально возможного уровня, а во-вторых: метод главных компонент, а именно максимальную факторную нагрузку (вклад в общую дисперсию).

Данный процесс, в соединении с диагностикой потребностей, позволит определить компетенции по степени важности от низкой, средней до высокой. Это будет способствовать сконцентрировать финансовые и управленческие ресурсы на развитии тех, которые имеют высокую стратегическую важность и возможность использования в новой бизнес-среде.

Вывод. Важной частью достижения самоидентификационного типа реструктуризации выступает достижение шестого уровня пирамиды типов реструктуризации по потребностям, а именно компетентностно-интеллектуальной. Она основана на потребности предприятия создавать и поддерживать свой имидж, который является репутацией, опытом, пониманием, характеристикой, впечатлением, мнением. Его создание и поддержание на выбранном уровне опирается на технику и технологию производимого продукта, качество системы управления и организации бизнес-процессов и управление качеством, конкурентное преимущество и компетенции работников. Поэтому, компетентностно-интеллектуальная реструктуризация включает многостадийный процесс, который основывается на ретрансляции знаний и компетенций работников предприятия в продукты, технологи. Управление динамикой компетенций позволяет интегрировать индивидуальные и коллективные, внешние и внутренние компетенции для осуществления преобразований в стратегическом и тактическом аспектах деятельности предприятий.

Список литературы:

1. Арефьев С. О. Генезис основних напрямків реструктуризації підприємств//Формування ринкових відносин в Україні. – 2014. – № 10 (161). – С. 109–114.
2. Дмитренко Г. А. Мотивация и оценка персонала: Учеб. пособие/Г. А. Дмитренко, Е. А. Шарапатова, Т. М. Максименко. – К.: МАУП, 2002. – 248 с.

*Barida Nadezhda Petrovna,
Kyiv National Economic University
named after Vadym Hetman, Banking Department
E-mail: Nbarida@ukr.net*

The influence of the monetary policy's transmission mechanism on the effectiveness of money issue and development of the economy

Abstract: This article examines the influence of the transmission mechanism of the monetary policy on the effectiveness of money issue and stimulated development of the economy.

Keywords: transmission mechanism of monetary policy, mechanism of money issue, channels of money issue.

Барида Надежда Петровна,
Киевский национальный экономический
университет имени Вадима Гетьмана, кафедра банковского дела
E-mail: Nbarida@ukr.net

Влияние трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики на эффективность денежной эмиссии и развитие экономики

Аннотация: В статье рассматривается влияние трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики на эффективность денежной эмиссии и стимулирование развития экономики.

Ключевые слова: трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики, механизм денежной эмиссии, каналы денежной эмиссии.

Ключевое значение в повышении эффективности влияния денежной эмиссии на социально-экономическое развитие страны имеет работоспособность трансмиссионного механизма, под которым понимают процесс воздействия изменений в методах и инструментах монетарной политики центрального банка на состояние денежного рынка, а затем через изменение его конъюнктуры — на макроэкономические показатели и экономическую активность субъектов хозяйствования.

Центральные банки развитых и развивающихся стран, применяя инструменты денежно-кредитного регулирования, учитывают особенности функционирования каналов трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики (далее — ТММ) в национальной экономике, есть такие особенности и в Украине. В частности, Национальный Банк Украины планирует в ближайшее время перейти к режиму таргетирования инфляции. В свете этих тенденций необходима активизация научно-методической работы в данном направлении, поскольку предполагается задействование монетарных механизмов, которые ранее активно не использовались.

В целом разработка темы ТММ в отечественной литературе не достаточно развита. Среди известных ученых, которые уделили определенное внимание данной теме можно отметить: С.М. Аржевитин, В.И. Мищенко, О.В. Дзюблюк, М.И. Савлук, А.В. Сомык и др. Среди российских ученых: С.Р. Моисеев, И.С. Иванченко, С.А. Андрюшин и др. В то же время существует огромное количество исследований в зарубежной литературе, в том числе и со стороны очень авторитетных экономистов, таких как F. Mishkin, B. Bernanke, J. Taylor, M. Gertler, S. Cecchetti, M. Friedman, J. Stiglitz. и другие.

Важность данной проблемы для Украины, недостаточный уровень ее теоретической разработки и растущая практическая значимость определили актуальность теми исследования.

Эмиссия денег осуществляется через валютный, фондовый и кредитный каналы и обеспечивается получением центральным банком эквивалентного объема иностранной валюты или ликвидных финансовых инструментов. В случае необходимости, через эти же каналы происходит и изъятие денег из обращения.

Через валютный канал деньги выпускаются (изымаются) на основе осуществления центральным банком операций по покупке (продаже) иностранной валюты на межбанковском рынке. Через фондовый канал деньги выпускаются (изымаются) на основе осуществления центральным банком операций по покупке (продаже) на открытом рынке государственных ценных бумаг. Через кредитный канал деньги выпускаются (изымаются) путем осуществления центральным банком операций по поддержке ликвидности банков на основе механизма рефинансирования [1, с. 168]. Поэтому в данном случае объем эмиссии денег можно принять равным приросту денежной базы, а не денежных агрегатов. Фактически денежная база представляет собой деньги, эмитированные центральным банком на текущий момент времени.

В соответствии с современными подходами в механизме монетарной трансмиссии выделяют денежный, кредитный, процентный и валютный (обменного курса) каналы, которые находятся под непосредственным влиянием или контролем центральных банков, а также канал изменения цен активов и канал ожиданий, которые практически слабо контролируются центральными банками [5, 235].

Каналы трансмиссионного механизма описывают экономические процессы, начиная от заявлений о принятых решениях монетарными властями и вплоть до определенных механизмов взаимного воздействия друг на друга импульсов ДКП и реального сектора экономики. Таким образом, учитывается и обратная реакция монетарных властей на переменные, отражающие ситуацию в реальном секторе

экономики после проведения мероприятий в области денежно-кредитной политики. Передаточные механизмы каналов трансмиссионного механизма представляют собой цепочки макроэкономических переменных, которые транслируют изменения в денежно-кредитной политике, и зависят от условий, в которых они были проведены, определенных особенностей национальной экономики, финансовой системы и методов проведения денежно-кредитного регулирования.

С точки зрения оценки влияния денежной эмиссии на экономический рост наибольшее значение имеют денежный, кредитный, процентный и валютный каналы, то есть те каналы трансмиссионного механизма, на основании действия которых осуществляется денежная эмиссия. Однако в разные периоды экономического развития страны роль и уровень использования этих каналов могут существенно различаться, потому что уровень работоспособности отдельных каналов трансмиссионного механизма разная. В докризисный период основную роль в трансмиссионном механизме играли валютный и кредитный каналы, а также канал цен активов. На сегодняшний день наиболее существенное влияние на реальный сектор экономики оказывают денежный и кредитный каналы.

В разных странах в зависимости от уровня экономического развития, состояния финансовой и банковской систем, характера проводимой денежно-кредитной политики, а также в зависимости от ситуации на денежном рынке структура каналов эмиссии денег отличается. Так, в периоды устойчивого превышения предложения иностранной валюты над спросом в структуре эмиссии денег преобладает валютный канал. В условиях недостатка иностранной валюты более широко используется кредитный канал, а в условиях значительного дефицита государственного бюджета — фондовый канал. Например, в Украине в 2005 г. удельный вес валютного канала в структуре чистой кредитной денежной эмиссии составлял 82%, в 2006 г. — 63%, а в 2007 г. — 94%, тогда как удельный вес кредитного канала в этот период колебался в пределах 6–36% [6].

Однако такая структура не является оптимальной, поскольку не позволяет обеспечить эффективное функционирование денежного рынка. В экономически развитых странах преобладающим каналом эмиссии денег является кредитный канал (канал рефинансирования). В период финансового кризиса, начиная с октября 2008 г., в результате проведения валютных

интервенций, валютный канал стал источником изъятия денег из обращения. Поэтому Национальный банк Украины увеличил объемы программ поддержки ликвидности банков, что привело к повышению в 2014 г. в структуре эмиссии удельного веса кредитного канала до 48%, тогда как удельный вес валютного канала составил всего 18% [6].

Во время активности кредитного канала, основная часть денег создается при расширении кредитования коммерческих банков за счет увеличения их депозитной основы. Кредитная система государства имеет возможность создавать и изымать из обращения безналичные деньги, тем самым реализуя фундаментальное свойство сокращения или расширения депозитов, т. е. безналичных платежных средств посредством как производя многократные сокращения депозитов при уменьшении свободных резервов, так и за счет многократного увеличения вновь появляющихся непосредственно в обществе свободных резервов.

Этот процесс получил название выпуска денег в хозяйственный оборот или депозитной эмиссии при помощи создания безналичных платежных средств. Денежные средства на клиентских счетах в банках отражают записи остатков оборотов на основе безналичных расчетов. Банки, предоставляя кредиты, открывают клиентам счета на суммы выданных кредитов, формируя тем самым долговые требования. Банки фактически превращают в платежные средства долговые требования к своим клиентам. Этот процесс зависит от состояния спроса на деньги, величины свободных резервов кредитных организаций, ликвидности банков и других факторов.

Наряду с иными мерами госрегулирования монетарной сферы, эмиссия национальной валюты должна обеспечивать условия для роста занятости населения и в целом экономического роста на основе развития эффективного механизма товарно-денежных, денежно-кредитных и финансовых отношений, расширенного производства товаров и услуг. При этом денежная эмиссия должна осуществляться с учетом ряда внешних и внутренних факторов: объем ВВП и темпы экономического роста, состояние платежного баланса страны, уровень развития и структура финансового рынка, банковской и кредитной систем, соотношение безналичного и наличного денежных оборотов, скорость оборота денег, цели денежно-кредитной, валютной и финансовой политик государства, и т. д.

В свою очередь, состояние экономики во многом определяется оптимальностью эмиссионного механизма, на который влияют макро- и микроэкономиче-

ские, внутренние и внешние, объективные и субъективные факторы и эффективностью ТММ. Определение оптимального объема денежной эмиссии — достаточно сложная задача в условиях низкой эффективности ТММ.

Именно долговой характер современных платежных средств, а также рост доли платежных средств, выполняющих отдельные функции денег и эмитируемых на основе развития финансовых отношений, приводит к тому, что суммарный объем эмитированных денежных средств может превосходить и значительно превосходит суммарный объем созданного в обществе продукта (ВВП). Все это ставит сегодня по-новому вопрос об оптимальности денежной эмиссии, влиянии ее механизмов на экономический рост и значении ТММ в эффективности эмиссионного регулирования социально-экономического развития страны.

Основные причины низкой эффективности ТММ в странах с развивающимися экономиками вызваны такими особенностями:

Во-первых, в странах с развивающимися экономиками (emerging markets), к которым относится и Украина, неразвитость рыночных институтов, достаточно большое участие государства в экономических процессах, высокий уровень монополизации экономики

и другие особенности переходного периода вносят значимое воздействие на результат влияния ТММ на макроэкономические показатели и эффективность эмиссионного механизма. Это серьезно осложняет проблему работоспособности каналов ТММ.

Во-вторых, согласно экспертным оценкам развивающиеся экономики обладают достаточно большим теневым сектором экономики, который сказывается практически на всех реальных макроэкономических показателях. Присутствие теневого сектора также необходимо учитывать при анализе работы ТММ, что крайне затруднительно. Например, по оценке Всемирного Банка в Украине доля теневого сектора экономики составляет 44,6%.

Из этого следует, что анализ функционирования ТММ в развивающихся экономиках, в том числе и в Украине — это задача отнюдь не тривиальная и не может быть решена путем копирования моделей стран с развитой рыночной экономикой. Попытка выделить определенные каналы воздействия является вынужденным упрощением исключительно сложной экономической действительности и обусловлена необходимостью абстрагироваться от слишком большого количества условий, оказывающих влияние на функционирование ТММ.

Список литературы:

1. Вулфел Чарльз Дж. Энциклопедия банковского дела и финансов/Чарльз Дж. Вулфел. — Самара: Корпорация «Федоров», 2000. — 1583 с.
2. Габбард Р. Глен. Деньги, финансовая система и экономика: Учебник/Габбард Р. Глен [пер. с англ; науч. ред. пер. М. Савлук, Д. Олесевич]. — К.: КНЕУ, 2004. — 889 с.
3. Миллер Р.Л. Современные деньги и банковское дело/Пер. с англ./Р.Л. Миллер, Д.Д. Ван-Хауз. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 856 с.
4. Мишкин Фредерик С. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков = The Economics of Money, Banking and financial market/Фредерик С. Мишкин. — 7-е изд. — М.: «Вильямс», 2006. — 880 с.
5. Моисеев С.Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика: учеб. пособие/С.Р. Моисеев. — М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011. — 784 с.
6. <http://www.bank.gov.ua>

*Buryak Oleh Petrovich, Lviv Academy of Commerce
PhD, Researcher of the Department of Economic Theory, the Faculty of Economic
E-mail: Ks770@inbox.ru*

Experience of anticrisis state administration of foreign countries and possibility of his adaptation is to Ukrainian terms

Abstract: Experience of anticrisis state administration of foreign countries and possibility of his adaptation is examined to the Ukrainian terms. A conclusion is done that for overcoming of consequences of financial crisis, it is necessary to study international experience of the financial systems and experience of anticrisis management

of foreign countries Ukraine, in fact he can be used for development of measures for the economic stabilizing in Ukraine.

Keyword: anticrisis state administration, economic crisis, economic situation, financial system, economic stabilizing.

*Буряк Олег Петрович,
Львовская коммерческая академия
к. э. н., соискатель кафедры экономической теории,
экономический факультет
E-mail: Ks770@inbox.ru*

Опыт антикризисного государственного управления зарубежных стран и возможность его адаптации к украинским условиям

Аннотация: Рассматривается опыт антикризисного государственного управления зарубежных стран и возможность его адаптации к украинским условиям. Сделан вывод о том, что для преодоления последствий финансового кризиса, Украине необходимо изучать международный опыт финансовых систем и опыт антикризисного менеджмента зарубежных стран, ведь он может быть использован при разработке мероприятий для экономической стабилизации в Украине.

Ключевые слова: антикризисное государственное управление, экономический кризис, экономическая ситуация, финансовая система, экономическая стабилизация.

Проблема антикризисного государственного управления национальной экономикой приобретает особую актуальность, поскольку в современных условиях финансовой глобализации происходят процессы, которые сопровождаются усилением нестабильности на финансовом рынке в результате разворачивания мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Анализ опыта антикризисного управления в США в данном контексте играет важное значение для разработки национальных направлений антикризисной политики, направленных на минимизацию негативного влияния финансового кризиса и восстановления экономики Украины. Это объясняется тем, что именно с США начался финансовый кризис, а именно с ипотечного рынка. Кризисные явления впоследствии приобрели характер глобального экономического кризиса и быстро распространились на Европу. Сначала кризис вылился в кризис ликвидности, а затем поразила и реальный сектор экономики.

Как известно, США занимают значительное место в мировой экономике, поскольку эта страна является крупнейшим импортером продукции и крупнейшим кредитором. Также США является одной из самых развитых стран мира.

Что касается антикризисной программы США, то, по мнению А. Барановского [1], ее ключевым элементом стал комплекс мер, направленных на стабилизацию ситуации на финансовых рынках.

В свою очередь И. В. Бураковский [2] отмечает, что первоочередной антикризисной мерой в финан-

совой сфере стало снижение центральными банками учетной ставки, а предоставление помощи финансовому сектору базировалось на принципах срочности и защиты интересов налогоплательщиков.

Стоит отметить и то, что в период пика финансового кризиса (2008 г.) правительством США был подписан Чрезвычайный акт экономической стабилизации. Основной целью данного акта является стабилизация и восстановление финансовой системы, а также поддержка потока кредитов, необходимых для экономического роста [4].

Также в рамках Чрезвычайного акта экономической стабилизации приняты следующие программы, способствующие экономической стабилизации, а именно: Программу избавления от проблемных активов, по которой предусматривалось создание фонда в сумме 700 млрд. долл. США, средства которого направлялись на выкуп проблемных активов финансовых учреждений. Отметим, что общая сумма финансовой помощи банкам, по данным Министерства финансов США, составила 8500 млрд. долл. США [8]; Программу «Доступное жилье»; Программу Потребительского и предпринимательского кредитования — стимулирование вторичных кредитных рынков; Программу государственно-частного инвестирования и Программу финансирования автомобильной отрасли [5].

В стране также были приняты меры, направленные на вхождение государства в управление кредитными организациями, а программа стресс-тестов

определяла антикризисный потенциал 19 крупнейших банков США [6].

В следующем, 2009 г., было принято еще ряд законодательных актов, которые бы способствовали экономической стабилизации. Был принят План по стимулированию национальной экономики в размере 787 млрд. долл. США. Согласно данному проекту осуществлялась реализация проектов в сфере развития инфраструктуры, здравоохранения, образования, энергетики и помощи безработным [10].

В соответствии с Законом об увеличении пособия по безработице были введены налоговые стимулы для трудоустройства и увеличения периода оказания помощи безработным и увеличение ее размера. Осуществлялась поддержка малого и среднего бизнеса как источника восстановления экономической активности и инструмента смягчения последствий безработицы [1].

Что касается долгосрочных антикризисных мер, то в США осуществлялась поддержка увеличения инвестиций в новые технологии, разработки и исследования. По мнению И. В. Бураковского [2], при таких условиях особое внимание уделяется вопросам энергоэффективности и защиты окружающей среды.

Стоит согласиться с точечной зрения Я. А. Жалило [3] того, что используя опыт США, приоритетной задачей антикризисной политики Украины стать следующие:

- комплексная поддержка потребительского спроса;
- поощрение инвестиционной деятельности;
- обеспечение стабильности банковского сектора и восстановления надлежащего уровня кредитной активности;
- поддержка восстановления экспортной активности, которое заключается в возвращении позиций на внешних рынках;
- рост уровня занятости как ключевая предпосылка роста динамики доходов населения, а следовательно — расширение потребительского спроса [3].

По нашему мнению следует рассмотреть также и опыт Германии выхода из экономического кризиса.

Экспортно-ориентированной экономике Федеративной Республики Германия был нанесен значительный ущерб, о чем в первую очередь свидетельствует сокращение валового внутреннего продукта страны. Проблемы возникли и в осуществлении программ экономического и социального развития. Также пошатнулась финансовая стабильность страны, и оказался под угрозой вопросы обеспечения занятости населения.

Федеральное Правительство Германии в 2008 г. определило важнейшие направления укрепления страны и вывода ее из кризиса [6]. План подъема экономики ориентировался на достижение трех целей, а именно: во-первых — восстановление доверия к финансовой системе; во-вторых — гарантирования банковских вкладов населения; в-третьих — предоставление защиты социальном рыночном хозяйству.

Приоритетным направлением в ФРГ было избрано комплекс мер по преодолению финансово-экономического кризиса. Прежде Федеральное Правительство предоставило гарантии для всех сберегательных вкладов. Соответственно такими действиями были укреплены доверие граждан страны как вкладчиков к безопасности их сбережений во время кризиса.

Целесообразно отметить, что реализация антикризисной модели начались с принятием соответствующих нормативных документов федерального уровня, а именно: в 2008 г. был принят закон ФРГ «О Фонде стабилизации финансового рынка» [12], принят федеральный Закон «До изменения налогового-правового регулирования пакета мер «Обеспечение занятости усиления экономического роста» [9].

Отметим и то, что антикризисные меры экономического и финансового влияния сосредоточены в двух направлениях: во-первых — преодоление финансово-экономического кризиса а, во-вторых, развитие международного партнерства на мировом уровне.

В Германии через систему мер правительства в банковской сфере было восстановлено доверие внутри финансовой системы, созданы предпосылки для налаживания взаимоотношений между банками и снижена финансовая нагрузка на экономику Германии. Финансовым институтам было предложено гарантии, обеспечена поддержка собственного капитала, в том числе с учетом позиций риска. Для предоставления заявителям помощи через специально созданный Фонд стабилизации финансового рынка было выделено более 480 млрд. евро [6]. Данный фонд контролируется Федеральным министерством финансов Германии, а его создание значительной степени успокоила немецкий финансовый рынок.

Одно из основных мест в рамках реализации антикризисной программы, отводится принятым в ФРГ «Конъюнктурного пакета — I» и «Конъюнктурного пакета — II». Этими документами предусмотрено финансовое обеспечение комплекса мер по преодолению кризисных проявлений и их негативных последствий.

«Конъюнктурный пакет — II» нацелен на: снижение для граждан налогов, обязательных платежей и финансовой нагрузки; поддержку кредитных программ и программ поручительства, гарантий для предприятий и мероприятий, направленных на сохранение рабочих мест; поддержку инвестиционных программ по ускорению и увеличению инвестирования.

В свою очередь «Конъюнктурным пакетом — II» Федеральное Правительство Германии предусмотрело выделить на поддержку и финансовое обеспечение антикризисных мер почти 50 млрд. евро [11].

Итак, проанализировав немецкий антикризисную модель, можно сделать вывод о том, что главными чертами немецкой антикризисной модели является усиление роли государства в регулировании рыночных отношений, вмешательство в экономику за счет государственного бюджета и поддержка малого и среднего бизнеса.

Отметим и то, что немецкая экономика первой вышла из кризиса, а финансово-хозяйственные результаты ФРГ [7] свидетельствуют об эффективности и обоснованность выбранной модели вывода страны из кризиса.

По нашему мнению опыт Германии целесообразно учесть при разработке мер выхода из финансово-экономического кризиса в Украине.

Также рассмотрим опыт Франции по урегулированию экономической ситуации. Отметим, что во Франции на достаточно высоком уровне сохранилось государственное регулирование экономики.

Во Франции несмотря на возражения со стороны других участников Европейского Союза, с 2008 г. проводится крупномасштабная поддержка промышленности страны. Основная финансовая помощь государства в форме межбюджетных трансфертов, льгот-

ных кредитов, государственных банковских гарантий и политики стимулирования продаж за счет бюджетных субсидий сконцентрировалась на приоритетных отраслях экономики, а именно: авиастроении и автомобильной промышленности.

За счет бюджета Франция фактически погасила долги наиболее важных для экономики предприятий, включая налоговые долги. Францией также были приняты антикризисные меры и в сфере налогового регулирования и социального обеспечения населения страны.

Изменений в экономике в связи с мировым финансовым кризисом претерпела и экономическая политика Великобритании. В связи с такой ситуацией в Великобритании предоставлялась значительная помощь в первую очередь финансовому сектору, поскольку он является приоритетным для английской экономики. Государственная помощь крупнейшим британским банкам в условиях финансового кризиса по данным Национального статистического управления Великобритании превысила 1,4 трлн. долл.

Указанная помощь включила в себя:

- рекапитализацию ряда крупных банков;
- масштабное кредитование Банком Англии банковского сектора;
- введение системы государственного страхования займов.

Налоговое регулирование и стимулирование развития промышленного сектора также следует отметить среди антикризисных мер Великобритании.

Подводя итог, отметим, что для преодоления последствий финансового кризиса, Украине необходимо изучать международный опыт финансовых систем и опыт антикризисного менеджмента зарубежных стран, ведь он может быть использован при разработке мер по экономической стабилизации в Украине.

Список литературы:

1. Барановский А. Антикризисные меры правительств и центральных банков зарубежных стран/А. Барановский//Вестник Национального банка Украины. – 2009. – № 4. – С. 8–19.
2. Бураковский И. В. Глобальный финансовый кризис: уроки для мира и Украины/И. В. Бураковский, А. В. Плотников. – Х.: Фолио, 2009. – 302 с.
3. Жалило Я. А. Реалии экономического кризиса: есть ли основания для оптимизма?/Я. А. Жалило. – Доступно с: <http://www.niss.gov.ua>.
4. Официальный сайт Комитета США по вопросам банковской системы, жилищного строительства и городского управления <http://www.banking.senate.gov>.
5. Официальный сайт Министерства финансов США, <http://www.financialstability.gov>.
6. Deutschland gestarkt aus der Krise fuhren. Jahresbericht der Bundesregierung 2008/2009. – Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin, 2009. – 76 S.
7. Deutschland Wachstumslokomotive in Europa. – Режим доступа: www.bundesregierung.de

8. Global downturn: In graphics. Доступно з: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/7893317.stm>
9. Gesetz zur Umsetzung steuerrechtlicher Regelungen des Masnahmepakets «Beschäftigungssicherung durch Wachstumsstärkung» vom 21. Dezember 2008. – Bundesgesetzblatt, Jahrgang 2008, Teil 1, Nr. 64, ausgegeben zu Bonn am 29. Dezember 2008, S. 2896.
10. Obama's Financial Plan, Round One. Доступно з: http://www.businessweek.com/bwdaily/dnflash/content/jun2009/db20090617_527004.htm?chan=topstory
11. Pakt für Beschäftigung und Stabilität in Deutschland // Magazin für Wirtschaft und Finanzen. – 01/2009. – Nr. 66. – S. 4–5.
12. Finanzmarktstabilisierungsfondsgesetz vom 17. Oktober 2008 // BGBl. – Nr. I. – S. 1982.

*Vasilyeva Tetiana Anatolyevna,
Ukrainian Academy of Banking of the National Bank of Ukraine
Doctor of Science, Professor, Head of the Department of Banking
E-mail: tavasilyeva@ukr.net*

*Sysoyeva Larysa Yuryevna,
Ukrainian Academy of Banking of the National Bank of Ukraine
Ph. D., Associate professor, Department of Banking
E-mail: l.yu.sysoieva@uabs.edu.ua*

*Vysochyna Alina Vladimirovna,
Ukrainian Academy of Banking of the National Bank of Ukraine
Postgraduate student, Department of Banking
E-mail: av_vysochyna@meta.ua*

Peculiarities of the local finance systems: evidence from European countries

Abstract: The key peculiarities of local finance system in European countries (specific features of local budget formation and directions of local budget expenditures) are analyzed in the article. On the base of this analysis the measures of local finance system transformation in Ukraine are developed.

Keywords: budget expenditures, budget revenues, local budget, local finance, local state financial independence.

Problem of the lack of financial independence of local governments in Ukraine at the present stage of the development of the national economy makes urgent the necessity of qualitative transformation of the local finances system, because it can help to gain positive results both at the local and the national levels. Thus it's very important to analyze the peculiarities of local finance systems in different European countries and develop on its base a special measurement system that may help to solve the problem of local states' financial independence in our country.

It's necessary to highlight that the main characteristic, which defines the level of local government financial self-sufficiency is dependence on transfers from the central government budget to local budgets. Systems of local finance that are characterized by more than 50% level of own revenues to total revenues ratio can be considered decentralized.

Comparative analysis of the structure of total revenues of local budgets in such countries as Denmark, Italy, United Kingdom, Sweden, Slovenia, Slovakia, Czech Republic, Moldova, Lithuania, Latvia, France, Estonia, Finland, Spain, Hungary, Poland, and Romania enables us to conclude that most of the local budgets are formed mainly from its own revenues. Thus, for example, about 62% of local budget revenue in Denmark is its own revenues, in France — about 63%, in Finland — 72%, in Sweden — 80%.

Local budgets of the post-socialist countries are the most dependent on the central government. Such countries as Lithuania, Romania, Slovakia, Slovenia, have the share of transfers from central to local budget at the level about 20%, but there are initiated the transformation processes towards deepening of financial independence. However, local budgets in Albania are the most financially dependent on transfers from the central

government budget (transfers from the central government budget occurs more than 96% of local budgets total revenues) [1].

The financial autonomy of local budgets in France, Finland, and Belgium are ranging from 70 to 55%. The basis of its financial autonomy is local taxes and local premiums to national taxes. However, the autonomy of local budgets in the Nordic countries is provided mainly through the collecting of direct local taxes (property taxes, taxes on heritage etc.). For example, the direct local taxes to current income ratio is nearly 64% in Sweden, in Norway — more than 55% [2].

An important contribution to the revenue of the local budgets of the European countries provides property tax. Share of this tax in the tax revenue of local budgets is strongly varying: for example, in the UK it is 99.5%, in France and Spain — about 30–40%. It is interesting, that in most European countries Attention the implementation of this tax is obligatory because the property is the most important tax base. The main problem of the administration of this tax is fair assessment of the property value and the lack of a direct link between the value of the property and income that gets its owner.

In the Nordic countries, where the living standards are the highest, municipal income taxes play an important role in budget revenues formation: for example, in Sweden on average about 70% of total revenues is formed by this taxes, in Denmark — more than 40%, and in Norway — more than 35% [6].

Thereby, local budget revenues in European countries are dominantly formed by tax revenues and different kinds of transfers from central budget, non-tax revenues play a much smaller role in the composition of revenues. The level of non-tax revenues is ranging from 10% to 30%. Thus, non-tax revenues of local budgets in Belgian are slightly higher than 30%, in Sweden — 15%, in Norway — 14.5%, in Austria and the UK — 14%. The level of revenues from municipal property depends on its size and nature, as well as on the specifics of municipal units' activity [3].

Development of market relations causes growing of incomes from business activity in non-tax revenues of local budgets in most post-socialist countries. The volume of this type of non-tax revenues is more than 40% in Poland, Czech Republic and Slovenia, in Bulgaria, Slovakia, Hungary — about 20%, and in Latvia and Romania — about 10%.

Share of administrative charges and fees, income from non-commercial sales, from fines and penalties in the structure of non-tax revenue of local budgets of Den-

mark, France and Spain is over 60%, in the UK — over 40%, in Sweden — over 10% [1].

Analyzing the European countries experience of local budget expenditures, it's necessary to highlight that local budgets expenditures in different countries are somewhat similar. Typically, from the local budgets such spheres as local police, social infrastructure, programs of local importance, implementation research and development programs etc. are funded. Besides, the significant portion of expenditures is used for financing social and cultural purposes (for example, primary and secondary schools, health care etc.). Thus, In Germany, this type of expenditures is about 25% of local spending, in France — more than 33%, and in the United Kingdom — more than 40%. In Germany the costs of higher education is also covered by local budgets. The cost of funding health care sphere in such countries as Norway, Sweden, and Finland is more than 50% of local budget expenditures. Rather important section of local spending is funding of housing and communal services (sewerage, water supply, transport companies, urban landscaping, road maintenance etc.) [4].

In some there is division on current and property expenditures, so local budget revenues can be used both for the current and the investment needs. That is why all countries have current budget and development budget. Typically, the current budget is directed to cover operating costs and development budget — on capital expenditures, implementation of investment programs and so on [4].

Unlike developed European countries, Ukrainian system of local finance is based on the extensive methods of economic development, which inevitably leads to ineffective use of local budget financial capacity. In order to improve the use of local budgets in Ukraine European experience and legislation should be considered, especially in such aspects as disclosure of financial performance indicators of local state management in spending on local public services, setting of personal responsibility of local government servants for the objectivity and reliability indicators in the financial sector, the introduction of an independent audit procedures in local government and others.

Based on the research of peculiarities of local finance systems in European countries it can be proposed the next measures that can help to transform national local budget system: increase of fiscal role of local taxes and fees, a shift from taxation of income to taxation of property, increase of the non-tax revenues associated with the activity of the municipal government, expanding the use of municipal borrowing.

Besides, there should be strong linkage between local budget revenue and expenditure for different purposes, so the volume of appropriations shouldn't exceed the financial capacity of local state. It's also could be useful to expand the activity of local governments in financing of investment projects (it can be realized, for example, through public sec-

tor and business cooperation in public-private partnership).

Implementation of all these measures in Ukraine will provide the opportunity to optimize the inter-governmental relationship with regards to the specific needs of funding of social and economic development of the administrative units.

Reference:

1. Большенко С. Ф. Особливості формування місцевих бюджетів в Європейських країнах [Електронний ресурс]/С. Ф. Большенко, Н. І. Нікіфорова. – Режим доступу: http://www.kpi.kharkov.ua/archive/Наукова_періодика/vestnik/Технічний%20прогрес%20та%20ефективність%20виробництва/2009/6/3_Bolchenko_dr.pdf.
2. Бондаренко А. І. Вплив держави на формування місцевих бюджетів у країнах Європи [Електронний ресурс]/А. І. Бондаренко. – Режим доступу: <http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/tpdu/2010-4/doc/2/13.pdf>.
3. Чорна Н. Зарубіжний досвід формування місцевих бюджетів та можливості його застосування в Україні [Електронний ресурс]/Н. Чорна. – Режим доступу: <http://oldconf.neasmo.org.ua/node/734>.
4. Латинін М. Фінансово-економічне забезпечення функціонування органів місцевого самоврядування в Україні/М. Латинін//Публічне управління: теорія і практика: зб. наук. праць. – Харків, 2010. – № 1. – С. 29–35.
5. Булій Н. О. Особливості формування та використання коштів місцевих бюджетів України у контексті досвіду зарубіжних країн [Електронний ресурс]/Н. О. Булій. – Режим доступу: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Economics/3_135831.doc.htm.
6. Пігуль Н. Г. Європейський досвід формування доходів місцевих бюджетів/Н. Г. Пігуль, І. М. Боярко, О. В. Люта//Вісник Хмельницького національного університету. Сер. Економічні науки. – 2012. – № 5. – Т. 2. – С. 138–142.

*Igebaeva Fania Abdulhakovna,
candidate of philosophical sciences, assistant professor of philosophy,
sociology and pedagogy, Bashkir State Agrarian University
E-mail — igebaeva.fania@yandex.ru*

The choice for enterprise management style of agrarian production

Abstract: The article the analysis of peculiarities of different management styles. Shows the importance for a modern manager of using creative leadership style as the most perspective.

Keywords: styles of management, management principles, efficiency of management activities.

*Игебаева Фания Абдулхаковна,
Башкирский государственный аграрный университет,
доцент кафедры философии, социологии и педагогики
E-mail — igebaeva.fania@yandex.ru*

Выбор стиля руководства на предприятиях аграрного производства

Аннотация: В статье проведен анализ особенностей различных стилей управления. Показана важность применения современным менеджером творческого стиля руководства как наиболее перспективного.

Ключевые слова: стили руководства, принципы управления, эффективность управленческой деятельности.

Анализ управленческой деятельности в период формирования российского аграрного рынка позволяет сделать вывод о том, что одним из решающих усло-

вий успеха руководителя является необходимость обеспечения его влияния на своих подчиненных с целью полной их самореализации в профессиональной сфере.

Главной характеристикой эффективности руководства является стиль управления, который применяет в своей работе менеджер. Стиль руководства — индивидуально-типические характеристики устойчивой системы методов, способов, приемов воздействия руководителя на коллектив с целью выполнения организационных задач и управленческих функций. При этом он должен учитывать множество объективных и субъективных условий и обстоятельств, в зависимости от которых стиль получает свое конкретное содержание.

Стиль руководства в контексте управления — это привычная манера поведения руководителя по отношению к подчиненным. Степень, до которой управляющий делегирует свои полномочия, типы власти, используемые им, и его забота, прежде всего, о человеческих отношениях или, прежде всего, о выполнении задачи — все отражает стиль руководства, характеризующий данного руководителя. К настоящему времени исследователи накопили немалый материал по данной проблеме. [1, 13–15]. В литературе по теории и практике управления коллективом предложено множество стилей современного руководителя со своими плюсами и минусами. Рассмотрим их.

Авторитарный. Для этого стиля характерно единоличное принятие руководителем всех решений в коллективе, когда последнее слово всегда остается за ним. Достоинством данного стиля можно считать способность руководителя принимать на себя персональную ответственность, особенно в критической ситуации, а недостатком является игнорирование инициативы и творческих начинаний подчиненных.

Коллегиальный. Основная установка в деятельности руководителя данного стиля: «Надо посоветоваться с коллективом». Решения принимаются главным образом коллективом и в этом главный плюс коллегиального стиля. Минус же состоит в том, что порой на коллективное обсуждение выносятся незначительные вопросы, не требующие детального рассмотрения.

Плановый. Руководитель этого стиля в своей работе строго придерживается плана и всевозможных программ. И хотя управление на основе проработанного плана и является положительным качеством, но иногда слишком точное следование заданному плану может тормозить работу, не давая возможности для оперативной перестройки деятельности.

Авральный. Это стиль спешки, когда руководитель мобилизует коллектив для достижения цели любой ценой. Понятно, что в условиях аврала заметно снижается не только качество выполняемой работы,

но и неизбежно возникают конфликтные ситуации в коллективе.

Либеральный. Данный стиль руководства иногда называют попустительским, поскольку коллектив, как бы «плывет по течению», живет сам по себе, решая возникающие вопросы и не особо признавая руководителя. Достоинством этого стиля считается то, что инициатива подчиненных не подавляется, а недостаток состоит в том, что либеральный руководитель чаще всего характеризуется как беспринципный и не деловой.

Регламентирующий, его еще называют контролирующим. Этот стиль — прямая противоположность либерального стиля, когда регламентации подвергается вся работа подчиненных: что нужно сделать, кто, как и когда это должен сделать. В итоге регламентация и постоянный контроль за работой сотрудников создают в коллективе нервную обстановку.

Перестроечный. Руководитель данного стиля полон всяких идей, проектов. Он постоянно старается видоизменять, усовершенствовать свою организацию и потому она находится в состоянии налаживания дел. Несмотря на, казалось бы, благие намерения руководителя, порой перестройка осуществляется ради перестройки.

Консервативный. Для руководителя данного стиля характерно строгое следование традициям, раз и навсегда установленным порядкам, способам и принципам решения управленческих задач. Позитивным моментом в этом стиле руководства является то, что он несет в себе некую уверенность в стабильности и устойчивости коллектива. Однако при таком управленческом стиле коллектив обычно плетется в хвосте событий.

Дипломатичный. Руководитель данного стиля имеет в коллективе репутацию дипломата, который способен договориться даже тогда, когда для этого, казалось бы, нет реальных возможностей. При принятии решений обычно он делает ставку на личные контакты и связи. Руководитель — дипломат может менять свои требования и указания так, как это выгодно ему в создавшейся ситуации.

Документальный. Это стиль руководителя, который много внимания уделяет «бумаготворчеству», т. е. подготовке разного рода документов, справок, письменных распоряжений. В итоге у него остается мало времени на руководство коллективом. Достоинством руководителя этого стиля является то, что вся деловая документация (планы, отчеты, деловая переписка) у него всегда находятся в полном порядке.

Лидерский. Данный стиль характеризуется тем, что руководитель вдохновляет подчиненных на решение проблем, стоящих перед коллективом. Он глубоко верит в себя и в возможность выполнения намеченных планов. Если при этом лидер имеет высокий уровень творческих способностей, то он реально становится творческим руководителем коллектива. Недостаток этого стиля состоит в том, что руководитель-лидер часто использует не все резервные возможности членов коллектива.

Административный. Руководитель этого стиля строго придерживается всех указаний, распоряжений, идущих сверху, и выполняет их, чего бы это ему не стоило. При этом руководитель — администратор для преодоления сопротивления подчиненных может использовать административное давление. К положительным моментам данного стиля можно отнести то, что руководитель владеет знаниями должностных инструкций и механизмами административного управления коллективом.

Отметим, что при всем многообразии управленческих стилей специалисты выделяют **творческий стиль управления коллективом**, считая его идеальным. Он предполагает, применение руководителем в решении каждой новой управленческой задачи аграрного производства различных стилей, с предпочтением наиболее оптимального и результативного для сложившейся ситуации.

Современный руководитель творческого стиля должен уметь:

- Мыслить широко и масштабно, системно и комплексно, видя развитие своей организации на большую перспективу, но и не забывая о сиюминутных делах и задачах.
- Быть демократичным и коллегиальным, поощряя и поддерживая творческую инициативу подчиненных, но одновременно и авторитарным по отношению к лодырям и демагогам.
- Быть готовым к риску, способным полагаться не только на интуицию, но и на научно обоснованный расчет.
- Быть добрым и деликатным, одновременно требовательным в вопросах качества работы и дисциплины труда в коллективе.
- В решении возникающих задач, использовать передовой опыт, научный подход, уметь анализировать причины поражений.
- Умело и грамотно применять в своей повседневной деятельности следующие принципы:

— **Принцип инструкции.** Управлять предпочтительно с помощью правил и инструкций, а не приказов и распоряжений.

— **Принцип близости.** Вопросы должны решаться как можно ближе к тому уровню, на котором они возникли.

— **Принцип оперативности.** Руководитель должен оперативно реагировать на происходящее, чтобы подчиненные постоянно ощущали оценку их действий руководителем.

— **Принцип воспитания.** Руководитель должен постоянно показывать пример и воспитывать подчиненных — словом и делом.

— **Принцип делегирования.** Делегирование полномочий только тогда результативно, когда руководитель оставляет за собой управленческую ответственность.

— **Принцип терпения.** Во взаимоотношениях с подчиненными руководитель должен проявлять бесконечное терпение.

— **Принцип ответственности.** Работник должен нести ответственность только за то, на что он в состоянии повлиять [2, 420].

В настоящее время руководители предприятий аграрного производства должны больше внимания уделять личностным качествам своих подчиненных, их преданности организации и способности оперативно решать проблемы. Высокие темпы морального старения и постоянные перемены, характерные сегодня почти для всех отраслей экономики, в том числе и аграрного производства, подталкивают руководителей быть готовыми к техническим и организационным реформам, а также к изменению стиля руководства.

Эффективность управления коллективом может быть достигнута при чутком отношении руководителя к своим подчиненным, соблюдении им принятых социальных норм, умении ценить в каждом человеке личность и чувство его полезности для людей. Кемаль Ататюрк когда-то заметил: «И лучшие люди иногда попадают в худшие ситуации». Помня это, руководитель, ни при каких обстоятельствах, не должен ущемлять достоинства других людей, в какие бы ситуации они не попадали [3, 61].

От выбора стиля руководства предприятием аграрного производства зависит не только авторитет руководителя и эффективность его работы, но также атмосфера в коллективе и взаимоотношения между подчиненными и руководителем.

Список литературы:

1. Игебаева Ф. А. К вопросу о повышении эффективности управленческой деятельности на предприятиях АПК // Социально-политические науки. Международный межвузовский научный рецензируемый журнал. Москва, Издательский дом «Юр-ВАК», 2013, № 3 – С. 13–15.
2. Морозов А. В. Деловая психология. СПб.: Изд-во «Союз», 2002. – 576 с.
3. Игебаева Ф. А. Стиль управления – главная характеристика деятельности менеджера // Наука сегодня: теоретические аспекты и практика применения: сб. статей. Международной научно-практической конференции в 9 частях. Часть 8. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. – 344 с.

*Mazitova Alisa Rifilevna, Ufa State
Petroleum Technological University,
master student, the Faculty of Economics
E-mail: alisa92_08@mail.ru*

*Tasmukhanova Alfiya Ersainovna, Ufa State
Petroleum Technological University,
associate Professor (candidate of economic Sciences,
associate Professor), the Faculty of Economics
E-mail: aetasm@mail.ru*

Systematization of restructuring in the oil and gas production complex

Abstract: The article is devoted to theoretical aspects of enterprises restructuring in the oil and gas complex. The essence of the offered classification of the restructuring directions in the oil and gas companies which is a basis for the subsequent evaluation of economic efficiency transformation of the enterprises is described. The main attention is paid to the characteristic of subspecies of horizontal integration with a dissipating or preservation of non-core assets in the companies, their isolation or division.

Key words: restructuring, integration, parent company, service assets, divestment, isolation, division, allotting.

*Мазитова Алиса Рифилевна,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
магистрант, факультет экономики
E-mail: alisa92_08@mail.ru*

*Тасмуханова Альфия Ерсайновна,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
доцент (кандидат экономических наук,
доцент), факультет экономики
E-mail: aetasm@mail.ru*

Систематизация направлений реструктуризации в нефтегазодобывающем комплексе

Аннотация: Статья посвящена теоретическим аспектам реструктуризации предприятий нефтегазового комплекса. Описывается сущность предлагаемой классификации направлений реструктуризации нефтегазовых компаний, являющейся основой для последующей оценки экономической эффективности преобразования предприятий. Основное внимание уделено характеристике подвидов горизонтальной интеграции с выводом или сохранением непрофильных активов в составе компаний, их обособлением или разделением.

Ключевые слова: реструктуризация, интеграция, материнская компания, сервисные активы, дивести́рование, обособление, разделение, выделение.

Реструктуризация компаний стала серьезной стратегической проблемой отечественного бизнеса в целях обеспечения его конкурентоспособности.

Существенным фактором, при котором проводится реструктуризация организаций, обычно является недостаточная эффективность работы компании, вызванная несоответствием бизнеса, меняющимся условиям рынка. Последствием подобной ситуации становятся неудовлетворительные финансовые показатели, высокий уровень кредиторской и дебиторской задолженности, недостаток оборотных средств.

За последние годы в качестве основных программ юридических преобразований применялись различные разновидности осуществления реструктуризации: реорганизация в форме разделения и выделения; банкротство предприятия, смена собственников и менеджмента; формирование на базе предприятия одного или нескольких дочерних обществ; образование нового хозяйственного общества совместно предприятием — потенциальным банкротом и его собственниками.

Формирование модели реструктуризации на предприятиях нефтегазовой промышленности в настоящее время является актуальным вопросом, поскольку на первый план выходит повышение эффективности функционирования.

Процедура реструктуризации предполагает комплексную перестройку экономической, производственной и социальной систем компании, направлена на обеспечение эффективного развития и повышения конкурентоспособности компании и, как правило, является ответом компании на неблагоприятные изменения внутренней и внешней среды [3, 75]. Главная цель модернизации организационной структуры — поиск источников повышения стоимости бизнеса на основе реорганизации видов деятельности и оптимизации организационно-производственной структуры.

На наш взгляд, оценки эффективности реструктуризации — это комплекс работ и мероприятий, которые включают в себя проработку направлений и видов реструктуризации предприятия, разработку системы стратегических показателей для каждого из направлений реструктуризации, определение плановых количественных показателей, составление стратегической карты, сопоставление плановых и фактических значений, вывод об эффективности реструктуризации.

Для осуществления не только процесса реструктуризации, но и оценки ее эффективности необходимо в первую очередь разобраться в классификации видов

реструктуризации, по которым будет осуществляться данный процесс. Разработка видов реструктуризации включает в себя анализ миссии, организационной культуры и организационной структуры, бизнес-процессов, стратегий развития, положения на рынке.

На основе анализа работ Н. В. Раевской, И. В. Зуденко, А. В. Павловской в работе предложена собственная классификация направлений реструктуризации нефтегазового комплекса, у каждого из которых есть определенные подвиды (рис. 1).

Горизонтальная реструктуризация в зависимости от охвата видов деятельности предприятия, предполагает следующие ниже перечисленные виды реструктуризации:

1. Комплексная

- Создание на базе структурных подразделений дочерних предприятий.

Дочерние предприятия могут создаваться либо в форме акционерных обществ, либо в виде обществ с ограниченной ответственностью. При этом материнское предприятие будет располагать контрольным пакетом акций или соответствующей долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Таким образом, создается самостоятельное предприятие, которое оперирует основными средствами, оставшимися в собственности материнского предприятия. Очень важным моментом является то, что отношения собственности здесь не меняются.

Налог на имущество платит материнское предприятие, но эти затраты компенсируются, как правило, акционерным обществом, созданным в результате реорганизации.

Данная модель позволяет сохранить целостность сложившейся производственной системы предприятия за счет регулирования деятельности дочерних предприятий путем управления пакетами их акций, находящихся в собственности материнского предприятия.

Повышается оперативно-хозяйственная самостоятельность подразделений, что способствует быстрой адаптации к требованиям рынка, освоению новых, пользующихся спросом видов продукции, диверсификации производства. Это дает возможность снять с основного предприятия бремя финансирования подразделений, не являющихся жизненно важными для производства. Для формирования уставного капитала дочернего предприятия могут быть привлечены средства инвестора, что будет способствовать развитию предприятия в целом. Данная модель привлекательна для крупных и средних предприятий.

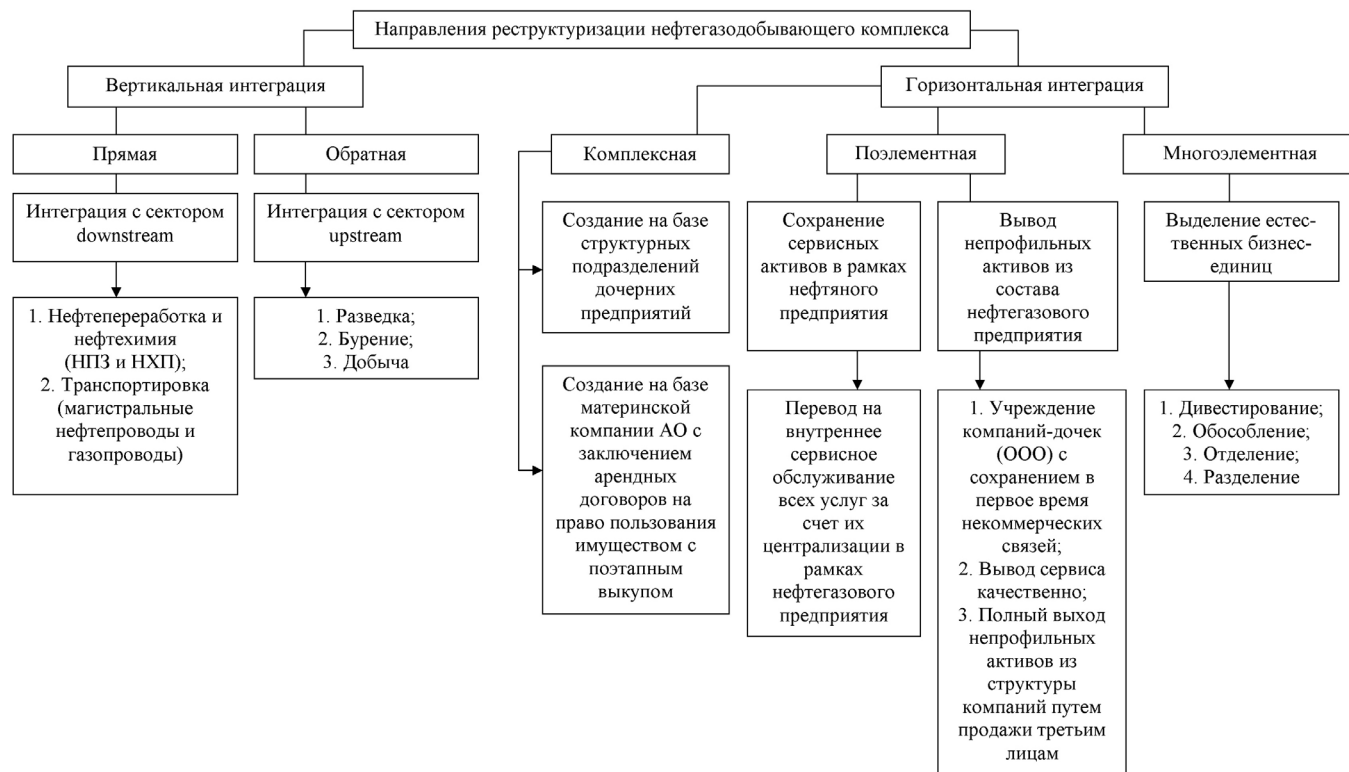

Рис. 1. Видо-типологическая классификация процессов реструктуризации нефтегазодобывающего комплекса

- Создание на базе материнской компании акционерных обществ с заключением арендных договоров на право пользования имуществом с поэтапным выкупом.

При реструктуризации материнского предприятия часть имущества, переданного в долгосрочную аренду с правом поэтапного выкупа, учитывается на забалансовом счете «Основные средства, сданные в аренду». Арендованные средства учитываются в активе баланса дочернего предприятия в разделе основные средства по счету «арендованное имущество», а в пассиве балансируются кредиторской задолженностью по статье «Прочие кредиторы». Списание кредиторской задолженности происходит по мере выплаты части балансовой стоимости арендованных основных средств материнскому предприятию. Средства, перечисляемые в счет погашения стоимости арендованного имущества, отражаются на счете «Добавочный капитал». Таким образом, в течение оговоренного срока аренды с правом поэтапного выкупа происходит уменьшение кредиторской задолженности и увеличение добавочного капитала на балансе выделенного структурного подразделения.

Необходимо отметить, что средства, перечисляемые за аренду и как выплата за имущество, поступают в полное распоряжение материнского предприятия, тогда как распределение средств (прибыли, аморти-

зации) между структурными подразделениями в составе материнского предприятия затруднено процессом взаимного согласования.

Общие модели реструктуризации могут быть применены ко всем структурным подразделениям со следующими вариантами: а) все подразделения преобразуются в самостоятельные юридические лица, включая основное производство. В этом случае материнское предприятие не осуществляет производственные функции и выполняет функцию собственника имущества и арендодателя; б) все подразделения преобразуются в самостоятельные юридические лица, непосредственно не связанные с производственным процессом. Этот вариант более приемлем для металлургических предприятий, однако он не учитывает различный уровень адаптации каждого подразделения к условиям рынка, реальную возможность самостоятельно работать в условиях жесткой конкуренции; в) преобразуются в самостоятельные предприятия лишь те структурные подразделения, у которых созданы реальные предпосылки для определения своего места на рынке.

Что касается организации самих акционерных обществ, то их можно создать как открытые (ОАО), так и закрытые (ЗАО). Уставный капитал в первом случае образуется через открытую подписку на акции, а во втором случае, через распределение акций среди

инвесторов. В качестве учредителей, как правило, выступают предприятие и физические лица. Закрытое акционерное общество дает возможность ограничить проникновение в капитал и возможность концентрации контрольного или блокирующего пакета акций аутсайдерами.

При реализации данной модели все имущество предприятия остается в его собственности. Одновременно на базе структурных подразделений предприятия за счет привлечения средств сторонних организаций или частных лиц создаются независимые предприятия, которые получают право на использование имущества предприятия на основе заключения договора аренды. Не изменяется отношение собственности на имущество предприятия, принадлежащее предприятию, что особенно важно в случае проведения реорганизации предприятия, находящегося в государственной собственности или когда реструктуризация происходит после процесса акционирования. Предоставляется возможность координировать деятельность организаций, путем периодической корректировки договоров аренды и препятствовать выходу вновь созданных предприятий из состава производственной системы за счет права собственности.

2. Поэлементная

- Основана на сохранении сервисных активов в рамках нефтегазового предприятия по различным причинам (возможность попасть в зависимость от одного поставщика сервисных услуг, нерентабельность самого процесса реструктуризации, невозможность осуществления процесса реструктуризации). Здесь происходит переход на самостоятельное сервисное обслуживание за счет централизации всех видов услуг в рамках нефтегазодобывающей компании.

- Строится на выводе непрофильных активов из состава нефтегазодобывающих предприятий. В этом случае нефтегазодобывающее производство остается ядром новой организационной структуры, а вспомогательное закрывается или выводится из нее. В ней было выделено три вида реструктуризации:

- 1) учреждение нефтегазодобывающей компанией других обществ «ООО» с выводом всех непрофильных услуг в данные общества, которые будут являться сервисными компаниями. На ранних стадиях ООО и компания-учредитель будут строить отношения не на конкурентной основе. В дальнейшем данные ООО будут набирать все большую силу и развиваться.

Вывод всех непрофильных активов в эти сервисные компании позволит достигнуть следующих результатов:

- оптимизируется численность персонала, увеличивается централизация бизнес процессов;
- повышается качество выполняемых работ.

- 2) вывод из структуры компании определенного вида сервисных работ (частично). В зависимости от ситуации в компании и на рынке, возможно, выгодно выводить непрофильные активы частично. Так же в перспективе необходимо рассматривать вариант, чтобы вывести сервис полностью, но не сразу. Возможно, что на географической территории, на которой работает компания-нефтедобытчик, много организаций, которые делают капитальный ремонт скважин, но нет тех, которые могут сделать какой-либо другой вид работ. Тогда из структуры компании предполагается выводить только подразделения ремонта скважин. Данный вариант позволяет минимизировать практически все риски. Он позволяет нефтегазовой компании подстраховаться от сервисных компаний «монополистов» на данной территории, оптимизировать свои бизнес-процессы: избавиться от лишних непрофильных активов и в тоже время сохранить активы, которые позволяют выполнять работы, которые невыгодно делать у сервисников.

- 3) продажа непрофильных активов третьим лицам. К данному варианту следует прибегать, если в регионе есть большое количество сервисных организаций, которые предлагают свои услуги в условиях большой конкуренции. Так что если в регионе небольшое количество сервисных организаций данный вариант становится очень рискованным для нефтегазовой компании. Таким образом, компания-нефтедобытчик рискует остаться без определенного вида услуг на территории разработки основного месторождения частично, либо полностью.

В целом по двум вышеописанным видам реструктуризации можно сказать, что, вывод на внешний сервис позволяет повысить эффективность нефтегазодобычи и снизить затраты. Также меняется мотивация всех участников процесса: персонала, исполнителей, заказчиков.

3. Многоэлементная

Основывается на выделении естественных бизнес-единиц. Среди современных технологий бизнес-единиц можно выделить следующие процессы реструктуризации: дивести́рование, обособление, отделение и разделение.

Дивести́рование (дивести́ции) представляет собой продажу части компании внешнему покупателю. Продающая компания, как правило, получает взамен деньги, или ликвидные ценные бумаги, или комбина-

цию и того и другого. Расщепление капитала является вариантом дивести́рования, включающим продажу внешним инвесторам доли в акционерном капитале дочерней компании. При расщеплении капитала материнская компания может утрачивать контроль над дочерней. Новые акции дают инвесторам права собственности на дивестируемую часть продающей компании. При расщеплении капитала создается новое юридическое лицо с акционерной базой, которая может отличаться от акционерной базы продающей материнской компании. Дивестируемая компания имеет иную команду менеджеров и управляется как отдельная фирма.

Обособление — это сделка, при которой материнская компания создает новую дочернюю фирму и распределяет акции этой фирмы между своими нынешними акционерами пропорционально пакетам акций материнской компании, находящимся в их собственности [1, 145]. Поэтому доля собственности каждого акционера в новой дочерней фирме соответствует его доле в материнской компании. Хотя акционеры остаются теми же, обособленная компания имеет свое собственное руководство и управляется как автономное предприятие. Другим отличием обособлений от дивестиций является тот факт, что дивестиции обеспечивают приток средств в материнскую корпорацию за счет средств продажи бизнеса, в то время как обособление обычно не дает ей денежных поступлений. Обособление дает возможность проведения оптимизации организационной структуры без лишних затрат, а также без налоговых последствий по сравнению с вариантом продажи перефи́рного актива.

Обособление положительным образом сказывается на стоимости как материнской, так и выделяемой компании. Обособление перефи́рных направлений деятельности позволяет материнской компании уделить большее внимание развитию своего основного бизнеса, что повышает ее собственную эффективность. Одновременно выделяемая компания может привлекать средства и развивать собственный бизнес, не акцентируя внимание на состоянии дел в отрасли материнской компании.

Целями обособления перефи́рного бизнеса является повышение его эффективности, оптимизация управления, возможность дальнейшего роста. Также обособление отдельного бизнеса позволяет раскрыть дополнительную стоимость этого бизнеса, если у него существует своя специфика в оценке. Также причиной для обособления может быть необходимость ос-

вобождения головной компании от непрофильного бизнеса, который в то же время представляет интерес для ее акционеров, и поэтому продажа стратегическому инвестору была бы менее предпочтительным вариантом.

При отделении некоторые акционеры материнской компании получают акции подразделения, которые передаются в обмен на их акции материнской компании.

Наконец, при разделении разбивается вся компания, проходящая через ряд отделений. Конечным результатом этого процесса является прекращение существования материнской компании, и остаются лишь вновь созданные компании. Акционеры этих компаний могут быть разными, поскольку они обмениваются своими акциями материнской компании на акции одного или более отделяющих подразделений.

Вертикальная интеграция, как видно из рисунка 1, предполагает процессы прямого присоединения секторов нефтепереработки, транспортировки и реализации готовой продукции, а также объединение с секторами разведки, бурения и добычи. В экономической литературе достаточно широко раскрыты цели, задачи и стадии вертикальной интеграции предприятий, в том числе нефтегазовых компаний, поэтому на теоретическом освещении данного направления не представляется значимым.

Для оценки эффективности реструктуризации будет разработана сбалансированная система показателей (ССП) для каждого направления реструктуризации. При оценке эффективности реструктуризации нефтегазодобывающих комплексов предлагается использовать четыре составляющих ССП: финансовая, клиентская, внутренние бизнес-процессы, обучение и развитие. Показатели будут являться лишь приблизительными (рекомендуемыми) и могут корректироваться в зависимости от целей и особенностей процесса реструктуризации для каждого конкретного предприятия. Взаимосвязь проекций ССП должна наглядно отражаться на стратегической карте, что позволит аналитикам более четко и своевременно контролировать процесс достижения плановых уровней.

Апробация данных показателей будет проведена на примере нефтегазовой компании РФ.

Исходя из результатов практического использования данной методологии, можно будет сделать вывод о целесообразности применения сбалансированной системы показателей при оценке эффективности реструктуризации нефтегазовых компаний.

Список литературы:

1. Забродин Ю. Н., Курочкин В. В., Шапиро В. Д., Ольдерогге Н. Г. «Управление реструктуризацией компаний: справочное пособие/Ю. Н. Забродин, Курочкин В. В., Шапиро В. Д., Ольдерогге Н. Г. – М.: «Дело» АНХ, 2010. – 528 с.
2. Каплан Р. С., Нортон Д. П. «Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – 2-е изд., испр. и доп./[Пер. с англ. М. Павловой]. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2013. – 314 с.
3. Тасмуханова А. Е. «Управление и реструктуризация. – 2-ое издание, переработанное» – Уфа: УГНТУ «ИДПО», 2012. – 270 с.

*Poljakow Andrej Vladimirovich
Assistent am Lehrstuhl fuer geistige Wissenschaften
der Kasachischen medizinischen Staatsuniversitaet
E-mail: poltuan@rambler.ru*

Perspektiven der Entwicklung von Wirtschaft, Marketing und Management in der Republik Kasachstan

Abstrakt: In meinem Artikel schrieb ich ueber die Entwicklung von der Republik Kasachstan waehrend seiner Unabhaengigkeit. In diesen Jahren hat die Republik Reformkurs gewaelt und erzielte viel Erfolg dabei. Heute zu Tage ist das Land mit der dynamisch entwickelter Wirtschaft und eine der erfolgreichen GUS Laendern.

Leider es besteht das Problem einer Disonanz zwischen Theorie und Praxis, weil die theoretische Base einfach fehlt. Waehrend meines Studium in Deutschland schenkte ich viel Aufmerksamkeit dem Marketing und nach dem Rueckkehr koennte ich ersehen das es die Qualifikation der kasachischen Managern der Anforderungen nicht entspricht.

Deshalb schrieb ich diesen Artikel, wobei ich die von mir erworbene Kenntnisse benutzte. Ich hoffe, dass dieser Artikel wird ein gutes Beispiel wie sich der Marketing in einem Ehemaligen Sowjetland entfaltet und die Interesse der Lesern.

Stichworten: Marktwirtschaft, Kasachstan, Marketing, Management, Unabhaengigkeit, Leitungsmethoden, Grundprinzipien.

Schon mehr als 20 Jahren vorueber als Kasachstan unabhaengig wurde. Das Land hat den Weg von der Aufbau der Marktwirtschaft und Demokratie gewaehlt. Es wurden grundsaeztlichen Reformen durchgesetzt und das Land hat Fortschritte erreicht. Doch neue Bedingungen fordern die neue Fuehrungsmethoden und jeweils die neue Fuehrungskraefte. Um etwas zu aendern braucht man die Gruendzuege des Marketings und des Management zu kennen.

Es exestieren drei Leitungsmethoden.

1. autoritaere
2. demokratischen
3. liberale

Versuchen wir alle drei Methoden durchzuschauen.

Autoritaer wird das Unternehmen geleitet wenn die Macht in einen Haenden konzentriert ist. Diese Art von Fuehrung hat sowohl Vorteile als auch Nachteile.

Mann braucht keine zusatzliche Ausgabe fuer die Vorbereitung der Fachkraeften, sowie es ist leichter die Verbindungen zum Personal zu enfallen. Auserdem die Entscheidungen werden schneller getroffen.

Dennoch dieser Art und Weise hat auch die Schwachstellen, da die Initiative der Mitarbeiter nicht richtig wargenommen wird, benoetigt eine Kontrollsystem, die manchmal uneffizient ist und damit foerdert Buerokratie.

Demokratische Letungsweise ebenso hat sowohl positive als auch negative Momente. Es steigt die Kreativitaet, mindert Unzufriedenheit der Mitarbeiter und foerdert die Motivation. Doch manchmal fehlende zentralisierte Verwaltung bringt Unklarheiten und deshalb entstehen die Situationen wann die Verantwortug auf einander verlegt wird.

Liberale Fuehrung stellt die Verwaltung ohne Letungsorgane dar. Die Mitarbeiter treffen die Entscheidungen unabhaengig und nur im Fall wenn mann auf sie verlassen kann wird das System zustandekommen.

Heute zu Tage in unserer Republik dominiert die autoritaere Fuehrung.

Mann kann sagen, dass solche Situation nicht nur fuer Kasachstan spezifisch ist.

Solche Stil ist auch in Deutschland, manchmal in den USA, sowie in Suedost Asien zu finden ist. Man soll betonen, dass solche Stil nicht nur mit Eigenschaften des Landes verbunden ist sondern mit den Formen der Unternehmungen, wobei die meisten GmbHs sind. Die Gewerkschaften spielen nicht die Rolle wie in den entwickelten Industrielaendern und auf die Schulter der Managern liegt grosse Verantwortung, weil sie nicht nur kompetent sein sollen, sondern auch Fremdsprachkenntnisse benoetigen sowie das Wissen aus dem Bereich Recht, vor allem internationalem Recht. Wichtige Rolle spielt dabei die Moeglichkeit unsere Fachkraefte im Ausland ausbilden zu lassen.

Jetzt moechte ich zum anderen Thema uebergehen - die Entwicklung des Marketings in unseren Lande.

Wie Philipp Kotler sagte, marketing ist Art der menschlichen Taetigkeit, wobei die Beduerfnisse des Menschen durch Tausch befriedigt werden.

Die Grundprinzipien des Marketings

1. Herstellung von Waren soll den Beduerfnissen der Kunden entsprechen.

2. Die Produktion darf nicht veralten und ist permanent zu erneuen.

3. Auf gar keinem Fall sparen fuer die Werbung.

4. Sofortige Reaktion auf die Aenderung der Nachfrage.

5. Qualitaet der Waren soll konsequent verbessern werden.

Wie ein Klassiker betonte - die Hauptaufgabe des Marketings ist den Vertrieb moeglichst einfacher zu machen. Man soll den Kunden so gut verstehen, dass die Waren sich selbst verkaufen werden.

Doch das bedeutet keinesweg, dass alle Bemuehungen fuer die Stimulierung des Vertriebs unnoetig sind. Es

besteht eine Palette der Marketingsinstrumenten, ueber welche gute Manager verfuegen soll, um Beduerfnisse der Menschen zu befriedigen.

Grosse Rolle spielt dabei angemessene Reaktion auf die Nachfrage und die Kaufkraft der Menschen. Aenderung der Nachfrage kann Resultat der Preisaenderungen, sowie des Einkommensniveau sein.

Die Waren das heist alles was die Beduerfnisse des Menschen befriedigen kann.

Es ist wichtig zu versuchen, so zu sagen, ideale Waren zu finden, die dem Kunden optimal passen.

Die Marketingsarten.

1. Konventionelle Marketing heist die konsequente Reaktion falls Nachfrage negative ist. Hauptinstrumenten sind dabei die Produktaenderung sowie Preissenkung.

2. Entwicklungsmarketing bedeutet den Markteintritt mit den neuen Waren, welche unter bestimmten Umstaenden Nachfragen steigern sollen.

3. Remarketing einzuwenden im Falle des Zyklus der Waren, wenn die Reifephase vorbei ist.

4. Synchromarketing wird benutzt wenn die Nachfrage schwanken.

Man kann behaupten, dass Kasachstan fuer den Marketing erfolgreich ein zusammen mit der Entwicklung der Marktwirtschaft. Solche Atributen des Marketings, wie die Fernsehenwerbungen, Flugblaetter und Werbungspausen in den Radiosendern sind zur Zeit auf der Tagesordnung. Die Marktforschung wird ebenso eingefuehrt. Gute Entwicklung bekommt der Industriemarketing und Sponsoring. Es bleibt zu hoffen, dass Niveau von kasachischen Marketingsmanagern ebenso steigt und das Buch Grundzuge des Marketings auf Ihren Tischen liegen wird.

Poljakow Andrej Vladimirovich

*Assistent am Lehrstuhl fuer geistige Wissenschaften
der Kasachischen medizinischen Staatsuniversitaet*

E-mail: poltuan@rambler.ru

Die Zollunion

Abstrakt: Seit dem Zerfall der Sowjetunion die Republiken haben verschiedenen Weg gewaehlt.

Manche haben angefangen sich pro westlich zu orientieren und streben Anschluss zur EU.

Die andere fuehren seine eigene mann kann sageneigenartige Politik. Viele alte wirtschaftliche und politische Kontakten wurden abgebrochen, dennoch einige Laendern versuchten sie aufrechtzuerhalten und weiter zu entfalten.

Ein gutes Beispiel dazu sind drei Laender Russland, Kasachstan und Weissrussland. Die nicht nur die wirtschaftliche und politische Beziehungen nicht nabgebrochen haben, sondern weitr gefuehrt.

Die Wirtschaft dieser Laendern ist so eng verbunden, dass die Fuehrung von Ihnen haben beschlossen eine Zollunion zu gruenden.

Anfang dieses Jahres tritt die Wirkung des Abkommen voellig in Kraft und in meinem Artikel versuchte ich die bereits entstandene Problemen durchzuspiegeln und Perspektiven der Entwicklung zu beobachten.

Stichworten: Zollunion, Abkommen, Konsumenten, Rohstoffen, Lieferanten, Produzenten.

Vor einigen Jahren Russische Foederation, Kasachstan und Weissrussland haben einen Abkommen ueber die Gruendung der Zollunion unterzeichnet. Ab dem ersten Januar 2015 Abkommen tritt in Kraft.

Anschluss zur Zollunion kann einem Lande sowohl Gewinne als auch Verluste beibringen. Einerseits steigt Umsatz zwischen den Mitgliedslaendern, andersseits Abkommen hindert die Handel zwischen anderen Laendern.

Es stellt sich die Frage wie die Gewinne verteilt werden? Es kommt alles drauf an am welchen Niveau die Preise auf dem Weltmarkt bleiben und wie hoch der Umsatz wird.

Um diese Frage zu beantworten ist nicht genug ueber den Angebot auf den Maerkten zu wissen. Das Land kann sein Vorteil nur im Falle falls Preisniveau auswaerts hoeher als im Lande ist.

Interessen der Konsumenten

Es zeigt sich dass die freie Handel einer Gruppe der Bevoelkerung Vorteile bringt, sowie den anderen Nachteile und Verluste. Die Laendern, die mehr exportieren gewinnen, wobei die anderen erleiden die Verluste. Ein gutter Beispiel dazu ist die Situation in Weissrussland, welche seine nationale Waerung stark abgewertet hat, doch dadurch steigern die Exporten. Doch wieder stellt sich die Frage ob Wohlstand der Bevoelkerung besser oder schlechter wird?

Anderseits die Produzenten aus Russland, welche die Moeglichkeit bekamen die billige Rohstoffe aus Kasachstan zollfrei einzufuehren und dadurch einheimischen Lieferanten stark verdraengt haben.

Dritte Beispiel ist der Einfuhr der russischen Lebensmittel in Kasachstan. Nachfrage nach sie ist in diesem Lande hoch, doch die kasachische Verkaefer solten auch die Preise erheben, damit auf dem Markt bleiben. So zu sagen Inflation nach Kasachstan importiert wurde.

Bei der Gruendung der Zollunion hoffte Weissrussland Zugang zu russischen Maerkten zu bekommen

und Kraftstoffe zu niedrigen Preisen zu erhalten. Doch Russland stellte die Barrieren, da sie an Verkauf von Oel, Diesel und Gas zu den Marktpreisen interessiert ist. So entstand ein Konflikt zwischen den Partnern, welcher erst Mitte 2013 geloest wurde. Man muss sagen das Die Russen viele Zugestaendnisse seinem westlichen Partner gewaehrleistet hatten.

Anderseits Zollnachlaese der Weissrussen zu Preiserhoehung der Fahrzeugen und zum Ausfuhr der 1Billion US-Dollar fuehrte.

Ein weiteres Problem ist der technischen Rueckstand des Landes, da in Gegensatz zu Russland keine Abkommen zwischenden entwickelten Laendern abgeschlossen wurden.

Wer von der Zollunion profitiert hatte war Kasachstan, so im Jahre 2013 seine Exporte in die Russische Foederation steigten um 38%. Ebenso konnte die Republik sein Ausfuhr in die EU-Laendern steigern, was Gewinne in der Hoehe von 1,3 Milliarden US-Dollar brachten.

Europaeische Investitionsbank und EZB waren bereit seine osteuropaeischen Partnern zu unterstuetzen und dafuer einen Fond in der Hoehe von 1,5 Milliarden Euro gegrundet. In Brussel startete das Projekt East Invest, welches Hilfe der mittelstaendischen Unternehmen in der Hoehe von 3,7 Milliarden Euro voraussah. Es wurden 85 Industrie-Handelskammern gegrundet, sowie zahlreiche Consalting Organisationen.

Doch letzte Ereignisse in der Ukraine stoppten diese Projekten und zu der Abkuehlung der Beziehungen zwischen Russland und dem Westen fuehrten. Bleibt zu hoffen das der Konflikt in dem Nachbarnland bald friedlich geloest wird und die Zusammenarbeit zwischen Russland und westlichen Partnern wieder aufgenommen wird. Was die Zollunion angeht, dort keine grundsatzliche Aenderungen zu erwarten sind. Am ersten Januar 2015 tritt das Abkommen in Kraft.

Portnova Natalia Arkadievna,
University of Nizhni Novgorod, Ph. D., Institute of Economics and Business
E-mail: Portnova_n@mail.ru
Sorokin Sergey Anatolievich, University of Nizhni Novgorod,
Ph. D., Institute of Economics and Business
E-mail: Sorokin-unn@rambler.ru

Demographics of the US economy

Abstract: The dynamics of the distribution of the US population into categories: employment, the unemployed, immigrants.

Keywords: population, employment, unemployment, immigration, demographic transition, mathematical modeling.

Портнова Наталья Аркадьевна,
Нижегородский государственный университет,
кандидат технических наук, Институт экономики и предпринимательства
E-mail: Portnova_n@mail.ru
Сорокин Сергей Анатольевич,
Нижегородский государственный университет,
кандидат технических наук, Институт экономики и предпринимательства
E-mail: Sorokin-unn@rambler.ru

Демографический фактор экономики США

Аннотация: Рассматривается динамика распределения населения США на категории: занятое население, безработные, иммигранты.

Ключевые слова: население, занятость, безработица, иммиграция, демографический переход, математическое моделирование.

Население. Такие макроэкономические показатели, как рабочая сила и занятость находятся в тесной взаимосвязи с другим показателем — численностью населения. Данные Бюро переписи населения США [4] (Рис. 1) можно аппроксимировать стабилизирующим уравнением [1, 170]

$$\frac{dN}{dt} = \frac{C_1}{(t^* - t)^2 + \tau^2}, \quad (1)$$

где N — численность населения, измеряемая в миллионах человек, t^* — время, соответствующее максимальной скорости роста N , измеряемое в годах, τ — время, ограничивающее скорость роста N , измеряемое в годах. Модель даёт следующее решение

$$N(t) = C_0 - \frac{C_1}{\tau} \arctg\left(\frac{t^* - t}{\tau}\right), \quad (1.1)$$

$$C_0 = 256.58, \quad C_1 = 15768.2, \quad \tau = 75.58, \quad t^* = 1991.$$

Коэффициенты последнего уравнения определены посредством оптимизации:

$$\sum_j^m (N(t_j) - N_j)^2 \rightarrow \min,$$

где N_j — данные Бюро переписи населения США (1790–2010 годы).

Занятость. При исследовании общей занятости были использованы данные работы [2, форзац] с 1929 года по 1949 год (данные по рабочей силе за вычетом численности безработных), статистические данные Института США и Канады РАН [3, 29–33, 26–27] (1950–1993 годы) и данные Министерства труда США [5] (1994–2011 годы). Для описания динамики занятости использовано стабилизирующее уравнение, аналогичное (1.1):

$$L(t) = C_{0L} - \frac{C_{1L}}{\tau_L} \arctg\left(\frac{t_L^* - t}{\tau_L}\right), \quad (2)$$

где L — общая занятость, измеряемая в миллионах человек, t_L^* — время, соответствующее максимальной скорости роста L , измеряемое в годах, τ_L — время, ограничивающее скорость роста L , измеряемое в годах, $C_{0L} = 116.7$, $C_{1L} = 4725.3$, $\tau_L = 54.1$, $t_L^* = 1991$.

Коэффициенты последнего уравнения определены посредством оптимизации:

$$\sum_j^m (L(t_j) - L_j)^2 \rightarrow \min, \\ t_L^* = t^* = 1991,$$

где L_j — занятость населения США в период (1929–2011 годы).

Динамика численности населения, занятости и их скоростей отражены на Рис. 1–2.

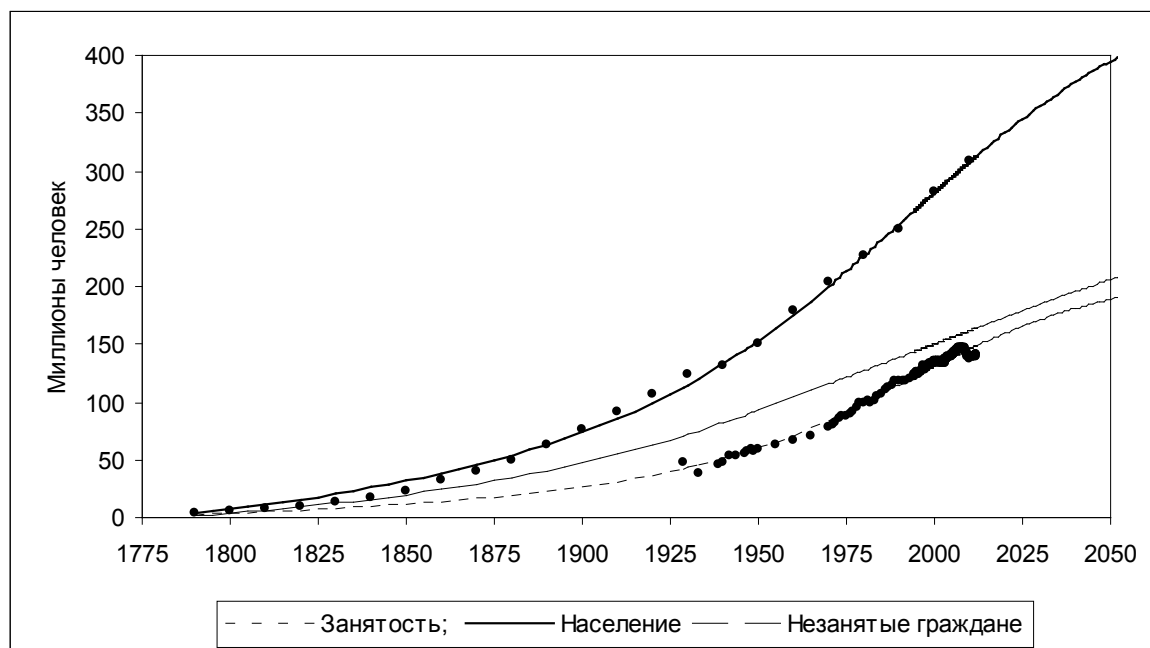

Рис. 1. Динамика численности населения, занятых и незанятых граждан в миллионах человек: точками показаны статистические данные Бюро переписи населения США (верхняя кривая) и наблюдения (нижняя кривая).

На момент времени, соответствующий 1790 году население США составляло 3.93 миллиона человек, а численность занятого населения — 2.56 миллиона человек. Таким образом, незанятое в экономике госу-

дарства население составляло примерно 35% от общей численности населения. На Рис. 3 представлена динамика численности незанятых граждан в общей численности населения США в процентах.

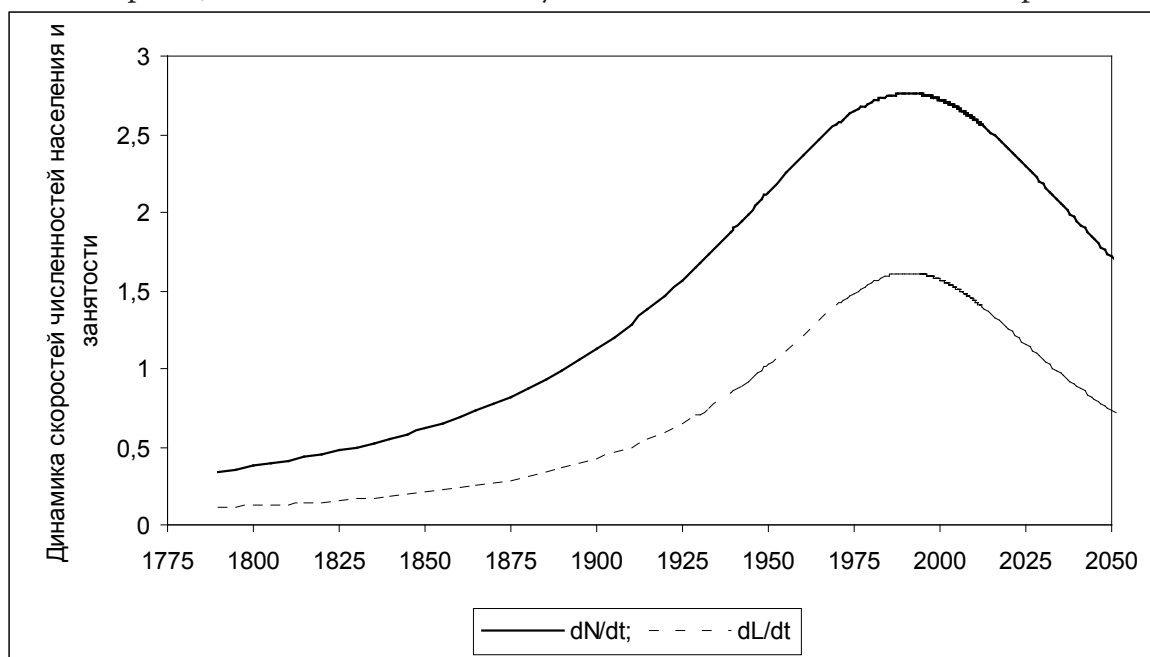

Рис. 2. Динамика скоростей численностей населения $\frac{dN}{dt}$ и занятости $\frac{dL}{dt}$.

Немонотонное поведение функции, отражённой на Рис. 3, объясняется демографическим переходом в окрестности 1991 года.

Определим границы демографического переход-

ного процесса и его длительность по изменению второй производной функции $N(t)$:

$$\frac{d^2N}{dt^2} = \frac{2C_1(t^* - t)}{\left((t^* - t)^2 + \tau^2\right)^2}. \quad (3)$$

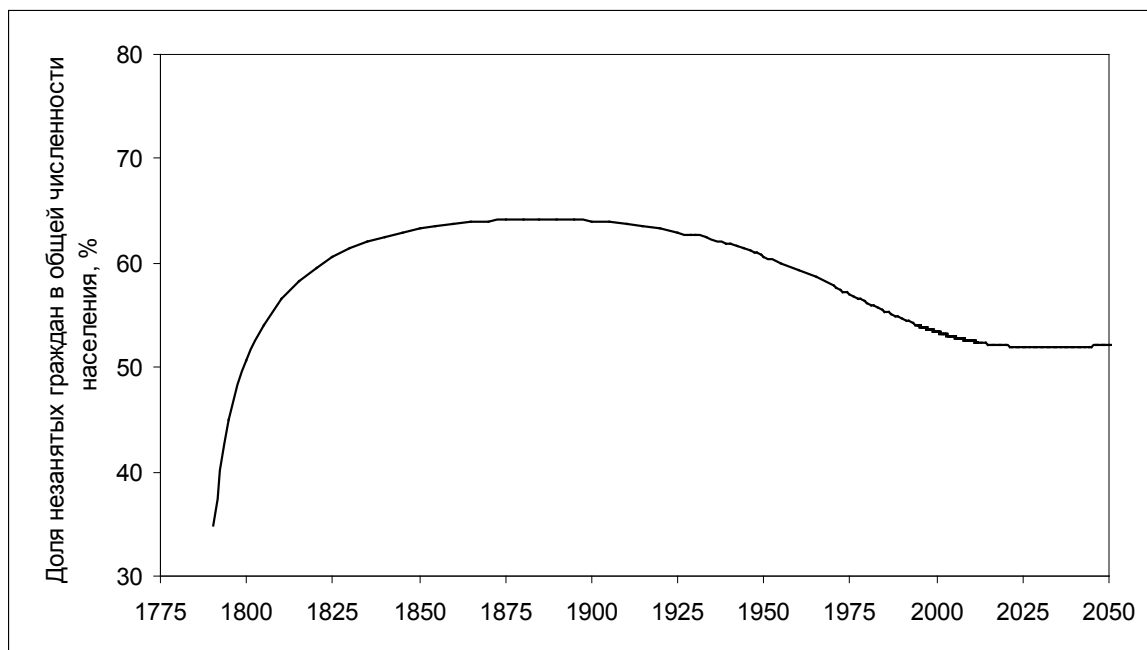

Рис. 3. Динамика незанятых граждан в общей численности населения США в%.

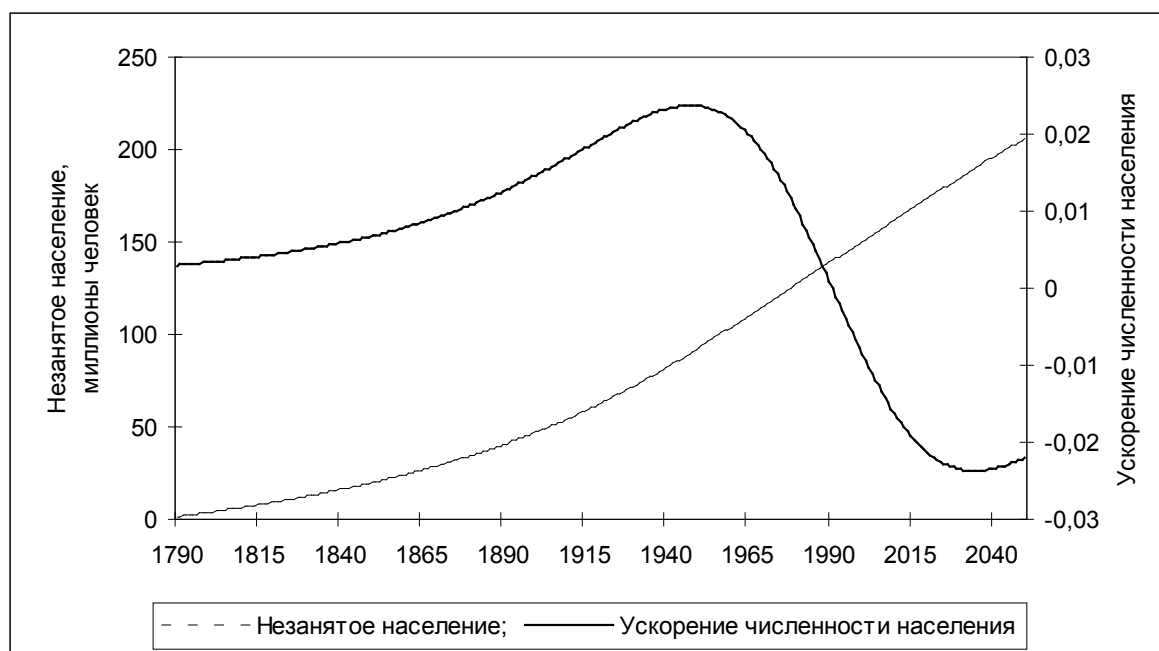

Рис. 4. Ускорение численности населения США и численность незанятого населения.

Наступление переходного процесса определим, как время максимального набора скорости роста населения, а момент завершения — как время максимального спада прироста населения:

$$\max \frac{d^2 N}{dt^2}(1947.5) = 0.024, \quad \min \frac{d^2 N}{dt^2}(2034.5) = -0.024.$$

Таким образом, продолжительность демографического переходного процесса в США составляет 87 лет (1948–2035 годы). В 1948 году население США насчитывало 148.76 миллионов человек, а к моменту завершения переходного процесса составит 366.65 миллионов человек (в соответствии с моделью (1)), т.е. вырастет в 2.46 раза

(переходный мультипликатор Шене). После завершения переходного процесса динамика численности незанятого населения становится менее интенсивной.

Численность безработных. При исследовании динамики численности безработных были использованы данные работы [2, форзац] (1929–1949 годы), статистические данные Института США и Канады РАН [3, 26–27] (1950–1993 годы) и данные Министерства труда США (1994–2011 годы). Для описания динамики численности безработных было использовано уравнение

$$U(t) = C_{0U} - \frac{C_{1U}}{\tau_U} \arctg\left(\frac{t_U^* - t}{\tau_U}\right), \quad (4)$$

где U — численность безработных, измеряемая в миллионах человек, t_U^* — время, соответствующее максимальной скорости роста U , измеряемое в годах, τ_U — время, ограничивающее скорость роста U , измеряемое в годах, $C_{0U} = 7.2$, $C_{1U} = 158.8$, $\tau_U = 35.3$, $t_U^* = 1991$.

Коэффициенты последнего уравнения определены посредством оптимизации:

$$\sum_j^m (U(t_j) - U_j)^2 \rightarrow \min,$$

$$t_U^* = t^* = 1991,$$

где U_j — численность безработных в США (1929–2011 годы). Результаты вычислений отражены на Рис. 5–7.

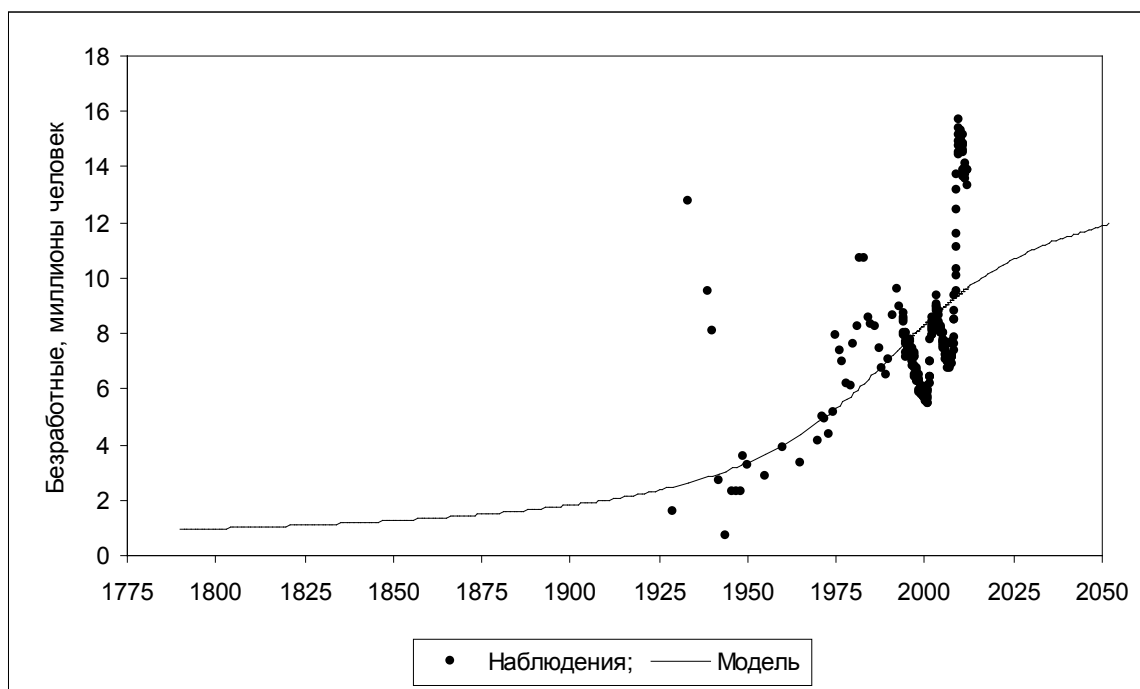

Рис. 5. Динамика численности безработных в миллионах человек.

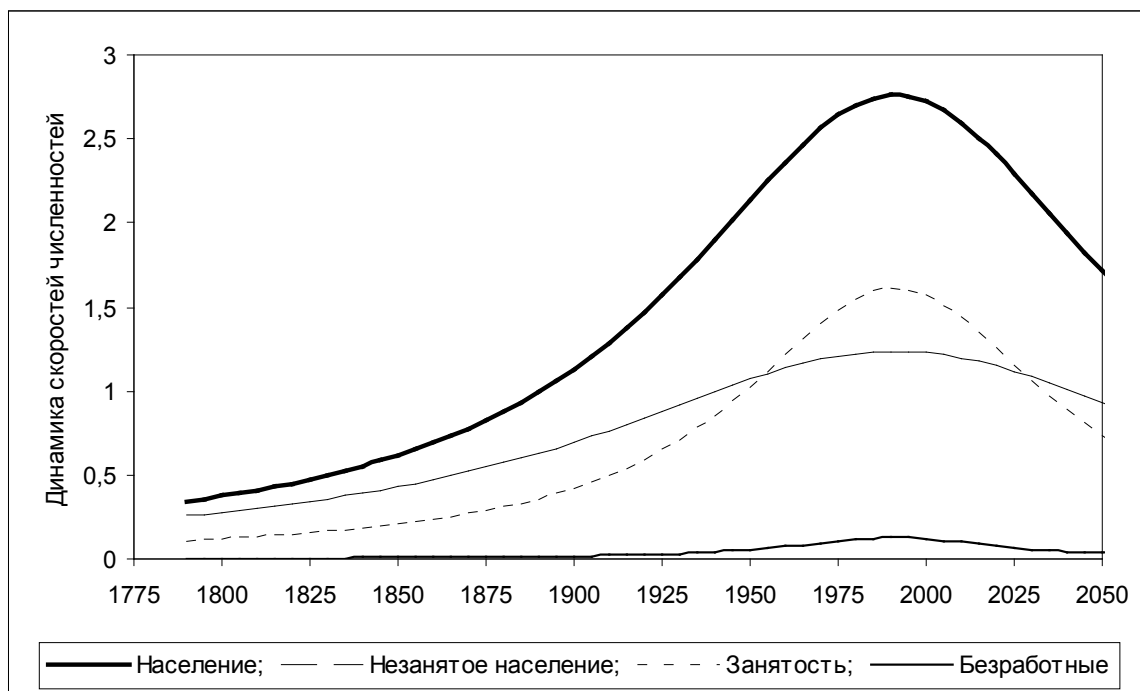

Рис. 6. Динамика скоростей численностей населения, занятых и безработных в миллионах человек.

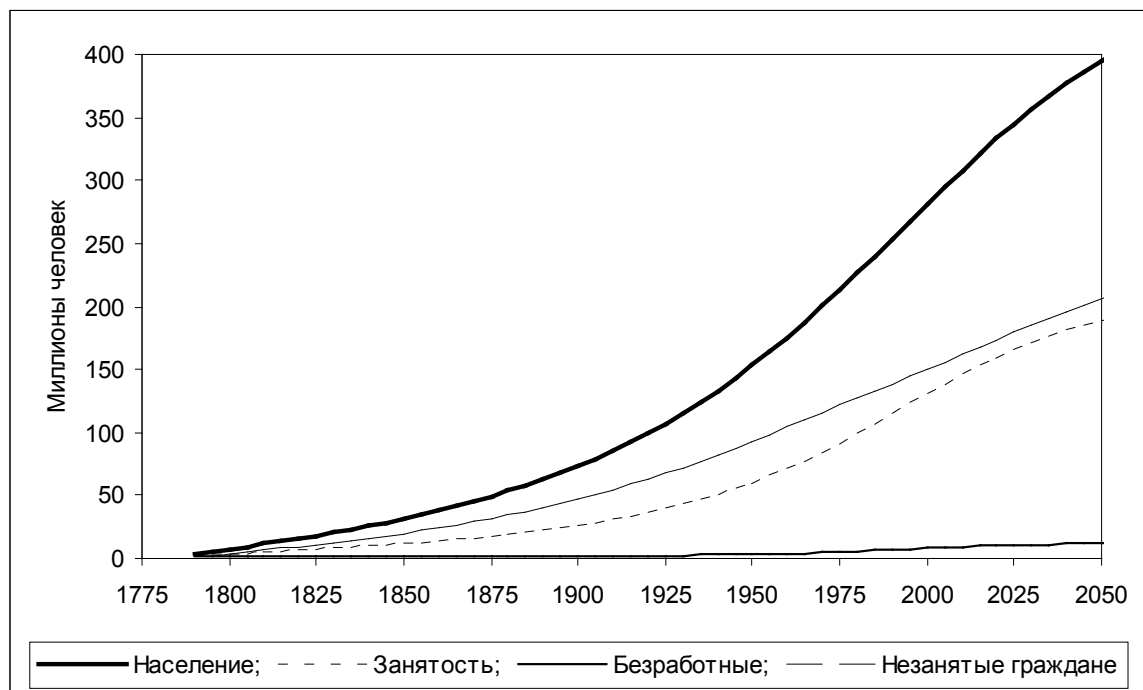

Рис. 7. Динамика численностей населения, занятых и безработных в миллионах человек.

Иммигранты. Межконтинентальные миграции, произошедшие с середины XV до середины XVII веков, главным образом происходили из Европы в Австралию и в Америку. Соединённые Штаты Америки до сих пор остаются страной, в которой население про-

должает расти не только за счет естественного прироста, но и за счёт иммиграции. На Рис. 8, отражающем данные иммиграционной статистики [6], показана динамика численности легальных мигрантов в общей численности населения США с 1820 года по 2010 год.

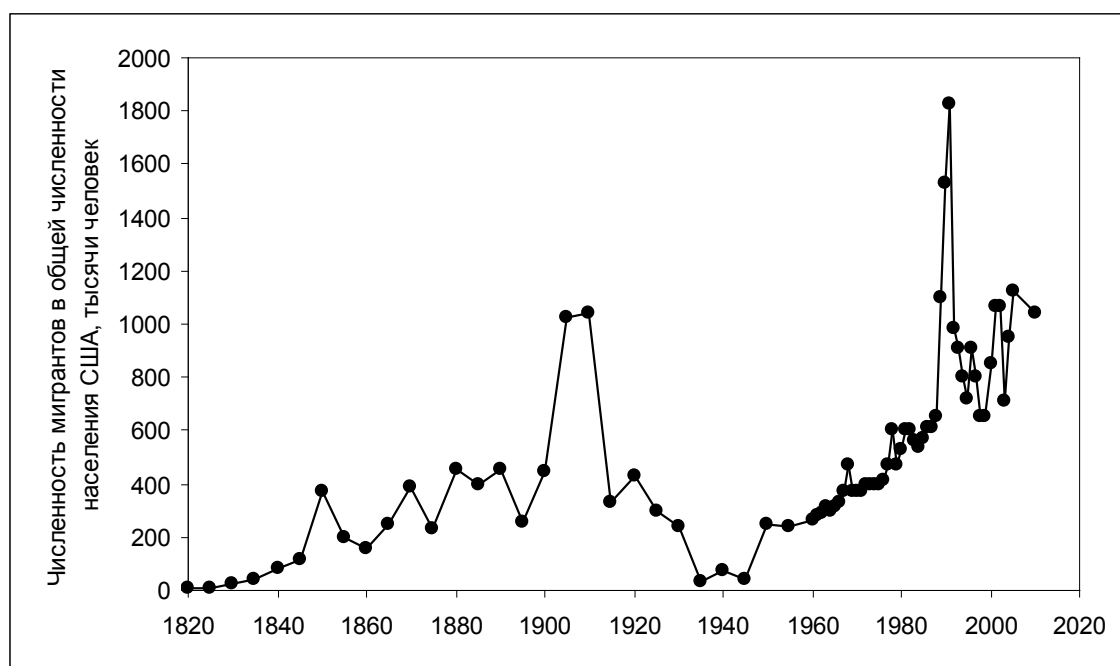

Рис. 8. Численность мигрантов в общей численности США

Используя результаты моделирования (1), можно выразить число мигрантов в процентах от общей численности населения (Рис. 9).

С начала XIX века процент мигрантов в общей численности населения США не превысил пика

в 1.29% в 1905 году. Последний пик в 0.71% наблюдался в 1991 году. В 2010 году численность населения США составила 308.07 миллиона человек, вклад иммигрантов в которую составил 0.34% (немного больше одного миллиона человек).

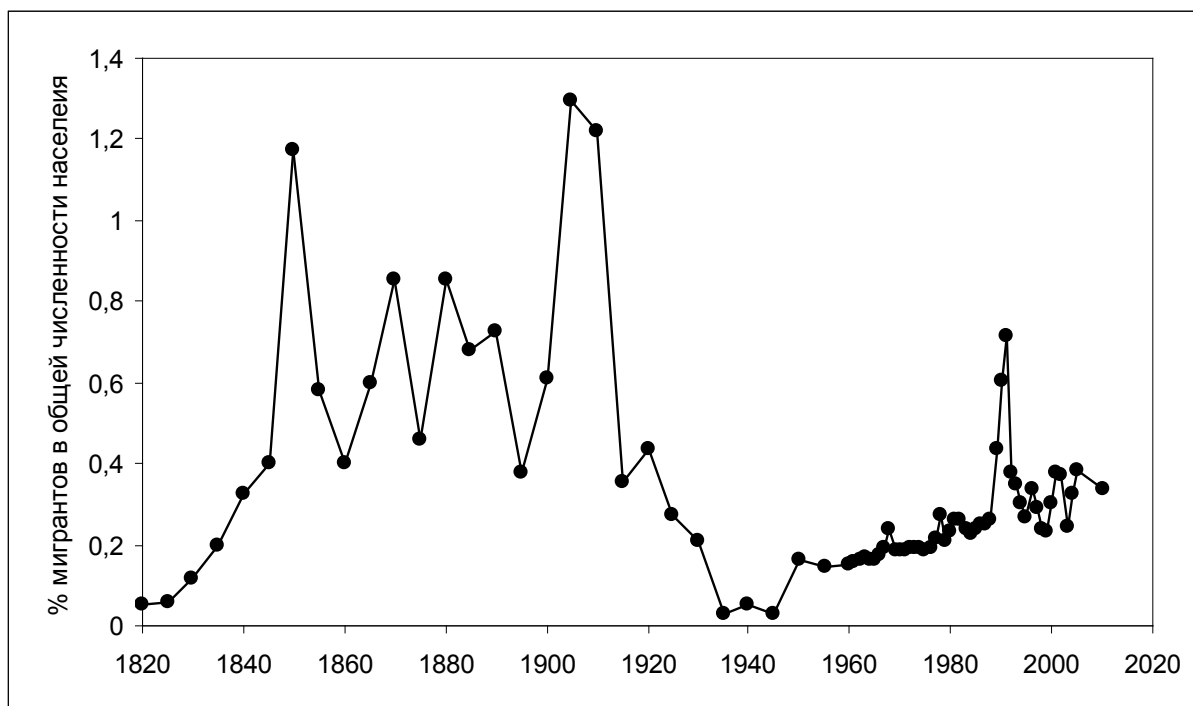

Рис. 9. Процент мигрантов в общей численности населения.

Список литературы:

1. Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010.
2. Макконнелл К. Р. Брю С. Л. Экономикс: Проблемы, принципы и политика. В 2 т.: – М.: Республика, 1992.
3. Корнеев А. В., Кучумова Е. А. База данных «Прогноз основных экономических показателей США на 1997–2010 гг.: функциональная аппроксимация аналитических трендов». – М.: ИСК РАН, 1997.
4. United States Census Bureau, Bureau of the Census. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://factfinder.census.gov/home/saff/main.html?_lang=en, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2012 г.).
5. Employment Situation Archived News Releases. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.bls.gov/schedule/archives/empsit_nr.htm, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2012 г.).
6. Official website of the Department of Homeland Security. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dhs.gov/>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: май 2012 г.).

*Salnikova Olga Fedorivna,
The National Academy of Public Administration, the President of Ukraine,
Senior researcher, candidate of engineering sciences, department of globalistic,
eurointegration and management of national security
E-mail: greekolga@list.ru*

Conceptual principles of development of supervising documents concerning transformation of the military-industrial complex of Ukraine

Abstract: In the article the analysis of supervising documents is conducted in relation to the increase of defensive capacity of the state that will give an opportunity to give suggestions in relation to the improvement of the system of supervising documents.

Keywords: system of supervising documents, military-industrial complex, armament and military technique, state administration.

Realities of present time testify: in relation to the increase of defensive capacity of the state, it was not succeeded introduction in an action of legal acts to balance the structure of military-industrial complex (MIC) with resource possibilities of the state and satisfy the requirements of Armed Forces of Ukraine (AFU) and other soldiery forming in the modern standards of armament and military technique (AMT).

The analysis of supervising documents in this sphere will give will find out system defects in their realization and in next publications will give an opportunity to give suggestions in relation to the improvement of the system of supervising documents in relation to organization of state administration of MIC of Ukraine.

It is marked in Constitution of Ukraine, that the defensive of Ukraine, defence of her sovereignty, territorial integrity and inviolability, depend upon AFU. The president of Ukraine carries out guidance in the spheres of national safety and heads national security and defensive of Ukraine Council. The cabinet of Ministers of Ukraine carries out measures in relation to providing of defensive capacity and national safety of Ukraine. A national security and defensive council is a co-ordinating organ on questions national safety and defensive at President of Ukraine. It coordinates and controls activity of organs of executive power in the field of national safety and defensive [1].

In Law of Ukraine «National security and defensive of Ukraine» is marked that national security and defensive of Ukraine Council is a co-ordinating organ on questions national safety and defensive at President of Ukraine. It develops and examines on meeting of question, that in accordance with Constitution and laws of Ukraine, Conception of national safety of Ukraine, Military doctrine of Ukraine belong to the sphere of national safety and defensive, and gives to offering to President of Ukraine [2].

In Law of Ukraine «Defense of Ukraine» specified, that an important measure from preparation of the state to the defensive is forming and realization of military-technical policy of the state [3].

In Law of Ukraine «Bases of national safety of Ukraine» directions of military-technical policy are indicated in a context forming of national safety and problem, that exist [4]. It is underlined in Law, that on the modern stage by the basic real and potential threats in society is been national safety of Ukraine, stability:

- in scientifically-technological sphere;
- increasing scientifically-technological lag of Ukraine is from the developed countries;

- unefficiency of public innovative policy, mechanisms of stimulation of innovative activity;
- subzero competitiveness of products;
- lack of development of internal market of hi-tech products and absence of him effective protecting from foreign technical and technological expansion;
- decrease in internal demand on training of scientific and technical personnels for scientific, designer, technological establishments and hi-tech enterprises, unsatisfactory level of payment of scientific and technical labour, falling of its prestige, imperfection of mechanisms of defence of intellectual ownership rights;
- an ebb of scientists, specialists, skilled labour force is outside Ukraine.

In Law of Ukraine «Government defensive order» general legal and economic principles (principles) of forming, placing, financing and state defensive ordering that regulates relations in this sphere fulfillment are certain [5].

In Law of Ukraine «Armed Forces of Ukraine» is marked, that Ukraine, taking into account the necessity of providing of own military safety and defensive has AFU with a necessary level them alertness and battle-worthiness [6].

This Law determines functions, composition of AFU, legal principles of their organization, activity, distribution, guidance and management by them.

In position about Department of defense of Ukraine (DDU) marked that, one of basic tasks of DDU there is realization of public policy on questions a defensive and military building [7].

In position DDU is marked, that Ministry must engage in development of military scitech, to determine directions of forming of military-technical policy (MTP), but did not take into account factors in relation to realization of MTP.

The marked documents are important from the point of view of realization of MTP, however the mechanisms of forming and realization of MTP in them are not certain.

It is indicated in the Strategic defensive bulletin of Ukraine, that Military organization of the state in existent configuration is already unable to execute in a complete measure a task in the spheres of national safety and defensive the states fixed on its by the legislation of Ukraine [8]. On such conditions Military organization of the state is reorganized in the sector of safety and defensive of Ukraine, it is legislatively envisaged and the mechanism of his functioning is clearly certain in a peace-time and in crisis situations.

By an important element in the system of the strategic defensive planning, in particular subsystems of forming and realization of MTP, there is the Government having a special purpose defensive program of development of armament and military technique (AMT) in 2012–2017. In its priority directions are expounded in rigging of AFU by the modern modernized and new standards of AMT, common financing of measures of development and purchase of AMT after 2017. But absence in Ukraine of the national system of the strategic defensive planning stipulated and row of defects and inconsistency of measures in the Government having a special purpose defensive program of development of AMT and in the Government program of reformation and development of MIC, on that it is needed to direct necessary financial, material and technical and intellectual resources.

In 2003 the Decree of President of Ukraine was approved the Conception of military-technical collaboration (MTC) of Ukraine with the foreign states to period 2010. To according to this Conception of MTC examined as one of basic factors of scientifically-technological development of MIC, source of receipt of money for development of the newest technologies, creation and purchase of AMT for the necessities of AFU, other soldiery forming and law enforcement authorities of Ukraine [9]. In 2004 the Government program of development of AMT was ratified to period 2015 [10]. In 2005 by Decision of Cabinet of Ministers of Ukraine on September, 19 in 2005 № 932–0010 the Government program of development of AMT AFU is ratified to period 2009 [11]. Results of implementation of the Government program of development of AMT AFU to period 2009 to testify that general improvement of the technical state of basic types of AMT it took place not, the level of the technical rigging of AFU had become worse, but accepted in the first decade of XXI of century of conception and program of development of AMT and also restructuring of MIC were not executed.

In Ukraine at the beginning the row of supervising documents is worked out and accepted XXI of century from the questions of realization of reforms of MIC (Conception of structural alteration of MIC of Ukraine, ratified by Decree of President of Ukraine on March, 5 in 2002 № 219; Government program of reformation and development of MIC to period 2010 [12]. The however put tasks in relation to reformation of MIC were not executed. The government program of reformation and development of MIC to period 2010 was actually failed [12].

By the order of Cabinet Ministers of Ukraine (CMU) on April, 2 in 2008 № 560-p the ratified Strategy of development of MIC of Ukraine; By the decision of CMU on August, 27 in 2008 № 766 the Government having a special purpose program of reformation and development of MIC is approved to 2013. Measures are however foreseen by its mostly were not specified and does not embrace all MIC. They have declarative character and not provided with necessary budgetary assignments. On the estimations of experts, this program worst, than previous, and not executed because at its forming the row of miscalculations was sufferet in relation to the models of reformation of MIC and account of world experience [13].

In Ukraine also institutional changes came true from strengthening of efficiency of management of MIC. For example, in accordance with Decision of CMU on August, 27 in 2008 № 793 it was created in composition Ministry of industrial policy Agency on questions of MIC. At Ministry of industrial policy from 2006 a constantly operating commission was created on questions licensing of economic activity in the field of development, making, realization, repair, modernisation and utilization of AMT, military weapon and live ammunitions to its. By the order of Ministry of industrial policy on June, 04 in 2008 № 355 Advice was formed on questions a defensive-industrial policy as a consultative-deliberative organ at Ministry of industrial policy of Ukraine.

Thus, worked out and the accepted supervising documents from realization of reforms in MIC and their realization in the first decade of XXI of century did not provide the improvement of the state of defensive industry of Ukraine. For the increase of efficiency of the system of state management in MIC is necessary creation at the level of higher organs of executive power of only interdepartmental structure with plenary powers of organ of central power, that would carry out the functions of forming, planning, organization, coordination and control. The State agency must become such structure on questions a defensive-industrial policy at Cabinet of Ministers of Ukraine. The representative of Cabinet of Ministers of Ukraine must lead this service in a grade not below vice-prime. In order that decisions of service were obligatory for all organs of executive power, they must be put in an operation by Decisions of Cabinet of Ministers of Ukraine over the signature of Prime-Minister.

Список літератури:

1. Конституція України, Верховна Рада України; Конституція, Закон від 28.06.1996 № 254 к/96-ВР.
2. Про Раду національної безпеки і оборони України, Верховна Рада України; Закон від 05.03.1998 № 183/98-ВР
3. Про оборону України, Верховна Рада України; Закон від 06.12.1991 № 1932-ХІІ
4. Про основи національної безпеки України, Верховна Рада України; Закон від 19.06.2003 № 964-ІV
5. Про державне оборонне замовлення, Верховна Рада України; Закон від 03.03.1999 № 464-ХІV
6. Про Збройні Сили України, Верховна Рада України; Закон від 06.12.1991 № 1934-ХІІ
7. Про Положення про Міністерство оборони України та Положення про Генеральний штаб Збройних Сил [...], Президент України; Указ, Положення від 06.04.2011 № 406/2011
8. Про Стратегічний оборонний бюлетень України, РНБО; Рішення від 29.12.2012
9. Про Концепцію військово-технічного співробітництва України з іноземними державами на період до 2010 року: указ Президента України від 27.08.2003 р. № 913/2003//Офіційний вісник України. — 2003. — № 35. — Ст. 1882.
10. Перелік державних (цілових) програм, які виконуються в межах бюджетних програм: указ Президента України від 02.11.2004 р. № 1338–19 [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://www.kmu.gov.ua>
11. Про затвердження Державної програми розвитку ОВТ ЗСУ на період до 2009 року: постанова Кабінету Міністрів України від 19.09.2005 р. № 932–0010.
12. Про затвердження Державної програми реформування та розвитку оборонно-промислового комплексу на період до 2010 року: постанова Кабінету Міністрів України від 31.03.2004 р. № 423//Офіційний вісник України. — 2004. — № 14. — Ст. 971.
13. Горбулін В. П. Україна потребує нової воєнно-технічної політики/В. П. Горбулін [Електронний ресурс]. — Режим доступу: <http://defense-ua.com/rus/hotnews/?id=30647&prn=yes>

*Sakharova Larisa Anatolievna,
Professor of the Department of Modern trading operations
North-South of Moscow State University of Food Production, Moscow
E-mail: vdmitriev@mail.ru*

Industry of Russia in global measurements

Abstract: In article the assessment of a condition of industrial production on development of value added per capita is given. Much attention is paid to dynamics of a share of the industry in structure of gross domestic product over various countries of the world. On the basis of results of the carried-out analysis affirms about need as much as possible to adapt domestic the industries for challenges of globalization and a market economy, realizing the developed Russian benefits.

Keywords: industry, gross value added, index of industrial production, industry structure.

*Сахарова Лариса Анатольевна,
профессор кафедры «Современные торговые операции Север-Юг»
Московского государственного университета пищевых производств, г. Москва
E-mail: vdmitriev@mail.ru*

Промышленность России в глобальных измерениях

Аннотация: В статье дана оценка состояния промышленного производства по выработке добавленной стоимости на душу населения. Большое внимание уделено динамике доли промышленности в структуре валового внутреннего продукта по различным странам мира. На основе результатов проведенного анализа утверждается о необходимости максимально адаптировать отечественную промышленность к вызовам глобализации и рыночного хозяйства, реализова сложившиеся российские преимущества.

Ключевые слова: промышленность, валовая добавленная стоимость, индексы промышленного производства, структура промышленности.

Развитие процессов глобализации мирового хозяйства и социально-экономической трансформации постиндустриального общества обостряют проблемы формирования адекватных вызовов рынка и мировой конкуренции тенденций промышленного развития. Это одновременно становится и приоритетом социально-экономического развития, и приоритетом формирования экономической безопасности.

По ряду показателей российская промышленность занимает лидирующие позиции. По объему производства нефти и природного газа Россия занимает первое место. На третьем месте страна находится по объему производства чугуна. На четвертом — по производству электроэнергии. На пятом — по объему вывоза древесины и т. д.

Однако анализ лишь данных показателей не способен с достаточной полнотой охарактеризовать результаты и процессы развития промышленного производства в России, а также не способствует выяв-

лению различного рода конкурентных преимуществ, созданных в отечественной экономике для промышленного роста.

В таблице 1 представлены результаты расчетов аналитиками журнала «Эксперт» уровня отставания (>1) и опережения (<1) России по выработке добавленной стоимости на душу населения по некоторым важнейшим видам промышленной деятельности. Расчеты производились на основе данных Industrial Statistics Yearbook (UNIDO) за 2009 год. Из таблицы 1 видно, что по некоторым показателям промышленность России отстает от промышленности развитых стран мира в десятки раз. Кроме того, российская промышленность также значительно уступает промышленности развитых стран по объемам выпуска в таких секторах, как общее машиностроение, специальное машиностроение и автомобилестроение (в 10–25 раз). Помимо этого, значительное отставание наблюдается и по иным отраслям и подотраслям.

Таблица 1 – Отставание (>1), опережение (<1) России по выработке добавленной стоимости на душу населения в сравнении с некоторыми странами по видам промышленной деятельности в 2005 г., раз*

Подотрасль обрабатывающей промышленности	США	Германия	Япония	Финляндия	Ю. Корея	Бразилия
Драгоценные и цветные металлы	1,0	0,9	1,1	1,2	1,4	0,2
Чугун и сталь	1,7	2,1	4,5	4,0	4,7	0,8
Базовая химия	6,4	4,7	4,4	4,2	3,9	0,8
Бумага и изделия из нее	18,5	10,2	13,2	52,5	7,8	2,7
Изделия из пластмасс	23,5	22,5	28,9	16,5	21,9	2,5
Цемент, известь, гипс	2,9	1,7	1,9	2,9	3,8	...
Пиломатериалы	4,3	2,6	2,8	12,1	1,0	0,7
Электромоторы, генераторы, трансформаторы	2,6	5,2	4,4	14,6	4,6	0,6
Общее машиностроение	10,4	17,8	12,5	13,5	8,8	0,9
Специальное машиностроение	12,5	22,9	24,5	25,0	18,7	1,6
Автомобилестроение	12,8	24,7	18,5	1,2	17,2	1,9
Медицинская, измерительная и тестирующая аппаратура	29,2	17,9	11,3	14,3	4,5	0,5
Фармацевтические препараты и субстанции	66,0	31,5	48,7	17,6	19,0	...
Офисные, бухгалтерские и вычислительные машины	75,6	33,7	70,4	1,6	39,0	3,6
Одежда, кроме меховой	5,9	4,4	4,3	5,0	16,4	2,0
Переработка мяса, рыбы, фруктов, овощей, жиров	7,1	3,5	3,9	...	2,0	1,7
Прядение, ткачество и отделка текстиля	7,7	4,6	8,1	1,6	17,0	2,5
Бытовые электроприборы	13,6	20,8	37,4	5,9	26,9	2,6
Мебель	26,1	16,4	8,3	16,5	9,5	1,7

* таблица составлена автором на основе данных [4]

Безусловно, одним из существенных факторов, из числа определяющих подобное отставание, может являться развитие международной торговли и углубление промышленной специализации стран. Однако по общему уровню отставания можно говорить, что уровень производства представленных важнейших промышленных видов деятельности в развитых странах мира является сопоставимым. В то же время сопоставимым является и уровень отставания по развивающимся странам (в частности, в таблице представлены сведения по промышленному производству в Бразилии). В целом это отличает сферу промышленного производства развитых стран, ориентированную на производство высокотехнологичных средств производства и предметов потребления, от сферы промышленного производства развивающихся стран, ориентированную на производство ресурсов и удовлетворение незначительного объема внутренних по-

требностей, что не может быть полностью списано на углубление промышленной специализации.

Одним из результатов представленного выше уровня отставания промышленного производства является высокий уровень импортозависимости.

В таких условиях необходимо определить новые приоритеты промышленного развития [3]. Кроме того, повышается значение производства валовой добавленной стоимости в промышленном секторе национальной экономики.

На рисунке 1 показано, что наибольший объем промышленного производства приходится на Китай — 4039 млрд.\$. Затем, с практически в два раза меньшим показателем, идет промышленность США — 2365 млрд.\$. Россия находится на 5 месте и с показателем в 731 млрд.\$ отстает от Японии и Индии, но опережает Германию, Мексику, Южную Корею и прочие страны.

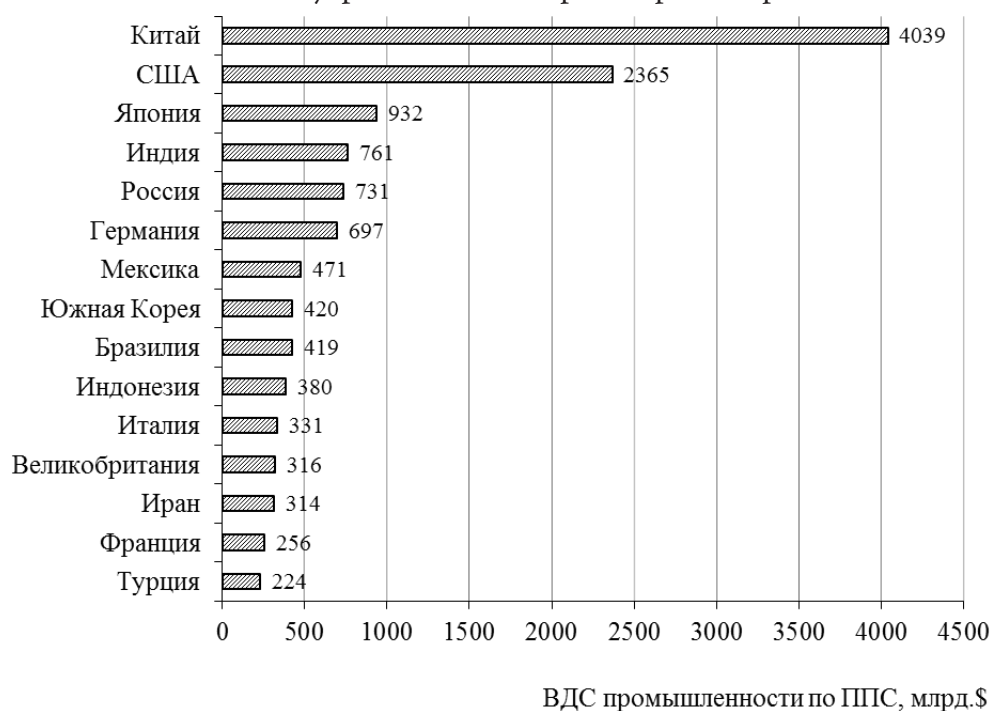

Рисунок 1. Страны — лидеры по объему производства валовой добавленной стоимости в промышленности в 2010 году, млрд. долл. США по паритету покупательской способности (диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных [5])

Из таблицы 2 видно, что за рассматриваемый период времени совокупный объем промышленного производства в Китае — лидере среди всех стран мира по объему промышленного производства в 2010 году — увеличился на 233,5%, а средний ежегодный прирост составил 12,8%. Темпы роста промышленного производства Китая позволили опередить прежнего лидера — США, где за 10 лет объем промышленного производства вырос всего лишь на 31,5%, а средний ежегодный прирост составил

всего лишь 2,8%. При этом в Китае средние ежегодные темпы роста промышленного производства в значительной степени превосходили темпы роста по остальным странам — лидерам по объему промышленного производства.

Промышленное производство в России в период с 2000 по 2010 годы выросло на 152,9%, а средние ежегодные темпы роста составили 9,7%. Это второй результат по странам — лидерам по объему промышленного производства.

Таблица 2. – Производство валовой добавленной стоимости в промышленности в странах лидерах по объему производства в 2010 году и динамика роста производства в период с 2000 по 2010 годы*

Место в 2010 году	Страна	ВДС промышленности по ППС, млрд.\$		Прирост,%	
		2000 год	2010 год	за 10 лет	в год
1	Китай	1211	4039	233,5	12,8
2	США	1799	2365	31,5	2,8
3	Япония	792	932	17,7	1,6
4	Индия	309	761	146,3	9,4
5	Россия	289	731	152,9	9,7
6	Германия	481	697	44,9	3,8
7	Мексика	254	471	85,4	6,4
8	Южная Корея	228	420	84,2	6,3
9	Бразилия	236	419	77,5	5,9
10	Индонезия	201	380	89,1	6,6
11	Италия	297	331	11,4	1,1
12	Великобритания	282	316	12,1	1,1
13	Иран	140	314	124,3	8,4
14	Франция	245	256	4,5	0,4
15	Турция	136	224	64,7	5,1

* таблица рассчитана и составлена автором на основе данных [5].

В целом же анализ информации, представленной в таблице, позволяет выявить тот факт, что в последнее десятилетие наиболее высокие темпы роста промышленного производства были свойственны развивающимся странам азиатско-тихоокеанского региона. В то время как темпы роста промышленного производства в развитых странах, в т. ч. в странах старого света, были одними из самых низких. Данный факт позволяет прогнозировать дальнейшее ослабление позиций развитых стран в промышленной сфере в ближайшие годы.

Между тем, несмотря на очевидность представленного выше факта, в последнее время актуальность приобретают вопросы, касающиеся определенного рода «репатриации» промышленных производств из развивающихся стран в развитые страны на фоне ослабления конкурентных позиций первых и ослабления геополитических позиций последних. Справедливость данного заключения в глобальных масштабах можно проверить путем изучения динамики ежегодных темпов прироста индексов промышленного производства по странам — лидерам по объему промышленного производства.

Таблица 3. – Базисные темпы роста индексов промышленного производства по странам — лидерам по объему производства валовой добавленной стоимости в промышленности, в период с 2006 по 2012 годы, в% к 2005 году*

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Россия	106,3	113,5	114,2	103,6	112,1	117,4	120,4
Индия	113,0	130,0	134,0	141,0	152,0	157,0	158,0
Южная Корея	108,0	116,0	120,0	120,0	139,0	148,0	149,0
Турция	107,0	115,0	114,0	103,0	116,0	128,0	131,0
Мексика	106,0	108,0	107,0	97,0	106,0	111,0	116,0
Бразилия	103,0	109,0	112,0	104,0	115,0	115,0	112,0
Германия	105,0	111,0	112,0	94,0	104,0	111,0	110,0
США	102,0	105,0	102,0	90,0	96,0	99,0	103,0
Япония	104,0	107,0	104,0	82,0	95,0	92,0	92,0
Франция	101,0	102,0	99,0	85,0	89,0	91,0	89,0
Великобритания	100,1	101,0	98,0	89,0	91,0	90,0	88,0
Италия	103,0	106,0	102,0	83,0	89,0	89,0	84,0
Китай	116,0	...	...	...	...	...	...
Индонезия	98,0	102,9	106,0	107,0	112,4	...	...

* таблица составлена автором на основе данных [1]

Данные таблицы 3 показывают, что темп роста ИПП за рассматриваемый период в России составил 120,4% (т. е. физический объем промышленного производства за эти годы увеличился на 20,4%). В то же время темп роста ИПП за этот же период в Индии составил 158,0%, а в Южной Корее — 149,0%. Это уже позволяет говорить о том, что во второй половине десятилетия промышленный рост в России сбавил свои темпы, а в Индии — напротив. Аналогично и в Южной Корее.

На основе данных из таблицы 3 были рассчитаны цепные темпы прироста индексов промышленного производства (ИПП) по странам — лидерам по объему производства валовой добавленной стоимости (ВДС) в промышленности, в период с 2006 по 2012 годы, в% к предыдущему году.

Результаты расчетов представлены с помощью графиков на рисунке 2.

Анализ графиков позволяет отметить, что в России на всем протяжении рассматриваемого периода времени (с 2006 по 2012 годы) сохраняются темпы прироста ИПП на уровне выше среднего для рассматриваемой группы стран. Так, если в начале рассматриваемого периода — в 2006–2007 годах (до начала кризиса) — ежегодные темпы прироста промышленного производства России уступали ежегодным темпам прироста таких стран как Индия, Южная Корея и Турция, то уже в 2008–2009 годах Турция утратила свои позиции, а темпы роста отечественной промышленности по-прежнему уступали лишь темпам прироста в Индии и Южной Корее, и в дополнении к ним стали уступать темпам прироста ИПП в Бразилии.

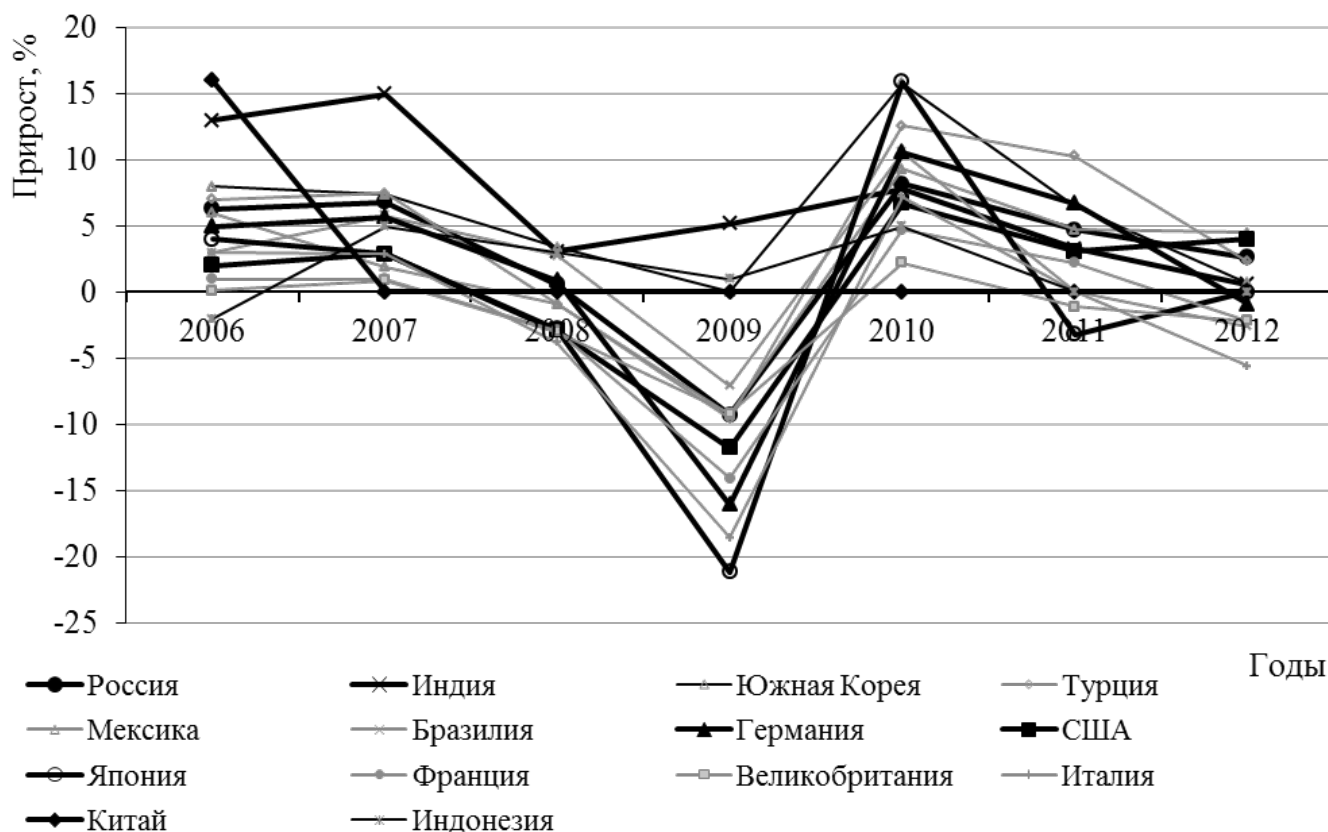

Рисунок 2. Динамика прироста индексов промышленного производства по странам — лидерам по объему производства валовой добавленной стоимости в промышленности, в период с 2006 по 2012 годы, в% к предыдущему году (графики построены автором на основе данных таблицы 3)

В посткризисные годы — 2010–2011 — ситуация несколько изменилась. Ежегодные темпы прироста промышленного производства в России по-прежнему уступали темпам прироста ИПП в Южной Корее и, второй год подряд, темпам прироста ИПП в Бразилии. Но при этом темпы прироста промышленности в Индии оказались ниже, а темпы прироста промышленности в Турции снова превосходили темпы прироста

отечественной промышленности. Кроме того, отечественные темпы прироста промышленности были превзойдены темпами прироста ИПП в Мексике, Германии и Японии. Однако превосходство показателей в Японии и Бразилии закончилось в 2011 году. В 2012 году темпы прироста промышленного производства в России уступили лишь темпам прироста ИПП в Мексике и США.

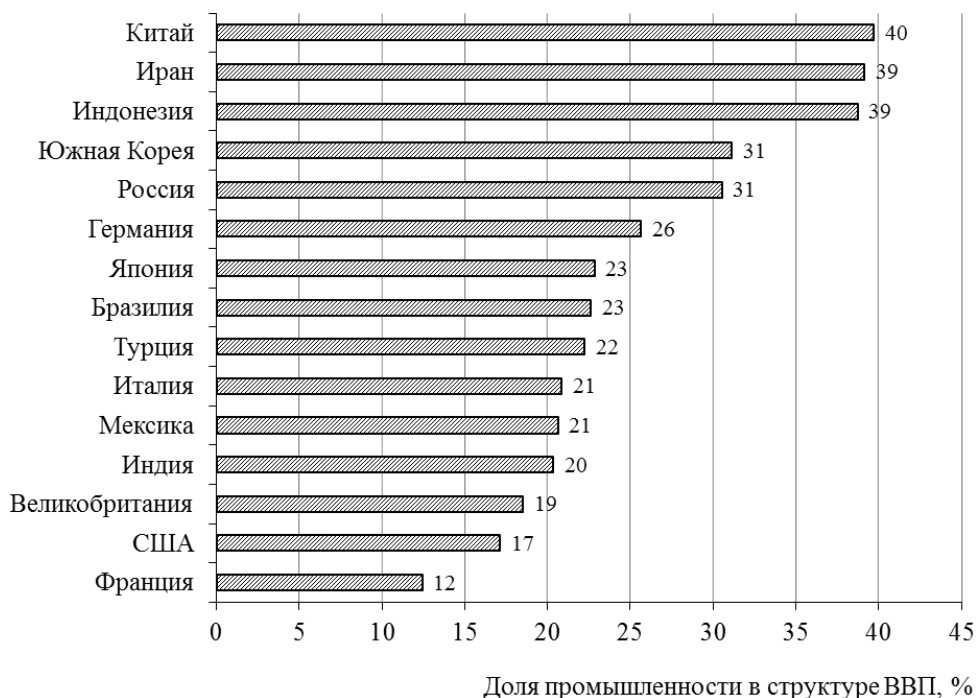

Рисунок 3. Доля промышленности в структуре ВВП по странам — лидерам по объему производства валовой добавленной стоимости (ВДС) в промышленности в 2011 году, % (диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных [2])

На рисунке 3 представлена диаграмма, показывающая, что наибольший вес в национальных экономиках индустриальный сектор имеет в Китае, Иране и Индонезии — порядка 40% национального ВВП. В России, как и в Южной Корее, на долю промыш-

ленности приходится порядка трети ВВП, в Германии — порядка четверти, а в США — лишь порядка 1/6 части. При этом самый маленький сектор промышленности в экономике Франции — всего лишь 12% ВВП.

Таблица 4 – Доля промышленности в структуре ВВП по странам — лидерам по объему производства валовой добавленной стоимости (ВДС) в промышленности, % и изменение доли в период с 2005 по 2011 годы*

	2005	2007	2011	Прирост к 2005, п. п.
Китай	45,9	42,0	39,7	– 6,2
Иран	35,9	39,1	39,1	3,2
Индонезия	38,7	38,7	38,7	0,0
Южная Корея	29,6	31,1	31,1	1,5
Россия	31,4	31,6	30,5	– 0,9
Германия	24,3	25,0	25,6	1,3
Япония	22,5	22,8	22,8	0,3
Бразилия	...	...	22,6	...
Турция	...	...	22,2	...
Италия	22,4	20,8	20,8	– 1,6
Мексика	21	20,6	20,6	– 0,4
Индия	19,9	20,3	20,3	0,4
Великобритания	21,3	18,5	18,5	– 2,8
США	17,9	17,6	17,1	– 0,8
Франция	19,7	15,1	12,4	– 7,3

* таблица рассчитана и составлена автором на основе данных [2]

Данные таблицы 4 показывают, что за рассматриваемый период времени доля промышленности в национальной экономике практически не изменилась.

Аналогичное заявление можно сделать и в отношении большей части стран, представленных в таблице. Однако это не касается Франции, где доля промыш-

ности в ВВП страны сократилась более чем на 7 п. п., что является очень существенным сокращением, учитывая исходно незначительный размер доли промышленных производств в экономике страны. Также на 6 п. п. сократилась доля промышленности в ВВП Китая, в то время как доля промышленности в ВВП Ирана увеличилась на 3,2 п. п.

Таким образом, становится видно, что ежегодные темпы прироста отечественного промышленного производства в целом находились на среднем уровне для стран — лидеров по объему производства валовой добавленной стоимости (ВДС) в промышленности. При этом динамика прироста ИПП в России была более устойчивой, нежели в развивающихся странах. Помимо этого интерес представляет факт высоких темпов прироста промышленного произ-

водства в последние годы в Германии и США, а также снижение темпов прироста ИПП в развивающихся странах мира — лидерах начала рассматриваемого периода. И хотя это не доказывает однозначно факта «репатриации» промышленных производств из развивающихся стран в развитые страны, тем не менее, подобная динамика указывает на возможные структурные изменения в мировом промышленном производстве в ближайшие годы.

Именно в этих условиях требуется учесть противоречивые тенденции национального промышленного развития и максимально адаптировать динамику промышленности к вызовам глобализации и рыночного хозяйства. Это целесообразно считать основой российского социально-экономического и промышленного развития.

Список литературы:

1. Российский статистический ежегодник. 2013: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2013. – С. 683.
2. Россия и страны мира. 2012.: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2012. – С. 82–85.
3. Татуев А. А., Еделев Д. А., Кереев М. А. Приоритеты промышленного развития национальной экономики // Вестник института Дружбы народов Кавказа «Теория экономики и управления народным хозяйством». – 2013. – № 4 (28). – С. 46–55.
4. Эксперт Online. – URL: http://expert.ru/ratings/otstavanie_1_-operezhenie_1-rossii-po-vyirabotke-dobavlennoj-stoimosti-na-dushu-naseleniya-v-sravnении-s-nekotoryimi-stranami-raz-2005-g
5. International Yearbook Of Industrial Statistics, 2011. – Vienna, Austria.: UNIDO, 2011. – 768p.

*Stefanchuk Elena Nikolaevna
Moscow State University of Food Productions,
graduate student
E-mail: stelena2502@gmail.com*

The decline in industrial employment and value added growth

Abstract: This article discusses the development of the industrial sector of the economy in the post-industrial era. The main attention is paid to the analysis of trends of gross value added, the presence of fixed assets by sector, the structure of investments in fixed capital, the dynamics of industrial production and employment in industry organizations.

Keywords: industry, gross value added, fixed assets, investments, employment, unemployment.

*Стефанчук Елена Николаевна,
Московский государственный университет
пищевых производств, аспирант
E-mail: stelena2502@gmail.com*

Снижение занятости в промышленности и рост добавленной стоимости

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы развития промышленного сектора экономики в постиндустриальную эпоху. Основное внимание уделено анализу тенденций производства валовой добавленной

стоимости, наличию основных фондов по секторам экономики, структуре инвестиций в основной капитал, динамике промышленного производства и численности занятых в организациях промышленности.

Ключевые слова: промышленность, валовая добавленная стоимость, основные фонды, инвестиции, занятость, безработица.

Промышленный сектор экономики в постиндустриальную эпоху не утратил своей важной роли. В частности, было показано, что промышленные производства в современных условиях претерпели кардинальные трансформации. Однако они по-прежнему играют основополагающую роль в экономиках развитых стран [1]. В связи с чем предлагается более подробно остановиться на системообразующем аспекте промышленности в современной экономике и проанализировать его специфику в условиях национальной экономики России с позиций занятости и производства валовой добавленной стоимости.

На рисунке 1 представлена диаграмма, иллюстрирующая структуру производства валовой добавленной стоимости (ВДС) по секторам отечественной экономики в период с 2002 по 2013 годы. Из диаграммы можно видеть, что в 2013 году на долю промышленности приходилось 29% совокупного объема ВДС, произведенного в целом по экономике. Причем, 14,8% приходилось на отрасли обрабатывающей промышленности. Еще 10,8% — на отрасли добывающей промышленности. И 3,4% — на отрасли генерирующей промышленности.

Рисунок 1. Структура производства валовой добавленной стоимости (ВДС) по секторам экономики в период с 2002 по 2013 годы (диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Национальные счета//Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab10.xls)

Примечательно, что за рассматриваемый период времени удельный вес промышленного производства в экономике практически не изменился. Так, на долю промышленности в 2002 году приходилось 27,5% национальной ВДС. А в целом с 2002 по 2013 годы доля промышленности в совокупном объеме ВДС находилась в диапазоне от 32,7% (2005 год) до 27,4% (2009 год). В то же время в структуре ВДС, произведенной в промышленности за этот же период времени наблюдались некоторые изменения. Так, если в 2002 году на долю ВДС, произведенной отраслями добывающей промышленности приходилось 6,7%, то к 2013 году удельный вес данных отраслей возрос до 10,8%. В то же время удельный вес отраслей обрабатывающей промышленности в совокупном объеме ВДС за это время сократился с 17,2 до 14,8%.

На рисунке 2 представлена диаграмма, иллюстрирующая структуру наличия основных фондов

по секторам экономики в период с 2004 по 2012 годы. Из диаграммы видно, что в целом на долю промышленности в 2012 году приходилось 26,8% общего объема основных фондов экономики страны. А в 2004 году на долю отраслей промышленности приходилось 25,4% общего объема основных фондов. Причем можно отметить, что к 2007 году значение удельного веса отраслей промышленности в совокупной структуре основных фондов сократилось до 23,5%, а затем начало увеличиваться. Данный процесс сопровождался сокращением доли основных фондов, принадлежащих обрабатывающим и генерирующим отраслям, и увеличением доли, принадлежащей отраслям добывающей промышленности. В итоге, в 2012 году на долю обрабатывающих производств приходилось 8,1% общего объема основных фондов. На долю генерирующих — 8,0%. А на долю добывающих производств — 10,1%.

Рисунок 2. Структура наличия основных фондов по секторам экономики в период с 2004 по 2012 годы (диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Основные фонды//Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/osnfond/NAL_ved.xls)

На рисунке 3 представлена диаграмма, иллюстрирующая структуру инвестиций в основной капитал по секторам экономики в период с 2002 по 2013 годы. Из диаграммы видно, что в целом на долю промышленности в 2012 году приходилось 38,1% общего объема инвестиций в основной капитал. Практически

столько же, сколько и в 2002 году — 38,6%. Причем здесь также можно отметить, что к 2007 году значение удельного веса отраслей промышленности в совокупной структуре инвестиций в основной капитал несколько сократилось — до 35,3%, а затем начало увеличиваться.

Рисунок 3. Структура инвестиций в основной капитал по секторам экономики в период с 2002 по 2013 годы (диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Инвестиции в нефинансовые активы//Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/Inv-OKVED.xls)

Данный процесс сопровождался незначительным сокращением доли инвестиций в основной капитал отраслей обрабатывающих и добывающих производств, и увеличением доли инвестиций в основной капитал отраслей генерирующих производств. В итоге, в 2012 году на долю обрабатывающих производств приходилось 14,0% общего объема инвестиций в основной капитал. На долю добывающих — 15,1%.

А на долю генерирующих производств — 9,0%.

Таким образом, можно видеть, что доля промышленности в ключевых макроэкономических показателях является достаточно высокой и за последние полтора десятилетия не претерпела существенных изменений. В то же в самой промышленности произошли некоторые изменения. Главным образом — усиление позиций добывающего сектора, что, каза-

лось бы, должно противоречить основной идеологии развития национальной экономики, декларируемой

с самого начала рыночной перестройки национального хозяйства.

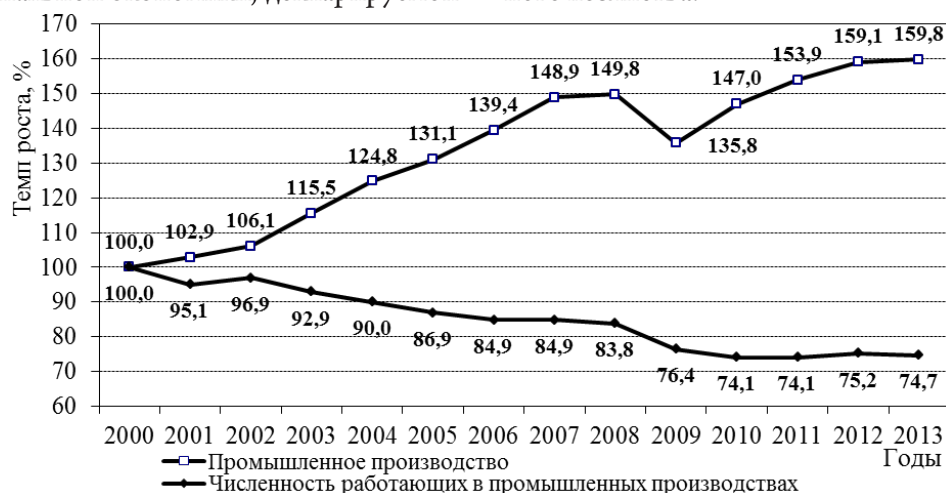

Рисунок 4. Динамика промышленного производства и численности занятых в организациях промышленности в период с 2000 по 2013 годы, в% к 2000 году (графики составлены автором на основе данных: Промышленность России. 2012: Статистический сборник. — М.: Росстат, 2014. — С. 21)

Кроме того, отрасли промышленного производства тесно интегрированы практически со всеми без исключения видами экономической деятельности, в т. ч. формирующими сферу услуг. При этом следует учитывать, что данная интеграция проявляется не только в форме промежуточного потребления промышленностью продукции других отраслей экономики для собственного производства или потребления другими отраслями экономики продукции промышленности для производственной деятельности. Данная интеграция имеет и другие более глубокие и менее очевидные формы, в том числе в контексте занятости.

На рисунке 4 представлены графики, иллюстриру-

ющие динамику промышленного производства и численности занятых в организациях промышленности в период с 2000 по 2013 годы. Очевидным явлением здесь является противоположность тенденций. Так, объемы промышленного производства за рассматриваемый период времени устойчиво росли (не считая сокращение на фоне кризиса в 2009 году). Благодаря этому, физический объем производства увеличился на 59,8%. В то время как численность занятых в промышленных производствах устойчивым образом сокращалась. В результате, за рассматриваемые годы каждый четвертый работник был уволен — общая численность занятых на производствах сократилась на 25,3%.

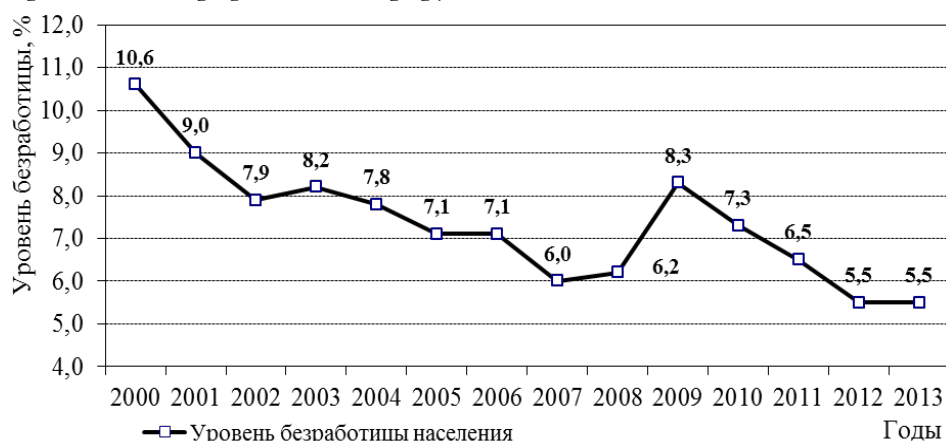

Рисунок 5. Уровень безработицы населения в период с 2000 по 2013 годы, в% (график составлен автором на основе данных: Трудовые ресурсы//Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud6.xls)

Процесс сокращения занятости в промышленном секторе экономики вызывает много споров в современных условиях. При этом широкое распростране-

ние получило суждение о том, что промышленные производства должны решать проблему занятости. В частности, для того, чтобы не допустить сокращение

рабочих на предприятиях промышленности, тратятся значительные усилия бизнеса и государства [3]. Однако, если посмотреть на изменение общего уровня безработицы населения в этот же период времени (график на рисунке 5), то можно отметить неоправданность данных усилий. Так, с 2000 по 2013 годы официальный уровень безработицы в России сократился практически вдвое — с 10,6 до 5,5%. Т.е. сокращение занятости в промышленном секторе экономики, наблюдаемое в последние годы, не ведет к росту неблагоприятных социальных эффектов — общего уровня безработицы. Напротив, параллельно сокращению занятости на промышленных производствах наблюдается и сокращение

общего уровня безработицы.

Во многом это связано с повышением мобильности трудовых ресурсов в современных условиях. Так, развитие промышленности, а вместе с ним и повышение производительности труда ведет к высвобождению трудовых ресурсов, которые в современных условиях, сравнительно легко, могут пройти перекалфикацию и найти работу в смежных секторах экономики. Тем самым развитие отраслей промышленности способствует высвобождению трудовых ресурсов — столь необходимых в современных демографических условиях, свойственных развитым странам [2].

Рисунок 6. Структура занятого населения по секторам экономики в период с 2005 по 2013 годы (диаграмма рассчитана и составлена автором на основе данных: Трудовые ресурсы//Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud10.xls)

И действительно, если проанализировать информацию об изменении структуры занятого населения по секторам экономики в период с 2005 по 2013 годы, представленную с помощью диаграммы на рисунке 6, то можно подтвердить высказанное выше положение. Так, из диаграммы видно, что удельный вес отраслей промышленности в общей структуре занятости населения сократился с 22,9 до 20,2%. Причем, если рассмотреть детально структуру данного процесса, то станет видно, что сокращение произошло в основном за счет обрабатывающих производств. Их доля в общей структуре занятости за рассматриваемые годы сократилась с 18,2 до 14,8%. В то время как доля добывающих и генерирующих производств в структуре численности занятых в экономике увеличилась с 1,8 до 2,2% и с 2,9 до 3,2%, соответственно.

Таким образом, становится видно, что в современных условиях Россия не стала исключением из общего постиндустриального тренда. Промышленные производства в структуре экономики действительно уступили место отраслям нового времени. Между тем, проведенный анализ показал наличие тесной связи между отраслями промышленности, особенно обрабатывающими, и другими сферами экономики. Данная связь проявилась как в непосредственной взаимосвязи производственных процессов, так и в контексте перераспределения трудовых ресурсов. В совокупности это подтверждает системообразующую роль промышленного комплекса в отечественной экономике даже сегодня, когда она по праву может быть отнесена к постиндустриальному типу по уровню развития отраслей сферы услуг.

Список литературы:

1. Еделев Д. А., Татуев А. А. Функциональная роль промышленности в развитии национальной экономики // Современная научная мысль. – 2013. – № 6. – С. 129–137.
2. Кукарин М. В. Проблемы развития промышленности и занятости населения // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 4–2. – С. 110–114.
3. Урбан О. А. Реструктуризация базовых отраслей промышленности Кузбасса: социальные проблемы в сфере труда и занятости // Труд и социальные отношения. – 2010. – № 1. – С. 44–52.

*Strizhyk Uliana Romanovna,
Ivan Franko National University in Lvov
postgraduate student, the Faculty of Economics
E-mail: ulyana.strizhyk@gmail.com*

Analysis of consumer industry of Ukraine

Abstract: In the article analyzes the development of Consumer Industry of Ukraine on the basis of calculating the coefficients taxonomy. Article deals with the real state of innovation and investment climate in the industry, its main development challenges.

Keywords: light industry, innovation and investment climate, coefficient of taxonomy.

*Стрижик Уляна Романовна,
Львовский национальный университет имени Ивана Франко,
аспирант, экономический факультет
E-mail: ulyana.strizhyk@gmail.com*

Анализ развития легкой промышленности Украины

Аннотация: В статье проанализировано состояние развития легкой промышленности Украины на основе расчета коэффициентов таксономии. Отражено реальное состояние инновационно-инвестиционного климата этой отрасли промышленности, ее основные проблемы развития.

Ключевые слова: легкая промышленность, инновационно-инвестиционный климат, коэффициент таксономии.

В условиях развития мировой глобализации стран с рыночной экономикой стремительным, необратимым и нужным становится процесс вхождения Украины в европейское сообщество. Усиление таких евроинтеграционных процессов невозможно без проведения значительного количества реформ практически во всех сферах отечественной экономики. Одним из таких важных сегментов является промышленность Украины, в частности, легкая промышленность. Эта отрасль является одной из приоритетных экспортоспособных в промышленности. Здесь производятся товары первой необходимости, с высокой добавленной стоимостью и быстрой окупаемостью капитала.

Но «на протяжении уже многих лет эта отрасль находится в состоянии хронической убыточности, а потому требует немедленного реформирования и регулирования со стороны государства. Устаревшее обо-

рудование и, как следствие, катастрофически высокий уровень износа основных средств (до 50%), нехватка сырья и собственных средств для обеспечения производства требует государственной поддержки, особенно в части финансового стимулирования предприятий отрасли легкой промышленности» [12, 328].

Целью статьи есть анализ реального состояния отрасли легкой промышленности Украины, что поможет определить основные проблемы снижения ее развития и найти оптимальные пути их решения.

Стоимость основных средств отрасли легкой промышленности на конец 2012 года составила 7751881 тис. грн., а это всего 0,01% от общей стоимости основных средств промышленности. Коэффициент роста основных средств отрасли составляет 0,99, что свидетельствует об уменьшении их стоимости на 77 158 тыс. грн.

В 2012 году инновационной деятельностью в легкой промышленности занималось 81 предприятие. А это всего лишь 4,6% от общего количества промышленных предприятий Украины, занимающихся внедрением инноваций в своей деятельности (в 2012 году их количество составило 1758 единиц). Около 80–90% средств расходуется на приобретение машин, оборудования и программного обеспечения. В 2011–2013 гг. около 17% «составили расходы на обучение и подготовку персонала, для разработки и внедрения новых или значительно усовершенствованных продуктов и процессов, деятельность по рыночному внедрению инноваций» [10, 161].

Обновление научно-технологической базы предприятий легкой промышленности практически не финансируется за счет собственных средств организаций. В 2011 году эта часть составила всего 0,5% от общего объема финансирования. Это происходит из-за дефицита оборотных средств на предприятиях отрасли, высокого уровня убыточности.

Для того чтобы создавать отечественную продукцию легкой промышленности, которая будет нужной потребителю, необходимо привлечь капитальные вливания для переориентации производства на совершенно новые, технически сложные товары длительного пользования. Они должны быть качественными, уникальными и удовлетворять полностью потребности и вкусы населения, при этом, ставя иностранную аль-

тернативную продукцию в положение «вне конкуренции». Капитальные инвестиции представляют собой базу финансового обеспечения подготовки не только высококвалифицированных работников. Они — это финансовое мерило заинтересованности отечественных субъектов ведения хозяйства по внедрению методики стратегического управления затратами, созданию развитой маркетинговой сети обслуживания клиентов, нахождению новых рынков сбыта продукции, стимулированию потребностей в своей продукции сопредельных отраслей, развитию доверия банковской системы за счет утверждения лидирующих позиций на рынке.

На рис. 1 представлена динамика объемов капитальных инвестиций в основной капитал в течение 2007–2013 гг., а также отражена часть капитальных инвестиций в отрасль легкой промышленности в общей сумме капитальных вложений в промышленность.

Инвестиции в легкую промышленность в 2012 году составили 0,36% от всех инвестиций, которые вложены в промышленность в целом. Это на 27,74% меньше относительно 2011 года. И, соответственно, это самый низкий показатель за последние шесть лет. Такая характеристика свидетельствует об отсутствии каких-либо мер по созданию привлекательной инвестиционной среды для заинтересованности как отечественных, так и иностранных инвесторов в развитии этой отрасли.

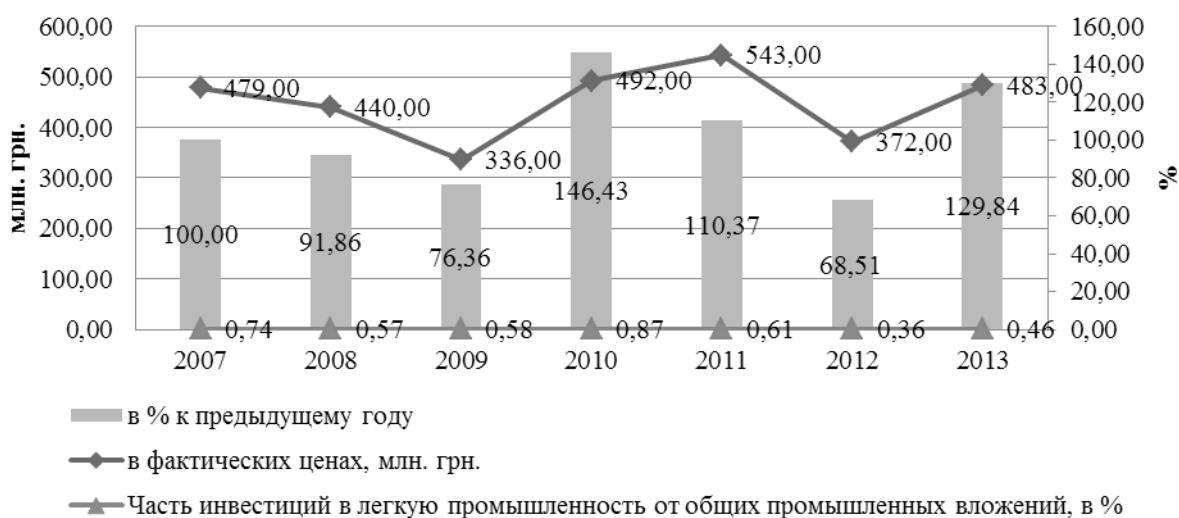

Рис. 1. Динамика объемов инвестиций в основной капитал отрасли легкой промышленности в 2007–2013 гг.

Источник: Составлено автором на основании [9, 31; 11, 190]

Чтобы выявить тенденции развития предприятий легкой промышленности в течение 2008–2013 гг. и проанализировать финансовые показатели, оказывающих влияние на общий уровень производства

и расходов деятельности предприятий отрасли, можно воспользоваться таксономическим методом, «рассчитав таксономический показатель коэффициента развития отрасли. Исходными данными для оценки

динамики развития отрасли являются коэффициенты ликвидности, финансовой устойчивости, рентабельности и деловой активности» [8, 41].

В таблице 1 представлены статистические данные финансовых показателей развития отрасли легкой промышленности для расчета таксономического показателя коэффициента развития данной отрасли.

«Таксономический показатель, построенный на базе значительного количества показателей дея-

тельности промышленности, синтетически характеризует изменение значений показателей отрасли. Динамика коэффициента таксономии иллюстрирует тенденции изменений состояния развития отрасли. Приближение коэффициента таксономии к единице свидетельствует об улучшении состояния развития отрасли и, наоборот, удаления его значения от единицы свидетельствует об ухудшении финансового состояния» [8, 41].

Таблица 1. – Исходные данные для расчета таксономического показателя уровня развития легкой промышленности за 2008–2013 гг.

	Год	Коэффициент покрытия	Коэффициент автономии	Коэффициент абсолютной ликвидности	Отношение краткосрочных кредитов к собственному капиталу	Долгосрочных обязательств в валюте баланса, %	Снос основных средств, %	Коэффициент оборачиваемости основных средств	Рентабельность собственного капитала, %	Рентабельность операционной деятельности, %	Отношение кредиторской и дебиторской задолженности	Отношение прибыли прибыльных предприятий в убытка убыточных предприятий
Легкая промышленность	2008	1,16	0,33	0,09	0,17	19,50	45,50	1,56	-19,12	-1,60	1,32	0,27
	2009	1,12	0,33	0,10	0,17	19,58	45,70	1,35	-0,52	3,40	1,29	0,95
	2010	1,13	0,33	0,12	0,23	19,79	45,20	1,38	-0,27	2,50	1,25	0,97
	2011	1,25	0,33	0,17	0,17	22,58	48,10	1,59	2,97	4,00	1,29	1,60
	2012	1,13	0,29	0,13	0,21	23,13	52,30	1,56	0,57	3,00	1,50	1,04
	2013	1,17	0,32	0,12	0,25	19,35	50,80	1,09	0,04	3,80	1,57	1,48
текстильное производство; производство одежды, меха и изделий из меха	2008	1,20	0,39	0,11	0,15	19,67	46,10	1,31	-17,12	-2,30	1,35	0,28
	2009	1,16	0,37	0,09	0,12	20,21	53,50	1,17	-2,38	2,40	1,33	0,80
	2010	1,17	0,38	0,13	0,10	18,14	46,40	1,28	-1,54	2,00	1,46	0,87
	2011	1,19	0,35	0,14	0,15	18,56	46,30	1,51	1,51	3,30	1,43	1,31
	2012	1,20	0,32	0,08	0,12	21,24	50,90	2,02	-1,23	2,23	1,54	0,91
	2013	1,20	0,36	0,08	0,20	16,80	49,00	1,22	0,04	3,60	1,70	1,41
производство кожи, изделий из кожи и других материалов	2008	1,11	0,18	0,07	0,30	19,07	41,60	2,72	-30,56	0,00	1,27	0,26
	2009	1,06	0,21	0,13	0,41	17,72	41,50	2,14	9,40	5,90	1,23	2,22
	2010	1,06	0,19	0,09	0,86	23,70	40,90	1,69	6,07	3,70	0,95	1,84
	2011	1,40	0,27	0,23	0,21	32,03	53,40	1,81	11,51	5,60	1,04	3,05
	2012	1,00	0,21	0,22	0,47	26,87	56,40	1,24	6,17	5,70	1,42	1,68
	2013	1,12	0,25	0,22	0,44	25,77	54,90	0,81	0,06	5,20	1,33	1,70

Источник: Составлено автором на основании [2–7]

Динамику коэффициента развития легкой промышленности отражено на рис. 2.

Таким образом, за период 2008–2013 гг. показатель таксономии легкой промышленности имеет тенденцию к уменьшению, что свидетельствует о снижении темпов развития данной отрасли. Лишь в 2012 году оптимизировалась структура финансо-

вых показателей развития отрасли промышленности и, хоть не значительно, но вырос таксономический показатель развития.

В целом текстильное производство, производство одежды, меха и меховых изделий имеет очень низкий таксономический показатель развития в отличие от этого же показателя рассчитанного для производства кожи,

изделий из кожи и других материалов (в 2011 году показатель был на уровне 0,9906, а в 2012–0,8644).

Причиной высокого уровня развития отрасли кожевенного производства есть положительные и достаточные результаты финансово-хозяйственной деятельности предприятий этой отрасли. Предприятия, производящие обувь имеют большие возможности привлечения краткосрочных кредитов. «Сейчас в Украине обувная отрасль состоит в основном из предприятий мелких (до 20 работников), а также средних (до 100 работников) и небольшого количества крупных (до 500 и более работников). Эти предпри-

ятия освоили определенные ниши рынка обуви и методы работы в условиях жесткой конкуренции» [1, 6]. Кроме того, «перспективы украинских производителей обуви основываются на существующей развитой инфраструктуре подотрасли, опытном менеджменте, технической базе и квалифицированном персонале для производства практически всего необходимого ассортимента изделий; значительном внутреннем рынке обуви, емкость которого в ценах производителей оценивается суммой не менее 2,5–3 млрд. долл. в год и учитывает климатические условия, менталитет покупателей, доходы населения» [1, 6].

Рис. 2. Динамика таксономических коэффициентов развития отрасли легкой промышленности за 2008–2013 гг.

Источник: Составлено автором на основании таблицы 1

В отрасли легкой промышленности коэффициент покрытия в общем больше единицы, что говорит о примерно одинаковых объемах оборотных средств и краткосрочных кредитов, а также о способности предприятий погашать эти кредиты. Коэффициент автономии является невысоким, что свидетельствует о зависимости предприятий легкой промышленности от внешних заемных источников.

По данным расчета коэффициентов абсолютной ликвидности (табл. 1) предприятия легкой промышленности не являются абсолютно ликвидными, и смогут полностью покрыть свои краткосрочные обязательства в большей степени за счет среднеликвидных активов (производственных запасов и готовой продукции).

Отношение кредиторской и дебиторской задолженности показывает значение больше единицы, что свидетельствует о преобладании обязательств перед

контрагентами предприятий легкой промышленности над средствами, которые задолжали дебиторы последним.

Следовательно, предприятиям отрасли легкой промышленности непременно необходима финансовая поддержка и разработка методов по привлечению инвестиций и инноваций со стороны государства для ее восстановления и вывода из кризисного состояния. Это состояние проявляется в высоком уровне износа основных средств на предприятиях отрасли, отсутствии оборотных средств для ведения текущей финансово-хозяйственной деятельности, насыщении рынка легкой промышленности дешевыми некачественными товарами, которые ввозятся в Украину с заниженной таможенной стоимостью и делают невозможным создание среды для здоровой конкуренции и развития отечественного малого и среднего бизнеса.

Список литературы:

1. Бородиня О. «Производитель с надежной репутацией» – реальный путь для развития обувного производства в Украине/А. Бородиня. – Легкая промышленность. – 2011. – № 3. – С. 6–7.
2. Деятельность субъектов хозяйствования за 2008 год: статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. И. М. Жук. – Киев, 2009. – Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 313 с. – Название с титул. экрана.
3. Деятельность субъектов хозяйствования за 2009 год: статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. И. М. Жук. – Киев, 2010. – Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 424 с. – Название с титул. экрана.
4. Деятельность субъектов хозяйствования за 2010 год: статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. И. М. Жук. – Киев, 2011. – Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 431 с. – Название с титул. экрана.
5. Деятельность субъектов хозяйствования за 2011 год: статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. И. М. Жук. – Киев, 2012. – Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 445 с. – Название с титул. экрана.
6. Деятельность субъектов хозяйствования за 2012 год: статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. И. М. Жук. – Киев, 2013. – Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 441 с. – Название с титул. экрана.
7. Деятельность субъектов хозяйствования за 2013 год: статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. М. С. Кузнецова. – Киев, 2014. – Государственная служба статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 475 с. – Название с титул. экрана.
8. Дутченко А. Н. Анализ тенденций развития промышленности Украины/О. М. Дутченко, И. В. Белова, А. А. Дутченко. – Экономика промышленности. – Бизнесинформ, № 4. – 2011. – С. 41–43.
9. Капитальные инвестиции в Украине в 2007–2011 годах: статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. А. Г. Осауленко. – Киев, 2012. – Государственный комитет статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 122 с. – Название с титул. экрана.
10. Научная и инновационная деятельность в Украине: 2012: Статистический ежегодник [Электронный ресурс]/Под ред. И. В. Калачева. – Киев, 2013. – Государственный комитет статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 287 с. – Название с титул. экрана.
11. Статистический ежегодник Украины за 2013 год: Статистический сборник [Электронный ресурс]/Под ред. О. Г. Осауленко. – Киев, 2014. – Государственный комитет статистики Украины. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://ukrstat.gov.ua/> – 534 с. – Название с титул. экрана.
12. Стрижик У. Р. Состояние и государственное стимулирование финансирования развития предприятий легкой промышленности Украины// Сборник с докладами от международной научной конференции: «Украина-България-Европейски съюз: съвременно състояние и перспективи». – Варна-Херсон, 2014. – Том 2. – С. 328–332.

*Filchakova Natalia Yurievna,
Deputy Chief of supervisory activities and Legal MRU Rosfinmonitoring
the Southern Federal District, Rostov State Economic University «RINH», graduate student
E-mail: natalia2828@yandex.ru*

*Vovchenko Natalia Genadievna,
Professor, Doctor of Economics, Rostov State University of Economics «RINH»*

The algorithm of financial monitoring in order to detect the risk of the Bank's participation in the process of money laundering

Abstract: The problem of the laundering of proceeds from crime is relevant to the functioning of the financial and banking sector. In this context, risk assessment methodology and threats for financial monitoring is important i

nstrument to counteract involvement in illegal operations. Therefore required to develop risk assessment algorithm participation of financial and banking sector in the process of money laundering.

Keywords: laundering of proceeds, financial and banking sector, the assessment of risks and threats, financial monitoring, risk assessment algorithm.

*Фильчакова Наталья Юрьевна
заместитель начальника Отдела надзорной деятельности и правового обеспечения МРУ
Росфинмониторинга по ЮФО, аспирант Ростовского
Государственного Экономического Университета «Ринх».
E-mail: natalia2828@yandex.ru
Вовченко Наталья Геннадьевна
Ростовского Государственного Экономического Университета «Ринх»*

Алгоритм проведения финансового мониторинга в целях выявления риска участия банка в процессах по отмыванию преступных доходов

Аннотация: Проблема отмыwania доходов, полученных преступным путем имеет отношение к функционированию финансового и банковского сектора. В этом контексте, методология оценки рисков и угроз финансового мониторинга является важным инструментом для противодействия участие в незаконных операциях. Поэтому необходимо разработать алгоритм оценки риска участия финансового и банковского сектора в процессе отмыwania денег.

Ключевые слова: отмывание доходов, финансовый и банковский сектор, оценки рисков и угроз, финансовый мониторинг, алгоритм оценки риска.

Система противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, обязана являться категорией динамичной и обладающей высокой степенью адаптации к меняющимся условиям. Данное утверждение обусловлено активно изменяющимися условиями в мировом пространстве, вызванными политическими веяниями, изменением экономической конъюнктуры, глобализацией финансового пространства, разрастанием нелегальных секторов в трансграничные масштабы, появлением новых виртуальных угроз.

Следовательно, как на международном уровне, так и в национальном масштабе необходимо давать своевременную оценку скалывающимся угрозам, в целях принятия превентивных мер воздействия в рамках нормативного закрепления таковых.

Для выявления и оценивания рисков вовлечения клиентов в процессы легализации преступных доходов банки определяют и используют собственные критерии, характеризующие оценки банковских продуктов и услуг, их способов предоставления, клиентской базы банка, исследование географического аспекта проведения операций.

С точки зрения автора, наиболее подверженные риску использования в противоправных схемах по отмыванию доходов являются следующие типы операций:

- персональное банковское обслуживание;
 - использование Интернет — платежей, мобильного банка, предоплаченных карт, иные электронные системы платежей;
 - оказание услуг по трастовому управлению.
- По каждому типу операций определяются банковские продукты и услуги, используемые тем или иным клиентом.
- Всю клиентскую базу банка можно разделить на четыре основные категории:
- юридические лица (ЮЛ), не являющимися финансовыми учреждениями;
 - физические лица (ФЛ);
 - индивидуальные предприниматели (ИП);
 - финансовые учреждения (ФУ).

Всю клиентскую базу банка по каждой категории можно представить, например, следующими группами:

- 1) нерыночные VIP — клиенты — наиболее состоятельные клиенты, которые обеспечивают банку политические и экономический имидж, но не всегда приносят доход;
- 2) рыночные VIP — клиенты — основная группа клиентов, на которой банк зарабатывает;
- 3) наиболее состоятельные клиенты среднего класса;
- 4) прочие клиенты.

На этапе установления договорных отношений банка и клиента (например, при открытии счета) и в процессе дальнейшего обслуживания клиента банк формирует информационную базу о каждом клиенте. В данном случае важным является достоверность используемой банком информации.

В целях изучения клиента в соответствии с рискованным подходом рекомендуется наряду со стандартным перечнем сведений, получаемым в процессе идентификации клиента, получать дополнительную информацию, отражающую характер и детали бизнеса клиента; предполагаемый источник и происхождение средств клиента, проходящих через банк; причину и цель открытия счета или установления отношений; предполагаемый объем и характер проводимых операций после установления отношений.

На современном этапе влияние VIP — клиентов на решения, принимаемые банком в части отнесения

Таблица 1. – Параметры оценки показателя DL (значения показателя предложены автором)

Параметр оценки	Значение показателя в баллах
1. Имеется информация об участии ПДЛ в отмывании денег или коррупционных скандалах	-2
2. ПДЛ является резидентом оффшорной зоны, страны с повышенным уровнем коррупции	-1
3. Клиент не является ПДЛ	0
4. ПДЛ — резидент РФ или страны, не соответствующей п. 2	1
5. ПДЛ — резидент государства, за исключением РФ	2

Минимальное значение показателя $DL_{i1} = -2$ отражает повышенный риск, который принимает на себя банк в случае установления договорных отношений с соответствующим клиентом.

Суммарный показатель

$$\alpha = VP + DL \quad (1)$$

характеризует стратегическую целесообразность обслуживания i — го клиента. Совокупность всех возможных значений этого показателя можно представить матрицей VD размерности 5×4 . Для клиентов, у которых $\alpha \leq 0$, банку рекомендуется уклониться от установления договорных отношений или минимизации имеющихся деловых контактов. Клиенты, у которых $0 \leq \alpha \leq 1$, относятся к повышенной группе риска.

Экономическая целесообразность обслуживания клиента с предоставлением различных банковских продуктов и услуг для типов операций, представленных выше автором (наиболее подверженных риску использования в противоправных схемах по отмыванию доходов), взвешенных с учетом их абсолютного значения, может быть представлена показателем

той или иной операции к разряду рискованных очень существенное.

Введем в рассмотрение показатель VP_{ij} , i — номер клиента, j — номер группы клиентской базы банка, отражающий в балльных оценках принадлежность обслуживаемого банком клиента той или иной группе клиентской базы: минимальное значение этого показателя получает клиент, не относящийся к группе VIP, максимальное — для нерыночных VIP — клиентов.

Для характеристики принадлежности клиента к категории публичных должностных лиц (ПДЛ): главы государств и правительства, представители органов исполнительной, законодательной, судебной власти, руководители государственных корпораций и т.д. введем в рассмотрение показатель DL_{ik} , i — номер клиента, k — параметр оценки. Можно предложить следующие параметры оценки данного показателя в баллах (см. таблицу):

$$E_i^{dl} = \sum_{l=1}^n r_i^{dl} \cdot k_i^{dl}, \quad (2)$$

где r_i^{dl} — балльная оценка по десятибалльной шкале целесообразности предоставления банковских продуктов или услуг по показателю l для i — го клиента; k_i^{dl} — вес показателя l для i — го клиента, определенный методом экспертных оценок; n — количество показателей для i — го клиента.

В качестве примеров банковских продуктов и их показателей можно предложить следующие операции: срок депозита (до 90 дней, от 90 до 180 дней, от 180 до 360 дней, свыше 360 дней), история обслуживания клиента в банке, размер депозита.

В качестве показателя, характеризующего доход, получаемый банком за обслуживание при использовании клиентом банковских продуктов, можно предложить показатель

$$D_i^{cl} = \sum_{l=1}^m r_i^{cl} \cdot k_i^{cl}, \quad (3)$$

где r_i^{cl} — балльная оценка по десятибалльной шкале целесообразности предоставления банковских про-

дуктов или услуг по показателю l для i -го клиента; k_i^{dl} — вес показателя l для i -го клиента, определенный методом экспертных оценок; m — количество показателей для i -го клиента.

Суммарный показатель

$$\beta = E + D \quad (4)$$

отражает экономическую целесообразность обслуживания i -го клиента. Совокупность всех возможных значений показателя β выражается матрицей ED размерности $m \times n$, где n — возможное количество значений показателя E , m — возможное количество значений показателя D .

Результирующий показатель P_i заинтересованности банка в обслуживании i -го клиента зависит от значения показателя α и определяется следующим образом:

$$P_i = \begin{cases} f_1(\alpha, \beta), & \text{если } \alpha < 1, \\ f_2(\alpha, \beta), & \text{если } \alpha > 1 \end{cases} \quad (5)$$

причем подбор функций f_1 и f_2 зависит от конкретных данных, но чаще всего эти функции представляют собой нелинейную зависимость.

Для определения риска участия i -го клиента в схемах по легализации преступных доходов на базе анализа организационного профиля i -го клиента, сведений о наличии подозрительных операций в деятельности клиента, внешней информации о клиенте предлагается показатель

$$R_i = (R_i^p + p) \cdot L_i, \quad (6)$$

где R_i^p — оценка вероятности участия i -го клиента в процессы легализации преступных доходов, вычисляемая формулой

$$R_i^p = \sum_{j=1}^n r_i^{pj} \cdot k_i^{pj}, \quad (7)$$

r_i^{pj} — бальная оценка риска отмыывания денег по j -му показателю организационного профиля i -го клиента;

k_i^{pj} — вес j -го показателя организационного профиля i -го клиента;

p — вероятность вовлечения i -го клиента в процессы легализации преступных доходов с позиций оценки используемых клиентом банковских продуктов вида R_i^a , определяемая формулой

$$p = R_i^{a_1} \cdot k_{a_1} + \dots + R_i^{a_n} \cdot k_{a_n}, \quad (8)$$

где

$$k_{a_j} = \frac{\sum_{a_j=1}^n c_j}{DO}, \quad (9)$$

DO — дебетовый оборот по счету i -го клиента за отчетный период,

$\sum_{a_j}^n c_j$ — суммарный объем операций вида a_j в деятельности i -го клиента за отчетный период;

L_i — корректирующий коэффициент, отражающий факт наличия в деятельности i -го клиента подозрительных с точки зрения банка действий.

Отметим, что в зависимости от категории клиента (ЮЛ, ФЛ, ИП, ФУ) существуют свои показатели организационного профиля i -го клиента. Например, для клиентов категории ИП такими показателями могут служить показатели период деятельности, место регистрации, вид деятельности и др.

Показатель R_i рассчитывается для каждой группы клиентской базы для периода одного календарного года. Для расчета показателя R_i^p используются последние данные о клиенте на момент формирования отчета. По показателю p берутся данные об операциях i -го клиента, осуществленных через банк с последней даты расчета показателя R_i^a .

Ранжирование уровня заинтересованности банка в отношениях с i -м клиентом осуществляется по значениям показателя

$$r_i = \frac{R_i}{P_i}, \quad (10)$$

где R_i определяется для i -го клиента формулой (6), P_i — формулой (5).

В зависимости от значений показателя r_i можно предложить следующие степени заинтересованности банка в отношениях с i -м клиентом: очень высокая — промежутки самых маленьких значений показателя r_i ; высокая, средняя и низкая — промежутки самых высоких значений показателя r_i . Низкая заинтересованность банка в отношениях с i -м клиентом может послужить поводом для рассмотрения вопроса о прекращении или ограничении сотрудничества с i -м клиентом по инициативе банка. Средняя заинтересованность банка в отношениях с i -м клиентом требует повышенного внимания со стороны банка к операциям клиента и осуществления постоянного мониторинга с целью выявления признаков возможной связи проводимых i -м клиентом операций с легализацией преступных доходов.

Проведение данного анализа сведений позволит выявить конкретные риски, характерные не только для страны пребывания, но и выявить региональные особенности функционирования сектора.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Section 14. Science of law

Bobrik Vladimir Ivanovich
PhD in Law, Head of the Scientific Department
The F. G. Burchak Scientific-Research Institute of Private Law
and Business of National Academy of Law Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine)
E-mail: alexeydrozd@i.ua

Application of the action approach in investigation of the problematic issues of optimization of civil proceeding

Abstract: The article explains that the methodological basis for scientific research optimization problems tsivilisticheskoy proceedings is the activity approach, the use of which allows you to define the purpose of optimization, select the means to achieve the ends of justice.

Keywords: justice, civil proceeding, optimization, judicial protection, the action approach, process, purpose, means.

Бобрик Владимир Иванович
кандидат юридических наук заведующий научным отделом
НИИ частного права и предпринимательства
имени академика Ф. Г. Бурчака НАПрН Украины (г. Киев, Украина)
E-mail: alexeydrozd@i.ua

Использование деятельностного подхода при исследовании проблем оптимизации цивилистического судопроизводства

Аннотация: В статье обосновывается, что методологической основой научного исследования проблем оптимизации цивилистического судопроизводства является деятельностный подход, использование которого позволяет определить цели оптимизации, выбрать средства достижения целей правосудия.

Ключевые слова: правосудие, цивилистическое судопроизводство, оптимизация, судебная защита, деятельностный подход, процесс, цель, средства.

Постановка проблемы. В последнее время в процессуальной литературе в контексте исследования унификации и дифференциации судебных процедур все чаще стали подниматься вопросы оптимизации цивилистического судопроизводства, которое ныне в Украине образуют, прежде всего, гражданский и хозяйственный процессы, а также, в некоторой мере, и административное судопроизводство. Также процессуалистами уделяется значительное внимание оптимизации отдельных институтов соответствующих процессуальных отраслей права.

Вместе с тем, общее качество украинского цивилистического судопроизводства, влияющее на состояние правовой защищенности физических и юридических лиц, оставляет желать лучшего. Такое состояние правосудия по гражданским и хозяйственным делам,

по нашему мнению, обусловлено отсутствием теоретической концепции оптимизации цивилистического судопроизводства, раскрывающей задачи, пути их достижения и ожидаемый результат от такой оптимизации.

Следует согласиться с мнением Е. А. Царегородцевой о том, что оптимизация гражданского судопроизводства — это создание механизма рассмотрения и разрешения гражданского дела, который представляет собой выбор наилучшего пути достижения целей и задач правосудия по гражданским делам [1, с. 5]. Из этого следует, что оптимизация цивилистического судопроизводства представляет собой определенную деятельность, направленную на создание такого механизма рассмотрения и разрешения каждого гражданского (хозяйственного) дела, включающую наилучшие

(оптимальные) пути достижения целей правосудия по таким делам. Таким образом, учитывая динамический характер оптимизации гражданского судопроизводства, особое значение в процессуальных исследованиях этого вопроса имеет применение т.наз. «деятельностного подхода» или теории деятельности.

Степень разработки проблемы. Вопросы оптимизации гражданского судопроизводства связаны, в первую очередь, с гражданской процессуальной формой, отдельные аспекты усовершенствования которой рассматривали такие известные ученые-процессуалисты, как С. С. Бычкова, С. В. Васильев, М. А. Вихут, К. В. Гусаров, С. Л. Дегтярев, С. Ф. Демченко, В. В. Комаров, С. А. Короед, В. А. Кройтор, А. Д. Крупчан, С. А. Курочкин, Д. Д. Луспеник, Т. Г. Морщакова, И. А. Петрухин, И. В. Решетникова, В. И. Тертышников, Г. П. Тимченко, О. И. Угриновская, С. Я. Фурса, Е. А. Царегородцева, А. В. Цихоцкий, М. С. Шакарян, М. И. Штефан, В. В. Ярков и др. Причем, если российские ученые-процессуалисты исследуют указанные вопросы уже на диссертационном уровне [1], то украинские — на уровне отдельных научных публикаций и коллективных монографий, которые преимущественно касаются совершенствования определенных процессуальных институтов [2]. При этом внимание ученых-процессуалистов обходило методологию исследования оптимизации гражданского судопроизводства. Вместе с тем, эти проблемы должны, по нашему мнению, должны первоначально анализироваться именно через категорию деятельности, характеризующую сам процесс процессуальной оптимизации.

С методологической точки зрения важно установить философское понимание категории «деятельность» и ее содержание для создания предпосылок дальнейшего определения векторов оптимизации гражданского процессуальной деятельности по защите прав, свобод и интересов субъектов права, что и ставит перед собой **целью** эта статья.

Изложение основного материала. Как уже отмечалось, деятельностный подход, как общенаучный метод, имеет особое значение в исследовании вопросов оптимизации гражданского судопроизводства, ведь деятельность людей пронизывает все структурные срезы общества. История и социальные отношения не существуют и не могут существовать в отрыве от деятельности [3, с. 42–43]. В нашем же случае мы применяем деятельностный подход к оптимизации гражданского судопроизводства как совокупности процессуальных мер, направленных

на качественное улучшение механизма судебного разрешения споров, касающихся защиты частных прав и интересов.

В юриспруденции в целом, и в процессуальной науке в частности, такой общенаучный метод исследования как деятельностный подход не нашел своего широкого применения, несмотря на то, что первые попытки рассмотрения гражданского процесса как деятельности встречались еще в работах дореволюционных процессуалистов. Так, профессора Е. А. Нефедьев отмечал, что «процесс есть производство, иначе, что это есть деятельность» [4, с. 228]. В то же время он, по сути, только обозначил направление исследования, но не предусмотрел порядка его проведения, не обозначил ни элементы, ни структуру процессуальной деятельности.

Как отмечал Б. И. Пугинский, использование деятельностного подхода предполагает изменение эмпирического материала исследования: вместо правовых норм анализируются конкретные действия [5, с. 10–11], ведь процесс оптимизации гражданского судопроизводства предопределяет внедрение особых правовых средств для их изучения. При этом надо учитывать, что любая деятельность является системой и представляет собой комплекс взаимодействующих элементов [6, с. 384].

Всякая деятельность имеет определенную структуру. Изначально в структуре деятельности ученые выделяли три элемента: цель, средство и результат. Затем еще два: предмет и характер выполняемых операций. В настоящее время принято выделять четыре элемента деятельности: цель, средство, процесс и результат деятельности. Соответственно, правовая деятельность также состоит из четырех элементов. Эти четыре элемента в составе структуры процессуальной (доказательственной) деятельности выделил В. В. Молчанов [7, с. 10].

Исходя из такого понимания структуры деятельности, наиболее часто встречающееся определение оптимизации, как процесса предоставления наиболее выгодных характеристик чему-либо, является неполным, поскольку не учитывает остальные элементы деятельности (цель, средства и результат). Именно последние три составляющие элемента, по нашему мнению, должны составить методологическую основу исследования проблем оптимизации гражданского процесса.

Важнейшее значение в структуре оптимизации имеет её цель. В правоведении преобладает точка зрения, что цель представляет собой желаемый бу-

дущий результат деятельности [8, с. 6–7]. Однако такая трактовка цели оставляет за пределами научного внимания средства и процесс, которые, по нашему мнению, должны пронизываться целью, задаваться нею, чтобы в конечном итоге достичь желаемого конечного результата. Иными словами, цель должна определять структуру деятельности. Как указывалось выше, оптимизация гражданского судопроизводства призвана обеспечить наилучшие (оптимальные) пути достижения целей правосудия по делам соответствующих юрисдикций. И независимо от того, что понимать под целью гражданского процесса (то ли разрешение спора, то ли защиту прав), будет зависеть цель оптимизации судопроизводства, которая опосредует все остальные элементы этой деятельности. При этом надо также учитывать возможность существования промежуточных целей, которые в своей совокупности составляют конечную (общую) цель оптимизации. Как раз промежуточные цели, по нашему мнению, и будут опосредовать средства, которые представляют собой другой элемент процессуальной оптимизации, т. е. инструменты, при помощи которых осуществляется влияние на гражданское судопроизводство. Поскольку, как было установлено выше, цель гражданского судопроизводства и цель его оптимизации являются однородными, можно предположить, что и средство такой деятельности тоже должно быть однородным, и им будет выступать соответствующая процессуальная форма. Сам же процесс оптимизации гражданского судопроиз-

водства будет заключаться в создании и применении такого механизма рассмотрения и разрешения судами каждого гражданского и хозяйственного дела, который будет включать оптимальные пути достижения целей правосудия по таким делам. В свою очередь, разница в средствах (для гражданского судопроизводства — гражданская процессуальная форма, для хозяйственного — хозяйственная процессуальная форма) будет приводить к различным процессам оптимизации, несмотря на единую цель оптимизации всех гражданских судопроизводств. Однако, несмотря на это, на наш взгляд, выполнение единой цели, которую будет преследовать процесс оптимизации для различных судопроизводств, должно давать одинаковый результат. При этом полагаем, что способствовать достижению единой цели для разных судопроизводств должен процесс унификации гражданского судопроизводства в пределах единой гражданской процессуальной формы.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод, что деятельностный подход является одним из важных методов исследования проблем процессуального законодательства и судопроизводства. Использование этого метода при исследовании оптимизации гражданского судопроизводства предусматривает постановку цели оптимизации, выбор средств (соответствующей процессуальной формы), совершение необходимых действий (в частности, применение унификации судебных процедур) и получение результата (создание эффективного механизма достижения целей правосудия).

Список литературы:

1. Царегородцева Е. А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. юрид. наук: спец. 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс»/Е. А. Царегородцева. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.
2. Теоретико-методологічні засади диференціації та уніфікації в цивільному, господарському й адміністративному судочинстві в Україні: монографія/О. А. Беяневич, І. Е. Берестова, С. С. Бичкова та ін.; за заг. ред. В. І. Бобрика. – К.: Ред. журн. «Право України», 2013. – 172 с.
3. Добренев В. И. Методология и методы научной работы: учеб. пособие/В. И. Добренев, Н. Г. Осипова. – М.: КДУ, 2009. – 276 с.
4. Нефедьев Е. А. Основные начала гражданского судопроизводства. Казань, 1895//Избранные труды по гражданскому процессу/Е. А. Нефедьев; Редкол.: Абова Т. Е., Боннер А. Т. и др. – Краснодар: Сов. Кубань, 2005. – 400 с.
5. Пугинский Б. И. Понимание права с позиций современной цивилистики/Б. И. Пугинский//Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 6–18.
6. Алексеев П. В. Философия: Учебник/П. В. Алексеев, А. В. Панин. – 2-е. изд., – М., 1999. – 566 с.
7. Молчанов В. В. Собираание доказательств в гражданском процессе/В. В. Молчанов. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 96 с.
8. Чулюкин Л. Д. Природа и значение цели в советском праве/Л. Д. Чулюкин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1984. – 104 с.

Gerasymchuk Nataliia Viktorivna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv, postgraduate student,
Institute of International Relations, International law department
E-mail: nata.gerasymchuk@gmail.com

“World government” or world without order

Abstract: A modern vision of «world government» in the context of the international institutions’ activity is studied. The need to form a common, far forth, hierarchical world order with fixed functions, competence and powers is indicated. The provisions of the statutory law of international institutions as a legal evidence of «World government», though not formalized, are analyzed. Subregional anarchy or global hierarchy: where the world goes to?

Keywords: «World government»; multiplicity of specialized institutions; coordination law; statutory law of international institutions; global hierarchy.

Albert Einstein once said that the choice for mankind lied between the generation of the common world and the perspective of losing world and peace. The proposed vision of the world order, far forth, appreciably differs from several existing scientific explanations of the common world system.

The textual meaning of the “World government” itself reveals the fact that the global authority should be exercised by dint of the whole mankind. In other words: every human being is entitled to participate in the resolution of the issues on allocation of resources, the World ocean fortune, cloning, illegal migration and other weighty problems for the international community.

On the other part, everybody cannot decide on everything. The good quality of the decentralization of power is enclosed in the subsistence of the *multistakeholder governance* initiative: the decision-making processes are carried out by those who seem to be the direct targets of such decisions. And yet the due centralization of power in the person of independent organs elected by everyone to perform “*the functions of the common cause*” is indispensable too.

So far as the international community in the modern development flows is concerned, it, beyond reasonable doubt, requires common measurably hierarchical world system with well-marked functions, competence and powers.

On the assumption of the latest global events it is exceedingly difficult to state that the “World government” does exist. *De jure* we have all grounds to confirm this fact. It already operates, though, insufficiently formalized, relying on the multitude of specialized international institutions proceeding from the *multistakeholder governance* model.

A huge gap exists in the aspect of functional distribution between monosectoral institutions. In other words, the sectors of intersocium convergence are institutionally filled, but, unfortunately, in a

rather inefficient manner because of an absence of hierarchy within their major superstructural actors. Establishment of the “World government” or aggravation of disorders in the area of the humankind global existence: where the world goes to?

Before scrutinizing legal evidence of the “World government” existence it should be noted that in the historical perspective this notion has been ascribed to such organizations and groups as Bilderberg Club, the Committee of 300, the International Monetary Fund, Carnegie, Rockefeller funds etc. Despite having the very direct influence on international events, they all act as unofficial organizations/conferences represented by the most influential people but not sovereign member states. One more distinction of clandestine governments from the “World government”, which is in question, is that they do not follow the UN principle on the equitable representation of all world nations but on the contrary popularize the disappearance of the state sovereignty and its subordination to the supranational organ.

Nataraja Guru (1895–1973), an Indian social reformer, wrote the Memorandum on World government, the first section of which is of a particular interest as it peremptorily states the existence of the “World government” as the accomplished fact. Citing the separate clauses of the Memorandum, “*it (the “World government”) does not rule by threat, force, or the power of the magistrate or the police*” [1], but still by means of consensus and combination of wills of nations it should facilitate the resolution of urgent problems for the international community, which falls short nowadays.

The issue of the “World government” lies in the centre of the contemporary scientific interests of western scholars. For instance, Luis Cabrera, a reader in a political theory at the University of Birmingham in the UK, in 2012 has published an article in which he views “the European Union as a prototype for one

world government". He explains his point of view by economic globalization and drafting of common rules for international trade.

The geopolitical aspect is the especially interesting one. If examining normative and institutional paradigms, the "World government" is actually close to the nature of the European Union (the phenomenon of "supranationality" should be particularly noted here), but its legal and organizational form preferably should be constructed exactly on the basis of the UN system. The matter concerns not only the efficiency of the taken decisions but the comprehensive system of organizations the authoritative prerogatives of which require urgent reforms. As a consequence, centralized system of international organizations without collisions, tautologies and gaps in the international legal regulation would appear to be real.

In this regard the position of the political scientist Daniel Deudney is particularly notable. He argues that *"we should fear not only global anarchy... but also strong hierarchies, including in the form of a powerful global government; we should avoid both of these extremes and create a limited 'union of mutual restraint' between sovereign states"* [2]. In fact, such 'union' takes the form of the multitude of international institutions with sovereign states acting as their members.

Actually, if the ultimate aim of the common world order is the establishment of the unique system of liberties, permits and prohibitions and if specialized institutions would effectively manage it, then the primary objective of the "World government" thereby would be justified.

One should consider the "World government" as an integral system of international institutions with duly determined hierarchy. The concept of the historical mission of international institutions changes continuously. If previously they were created with the only view of governing the resolution of general sectoral issues, so now they present something resembling to the government meetings in the national state. The difficulties in the establishment of the "World government" are explained by the lack of understanding concerning the scheme of the *"operational system"* of the new world order [3, 2].

First of all, the functional component of the international institutions exercising the functions of the "World government" should be studied. The statutory law of international institutions comprises the stipulations of their functions. In most cases, they are set forth in the statutes, agreements, constitutions etc. The extension of the abovementioned functions can

be found in the amendments and modifications to the principal documents, and in the secondary acts of the statutory law of international institutions (decisions, directives, regulations, recommendations, declarations, standards, protocols etc.).

Let us state one more comparison with the traditional concept of international organization: if formerly international institutions were engaged in resolution of the issues for which, in essence, they were created, so by globalization their functions have been gradually developing by decisions of the same international institutions by means of introduction of alterations to the statutory law of international institutions. For example, the Convention on International Civil Aviation dated 1944 being the statutory document of the International Civil Aviation Organization (ICAO) has been edited eight times on the basis of the powers given to ICAO to refine and annex the clauses in conformity with the spirit of the times. Thus, Article 37 of the Chicago Convention entitles ICAO to *"adopt and amend from time to time, as may be necessary, international standards and recommended practices and procedures"* [4]. Consequently, by gradual extension of its functions ICAO appears in the form of the public ministry by standards and guiding principles of which other specialized international institutions function (the so-called "agencies" and "services").

The functioning of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) can work as an example of the latter. Its functions are set forth in Article 1 of the UNESCO Charter [5, 8]. By its persistent extension UNESCO has created its own system of international institutions. Thus, the Intergovernmental Committee for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage, the European Bureau of Education, the International Council of Museums, University Association and others were established by the UNESCO decision through delegation of the corresponding powers.

The same concerns the other international institutions. In modern times non-governmental organizations actively participate in the international legal regulation affecting state positions, drafting project agreements henceforth submitting them to national governments and international organizations [6, 50]. For instance, it is hard to perceive that some other institution, even intergovernmental, would perform the functions of Amnesty International, world non-commercial organization, focused on human rights abuses and functioning in accordance with the Charter amended in 2011 (Article 3 is devoted to the functions of the Organization) [7]. The same applies to International Committee of the Red Cross, World

Society for the Protection of Animals, Europa Nostra, CARE International and many others. All of them occupy their personal niche in the resolution of various sectoral issues.

All indispensable functions should be legally supported by necessary powers and competence. In other words, every institution should have its proper authoritative prerogatives declared in its own statutory law. In the case in question we will avoid collisions in the resettlement of the same issue by different institutions. The conformable clearness should be observed in all functional blocs of international legal regulation: lithosphere, sphere of international legal spaces, natural sphere, antroposphere, technosphere, economic sphere, sociosphere and noosphere. The number of gaps in the regulation of each given sphere is directly proportionate to the number of newly established international institutions, which remain independent of one another. The core of the following problem lies in the fact that "contemporary international law is a coordination law which presumes too many consultations and bureaucratic protractions..." [8] instead of effective and beforehand reply by means of the system of checks and balances to the challenges of contemporaneity. At large, the mere method of coordination is acceptable but only on the condition of a particular level of subordination between international institutions regulating the same issue. Thus, it is necessary to reform the system of international institutions completely using the outlined scheme:

- ministries — specialized institutions determining the policy in each particular sphere;
- agencies — international institutions guiding the system of the permitting decisions across the spectral sectoral sphere;

— services — international institutions responsible for control and due execution of international programs and coordination on all issues of their competence.

For example, consider the sociosphere of international legal regulation, namely that of health protection. The respective policy is predominantly reflected in the functioning of World Health Organization (WHO Charter) — ministerial level. World Society for the Protection of Animals (International agreement), CARE International and Joint United Nations Programme on HIV/AIDS (ECOSOC Resolution) perform the functions of "agencies" since they have their personal narrow spectral sphere within one "ministry". Finally, for instance, "Médecins sans frontières" and Human Genetics Programme in a certain manner carry out the functions of "services".

The real facts in contrast to practice, conventions and other normative documents prove that it is difficult to relate all international institutions to particular level of hierarchy as their functional activity not always corresponds to their statutory aims and purposes or even goes against functions set forth in the statutory law. Yet, specialized international institutions serve as an exclusive platform for establishment of the word order.

Conclusions. The contemporary system of international institutions would effectively operate within the framework of the "World government" already existing in the form of the systemic multitude of international institutions but still requires their inventory, functional coordination and weighted hierarchy. At present we live in the world without order and single government which would perform *"the functions of the common cause"*. Though the preconditions for the situation enhancement exist and require speedy and thought-out decisions.

References:

1. Nataraja Guru. Memorandum on World Government [Electronic source] – Access mode: <http://www.world-government.org/memor.html>
2. Cabrera L. World government is back, in geopolitics and in the academy, but what does the future hold for it? [Electronic source] – Access mode: <http://aeon.co/magazine/society/will-a-world-government-work/>
3. Klabbers J. Two concepts of International Organization. – 9p. Electronic source] – Access mode: <http://www.helsinki.fi/eci/Events/AddressKlabbers.pdf>
4. Convention on International Civil Aviation [Electronic source] – Access mode: <http://www.mcgill.ca/files/iasl/chicago1944a.pdf>
5. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Electronic source] – Access mode: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001255/125590r.pdf>
6. Наумов А. О. Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // Государственное управление. Электронный вестник. – Выпуск № 39. – Август 2013. – С. 49–76 [Electronic

- source] – Access mode: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk__39._avgust_2013_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/naoumov.pdf
7. Устав Amnesty International [Electronic source] – Access mode: <http://amnesty.org.ru/charter>
8. Саяпин С. Патриацид. Преступление против Украины//Главком. – 2 сентября 2014 года [Electronic source] – Access mode: <http://glavcom.ua/articles/22090.html>

Moiseewa Tatiana Michailowna
Lomonosov Moscow State University
Doktorandin der Fakultät für Rechtswissenschaft
E-mail: mtatiana@mail.ru

Gesamte Eigentum des Vermögens der Ehegatten in Russland

Abstrakt: Im Artikel werden die Besonderheiten des Regimes des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten in Russland betrachtet. Es werden die Normen des Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation und des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation analysiert zwecks die Besonderheit des gemeinsamen Eigentums des Vermögens der Ehegatten zu bestimmen.

Keywords: Vermögensbeziehungen der Ehegatten, gemeinsames Eigentum des Vermögens der Ehegatten, Ehegatten.

Die Vermögensbeziehungen der Ehegatten sind eine der Prioritätsrichtungen der wissenschaftlichen Forschung im Familienrecht. Die Besonderheit der Vermögensbeziehungen der Ehegatten klärt sich damit, dass sie nicht nur die innen Familieninteressen berühren, sondern auch leisten den unmittelbaren Einfluss auf die Wechselbeziehungen mit den dritten Personen, da die Ehegatten die aktiven Teilnehmer der Vermögensbewegung nicht selten sind. Insbesondere können die Ehegatten die vielfältigen Zivilrechtsgeschäfte beitreten, können die Teilnehmer der korporativen Rechtsverhältnisse sein. In diesem Zusammenhang entsteht die Notwendigkeit in der wirksameren rechtlichen Regulierung der Vermögensbeziehungen der Ehegatten.

Die geltende Gesetze der Russischen Föderation in den Punkt 1 Art. 33 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation und den Punkt 1 Art. 257 des Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation stellen als gesetzliches Regime der Vermögensbeziehungen der Ehegatten das Regime des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten fest. Hier ist es zu beachten, dass sich das Regime des gemeinsamen Eigentums des Vermögens auch auf das Eigentum der Mitglieder der Bauern- (Farm-) Wirtschaft erstreckt. So das Föderalgesetz der Russischen Föderation vom 11.06.2003 № 74-ФЗ (in der Fassung 28.12.2013) «Über die Bauern- (Farm-) Wirtschaft» im Punkt 3 Art. 6 bestimmt, dass «das Vermögen der Farmwirtschaft seinen Mitgliedern auf dem Gesamteigentumsrecht gehört, wenn vom Abkommen zwischen ihnen anderes nicht bestimmt ist».

Ein Ergänzungsgesetz des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation ist das Recht der Ehegatten selbstständig das Schicksal des ehelichen Vermögens zu bestimmen, das vom Ehevertrag ausgefertigt wird. So können laut dem Punkt 1 Art. 42 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation die Ehegatten im Ehevertrag das Regime des gemeinsamen, geteilten oder getrennten Eigentums auf das ganze Vermögen, auf bestimmte Arten des Vermögens oder auf das Vermögen jedes von ihnen feststellen.

So im Unterschied zu den früher geltenden Gesetzbüchern über die Ehe und die Familie (1918, 1926, 1969) sieht das moderne Familiengesetzbuch der Russischen Föderation das gesetzliche Regime des Eigentums der Ehegatten und auch das vertragsmäßige Regime des Eigentums der Ehegatten vor. Die Ehegatten haben Recht nach eigenem Ermessen jenes Regime der Vermögensbeziehungen zu wählen, das für sie am meisten bequem ist. Wenn die Ehegatten den Ehevertrag nicht schließen wollen, oder wenn der Ehevertrag ungültig anerkannt ist, so erstreckt sich auf die Vermögensbeziehungen der Ehegatten das gesetzliche Regime — das Regime des gemeinsamen Eigentums automatisch.

Das Regime des gemeinsamen Eigentums des Vermögens der Ehegatten hat einige bestimmte Merkmale. So ist es zu bemerken, dass sich die Konstruktion des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten im Familienrecht von der klassischen Konstruktion des allgemeinen Eigentums im Zivilrecht etwas unterscheidet. Insbesondere unterscheidet sich der Subjektbestand der Teilneh-

mer des gemeinsamen Eigentums. Laut dem Punkt 1 Art. 244 des Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation gehört das Vermögen, das sich im Eigentum zwei oder mehrerer Personen befindet, ihnen auf dem Recht des gemeinsamen Eigentums. So, nach der allgemeinen Regel, das Recht des gemeinsamen Eigentums auf das Vermögen entsteht gleichzeitig bei zwei oder mehreren Personen (zum Beispiel, zur Erbfolge). In diesem Fall geht es der Mehrheit der Miteigentümer um. Die Teilnehmer des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten können nur die Ehegatten sein. Weder die Kinder, noch andere Familienangehörigen können keine Teilnehmer des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten sein. So laut dem Punkt 4 Art. 60 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation hat das Kind das Eigentumsrecht auf das Vermögen der Eltern nicht, die Eltern haben das Eigentumsrecht auf das Eigentum des Kindes nicht.

Die Besonderheit des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten wird auch darin gezeigt, dass die Ehegatten «über die volle Gleichheit der Rechte auf das ganze Vermögen, das von ihnen in der Ehe erworben ist, unabhängig davon, wer es erworben hat», verfügen [1, 175–176]. Außerdem, der Gesetzgeber, den schwächsten Ehepartner schützend, festigt im Familiengesetzbuch der Russischen Föderation die Regel, nach der das Recht auf das gemeinsame Eigentum auch dem Ehepartner, der im Laufe der Ehe die Haushaltsführung, Kinderpflege verwirklichte oder aus anderen stichhaltigen Gründen kein selbständige Einkommen hatte, gehört (Punkt 3 Art. 34 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation).

Nach der allgemeinen Regel ist das gemeinsame Eigentum auf das Vermögen die Teileigentum (Punkt 3 Art. 244 des Zivilgesetzbuches der Russische Föderation). Das gemeinsame Eigentum der Ehegatten ist eine Ausnahme von der allgemeinen Regel, da es den unteiligen Charakter hat. In der Wissenschaft des Zivil- und Familienrechtes hat sich die eindeutige Meinung darüber gebildet, dass die Anteile der Eheleute im gemeinsamen Eigentum die «idealen» Anteile sind. So, zum Beispiel, sowjetischer Jurist M. W. Simelewa, die juristische Natur der «idealen» Anteile der Ehegatten erklärend, schrieb, dass «man den Beweis der Existenz der Anteile im gemeinsamen ehelichen Eigentum bei den gewöhnlichen, normalen Bedingungen nicht sehen kann» [2].

Hier ist es zu bemerken, dass die Anteile der Ehegatten gleich sind (Punkt 1 Art. 39 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation). Jedoch in Anbetracht der Besonderheit der ehelichen Beziehungen, die gegründeten auf den persönlichen-vertraulichen Grundlagen [3, 46] und auf den Schutz der Vermögensinteressen

nicht nur die Ehegatten, sondern auch ihrer minderjährigen Kinder, gerichtet sind, das Gericht, die Teilung des gesamten Eigentums der Ehegatten durchführend, kann vom Prinzip der Gleichheit der Anteile der Eheleute weggehen (Punkt 2 Art. 39 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation). Die Gerichtspraxis nennt als Umstand der Abwendung vom Prinzip der Gleichheit der Anteile der Ehegatten «die beachtenswerte Interessen einen der Ehegatten». Das Gericht bezieht zu solcher beachtenswerten Interessen die folgenden Fälle: wenn der Ehepartner das Einkommen ohne triftige Gründe nicht bekam, oder gab das allgemeine Eigentum der Ehegatten in den Schaden den Interessen der Familie aus, oder ist einer der Ehegatten aus dem Gesundheits- oder andere nicht von ihm abhängende Gründen verhindert ist, das Einkommen vom Erwerbsleben zu bekommen [4].

Die Besonderheit des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten wird auch darin gezeigt, dass bestimmte Unterschiede nach dem Besitz, der Benutzung und der Verfügung vom gemeinsamen Vermögen von den Eheleuten existieren. Laut dem Punkt 1 Art. 35 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation besitzen, benutzen und verfügen die Ehegatten über das gemeinsame Eigentum nach dem gegenseitigen Einverständnis. Wenn einer der Ehegatten den Geschäftsakt der Verfügung vom gemeinsamen ehelichen Vermögen schließt, handelt er mit Zustimmung anderen Ehepartners, dessen Vorhandensein angenommen wird. Die Spezialisten im Gebiet des Familienrechtes erklären die Wichtigkeit solchen Herangehens an die Frage der Gleichheit der Anteile der Eheleute so, dass die Feststellung «der Präsumption des beiderseitigen Einverständnisses der Ehegatten beim Abschluß der Verfügungsgeschäfte» für «das normale Rechtsverkehr» notwendig ist [5, 138]. Deshalb ist es den dritten Personen, die mit den Ehegatten verschiedene Verfügungsgeschäfte abschließen (zum Beispiel, auf den Verkauf der Sache, die sich im gemeinsamen Eigentum der Ehegatten befindet) nicht erforderlich das Vorhandensein des Einverständnisses anderen Ehepartner zu prüfen. Die Ausnahmen von der gegebenen Regel sind die Fälle, wenn die Billigung des Verfügungsgeschäftes in Bezug auf das gemeinsame eheliche Eigentum nicht angenommen, sondern erforderlich wird, und die Einverständniserklärung in notariell beglaubten Form sein soll. Das sind die Geschäfte, die auf die Verfügung vom immobilien Eigentum der Eheleute gerichtet sind, sowie die Geschäfte, die in die Gesetzeskraft die notarielle Bescheinigung und (oder) die Registrierung unter Androhung ihrer Anerkennung ungültig fordern

(Punkt 3 Art. 35 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation).

Die Gerichtspraxis der obersten Gerichte der Russischen Föderation hält an der Präsomption des Vorhandenseins des gegenseitigen Einverständnisses der Ehegatten bei der Verfügung vom ehelichen Eigentum auch fest. So im Punkt 16 der Verordnung des Plenums des Obergerichtes der Russischen Föderation № 15 «Über die Anwendung bei der Gerichte der Gesetzgebung bei der Verhandlung über die Ehescheidung», dass wenn «bei der Betrachtung der Forderung über die Abteilung des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten bestimmt sein wird, dass einer von ihnen die Entfremdung des allgemeinen Eigentums erzeugt hat oder hat es nach eigenem Ermessen trotz dem Willen anderen Ehepartner nicht in den Interessen der Familie verbraucht, oder hat das Eigentum verborgen, so wird bei der Abteilung dieses Eigentum oder sein Wert berücksichtigt» [6].

Am prägendsten wird die Besonderheit des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten in Art. 34 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation gezeigt. Dieser Artikel ist ein Ergänzungsgesetz im geltenden Gesetzbuch, da früher die Gesetzbücher über die Ehe und die Familie die Normen über den Bestand des gemeinsamen Eigentums der Eheleute nicht enthielten. So gehören laut dem Punkt 2 Art. 34 des Familiengesetzbuches in den Bestand des gemeinsamen Eigentums der Eheleute an: Einkommen vom Erwerbsleben, Unternehmertätigkeit und der Ergebnisse der intellektuellen Tätigkeit; Renten, Stützung, sowie andere Geldauszahlungen, die keine spezielle Zweckbestimmung haben; erworben auf Kosten von den Gesamterträgen der Ehegatten die mobilen und immobilien Sachen, die Wertpapiere, die Anteile, die Beiträge, die Anteile im Kapital, beigetragen zu den Kre-

ditinstitutionen oder in andere kommerzielle Organisationen, sowie jedes Eigentum, das von den Ehegatten im Laufe der Ehe erworben ist. Dabei ist die angegebene Liste erschöpfend nicht.

Die Besonderheit des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten wird auch in der Schuldscheine der Ehegatten gezeigt. Es ist zu beachten, dass im Unterschied zur ausländischen Gesetzgebung die russische Gesetzgebung nur auf das Vorhandensein der Schulden im Bestande vom allgemeinen Eigentum der Ehegatten indirekt bezeichnet. So werden laut dem Punkt 3 Art. 39 des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation die allgemeinen Schulden der Ehegatten bei der Teilung des gesamten Eigentums der Ehegatten zwischen den Ehegatten proportional zu den verliehenen Anteilen verteilt. In der Doktrin des russischen Familienrechtes gibt es keine eindeutige Position in der gegebenen Frage.

Die Analyse der Normen des Familiengesetzbuches der Russischen Föderation und des Zivilgesetzbuches der Russischen Föderation lässt zu die Schlussfolgerung darüber zu ziehen, dass das gemeinsame Eigentum der Eheleute die besonderen Merkmale hat. Dabei prägt sich die Besonderheit des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten in solchen Merkmalen, wie selbständig Subjektbestand, unteiliger Charakter des gemeinsamen Eigentums der Ehegatten, Möglichkeit des Abgangs vom Prinzip der Gleichheit der Anteile der Ehegatten, sowie das Vorhandensein der Präsomption des Einverständnisses des Ehepartners auf dem Abschluß der Verfügungsgeschäfte in Bezug auf das gemeinsame Eigentum der Ehegatten aus. So unterscheidet sich das gemeinsame Eigentum der Eheleute vom klassischen Modell des gemeinsamen Eigentums im Zivilrecht und stellt «den Ausnahmefall des gemeinsamen Eigentums» dar [7, 232].

Referenz:

1. Suchanow E. A. Vorlesung über das Eigentumsrecht. — M: Juristische Literatur, 1991, S. 175–176.
2. Simelewa M. W. Gemeinsame Eigentum im sowjetischen Zivilrecht // Anzeiger des Zivilrechtes. 2009. № 4/SPS (Informationsrechtssystem) KonsultantPlus.
3. Worozhejkin E. M. Familienrechtsverhältnisse in der UdSSR. M, 1972. S. 46.
4. Die Verordnung des Plenums des Obergerichtes der Russischen Föderation vom 05.11.1998 № 15 (Fassung vom 06.02.2007) «Über die Anwendung bei der Gerichte der Gesetzgebung bei der Verhandlung über die Ehescheidung» // Rossijskaja Zeitung. № 219. 18.11.1998./SPS (Informationsrechtssystem) KonsultantPlus.
5. Kommentar zum Familiengesetzbuch der Russischen Föderation/Hrsg A. M. Netschajewa. 2. Ausgabe, bearbeitete und ergänzte. M.: Jurajt; Jurajt-Isdat, 2010. S. 138.
6. Die Verordnung des Plenums des Obergerichtes der Russischen Föderation vom 05.11.1998 № 15 (Fassung vom 06.02.2007) «Über die Anwendung bei der Gerichte der Gesetzgebung bei der Verhandlung über die Ehescheidung» // «Informationsblatt des Obergerichtes der Russischen Föderation», N 1, 1999/SPS (Informationsrechtssystem) KonsultantPlus.
7. Chochlow S. A. Gewählte Arbeiten/Verfasser und Redaktor P. W. Krascheninnikow. M.: Statut, 2012. S. 232.

*Nedvedskaya Valery Anatolievna,
The Khabarovsk regional court the assistant referee
E-mail: ms.nedvedskaya@mail.ru*

The grounds and procedure limits the constitutional rights of citizens rassledovanie military crimes investigation authorities of Russia

Abstract: the article reveals the basic rules on appeal have not entered into legal force of the decision and the decision on administrative offences. Based on the analysis of certain provisions of the code, the author comes to the conclusion about the necessity of changes and additions.

Key words: human rights, administrative offence, punishment, appeal.

*Недведская Валерия Анатольевна
Хабаровский краевой суд помощник судьи
E-mail: ms.nedvedskaya@mail.ru*

Правила обжалования судебных постановлений и решений по делам об административных правонарушениях требуют ревизии

Аннотация: в статье раскрываются основные правила обжалования на не вступившие в законную силу постановления и решения по делам об административных правонарушениях. На основе анализа отдельных норм кодекса, автор приходит к выводу о необходимости их изменения и дополнения.

Ключевые слова: права человека, административное правонарушение, наказание, обжалование.

В рассматриваемой статье под термином «ревизия» нами понимается системное реформирование такой стадии административного процесса, как обжалование судебных постановлений и решений по делам об административных правонарушениях.

В юридической литературе отмечается, что процедура обжалования постановлений и решений по делам об административных правонарушениях представляет наибольший интерес, поскольку из 4-х возможных вариантов подачи жалобы, указанных в ч. 1 ст. 30.1 КоАП РФ, три осуществляются исключительно в судебном порядке, и только в одном предусматривается обжалование вышестоящему должностному лицу [1, с. 474].

Право на обжалование, выступая гарантией прав и свобод гражданина, нашло свое законодательное закрепление в нормах международного права, в частности, в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.), в соответствии с которой каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом [2]. В свою очередь, данное право отражено в ст. 46 Конституции РФ, где напрямую сказано, что решения и действия (или бездействия) любых органов власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суд [3].

Право на обжалование судебных актов можно определить, как совокупность процессуальных действий, направленных на восстановление нарушенных прав и охраняемых интересов в первую очередь лиц, привлекаемых к административной ответственности. В связи с чем, возникает вполне закономерный вопрос, каким образом гражданин может реализовать свое конституционное право? Указанное возможно только при наличии законодательно закрепленных правил обжалования судебных постановлений и решений, обеспечивающих выявление и устранение погрешностей в обжалуемых судебных актах.

Следует отметить, что Основы законодательства Союза СССР и союзных республик об административных правонарушениях 1980 г. давали право лицу, в отношении которого вынесено постановление, его обжаловать в административном или судебном порядке. В то же время, постановление районного (городского) народного суда о наложении административного наказания являлось окончательным и обжалованию не подлежало [4]. Однако, как отмечал профессор Д. Н. Бахрах, эта норма не означала, что гражданин лишался права принести жалобу на постановление, которое он считает необоснованным или незаконным. Содержавшиеся в нормативных актах указания о том, что постановления судей, судов обжалованию не подлежат, означали отсутствие права на кассационную жалобу, а не на жалобу вообще [5, с. 309–310, 311].

Впоследствии, в связи с принятием в 2001 г. КоАП РФ, в значительной степени претерпели изменения правила обжалования постановлений и решений [6], в то же время назрела необходимость ревизии отдельных положений гл.30 КоАП РФ в целях достижения соответствия правового регулирования общему вектору развития процессуального законодательства и выработке единых подходов к разрешению вопросов, возникающих при рассмотрении жалоб.

К числу правил обжалования судебных постановлений и решений, не вступивших в законную силу, можно отнести — наличие перечня лиц, имеющих такое право. Данный перечень определен в ст. 25.1–25.5.1 КоАП РФ, в соответствии с которыми такими лицами являются: лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении; потерпевший; законные представители физического лица; законные представители юридического лица; защитники и представители. К таким же лицам законодатель отнес и прокурора, но в форме принесения им протеста (ст. 30.10 КоАП РФ).

В то же время в ч. 1 ст. 25.1 КоАП РФ в перечне прав лица, в отношении которого ведется производство по делу, это право отсутствует. Имеется бланкетная норма, согласно которой указанное лицо вправе пользоваться «иными процессуальными правами». По нашему мнению, тот факт, что такое важное право напрямую законодательно не закреплено, является парадоксальным.

Следует также отметить, что в соответствии с ч. 1.1 ст. 30.1 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении, вынесенное судьей, может быть также обжаловано в вышестоящий суд должностным лицом, уполномоченным в соответствии со ст. 28.3 Кодекса составлять протокол об административном правонарушении. Формулировка данной статьи, по нашему мнению, не является удачной и заслуживает корректировки, поскольку исходя из буквального содержания этой нормы, постановление может быть обжаловано компетентным должностным лицом того органа, который вообще не имел никакого отношения к составлению протокола об административном правонарушении, поскольку полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях могут совпадать у должностных лиц даже различных органов. В связи с чем данная правовая норма безусловно требует ревизии.

Нельзя не оставить без внимания и такой правовой пробел, когда КоАП РФ не устанавливает никаких

требований к содержанию жалобы на судебные акты, соблюдение которого должно было быть не менее важным правилом обжалования. Фактически вышестоящий суд лишен возможности отказать в принятии жалобы к своему производству. В этом проявляется существенное отличие КоАП РФ от АПК РФ и ГПК РФ, в которых четко указаны требования, предъявляемые к содержанию апелляционной (кассационной) жалобы на решение суда, и предусмотрена возможность оставления жалобы без движения в случае их несоблюдения. По нашему убеждению, необходимо осуществить детальную законодательную регламентацию содержания жалобы, протеста на не вступившие в законную силу постановление и решение и предусмотреть юридические последствия нарушения установленных требований.

По нашему убеждению, ст. 30.2 КоАП РФ («Порядок подачи жалобы на постановление по делу об административном правонарушении») следовало бы дополнить ч. 7 следующего содержания, «в административной жалобе должны содержаться сведения об обжалующем лице (наименование, место нахождения, фамилия, имя, отчество, место жительства), наименование органа, вынесшего обжалуемое постановление, название, номер и дата вынесения обжалуемого постановления, требования лица, подающего жалобу, а также основания требований».

Далее, анализируя положения гл.30 КоАП РФ, нельзя не отметить, что ч. 1 ст. 30.3, устанавливая срок на обжалование постановления со дня вручения или получения копии постановления, в силу своей неточности вызывает ряд вопросов на стадии принятия к рассмотрению жалобы на постановление или решение. Указанное обусловлено отсутствием в данной статье положения, устанавливающего порядок направления лицу, привлекаемому к административной ответственности постановлением или решением, закрепляющего обязанность суда направить копию решения участникам заказным письмом с уведомлением о вручении. Наличие почтового уведомления о вручении постановления позволило бы в большинстве случаев точно определить дату вручения и послужить процессуальной экономией при рассмотрении жалобы.

Также нуждается в ревизии и ст. 30.7 КоАП РФ. В соответствии с п. 4 ч. 1 данной статьи, по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении может быть вынесено решение об отмене постановления и о возвращении дела на новое рассмотрение судьей, в орган,

должностному лицу, правомочным рассмотреть дело, в случаях существенного нарушения процессуальных требований, предусмотренных Кодексом, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело, а также в связи с необходимостью применения закона об административном правонарушении, влекущем назначение более строгого наказания, если потерпевшим по делу подана жалоба на мягкость примененного наказания. Полномочия прокурора в этом случае существенно ограничены. По нашему мнению, ограничение полномочий прокурора, которое обусловлено невозможностью принесения протеста в связи с мягкостью назначенного административного наказания, требует внесения в данную статью соответствующих изменений.

И наконец, в КоАП РФ никак не определено, осуществляется ли пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях в апелляционном или кассационном порядке, и даже

сама жалоба, подаваемая на соответствующее постановление или решение, не названа, ни апелляционной, ни кассационной, а поименована в ч. 1 ст. 30.2 КоАП РФ, как просто «жалоба», что также не является совершенным и требует пересмотра. Аналогичный по содержанию вывод содержится и в работе юриста Н. Н. Веретенникова: «существенным недостатком КоАП РФ является правовая неопределенность: по каким правилам вышестоящей судебной инстанции следует рассматривать жалобы и протесты на судебные постановления и решения, не вступившие в законную силу» [7, с. 65].

Таким образом, вышеуказанные недостатки касаются только ряда положений рассматриваемой главы и не являются исчерпывающими, однако вполне достаточны для того, чтобы сделать вывод о необходимости в устранении пробелов в реализации конституционного права гражданина на защиту своих интересов.

Список литературы:

1. Лаврентьев А. Р. Об обжаловании в суд постановлений и решений по делам об административных правонарушениях // Антология научной мысли. М., 2008.
2. Российская газета. № 67 от 05 апреля 1995.
3. Собрание законодательства РФ от 4 августа 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Ведомости СНД и ВС СССР 1991. № 12. Ст. 321.
5. Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности: Учеб. Пособие. Пермь. 1969.
6. Собрание законодательства РФ от 7 января 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
7. Веретенников Н. Н. Порядок обжалования судебных постановлений и решений по делам об административных правонарушениях // Российское правосудие. М., 2014. № 10.

Ochir-Goryaeva Irina Kalinovna

candidate of Law, Associate Professor

Under the support of the Russian Humanitarian Science Fund

E-mail: kalinovna7@yandex.ru

General principles of regional governance in Russia: historical and legal analysis

Abstract: The article deals with the issues of regional governance in the multinational Russian state. It is viewed upon the ratio of territorial and corporate governing principles in the local organization and examples of the elements of a traditional society.

Keywords: governing principles, regional governance, local government, the Russian community, traditional society.

Such a territorially lengthy state like Russia could not be governed only by centralized administration, that was why self-governance, to some extent, was always permitted.

Maintaining order and mutual help had been a traditional function of the Russian community (vervy) since the times of Kievan Rus. Representatives of princely administration, though few in number, neither could nor

set a goal to govern local affairs. With the strengthening of Russian state there occurred institutionalized formation and complexity of the central government functions, some attempts were undertaken to create local bureaucratic power. But the officials sent from the center (the governors and volosteli) could not provide effective governance. There were many reasons, but two of them deserve special mentioning here: the consciousness of impunity being far from the center gave rise to the temptation to improve their business through all kinds of abuse, and lack of organic links with the local community impeded understanding of local interests, deprived an official of ownership to the local community.

Apparently, Ivan IV (the Terrible), took these facts into consideration in zemskoy reform, and gave local communities the right to be controlled independently if they wanted. Zemsky and Gybnoy local institutions were obliged to maintain public order, fight crime, collect taxes, and since the middle of the XVIth century they had sent representatives to the Zemsky Sobor. Such system of governance, largely based on self-governance of the people, lasted until the end of the XVIIth century.

Reforms of Peter I, designed to instill in Russia previously unknown political and legal values of the West, could not get the support of the population, and eventually led to bureaucratic governance with limited public participation.

Catherine II was able to pay much more attention to the tradition of public participation in the governance, and she did so by combining elements of self-governance in the sphere of government. The Institution to Govern Provinces of 1775 passed during her reign transferred the right to form local administrative and judicial offices to local gentry. Being bestowed on the nobility by Peter III and regularized in 1785, self-governance had the right to control spending of local government (with the respect of historical justice, it should be noted that the right was rarely used).

Public alienation from the state was clearly seen in the way the state organized and conducted the elections. It was the tradition to take the elections irresponsibly: the most qualified candidates were not eager to take up the position. Sometimes a person was solely elected to annoy the governor. Incidentally, this phenomenon is observed now. Therefore, it is not always possible to foresee and make predictions based on rational considerations.

The ideas to combine the state and social elements in the governance fruitfully were manifested in the County (1864) and the City (1870) reforms. The system control successfully combined national, local and corporate

principles. Vertical of state governance ended at the county level, sometimes reaching the volost. It, in its turn, was complemented with the bodies of territorial public administration (government) — zemstvo. Noble bodies (at the level of province and district and peasant self-governance) and peasant self-governance (at the level of villages and townships) began to express corporate interests. The bodies of municipal government decided both territorial and class issues.

It appears that the difficulties of the establishment of the local government in modern Russia can be partially explained by the fact that during the period of Soviet power they lost the culture not only of territorial but also public, governance. That's why you can often hear the opinion that local government is the continuation of state government, and they are not directed to protect the interests of the local population. The latter is often removed from real issues solved by the local government. In fact, procedures, mechanisms, forms of citizen participation in local government are reduced to their participation in the election of the appropriate authorities. The feedback mechanisms work poorly, if they are provided at all. Therefore, we can justify recent interest in strengthening of the so-called territorial public self-governance, which, despite the name, is not always a territorial, and represents various forms of citizen associations to protect their common interests.

Self-governance at the level of the peasant community in Russia was preserved throughout its history. No wonder they tried to retain it in the Peasant Reform of 1861. By that time the community continued to play an important fiscal and police role, in most cases it remained the ownership of the land and, in addition, played the role of a social insurance agency. Gradually, this role of social protection of the weak became increasingly important. In fact it began to transform into the individual community. After the reform the economically active part of the peasants went to the city, not just work to be hired but often to create their own business. In this case, they reserved their right to land, unless the family continued to live in the village.

It seems quite appropriate to mention the failure of Stolypin's attempts to solve the agrarian question at the expense of the community, and to abolish the community as a whole. This was largely the result of underestimating of the persistence of traditions in the national consciousness. After the October Revolution of 1917 the pre-revolutionary role of the community was partially laid on village councils and collective farms.

It was because both institutions were quite acquainted with the tradition; they managed to fit firmly into the socio-political organization of the society. Although it is obvious that the traditional form was fundamentally different: neither village councils nor collective farms were self-governing bodies.

In characterizing the community as a single form of the public control of rural inhabitants, one can create the illusion that the term means the same for all regions. Meanwhile, it includes at least three different communities: a tribal community, a neighboring or individual community, and the community as a local authority.

The first kind of community was mostly characteristic for mountaineers, some nomadic groups and stray foreigners and differed in preserving patriarchal and patrimonial values in public organizations: the dominant position of the older, degraded position of junior and women, the sacramental nature of the right, the lack of individual forms of ownership, deadly feud and the like institutions related to the protection of each member by the whole family. This kind of community is not necessarily tied to the territory; the main criterion here is communal jurisdiction belonging to the certain family.

The second type of community is characterized by separation of certain administrative and judicial functions from the family and clan organization. The members of such a community are not always relatives, and accordingly, there arises a need to establish special judicial and governing bodies. There appeared individual forms of ownership within the community, although communal ownership was still widespread or even dominant. Generally, this type of community should include all those forms that retained the *esprit de corps*, despite the fact that this institution is either a holdover of the tribal system or the product of the state which considered as a convenient way to collect taxes.

Some researchers are particularly pointed out an individual community as the self-governing body by the elected authorities. According to L. Badalyan, it is based on the private or semi-private land ownership.

The main figure here is an independent individual owner on his farmstead. But the private use of the land under permanent process stages, not being private property, however, provides all the “basic elements necessary for the existence of individual communities. Everyone produces to his own risk what he thinks necessary. It is not the “world” but he, who pays taxes and duties; he personally manages the manufactured product. The necessary condition for the existence of such a community is the market as a form of exchange between individual producers. Finally, the community as a body of local (territorial) government is already an institution of the modern state, and it is formed of individuals living in the neighborhood, interested in solving various local problems. But here one important remark is necessary: the society must still be ready to take burden of the local “benefits and needs” of national importance. Here is an example of Tocqueville’s: “In Massachusetts, the community is the cornerstone of governance of the society. It is the center of both all the interests and feelings of the people. However, the situation changes significantly when you find yourself in the states, where people are less educated and, therefore, the community as a whole is able to act less reasonably and has fewer opportunities to provide good governance. “Then the role of the community, to some extent, goes to the constituency and it “turns into a major administrative unit, whose authorities become an intermediary between the state government and citizens.” Such communities existed in the Baltic States and Finland.

In general, it should be noted that the second half of the XIXth century is notable for the fact that the diversity of control in some regions of the Russian Empire had been practically replaced by this time by unified governance, which, at the same time, retained traditional or indigenous forms of local community. It is in the background of fairly uniform administrative law we can find distinct national identity of ethnic groups included in the empire. Legislation of the first half of the century and the common law of the other peoples was widely used in subsequent legislation.

Reference:

1. Eroshkin N. P. History of state institutions of pre-revolutionary Russia. M.: Higher sch., 1983. P. 34–35.
2. Badalyan N. 1918 – sources of monopoly power// *Znanye – sila*. 1989 № 10. P. 23.
3. Tocqueville A. Democracy in America. M., 1992. P. 83.

*Nesterova Nadezhda Vladimirovna
candidate of legal Sciences, docent;
Rostov State University Communications
E-mail: nadinalladin@mail.ru*

Some features of the regulation of a civil contract

Abstract: The article considers the peculiarities of regulation of a civil contract. A comparative analysis of the labour agreement or civil-law agreement in accordance with the Russian legislation.

Keywords: a civil contract, employment contract, the court, the employee, the employer.

*Нестерова Надежда Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ ВПО Ростовский Государственный
Университет Путей Сообщения, Россия
E-mail: nadinalladin@mail.ru*

Некоторые особенности регулирования гражданско-правового договора

Аннотация: В статье рассматриваются особенности регулирования гражданско-правового договора. Проводится сравнительный анализ трудового договора и гражданско-правового договора в соответствии с российским законодательством.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, трудовой договор, суд, работник, работодатель.

С января 2014 г. была дополнена ст. 15 Трудового Кодекса РФ, согласно которой «заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, не допускается» [1]. Наряду с этим ст. 19.1 ТК РФ гласит: «Признание отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями может осуществляться:

- лицом, использующим личный труд и являющимся заказчиком по указанному договору, на основании письменного заявления физического лица, являющегося исполнителем по указанному договору, и (или) не обжалованного в суд в установленном порядке предписания государственного инспектора труда об устранении нарушения ч. 2 ст. 15 ТК РФ;
- судом в случае, если физическое лицо, являющееся исполнителем по указанному договору, обратилось непосредственно в суд, или по материалам (документам), направленным государственной инспекцией труда, иными органами и лицами, обладающими необходимыми для этого полномочиями в соответствии с федеральными законами».

В случае прекращения отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, признание этих отношений трудовыми отношениями осуществляется судом. Физическое лицо, являвшееся испол-

нителем по указанному договору, вправе обратиться в суд за признанием этих отношений трудовыми отношениями в порядке и в сроки, которые предусмотрены для рассмотрения индивидуальных трудовых споров.

Неустранимые сомнения при рассмотрении судом споров о признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями толкуются в пользу наличия трудовых отношений.

Статья 19.1. ТК РФ устанавливает следующие способов переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые:

1. Заказчиком по письменному заявлению физического лица — исполнителя по договору.
2. Заказчиком на основании предписания государственной инспекции труда, если данное предписание не было в установленные сроки обжаловано в суд.
3. Судом на основании заявления исполнителя — физического лица (последний вправе обратиться в суд напрямую, минуя обращение к заказчику, либо при получении от последнего отказа в переквалификации).
4. Судом на основании материалов, поступивших от государственной инспекции труда.
5. Государственной инспекцией труда или иным уполномоченным органом.

Так если организацией-работодателем заключен гражданско-правовой договор (договор подряда, возмездного оказания услуг и пр.) с физическим лицом, который обеспечивает его выполнение своим личным участием, то данная организация попадает в группу риска переквалификации.

Исполнитель — физическое лицо, посчитавший, что его отношения с организацией являются трудовыми или близкими к ним, вправе потребовать от заказчика признания их трудовыми и заключения с ним трудового договора. Если произойдет переквалификация, то заказчик автоматически «преобразуется» в работодателя, а исполнитель — в работника данной организации.

Логично предположить, что не каждый работодатель добровольно согласится переквалифицировать удобные гражданско-правовые отношения в трудовые отношения.

Представляется, что лицо, посчитавшее, что его отношения фактически являются трудовыми, путем подачи письменного заявления будет требовать от заказчика признания отношений трудовыми, расторжения гражданско-правового договора и замены его трудовым.

Заказчик (фактический работодатель) в этой ситуации попадает в непростое положение — ч. 3 ст. 19.1 ТК РФ предусматривает, что признание гражданско-правовых отношений трудовыми влечет за собой установление их таковыми со дня начала выполнения работ по гражданско-правовому договору. К этому моменту у работника, которым становится исполнитель, могут накопиться несколько очередных неиспользованных отпусков, доплаты в связи с вредными или опасными условиями труда и т. д. Работодатель будет являться нарушителем положений трудового за-

конодательства, а у работника появится право взыскивать проценты в порядке ст. 236 ТК РФ, компенсацию морального вреда [2].

Таким образом, заказчик, заключивший гражданско-правовой договор с физическим лицом, оказывается в ситуации постоянной угрозы и зависимости от поведения противоположной стороны.

Помимо этого ч. 1 ст. 19.1 ТК РФ гласит, что правом на обращение за признанием отношений трудовыми обладает Государственная инспекция труда не предусматривая согласия самого исполнителя. Следовательно, Государственная инспекция труда проводя проверку и обнаруживая заключенный гражданско-правовой договор, «прикрывающий», по мнению данного органа, трудовые отношения, вправе самостоятельно направить материалы проверки в суд и вопреки воле сторон добиться признания договора трудовым.

Очевидно, что далеко не все гражданско-правовые договоры, заключаемые с физическими лицами, имеют целью прикрыть трудовые отношения: к юбилею руководителя компании нужно украсить зал; в офисе время от времени следует пересаживать цветы и пр. Ситуаций, в которых гражданско-правовой договор будет являться разумной и адекватной формой облачения отношений сторон, может быть множество. Однако в свете принятых нововведений имеются серьезные опасения по поводу того, станут ли судебные органы действовать разумно и разбираться в сути отношений сторон либо пойдут по пути наименьшего сопротивления в виде безоговорочного использования презумпции трудовых отношений.

Представляется, что ответ на данный вопрос со временем и противоречиво будет формировать судебная практика.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 04.11.2014)// «Парламентская газета», N 2–5, 05.01.2002.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014)// «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994.

*Petrov Dmitry Evgenyevich, Saratov State Law Academy,
Associate Professor at the Department of Theory of State and Law,
Candidate of Legal Sciences
E-mail: dpetrov.saratov@mail.ru*

Impact of socio-economic factors on differentiation of law

Abstract: The article considers socio-economic prerequisites of differentiation in law. The origins of the notion «differentiation of law» are analyzed. Differentiation of law is determined by both external (socio-economic) and internal (special legal) factors, but external factors play a crucial role in the process of differentiation.

Keywords: differentiation, law, legal system, social relations, economy.

The research of the processes that take place in the legal system of a certain state presupposes the study of their socio-economic prerequisites. Conforming to the general laws of social development, differentiation in the law is stemmed on reasons and prerequisites of social differentiation as a generic phenomenon, which presumes the need of initial reference to professional literature on sociology, philosophy, economics, political science and other social sciences in the sphere of theory of systems in the whole and differentiation in particular.

The founder of social studies of the issues of differentiation H. Spencer borrowed the notion «differentiation» from natural sciences. However, he expanded its meaning believing that differentiation and integration were the main elements of the overall evolution of the matter from elementary to complex not only on the natural level (biological), but also in psychological and social spheres [10].

French sociologist E. Durkheim considered social differentiation as the result of such reasons like labor division, nature law, which was related to such functions in the society as growth of population density and intensity of inter-personal relations [5]. German philosopher and sociologist M. Weber saw the reasons of social differentiation in the process of rationalization of values, norms and relations between people [4, 16–20].

A significant contribution to the research of reasons and general regularities of the processes of social differentiation was made by an American economist D. North, who formulated four major criteria of social differentiation: according to functions, rank, culture and interests [6].

In the concept of social differentiation of the theorists of sociology of action and supporters of the systematic approach (T. Parsons, N. Luhmann, A. Etzioni etc.) [7] social differentiation is presented as not only the initial state of social structure but also as a process that predetermines the appearance of roles

and groups specialized in the performance of separate functions. These scientists clearly differentiate between the levels at which the process of social differentiation takes place: the level of the society in the whole, the level of its subsystems, the level of groups etc. The basis thesis in such representation of social differentiation is the fact that any social system can function only if the following vital functions are realized in it: adaptation to the environment, definition of a goal, regulation of internal collectives (integration) etc. These functions can be performed by more or less specialized institutions and differentiation of social system happens in compliance with it.

In legal science, differentiation is one of the fundamental phenomenon along with the integration of tendencies in the development and functioning of the legal system, which has a multi-level nature and that is expressed in uninterrupted process of alternate intensity of fragmentation, distinguishing new structural formations in the law, increase of the number of its elements, expansion of the circle of functions performed by them as well as ripening of qualitative differences of elements (and subsystems) by way of which the appropriate level of diversity in the mechanism of legal regulation and its adaptation to external environment is ensured [2, 53].

In philosophy, they distinguish between functional differentiation, in the course of which the circle of functions performed by the elements of a developing system is expanded, and structural differentiation, in the course of which subsystems realizing these or those functions are distinguished in the system [12]. Within the frames of the study of reasons and prerequisites of differentiation of the legal system the distinguishing between subject and functional differentiation appears to be more precise. Such theoretical step allows reflecting in the consciousness the impact of external environment on the system in the form of the entire system of social relations (they can be defined as general social reasons

of differentiation of the law), as well as internal factors and demands in development and functioning of the law itself (special legal prerequisites).

Similar position with regard to a related issue is taken by I. N. Senyakin, who paid special attention to prerequisites of specialization of the legislation. He pointed out the following circumstances: social division of labor; differentiation of government bodies and national and state sovereignization. According to his just opinion, the specified prerequisites predetermine the content, kinds and forms of the process of specialization of the legislation [9; 5]. The latter, according to the scientist, refers to differentiation along with concretization and detalization. It should be noted that differentiation in the law and specialization in the legislation are undoubtedly interrelated phenomena, but they are not identical. The very specialization of the legislation is a form of differentiation in the law and not vice versa (as the legislation is one of the law norms, but not its content). Reasons causing the observed phenomena are same.

Moreover, I. N. Senyakin distinguishes internal legal prerequisites of specialization of the legislation. In his opinion, the special place among them is taken by special legal norms that constitute the legal basis of specialization of the legislation [9; 18]. Such conclusion appears quite reasonable and correctly reflects the issue of the correlation of specialization in the legislation and differentiation in the law. The very differentiation of the legal norms into the respective kinds brings about the specialization of regulative and legal acts as the most important form of their manifestation. It is important to emphasize that special norms act as one of the main results of differentiation in the law at this level, which further predetermines specialization in the course of their allocation in the legal acts.

The main system differentiating factors of the legal structure refer to the number of external conditions in the economics [2; 44] and then in the political and legal sphere. Consequently, the reasons of the process of differentiation in the legal system should be primarily looked for in the economics. At the same time, it is necessary to take the dialectics of external and internal factors generating the processes of system formation into account.

According to S. S. Alekseev, the external reasons of differentiation of the law include economic basis and state authority and the internal ones include the legal functions. Hence, he defined two groups as the main system-forming factors: a) the subject of legal regulation;

b) functions of the law and its separate subdivisions.

At the level of legal norms, S. S. Alekseev gave the priority to functional differentiation. The functions of the law, in his opinion, act as the main criterion of differentiation of the regulative instructions in compliance with which regulative, protective and specialized norms are distinguished in the structure of law [2; 103].

V. M. Syrykh pays special attention to the issue of objective conditionality of the law and the process of its development. Strictly following the dialectic principles of cognition, the author comes to just conclusion that «the reasonability of the applicable law is achieved by its organic conformity to both the content of political and legal activity and concrete historical conditions, applying and taking them into account, the norms of law are designed, as well as general and industrial principles of law, and, finally, economic relations, basis of the society» [11; 324]. Herewith, the researcher calls economic basis as the prime reason of development of the law soundly following the classics of Marxism.

The first works with the use of the category «differentiation» initially appeared in the sciences of civil and labor law [1, 77; 3, 48], which was determined by the most relation of the respective branches of the law with economic relations, in the development of which the tendencies of differentiation were observed most demonstrably and clearly in XX century. The representatives of the indicated branch sciences paid attention to the need of transition in theory from simple formal and logical operation on classification of legal phenomena according to different bases to research of deep processes of differentiation of structural formations in this or that branch of the law. Thereat, the important position that differentiation as natural and historical process in the development of the law is determined by specialization of social and economic relations was defended. The criteria of division of a certain branch of the law into separate institutions, groups and kinds of norms should not be defined in theory voluntarily (according to the preferences of one or another researcher), but in accordance with objective particularities of evolution of the economic basis predetermining the structure and composition of state legal superstructure.

The above stipulated allows concluding that the process of differentiation of state and legal superstructure in the whole and structural elements of the legal system in particular has a double cause-and-effect nature. It is predetermined by both external general

social reasons in the form of perpetual differentiation of social and economic, political and other relations in the society (subject criterion) and internal prerequisites having strictly legal nature in the form of the need for procedure realization, functional division of regulative and legal instructions etc. Nevertheless, the presence of special legal prerequisites, the need for differentiation in legal matter, is primarily predetermined by the very

objectively formed social relations, the degree of their diversity and complexity. The process of differentiation distinguishes all new elements in the structure of law in the form of response reaction to constant increase of diversity in the system of regulated relations. Differentiation acts as a necessary satellite of the legal progress, ensures the balance between the community and detalization of the mechanism of legal impact.

References:

1. Alekseev S. S. Differentiation of civil and legal regulation in a socialist society // Soviet state and law. – 1960. № 12;
2. Alekseev S. S. Structure of the Soviet law. – M.: Legal literature, 1975.
3. Baru M. I. Unification and differentiation of the norms of labor law // Soviet state and law. – 1971. № 10. P. 48–50;
4. Gromov I. A., Matskevich A. Yu., Semenov V. A. Western theoretic sociology. – M., 2006.
5. Durkheim E. Sociology. Its subject, method and purpose. – M., 2005.
6. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – M., 1997.
7. Parsons T. About the structure of social impact. – M., 2000.
8. Polenina S. V. Theoretical problems of Soviet legislation system. – M.: Published by «Nauka», 1979.
9. Senyakin I. N. Specialization and unification of Russian legislation. Problems of theory and practice / Edited by M. I. Baitin. – Saratov: Published by Saratov University, 1993.
10. Spencer H. The bases of sociology. Part I–VIII. Translated from English. – SPb., 1876, 1877, 1898.
11. Syrykh V. M. Logical bases of general theory of law in 3 volumes. V.3. Modern understanding of law. – M.: RAP, 2007.
12. Philosophical encyclopedia dictionary. – M., 1983.

*Sadikov Allayar Adilbaevich, Karakalpak
State University 2nd course student,
the department of history and law.
E-mail: nietulla.orinbetov.84@list.ru*

Administrative and territorial structure, state system and social-economic situation of Karakalpakstan

Abstract: In this article given administrative and territorial structure, state system and social-economic situation of Karakalpakstan. And said about a little karakalpak historical places and outstanding people.

Keywords: Amudarya, Sulton-Uvays, Jokargi Kenes, Council of Ministers, Chilpyk, Nukus, Kungrad Soda, karakalpakstan jaslari.

Karakalpakstan is located in the north-western part of Uzbekistan, in the lower reaches of the Amudarya river and the southern shores of the Aral sea. Karakalpakstan occupies a territory of 166.6 thousand square kilometers and thus. Karakalpakstan borders with the Republic of Kazakhstan in the north and west, the Navoi region in the east, Khorezm and the Bukhara regions in the south-east and with Turkmenistan in the south.

The Sulton-Uvays Mountain Range is the largest among other mountain ranges. On the foothills of the Sulton-Uvays is the Baday-Tugay Park. The Amu Darya (the lower streams) is the only river that flows through

the given area. Its wide delta is very rich in reeds. There are many streams, lakes and swamplands in the river delta with major agricultural areas and irrigation canals located on its right shore. There are a variety of natural resources such as gas, iron, phosphorus, bentonite and kaolin clay, salt, marble, and granite. Climate is typically continental with dry and hot summers and relatively cold winters. The general rainfall is in autumn and spring.

It has highest footprint of all areas of the republic of Uzbekistan. It is population exceeds more than 1 million 736,5 thousand people (2014 year 1 january esti-

mate). The administrative territorial structure of the republic consists of 14 districts and 2 cities. There are Amudarya, Beruniy, Karauzyak, Kegeyli, Kungrad, Kan-

glikul, Muynak, Nukus, Takhtakupir, Turtkul, Khodjeyli, Chimbay, Shumanay, Ellikkala and the cities of Nukus and Takhiatash.

The republic of Karakalpakstan has its own constitution, which doesn't contradict with that of the republic of Uzbekistan. The constitution of the republic of Karakalpakstan was adopted on April 9, 1993. The republic of Karakalpakstan has its state emblem, flag and anthem.

Karakalpakstan is a sovereign republic within the republic of Uzbekistan with a parliamentary form of government.

The Jokargi Kenes (parliament) of the Republic of Karakalpakstan is the legislative body of the state, which consists of deputies, elected from territorial districts of the Republic, on a multiparty basis for a five year term. The Chairman of the Jokargi Kenes of the Republic of Karakalpakstan becomes a deputy of the Oliy Majlis (parliament) of the Republic of Uzbekistan and is elected to the post of Deputy Chairman of Oliy Majlis. The Jokargi Kenes of the Republic of Karakalpakstan has the right to nominate a candidate from each electoral district on its territory as deputy to the Oliy Majlis of Uzbekistan. Also, it has the right to legislative initiative during sessions. In the last elections to the bicameral parliament and local kengashes of people's deputies the Republic of Karakalpakstan elected: 6 members of the Senate of the Oliy Majlis, 8 deputies of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis, 65 deputies to the Jokargi Kenes (parliament) of the Republic of Karakalpakstan. [1, 24–26]

The Council of Ministers, approved by the Jokargi Kenes of the Republic of Karakalpakstan, is the highest executive body in the Republic of Karakalpakstan. The Council of Ministers of the Republic of Karakalpakstan consists of a Chairman, Deputies of the Chairman, Ministers, Heads of State Committees, as well as the heads of major state companies and associations. Due to position that he/she holds, the Chairman of Council of Ministers of the Republic of Karakalpakstan is included to the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. There is a permanent representation of the Council of Ministers of the Republic of Karakalpakstan to the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan in Tashkent.

The judiciary in the Republic of Karakalpakstan is independent from legislative and executive branches of power as well as political parties, and other public associations. Judges are elected for a five-year term. [1, 27–38]

In Karakalpakstan the agriculture well developed. There grows: cotton, rice, melons, watermelons, vegetables, karakul sheep, and cattle.

Karakalpakstan is also rich in natural resources, including rich flora and fauna, hydro resources, hydro carbonic resources, and also minerals and various treasures of the soil. Very rich oil fields and gas reserves have also been discovered. In this respect the Ustyurt plateau is very promising. There are also large deposits

of gold, iron, phosphorus, molybdenum, granite, marble, color sand, lime among others.

In Karakalpakstan has a lot of historical places and cities. They are taking tourists attention with its history and its ancient. We can say Gyaurl-Kala,

Ayaz-Kala, Toprak-Kala, Koy-Krylgan-kala, Chilpyk, Janbas-Kala, Mizdakhan and etc, like this places and cities. [2, 11,23,50]

They speak Kara Kalpak, a language belonging to the Kipchak subgroup of the Altai family of the Turkic group of languages. Ethnically they are connected to the tribes that once inhabited the desert areas of the Syr Darya and the outskirts of the Aral Sea. During the 16th and mid-18th centuries, the majority of Kara-Kalpaks lived on the mid and lower streams of the Syr Darya River. With their semi-nomadic lifestyle, they irrigated the land, farmed, kept livestock, and fished, while during the second half of the 18th century most Kara-Kalpaks resettled in the Syr Darya delta, flowing west — Jana Darya. The traditional occupation of the Kara-Kalpaks, livestock farming, is in harmony with agriculture and fishing. In the 19th century, the resettlement of Kara-Kalpaks to the Amu Darya Delta was completed.

The Kara- Kalpak Autonomous oblast (province) was established in 1924 and became part of the Kazakhstan SSR. Later, in 1930, the Kara-Kalpak Autonomous oblast joined the Russian Soviet Federated Socialist Republics. In 1932 the Kara-Kalpak Autonomous oblast was restructured into the Kara-Kalpak Autonomous Republic and was finally incorporated into Uzbekistan in 1936.

The traditional food of the Kara-Kalpaks is fruit and vegetables, meat and fish. Of course, traditional Kara-Kalpak cuisine is enriched with dishes of other nations, but even these new meals are adapted to suit traditional tastes.

The history of the unique handicrafts of the Kara-Kalpak people goes back centuries. From ancient times, the art of wood engraving, leather processing, weaving and embroidery are highly developed. The decorations of Kara-Kalpak yurtas include carpets, stair-carpets, rugs,

loom-work of soft brown, purple, soft green, and yellow colors. The traditions of the Kara-Kalpak applied art have been preserved until today.

The history of the Kara-Kalpak nation is rich and ancient. Its national culture, unique, classic literature, customs and traditions are well known beyond its borders. Popular legends such as “Alpomys”, “Kyrkyz”, “Koblan” are the literary reflection of the rich history of the Kara-Kalpak nation. Through the centuries, classical poets such as Jien Jirau, Ajiniyaz, Berdakh, Otesh, A. Musaev, J. Aymurzaev produced poetry, and other writings. The works of Ibragim Yusupov, Tulepbergen Kayipbergenov, and Tilovbergen Jumamuratov are well known outside the Republic, as well. [3, 104–134]. Famous scientists such as Sobir Kamolov, Marat Nurmuhamedov, and Charjoy Abdirov have made significant contributions to the development of science in Uzbekistan.

Modern Karakalpakstan is a republic with a developed economy. The main branches of economy are connected with reprocessing of agricultural products. The cotton reprocessing is the leading branch of industry. The oil refinement and cottonseed reprocessing are two closely related industries. The largest industries of the Republic: are the Takhiatash Hydro Electricity Station, Kungrad Soda Manufacturing Plant, as well as joint ventures “Cateks” and “Elteks”.

Education is also considered very important. At present more than 754 secondary schools, 10 academic lyceums, 91 professional colleges, a university, a pedagogical institute and 4 university branches in Karakalpakstan.

There are more than 440 NGO’s registered in Karakalpakstan. There is also a news agency and 45 publications in print such as “Amu Tongi”, “Erkin Qaraqalpaqstan”, “Vesti Karakalpakstana”, and “Istiqlol va qonun”, “Qaraqalpaqstan jaslari”, “Sawda press” and others.

In 2009, the first radio station of Karakalpakstan was opened. The station is called Nukus FM, which broadcasts on radio wave 100.4 MHz and only in Nukus. The radio doesn’t broadcast online, but one can listen to the samples online on the music website of Karakalpakstan.

References:

1. The Constitution of Karakalpakstan. – N.: Qaraqalpaqstan, 2014.
2. Xojaniyazov G, Hakimniyazov J Qaraqalpaqstan a’jayip jeti esteligi. – N.: Bilim, 2004.
3. Mambetniyazov T, Bekbergenova Z, Mambetniyazova M XX a’sirdegi Qaraqalpaq a’debiyati. – N.: Bilim, 2006.

Contents

Section 1. Archaeology	3
<i>Romashko Aleksandra Vladimirovna</i>	
Metal cauldrons' sizes in relation to social status of Scythians buried with them	3
Section 2. Demography and ethnography	6
<i>Sorokin Sergey Anatolievich</i>	
The history of urbanization in Japan	6
Section 3. Study of art	12
<i>Allamuratova Xurliman Nurullaevna</i>	
Karakalpak national clothes differences	12
<i>Lupovskaya Khristina Pavlovna</i>	
"Lead us to the truth, the good, and the tea table" (the unknown collage of artist Varvara Bubnova)	14
<i>Mdivani Tatsiana Gerassimovna</i>	
Spätromantische harmonische Techniken, oder Besondere Tonalitätszustände im Schaffen von R. Strauss und G. Mahler.	17
<i>Chai Hong</i>	
Questions about studying the specifics of chinese traditional painting.	21
Section 4. History and archaeology	24
<i>Babenko Lyudmila Leonidovna</i>	
Participation of Soviet sekret services in closing down the churches and religious structures in Ukraine (1920–1940ies)	24
<i>Chinguiz Oveys Gajar, Nazila Bagir Soltanova, Leila Vahid Karayeva, Rahimov Nizami</i>	
Bronze bracelets — the cash equivalent of the Bronze Age	27
<i>Zeynalov Arif Einaly ogly</i>	
European charm of the Caucasus, Azerbaijan.	30
<i>Koshovyi Sergii Anatoliyovitch</i>	
Features of development of ancient China during the Warring States	34
<i>Lupovskaya Khristina Pavlovna</i>	
Martha Vyacheslavna Shchepkina (by the 110th anniversary of her birth)	40
<i>Otamas Inna Grigorevna</i>	
Sources from the history of introduction of records keeping in management processes (by the example of Cherkassy region, Ukraine, 1970s – 80)	45
<i>Petrova Valentina Dmitrievna</i>	
Radionewspaper in Yakutia	47
<i>Khramkova Elena Lenarovna</i>	
The history of the Republic of Tatarstan during the Great Patriotic War in studies of A.Sh. Kabirova	51
Section 5. Cultural studies	55
<i>Gordeev Vladimir Anatolievich</i>	
Interference of folk heritage and ethnic culture on the formation of the dance vocabulary Polesie	55
<i>Markevich Larisa Anatolyivna</i>	
Synthetic artistic language of ukrainian national ballet performance as a result of ethno-national identification of the Ukrainian choreographic culture.	58
<i>Nykorak Nataliia Yurievna</i>	
Features musical dramaturgy of vocal cycle Y. Yaroslavenko "Spring Nights"	63

Tereshchenko-Kaidan Lily Vladimirovna

Handwritten Slavic (kirilichnoe) heritage monastery Zograph located on Mount Athos —

sample diversity of Slavic Culture 67

Section 6. Linguistics.....71

Kozhukhovska Iuliia Vitaliivna

Slot FANTASY in frame structure «Ship as a means of travel» in Modern

Greek Poetry of XX century.....71

Radchenko Marina Vasilievna

Active processes in word formation of modern Russian and Croatian languages.....74

Schirjaeva Oksana Witalijewna

Informativ-analytischer Mediendiskurs des Business-Presse: kognitiv-kommunikativer Analyse.....79

Section 7. Pedagogy 82

Mirsa Natalja Viktorowna, Andrejewa Olga Alexandrowna

Über die Formierung des fremdsprachlichen Kompetenzbereiches der Studenten der

nichtsprachlichen Fachrichtungen der Hochschule 82

Akhmedova Muminat Garunovna

Regional factors in the formation of teacher's ethno-cultural competence.....85

Hauriak Elena Dmitrievna

Development of the theory of physical education of a person in the works of Ukrainian teacher

Hrygorii Vashchenko (1878–1967) 88

Gromova Olga Nikolaevna

The relevance of the professional development preparation of specialists of economic

profile in the context of globalization 93

Ermakova Iulia Igorevna

Implementation of regional component in the interpreters' linguistic training as an important

aspect of the professional competence formation 96

Zaichenko Nataliia Ivanivna

Establishment of social and pedagogical ideas in Spain in the context of regenerationism in

late XIX and early XX century.....100

Kondrashova Olga Wladimirowna

Entwicklungsumgebungsgestaltung der zukünftigen Manager der Organisationen: Lernziele 103

Kredenets Nelia Dmitrievna

Forming the professional competence during the practical trading in younger

specialists in the field light industry.....106

Shashtygarin Mussa Mustafievich, Kudassova Gulmira Zhenisovna,

Mukhangaliyeva Shnargul Aidabaevna

The use of computer technology in the educational field of “Technology” 112

Lobach Natalia Vjacheslavovna

Formation of information and analytical competence of future doctors by means of electronic

educational and methodical complex 115

Lyashenko Mariya Sergeyevna

The use of Learning Management System (LMS) in teaching a foreign language in the university.....118

Nemchenko Sergey Gennadievich, Berdyansk State Pedagogical University

Traditional and reflexive management of an educational institution: peculiarities and differences.....123

Pazylova Altynay

Questions of studying language and improve the communicative in the

non-linguistic environment 126

Pozdnyakova Natalya Olegovna

The introduction in the educational process of automated educational systems 129

<i>Sulyma Oksana Viktorovna</i>	
Kindertagesbetreuung für Kinder unter drei Jahren in Deutschland	131
<i>Filippova Yuliya Sergeevna, Timofeeva Natalia Borisovna</i>	
Children with mental retardation in primary schools.	134
<i>Shadiev Rizamat Davranovich, Kamolov Iftixor Baxtiyorovich</i>	
Pedagogical model of professional education in jewelry art: basic parameters of the concept	137
<i>Shmakov Efim Vitalievitch</i>	
Dynamique des indicateurs de l'organe de la vision chez les jeunes sportifs et sportives atteints par la myopie de faible intensité et le spasme d'accommodation.	142
Section 8. Political science	145
<i>Krylov Dmitry Anatolyevich</i>	
Stubs development: Life in politically backward country	145
<i>Shamin Igor Valerevich, Kuklina Alla Serguéievna</i>	
Perspectivas para el desarrollo de las relaciones entre España y Rusia. La crisis en Ucrania	154
<i>Spivak Marina Viktorovna</i>	
Public transformations and threats to the health of humanity	156
Section 9. Psychology	160
<i>Lomakovskaya Irina Semenovna</i>	
Once more about the family	160
<i>Sheleg Liliya Sergiivna</i>	
Personal characteristics as the psychosomatic disorders determinant for law enforcement officers	164
Section 10. Sociology	169
<i>Budanova Alexandra Borisovna</i>	
Development problems of the political Internet communication in Ukraine	169
<i>Vanina Claudia Ivanovna</i>	
Sociological views of A. P. Shchapov	173
<i>Sodikova Shohida</i>	
The role of the older generation in the education of young people.	178
Section 11. Philology	181
<i>Bigeva Larisa Halidova</i>	
Kategorie Expressivität und Ihre Arten	181
<i>Bicharova Mariya Mikhailovna</i>	
New approach to genre classification of mass-media discourse	183
<i>Brodyuk Yuliya Mykolayivna</i>	
Artistic expression of time-space in trilogy «Zhmenyaky» by M. Tomchaniy	186
<i>Dushyna Svetlana Aleksandrovna</i>	
Maksym Rylskyi's intimate epistolary as a form of poet's creative individuality embodiment	189
<i>Ierusalimsakaia Anna Alexandrovna</i>	
Dephraseologisation as a way to create language-game in online communication	193
<i>Kamilova Saodat Ergashevna</i>	
The conception of an individual in modern Russian and Uzbek short stories	196
<i>Koneva (Haan) Marina Gennadiyevna</i>	
Apprentissage des langues autour des médiations artistiques (art-thérapie de coloriage)	199
<i>Mustafina Gulzhan Kanapiyevna, Nikambaeva Saule Serikposynovna,</i> <i>Suleymanova Svetlana Aynadiyevna</i>	
Anglicisms in the names of popular professions (on the material of Kazakhstani press)	210
<i>Nikambaeva Saule Serikposynovna, Suleymanova Svetlana Aynadiyevna, Mustafina Gulzhan Kanapiyevna</i>	
Interpretation problem in Literary Studies	213

Section 12. Philosophy	216
<i>Kozlova Olga Valerievna, Lyudogovskaya Natalia Aleksandrovna</i>	
Contradictions of patriotism in modern Russia	216
<i>Pankova Ekaterina Sergeevna</i>	
Human “bodies”: social and philosophical approach	219
Section 13. Economics and management	224
<i>Arefiev Sergey Olegovich</i>	
Competence-intellectual enterprise restructuring	224
<i>Barida Nadezhda Petrovna</i>	
The influence of the monetary policy`s transmission mechanism on the effectiveness of money issue and development of the economy	226
<i>Buryak Oleh Petrovich</i>	
Experience of anticrisis state administration of foreign countries and possibility of his adaptation is to Ukrainian terms	229
<i>Vasilyeva Tetiana Anatolyevna, Sysoyeva Larysa Yuryevna,</i> <i>Vysochyna Alina Vladimirovna</i>	
Peculiarities of the local finance systems: evidence from European countries.	233
<i>Igebaeva Fania Abdulhakovna</i>	
The choice for enterprise management style of agrarian production	235
<i>Mazitova Alisa Rifilevna, Tasmukhanova Alfiya Ersainovna</i>	
Systematization of restructuring in the oil and gas production complex.	238
<i>Poljakow Andrej Vladimirovich</i>	
Perspektiven der Entwicklung von Wirtschaft, Marketing und Management in der Republik Kasachstan	243
<i>Poljakow Andrej Vladimirovich</i>	
Die Zollunion	244
<i>Portnova Natalia Arkadiyevna, Sorokin Sergey Anatolievich</i>	
Demographics of the US economy	246
<i>Salnikova Olga Fedorivna</i>	
Conceptual principles of development of supervising documents concerning transformation of the military-industrial complex of Ukraine	251
<i>Sakharova Larisa Anatolievna</i>	
Industry of Russia in global measurements	254
<i>Stefanchuk Elena Nikolaevna</i>	
The decline in industrial employment and value added growth	260
<i>Strizhyk Uliana Romanovna</i>	
Analysis of consumer industry of Ukraine	265
<i>Filchakova Natalia Yurievna, Vovchenko Natalia Genadiyevna</i>	
The algorithm of financial monitoring in order to detect the risk of the Bank’s participation in the process of money laundering	269
Section 14. Science of law	274
<i>Bobrik Vladimir Ivanovich</i>	
Application of the action approach in investigation of the problematic issues of optimization of civil proceeding	274
<i>Gerasymchuk Nataliia Viktorivna</i>	
“World government” or world without order	277
<i>Moiseewa Tatiana Michailovna</i>	
Gesamte Eigentum des Vermögens der Ehegatten in Russland	280

<i>Nedvedskaya Valery Anatolievna</i>	
The grounds and procedure limits the constitutional rights of citizens rassledovanie military crimes investigation authorities of Russia	283
<i>Ochir-Goryaeva Irina Kalinovna</i>	
General principles of regional governance in Russia: historical and legal analysis	285
<i>Nesterova Nadezhda Vladimirovna</i>	
Some features of the regulation of a civil contract	288
<i>Petrov Dmitriy Evgenyevich</i>	
Impact of socio-economic factors on differentiation of law	290
<i>Sadikov Allayar Adilbaevich</i>	
Administrative and territorial structure, state system and social-economic situation of Karakalpakstan.	292

